

Вера Викторовна Камша
Сердце Зверя. Том 1. Правда стали, ложь зеркал

Отблески Этерны – 5

Текст предоставлен правообладателем <http://www.litres.ru>
«Сердце Зверя : том 1 : Правда стали, ложь зеркал. Цикл «Отблески Этерны» : кн. 5»:
Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-31798-1

Аннотация

Излом Эпох... Странное, неустойчивое время, но великие бедствия из полузабытых пророчеств не спешат обрушиться на Кэртиану в отличие от столь привычных людям войн, интриг и предательств. Шар Судеб катится все быстрее. Гаснут маяки и звезды. Золотой Договор превращается в пустые слова. Древние знания отброшены или искажены, но человек остается человеком и во тьме, и в тумане.

Робер Эпинэ – и не только он – пытается защитить тех, за кого считает себя в ответе. Альдо Ракан – и не только он – рвется к древнему могуществу. Ойген Райништайнер – и не только он – подбирает осколки прошлого, пытаясь разглядеть в его зеркале грядущее. Лионель Савиньяк – и не только он – уже ведет бой. Куда толкнет Шар Судеб равнодействующая их усилий?

«Отблески Этерны» вспыхивают ярче, чтобы уже скоро погаснуть. И произойдет это в трилогии «Сердце Зверя», которая начинается романом «Правда стали, ложь зеркал».

Вера Камша
Сердце Зверя

Гаснет мир. Сияет вечер.
Паруса. Шумят леса.
Человеческие речи,
Ангельские голоса.

Человеческое горе,
Ангельское торжество...
Только звезды. Только море.
Только. Больше ничего.

Без числа, сияют свечи.
Слаще мгла. Колокола.
Черным бархатом на плечи
Вечность звездная легла.

Тише... Это жизнь уходит,
Все любя и все губя.
Слышишь? Это ночь уводит
В вечность звездную тебя.

Георгий Иванов

Мы погибли бы, если б не погибали...

Фемистокл

Книга первая

Правда стали, ложь зеркал

Время – камни собирать.
Время – быть, а не казаться.
Всё, что можешь ты сказать,
Не откладывай на завтра.

Разделение людей,
Непрощенные обиды,
Разделение идей,
Монолитных только с виду.

Отводить не смей глаза
От всесильного мерзавца.
Всё, что можешь ты сказать,
Не откладывай на завтра.

Год Дракона – трудный год,
Время зрячих и незрячих.
Кто-то камни соберет
И за пазуху их спрячет.

Что нам век сулит опять? —
Крик погрома? Грохот залпа?
Всё, что должен ты сказать,
Не откладывай на завтра.

Александр Городницкий

Автор благодарит за оказанную помощь Александра Бурдакова, Олега Вертинского, Марину Ивановскую, Данила Мелинца (Rodent), Кирилла Назаренко, Юрия Нерсесова, Ирину Погребецкую (Ira66), Анну Полянскую (Lliohtar), Михаила Черниховского, Татьяну Щапову.

**Пролог
Агарис
400 год К.С. 1-й день Весенних Скал**

1

Волны помнят. Ветер, тот забывает, Молния ударит и простит – пепел уже невиновен, вчерашний день канул в Закат, Скалам довольно знания, а Волны помнят и ждут. Долго ждут, то играя, то плача. Песня Волн – песня памяти, песня времени, песня жизни. Кто сказал – «изменчив как волна»? Кто решил, что сила есть твердость, мудрость – покой, прощение – благо? Волны бьются в берега, крича о минувшем.

Скалы молчат. Скалы стоят. Скалы рушатся. Волны вечны, тысячелетия для них значат мало, века – ничего. Скалам неведома мудрость бега, им ведом покой. Ветер не думает, он лишь дышит. Молнии не плачут, никогда не плачут, а кто не плачет, тот не поет, не любит, не ненавидит...

Рассвет. Первый рассвет весны. Солнце высветило горизонт на востоке, но само еще не показалось. Андиевы шторма уже три дня как улеглись. Море стало спокойным и дружелюбным, радуя людей берега, а те уже проснулись и торопятся к своим лодкам. Они думают о ветре, о рыбе, что ходит в глубинах, и о наживе. Слепцы, они ничего не чувствуют и боятся не полдня, а полуночи. Они живы морем, они принадлежат морю, но сами даже не пена по краю прибоя. Люди слепы и глухи, это Волны знают, не видя, а Скалы ждут, всегда ждут... Пестрые скалы у маленькой деревушки, примостившейся рядом с великим Агарисом; им осталось недолго ждать, совсем недолго.

Утренняя суeta на берегу. Кто-то споро управляется с сетями, кто-то сталкивает в воду лодки, догоняя отлив. Молодой рыбак обнимает жену, двое постарше ссорятся, а самые расторопные, торопясь на утренний лов, уже выходят из бухты. Солнце выныривает из волн красным спрутом, пенные гребни становятся розовыми. Все как всегда... Нет! Уже вышедшие в море суденышки торопливо поворачивают; суматошно взмахивая веслами, они бросаются к отмелям в стороне от деревни.

Только что отплывшие рыбаки, ничего не понимая, тревожно переглядываются, поднимают весла; лодки замирают посреди розовеющей воды черными пятнами. На берегу кричат и размахивают руками, заходятся плачем чайки, вторя им, ошалело лает и носится вдоль кромки воды черная собачонка. Что-то грядет – теперь это чувствуют все.

Тянутся минуты. Свет стекает вниз по склонам, выметая тени. Замолкают люди, но птицы кричат все громче, и собачонка не унимается, а вот и *они* !.. Одно- и двухмачтовики с узкими обводами и сильно наклоненными вперед форштевнями заполняют горизонт, врываются в рыбацью бухту, несутся к берегу. Скалятся клыкастые пасти, грозят хищные клювы, раздувают ноздри змеезубые морские кони. Корсарские фациески! В хорне от Агариса...

Вода кипит под чужими веслами, еще немного, и мориски достигнут деревни. Рыбаки кидаются прочь, криками поднимая на ноги округу. Бежать, спастись, прятать семьи... С шумом, с плачем, с проклятиями люди выскакивают из домов, бросая нажитое годами добро. Скорее! Прочь от нежданной, невозможной беды. Зря – цепочки темных фигур заступают путь, оттесняя беглецов назад, к жалким беззащитным домишкам, а фациески с лошадиными, соколиными, кошачьими головами на форштевнях с хрустом и шорохом выбрасываются на прибрежную гальку. Переваливаясь через борта, на берег сыплются

десятки, сотни двуногих зверей. В широких темных рубахах, с обвязанными головами, с кривыми широкими саблями и короткоствольными мушкетами... Они всемогущи, они могут творить все, что вздумают, но даже не смотрят на скованную ужасом добычу. Быстро и деловито пришельцы собираются у своих кораблей. Кричат чайки, шипит в гальке морская пена...

Понятный лишь морискам сигнал, и пестрый поток устремляется прочь от деревни. Мимо бесценных для рыбаков сетей, распахнутых дверей, растрепанных перепуганных женщин. Идут быстро, почти бегут. Отстающих подгоняют вожак, их головы повязаны алым, сабли обнажены. Короткие резкие окрики не дают засмотреться на плохо прикрытые груди, вырвать из судорожно сжатых рук узел с пожитками, заскочить в подвернувшийся по дороге дом.

Несколько бесконечных минут, и корсары исчезают за апельсиновой рощей. Остается охрана у судов, остается цепь «сторожей» на берегу. Они никого не трогают. Переговариваются на своем языке, поглядывая то в сторону Агариса, то на свои фациески. И еще они смеются. Смех, равнодушие, чужие клинки. Неопределенность. Страх.

Широкоплечий пожилой мориск в алой безрукавке поверх рубахи не спеша подходит к растерянным рыбакам. Смотрит не на женщин – на мужчин. Выбирает. Кто-то вжимает голову в плечи, кто-то отодвигается, норовя укрыться за соседской спиной, но двое вскидывают головы.

– Вы! Объясните медузам. – Знакомые слова, на загорелом лице что-то похожее на улыбку... На усмешку обнявшей форштевень крылатой кошки. – Надо сидеть тихо. Вы не нужны... В этот раз – нет.

Поворачивается спиной, все так же неспешно возвращается к своим. Алое пятно еще долго притягивает взгляд. Рыбаки послушно затихают. Они ждут, сами не понимая чего, и вместе с ними ждут мориски, чайки, выброшенные прибоем водоросли, сухие сети, белая колоколенка. Непрочную тишину разрывает грохот, донесшийся из-за прибрежных рощ, за которыми лежит святой город Агарис. Грохот пушек...

2

Голос пушек не отличить от грома, людям не отличить, но гроза никому не служит. Гроза не убьет просто так, гроза не закончится, не свершив, что должно. Тогда она стихнет, и станут слышны песни и шум тростника. И в зеленых глазах печали, и в цветах, что всегда молчали, отражаясь и умирая, не иссякнет волна живая, не иссякнет песня и память, станет месть веками и снами, извиваясь в узорах листьев, убивая клинком и мыслью, засыпая и просыпаясь, не остынет и не истает...

Дым и вечерний сумрак почти скрыли окружавшие Теониев холм кварталы Бархатного предела – самые богатые кварталы Агариса. Вчера, когда торжествующие мориски через взорванные ворота и оставленные без защиты внешние стены ворвались в припортовые, а затем и зажиточные районы, вспыхнуло немало пожаров. До самого утра огонь разгонял темноту над терзаемым городом.

Агарис кричал от боли под ударами неистовых чужаков. Стрельба, песнопения, стоны, грохот рушащихся стен... Так было всю ночь, так было утром, к вечеру огонь устал. Огонь – но не сталь и не мориски. В припортовых кварталах всю хозяйничали корсары, потроша склады и богатые дома. Высоких воинов в алых плащах, вырезавших на Старой стене большую часть гарнизона, добыча не прельщала. Морские шайки свое сделали и свое получили, Алые явились за другим – за тем, что гнездится в Теониевой Цитадели, оскорбляя море, берег и небо. Оно порождает грязь и само есть *грязь*.

Серые стены, сухость пеплом забивает горло. Раньше на серый холм было не подняться, сейчас там просто больно, но надо открыть дорогу и спеть...

Смутная текучая тень возникает на краю колодца рядом с храмом Семи Свечей. Ей тяжело, очень тяжело, ведь она тоже дышит, тоже пьет, тоже испытывает боль, только

ненависть сильнее боли, сильнее отвращения, сильнее небытия. Скоро серое станет алым, алое канет в синеву, и вернется песня... Она будет петь и помнить о начале и конце, как и раньше, когда на этих берегах было *чисто*.

Выше, еще выше, туда, где надрываются от плача колокола. Она должна увидеть все, тогда из дыма и ненависти сплетется напев. Тихим плачем цветов сожженных, колокольчиком прокаженных и нестройным воплем набата в этот город пришла расплата. В город гнойной луны, невинных и виноватых... Бесконечные крыши вниз. Темные крыши, рыжие мельтешащие огни, запах гари. Он не горек, ей не горек, а вот *грязь* ... Она еще здесь. Чувствует. Видит. Бойся. Вот она – кучка людей на стене...

Стоят, мрачно смотрят вниз. Серые одежды, серые лица, серые мысли. Сколько таких было на этом холме! Они мнили себя всемогущими, они судили, велели убивать и убивали сами. Серые всегда жили долго, но эти скоро умрут... Они считают факелы и думают об утреннем штурме и о смерти. Хорошо, что они думают... Глупости трудно мстить, глупость невозможно испугать, глупость умирает, закрыв глаза. Эти умны, как может быть умно серое. Они боятся и надеются, они хотят жить, хотят властвовать, мстить, разносить свою грязь, но прежде всего – жить!

Пусть хотят. Пусть надеются. Пусть вновь предадут, а если не предадут...

– Солдаты ненадежны, особенно те, кто был на Старой стене. Эти демоны... Те, кто имел с ними дело, напуганы. Они не верят, что можно спастись.

– Демонов видят многие. Даже там, где их нет...

– Помоги нам Создатель, сколько же здесь этих порождений Заката?!

– Брат мой, а вы не пробовали... Орден Истины недаром славится...

– Я уже сорок раз повторял – ничего не действует. *Ни-че-го!*

– Жаль, Аристид и его «львы» далеко. Слава для того и создана, чтобы беречь нас от напастей... От таких напастей.

– Кто же виноват, что магнус Леонид скончался столь внезапно? Не вы ли?

– Я?!

– Вы путаете следствие с причиной, брат. Не отдай конклав «куниц» нашим добрым прихожанам, Леонид бы не стал опасен. И нам не пришлось бы... принимать меры.

– И все равно это было недальновидно.

– И не только это. Гоганы явились из Багряных земель... Вдруг это вторжение – ответ на законное желание очистить Святой город от демонопоклонников и чернокнижников? Вы что-то сказали, достойный брат?

– Не отвлекайте магнуса Юстиниана, он вспоминает, сколько золота взяли у «рыжих» его люди. Только зачем оно сейчас? Разве что предложить морискам...

– Гнусные язычники! Даже не попробовать начать переговоры... Не предложить сдаться. Ни здесь, ни в городе, ни в фортах... Идут вперед в своих красных тряпках и режут...

– Братья, они явились за нами... За нами! Аристид обо всем узнал от гоганов... «Рыжие» платили Славе, иначе с чего бы Леонид встал на дыбы?

– Слава бросила нас, потому что знала. Стал бы Аристид горевать из-за... предшественника?! Это не повод возненавидеть братьев во Ожидании и покинуть конклав!

– Вы бы на месте нового Льва испытали благодарность?

– Какая разница, что бы я испытал?! Я не магнус Славы и не умею сражаться с демонами.

– Да, братья, мы бессильны перед слугами Чужого, но разве настал день последний? Для Агариса – возможно, но не для Церкви и не для служителей ея. Светлый Престол там, где Эсператор или... конклав. Гальтара, Кабитэла, Агарис...

– Паона...

– Нет, братья. Эйрехт, Липпе, Хёгреде...

Ветер кружит пепел. «Это смерть!» – сулит он. Ветер не лжет, зачем ему лгать, только есть смерть и *смерть*. Сталь милосердной волн. И огонь милосердной, и даже яд... Голос ветра слушают сердцем, но эти сердца полны гноя. Им не понять, где кончается их страх и начинается их смерть... Гной сердца велит бежать. Сейчас, пока церковные гвардейцы еще готовы умирать на стенах, пока корсары грабят Бархатный предел, пока горожане молятся и проклинают, пока не пришло утро и безжалостная красная волна не захлестнула Цитадель, как накануне захлестнула город.

Серые голоса делаются глуше, шепот становится свистом:

- Здесь мы ничего не сделаем...
- Наша гибель будет напрасной...
- ...семь выходов...
- Только не тот, что выводит на Торквиния...
- ...стоит еще раз...
- ...сколько можно повторять... мы стали слепы и глухи...
- ...на берегу искать не станут...
- ...успеть до рассвета...
- Там гвардейцы Эсперадора...
- ...Юнний уже ничего не понимает...
- ...его душа... уже в Рассвете...
- Капитан Илласио не оставит Эсперадора...
- ...и не откроет без его приказа решетки...
- Я мог бы это уладить, но... Один из магнусов не вправе решать за... конклав.
- ...но Эсперадор решать может. Церкви в этот трудный час нужна сильная рука...
- ...и благочестивое сердце...
- Такое, как...
- Да ляжет Светлая мантия на плечи достойнейшего.
- Орстон...
- Мэраторн! Я тронут, дети мои, но нужно спешить...
- Спешить... спешить...

Серые люди торопливо спускаются во дворы. Пусть уходят, скоро они услышат, как смеется закон и поет возмездие. Пусть бегут навстречу хохоту, они увидят, они все увидят сами... Злостью злость, криком вопль, хохот – смехом отзовется тающим эхом, с комариным сравняется писком... Только зелень лунного диска, только гной из глубокой раны, нанесенной клинком багряным. Конский цокот в ночи тоскливой, лунный глаз над сломанной ивой, и Волна в тростниках прибрежных отзовется голосом прежних. Скоро пламя станет рассветом, зелень – кровью, трясина – пеплом, пусть горит Агарис, серый город да станет склепом...

4

В храме Семи Свечей просят помощи у Создателя. Богатые и бедные, молодые и старые, женщины и мужчины сжимают свечи и повторяют на разные голоса вечные слова. Дым от курений возносится к куполу, мешаясь с гарью, а слова песнопений сливаются с плачем, сетованиями, хохотом и выкриками обезумевших. Поет хор, поет, несмотря ни на что. Две сотни монахов возносят хвалу небесам, а воины в алом готовятся к последнему рывку. Все меньше часов, все меньше серых гвардейцев остается между храмом и клинками пришельцев, но монахи еще поют, а паства еще надеется, лишь первые из служителей Его один за другим незаметно покидают обреченный храм. Все, кроме одного...

«Да спасутся те, кого можно спасти, да войдут они в хрустальные врата...»

Блеснул эмалевым крылом голубь – одинокий Эсперадор опускается на колени между старухой с безумным лицом и раненым капитаном. Старуха смеется, капитана бьет дрожь, но

Эсператор их не видит. Он смотрит в Рассветные врата. Он просит – не за себя, сам он мог бы спастись... Он так думает. Он ошибается... Черным змеям и белым птицам в день последний выпало слиться в полный боли клубок тревоги на последнем крутом пороге. На исходе грядущей ночи, где секунды столетия точат, где в глухих глубинах колодцев неживущее шевельнется.

Поодиночке, тихо, члены конклава стекаются в старую ризницу. Она служит для хранения всяких мелочей, без которых даже церковь не может обойтись. Служила...

Тела гвардейцев, несговорчивых гвардейцев, оттаскивают от невзрачного сундука. Лица мертвецов искажены, на губах – пена, а на каменном полу – осколки стаканов и разлитое вино из орденских закровов. Вино, поднесенное защитникам Цитадели одним из тех, кого защищали умершие...

Уходящих без малого три десятка. Будущий Эсператор, магнусы, кардиналы, несколько надежных – не чета мертвому капитану – охранников и доверенные слуги, нагруженные ценностями. Все они друг за другом исчезают в темной дыре. Со стуком падает крышка, дрожат красные лужи, издалека доносятся песнопения – обреченный хор все еще просит пощады, но беглецы уже не слышат.

Они идут темными галереями, идут долго, спотыкаются, тяжело дышат, меняют факелы. Воздух то становится затхлым, то наполняется сразу и свежестью, и дымом. Порой шарканье и топот перекрывает кашель, кто-то на кого-то натывается, раздаются отнюдь не богоугодные слова. Идут.

Чем дальше Цитадель, тем спокойнее уходящие. Они почти уверились, что выскользнули из западни, и думают о будущем, о том, кто займет освободившиеся места, что делать с мятежным Аристидом, со слугами и охранниками, которые хоть и нужны, но знают слишком много.

Пройдено больше половины пути. Привыкшие к носилкам и каретам старики дышат все тяжелей, с натугой переставляют ноги, завидуют несущим факелы и мешки молодым. Тяжело, очень тяжело, но никто не просит об отдыхе. С каждым шагом приближается неприметная прибрежная расщелина и с ней спасение. Возле Агариса десятки рыбацких деревушек, там найдутся лодки, или нет... Сперва должны уйти мориски. Они не задержатся – что язычникам делать на пепелище?

Идущий впереди офицер насторожился, подал знак, замер, положив руку на эфес. В шуме шагов ему что-то почудилось – словно бы прошуршала по камням змеиная чешуя. Показалось? Осторожность не помешает. Охранники обнажают оружие, двое осторожно выходят вперед, поднимая повыше факелы. Слушают. Смотрят.

Старческий кашель, потрескивание огня, смех. Женский. Очень тихий и очень мелодичный. Или это журчит вода? В подземельях немало колодцев и родников...

Офицер неуверенно улыбается и делает шаг вперед. Остальные стоят, ждут. Да, это ручей. Берег совсем близко – недаром стало легче дышать. Пахнет влагой и ночными цветами. Что-то тихонько звенит. Мерзавец-слуга небрежно обошелся с бесценным грузом? Не до него. Осталось совсем немного. Скоро они увидят небо, скоро они отдохнут... Отдохнут...

Бешеный порыв ветра убивает огонь. Звуки ударов, стоны, звон, полные ужаса вопли и все тот же смех. Схватка стихает так же стремительно, как и началась. Вспыхивает одинокий факел, высвечивает искаженные старческие лица, золотую россыпь на окровавленном полу, мертвеца в сером мундире. Станные тени на стене, блики на чужих гребенчатых шлемах и опять темнота и шаги, но уже в обратную сторону. Запах лилий, журчанье воды... Я – змея, я волна, я дева, стон любви и гримаса гнева. Я жива, я мертва, я вечна, я стрела, что летит навстречу, я клинок, что вонзится в горло, я смотрю, я пою, я помню... Я ждала этот день, этот день возвращенных Молний...

Неясная тень, она вновь примостилась на перилах самой верхней площадки колокольни. Ключья дыма, вообразив себя облаками, охотятся за меркнувшими звездами. День догнал ночь, и пришла весна. Волна разбилась о Скалу, и проснулся Ветер. От весны к

осени. От жизни к смерти. От любви к ненависти. От огня к пеплу и от пепла к огню. Лето – не вершина, лето – перевал. Полдень – не солнце в зените, полдень – это расплата. Волна – не забвенье и не измена, Волна – это память...

Мерно шагают по галереям бесполезные стражи, блестя дула мушкетов, орган все еще жалуется и молит, но хор стих – люди не способны петь вечно...

Она ждет, положив подбородок на сцепленные руки; огромные немигающие глаза смотрят в небо, зеленое, как они сами. Осталось совсем немного. Она чувствует это сквозь сухость и грязь, она может уйти, но ей хочется встретить рассвет здесь. Одной. В последний раз.

Ожидание становится наслаждением, когда оно на исходе. Сотни лет смотреть на эти шпили, ненавидеть и ждать... Те, кто утолял ее жажду, те, кто исполнял договор, разорваны в клочья. Она ощущала их смерть и муку корчащихся в огне стеблей и листьев. Эта боль держит ее здесь, боль, память и ненависть.

Розовые губы слегка улыбаются. Кажется, что зеленоглазая грезит о любви, но она предвкушает иное, оно уже поднимается из глубин, как песня и буря. Тонкая рука нетерпеливо отбрасывает серебристую прядь и вновь ложится на балюстраду. Только ненависть может ждать долго, только ненависть станет песней. Синей песней, рожденной болью, сердцем моря, горечью соли, только ненависть станет песней, ожиданием тоже станет на рассвете из сна и стали, на заре в предчувствии молний, только ненависть может помнить...

Зеленоглазая опустила взгляд в то мгновенье, когда из невзрачного строения в одном из внутренних дворов одна за другой выскользнули несколько стремительных смутных фигур. Не успев ни крикнуть, ни простонать, умерли на галереях часовые, а из предательской ризницы уже валили воины в гребенчатых шлемах, и вместе с ними в Цитадель вступала смерть. Захлебываясь ужасом, в последний раз всхлипнул и замолк орган, и, словно отвечая ему, на колокольне раздался тихий журчащий смех. Реквиемом по гибнущему Агарису.

Часть 1

«Башня»¹

Люди не могли бы жить в обществе, если бы не водили друг друга за нос.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1

Замок Савиньяк

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. 2-й день Весенних Скал

1

– Так что, вы говорите, они делают? – Графиня Савиньяк рассеянно открыла шкатулку с оленями на крышке и углубилась в созерцание фамильных гарнитуров. Увы, находящихся в полном беспорядке.

¹ Высший аркан Таро «Башня» (**La Maison Dieu**) символизирует разрушение отжившего, его невозвратность; это конец существующей ситуации под влиянием внешних сил, осознание которого приходит через озарение. Рядом с хорошими картами означает окончание черной полосы в жизни, избавление от тяжелого груза. Эта же карта может означать и потерю счастья, хаос, утрату стабильности и безопасности. **Перевернутая карта(ПК)** : зависимость от существующих обстоятельств, ограниченность возможностей. Вы вынужденно идете старой дорогой, будучи не в силах ничего изменить.

– Ждут в Красной Приемной, – с удовольствием доложил седовласый дворецкий и по собственному почину добавил: – Уже час.

– А сколько сейчас времени? – Арлетта близоруко сощурилась. – Пять уже есть?

– Только что пробило.

– Я и не заметила, – соврала госпожа графиня, вертя в руках обрамленный алмазами рубин. – Пусть постоят еще полчаса... Я завершу туалет и... Раймон, граф Валмон пообедал?

– Почти, сударыня.

– Значит, я ошиблась. Мне понадобится около часа. Мятежники подождут, пока графиня Савиньяк выбирает кольцо.

– Это не совсем мятежники, дражайшая Арлетта. – Стоило его помянуть, и Валмон появился, в очередной раз подтвердив свою репутацию закатной твари. – Это те, кого взволновали известия о съезде дворянства семи не примкнувших к мятежу графств. Старший из ваших старших сыновей назвал бы их людьми дальновидными.

– Зато двое из троих назвали бы трусами. – Арлетта наклонилась над сверкающим клубком, не желая смотреть, как таскают кресло с человеком, в которого она в юности была влюблена. Разумеется, слегка и, разумеется, до встречи с Арно. Изловчившись, графиня ухватила прабабкины сапфиры, стараясь не слышать скрипов и топота. Ей самой, окажись она в положении безногой колоды, чужой взгляд был бы неприятен. И Бертраму неприятен, как бы он ни хорохорился.

Облюбованное кольцо заупрямилось, намертво сцепившись с порванной пару лет назад золотой цепью. Сейчас Бертрам примется ворчать, что драгоценности следует хранить в предназначенных для этого гайифских футлярах. Жозина с Карой тоже учили подругу беречь вещи, а верный Раймон тридцать с лишним лет пытается привести украшения госпожи в порядок. Только Арно не мучил ее коробочками и шкатулочками. Он просто дарил рубины и янтарь. Когда бывал дома...

– Попробуйте изумруды, – раздалось за спиной. – Сегодня они уместны.

– Среди разумных трусов нашелся кавалер, которого пожилая дама не пошлет к кошкам без помощи укрепляющих целомудрие камешков? – оживилась Арлетта, выкапывая из-под кэналлийских подвесок торское ожерелье.

– Не думаю, что здесь найдется пожилая дама. – Валмонский затворник слегка качнул огромной головой – на волосок вправо и тут же на полволоска влево. – Иное с кавалерами. Савиньяк осчастливили даже не отцы семейств, но деды и, кажется, два прадеда.

– Тогда почему изумруды? Хотя будь по-вашему. – Графиня вызволила наконец гордость торских ювелиров и, возвращая былые годы, по-девичьи легко опустила перед гостем на ковер. – Бертрам, вас не затруднит застегнуть и объяснить? Душить меня не надо – я ничего вам не завещала, а Гектору – тем более. Как он, кстати?

– Ваш брат выехал в Ардору на воды. – Толстые, куда свиным колбаскам, пальцы ловко справились с миниатюрной застежкой. – Мне грустно об этом говорить, но лекарь подозревает камень в почке.

– Изумруд? – предположила с детства обожавшая братца Арлетта. – Я поняла. Мне, как урожденной Рафиано, следует носить те же камни. Гектор в почке, я – на шее...

– Сдаюсь, прекрасная эрза, как назвал бы вас никчемный сюзерен проклятого мною сына. – Будь Бертрам здоров, он бы отступил назад и застыл в изысканном поклоне. – Я отказываюсь от намерения вынудить вас перейти к делу первой, ибо держать прадедов на ногах более часа неразумно. Они будут слушать не вас, но свои подагры и ревматизмы, а нам следует заставить их думать о вещах более приятных. Например, о том, чем оплатить прекрасные порывы внуков и глупость сыновей.

– Давайте о делах, – с готовностью согласилась графиня, возвращаясь к зеркалу. – Вы уже знаете, что в Фельпе больше нет Дуксии?

– Знаю, – колыхнул всеми подбородками Валмон. – Недовольные больше не сетуют на избранников птице-рыбо... девы за неимением таковых, Франческа Скварца обрела душевный покой и умиротворение, а адмирал Джильди – герцогскую корону. Что думает об

этом ваш младший старший сын?

– Старший младший, – поправила Арлетта. – Эмиль считает, что дуксы – зло, а военные – добро. Особенно кавалеристы, но он согласен и на моряков. Они, кстати, и заняли Дуксию. Это было так мило... Во время последнего сортэо, если я не путаю название, из коробки с номерами выпрыгнули пауканы. Дуксы закричали, и неудивительно. Я бы на их месте упала в обморок. Если бы была в корсете... но дуксы, видимо, корсетов не носят.

При Бертраме можно не шутить, при нем можно даже плакать, да что там плакать, рыдать в четыре ручья, как она рыдала, узнав про Арно... Плакать можно, только Валмон болен, на нем висят уцелевшие графства, если не что-то большее, а с Эмилем обошлось. Это Марсель сейчас целуется с гадюками. Чушь, что женщина должна искать поддержки у мужчины; поддерживать надо того, кому тяжелее.

– Пауканы скакали по всему залу, – графиня с отвращением передернула плечами, – дуксы тоже. Тогда капитан охраны попросил господ не волноваться и на время ловли монстров перейти в комнату для переговоров. Дуксы перешли. Там их ждала вдова адмирала Скварца. Очень сердитая. Надо сказать, в комнате для переговоров нет окон и только одна дверь, ведущая в зал с пауками...

Арлетта закрыла шкатулку и подкрасила губы, завершая туалет. Бертрам ждал продолжения. Эмиль вряд ли догадался ему написать, вот матери он под настроение пишет... Лионель, тот пишет чаще. Не столько дражайшей родительнице, сколько сестре экстерриора и влиятельной в Приморской Эпинэ особе. Ну а Арно – вылитый Эмиль десять лет назад. Если б не Жермон, она б не знала о безобразнике ничего.

– Представляете, моего старшего младшего сына пытались убить во сне. Такая глупость!

– Возмутительно. – Огромная лапища коснулась набалдашника трости, с которой Бертрам не расставался никогда. – Фельпцев извиняет лишь невежество. Откуда дуксам знать, что Савиньяка можно убить только в бою...

– Савиньяка еще может убить друг, – Арлетта провела рукой по лицу, словно снимая паутину, – а это были всего лишь наемники. Скорее всего, гайифские. Главного Эмиль спросонья прикончил, второй знал не так уж и много. Эмиль хотел пристрелить мерзавца, но этот мальчик... Его подобрал Росио, а теперь взял мой сын. Этот мальчик напомнил об убитом фельпском адмирале и о том, что наш убийца может что-то об этом знать. Эмиль отослал негодяя вдове. Лионель поступил бы так же.

– Несомненно, – изрек Валмон, словно печать приложил, – разные побуждения часто приводят к одинаковым поступкам. Взять хотя бы «Историю Агарийской армии»... Этот выдающийся труд был написан сорок восемь лет назад тогдашним агарийским послом в Паоне и там же издан за счет хозяев. Гайифский император презентовал его дружественному агарийскому королю. Вчера я последовал его примеру.

– У мужа такой книги не было. – Арно вообще считал агарийскую армию недоразумением. «Юг, – смеялся он, – разучился воевать лет сто назад». Тогда графиня Савиньяк в военном ничтожестве гайифцев и агарийцев не сомневалась. Это было нетрудно – она жила с любимым в великой стране и ни за что не отвечала.

– «История Агарийской армии», да будет вам известно, делится на три части. – Бертрам не смотрел на Арлетту, как десятью минутами раньше она не глядела на его носильщиков. – Первая часть повествует о победах Золотой Анаксии и Золотой же Империи, ведь среди солдат и офицеров могли затесаться предки будущих агарийцев. Во второй части повествуется о подвигах уэртского корпуса, пришедшего на помощь Гайифе в начале Двадцатилетней войны; при этом все попавшее в промежуток между Золотой Империей и Олларами куда-то исчезло. Затем историк переходит к подвигам агарийской армии, сражавшейся с алатскими и талигойскими полчищами. Эта часть наиболее примечательна. Там в каждой главе подробно расписывается сражение у какого-нибудь оврага или огорода. Описание прерывается на самом возвышенном месте, после чего следует напечатанное мелким шрифтом примечание под названием «Причины неудач». И так все восемнадцать

глав.

Увы, не так давно в гариканской королевской библиотеке случился пожар. Я не уверен, что книга уцелела, вот и отправил Его Величеству Антонию отыскавшийся у меня экземпляр.

– Я, кажется, догадываюсь зачем. – Арлетта с нежностью посмотрела на гостя. – Не знаю, права ли я. Вы слишком вежливы, чтобы сказать правду, если я ошибусь...

– Это вы слишком вежливы, – парировал Валмон, – выслушивая по старой дружбе мою болтовню. Я послал «Историю Агарийской армии» королю Агари с наилучшими пожеланиями и одним-единственным вопросом: желает ли он вписать в изданный в Гайифе том очередную главу с очередным примечанием или же считает книгу законченной... Но как же вы правы, надев эти изумруды!

– Разумеется, – подтвердила графиня Савиньяк, – ведь эти камни напоминают о Бергмарк, о том, что по крови я – Рафиано, и о нашей состоятельности. Отношение бергерров к мятежникам общеизвестно, но с Рафиано всегда можно договориться, хотя за нанесенный ущерб мы берем дорого.

– Вы забыли главное, – ухмыльнулся Валмон. – Изумруды удивительно подходят к вашей коже и зеленому бархату. Вы собирались их надеть и без моего совета, не так ли?

– А вот этого, – с достоинством произнесла графиня, – вы никогда не узнаете. Бертрам, я ценю ревматизмы наших гостей. Сейчас нам подадут шадди с печеньем, вы прочитаете письма моих сыновей, и мы спустимся.

2

«Мой дорогой друг! Мы ведь друзья, не правда ли, причем я Ваш друг дважды. Не думайте, будто я не понимаю, чем Вы рискуете, спасая дорогого нам обоим человека, так располагайте мною и моим именем как Вам угодно.

Слушая рассказы старого Габайру, я словно бы воочию вижу Вас с кудряшками и пряжками, склонившимся перед скоропалительно переодетым молодым человеком. Я понимаю, что последний вознамерился жениться на деньгах моего отца и чужой реликвии, и очень надеюсь, что, ловя радуугу в небе, он споткнется о ведро. Посылаю Вам четыре длинных незапечатанных письма. Надеюсь, они достаточно глупы, чтобы очаровать «жениха», ведь я перенесла в них кое-что из дневника моей сестры; кроме того, они помогут Вам изучить мой почерк. Я не знаю, что Вы задумали, но у меня нет сомнения в том, что Ваш план увенчается успехом. Вы умны, смелы и преданны, я же могу лишь молиться за тех, кто мне дорог, что и делаю, хотя предпочла бы разговору с небесами нечто более действенное.

Прошу Вас передать герцогу Алва, что я останусь его преданным другом, с кем бы он в будущем ни связал свою судьбу. Мое сердце и моя дружба, в отличие от моей руки и моего разума, принадлежат лишь мне. Отец это знает. Он доверяет мне почти так же, как Габайру, а Вам почти так же, как мне, но Вами он еще и восхищается.

Берегите себя. Это не вежливость, это искренняя просьба. Я боюсь за Вас не меньше, если не больше, чем за герцога Алва, ведь Вы – обычный человек, хоть и «весьма дальновидный и своеобразно мыслящий» (угадайте, кто дал Вам столь лестную характеристику). Посылаю Вам точные копии своей личной печати и большой печати отца. О первом он осведомлен, о втором – нет.

Любящая Вас Е.».

«Любящая...» И это принцесса! Еще никогда виконт Валме, а ныне граф Ченизу не был столь близок к тому, чтобы прослезиться. Елена Урготская была удивительной девушкой, а Альдо Ракан – удивительной дрянью, но дрянь эта по-прежнему восседала во дворце и, в отличие от несчастного Надора, проваливаться не торопилась.

Марсель скомкал письмо и, не перечитывая, отправил в огонь под сонные вздохи Котика и писки присланной Капуль-Гизайлем морискиллы. Печати перекочевали в тайники,

устроенные Габайру в ручках кресел, а предназначенные жениху письма – в пошлейшую из найденных Марселем шкатулок. Перечитывать избранные места из дневника Юлии не тянуло – Валме верил своей принцессе на слово, – но долг есть долг. Полномочный посол Ургота развернул первое из посланий и присвистнул:

«С тех пор как наш бывший посол привез портрет Вашего Величества, Ваш образ неотступно преследует меня. Я вижу вашу светлоглазую фигуру, прожигающую взором окно с государственной думой на обрамленном львиной гривой челе. Стройный, хрупкий и непередаваемо одинокий, вы смотрите в темнеющую ночь. Вам дозволено все, но как же вы страдаете, скрывая страдания под маской полночного холода...»

Марселью скрыть страдания не удалось. От хохота виконта морискилла замолчала, а Котик вскочил и неуверенно, чуть ли не по-щенячьи тявкнул.

– Все хорошо, – попытался успокоить пса Марсель и вдруг представил прожженное гривастое окно, омраченное государственными думами, – это прос... то... прос... О Леворукий и все кош... окошки его!..

Котик чихнул и принялся вдохновенно чесаться, стуча лапой по наборному паркету. В камине мирно горел огонь, на лаковом столике омерзительно блестела розовая шкатулка. Смех иссяк, осталось дело, которое можно было начинать хоть сейчас. Запечатать нелепое письмо, влезть в достойный грез принцессы Юлии туалет и отправиться испрашивать аудиенцию. Габайру вне досягаемости, подарки от Фомы прибыли, и их урготское происхождение не оспорит никто, а Рагану только свистни...

Вот именно – только свистни! Марсель, следуя дурному примеру, поскреб голову и перебрался к обрамленному не гривой, но занавесками окну, за которым бесновался дождь со снегом. Стало холодно. Не от клубящейся за стеклами серой жути – от задуманного. В том, что из негодных яиц он приготовит отменную яичницу, виконт не сомневался, но до оказии из Урготеллы замысел казался далеким, как лето. Теперь все зависело только от самого Марселя и немного от Марианны, но в красавице Валме был уверен даже больше, чем в себе. Баронесса сделает все, что он ей скажет, и не из страха или за деньги, а потому, что хочет того же, что и Елена. Ох уж эти женщины, хлебом не корми, дай поосвободить какого-нибудь маршала...

– Врррр, – сказал Котик и улыбнулся.

– Правду говоришь, – кивнул Валме, – я ничем не лучше моих дам. Даже хуже, а на улице – помесь болота с Килеаном. И все равно гулять мы пойдем. Леденящие душу замыслы лучше всего лелеять в леденящую тело погоду. Надо бы написать об этом проклявшему меня папеньке.

3

Стариков было жаль, особенно деда графини Пуэн, некогда приветствовавшего молоденькую новобрачную от имени дворянства Старой Эпинэ. Арлетта едва удержалась от того, чтобы протянуть престарелому барону руки и спросить о здоровье, но Бертрам уронил трость, и благой порыв был задушен. Смотреть в лица тем, кого знаешь с юности, трудней, чем выбирать давно выбранные драгоценности, но она сегодня не Савиньяк. Она – Рафиано, а Рафиано никогда не провалит переговоры! Арлетта поджала губы не хуже покойной Алисы и проследовала к одинокому, похожему на трон креслу, каковое и заняла. Месяц назад графиня принимала в нем дворян Приморской, Южной и Новой Эпинэ. Тогда зал был полон, пришлось даже вносить дополнительные скамьи, сейчас мебель убрали. Опустошенная приемная напоминала сразу бальную залу и церковь.

Заскрипело – втащили Валмона. Арлетта выждала, пока носильщики не опустят кресло, а камердинер не укутает ноги графа седоземельскими мехами, после чего как могла рассеянно оглядела сбившихся в кучку гостей.

– Вы хотели меня видеть, господа? Я в вашем распоряжении. – Хорошо, что она близорука и лица собравшихся кажутся просто пятнами. – К сожалению, ваш визит стал для

меня неожиданностью, и я не могу принять вас должным образом.

– Увы, – скорбно пророкотал Бертрам, – разрушение Сэ и необходимость спасти свою жизнь пагубно сказались на здоровье графини. Я уполномочен братом госпожи Савиньяк проводить ее на воды Рафиано, где она сможет отдохнуть от ужасов войны и заняться лечением.

– Мы отбываем рано утром, – слабо шевельнула рукой больная, – так что я не могу предложить вам ночлег, но придорожные гостиницы в Савиньяке по-прежнему неплохи. В них есть даже кэналлийское, хоть выбор и невелик...

– Вы ошибаетесь, – оживился Валмон, – выбор кэналлийского в Приморской Эпинэ на глазах становится богаче. Трактирщики узнают новости первыми, а кэналлийцы не станут пить чужие вина даже из вежливости, которой сейчас от них ожидать не приходится.

– Кэналлийцы? Вы говорите, кэналлийцы?! – не выдержал высокий сутуловатый старик. Его Арлетта не помнила, но все равно почувствовала себя волчицей в овчарне. Причем сговорившейся с псами.

– Да, – холодно произнесли старательно подведенные губы. – Насколько мне известно, армия Кэналлоа и отряды ополчения пройдут через Савиньяк на Олларию в середине месяца Весенних Ветров. Надеюсь, рэй Эчеверрии правильно воспримет мое отсутствие. Наш дом всегда был дружен с домом Алва, а в Кэналлоа умеют помнить не только зло. Не сомневаюсь, замок, в котором вы сейчас находитесь, не постигнет участь Сэ.

Первым на колени опустился дед Жаклин Пуэн, за ним – Агирре и, кажется, Шарли, остальные отстали настолько, насколько мешали больные колени и спины. Одиннадцать человек, младший из которых годится ей если не в отцы, то в очень старшие братья... Зрелище чужого унижения вызывало тошноту, и Арлетта опустила глаза, разглядывая собственные руки.

Третий камень в браслете казался чуть светлее соседей, а на серебре виднелась маленькая царапина. Графиня Савиньяк не помнила, откуда она взялась, она вообще ее не помнила. Браслеты вместе с колье привез Арно, но прислал их маркграф Бергмарк. Бергеры имеют обыкновение благодарить женщин, дарящих друзьям сыновей, а она родила близнецов...

Графиня рассматривала изумруды, а гости стояли на коленях и молчали. Кошки разодрали Колинъяров с их родичами и поощрявшим живоглотов Сильвестром, хотя какой с покойного спрос? Что посеяно мертвыми, пожинают живые, а что взойдет из сегодняшних зерен? Кэналлийцы Эчеверрии не опасней драгун Райнштайнера, но ее дело не успокаивать, а молчать. Остальное сделают Бертрам и страх.

За спиной мерно стучали часы, скреблись в окна ветви акации, время от времени поскрипывал пол, а со стен смотрели маршалы и генералы. Приемную Сэ украшали портреты взбалмошной Раймонды и шпалеры с ланями... Теперь ничего этого нет.

Арлетта всегда любила Сэ больше грозного Савиньяка. Три подруги в один год стали хозяйками трех почти соседних замков и женами троих друзей. Как это умиляло местное дворянство... но мир обезумел. Сэ сожгли в ночь смерти Жозины. Если б не барон из Бергмарк, графиня Савиньяк угодила бы в лапы сторонников глупыша Робера, и что потом? Встала бы она на колени? Из-за ковров и картин – нет, а спасая свою жизнь или, что страшнее, жизни близких? Как просто быть гордой издалека, когда все позади, а дети на той войне, от которой избавит только победа. Их победа, иначе просто не может быть.

– Господа, – голос Валмона звучал хрипло и прерывисто, – вам проще, чем мне. Вы можете встать на колени, а я не способен и на это. Мой бывший сын и бывший наследник приятельствует с агарисским самозванцем, а я могу лишь проклинать судьбу и помогать северным армиям и ополчению маршала Дорака. Конечно, никакое золото не искупит позора, покрывшего дом Валмонов...

– У вас не один сын, дорогой Бертрам! – спохватилась Арлетта. – А вашу помощь переоценить трудно. Лионель... Один из моих сыновей пишет, что купленные вами пушки выше всяких похвал.

Последнее письмо добиралось до Савиньяка без малого два месяца. О пушках в нем не было ничего, потому что пушек не было, но ходатаям нужен намек. Она намекнула.

– Графиня Савиньяк, – произнес дрожащий высокий голос, – графиня Савиньяк! Мы...

– Мы умоляем вас, – подхватил Агирре, – мы привезли письмо... Его подписало семьдесят два семейства... Мы просим переслать его графу Лионелю...

– И маршалу Дораку!

– С его здоровьем вернуться в строй! Неслыханное мужество...

– Во имя Создателя, будьте милосердны!

– Ваши дети вас послушают! Они всегда были почтительными сыновьями...

– Нас вынудили. То, что творили Колиньяры...

– Гаржиак отказал узурпатору в помощи. Мы тоже откажем...

– Это интриги Агариса...

– Эсператисты всегда... Всегда стравливали талигойцев друг с другом!

– Проклятье им!

– И Гайифе... Павлин привык воевать чужими руками...

– Наши дети защищали свою свободу и свою честь...

– Да, но они не желали зла Талигу!

– Мой сын – истинный талигоец...

– Только ваш?

– Перешлите письмо! Промедление смерти подробно!

– Графиня, вы же из знаменитой семьи. Вы – звезда Эпинэ, неужели вы хотите, чтобы сюда пришли эти... эти полушады?!

– Я готов оказать посильную помощь ополчению Приморской Эпинэ...

– Мой внук не хотел участвовать в мятеже! Его вынудили... Робер Эпинэ вынудил!

Нельзя одинаково карать зачинщиков и тех, кого угрозами...

– Что с вами, барон? В начале зимы вы гордились выходками вашего сына!..

– У вас нет совести, Клод! И никогда не было...

– Будьте нашей заступницей! Арлетта... Я не оговорился, я старше вас, я помню вас еще невестой, вы всегда были так добры!..

Она была не добра, а лишь вежлива. Добрым был Арно, за что и поплатился.

– Графиня, ответьте же!

– Скажите хоть слово!.. Одно только слово. Во имя Создателя!

Быстрый взгляд поверх склоненных голов и едва заметный кивок Бертрама. Все идет, как задумано, а графиня Савиньяк выдержит. Графиня Савиньяк возмущена и обижена. Ей до безумия жаль сгоревшего дворца, особенно шпалер и алатского хрусталя... Или буковых панелей и портьер алого бархата? Неважно! В мятежных графствах никто и никогда не узнает, что ходатаи ломились в открытые двери. Перемирие будет выстрадано, только тогда его не нарушат. Если б только с Арно был Валмон... но муж слишком хорошо думал о тех, с кем пил вино и болтал о дамах и охоте. Он поехал к Борну даже без адъютанта.

– Я тоже помню, – отрезала Арлетта и вдруг поняла, что не играет. – Я очень хорошо помню, что моего мужа убил мятежник, к которому он проявил снисхождение. В том числе и потому, что Каролина Борн была моей лучшей подругой. Как и Жозефина Эпинэ! И еще я помню горящий Сэ, и не только Сэ... Вы не раскаиваетесь, господа, вы боитесь. Адуанов Дьегаррона, которые уже успели вас потревожить, отрядов Дорака, моих сыновей, а теперь еще и кэналлийцев. Только поздно вспоминать о добре и Создателе, когда руки в крови, а за спиной – пепелища. Колиньяр был мерзким губернатором, но он не вешал, не поджигал и не резал спящих. И потом...

Ярость стихла так же стремительно, как и вскипела, потому что Сэц-Ариж заплакал. Он не пытался умолять, никого не обвинял и ничего не просил. Даже слез не утирал. Сэ жгли его сын и внуки, это Арлетта знала. Потом молодые ушли в Олларию с последним сыном Жозины, а старый барон остался.

– Герцог Колиньяр и его сообщники взяты регентом Талига герцогом Ноймариненом

под стражу, – бесстрастно объявил Валмон. – Как мне сообщил экстерриор Рафиано, в настоящее время Колинъяр и Манрик содержатся в Бергмарк. После войны их ждет суд, но, как совершенно справедливо напомнила графиня Савиньяк, ошибки и злоупотребления бывшего губернатора не оправдывают преступлений против Талига. Если б не мое личное несчастье, я был бы непреклонен, но мой бывший сын не оставил мне выбора! Арлетта, дорогая, я не могу встать перед вами на колени, но я умоляю вас о милосердии. Нет такой вины, которую невозможно искупить...

Сколько в том, что творят они с Бертрамом, лжи, а сколько – правды? Сразу и не поймешь, но войны в Эпинэ не случится! С провинции хватит Колинъяров и мятежа.

– Вы правы, Бертрам, – громко сказала графиня Савиньяк и обернулась ко все еще коленопреклоненным старикам. – Встаньте, господа. Я перешлю ваше письмо регенту Талига герцогу Ноймаринену и засвидетельствую, что дворянство Внутренней Эпинэ верно законной власти и предлагает свою помощь в борьбе с агарисским самозванцем и внешними врагами. Более того, я задержусь в Савиньяке и переговорю с рзем Эчеверрией. Какую именно помощь вы способны оказать Талигу, мы обсудим после обеда. К сожалению, короткого и не слишком обильного.

– Увы, – подтвердил Валмон, – нынешние времена не располагают к длительным застольям, но я на всякий случай привез с собой сыры, колбасы и приправы, которые несколько выправят положение.

– Я привез вино, – подал голос незнакомый дед или даже прадед, – лучшее вино Старой Эпинэ... Мы поднимем бокалы за сыновей нашей прекрасной хозяйки. За истинных сыновей Талига! За его маршалов!

Глава 2 Урготелла 400 год К.С. 6-й день Весенних Скал

1

«Скверный город Агарис взят нами во второй и последний раз . – Тергэллах, как и положено мориску, начал с главного. – Третья часть освободившихся кораблей будет у побережья Бордона не позднее, чем в середине Весенних Ветров. Главные силы я поверну на Рассвет. Скверная империя Гайифа ответит за причиненное зло, но для предотвращения зла нового Агернэ заключил союз с Зегиней и Садром. Время велит объединяться. Закон велит выжигать скверну. Сердце велит забыть о себе. Пятая звезда велит отвернуться от несущественного. Флот Агернэ пойдет с Заката вдоль горящего берега навстречу флоту Зегины. Мы соединимся в Паоне, и ее не станет» .

– За Межевymi островами не забывают ничего. – Фома изо всех сил пытался казаться спокойным. Герцог знал очень много и почти обо всем, но родичей-шадов все же не имел. Эмиль Савиньяк ущипнул гроздь синего винограда, подбирая слова. Он учился разговаривать с хитрецами, хотя разбить парочку капрасов было б и легче, и веселее, чем сидеть с Фомой и думать о политике. Обычно ургот чего-то хотел, а талигоец пытался понять, с чем лучше не соглашаться, но сегодняшние новости были понятней Савиньяку.

– На этот раз павлину хвостом не отделаться, – заверил маршал. – Если не ошибаюсь, «три звезды становятся одной», только вознамерившись кого-нибудь сжечь. Дотла.

Глаза Фомы расширились. Для него мориски все еще оставались источником товаров, а не войн. Маршал выждал еще пару мгновений и протянул союзнику исписанный острыми буквами лист, на который тот с вожделием поглядывал. Эмиль ничем не рисковал – морисская вежливость требовала посылать одинаковые письма всем, кто почитался союзником. То, что предназначалось друзьям, передавалось на словах проверенными гонцами. Рокэ в Фельпе три вечера кряду болтал о привычках и обычаях своей

багряноземельской родни. Между делом, под вино, поддразнивая любопытного Герарда. Рассказ прихотился кстати, как и визит шадов. Кстати приходилось почти все, что Рокэ когда-либо делал. Почти, потому что Ворон сложил крылья именно тогда, когда мир полетел в Закат.

— В любом случае, уладить дело с Бордоном теперь будет гораздо проще, — подал голос Фома. Герцог уже приходил в себя, хотя мощь вступивших в игру союзников его немало озадачила. Зато ургот окончательно уверился, что выбрал нужную сторону, и на переговоры со «скверными» странами теперь не пойдет. Даже за очень большие деньги.

— Мне бы хотелось услышать о подробностях набега. — Дипломатом маршал Эмиль был отвратительным, но за зиму кое-что все же усвоил.

— Мы выслушаем гонца сейчас и вместе, — качнул паричком Фома, — я не счел возможным расспрашивать его до вашего прихода. Гонца зовут Дерра-Пьяве. Он моряк. Это имя вам что-нибудь говорит?

— Говорит, — подтвердил Савиньяк, вспомнив совет Шантэри: отвечай односложно, когда собеседник набивается на подробности, но говори о погоде и здоровье, когда ему требуется «да» или «нет».

— Вы давно знаете этого капитана? — не отставал Фома.

— С прошлой осени. — Вернее, с развеселой кампании, которую и войной-то не назвать. Слишком просто все получилось... но легкие победы имеют обыкновение оборачиваться ударами в спину.

Барсовы Врата почитались неприступными, а разбить взбрыкнувших Борнов смог бы даже Манрик, только из Сагранны вернулись все. Это отец не пережил встречи со старым другом. Выстрел Борна убил радость матери и их с Ли юность... Брат ненавидит до сих пор и правильно делает.

— Дерра-Пьяве — надежный человек? — тоном опытного барышника осведомился Фома.

— Капитан всецело предан Алве, — откликнулся Эмиль, с трудом удержавшись от заверений в том, что фельпец особенно хорош в галопе.

Хозяин Ургота дважды тронул колокольчик.

— Не думаю, что нам понадобятся лишние уши, — доверительно произнес он. Эмиль улыбнулся. Возможно, это вышло многозначительно, но маршалу просто стало весело. Из-за Шантэри. Утром старик заметил, что обойти вниманием Савиньяка Фома не может, но больше он не позовет никого. Даже Елену, хотя наследнице и разрешалось время от времени подслушивать государственные тайны.

Через пять минут маршалу стало не до улыбок, потому что вошел Дерра-Пьяве. Нет, капитан не подрос, не окривел и даже не похудел, но прежний лихой коротышка исчез.

— Садитесь, мой друг, — мягко предложил Фома, но фельпец смотрел на талигойца, и Эмиль кивнул, превращая просьбу в приказ. Дерра-Пьяве уселся в коричневое кресло. Блеснула вороненая сталь. Таких пистолетов у капитана раньше не было.

— Вы были свидетелем штурма? — начал Фома. Капитан кивнул, глядя на свои сапоги. Он не хотел говорить, но желания — это для дам, а не для военных.

— Как удалось в два дня взять такой большой город? — Никаких узоров и украшений, безупречные очертания... Не Дриксен, не Гайифа и тем более не Рафиано. Пистолеты морисские и, безусловно, отменные, иначе Дерра-Пьяве не предпочел бы их прежним — помнится, очень неплохим.

— Да, мой друг, — подался вперед Фома, — как вышло, что Агарис пал столь стремительно?

— По тунцу акула была, вот и съела. — Дерра-Пьяве все еще смотрел на сапоги. — Принц Тергэллах привел полсотни линеалов и десятков шесть больших торговцев. С солдатами. Ватрахос покойный такой силище на ползуба был бы, но морискам показалось мало. Созвали чуть ли не всех морских шадов с их головорезами, а корсары сами сбежались. Сотни три с гаком, хотя большинство — мелочь. Осадка, как у утки, но для десанта — в самый раз. Они и начали...

– Вы знали нападавших? – Военные подробности Фому вряд ли волновали, но герцогу хотелось прийти в себя. Эмилю тоже.

– Кое-кого, – кивнул моряк. – Больше слышал. Про Зубана и Крысьего Пасынка по всему морю болтают... Правильно болтают, как оказалось. Но много было из этих, из восточных. С ними мы дела не имели. И опять правильно – от таких лучше подальше!

– Прибрежные пираты? – удивился Савиньяк. – Никогда не считал их опасными... для крупной дичи.

– Были и береговые, и те, что у Межевых орудуют. Только не стаей город брали, а армией. Дисциплину это сборище очень даже соблюдало. Конечно, опыт в открытую лезть у них небогатый, но приказы выполняли исправно. С кузеном Монсеньора не забалуешь, даже заявись он с одной галерой, а тут – флот! Мы такого в Померанцевом не видали еще, разве что на Марикьяре... Я в линеалах мало понимаю, но хороши зверюги!

– Они бастионы и брали?

– И они, и корсары, и шады... Артиллерии тоже хватало, и саперов привезли. Сдается мне, мориски, не те, что с островов, а настоящие, промеж собой не реже Талига с Дриксен цапаются, иначе с чего бы им так наостриться? Красиво высаживались, куда твоим дожам! Ни одной пушки не утопили.

– Высадиться – это еще не все, – проявил военную смекалку Фома. – Главное, как они воюют.

– В бою не видел, врать не стану, – на дубленой физиономии Дерра-Пьяве проступила досада, – в город нас не пустили. Мы, хоть и послы Монсеньора, и этот их, глазастый, раскуси его зубан... Глядел, будто покупать собирался, но вроде сошло... Даже на сходку свою пустили, но одно дело – вино вместе трескать, и другое – глядеть, как Святой город жгут. Я ведь эсперу ношу, мог и сорваться. И ребята могли, было с чего!

– Значит, самого боя вы не видели?

– Нет, но на улицах дрались все больше агерны. Они покрепче шадов, и потом благословение на них вроде... Или наоборот, но что-то там такое было непростое. Говорили об этом, когда... когда кончилось все.

Как же не хочется спрашивать, как именно кончилось. Не хочется – и все! И вообще для первого разговора хватит, остальное – вечером, в посольстве, под касеру. Гонцов и разведчиков, чье появление не скрыть, расспрашивают дважды. Один раз – для союзника, второй раз – для себя.

– А что Агарис? – тихо спросил Фома. – Как вышло, что гарнизон застали врасплох?

– Что Агарис? – В голосе Дерра-Пьяве послышался былой запал. – Плохо Агарис. Видать, конклав еще тупей дуксов был. Все проспали – и что можно, и что нельзя. Гарнизон вконец распустился, команды корабельные на берегу кур гоганских жрали... Хоть и ходили с осени разговоры о войне, никто толком и не чихнул. Оно, конечно, лет триста никто Святой город не трогал, но соображать-то надо! А конклав еще и с орденом Славы рассорился. Те, как магнуса ихнего кончили, ушли. С этим, новым, как его... Аристидом. Храм Адриана заперли и ушли... Нет, мориски все равно бы город взяли, но не в два же дня!

Дерра-Пьяве замолчал, выразительно косясь на ургота. Он знал многое, но говорить при чужих не хотел. Фома это понял не хуже Эмиля и, будучи эсператистом, предпочел остаться в неведении. Не красящие церковь дела его не занимали, а воинские подробности тем более. Герцог любил повторять, что лучше платить тому, кто сделает хорошо, чем сделать самому, но плохо. И платил. В данный момент – Южной армии маршала Савиньяка.

– Что стало с конклавом? – задал неизбежный вопрос Эмиль. – И что с портом?

– От порта только море и осталось, – начал с хвоста фельпец. Помолчал, глядя на все те же сапоги, и через силу договорил: – И от конклава тоже... Утопили их... На закате. Шутка ли, столько кардиналов и магнусов... Только Аристид и остался.

– А Юнний?

– Эсперадор раньше умер. – Мориски научили коротышку говорить коротко, а может, не мориски, а ужас. – То ли в дыму задохнулся, то ли упало на него что. Тергэллах так и

сказал – бросили, мол, того, кого поставили над собой, сами сбежали, а его, больного, покинули. И богов предали, сказал, и людей, а теперь и своего же главного. Ызарги, одним словом, ну так и смерть вам будет под стать...

2

Ызарги... Если б не примета, имечко бы кораблик сменил в тот же день, но чем назвал, на том и ходи, пока ходится. Ходи и помни, как дергались, вырывались, орали те, кто раньше поучал и судил... Как рыдали, пытались откупиться, молились, но таких нашлось лишь двое. Их пихнули в мешки первыми, дав закончить разговор с небом, и эти мешки были пустыми. Молившихся оставили наедине с Создателем, прочих провожали ызарги. Длинные, волосатые, шипящие твари. Не бравые – отвратительные. Их хватали двумя руками за основание шеи и хвоста и высоко поднимали, показывая смотрящим на казнь. Твари клацали зубами, высовывали серые языки, пытались извиваться, но их по одному совали к осужденному и затягивали веревку. Один человек, один ызарг, один мешок... К дергающемуся, воющему, шипящему мешку прикладывали печать Тергэллаха и что-то негромко говорили, словно считали. Носильщики в алых плащах подхватывали то, что еще жило, кричало, умоляло, и уносили по сходям на стоящую у берега галеру, над которой развевались узкие алые флаги. Магнусы и кардиналы исчезали один за другим. Последними были трое пытавшихся откупиться храмовым золотом... Скверным золотом, как сказал Тергэллах.

Мориски молчали. Даже корсары. Стояли, будто на смотре, и глядели на причал, на мешки, на галеру. Не улюлюкали, не кидали в осужденных всякой дрянью, но и глаз не опускали. Так они служили своим Грозам, они все время им служили – не хватались за обереги, когда припечет, не поминали всуе, не откупались, а жили. Веруя и помня, что заповедано. Потому и бросали чужих клириков в море вместе с ызаргами. Не за иную веру – за предательство того, чему клялись и чего требовали от других. А вот Аристиду победители не тронули, когда тот собрался разделить участь конклава.

Магнус Славы думал прорваться с боем – его пропустили. С оружием, со всеми спутниками. Несколько десятков «меченных львом» серым ручьем протекли сквозь алое поле. Они оказались возле мешков, когда последний магнус – магнус Чистоты – попытался целовать сапог стража в алом с белыми молниями плаще.

– Я отсутствовал, когда вы пришли, – сказал Аристид. – Теперь я здесь.

– Зачем? – спросил Тергэллах. Он мог выхватить саблю, мог подать знак стражам, но не сделал ни того, ни другого.

– Я – магнус Славы и член конклава.

– Верю.

– Я должен разделить судьбу моих братьев.

Аристид поворачивается к сидящему на земле магнусу. Стража опускает копья. Красные, как и все в этот день. Двое воинов в кошачьих шлемах делают шаг вперед. Они похожи, словно близнецы.

– Это не твой брат и ничей, – говорит Тергэллах. – Кто убил твоего предшественника?

– Не знаю.

– Ты обвинял конклав. Ты отказываешься от своих обвинений?

– Они больше не имеют смысла.

– Ты прав. Конклав МОГ убить Леонида, но Юнния он оставил без помощи, спасая себя и богатства. Эта вина очевидна. Очевидна и растущая из нее смерть. Дважды в нашем мире не умирают.

Магнус и мориск смотрят друг на друга. Ничего не делают, только смотрят. Рычит пока еще дальний гром – собирается гроза, а тех двоих, что заступили Аристиду путь, уже нет. Куда они делись? Может, кто и заметил, только не Дерра-Пьяве.

– Скверного города больше не будет. – Тергэллах отворачивается от адепта Славы и смотрит в наливающуюся свинцом бухту. – Те, кто был раньше тебя, забыли главное. Ты помнишь. Уходи и делай, что должно, там, где это возможно. Здесь ты не можешь ничего.

– Я могу здесь умереть.

– Нет.

Пара слов на чужом языке. Тяжелый удар грома. Крик. Нечеловеческий, визгливый. Тощий человек в сером – магнус Чистоты – бьется в руках красной стражи, проклинает, умоляет, обещает. Двое держат человека, двое – мешок, еще один – ызарга. Большого, толщиной в руку. Аристиды не держит никто, но магнус Славы словно бы окаменел. Как и его люди.

Чей-то взгляд. Холодный. Змеиный. Женский. Молодая женщина с очень светлыми волосами оперлась на мраморную балюстраду и улыбается. Перед ней лежит ветка лилий. Белых. Меж мраморных столбиков что-то серебрится, будто течет.

Рука Дерра-Пьяве сама тянется к эспере, над головой что-то сухо шелестит. Вот и все звуки, не считая криков. Женщина у балюстрады, не прекращая улыбаться, подносит к губам цветок. У нее зеленые глаза, не смотреть в них невозможно. Лилии медленно падают вниз, качаются на свинцовой воде у борта полной смерти галеры. Сходни уже подняты, вопли и шипенье стали глуше, но все еще слышны. Крики, гром, равнодушный плеск воды.

Две молнии разом ударяют в шпиль колоколен. Святой Торквиний и святой Доминик... Под громовые раскаты галера с красными флагами отходит от берега. Стоит мертвый штиль, на воде сонно раскачиваются белые цветы. Смерть, штиль, лилии...

– Значит, саму казнь вы не видели? – уточняет Эмиль Савиньяк. Талигойский маршал – душа-человек, но лучше б он поменьше походил на мориска. Потемнее был, что ли...

– Не видел, – подтверждает Дерра-Пьяве, а перед глазами маячат проклятушие лилии и зеленые глаза. Капитан запивал их четыре дня. Так и не запил.

Глава 3

Северный Надор

Хербсте

400 год К.С. 5-й день Весенних Скал

1

Савиньяка в наспех превращенном в ставку Проэмперадора трактирчике не оказалось. Вместо маршала пришедшего с докладом Давенпорта встретил Фридрих Дриксенский, вперивший мрачный, но победоносный взор в плохонькую герань. Известная всей Северной армии миниатюра была безупречной, розовая рамка с сердцами, лебедями и ландышами – ужасной, но Савиньяк полагал ее своего рода совершенством. Рассказывали, что юный Лионель увидел розовый ужас на каком-то постоялом дворе. Будущий маршал выкупил находку у хозяина за баснословную для того сумму, заменил святую Октавию на вдовствующую королеву и с тех пор возил с собой то ли на счастье, то ли на беду оригиналам, увязавшим в лебединых объятиях портретов.

Шли годы, менялись лица, но не сердечки и не ландыши. Когда в них ненадолго обосновался тессорий Манрик, рамку вызолотили и усыпали торскими изумрудами. Фридрих угодил в нее на исходе зимы. После почти месяца поисков прохода к Олларию Проэмперадор объявил – хватит, а вечером собравшихся на совет офицеров встретил Фридрих. Все стало ясно без слов – Олларию отдавали южанам, Северную армию ждала Торка.

Чарльз не хуже других понимал, что тащиться в обход ставшего обезумевшим решетом Надорского плоскогорья не только опасно, но и глупо. Марш в один конец хоть через Варасту, хоть через Бергмарк занимал не меньше двух с половиной месяцев, и это без самой

Оллари. На исходные позиции Савиньяк возвращался к началу лета, да и то в лучшем случае. Возвращался и заставлял хозяйничающих в приграничных городах «гусей» и «медведей», не считая воспрянувшей Каданы. Рисковать было нельзя, и маршал погнал армию на север. Расчетливо, стремительно и безжалостно, как и все, что он делал.

В середине Зимних Молний Савиньяк вернулся в Северный Надор. Оставалось ждать, пока не проявятся намерения противника, но Проэмперадор предпочел их предугадать. Давенпорт хорошо запомнил тот день, потому что накануне пришел пакет от регента, и с ним вместе – письмо отца. Старший Давенпорт не сомневался, что исход военной кампании начавшегося года решит фок Варзов, а столицей займутся Дорак и кэналлийцы. Чарльз просидел несколько часов, перечитывая под треск поленьев суховатые на первый взгляд строки. К вечеру капитан решил и отправился к маршалу, в первый и последний раз воспользовавшись в личных целях правом входить без доклада.

Савиньяк поднял голову от прижатой к столу Фридрихом, подсвечником и грубой глиняной кружкой карты. Он не был удивлен, он никогда не удивлялся. Даже узнав о землетрясении.

– Вот приказ. – Проэмперадор был, по своему обыкновению, краток. – Разошлите по частям сообразно списку и отправьте разъезды для проверки ключевых переправ. Всех.

Чарльз пробежал глазами бумаги. Чернила просохли еще не до конца. Казалось, олень на личной печати Савиньяка летит на помощь Победителю Дракона, только Олларию возьмут другие. Место Чарльза было с ними, но гаунау готовились к войне, и Савиньяк собирал всех, кого мог. В гарнизонах оставались не оправившиеся от ран офицеры, старики и обученные за зиму новобранцы. Уходить сейчас? К тем, кто со своим делом и так справится?

– О разрушенных переправах и незаполненных магазинах ². докладывайте немедленно, – уточнил маршал и, не дожидаясь ответа, вновь склонился над картой. Тень от подсвечника черной стрелой пересекала свихнувшееся плоскогорье, устремившись к Оллари, но столица на карту не поместилась. Нарисованный север кончался в Старом Надоре. Недалеко от места, где к отряду Давенпорта вышла нелепая короткохвостая лошадь с заиндевевшей мордой.

– Будет исполнено, – отчеканил капитан Давенпорт и вышел.

Он так и не сказал, зачем приходил, а Савиньяк не спросил, хотя не заметить нарушения субординации не мог. Проэмперадор говорил с подчиненными, когда считал нужным и как считал нужным. Каков он был с друзьями, Чарльз не знал и узнавать не собирался.

Наутро шеститысячный корпус генерала Кодорни выступил в сторону границы Бергмарк и Гаунау. Напрямик, почти по бездорожью. Основные силы тронулись через день. Нельзя сказать, что Савиньяк щадил людей и лошадей, но он хотя бы придерживался оборудованных магазинами дорог. Местные власти не подвели: мосты и переправы были в порядке, фуража и продовольствия хватало. Это не удивляло – Проэмперадор Севера не просто имел право вздернуть хоть бы и губернатора, он показал, что настроен более чем серьезно, а чиновники предупреждают друг друга об опасности не хуже крыс.

Армия преодолела две трети пути за пару недель, пора было поворачивать. Из Бергмарк сообщали, что, по всем признакам, Фридрих вместе с гаунау готовится ударить по перевалам, чтобы обойти Ноймаринен с востока. Весенняя кампания не обещала быть легкой...

За стеной зашумело, раздался голоса. Это мог быть Савиньяк, а мог быть гонец или выдернутый из войск офицер, но Давенпорт зачем-то одернул мундир.

– Хорошо, что вы тут, – соизволил одобрить вошедший маршал. – Соберите совет.

Савиньяк стянул перчатки и прошел к столу. На светлых даже для северянина волосах

² Магазины – продовольственные и вещевые склады, предназначенные для обеспечения армии.

таяли снежинки, полетевший на скамью плащ был мокрым. Следом за маршалом вошел начальник штаба и почти вбежал трактирщик с дымящимися кружками. В ноздри ударил запах специй, и Чарльз поспешно щелкнул каблуками, стараясь думать не о гроге, а о деле. Что-то начиналось. Что-то наконец начиналось!

2

Фигурки, приближавшиеся по снежной равнине к дальнему берегу Хербсте, казались игрушечными солдатами. Капитану Джильди они не нравились; вернее, не нравилось, что их так много.

– Вы полагаете правильным отправляться на переговоры вдвоем? – с деланным безразличием осведомился фельпец, разглядывая ползущих по снежному блюду букашек. – Дриксов несколько десятков, мало ли что взбредет им в голову. Не хотелось бы подвести герцога Ноймаринена и оставить адмирала цур зее в плену.

О том, что отправляться со связанными руками в Дриксен ему хочется еще меньше, Луиджи решил не упоминать. Барон Райнштайнер доводы спутника выслушал вежливо и еще более вежливо посоветовал:

– Оставьте свои южные опасения, господин Джильди. Предательство во время переговоров нам не грозит. Преступления варитов, хоть и приводили в прошлом к чувствительным бедам, – грубее и проще. Дриксы могут напасть без объявления войны, но не когда дело касается возвращения их пленных. Конечно, если вам неприятно не ощущать за спиной поддержку хороших мушкетеров, вы можете вернуться к отряду. В таком случае вам придется всецело положиться на меня.

– На вас иначе, чем всецело, полагаться невозможно, – улыбнулся Луиджи. – Я не поверну. Мне хочется взглянуть на ваших варитов вблизи.

– Вариты не могут быть моими, – не преминул уточнить бергер, – и я не думаю, что от их вида вы получите удовольствие, но любознательность следует удовлетворять. Осторожнее, придержите коня... Этот берег весьма крут; во время весенней кампании это принесет нам пользу, но сейчас будьте внимательны.

На лед спустились без приключений, и Джильди совершенно не к месту вспомнил, что Хербсте не только широка, но и глубока. Доверять замерзшей воде получалось не лучше, чем варитским традициям, а ползущие навстречу солдатики все росли. Луиджи уже различал офицеров, мушкетеров и еще кого-то трехцветного и крупного.

– Фельсенбург, – пояснил барон, хотя его и не спрашивали. – Напоминаю, что молодой Руперт является главной ценностью вашей сделки.

– Я помню, что я – жадный, – заверил Луиджи, чувствуя, как к нему стремительно возвращается отменное настроение – вариты и в самом деле не собирались пускать в ход численное превосходство. От основной группы отделилось двое всадников, одним из которых был трехцветный Фельсенбург. «Гуси» шагом направились навстречу талигойцам. До невозможности похожий на бергера офицер остановил тяжелого жеребца в шаге от Луиджи. Костистое лицо дрикса казалось ужасно серьезным, а к шляпе прицепился непонятно откуда взявшийся сухой листик. Это было смешно, и фельпец с трудом подавил неуместное хихиканье. Сверкнуло солнце, шаловливый ветерок осыпал съехавшихся всадников снегом.

– Генерал Южной Армии Его Величества Готфрида Хельмут Гутеншлянге. – Обладатель листика говорил на талиг. – Уполномочен командующим Южной армии принцем Бруно присутствовать на переговорах о взаимной передаче пленных.

– Командор Райнштайнер, – отчеканил бергер. – Уполномочен присутствовать на упомянутых переговорах от имени регента Талига. Представляю вам капитана Луиджи Джильди, находящегося на постоянной службе у собрано Кэналлоа.

– Представляю вам доверенное лицо дома Фельсенбург. – Генерал указал взглядом на трехцветного великана. – Граф Иоганн фок Ахтентаннен – двоюродный дядя Руперта фок

Фельсенбурга.

– Я доставил предварительно оговоренную сумму. – Дородный граф сразу же приступил к делу. – Герцог и герцогиня фок Фельсенбург испытывают надежду, что выдвинутые условия остались неизменными.

– Разумеется, – заверил Джильди и тут же вспомнил, что уроженцу Великого Фельпа следует проявлять больше жадности.

– В таком случае, – торжественно объявил Гутен-что-то там, – полагаю правильным произвести обмен следующим образом. Люди графа фок Ахтентаннена доставляют на середину реки выкуп. Люди капитана Джильди его забирают и пересчитывают. Когда капитан Джильди убедится, что выкуп внесен в полной мере, Руперт фок Фельсенбург перейдет реку. Затем с двух берегов одновременно начинают движение адмирал цур зее Кальдмеер и захваченные во время осеннего наступления офицеры армии Талига. Пленные встречаются на середине реки, где находимся мы с господином Райнштайнером. Если все проходит благополучно, в чем лично у меня не возникает никаких сомнений, стороны подтверждают совершение обмена и возвращаются каждый к своему берегу.

– Это разумно и обоснованно, – согласился бергер. – Представляемая мной сторона согласна.

– Проверка выкупа потребует определенного времени, – поднял флаг деловитости Луиджи. – Сегодня ветрено, господа. Не стоит ждать результатов пересчета на открытом пространстве.

– Как вам будет угодно. – Если за вежливостью скрывалось презрение к жадному южному неженке, дрикс сумел его скрыть. Райнштайнер слегка приподнялся в стремени, Гутен-кто-то-там ответил тем же, и договаривающиеся стороны благополучно разъехались по собственным следам.

– Вы намерены пересчитывать выкуп? – осведомился Райнштайнер.

– Я намерен не портить вам игру, – рассеянно откликнулся Джильди, любуясь синими тенями на снежном ковре. Зима заканчивалась, а Джильди так к ней и не привык. Холод фельпец переносил неплохо, но вот снега... Они то завораживали звездным блеском, зажигая в душе неведомую доселе радость, то давили свинцовой безнадежностью, то пугали безумной пляской... Стоило выглянуть солнцу, и Луиджи было не согнать с крепостных стен, зато в непогоду он забивался под крышу, как какой-нибудь воробей. Так, по крайней мере, утверждал Вальдес, настроение которого в последнее время менялось раз по шестнадцать на дню. Джильди не сомневался, что адмирал торчит в резиденции регента из-за Кальдмеера, но Ротгер даже не вышел к отъезжающим. Адмирал цур зее и его адъютант покинули Старую Придду в сопровождении чопорного Райнштайнера и двух десятков солдат. Не считая жадного фельпца, разумеется.

– Я объявлю пленным о достигнутой договоренности, – нарушил молчание барон, и Луиджи обнаружил, что они почти приехали.

– Что? – Утренний отъезд отчего-то не давал покоя. – Вы не думаете, что Вальдесу следовало быть с нами?

– Наличие среди нас адмирала, пользующегося совершенно определенной репутацией, – принялся объяснять бергер, – заставило бы дриксов искать в сделке скрытый смысл.

– Можно подумать, что сейчас его не заподозрят. Вы полагаете «гусей» безмозглыми?

– Сейчас подозрения останутся в головах тех, кому неприятно видеть Олафа Кальдмеера в Эйрехте. – Другой пожал бы плечами или махнул рукой, другой, но не Райнштайнер! – Сторонники Фридриха будут говорить, но им нечего сказать. Вы довольны теми солдатами, которые сегодня будут вашими матросами?

– Если они не заговорят. Жаль, я не догадался захватить с собой хотя бы Варотти. Это мой бывший боцман. Теперь он тенъент и мечтает разогнать дуксов и посадить в Фельпе короля.

– Очень своевременно, – одобрил планы Уго барон. – Нужно быть очень дурным

королем, чтобы быть хуже очень хорошего Совета. Но мы не решили, кто объяснит пленным подробности обмена.

– Все равно. Вряд ли возникнут сложности.

Луитджи ошибся, сложности возникли, и какие!

– Я отказываюсь, – звенящим голосом объявил ценный фок Фельсенбург. – Я перейду Хербсте только с моим адмиралом или вслед за ним.

– Руппи, – Кальдмеер казался очень уставшим, – перестань. Не все ли равно...

– Нет! Это... это унижительно для вас! Я не дам никому ставить... ставить деньги выше... чести и доблести!

– Лейтенант, – в голосе Райнштайнера прорезалось нечто вроде укоризны, – вы нарушаете субординацию. Вы не можете обсуждать решение генерала.

– Я его не обсуждаю, – пошел на абордаж Руппи, – я ему не подчиняюсь.

– Это приказ, – бесцветным голосом напомнил Кальдмеер. – Не следует начинать возвращение с нарушенного приказа, даже если он тебе неприятен.

– Если я нарушаю приказы, – уперся родич кесаря, – то делаю это осознанно!

– Похвально, что вы усваиваете не только уроки фехтования. – Ойген очень пристально посмотрел на упрямого лейтенанта. – Я полагаю, господин фок Фельсенбург, что вы имеете значительный шанс встретить на родине шутников, которые спросят, чему вас научил плен. И вам следует показать, чему и насколько успешно.

– Приложу все усилия. – Руперт покраснел, но почему, Луиджи не понял. Кальдмеер, видимо, тоже. – Господин адмирал, вы можете... вы можете списать меня с флагмана, но я вас не оставлю. Господин командор, я требую, чтобы господин Кальдмеер перешел Хербсте первым!

– Руперт! – Кальдмеер слегка повысил голос. – Приказываю вам... доложить генералу Гутеншлянге о моем скором прибытии и встретить меня на середине Хербсте. Исполняйте!

– Слушаюсь, господин адмирал цур зее, – отчеканил строптивец. Олаф тронул шрам на лице и уставился куда-то вдаль. Вспомнил предупреждение Бешеного или просто голова болит?

– Сперва я должен принять выкуп, – бодро объявил Луиджи. – Пожалуй, пора его встречать, иначе какой же я, к кошкам, фельпец?

– Господин Джильди, – скучным голосом объявил Райнштайнер, снимая с седла нечто завернутое в парусину, – подождите. Прошу вас засвидетельствовать, что я возвращаю господину Кальдмееру его шпагу. Поскольку господин Кальдмеер оказался на вашем судне в бессознательном состоянии и решение о сдаче в плен было принято не им, принадлежащее ему оружие по закону Марикьяре возвращается хозяину. Эномбрэдастрапэ!

– Эномбрэдастрапэ! – Луиджи, позабыв обо всех варитах и приличиях мира, уставился на адмиральский клинок. Очень простой. – На «Акулу»... адмирал цур зее попал без шпаги!

– Шпага была найдена по приказу вице-адмирала Вальдеса. – Бергер счел возможным почти улыбнуться. – На борту «Ноордкроне».

Узнавать подробности Луиджи счел излишним. Костры на вершине Хексберг и крылатые бестии, пляшущие среди насмерть схватившихся кораблей, были тем, что фельпец хотел выбросить из памяти навсегда. Другое дело, что, если б это удалось, Луиджи почувствовал бы себя несчастнейшим из людей, хоть и вряд ли понял бы причину...

– Капитан Джильди! – напомнил Райнштайнер. – Вы свидетель того, что оружие возвращено.

– Я – свидетель, – отчетливо произнес фельпец.

– Прошу... – чужим голосом произнес Кальдмеер. – Прошу передать адмиралу Вальдесу мою благодарность.

– Обязательно, – заверил Ойген Райнштайнер.

Медленно, словно не веря своим глазам, адмирал цур зее протянул руки к вернувшейся из небытия шпаге. Руппи подозрительно шмыгнул носом, и Луитджи едва не последовал его примеру.

– Разъезды гаунау и, похоже, дриков перешли каданскую границу и расположились в малолюдной приграничной местности, – холодно сообщил Проэмперадор. – С местными пастухами гости не ссорятся, их цель – обнаружить наши разъезды. Тем не менее Реддинг утверждает, что его люди вернулись в Талиг незамеченными. Надеюсь, всем ясно, что означают эти сведения?

Было ли ясно набившимся в жарко натопленную комнатку шестерым генералам и семерым полковникам, Чарльз бы не поручился, но лично у него сомнений не имелось. В Гаунау узнали, что Савиньяк пошел на Олларию. Благие вести должны были достичь Липпе к тому времени, когда, упершись в очередной провал, маршал повернул войска. Хайнрих с Фридрихом сочли отсутствие Северной армии подарком судьбы и совместными усилиями родили план: пока глупые талигойцы бегают туда-сюда, теряя больных и уставших, умные гаунау обойдут горы, ударят по надорским городам из Каданы и отойдут. Глупые талигойцы начнут стягивать войска к каданской границе и оставят Бергмарк без помощи, что, в свою очередь, оставит без помощи регента и развяжет руки Дриксен. Великие стратеги не сомневались, что подвоха из разбитой Каданы никто не ждет, но вот беда – еще в начале зимы на границу и даже за нее ушли многочисленные разъезды. Лионель Савиньяк желал знать обстановку на всех направлениях, не исключая ни одного. Командовавший «фульгатами» полковник Реддинг полностью разделял желания маршала. Теперь разведчики вернулись.

Офицеры молчали, ожидая разрешения Проэмперадора. Проэмперадор тоже молчал, откинувшись на спинку единственного в комнате кресла. За две недели марша устали все, но, похоже, отдыха не предвиделось. Савиньяк чуть ослабил узел шейного платка и обвел взглядом собравшихся. В Северной армии это означало – «можете говорить».

– Обман, – выразил общую мысль Хейл-старший. – Гаунау хотят отвлечь нас от удара по бергерам и заставить раздробить силы. Айхенвальд, что скажете?

– Мы не можем себе этого позволить, – неторопливо поддержал командующего кавалерией командующий пехотой. Длинноносый генерал всю жизнь служил Талигу, но так и остался бергером. – Господин маршал, у нас тридцать тысяч человек и шестьдесят одна пушка. Этого слишком мало даже для одной кампании. Приграничем придется временно пожертвовать.

– К нам идут подкрепления, – напомнил генерал Фажетти. – Часть из них может прикрыть каданскую границу.

– Две-три тысячи пехоты и четыре тысячи конницы, – бергер с жалостью посмотрел на южанина, – это несерьезно. Нам следует не поддаваться на обман и продолжать движение к перевалам для соединения с союзниками. Это очевидно.

– В том числе и Фридриху. – Бэзил Хейл отвесил издевательский поклон розовой рамке и сник, нарвавшись на ледяной взгляд отца.

– Горячность тоже бывает права. – Лейдлор надел генеральскую перевязь даже позже Фажетти, но держался, словно ветеран Двадцатилетней войны. – Полковник Хейл, насколько я понимаю, против банальных решений. Я с ним согласен. Предлагаю открыто выступить навстречу Фридриху и скрытно свернуть на Бергмарк.

– Лучше усилить приграничные гарнизоны, – не согласился начальник артиллерии, – и выдвинуть разъезды ближе к границе.

– Разъезды, господин Эрмали, – тонко улыбнулся Реддинг, – хороши, когда армия не дальше чем в двух днях пути.

– А разве «фульгаты» до сих пор не умеют летать? Непорядок...

– Господа, сейчас не время шутить. В Гаунау не могли не узнать о нашем возвращении...

– Но не о дальнейших передвижениях!

– Это ничего не меняет. Мы всего лишь движемся в сторону границы, имея возможность повернуть как на запад, так и на север.

– Каданцы не рискнут поддержать Фридриха сейчас...

– Вот именно сейчас и рискнут!

– От Северной армии Талига ожидают бдительной охраны каданской границы и подкидывают приманку, чтобы приковать к месту...

Генералы и полковники спорили. Савиньяк внимательно и вежливо слушал, так внимательно и вежливо, что Давенпорт, будь он генералом или полковником, раскрыл бы рот разве что под пыткой. Желание убраться из Северной армии в очередной раз подняло голову, чтобы тут же опустить. Это виконт Валме может уходить и приходить, как ему хочется, выбирая маршалов и место службы. Марсель не ждал приказа, когда ждать было нельзя, не удирал, когда следовало вернуться, не держал под уздцы одинокую заиндевшую клячу, не смотрел в провал, еще вчера бывший увенчанной замком горой...

– Господа, – черные глаза Савиньяка вновь проšliсь по разгоряченным от огня и спора лицам, – благодарю за ценные советы. Приказ уже подписан. Утром вверенная мне армия форсированным маршем двинется в Кадану. Я мог бы ограничиться этим, но считаю необходимым развеять ваши опасения. Нынешнюю войну со стороны Гаунау и Дриксен, в первую очередь – Дриксен, ведут политики, а политики думают иначе, чем военные. Им нужна не столько победа над Талигом, сколько поражение собственных противников в собственном доме.

Принц Фридрих не заинтересован в успехе ненавидимого им принца Бруно. Что ожидает «Неистового» в случае успешного вторжения в Бергмарк и Ноймаринен? Затяжные бои в горах с кровными врагами варитов. Бруно же в это время на равнинах Марагоны и Придды будет разыгрывать свой перевес в силах. Перевес, обеспеченный тем, что принц Фридрих с тестем оттянул ноймарские и бергерские резервы на себя. Вся слава после захвата Марагоны достанется Бруно, а его высочество не получит ничего. Нет, на такое Фридрих не пойдет. Другое дело – обходный марш и захват Северного Надора.

Прошу вас внимательно посмотреть на этот портрет. Полковник Хейл, что будет с всадником, который в таких обстоятельствах и таким образом попытается усидеть на такой лошади?

– Рассветные Сады будут, – хмыкнул Бэзил, – только художникам этого не объяснишь.

– Художники рисуют то, за что им платят. – Савиньяк тронул рукой розовую рамку и в свою очередь ухмыльнулся. – Этому художнику платили не за лебедя, а за Ворона. В понимании Фридриха, разумеется. Отсюда и вздыбленный мориск, и шпага... Не вина художника, что у принца только две руки; будь их шесть, в них были бы и пистолеты, и дамы. Фридрих играет в Алву, только лошадь, на которую он хочет сесть, не нарисованная.

– И вообще не лошадь, а олень, – шепнул Чарльзу Бэзил. – Ну да тем веселее...

Младший Хейл был от Прозэмперадора в восторге, Чарльз приятеля не разуверил, а спорить на совете и вовсе было глупо.

– Правильно ли я понимаю, – уточнил Айхенвальд, – что, по вашему мнению, дрикс намерен повторить саграннский маневр герцога Алва?

– Он не будет повторять сам маневр, он попытается изобразить гения неожиданности. – Маршал отодвинул портрет, издевательски блеснули изумруды. – Вместо того чтобы, сковав силы Ноймаринена, помогать Бруно, Фридрих прикроется ложной активностью на границе с Бергмарк и ударит по Надору из Каданы. В Изонийских предгорьях мы его перехватим. Там дриксы будут меньше ждать нападения, да и снега там, в отличие от равнин, тают позже, распутица еще не начнется. Кроме того, из Каданы проще и быстрее перенести боевые действия в Гаунау.

– А если все-таки обман? – Байард Хейл имел обыкновение сомневаться, когда все решено, и идти напролом, когда другие сомневаются.

– Тогда, – снизошел до ответа Прозэмперадор, – наш форсированный марш через Кадану застанет союзников врасплох и вынудит отказаться от первоначальных намерений.

Нанести сильный удар по бергерам в этом случае Фридрих не успеет, но он не Бруно, и это – не обман.

– Остается один вопрос, – очнулся старик Лецке. Беднягу по осени вытащили из теплого замка и назначили сперва генерал-интендантом, а затем военным губернатором Северного Надора, но когда-то Лецке был вице-экстерриором, объявление войны. Сначала мы должны заявить протест Кадане и...

– Мы ничего никому не должны! – Савиньяк бешено сверкнул глазами, напомнив Ворона и Октавианскую ночь. – Коль скоро каданцы не могут воспрепятствовать дриksam передвигаться по своей территории, пусть пеняют на себя. Господа, совет окончен.

Глава 4

Старая Придда

400 год К.С. 10-й день Весенних Скал

1

Большая комната вновь стала чужой, внизу ждали лошади и солдаты – баронесса Сакаци отправлялась в Хексберг. Ей прислали платья, обувь, меха и украшения, нашли женщину для услуг и сказали, что среди воинов ничтожной не место. А где оно, это место? Отцовский дом мертв, Сакаци пуст, дворец Первородного полон лжи, так не все ли равно, куда пойдут чужие кони? Последуй Мэллит за мертвым, она бы спала в зеленом озере и ничего не помнила. Как мудры были враги названного Альдо и как глупы достославнейшие! Первородный не знал жалости. Он лил слова, как воду, и топтал сердца любящих, как скот топчет кормящие его травы. Если бы она могла сказать обманувшему, что имя его величию – тень! Если б могла вернуть свою кровь и убить свою память!

– Госпожа баронесса. – Красивая беловолосая женщина ласково улыбалась. Она родила пятерых сыновей, и все стали воинами. – К вам полковник Придд, а вы не причесаны!

Повелевающий Волнами? Зачем ему ничтожная? Названный Валентином привез Мэллит туда, куда обещал, так для чего он здесь? Разве возчик навещает доставленную поклажу, даже если защищал ее от грабителей и укрывал в непогоду?

– Госпожа баронесса, я пришел проститься. – Первородный был одет для войны. Пепел и фиалки исчезли под черными камнями и белым снегом. В этом сердце нет и не будет весны, но нет в нем и тления.

– Мой путь начинается вновь, – негромко сказала Мэллит, – присланные тем, кого зовут регентом, позаботятся обо мне.

– Я был счастлив служить вам. – Повелевающий Волнами не торопился уходить. Внуки Кабиоховы любят длинные разговоры и смутные слова. Они не скажут «не люблю», но «нам не быть вместе». Они поднесут яд, но будут оплакивать не убитого, а себя...

– Ничтожная не слепа. – Мэллит провела рукой по кое-как стянутым на затылке локонам. – Морская вода не станет вином, сколько ни говори о ее сладости. Не нужно лжи, она острее иглы и кислей уксуса.

– Мне трудно следить за вашими мыслями, баронесса. Я сожалею, что вас постигло разочарование, но проходит все, кроме смерти.

Баронесса...

– *Нам следует поторопиться, баронесса...*

– *Позвольте представить вам баронессу...*

– *Позвольте откланяться, баронесса...*

У дочери Жаймиоля больше нет своего имени, но чужого она не хочет! И еще она не хочет жалости.

– Я не баронесса, герцог Придд, – старательно произнесла Мэллит. – Я – гоганни и хочу вернуться к своему народу. Но я знаю – меня не отпустят, потому что названный Альдо

– враг регента и многих первородных. Это ваша война, но ничтожная... Лучше бы я умерла раньше своей любви и не взглянула в глаза своей ненависти. Вы идете воевать за своего господина против Альдо Ракана. Ваш путь прост и ясен, так оставьте ничтожную... Оставьте меня без вашей учтивости. Вы сделали, что обещали герцогу Роберу. Вы свободны от неприятной обузы.

– Вы заблуждаетесь, сударыня. – Лед в глазах, лед в словах, лед за окнами. Кругом один лишь лед, а эти люди называют белый холод весной! – Я еще не выплатил свои долги и, что самое неприятное, не вернул чужие.

– Чужие долги взимают дурные ростовщики, – прошептала Мэллит, вспоминая слепой синий взгляд и отказавшееся повиноваться тело. – Я должна вам, но я не просила в долг.

– Сударыня, – названный Валентином смотрел не на нее, а на свою руку, – я не дал выходцу вас увести, но я вижу, что жить вы не желаете. Прежде чем уйти, я обязан сказать вам одну вещь. Если ваша обида и допущенная по отношению к вам несправедливость окажутся сильнее... Что ж... Я сделал все, что мог.

– Ничтожная слушает. – Слова – как дождь. Они погасят костер и не наполнят бездну.

– Я еще не любил, – сказал первородный, – и я потерял хоть и много, но далеко не все. Я не вправе вас поучать, но у меня был старший брат. Однажды ему показалось, что смерть лучше жизни, и он решил умереть. Ему не позволили. Мой брат был... очень раздосадован. Тем не менее со временем он понял, что хочет жить. Разговор с ним мог бы вам помочь, но, к несчастью, Юстиниан погиб. Его убили.

Брат оставил мне свои долги, которые я намерен рано или поздно отдать. В том числе и долг человеку, заставившему Юстиниана по достоинству оценить жизнь. Я рассказываю вам об этом ради слов, которые мой брат слышал от своего старшего друга. Чтобы вы не подумали, будто они принадлежат мне.

Бывает так, госпожа баронесса, что на тебя ополчится само мироздание. Не потому, что ты виновен или плох, и не потому, что ненавидят лично тебя. Просто мир устроен так, что тебе не жить, как ты того хочешь. Это плохо, страшно, несправедливо, но это не повод не жить вообще. Не повод ненавидеть всех, кому не больно. Не повод заползти под корягу и ждать, когда за тобой придут. И уж тем более не повод не быть собой! Мироздание – это еще не мир, а предсказание – не судьба! То, что пытается нами играть, может отправляться хоть в Закат! Мы принадлежим не ему. Мы сами из себя создаем смысл нашей жизни, как жемчужницы создают перламутр. Из боли, из раны, из занозы рождается неплохой жемчуг, сударыня, и он принадлежит нам, а не тому, что нас ранило.

...Ровная стена, нетронутый снег и рассвет, розовый от ночной крови.

– Откуда у вас Адрианова эспера? – Вот и все, что спросил названный Валентином у той, кого удержал на краю. Бежали и суетились мужчины, кричали женщины, клялись в том, что не сомкнули глаз, стражи, но Повелевающий Волнами велел всем замолчать, и они замолчали. Тогда Первородный приказал седлать коней.

– Утешавший не желавшего жить был мудр и добр, но что он знал о смерти любви?

– Он не был добр. – В полных серебра глазах доброты тоже нет. – Он был честен и хотел помочь. И еще ему не нравилось, когда человек уступает судьбе. Желаю вам доброго пути, баронесса. Надеюсь, ваше нынешнее путешествие окажется приятней предыдущего.

2

Обед затянулся, как затягивался всегда, когда дела позволяли регенту не только перекусить, но и поболтать с доверенным сотрапезником, а не доверенных Ноймаринен за свой стол не пускал, даже если это грозило осложнениями. Встречи, переговоры, подачки – пожалуйста, но из одной плошки со свиньями волк не ест. Так повелось с Манлия, и обычай этот оказался сильнее и эсператизма, и оллариянства.

– Как молодой Придд? – Рудольф передвинул тарелку с остатками яблочного пирога и обстоятельно стряхнул с мундира крошки. – Не удивляешься собственному выбору?

– Радуюсь, что успел, – усмехнулся Жермон. – Еще пара дней, и Придда ухватил бы Райнштайнер. Вы представляете, что со временем получил бы Талиг?

– Примерно, – кивнул герцог. – В старшем сыне Вальтера от Гогенлоэ было куда меньше.

– Я графа Васспарда не знал. – Жермон с трудом припомнил слухи о сбежавшем в Торку тенъенте, которого то ли конь понес под пули, то ли собственная глупость.

– Алва таскал его за собой, пока дураку не захотелось жить. Со временем из Юстиниана вышел бы толк. – Рудольф поморщился. Может, вспомнил о чем-то неприятном, а скорее всего, заболела спина.

– Я тоже намерен таскать Придда с собой. – Смотреть на пироги просто так Ариго не умел и, хоть и был сыт, откромсал себе немалый кусок. – Снег стал синим, господин регент. Мне пора к Хербсте.

– Не торопиться? – Регент потер поясницу и поднялся, начиная очередной поход от стены до стены. Послеобеденная беседа перерастала во что-то важное и едва ли приятное.

– Бруно мешкать не станет, – пожал плечами Жермон. В том, что скоро начнется, он не сомневался. – У него все готово, дело за весной. Дриксам нужно перейти Хербсте и закрепиться в приречных городках. Время поджигает, поджигают и сторонники Фридриха, деваться фельдмаршалу некуда.

– Не веришь, что кесарь уймется?

– С чего бы? – усмехнулся Ариго. – Кальдмеер с адъютантом уговорят?

– Не сейчас, но кое-что Готфрид запомнит, а дальше поглядим. Если Рамон с Вальдесом загонят «гусей» на берег, Лионель схватит за хвост Фридриха, а Эмиль – Дивина, кесарь задумается.

– Если фок Варзов к этому времени не окажется в шкуре адмирала цур зее, – уточнил Жермон. – Перейти Хербсте непросто, но я бы взялся.

Тяжелые шаги, сутулящиеся плечи, седой затылок... Рудольф все еще возьмет на рогатину кабана и согнет подкову, но как же он устал!

– Взялся бы, говоришь?

– За всем берегом не уследишь – не крепость, – подтвердил Ариго. – Рано или поздно что-то да проморгаем...

– Решил – поезжай, – невпопад откликнулся регент и снова потер поясницу, – все равно ведь не успокоишься.

– Не успокоюсь.

Рудольф, тот умел ждать, но Жермону перед войной в четырех стенах становилось тесно. Он не любил драться «вслепую», предпочитая лично представиться каждому пригорку. Эта привычка раз за разом спасала генералу жизнь, а однажды едва не отправила к праотцам. Сорвавшийся с гор камнепад чудом не похоронил проводящего рекогносцировку Ариго вместе с разездом. Было это перед самым восстанием Окделла, и Жермон до сих пор не знал, кто столкнул первый камень – незадачливая косуля или человек.

– Вальдес с Джильди уезжают, – прервал молчание регент. – Надо проводить. Гоганни я отправляю с ними. В Хексберг выходцам хода нет.

– Думаете, Борн вернется?

– Вряд ли, но гоганские премудрости для меня – темный лес. – Рудольф явно думал о чем-то равно далеко и от рыженькой девушки, и от переправы. – Вальдес сводит малышку на гору, а там видно будет...

– Я генерал, а не торговец, – бестолково пошутил Ариго, – я в гоганах не понимаю.

– Тебе и не нужно, – усмехнулся регент и остановился. – Что думаешь обо мне и фок Варзов, генерал?

– Монсеньор? – поперхнулся пирогом Жермон. – Как это?..

– Вольфганг старше меня, а я еще регент, но уже не Первый маршал, – размеренно произнес Ноймаринен. – Старые кони хороши, но не когда нужно скакать галопом от заката до заката. Ты уверен, что мы справимся? Отвечай, ты уже все проглотил.

– Вы – регент, – пробормотал Ариго, – фок Варзов – маршал Запада... Он знает Бруно...

– А Бруно знает его, – с непонятой злостью бросил Рудольф. – Для топтания на месте оба подходят лучше не придумать, но за Бруно по-прежнему кесария, а что дышит в спину нам, я и думать боюсь. Нужно успеть перервать дриksam горло и обернуться – нет, не к Ракану... Он что, блоха на собаке. А вот собака – бешеная.

– Придд в этом лучше понимает, – признался Жермон, – я в нечисти дурак дураком.

– А я с тобой не про Надор с Роксли говорю. И не про выходцев! – прикрикнул герцог. – Нам нужно отделать Бруно не хуже, чем Рамон отделал Кальдмеера. Вольфганг на это способен? О том, что у Альмейды было двадцать кораблей форы и внезапность, знаю не хуже тебя. Как и о том, что, даже выскреби я все, что можно, фора все равно будет у Бруно.

– У нас здесь нет лучшего маршала, чем фок Варзов, – с отчаяньем произнес Жермон, – только вы.

– А ты? – Глаза регента стали еще жестче. – Ты, часом, не лучше? Кто про переправу заговорил?

– Этого мало... Я – сносный генерал. – Жермон поймал взгляд Рудольфа и махнул рукой. – Ладно, я – хороший генерал. Я могу держать перевалы, командовать авангардом, арьергардом, рейдом по чужим тылам, наконец, но я никогда не водил армии. Я не Алва и не Савиньяк.

– Алвы тут нет, – отрезал Рудольф, – а единственный из находящихся в моем распоряжении Савиньяков не одну шляпу съест, пока тебя догонит. Если догонит. Я никогда не спешил себя хоронить, а Вольфганга – тем более, но наше время уходит. Невозвратно. Мы еще хороши, если за нами Талиг, но не для схватки с Дриксен один на один. Не знаю, видит ли это Бруно, я вижу.

– Отзовите Лионеля, – предложил Ариго, сам понимая, что несет чушь: на командующем Северной армией висело слишком много. Отозвав Савиньяка, Рудольф к осени получал большие неприятности в Бергмарк и, весьма вероятно, в самом Надоре. – Я бы мог поехать на каданскую границу.

– Ты бы еще в Варасту собрался, – скривился Рудольф. – Знай я, чем все обернется, я б тебя еще осенью в Надор определил. С приказом пусть не наступать, но обороняться на своей территории. На то, чтоб держать медведя за уши, тебя точно хватит, но в Олларии ты бы не справился.

– Да, – кивнул Жермон, – врать и вешать я не умею.

– В любом случае мы опоздали, – махнул рукой Ноймаринен. – Лионель, даже выдерни я его, прибудет не раньше, чем через пару-тройку месяцев, а принимать армию, что Северную, что Западную, в ходе боев – не дело!

– Вот видите! – непонятно чему обрадовался Жермон. – Если я не понял такой простой вещи...

– То обдумай на досуге другую простую вещь. Хватит считать других умней себя. Ты давно не тенъент, Жермон Ариго. И потом, боюсь, сейчас ты в моей армии – лучший...

Двадцать лет назад он мечтал о таком разговоре. Как же мерзко порой сбываются мечты...

– Монсеньор, – отчеканил Ариго, – я знаю себе цену. Вольфганг фок Варзов не просто опытнее меня. Он талантливей и умней. Я сделаю все, чтобы помочь вам и ему, но мне вас не заменить.

Рудольф просто устал. Смертельно, до одури, до головокружения. Подготовка кампании вымотала регента до предела, а тут еще нечисть, Хайнрих и проклятые землетрясения! От такого любой почувствует слабость, но это пройдет. Старый волк еще покажет зубы...

– Генерал Ариго! – Голос Рудольфа стал жестким. – Вам поручается оборона Хербсте. И потрудитесь ошибиться скорее поздно, нежели рано.

– Да, монсеньор! – с облегчением выпалил Жермон. – Разрешите выехать утром.

– Бери Райнштайнера, и отправляйтесь. – Регент вновь мерил шагами потертый ковер. – Наш разговор можешь подзабыть. До худших времен.

3

Повелевающий Волнами не вышел на порог. Зачем? Он все сказал, и слова его были горячи и остры. Они могли очистить рану, но не излечить. Тот, о ком говорил Первородный, захотел жить, но его убили, значит, он был опасен. Если б тот, кто топчет души любящих, захотел смерти Мэллит, как хотел смерти названного Удо, ничтожная бы боролась. Ее жизнь стала бы ее мстью и ее ответом, но ее забыли. Все, даже первородный Робер.

Свеча не может гореть вечно, это и отличает ее от звезды. Счастливые зажигают в сердцах других звезды, ничтожной Мэллит это не дано. Ее огоньки умирают, едва вспыхнув, а дорога вьется и вьется... Из Агариса в Сакаци. Из Сакаци – в город Первородного. От осколков любви к бликам смерти и дальше, к холодному морю, где не будет ни Повелевающего Волнами, ни усталого регента. Только чужие и равнодушные, но она поедет. Люди севера не знают слова «нет».

– Госпожа баронесса, я счастлив сопровождать вас. – Этого воина, красивого и молодого, Мэллит видела дважды. Еще один возчик на пути поклажи. Он будет столь же честен, что и Валентин, и столь же рад сбросить груз.

– Я благодарю вас, господин...

– Джильди. Капитан Луиджи Джильди из Фельпа, – подсказал еще один человек. Мэллит помнила и его, он все время улыбался и ходил так, словно слышит песню.

– Я благодарю и вас, господин...

– Ничтожный Ротгер к услугам прекраснейшей. – Черные глаза уже не улыбались – смеялись. – Так уж вышло, что на этот раз вы достались брүнетам. Вас это не пугает?

– Нич... ничего страшного, – едва не оговорила Мэллит, стараясь не глядеть на навязанных регентом спутников. – Не надо обо мне беспокоиться.

– Сударыня, – смеющийся не собирался прерывать забавлявший его разговор, – я беспокоюсь исключительно о благе Талига, и то лишь тогда, когда рядом нет того, кто делает это солидно. Например, Райнштайнера или регента. Вы не желаете, кстати, с ними проститься?

Вежливость первородных требовала учтивых слов. Мэллит свела брови, припоминая, что следует говорить, но регенту Талига вряд ли понравится заученное в Ракане.

– Я желаю герцогу Ноймаринену и всем близким его пребывать в добром здравии, – наконец нашлась гоганни, – и благодарю за кров и помощь.

– В Хексберг вы будете в безопасности, – седой герцог смотрел на ничтожную и улыбался, но глаза его были суровы, – а в дороге вас будет защищать адмирал Вальдес.

– Ой, буду! – Названный Ротгером выхватил пистолет. Громыкнуло. Растущая на карнизе ледяная гроздь со звоном упала на камни. – Видите, герцог, я уже начал.

– И чем же грозила нашей гостье покойная сосулька? – Стоявший рядом с регентом генерал улыбнулся.

– Она могла напасть. – Вальдес убрал пистолет. – Ледышки так коварны, особенно когда начинают таять. Командор Райнштайнер подтвердит.

– Подтаявший лед ненадежен, – командора Райнштайнера нельзя не бояться и нельзя забыть, – но это вина солнца. Сударыня, вы заслуживаете счастья, это очевидно. Желаю вам встретить того, кто заслужит вас.

– И это все, что вы можете сказать весной красивейшей девушке этого замка? – Снег ушел из-под ног, небо качнулось, став синее пронизанных светом сапфиров. Серебром зазвенел умирающий от любви лед. – Я уношу баронессу, господа! Таких женщин, если вы еще не поняли, надо носить на руках. По радуге и обратно. Жаль оставлять вас без прекрасного, но вы его недостойны, так что ступайте и займитесь чем-нибудь скучным.

– Адмирал Вальдес. – Голос Райнштайнера, звон капли, солнечные лучи. Почему ей не

холодно? Не страшно? Не стыдно? – Неужели вы решили внять советам вашего дяди?

– Почему бы и нет? Дядюшка Везелли дает их столько, что какому-нибудь внемлешь обязательно. Командор, я прослежу за исполнением баронессой вашего распоряжения. Оно не только своевременно и справедливо, но и совершенно восхитительно...

Глава 5
Ракана (б. Оллария)
Хербсте
400 год К.С. 18-й день Весенних Скал

1

Приехал Орельен, привез письмо. В плоской гайифской шкатулке розового дерева, украшенной герцогскими ласточками и короной. Племяннику генерала-адуана следовало еще неделю прохлаждаться в «Красном баране», наслаждаясь обществом прекрасной подавальщицы, но Шеманталь-младший знал, что такое служба. Ради нее он расстался не то что с усами – с дамой сердца – и в сопровождении дюжины почти урготских гвардейцев понесся в столицу. Предъявив у Ворот Роз подписанную почти Фомой подорожную, посланец проскакал почти уже не столичными улицами и осадил коня у посольского особняка.

О срочном послании его величества доложили немедленно. Принимавший гостей граф Ченизу изысканно, но торопливо извинился и поднялся из-за стола. Он удалялся в свой кабинет, оставляя дорогих гостей в обществе откормленных орехами и сливами поросят и присланной Капуль-Гизайлем лунной форели. Граф умолял его не дожидаться, но обещал вернуться сразу же по прочтении. Гости вежливо вдыхали восхитительный аромат – они все понимали, разделяли и не возражали. За Марселем последовал лишь Котик. Верный варазийским традициям пес принес желудок в жертву долгу. Господин посол едва не прослезился, но в последний момент сдержал неуместный для мужчины и дипломата порыв.

Бросив самоотверженному волкодаву пряник, граф Ченизу открыл футляр, в котором, как и следовало ожидать, возлежало короткое письмо «Фомы» и длинное – «Елены». Шеманталь честно переложил оба послания в основное отделение из потайного, куда их сунул Марсель, отправляя в «Урготеллу» очередного гонца. Мимоходом подсадив на стражников, так ни разу и не вскрывших дипломатическую почту, посол вытащил украшенную опалом булавку и плавно отвел в сторону перышко в раздвоенном хвостике нижней ласточки, зажимая смертоносные иглы. Двойной нажим на клюв, и инкрустированная пластина сдвинулась. Писем Валме не ожидал – папенька и Дьегаррон предпочитали передавать приветы на словах, – но в этот раз в потайном отделении что-то белело. Что-то запечатанное одним из отцовских перстней. Старый греховодник стал неосторожен. Лишенный наследства отпрыск укоризненно покачал головой, бросил косящемуся на дверь Котику очередной пряник и прочел:

«Злодеяния Мтсараха-Справедливца были превзойдены в первый день Весенних Скал текущего года. Море сперва стало красным, а затем – грязным, остается уповать на то, что к осени зубаны его очистят, но грехи врагам Талига отпустить больше некому. Дурные вести верны и неотвратимы; к счастью, в распутицу они не летают, но ползают. Создатель, храни Талиг».

Хранить короля папенька не просил ни Создателя, ни сына. Граф писал левой рукой и был предельно краток, да и что тут добавишь? То, что шады подняли алые паруса не для красоты, было ясно еще зимой, хотя сотни краснокрылых кораблей, входящих на рассвете в бухту, – это красиво. Марсель с детства любил батальные полотна, но почему Агарис? Никто не сомневался, что первыми станут дожди, а вторыми – гайифцы. Что ж, мориски оказались правоверней, чем о них думали.

– Померанцевое море загадили, – тоскливо сообщил Марсель покончившему с угощением псу. – Кардиналами и, возможно, самим Эсперадором. Ты понимаешь, что это значит?

Котик не понимал и, в отличие от господина посла, имел на это все права. Увы, граф Ченизу сидел в Олларии не для того, чтоб завиваться и носить пристежное пузо, и даже не для того, чтоб продлевать существование Сузы-Музы, хоть это и забавляло... У него было дело. Неизбежное, страшное, мерзкое, и продолжать с ним тянуть становилось невозможно.

Марсель не воздел к небу руки и не возопил. Он даже не присвистнул, а просто сунул в огонь записку, прикоснулся к вискам пробкой от духов, расправил манжеты и неторопливо спустился к живо обсуждавшим достоинства форели гостям. Они почти ничего не успели съесть. Даже выздоровевший наконец кагет.

– Господин Карлион, – обратился полномочный посол герцога Урготского к главному церемониймейстеру Великой Талигойи, – я получил долгожданные известия и хотел бы незамедлительно донести их до сведения его величества. К счастью, курьер встретился с моим гонцом до того, как достиг опасных земель. Мой соотечественник был столь беспечен, что путешествовал один и мог оказаться добычей адуанских разбойников.

– Могу ли я узнать подробности? – засуетился Карлион. – Я немедленно еду...

– О нет, – Марсель изящно расправил салфетку, – я вам ничего не скажу до конца обеда. Ваше общество слишком приятно, чтобы его лишаться, а дело... Оно терпит. Мой герцог и ее высочество Елена всего лишь просят передать его величеству их письма.

– Так выпьем за ласточку Ургота! – вскочил с места Тристрам. – За ласточку, щебет которой несет в Талигойю весну!

– О да, – торопливо подхватил Бурраз-ло-Ваухсар, – за ласточку, которая скоро станет розой! Прекрасной розой на груди его величества.

– Пусть весна принесет в Талигойю любовь и радость!

– Так и будет!

Под столом, напоминая о своих законных правах, тявкнул Котик.

2

Больше всего Руппи бесила салфетка. Слепительно белая, с аккуратной, вышитой коричневым шелком монограммой, она доблестно защищала фельдмаршальский мундир от капель и крошек. Вежливость Бруно и его офицеров была такой же – накрахмаленной, жесткой и украшенной малюсенькой короной. Не дай Создатель, кто-то заподозрит, что сии достойные господа не до конца уверены в победе и не в полном восторге от венценосного Готфрида и его доблестного родственника Руперта фок Фельсенбурга, перенесшего в плену невыносимые испытания.

Доблестный родственник аккуратно, не торопясь, жевал и глотал сочной свинину, запивал старым алатским, отвечал на вопросы, улыбался и вспоминал Шнеетала с Бюнцем. Капитан «Весенней птицы» утверждал, что сухопутные продувают кампанию за кампанией, потому что слишком много жрут и слишком много врут. Адольф был сдержанней, но не скрывал того, что в море если и утонешь, то в воде, а не в раздорах и циркулярах.

Прибытие Бермессера с Хохвенде лишь сплотило Западный флот вокруг его командующего. Стоило любимцам Фридриха войти в кают-компанию, как им давали понять, что моряки не собираются плясать под чужую волынку. За столом Бруно сидело восемь человек, и каждый был не за Дриксен и не за кесаря, а сам за себя. Кроме Олафа, разумеется. Поменяйся Ледяной с фельдмаршалом местами, он бы... Он бы так или иначе показал, что рад возвращению если не друга, то соратника и не допускает мысли, что тот не исполнил свой долг. Бруно предпочел отгородиться крахмальными салфетками, безупречно начищенным серебром и штабными офицерами, среди которых могли затесаться дружки Хохвенде. Разумеется, позволить себе беседу наедине с вернувшимся из плена адмиралом командующий Южной армией не мог, но есть взгляд, улыбка, тон разговора, наконец. Бруно

вел себя с Олафом, словно чужой, хотя они и были чужими.

Дядя кесаря и отдавший себя не Готфриду, а Дриксен и морю сын оружейника могли стать не более чем союзниками против Фридриха, а союзников, которым не повезло, покидают. На суше.

— Как вы нашли талигойцев, господин Кальдмеер? — с вежливым равнодушием осведомился фельдмаршал. — Они не растеряли боевой пыл без своего непобедимого кэналлийца?

— Насколько я мог заметить, не растеряли, — в тон хозяину ответил Ледяной.

— Очень жаль, — посетовал Бруно, — но дурное самочувствие не способствует наблюдательности. Возможно, мой внучатый племянник заметил больше вас?

— Весьма вероятно. — Олаф внимательно посмотрел на адъютанта. — Руперт, фельдмаршал желает знать ваше мнение о талигойцах.

— Они настроены на войну, господин фельдмаршал, — с удовольствием доложил Руппи и мстительно добавил: — Насколько я мог судить, среди высших талигойских офицеров нет фигур, равных господам Бермессеру и Хохвенде. Вашу армию ждет ожесточенное сопротивление.

— Твердая земля не располагает к мечтам, — произнес худой генерал с седыми висками. — Мы начинаем кампанию с открытыми глазами и понимаем, что против нас сосредоточена сильная армия, которой командуют сильные генералы. К счастью, мы можем быть уверены, что во время решающего сражения к противнику не подойдут резервы, по численности превосходящие его изначальные силы.

— Вам повезло, господа. — Руппи широко улыбнулся. — То есть я хотел сказать, что вам повезет, если вы и впредь будете смотреть собственными глазами, а не глазами назначенных в орлы кротов. И вам повезет еще больше, если к вам не приедут лягушки с полномочиями...

— Руперт, — негромко попросил Олаф, — не увлекайтесь землеописанием. Вряд ли господам офицерам интересны кроты и лягушки.

— Прошу прощения, — Руперт поймал взгляд генерала с седыми висками и внезапно понял, что если тут и есть друг, то это он, — я желаю нашим хозяевам не столкнуться с подобными... гадами. Они весьма неприятны.

— Но они здесь водятся, — седой обернулся к красивому кавалеристу, — не правда ли, фок Хеллештерн?

— У реки не может не быть лягушек, — вмешался в беседу Бруно, — но зимой гады спят, а я намерен форсировать Хербсте до того, как они проснутся. Руппи, вы не желаете при этом присутствовать? Спор Дриксен и Талига будет нами решен этим летом раз и навсегда.

— Наследнику Фельсенбурггов это было бы полезно, — очень спокойно произнес Ледяной. — Вы видели море, Руперт. Посмотрите, как воюют на суше.

— Господин фельдмаршал, я признателен за оказанную честь. — Такой разговор можно вести только стоя, и Руппи встал, чувствуя на себе чужие взгляды. Очень разные. — К сожалению, я не могу воспользоваться вашими родственными чувствами, как бы мне того ни хотелось. Мой долг, слово, данное морякам «Ноордкроне», и справедливость требуют моего присутствия в Эйрехте.

О том, что он не променяет Ледяного и на дюжину Бруно, Руппи вежливо умолчал.

3

— Его величество Альдо Первый ожидает посла великого герцога Урготского, — плохо обструганным голосом объявил Мевен. Гимнет-капитан столь сильно давил в себе презрение к однокорытнику, что оно выступало из ушей и ноздрей. Бедняга, он, как и все северяне, не видел, как давят виноград, хотя должны же они что-то у себя там давить. Дриксенцев, например, или какую-нибудь чернику.

— Благодарю, мой друг, — томно протянул граф Ченизу, вплывая в безразлично распахнутые двери. Предстоящие деяния урготский посол жевал и пережевывал до тошноты.

Пока все шло как по маслу. Марсель угадал даже со временем – ради выгодной женитьбы его величество пожертвовало послеобеденными раздумьями, пожертвует и другим. И другими.

– Мы рады вновь видеть вас, – изрек истомившийся жених. – Письма из края ласточек несут весну, а ее нам сейчас не хватает. Кроме того, мы намерены вручить вам жезл почетного судьи турнира Сердца Весны. Мы даем его в честь прекраснейшей из принцесс.

Марсель застыл в приличествующем случаю поклоне. Два месяца в столичной дикости свое дело сделали – граф Ченизу больше не проверял надежность пуза и не путался в старонных начинаниях. Сердце Весны вместо Талигойской Розы стало очередным перевертышем. На то, чтобы переименовать затеянный Франциском в честь своей Октавии ежегодный турнир, Альдо хватило, но сменить день ниспровергатель Олларов не догадался.

– Я безмерно польщен. – Валме растерянно хлопнул ресницами. – Безмерно, но я... Я дурной знаток благородного рыцарского искусства. Я, знаете ли, никогда не испытывал тяги к древности и даже не знаю, что носят почетные распорядители, а мои портные... Они весьма добросовестны и именно поэтому не могут работать быстро.

– Пустое, – снисходительно утешил хранитель древних обычаев, на сей раз влезший во что-то вроде маршальского мундира, но без перевязи и слишком короткого. – Никто не требует от вас надевать доспехи и браться за меч или секиру. Чтобы судить о мастерстве участников, довольно книг и гравюр. Мы пришлем вам несколько выписок и подборку рисунков с пояснениями. Уверяю вас, этого достаточно, а наши портные весьма расторопны. С вас сегодня же снимут мерку, но не раньше, чем мы закончим беседу. Карлион утверждает, что нас ждут хорошие вести. Это так?

– Ваше величество... – Присевший было посол вскочил и приложил руку к сердцу. Вышло слегка по-кагетски. – Я уполномочен передать вам письмо, запечатанное, помимо Большой государственной печати, личной печатью его величества Фомы, а также послание ее высочества Елены. Тайное послание. Моя принцесса просила одного из придворных кавалеров догнать гонца его величества, чтобы вручить ему письмо. Оно адресовано мне, поскольку ее высочество, согласно этикету, не может писать коронованным особам, минуя своего царственного родителя. Ваше величество, если об этом узнают, мне... Мне придется...

– Мой друг... – Альдо Ракан поднялся. Высочайшая длань шмякнулась на плечо Марселя, и виконт пожалел, что не носит накладного горба. – Мой дорогой друг... Тайна, доверенная дамой, священна для эория. Не бойтесь, мы не забываем оказанных нам услуг и не предаем тех, кого любим и кто нам верен.

– Ваши письма, ваше величество. – Марсель едва не преклонил колено, но рассудил, что это будет слишком. – Разрешите мне удалиться.

– Нет-нет, – не согласился Ракан, – останьтесь. Вам придется выпить с нами вина в честь принятия должности Судьи турнира. Садитесь же, мы приказываем.

Марсель сел. Альдо углубился в письма. Как и положено жениху, он начал с розового. Прочитал. Перечитал. Отложил. Взлся за послание Фомы. Оно было коротким, хотя стоило Марселю куда больших усилий, чем переделка списанных с дневников Юлии чувств в горестный шестистраничный вопль. С герцогским письмом граф Ченизу провозился до рассвета, но получилось достойно. Виконт заслуженно гордился переходом от заверений в дружбе к сожалениям о невозможности скрепить оную узами брака.

«...трудно переоценить преимущества, которые получил бы Ургот в случае заключения союза с Великой Талигойей», – писал Марсель Валме, то есть, простите, Фома, – однако в голодный год золото падает в цене, а зерно растет, но голод не столь страшен, как войны. Первейший долг государя – уберечь своих подданных. К несчастью, Ургот не обладает армией, способной отразить посягательства презревших Золотой Договор держав. Перед угрозой гайишского и бордонского вторжения нашей единственной защитой является армия, предоставленная в наше распоряжение согласно договору, заключенному с Фердинандом Олларом. Маршал Савиньяк скрупулезно выполняет все пункты соглашения, в том числе и указанные в попавших к нему в руки секретных приложениях. Соответственно,

урготская сторона не может их нарушить, не рискуя потерять лояльность командующего.

Не могу передать степень нашего отчаянья, но в нашем нынешнем положении мы вынуждены жертвовать блестящим будущим во имя спасения настоящего, залогом чего станет союз маршала Савиньяка и нашей старшей дочери. Мы испытываем глубочайшую уверенность, что Вы, Ваше Величество, сделаете счастливой любую избранную Вами девицу и вскоре позабудете скромную красоту наших дочерей. Увы, долг государя превыше отцовской любви...»

Альдо отложил письмо и задумался, выпятив подбородок. Подобное выражение было у виконта Кведера, когда он собрался убить ростовщика. Марсель время от времени жалел, что выручил проигравшегося однокорытника деньгами, помешав злу уничтожить зло. Что бы ни проповедовали священники о равной угодности Создателю голубя и змеи, Валме полагал живоглотов весьма сомнительным украшением вселенной. Сам он, впрочем, с ростовщиками не путался, предпочитая добывать деньги у папеньки или с помощью пари. На первый взгляд, заведомо проигрышных.

Зашелестело. Его величество опомнился от удара и вновь взялся за письмо «Елены». По пятнам от соленой воды Валме узнал четвертую страницу. Главную. Ту, ради которой все и писалось. Королевская челюсть выпятилась сильнее обычного, и у Марселя застучало в висках – дойдет ли? Вчера скрытый меж строк выход казался очевидным, но на смену вдохновению всегда приходит сомнение. Сомнений в том, что Ракан перемахнет хоть через Создателя, хоть через Леворукого, давно не осталось, только поймет ли красавец теперь уже в синих штанах, где перемахивать?

Альдо Ракан смотрел на закапанный соленой водой лист и думал. Марсель кусал губы и почти молился. Он еще не отдавал приказа убийцам, а своими руками убивал только в Фельпе и еще на дуэли, но это было несерьезно. Убивать самому, за себя и для себя нетрудно, а вот для дела... Папенька, тот играл в жизнь и смерть, как в кости. Любопытно, каково ему пришлось в первый раз? Кажется, он убрал кого-то из Приморской Эпинэ. Или все-таки из Марана?

– Граф, вы оказали нам неоценимую услугу! – очнулся венценосец. – Мы и наша будущая супруга – ваши вечные должники.

Альдо Первый Ракан милостиво улыбался, но ноздри его раздувались, как у почуявшей кровь гончей. Герой и повелитель разобрался в девичьем лепете и принял решение. Единственное для себя возможное. Единственное возможное для Алвы. Единственное возможное для Марселя Валме и, наверное, для Талига, как бы пошло это ни звучало. Посол Ургота вздрогнул и торопливо изобразил восторг:

– Я счастлив служить вашему величеству!

О судьбе Надора и Роксли виконт старался не думать, все равно в Валмоне остались одни астры. Братья – в армии Дорака, отец мутит воду вместе с Рафиано, мать разделяет одиночество герцогини Колиньяр... Потерю цветочков мир и папенька переживут, а слуги, случись что, успеют уйти. Не станут же они сидеть и ждать конца под собачий вой! Догадались в Роксли, догадаются и в Валмоне.

– Мы вынуждены взять с вас клятву молчания. Радость должна стать неожиданной. Мы сами отпишем его величеству и ее высочеству, разумеется, умолчав о вашей роли и о роли помогавшего... нашей несравненной Ласточке дворянина, но пока ни слова, мой друг! Вы меня поняли? Ни единого слова!

– Клянусь своей верностью вашему величеству и... ее высочеству.

– На турнире Сердца Весны мы объявим о нашей помолвке. – Сине-золотая ручища вновь опустилась на плечо. – И помните, мы говорили только о судеистве.

– Я передал письма, – напомнил Марсель, – это известно многим.

– Да-да, – отмахнулось занятое не своими замыслами величество. – Вы передали письмо, а мы пригласили вас судить наших рыцарей... У вас прекрасная память, и вы так предусмотрительны. Мы рады, что вы наш друг и союзник.

– О, – с чувством подтвердил граф Ченизу, – это столь же верно, как то, что я – посол

его величества Фомы при Талигойском дворе.

Глава 6
Ракана (б. Оллария)
Кадана
400 год К.С. 20-й день Весенних Скал

1

Зима ушла, но весна напоминала вернувшуюся осень. Позднюю, продрогшую. Лишенная красок Ракана то скрывалась за снежной пеленой, то попадала во власть тумана. Пустые улицы и площади нагоняли тоску, а низкие облака, растрепанные деревья и пятнистые от сырости стены делали город неопрятным. Ричард знал что, по крайней мере его собственный двор выметен дочи́ста, но ненастье сводило усилия слуг на нет. Особняк словно бы тонул в холодной грязи. На душе было не лучше.

Дикон сам не понимал, что вынуждает его часами простаивать у окна, глядя на вершины тополей и мокрые крыши. Шел четвертый месяц одиночества, хотя первые полтора о беде никто не знал. Жизнь катилась своим чередом, только без Надора. Колокол ударил в начале Зимних Молний. Вестниками беды стали вояки Робера, везшие письмо об отсрочке свадьбы и подарки для Айрис, но до цели не добравшиеся. Дорога обрывалась у превратившегося в чудовищный провал озера. Отряд попытался его объехать и едва уцелел – огромный кусок берега на глазах солдат оторвался от кромки обрыва и рухнул в пропасть, дно которой скрывала мгла. О том, что внизу вода, южане узнали лишь по раздавшемуся плеску, и даже после этого ведущий южан Дювье не повернул. Вторая дорога уперлась в скальную стену, третья – в перекоренный лес...

Больше недели отряд метался между дрожащих гор, но все тропы вели в никуда, и сержант вернулся. Его рассказ герцог Окделл выслушал, не перебивая; вопросов юноша тоже не задавал. Это сюзерен и Робер что-то спрашивали и очень много говорили о том, что разрушенная дорога – еще не разрушенный замок. Они говорили, а Дикон словно вживую ощущал скальную дрожь, слышал гул обвалов, видел разорванный пополам вековой дуб, меж корней которого змеилась трещина...

Двуногое дерево не отпускало. Оно вздымало корявые руки к пустому небу, словно проклидало, а небо было то серым, то ослепительно синим, и тогда в нем появлялась одинокая черная птица. Это не было сном – снов Ричард Окделл больше не видел, их заменяло воображение, с которым юноша не мог ничего поделать. Непрошенные утешители во главе с Карлионом кивали, вздыхали, шевелили губами, а Дикону виделся похожий на человека ствол и одинокий ворон в бездне света. Однажды юноша произнес эти слова вслух и лишь по удивленным глазам собеседников понял, как это нелепо. Пришлось что-то врать про поселившегося в Нохе хищника. «Хищников», – поправил Лаптон, а Мевен фальшиво засмеялся и пообещал, что все будет хорошо. Тогда Дик еще бывал во дворце, а доброжелатели наперебой рассказывали про Роксли, где, без сомнения, нашли приют застигнутые землетрясением и куда сюзерен отправил гонцов.

Прошло еще две недели, гонцы вернулись, и Альдо объявил траур. Когда именно стряслась беда, в Ракане так и не узнали. Это могло произойти в любой день после двадцать третьего дня Зимних Скал, когда матушка дописала свое последнее письмо, а внук старого Джека вскочил на коня и миновал так и не приведенный в порядок мост. Сам Ричард не сомневался, что, когда письмо добралось до Раканы, мать была уже мертва. Потому-то он и бросил исписанные листы в огонь в тщетной попытке заглушить раздавшийся из небытия голос.

Теперь Дикон отдал бы все, чтоб вернуть письмо, но остывший пепел давным-давно выгребли. Письма не было, как и надежд на то, что кто-то уцелел. Матушка, Наль, сестры,

слуги, солдаты – все они погибли, когда гора, не выдержав собственного веса, вместе с замком провалилась в наполовину иссякшее подземное озеро. То, что случилось с Надором, случилось и раньше. Мэтр Шабли говорил, что именно так появилось Алатское озеро. И не только оно...

Юноша провел рукой по волосам и заставил себя отвернуться от привратницей, над которой мотался траурный флаг, от сырости казавшийся черным. Матушка вечно твердила, что ее похоронят по-эсператистски, и Дикон не захлопнул двери перед явившимся с утешениями Левием, хотя тот и был лицемерным негодяем. Притворное сочувствие вызывало бешенство, но Повелитель Скал терпел, отвечал на письма, принимал визитеров в сером и пытался осознать, что семьи у него больше нет. Той самой семьи, от которой он мечтал избавиться! Матушка никогда не приедет в Олларию, не станет требовать невозможного и прилюдно поучать сына. Наль не станет краснеть и мяться, собираясь сказать очередную глупость. Айрис больше никого не оскорбит. Их нет и больше не будет. Герцог Окделл свободен, но свобода казалась страшной и ненужной.

Дышать становилось все труднее. Горящие, несмотря на то что лишь слегка перевалило за полдень, свечи расплывались в маленькие желтые луны, а с портрета глядел отец. Он ушел раньше всех, ушел честно и гордо, оставив свое имя и свое дело сыну. Память матери требовала молитв, икон, запертых дверей, серых флагов. Память отца звывала к долгу. Ричард подошел к конторке и, не задумываясь, написал на плотном желтоватом листе:

«Мой государь, я оплакиваю и буду оплакивать свою потерю вечно, но сейчас не то время, когда герцог Окделл может предаваться горю. Смысл моего существования – служение великой Талигойе и ее анаксу, а приближающаяся война не позволяет ждать окончания эсператистского траура. Я верю не в агарисские выдумки, но в истинных богов и их наследника и избранника. Я прошу моего государя располагать мною и готов исполнить любое поручение...»

2

Все сильнее отставали обозы, в том числе и артиллерия, все больше становилось обессиленных, отставших, заболевших. Даже среди «Старых псов» Вайспферта, не говоря о северных надорцах, добрая треть которых нюхала порох лишь на ученьях. Коннице приходилось немного легче – большая ее часть в марше на Олларию не участвовала. В столице ждали две с половиной тысячи кавалеристов-перебежчиков, и Проэмперадор Севера решил побережь лошадей для неизбежного весеннего перехода. Савиньяк не просто оставил Хейла на прежних квартирах, он выдвинул кавалерию поближе к границе, к Дальнему Лараку. Робби Дир, бывший однокорытник Чарльза, оставаясь без Оллари, был вне себя, но решение оказалось верным. Неверных решений за маршалом Чарльз вообще не замечал, разве что нынешний бросок наперерез Фридриху мог оказаться просчетом. Резкость и холодность Проэмперадора бесили, но Давенпорт предпочел бы, чтобы гонка по еще заснеженным холмам не стала ошибкой. Савиньяка Чарльз переносил с трудом, но для Талига было бы лучше, окажись прав маршал, а не те, кто предлагал идти в Бергмарк. Поворачивать, впрочем, было поздно. Каданская граница осталась за спиной три дня назад.

Разведчики Реддинга вели авангард в обход крупных сел и тем более укрепленных городов. Терять время на каданцев и выдавать себя раньше времени Савиньяк не собирался. Изучив карты и выслушав донесения, маршал решил форсировать славящуюся своим нором Изонис выше Ор-Гаролис и перехватить Фридриха в каком-нибудь ущелье, не дав выбраться в предгорья. Поторопившись, можно было выйти на исходные позиции заранее, выгадав день-два на столь необходимый отдых. Бэзил, тот в успехе не сомневался, а вот Давенпорту было неуютно, особенно когда торные талигойские дороги сменились каменистыми тропами.

Дело было не в отсутствии магазинов и не в том, что Савиньяк нарушал все что можно и нельзя. Изонийское плоскогорье слишком напоминало Старый Надор, чтобы думать о чем-

нибудь, кроме зимнего кошмара. За каждым поворотом Чарльзу чудилась заиндевшая кляча, оказавшаяся гонцом беды. Давенпорт боялся не дриков, а полной тумана бездны, над которой, забыв и о войне, и о том, как их сюда занесло, топтались алые гвардейцы Эпинэ и черно-белые кавалеристы Бэзила. В царстве неожиданной смерти живых швыряет к живым. На грани небытия места недоверию нет.

Они пытались найти дорогу, увязали в снегу, переходили на шепот вблизи нависавших над головами камней, замирали на краю трещин. Люди пытались идти вперед, кони отказывались. Все, кроме приبلудного короткохвостого жеребца. Южане узнали эту лошадь – она была из надорских конюшен. Это давало надежду, и они кружили вокруг бывшего замка и бывшего озера. Сверкал снег, чернели скалы, сияло солнце. Все было таким же неисправимо мертвым, как и здесь, – дальняя, похожая на диадему гряда, равнодушная синь над головой, глухие, не весенние снега, сквозь которые тянулась ниточка жизни... Тысячи муравьев на ладони вечности.

– Капитан Давенпорт! – Подлетевший драгун вряд ли думал о чем-либо, кроме войны. – Вас требуют... Сами требуют. Срочно!

Никогда еще Чарльз не бросался с такой прытью на зов начальства. Любой приказ, любой выговор, любая резкость, что угодно, только не это сводящее с ума сверканье.

3

«Герцогу Окделлу. Приказываю тотчас по получении сего прибыть во дворец. Ты мне очень нужен, Дикон, так что хватит отлынивать. А.Р.»

Государь жил стремительно. Отвозивший письмо во дворец надорский гвардеец опередил королевского курьера не более чем на час. Надорский гвардеец... Эти слова все еще вызывают боль, но отречься от имени нельзя. Надор есть и будет. Надор и Надорэа! Повелители Скал вернут отобранное эсператистами имя и отстроят замок среди других утесов. Возможно, в осиротевшем Лараке или нынешнем Красном Манрике, где нет предательских озер и промытых водой пещер, о которых рассказывал мэтр Шабли. Скалы не могут доверять Волнам – предательство Валентина было знамением, но его не понял никто.

Негромкий кашель камердинера заставил оглянуться. Джереми бы просто окликнул господина, в каком бы настроении тот ни был. Насколько же солдатская прямота лучше лакейской вкрадчивости!

– Ваше платье, монсеньор. Разрешите помочь...

Траурный камзол в услужливо протянутых руках. Словно Спрута раздели! Узкая черно-золотая оторочка ничего не меняет: серое тянется к серому, напоминает о рясе Левия и о крысе из Лаик... Не нужно было загадывать на смерть твари, а загадав, следовало добить. И проверить. Попросить Катершванцев сдвинуть мебель и посмотреть во всех углах. Арамона ничего бы им уже не сделал – ведь они покидали Лаик навсегда.

– Конь монсеньора оседлан, – доложил второй лакей. Все слуги, по распоряжению дядюшки Карлиона, надели серое, но Ричард Окделл не слуга, а Ангерран не Повелитель.

– Принесите парадную одежду. И поторопитесь.

– Слушаюсь, монсеньор.

Ни удивления, ни возражений. Лакею все равно, что наденет господин, лишь бы платил и защищал. Простолюдины думают только о себе, да и среди эзриев дальше своего носа видят единицы. *«Ты мне очень нужен...»* — написал Альдо. Это не просто слова – у сюзерена остались только Скалы и Молнии, но Робер после покушения едва таскает ноги и не верит ни в победу Раканов, ни в собственное предназначение. Нет, Ричард Окделл не вправе отсиживаться за спущенными шторами, он возвращается к своему анаксу. Возвращается в строй.

Отец бы понял сына, а матушка... Она была слишком эсператисткой, чтобы принять Великую Талигойю. Создатель герцогине Окделл был дороже мужа, сына, самих Скал... Матушка не сняла бы траур, даже рушья мир, а Золотую Анаксию, скорее всего, проклала.

Осуждать, не понимая, проще, чем идти вперед.

Слуги мешкали, и Ричард раздраженно дернул шнур звонка. Письмо Альдо словно сорвало прилипшие к ране повязки, вернув боль, а вместе с ней жажду жизни и жажду дела. Казалось странным, что он почти два месяца просидел в четырех стенах, не видя даже снов. Еще утром Ричард тоскливо считал дни до истечения траура, не зная, чем заполнить казавшийся бесконечным досуг; теперь каждая уходящая минута была на вес золота.

4

Савиньяк спешил не напрасно. Нацелившиеся на дальнюю разведку «фульгаты» едва не столкнулись с легкими дриксенскими кавалеристами, и произошло это не так уж и далеко – всего в паре дней пути. «Гуси» явно занимались тем же, что и талигойцы, только было их на порядок больше. Люди Реддинга не дали себя обнаружить, но подобраться к чужой армии поближе они не смогли.

Судя по месту, где были замечены вражеские разъезды, Фридрих или кто-то из его генералов нацелился на тот же мост, что и Савиньяк. Выходило, что обе армии движутся сходящимися маршрутами по разным берегам Изонис, причем дриксы оказались куда расторопней, чем ожидалось.

– Примите мои извинения, господин Проэмперадор. – Подъехавший одновременно с Чарльзом Айхенвальд слегка наклонил голову. – Я недооценил наглость Фридриха. Не представляю, сколько договоров он нарушил, и ради чего? Его рейд нисколько не облегчит положение Дриксен и Гаунау на главном театре, тогда как удар по Бергмарк...

Серый в яблоках мориск Савиньяка выгнул шею, косясь на бергерскую гнедую. Несмотря на усталость, кони чуяли весну, это люди думали о войне.

– Вы слишком солдат, чтобы понять принца, а я решительно склоняюсь к тому, что мы имеем дело именно с ним. – В отличие от Айхенвальда и самого Давенпорта Савиньяк был спокоен. – Спокойно, Грато! Уймись... Норман, напомните мне принятые в дриксенской армии порядки. На какое расстояние у них принято выдвигать дозоры при марше?

Давенпорт тоже мог напомнить, но маршал предпочел спросить генерала. Айхенвальд, правда, не ответил, вернее, ответил по-своему:

– Мы вынуждены петлять вдоль берега, дриксы идут прямой дорогой. – Лошадиное лицо бергера было угрюмым. – Они достигнут Ор-Гаролис уже послезавтра, скорее всего, еще до вечера. На следующий день к полудню переправа завершится. Мы не успеем подойти вовремя, кроме того, наш подход обнаружат – на прибрежной дороге армию не спрятать. Нам не только не удастся перехватить их в горах, как было задумано, внезапного нападения не получится вообще. Самым разумным будет ускоренным маршем вернуться в Талиг и встретить дриксов у Альмины. Туда следует спешно стянуть все, что находится в нашем распоряжении.

– Вот как? – рассеянно переспросил Савиньяк, шаря взглядом по каменной диадеме на горизонте. – Признаться, Фридрих меня удивил. Не ожидал я от него такой прыти... Что ж, на крыльях зависти летают даже каплуны. Хейл, Хеллинген, вы уже знаете?

– Знаю. – Начальник штаба многословием не отличался. – Принимать бой в таких условиях неразумно, к тому же солдаты измотаны переходом. Я поддерживаю план генерала Айхенвальда. Для чего-либо иного у нас слишком мало сил.

– Семнадцать тысяч пехоты, семь – кавалерии, и еще три пехотных полка и один кавалерийский в арьергарде, – напомнил своему жеребцу маршал. – Для кагетов – много, для Бруно – мало, для Фридриха в самый раз. Давенпорт, записывайте: «Полковнику Стоунволлу. Присоединить к своему полку полк Росбека, конноартиллерийскую батарею Хауге и с ними немедленно выступить к Ор-Гаролис. Раньше времени себя не обнаруживать. Атаковать дриксенские дозоры только тогда, когда на подходе появится авангард Фридриха или если будет слышен шум сражения. В обоих случаях следует отбросить вражеское охранение, спешиться, подтянуть артиллерию и удерживать мост. На другой берег всерьез не

рваться, но желание такое демонстрировать, создавать впечатление, что мост нам нужен для переправы...» Записали?

– Пишу, господин маршал.

– Пишите быстрее. Основные обозы вместе с больными и уставшими и вся тяжелая артиллерия остаются здесь, под охраной полковника Смайса, одного полка будет достаточно. Все остальные – к Изонис. Будем переходить вброд, у Проца это возможно. Сегодня переправимся, завтра ускоренным маршем двинемся наперерез. Коротким путем, через холмы. Там меньше дня пути.

– Люди не выдержат. – Хейл даже не пытался скрыть сомнений.

– Люди выдержат, – отрезал Проэмперадор, – лучше подумайте о лошадях. Давенпорт. Приказ генералу Эрмали – полковые пушки и повозки с боеприпасами тащить хоть на руках, но не бросать. При попытке бросить оружие – расстрел на месте.

– Господин Проэмперадор, – голос Айхенвальда стал торжественным, – значит, мы принимаем бой?

– Нет, господин генерал, – по губам Савиньяка скользнула шальная улыбка, – не принимаем. Даем.

5

Дэвид Рокслей поздоровался, отвел глаза и отошел. У него никто не погиб. Обитатели Роксли успели уйти. Большой частью на север, но самые смелые пробрались в Ракану. От них все и узнали...

– Ричард! Как чудесно! – Громкая радость Лаптона была неприятней стыдливой отчужденности Дэвида. – Как же давно я тебя не видел!

– «Вас», – холодно поправил Ричард. – Мы с вами не родичи и не пили брудершафта.

Лаптон оглянулся и глупо хихикнул. Из кабинета Альдо вышел Карваль и, не глядя на придворных, скрылся в сумрачной анфиладе. Ричард только сейчас вспомнил, что коротышка с выражением сочувствия так и не приехал. Едва ли не единственный из занимавших видное положение. Это было достойней лживых утешений, но выглядело оскорблением, на которое придется отвечать. Не сейчас, когда окончатся траур и войны.

– Герцог Окделл, – провозгласил дежурный гимнет, – государь ждет вас. Дорогу Повелителю Скал!

Знакомо стукнули тяжелые створки, запахло горячим вином и специями. Альдо, не поднимаясь с места, кивнул на золотистый кубок.

– Пей. На улице холодно... Я не привык к таким веснам. Хорошо, что ты очнулся. Я, признаться, уже собирался тебя вытаскивать. Мы не можем долго страдать, Дикон. Даже по самым близким.

– Все было бы иначе, если бы я... – Матушка погибла, потому что сын не желал слушать поучений, но доверить это даже сюзерену язык не поворачивался. – Если бы я вызвал их всех сюда.

– Прекрати считать себя более виноватым, чем ты есть, – Альдо стукнул ладонью по столу, – и более любившим. Не надо преувеличивать свои потери. Я понимаю, почему ты себя грызешь, но будь честен – ты же Вепрь, а не Спрут. Вспомни своих родичей. Честно вспомни, без эсператистских посмертных слюней. Такими, как ты их расписывал в Сакаци. Такими, как ты их нашел здесь. Ты мне врал, когда говорил о Надоре?

– Нет! Но...

– Все «но» приписала смерть. – Альдо скомкал какую-то бумагу и швырнул прямо на пол, он часто так делал. – Даже не смерть, а эсператисты. Эти крысы превращают мертвых в святых, а нас – в вечно виноватых. Им нравится заставлять нас ползать на брюхе перед гробами и просить прощения. Не столько у покойных, сколько у своего Создателя. Только мертвые не становятся правыми от того, что умерли. Я не знал твою мать, но сестру и кузена видел... Будь они живы, хотел бы ты их иметь в своем доме? Хотел бы ты, чтобы герцогиня

Окделл была рядом с тобой, рядом со мной, рядом с советом эориев? Каждый день, с утра до вечера?

Ричард не хотел, но они снились в ту ночь, когда пришло письмо. Если б только он их вывез... Но тогда он бы возненавидел!

– Окделлы не врут, – усмехнулся Альдо, – эсператисты не говорят о мертвых плохо. Ты эсператист или Окделл?

– Альдо...

– Молчи уж, твое надорское преосвященство, а я буду каяться во грехах. Я люблю Матильду, до сих пор люблю, хоть она меня и предала, но я рад, что бабка сбежала. Она так и осталась алаткой и не понимает, не желает понять, для чего я был рожден. А твоя матушка? Вдова Эгмонта должна быть на виду, но она – эсператистка, а у нас тут Левий... Этот мерзавец уже подмял Катарину Оллар. Ладно, это анаксия переживет, а если б под оргán заплясала герцогиня Окделл?! Ты представляешь, что бы началось? А твои сестры... Мне их жаль, Дикон. Ужасно жаль, но у Робера и без Айрис глаза на мокром месте, а мозги набекрень. Повелительница Молний не должна быть дикой кошкой. Эория – тень своего мужа, а не его позор. Стала бы твоя сестрица тенью бога или бросалась бы на всех с кулаками?

– Не знаю, Альдо... Я ничего не знаю! Я готов был убить Айри... Я не хотел, чтобы матушка приезжала, привозила Эдит...

– И был прав, – отрезал сюзерен. – Я знаю, я жесток и говорю жестокие вещи, но я не эсператист. Я – анакс и отвечаю за этот мир. За весь, а не за какое-то герцогство или поместье. Я не могу позволить себе врать избранным и не могу позволить избранным ничего не делать, когда из двадцати фамилий можно опереться едва ли на пять. Потому-то я с тобой так и говорю. Плачущий Повелитель Скал, сомневающийся Повелитель Скал, кающийся Повелитель Скал не нужен ни мне, ни анаксии.

Нас не могут подчинить враги, но нас подчиняют родичи. Особенно старшие. Они считают себя вправе навязывать нам друзей, невест, союзников, богов, наконец! Особенно опасны женщины. Истинные боги не зря лишили их силы – они знали, что делали. Ты представляешь, что бы случилось, повелевай твоя матушка или сестра Скалами? Или будь моя бабка в состоянии вызвать Зверя? Тут бы Кэртиане и конец... Знаешь, я чем дальше, тем больше радуюсь, что женюсь на урготской дурочке. Елена слишком глупа, чтобы лезть в мои дела, при этом она знает мне цену, и у нее достаточно широкие бедра, чтоб рожать. А ты еще не оставил мысли связать себя с Катариной Ариго?

– Нет. – Он исполнит любой долг перед анаксией и перед Скалами, но женится лишь по любви.

– Жаль... Что ж, придется отобрать ее у Оллара и отдать тебе, хотя ты достоин лучшего. Разумеется, не сейчас. Когда я получу меч и сверну шею агарисскому крысенку.

– Я буду ждать столько, сколько она скажет, – твердо сказал Ричард. Сюзерен усмехнулся и покачал головой.

– Ты получишь Катарину Ариго, как только я пошлю к кошкам Агарис. Если ты станешь ждать ее согласия, то умрешь холостяком, а я, сам понимаешь, позволить тебе такого не могу.

– Альдо, нет! Катари уже однажды... Ее уже вынудили выйти замуж за Оллара.

– И правильно сделали. То есть не то, что за Оллара, а то, что заставили. Видел я таких девиц... Одни молитвы и волосы. Дай им волю, всех в слезах утопят и так ни на что и не решатся. Понимаю, что после матушки и сестры тебя на овечек тянет, но овечек надо пасти. Одно хорошо, Катарины тебя не предаст. Раз уж она от мешка этого своего не отреклась...

– Мой государь, – положил конец разговору Ричард, – вы сказали, что я вам нужен. Что я должен сделать?

– Что ты должен сделать? – Взгляд Альдо стал лукавым. – Для начала вспомнить, что мы на «ты». И что у меня слишком мало друзей, с которыми я откровенен, в том числе и для их же блага. Так что изволь слушать и не перебивать. Ты меня понял?

– Да! – Но о Катари с сюзереном он говорить все равно не будет. Альдо любит только анаксию, он просто не поймет...

– Очень хорошо, – кивнул Альдо, углубляясь в кучу бумаг, – тем более о любви я уже все сказал, теперь о деле. Не мне тебе рассказывать, до чего докатились наши законники. Спрутью слизь так быстро не оттереть. Манрикам это, по крайней мере, не удалось, хотя жаль... Доведи навозники дело до конца, мне было бы проще, но они бросили на половине. А может, твой «друг» Валентин успел с ними сговориться, потому и уцелел?

– Так оно и было. – Ричард словно вживую увидел длинную физиономию с глазами-ледышками. – Спрут всех и предал... Он был трусом еще в Лаик!

– Несомненно, но сейчас не до него. Если дом нельзя отмыть, его сносят. Нынешний суд не отмыть, потому я его к кошачьей матери и разогнал. Вместо него будет Высшая Судебная Канцелярия во главе с супремом. Потом мы все переназовем. Надеюсь, ты помнишь, кого в Гальтарах называли «Законником»?

– Помню.

Закон, нерушимый, как Скалы, и Повелитель Скал. Хранитель буквы Закона, того самого, что выбивают на каменных скрижалях...

– В таком случае приступай, господин супрем. Мантия и нагрудный знак с меня.

– Я... – растерялся Ричард. – Что надо делать?

– Откуда я знаю? Посмотри, кто под судом, какие дела в рассмотрении, что за судьи, кого гнать, кого оставлять. Всех, кто имел дело со Спрутами, – к кошкам! Комендантов тюрем вызови, узнай, что им нужно, да мало ли... Главное – начать разгребать эту рухлядь. На, держи! Писал утром, прочитай твои каракули.

– Альдо, – Ричард с сомнением развернул внушительный указ, – я военный, а не чиновник.

– Ты хочешь быть военным, – не согласился государь, – но камни не плавают. Тебе от отца достались честь, преданность и упорство... Закатные твари, да они теперь только у тебя и уцелели. Ты смел, но ты не военный и им не станешь. Истинные Боги отдали Скалам Закон, а не Войну, иначе Франциск не захватил бы Талиг, а твой отец – не проиграл Борраске...

Надо смотреть в глаза правде, Дикон. Воюют Ветра и Молнии, Скалы и Волны строят. Ты не справился с должностью гражданского коменданта, ты даже со Спрутом не совладал, и это не твоя вина. Мне не нужен еще один незадачливый полковник, мне нужен «Законник», как в Гальтарах, а справедливость у тебя в крови, как войны у Боррасок, даже если их сейчас зовут Алва. Истинные Боги, да никак я тебя уговариваю, когда могу просто приказать. До чего все-таки доводит дружба! Так ты согласен?

Разве можно было ответить «нет»?

Глава 7

Кадана. Изонийское плоскогорье 400 год К.С. 22-й день Весенних Скал

1

Подниматься пришлось затемно. Ночевка в продуваемых колючими ветрами предгорьях вышла не слишком приятной, но за полтора дня гонки армия вымоталась так, что была бы рада даже Закату. Лишь бы упасть и уснуть. О солдатах бросившийся наперерез Фридриху маршал заботился меньше, чем о лошадях, но больше, чем об офицерах. По крайней мере, свите командующего добраться до палаток удалось часа на два позже, чем драгунам Бэзила, а подниматься пришлось на час раньше – Савиньяк собирал то, что почему-то называл советом.

– Как в лагере? – Проэмперадор принимал офицеров на склоне холма. Впрочем,

палатку командующего уже разбирали.

– Люди устали. – Явившийся первым Хейл-старший был краток. – Очень.

Савиньяк не ответил. О том, что все на пределе, маршал знал не хуже генералов, что не мешало ему гнать армию со скоростью, достойной Ворона. И Фридриха. Лишние обозные повозки бросили еще за Изонис вместе с тяжелой артиллерией, ротными котлами, половиной палаток и прочим добром, мешавшим перейти несущуюся по обледенелым камням реку. Эту переправу Чарльз запомнил надолго – припасы волокли на руках, легкие пушки перетаскивали на канатах, переправившиеся сразу же уходили в холмы. Обсохнуть и согреться Савиньяк не давал – не было времени. Шли без передышки и весь следующий день. Спотыкаясь на склонах, увязая в скопившемся в низинах снегу, одновременно обливаясь потом и дрожа от холода. Ели на ходу, запивали из походных флаг сухари и вяленое мясо, на отстающих не оглядывались. То, что было невозможно бросить, волокли на себе. Приказ на остановку Прозмперадор отдал затемно, когда до долины, в которой собирались перехватить дриков, оставалось несколько часов пути. Даже сейчас, после ночного отдыха, предстоящая дорога казалась страшнее боя. Его Давенпорт все еще ждал, хоть и много меньше, чем в начале гонки, но седло и отсыревшие сапоги вызывали животный ужас. Деливший с Чарльзом палатку весельчак Сэц-Алан шмыгал носом и утешал, что бывает и хуже. Чарльз с маршальским адъютантом не спорил, вспоминая собственный бросок в Фельп, но прошлые злость и усталость всегда слабей настоящих.

Небо на востоке начинало зеленеть. Из лагеря потянуло гарью – внизу, в укромных местах, торопливо разводили костры. Уходящая ночь еще скрывала дымы, а северный ветер сносил их к реке, не забывая при этом пробираться до костей и без того дрожащих людей. Генералов трясло так же, как солдат, а явившийся к командующему последним Фажетти чихал не хуже батареей генерала Эрмали, на что не преминул указать Айхенвальд. Бергер казался отдохнувшим и довольным. Единственный из всех, считая маршала.

– Господа, – раздавшийся наконец голос Савиньяка был хриплым то ли со сна, то ли от начинавшейся простуды, – солдаты просто устали или уже разозлились?

– Боюсь, второе, – прохрипел Фажетти. Этот был простужен без всякого «то ли».

– В таком случае, – отчеканил маршал, – вам надлежит объяснить по полкам: все трудности и неудобства сегодня закончатся. Победой. Иначе зачем было лезть в этот ледник? После боя люди смогут как следует отдохнуть, но сперва придется вырвать перья уродам, из-за которых мы здесь мерзнем. Пусть все до последней клячи уразумеют – во всем виноват Фридрих. Не будь его, крутили бы мы сейчас усы в Надоре.

Айхенвальд удовлетворенно кивнул, Бэзил хихикнул, Фажетти чихнул и выругался. Хейл-старший с сомнением пожевал губами, но спорить не стал. Он не имел обыкновения оспаривать неизбежное. Промолчали и Хеллинген с Эрмали. Прозмперадор поежился и глянул вверх. Звезды бледнели на глазах – весна еще не грела, но уже светила.

– Выступаем ровно через час. – Савиньяк родился на юге, но в Бергмарк он был бы вполне уместен. – О диспозиции. Ночью вернулась разведка. Реддингу удалось наконец оценить численность дриков и порядок марша. Больше сомнений нет, это Фридрих собственной персоной. Разъезды видели его штандарт, его гвардейцев и его самого.

Конь у принца и в самом деле вороной. Кроме коня и эйнрехтских подхалимов при высочестве тысяч тридцать пять или чуть больше, в том числе тысяч восемь конницы. Дриксы и гауна идут вперемешку. Штандартов, известных по Бергмарк, замечено не было, так что перевалы Хайнрих не оголил. Видимо, зятю достались полки, набранные в помощь Дриксен, но недооценивать «медведей» я бы поостерегся, там паче мы не знаем, кто их ведет и до какой степени они подчинены Фридриху. Главное, полковые обозы – все! – сведены в один и присоединены к общему.

Все имущество вместе с армейской артиллерией тащится в хвосте, потому что принц спешит. Кавалерия частично идет перед обозом, частично – в авангарде. Если судить по только что замеченным дозорам, Фридрих поднял армию даже раньше нас. К Ор-Гаролис дриксы намерены добраться где-то к полудню, но тут они ошибаются. Мы атакуем их

гораздо раньше.

...Зеленеющее небо, дым, черные иззубренные горы, песок в воспаленных глазах и озноб. Бой будет сегодня. Первый настоящий бой Чарльза Давенпорта, но нет ни страха, ни возбуждения. Холод, раздражение, усталость, разве с этим идут в атаку, хотя какая атака у офицера для особых поручений? «Маршал Ли бросает в бой себя, когда не остается резервов», – шутил Бэзил, только что считать резервами? Вайспферта? Реддинга с его «закатными кошками»? Штабной отряд?

– Господин маршал, – подал голос Эрмали, – я хотел бы получить более развернутый и подробный приказ.

– Как и я, – поддержал артиллериста Лейдлор.

– Почебу дадо атаковать дебедледдо? – Фажетти никогда не боялся возражать, а гонка и простуда не отбили у рафианца охоты думать собственной головой. – Разве де разубей выждать, пока противдик де устроит деразбериху при переправе?

Лионель Савиньяк привычно обвел глазами пятерых генералов и двух полковников. Он всегда разглядывал подчиненных, прежде чем приказать.

– Насчет неразберихи не ободряйтесь, – таким тоном говорят во дворцах, – дриксы – люди серьезные. Будьте уверены, каждый полковой командир уже получил соответствующий приказ и знает, когда и как он будет переходить мост и где располагаться как до переправы, так и после. Но это неважно, хуже другое. Даже Фридрих не в силах внушить гаунассским конным егерям и их командирам должную глупость.

«Фульгаты» проявляют чудеса изворотливости, но всей армии это сделать вряд ли удастся. Долину, которую нам предстоит пересечь, гаунау проверяли вчера вечером и сегодня рано утром. Чем дольше мы будем ждать, тем больше шансов, что нас обнаружат. Не следует желать всего, сразу и задешево, и еще меньше следует считать противника сборищем дураков. Нам и так несказанно повезло с его высочеством, так что будем атаковать сейчас.

– Егеря – серьезный довод, – принял сторону командующего Айхенвальд. – Пусть лучше нас заметят уже на подходе. Каковы приказы по полкам?

– Я не собираюсь составлять подробный план. – Хрипотца в голосе Проземперадора почти исчезла. Савиньяк был здоров, просто не выспался. – Мы не знаем, когда именно нас обнаружат и кто перед нами окажется, а без этого любая диспозиция – письмо на воде. Это Бруно с фок Варзов успели чуть ли не родственниками стать. Нам «медвежьих» генералов придется пробовать на зуб. С «гусьями» легче, никто из них не умнее Фридриха, и никто из них против него не пойдет, пока принц дееспособен или так полагает. Из этого и исходим.

Нужно как можно ближе подобраться к хвосту колонны. Если получится – застать врасплох арьергард и, разгромив и разогнав его по окрестностям, захватить обозы. Как вы понимаете, без них дриксы серьезной угрозы для Надора не представляют. Провести задуманную кампанию без припасов и тяжелой артиллерии Фридрих не сможет.

– Как и де сбожет хорошо сражаться с даби сейчас, оставшись без большей части пороха, – уточнил повеселевший Фажетти. – Пребущество в восебь тысяч в этоб случае несуществеддо.

– И все-таки, – уточнил Айхенвальд, – я бы предпочел более подробные указания.

– Я не Пфейтфайер, – отрезал маршал, – а вы – не Бруно. Наше дело – лишить Фридриха движимого имущества и по возможности рассеять по обоим берегам. Как сложится на деле – увидим, когда начнем. Потрудитесь не увлекаться и четко выполнять приказы. Если они будут. В противном случае придется решать на месте. Вы – опытные офицеры, в вашей храбрости и здравом смысле никто не сомневается, так что желаю успеха. И не забудьте напомнить людям, по чьей вине они натерли ноги.

Чарльз не слышал, что говорили солдатам офицеры, но слова эти пришлось к месту. Затемно оставившие уютный лагерь войска больше не нуждались в понуканиях. Армия,

подобравшись, словно охотящийся волк, спешила наперерез уже совсем близкому врагу. Оставалось пересечь небольшую ложбину между двух отрогов, а затем и сами отроги. За ними лежала безымянная долина, по которой маршировали дриксы и гаунау. Хотелось думать, что встреча станет для них неожиданностью.

Солнце так и не показалось, серое небо сливалось с серыми горами, а тишина была тяжелой и вязкой, точно доживающий последние дни снег, что сосредоточенно месили тысячи башмаков и копыт. Люди хотели боя и знали, что им предстоит, а вот Чарльз не знал ничего. Садясь на коня, маршал обронил, что дело капитану Давенпорту найдется, и как бы этого дела не оказалось слишком много. Оставалось довольствоваться обещанным, к тому же прочим свитским не досталось и этого.

– Еще часок, и начнется, – подсчитал неугомонный Сэц-Алан. Адъютанту ответили, завязался ни к чему не обязывавший приглушенный разговор. Из-под снега выползла треугольная глыба – словно подняла голову гигантская змея. Гадина скалилась и плакала ледяными слезами – узкий быстрый ручей скакал меж ледяных наплывов и исчезал в сугробах. Это было бы красиво, если б не напомнило о Надоре. Там тоже из скал били ручьи. Один родился прямо на глазах, вырвался из-под обрушившейся глыбы, превратился в ревущий поток и, ворочая валуны, ринулся вперед, чтобы через сотню шагов сгнуться в бездонной трещине.

– Хорошо, что нет дождя, – быстро произнес Чарльз, выталкивая себя из надорского ужаса.

– Запоздалая весна нам на руку, – подтвердил капитан «фульгатов». – Эх, на холмик бы сейчас, оглядеться!

– Ты всю ночь оглядывался, кот закатный. Другим дай.

– Чужие глаза – не свои.

– Первый эскадрон уже у холмов.

– С того, пузатого, долина как на ладони.

– С него и смотрят.

– Мы-то их видим, а вот когда они глаза протрут...

Адъютанты и разведчики привставали в стременах, разглядывая совсем уже близкую грядку и торопящиеся за кавалерией пехотные полки, заранее развернутые в боевой порядок. Первый из эскадронов Бэзила почти добрался до склонов, его дозорные наверняка уже наверху. Чарльз дорого бы дал за то, чтобы оказаться вместе с ними. Долгий путь, скопившееся раздражение, чувство вины за прошлое бессилие требовали выхода. Если то же чувствуют и другие, драка выйдет безжалостной. И хорошо!

Остатки прошлых неудач упали под копыта грязными ледяными ошметками. Давенпорт провел рукой по ольстрам и внезапно рассмеялся.

– Что с вами, капитан? – удивился молодой Лецке. – Вы начинаете смеяться, когда Сэц-Алан становится серьезным.

– Вам, часом, не случалось бывать в Варасте? – Отвечать вопросом на вопрос невежливо, но он, слава Создателю, не во дворце.

– Нет...

– Но про его преосвященство Бонифация вы, надо полагать, слышали? Он благословил меня воевать с миром и при этом посоветовал не доверять ольстрам и заворачивать пистолеты в промасленную кожу.

– Ну а вы?

– Разумеется, я его послушал.

– Это ваш первый бой?

– Да.

– Возьмите мои перчатки. На счастье.

– Благодарю.

Кони прошли едва ли больше сотни бье, когда впереди треснули первые выстрелы. Началось...

Черно-белый драгун подлетел галопом, что-то коротко доложил капитану охраны, и тот развернул жеребца. Теперь уже двое всадников спешили наперерез Проэмперадору.

– Господин маршал, – капитан успешно сочетал гвардейскую четкость с быстротой адуана, – сообщение от генерала Хейла. Три десятка конных егерей неожиданно стали подниматься на холм, где были наши разведчики. Возникла опасность, что с вершины гаунау увидят подходящую армию. Командовавший разъездом тенъент Аньи предпочел обнаружить свое присутствие, но сохранить в тайне присутствие и численность всей армии. Разъезд открыл огонь. Егеря, потеряв несколько человек, остановились и вступили в перестрелку. Двое всадников усакало в сторону арьергарда.

Лицо Савиньяка осталось бесстрастным. Маршал лишь слегка повернул голову в сторону вновь замолкшей гряды.

– Что ж, – равнодушно заметил он, – нас и так не замечали достаточно долго, чтобы назвать это удачей. Лецке, поторопите артиллерию. Эрмали срочно ко мне! Корнет, что на дороге? Кто перед нами сейчас? Кто и в каком порядке уже прошел?

– Сейчас идут пехотные части, – оживленно выпалил драгун, и Чарльз внезапно понял, что для корнета этот бой тоже первый. – «Крашенные гуси» – синие и красные. Авангард полностью рассмотреть не успели, но замыкали его два полка пехоты, кавалерия прошла раньше. Основная колонна прошла с отставанием на полчаса. Там были Фридрих с гвардейскими частями, «медведи», а дальше – «крашенные».

– Полковые обозы с ними?

– Гвардия идет с обозами, остальные – нет. Общих обозов и артиллерии не видно. Кавалерии, кроме разъездов и тех, что уже прошли, тоже.

– Давенпорт. – Теперь черные глаза смотрели на Чарльза, и капитан невольно вздернул подбородок. – Отправляйтесь к Хейлу. Старшему. Пусть немедленно атакует, но оставит всех кирасир в резерве. Задача – рассеять ближайшие мушкетерские роты, не дать им подготовиться к стрельбе и тем более – укрыться за пикинерами. По исполнении двигаться в сторону головы вражеской колонны, разгоняя всех, кого можно. Успевших перестроиться пикинеров не атаковать! Беречь людей и слушать сигнальные трубы. По сигналу немедленно прекратить атаки, собрать эскадроны и вернуться. Вам надлежит оставаться рядом с Хейлом. Проследите, чтобы brave кавалеристы не увлеклись и не прозевали сигнал. Все ясно?

– Да, господин маршал.

– Отправляйтесь.

Приказ ускорить движение пехоты Чарльз услышал, давая шпоры коню.

Глава 8

Кадана. Изонийское плоскогорье 400 год К.С. 21-й день Весенних Скал

1

Четыре с половиной тысячи всадников по сигналу горна перешли на легкий галоп и, обтекая холмы, тремя потоками вырвались в долину. Во фланг маршировавшим дриksam. Не отстававший от Хейла Чарльз видел, как остановились и смешались стройные ряды, как началась видимая даже издали суэта.

Синие фигурки приближались, росли, и вместе с ними росла дальняя гряда, а по бокам рябыми совиными крыльями вздымались снежно-каменные склоны. Конный поток, с которым скакал Хейл, стремительно накатывал на вражеский строй. Казалось, еще немного, и генерал врубится в него, как простой драгун, а дриksы так ничего и не предпринимали. То

ли ждали приказов, то ли просто не поняли, что случилось. Десяток выстрелов где-то наверху обернулся конными тысячами – от такого растеряешься, но не сочувствовать же! Кто их звал в Кадану? В Хексберг? В Придду? Вообразили себя орлами... Гуси!

Пение труб, поющая в ответ земля и свои – впереди, по бокам, сзади. Бьются по ветру знамена, приближается враг, но ты не один, не сам по себе! Ты – часть великой силы, пробудившейся, чтобы смять, сокрушить, покарать вторгшихся в эти горы глупцов, ты сам часть этих гор! Ты защищаешь их, защищаешь себя, защищаешь Талиг!

– Капитан! Капитан Давенпорт... Вправо!

– Чарльз!

– Поворачивай!

– Давенпорт, да очнитесь же!

Несущаяся лавина распадается на отдельные камни. Рокочущий гул слабеет, сквозь него прорывается ржанье, выстрелы, топот. Колонны врага совсем близко, но Хейл забирает вправо, пропуская идущих в бой. Конечно... Командующий может лишь смотреть. Атаки, рубка, лица врагов, брызнувшая кровь... Это для тенъентов и капитанов. Тех из них, кто не привязан намертво к начальству.

Генеральская кавалькада прижимается к крутому склону. Снег укрывает спящие валуны, а тропа уводит в небо. Чужая тропа, в которую впились можжевеловые кусты, разрывая корнями камень. Она вьется вокруг холма, выводит на небольшую террасу. Можжевеловые ветки дрожат, дрожит, просыпаясь, каменное нутро предгорий.

– Хорошее место. – Хейл тянется к зрительной трубе. – Спасибо, Эрик.

Генералы и маршалы видят мир иначе, чем простые смертные. Или делают вид. Чарльз смотрел вместе со всеми, но ничего глубокомысленного в голову не приходило. Долина как долина. Неширокая, каменистая. По дальнему краю петляет безымянная речка, в нескольких хорнах к востоку она вольется в Изонис. К западу долина сужается, где-то там, за сблизившимися холмами, – пока не появившийся вражеский арьергард и обозы. Еще полчасика-час, и Фридрих остался бы без хвоста, который сейчас важнее головы.

А внизу идет сражение... Странное зрелище, словно гравюра ожила. Построенная в походные ротные колонны пехота дефилировала долиной в два потока, мушкетерские и пикинерские части вперемешку. При виде надвигающейся конницы дриksы бросились перестраиваться, но из-за растянутости сделать это быстро не получалось, а передовые эскадроны уже перешли на галоп. Остается шагов четыреста... триста...

– Это ведь ваш первый бой, Чарльз?

– Да, господин генерал.

Сколько раз он сегодня отвечал на этот вопрос? Сколько раз еще ответит?

– Тогда смотрите.

Тяжесть зрительной трубы в руках и улыбка, до которой никогда не снизойдут Савиньяк и Ворон.

– Молодцы! Хорошо взяли! Видите?

– Вижу!

Галопом пошла вторая линия... Чарльз сам не понял, как привстал в стремях, не в силах оторваться от открывающегося зрелища. Конной атаки он не видел никогда, тем более сверху, когда и свои, и чужие как на ладони, и только расстояние и редкие облачка дыма мешают разглядеть отдельных всадников. Сердце колотилось, словно он тоже несясь вперед, а глаза отмечали, что люди Бэзила неплохо держат строй, эскадроны идут ровно, колено к колену, как требует устав, тройные линии всадников почти не изгибаются. Зато противник...

– Не успеете, гуси перелетные! – довольно хмыкнул генерал. – Теперь уже не успеете!

Не успевают... Не успели! Пикинеры оказавшегося под ударом полка так и не собрались в общий строй, чтобы прикрыть своих мушкетеров, а те не успели ни спрятаться за пикинерами, ни запалить фитили. Обтекая ошетилившиеся пиками крохотные островки, кавалеристы обрушились на беззащитных стрелков. Это было изумительно!

Он играл за Фридриха. Он был Фридрихом, как до этого был каданским фельдмаршалом, Штанцлером, Фердинандом, Сильвестром... Стать другим и сыграть сперва за него, потом – за себя. Честно, не подменяя карт. Чтобы подменить карты, нужна ловкость, чтобы кем-то стать – только разум, знание и расчет...

Эмиль – тот думал, что станет делать сам, Лионель старался понять, что, когда и почему сделают другие. Так он и попал во дворец, и лучше б ему там и оставаться. Он сыграл за Сильвестра и проиграл, потому что поверил врачам и до весны сбросил смерть со счетов, а она передернула. Это стало уроком, тем уроком, который не дает ничего, потому что разлитое вино и разбитая ваза никому не нужны.

Прозмперадор Севера не спеша ехал впереди своей свиты. Звуки боя из-за гряды отвлекали, будоража прежнего разухабистого корнета, свободного и от сомнений, и от подчиненных. Хотелось выхватить шпагу и рвануть к Хейлу, но успешное начало – еще не победа. У дриков имелся не только Фридрих, но и авангард с арьергардом, теперь предоставленные самим себе. О тех, кто ими командовал, Савиньяк не знал ничего, даже предполагаемых имен. Это могли быть дураки. Могли быть трусы. Могли быть трусы и дураки, а могли – храбрецы и умники, которые, заслышав выстрелы и поняв, что от принца толку мало, сыграют сами. Значит, надо ждать атаки спереди и сзади и держать наготове резервы, а Хейл справится, как и Айхенвальд.

Генералы не подведут, а Фридрих поможет. Его высочество – отменный союзник, если понять, что с ним делать. Лионель понимал. Недаром он собрал про рвущегося к славе принца все, что только возможно. Вплоть до восхвалявших «Неистового» поэм, за которые герой платил как за кровных морисков. Теперь собранные нитки соткались в узор. В гобелен, на котором царит неразбериха. В этом Фридриху доверять можно. Целиком и полностью. И командующему его гвардией тоже. Моргеншайн не дурак, но царедворец, он не выиграет там, где проигрывает принц. Он будет ждать приказа и будет выполнять этот приказ. Он и весь эйнрехтский букет, а вот гаунау... Гаунау в союзе с Дриксен. Гаунау веками лезут на перевалы. Гаунау непримиримы и неуступчивы. Они умеют драться и один на один, и когда один против четверых, но хорошо драться еще не значит хорошо воевать. В Двдцатилетнюю полки гаунау были безупречны, но генералы гаунау думали по-гайифски и в итоге проиграли. С тех пор «медведи» рычали только в горах и вот теперь вышли в каданские предгорья, где им делать нечего, особенно сейчас. Вышли на стороне старых союзников против старых врагов...

Прискакал порученец. Лионель – маршал Талига выслушал, велел передать Хейлу свое одобрение и требование развивать успех и вновь стал принцем дриков.

Лионель-Фридрих был в ярости, ведь он предусмотрел все! Еще вчера к мосту у Ор-Гаролис отправился сильный разъезд. Три сотни, а может, все пять! Пришел доклад, что все спокойно, да и кто мог там болтаться, кроме каданских трусов? Утром армия выступила. Вовремя, слаженно. Каждый генерал, да что там, каждый полковник имел подробнейший ордер. По всем расчетам, сразу после полудня основные силы должны были начать переправу. Все шло, как задумано, и тут – гонец. Командир арьергарда доносит, что их разъезд обстрелян на близлежащих холмах. Бред! Никаких врагов здесь нет и быть не может. Каданцы на такую дерзость никогда не осмелятся, Ворон в клетке, а северная армия Талига тупо ползет к Бергмарк.

Фрошеры ждут привычной весенней войны, им и в голову не придет обернуться к разбитой Кадане. Нужно быть Неистовым Фридрихом, чтобы отбросить дурацкие договоры, шагнуть в огонь и зажечь факел победы! Тот самый, из поэмы Вильгельма Никкера.

Что ж, ваше высочество, маршал Талига Лионель Савиньяк, в отличие от заклеянных Никкером тугодумов и завистников, от вас не отворачивался. Он вас понял и намерен понимать и впредь! Сейчас вы вне себя. Вы гоните посыльных с приказами, требуете выяснить, что случилось, и приказываете остановиться, но армия уже стоит. Порученцы

возвращаются. Вместе со встреченными на полпути гонцами. Они сообщают, что многочисленная конница из-за холмов атакует хвост колонны. Это фрошеры, ваше высочество. Те самые, которых здесь не может быть. Ваши хваленые «крашенные» не успели перестроиться. Бедняги ничего не успели! Знаменитого дриксенского порядка больше нет. Есть растерявшиеся, ничего не понимающие люди, которых вы утром вытащили из палаток и погнали в западню...

Сколько раз вы представляли, как ослепший и оглохший Бруно подпускает врага, а вы, подобно Кэналлийскому Ворону, выхватываете пистолет? Выстрел. Глупый фельдмаршал валится к вашим ногам, вы принимаете командование и ведете армию к победе. Вы не боитесь, что в вас сейчас выстрелят, принц Фридрих? Не боитесь. В вашей личной свите нет и не может быть того, кто рискнет головой ради победы Дриксен. Вы можете спокойно потрясать кулаками.

– Лецке, передайте, чтобы Фажетти не задерживался в холмах. Сэц-Алан здесь?

– Да.

– Позовите.

Забавно, прошло не больше получаса, а жизнь до первых выстрелов словно дымом заволокло. После боя пелена рассеется, и время вновь станет самим собой. Пять минут – для того, чтобы выпить бокал, а не прикончить пару себе подобных...

– Господин маршал! Теньент Сэц-Алан.

– Отправляйтесь к Айхенвальду. Пусть продолжает. Не хуже, чем начал Хейл.

3

Везде, насколько хватало глаз, шедшие галопом эскадроны втапывали мечущихся «крашенных» в снег, разворачивались, неслись вдоль колонн, опять поворачивали, продолжая сеять беспорядок. Сопротивления почти не было. Только небольшая часть мушкетеров успела под защиту пик. Льдинки порядка в кипящем котле поражения, они все-таки стреляли! Эти выстрелы, редкие и разрозненные, не могли остановить разогнавшуюся конницу, но выдыхаемый мушкетерами дым местами уже затягивал поле боя, мешая разглядеть подробности. Главное, впрочем, сомнений не вызывало – атака почти нигде не застопорилась. Судьба улыбалась Талигу во весь рот, словно Хексберг и Кадана могли искупить Олларию.

– Каково? – требовательно спросил Хейл и, не дожидаясь ответа, признался: – Вам, Давенпорт, повезло. Мне пятьдесят три, но я впервые смотрю на бой с такими удобствами. Внизу будет жарче, дельце-то не из простых. Отменное дельце!

Чарльз честно поборол зависть и улыбнулся:

– Бэзил... Полковник Хейл свою задачу выполнит.

– С него станется, – кивнул родитель, на мгновение перестав быть командующим кавалерией. – А вы, капитан...

– Айхенвальд! – почти взвизгнул один из «фульгатов», мужественно отвернувшийся от притягательного зрелища в долине ради дефиле. – Пошел!

Генералу сразу же стало не до капитана и не до воспоминаний. Сдвинув густые рыжеватые брови, Хейл с довольным видом уставился в проход, откуда выплывало знакомое знамя. Вспыхнули алым еще более знакомые оторочки. Гвардейцы! Первыми в бой Савиньяк пустил тех, кого привел с собой, но лучше б гвардия осталась с Фердинандом и Люра достался бы Савиньяку! Всем было бы легче, даже разрубленной гадине. Пуля милосердней кровавой «перевязи», хотя Люра ее и заслужил. А лезущие в Талиг дриксы заслужили бойню!

Зрительную трубу Чарльз давно вернул, но наступающие колонны было видно и невооруженным глазом. Сложись судьба иначе, Чарльз бы тоже шагнул в гвардейском строю. Воевал бы, а не глазел. Разрубленный Змей, сколько можно думать про «иначе»?! Ты там, где ты есть. Твое дело – удерживать Хейла, если кавалерия начнет зарываться. Смешно,

разве такие зарываются, а зарвавшись, разве слушают капитанов?

Кавалеристы торопились. Они понимали, что отпущенное им время почти истекло. Развернувшись фронтом к Ор-Гаролис, конница продолжала атаку, оставив недостроившиеся каре пехоте, а та наступала. Мерным шагом, в строжайшем порядке, да иного Айхенвальд и не допустил бы!

– Сожалею, господа, – сожаление в голосе Хейла было неподдельным, – но столкновения мы не увидим. Пора догонять наших мальчиков. Не грустите, Давенпорт. Обнажить шпагу вы еще успеете, а вот воспарить над битвой еще разок вам вряд ли скоро удастся.

– Господин генерал, я исполняю свой долг там, где меня поставили!

Внизу гроыхнул по-настоящему мощный мушкетный залп, потом второй, и сразу же за ним раздался глухой рев. Начиналась схватка пехоты.

Глава 9

Кадана. Изонийское плоскогорье 400 год К.С. 22-й день Весенних Скал

1

Если б не егеря-гаунау, первый удар мог прийтись по арьергарду и обозам. Не получилось, арьергард уцелел. Теперь с той стороны следовало ждать ответной атаки, и хорошо бы побыстрее. До того, как Хейл уйдет совсем уж далеко. Возвращать кавалерию без причины, просто чтобы была под рукой, нежелательно.

Савиньяк опер подзорную трубу о колено и обернулся к изрядно подтаявшей свите. Начальник штаба, двое адъютантов, капитан охраны и четверо «фульгатов», вместо того чтоб есть глазами начальство, любовались тем, как Айхенвальд, развивая успех Хейла, со знанием дела давит разобщенные части противника. Зрелище было приятным, только помимо главных сил, с которыми управлялся Айхенвальд, были еще авангард и арьергард. Они в игру пока не вступали.

Взгляд командующего скользнул по разгоряченным, довольным физиономиям, но жизнь адъютантская не есть блаженство вечное.

– Выслать дополнительные разъезды в сторону арьергарда дриков.

– Будет исполнено.

– Фажетти ко мне!

Лецке бросил последний жадный взгляд на атакующих и исчез вместе с долговязым «фульгатом»; оставшиеся нависли над обрывом, рискуя свалиться вниз. Что ж, сейчас талигойцам как никогда душеполезно лицезреть вражеские пятки. Мелькающие.

Сам Лионель на подвиги Айхенвальда почти не смотрел – труба Проземперадора раз за разом поворачивалась на запад, где топтался обоз. Увы, под защитой немалого арьергарда. Если у его командира на плечах голова, а не пустая каска с белым пером, и если онный командир не желает Фридриху немедленной смерти, он пойдет на прорыв. В арьергарде тысячи четыре кавалерии и около трех – пехоты. Неплохой кулак, только как он станет бить? Обойдет холмы, чтобы накормить фрошеров их же варевом, или, не мудрствуя лукаво, со всей силы двинет в тыл атакующему Айхенвальду?

Будь в арьергарде сам «Неистовый», Лионель чувствовал бы себя спокойней, но принц продефилировал мимо разведчиков Реддинга пару часов назад. Сейчас гений стратегии и тактики был ближе к авангарду. Оскорбленный известием, что не он один такой... непредсказуемый.

– Фрошеры... в Кадане... большими силами, – одними губами произнес Лионель, ощущая себя возмущенным до глубины души Фридрихом. – Да что они себе позволяют!

В светлом круге снова поплыли камни, снег, хромающая лошадь, кое-как

выстроившаяся грязно-красная шеренга. Попавшим под удар разрозненным отрядам устоять не удалось. Смешавшись под мощными гвардейскими залпами, дриксы пятились, неся внушительные потери. Отвечать как следует они не могли – слишком мало, спасибо Хейлу, оказалось в их строю мушкетеров, но крашенные «гуси» славились стойкостью. Они и сейчас пытались бить крыльями. Бесполезно. Талигойская волна безжалостно катилась стремительно входящей в историю долиной.

Айхенвальд атаковал умело и аккуратно, последовательно обрушиваясь на растянувшиеся вдоль дороги колонны, и так приведенные в замешательство кавалерийским налетом. Роты и батальоны рассеивались один за другим. Вот и сейчас неровный строй дрогнул. Кто-то осел на красный снег, кто-то отшатнулся в синюю тень, подался назад, угодил под ноги товарищей... Недостроенное каре под напором пехоты на глазах превращалось в толпу.

– Господид баршал, – глаза Фажетти блестели то ли от возбуждения, то от простуды, – явился по вашему приказанию.

– Отлично. Представьте себя парящей птицей и гляньте на дриксенский арьергард. Он ваш.

– С обозаби?

– Возможно.

Прошло достаточно времени, чтобы Фридрих опомнился и начал делать хоть что-то. Самое естественное – выстроить боевую линию поперек долины, лицом к обнаглевшим фрошерам. Перекрыть все проходы от холмов до реки, встать насмерть, не давая обойти себя с флангов, и послать к арьергарду с приказом атаковать. Пусть как хотят, но пробьют дорогу и подтащат повозки с боеприпасами. Эмиль, тот сделал бы это и без приказа, но сам Лионель четырежды бы подумал, прежде чем выручить какого-нибудь Колинъяра. Государственные интересы порой требуют и не таких жертв. Разменяв одну из армий на избавление от полувенценосного дурака, Дриксен и Гаунау оказались бы в барыше. Понимал ли это доставшийся Фридриху генерал, оставалось только гадать, но Савиньяк предпочел бы честного вояку.

Глаза маршала лениво скользнули по вершинам ближайших холмов, на которых истуканами торчали дозорные. Застать талигойцев врасплох не получится, да и откуда дриксу знать, что там, за холмами, и все ли силы врага вышли в долину? Нет, господин Гусак в обход не пойдет, даже самый умный. Значит...

– Марций, развернете полки прямо там, где мы вышли в долину.

– Долида расширяется, до реки останется деприкское пространство. Придется растянуть лидию.

– Растягивать порядки неразумно, а дыру закроет Хейл. Вернется и закроет, а пока Эрмали передаст вам дополнительно три батареи. Этого хватит.

– Иду. – Фажетти улыбнулся. – Вы правильно де послушали дядюшку. Савидьяк должед быть воеддым, а де дипломатоб! С арьергардоб бы разберется, до ведь есть еще и авангард. В бост оди уже уперлись, со Стоудволлоб поздакобились. Что дальше?

– Считаешь своим долгом напомнить? – Детство, поездки в Рафиан, сады с фонтанами, зеленые ящерицы на белых камнях, пока запретное вино и еще более запретное девичье купанье. Долго же не вспоминалось...

– Считаю своим долгом свернуть шею арьергарду. – Троюродный кузен по матушке предпочитал быть не родственником, а подчиненным. Причем хорошим. – В добрый час!

– В добрый час!

Генералы привыкли, что есть Талиг, есть Сильвестр, есть Ноймаринен и Алва, а их дело – честно воевать. Или не менее честно карать. Они сделают все – умело, добросовестно, отважно; будет нужно – погибнут, но только с приказом в кармане. Приказом, который отдаст тот, кто не сомневается. Что ж, Проэмперадор не колеблется и не оглядывается – сила и уверенность сейчас важнее хлеба и даже пороха.

Савиньяк взялся было за трубу, но арьергард еще только готовился, а Айхенвальд ушел

слишком далеко для наблюдений, да и дыма прибавилось. Смотреть стало не на что, зато слушать... Чем дальше продвигался бергер, тем чаще звучали залпы, и это было просто отлично. Неистовый «гусь» хотел летать, телеги ему мешали – значит, долой телеги! С полковыми обозами шли только личные гвардейцы его высочества – не ради пороха, ради перьев, то есть, простите, парадных мундиров. Шитых золотом. С четырьмя десятками пуговиц. Что ж, «вперед во славу кесаря», то есть, простите, Фридриха! Под барабанный бой, при полном параде, колонны в ряд, и принц на черном коне... Зато у остальных из боеприпасов только то, что тащат на себе. Полтора десятка выстрелов на большое сражение – мало, а высочайшее топанье ногами и вопли пушек не заменят. Даже самых малых.

– Господин маршал! – Запыхавшийся «фульгат» едва не растянулся у ног командующего. Предательски блеснул подтаявший ледок. – От Реддинга... Со стороны обозов наблюдается подход кавалерии и пехоты. Готовят атаку.

Ну и хвала Пфейтфайеру. Неожиданностей не будет, но отсутствие неожиданностей не равняется отсутствию неприятностей. Дриксенская гвардейская кавалерия мало уступает талигойской, если вообще уступает, а Эмиля Леворукий занес аж в Ургот.

– Возвращайте Хейла. И потрудитесь не спотыкаться. Вражеская конница – не повод подворачивать ноги.

2

Конь Чарльза перескочил убитую лошадь, подкова чиркнула о кирасу лежащего навзничь всадника. Это тоже называлось войной. Той, что пристала офицеру для особых поручений и генеральской свите. Другим достался бой, а им – скачка за ушедшими вперед: Хейл был не из тех, кто оставляет атакующие эскадроны без присмотра. Небольшая кавалькада догоняла спешащую к Ор-Гаролис чужую смерть. На дороге валялись трупы, мушкеты, переломанные и все еще целые пики, шлемы, патронные сумы, холщовые походные торбы, брошенные спасавшимися от тяжелых палашей «крашеными». Впереди ржало, орало, скрежетало и бухало. Сзади тоже слышался шум, но Чарльз предпочитал не оглядываться.

Среди серых и белых пятен что-то мелькнуло. Черное и красное. Человек. Свой...

– Поднимите его, – велел на ходу Хейл, и двое адъютантов бросились к пытающемуся выбраться из-под мертвой лошади кавалеристу. Он был ранен в бедро, и снег вокруг становился все краснее. Генерал шевельнул поводьями, раненый и адъютанты остались позади. Навстречу попался еще один раненый. Этот ехал сам, то и дело стирая с лица кровь. Грохотало уже совсем близко, Хейл махнул плетью в сторону ближайшего холма. Разумеется, они опять будут смотреть!

– Завтра попрошусь к Бэзилу. Хоть коневодом, – вслух пообещал Чарльз. Раненые появлялись все чаще. Одни были кое-как перевязаны, другие просто зажимали раны, но честь отдавать они не забывали. И, Леворукий их поберет, они улыбались!

– Хороший бой! – крикнул какой-то тенъент. Давенпорт кивнул в ответ, перехватывая поводья. Лошади принялись взбираться по склону, и тут сквозь грохот и гул донесся сигнал – конницу звали назад!

– Горнисты! – Хейл лишь слегка повысил голос. – «Выходить из боя, собираться вместе».

Кавалькада подалась вбок и вверх и застыла на склоне. Десять всадников вскинули горны. Проэмперадор звал, генерал приказывал, но услышат ли полковники? Захотят ли услышать, и что делать с теми, кто предпочтет уже идущую драку?

По долине расплывалось дымное пятно. Негустое, но разглядеть без трубы что-то дальше, чем за тысячу бье, не получалось. Пришлось смотреть вниз. Там раненые прижимались к холмам, освобождая путь тем, кто сейчас бросится назад. Из белесого облака донесся зов полковой трубы, почти слившийся с таким же, чуть более далеким. К чести полковников Хейла, няньки им не требовались. Трубаچی один за другим подтверждали:

«Слышим. Собираемся. Идем». Схватка послушно затихала. Ближайшие эскадроны прекращали атаки, даже самые успешные, и выходили из боя.

– Могли бы и поживее, – буркнул Хейл. – Не в болоте...

Генерал ворчал, потому что был доволен. Будь он зол, никто б не услышал и слова. До вечера.

– Мальчики, – Хейл требовательно оглядел немногочисленную свиту, – живо к командирам полков. Приказ один – следовать за мной. Пойдем не со стороны гряды, а вдоль реки. Заодно пощиплем тех «гусей», что бегут к обозу или на тот берег.

Чалый жеребец грациозно развернулся на крохотной площадке и, игриво взмахнув хвостом, начал спускаться. Трубы все пели, а первый из возвращавшихся эскадронов уже подходил к холму. Кавалеристы шли в полном порядке, колонной по трое, только голова у богатырского вида корнета с полковым штандартом была обвязана, а у седла болталось еще одно знамя. Трофейное.

3

Айхенвальд по-прежнему наступал. Умело и упрямо, но это перестало быть главным. В поле зрения появился арьергард дриков, и выглядел он внушительно. Пехоты было поменьше, чем у Фажетти, зато густые порядки конницы за дальним флангом внушали большие опасения. Тот, кто гнал солдат в тыл талигойцам, не хитрил, за холмами не прятался, и в этом был свой резон. Завидев у себя в тылу значительные силы, фрошеры должны выпустить Фридриха и перестроиться для отражения атаки. Должны... У Лионеля Савиньяка отродясь не имелось долгов. Даже в юности. Он вообще был добродетелен, пари и тех не терпел, но сейчас поставил бы рамку с Фридрихом против списка Золотого Договора, что приближающимися частями командует злющий гаунау, приставленный Хайнрихом к пока еще не великому зятю. Увы, биться об заклад было не с кем – Хеллинген подобного себе не позволял, а Мениго и Фажетти были заняты.

Марций уже развернул свои четыре полка поперек долины вместе со всей артиллерией, упершись левым флангом в холмы. Правый обрывался, не доходя до реки. Родич приказу подчинился, но только подчинился. Будь его воля, он бы растянул заслон, оставив в тылу пару рот для затыкания дыр. Именно так советуют стратеги – не только злополучный Пфейтфайер. Именно так поступил бы Айхенвальд, Бруно, пожалуй, даже фок Варзов, но дыр у Фажетти не будет. Гаунау поторопился со своей помощью, а Фридрих, судя по скромности дриксенского огня, промешкал или пожадничал. Нет бы отдать часть гвардейских запасов тем, кто дерется, только гвардия Фридриха умрет, но не поделится с тем, кто уже умирает. В том числе и за них.

– Господин маршал, Хейл выйдет на исходные позиции через полчаса.

– Хорошо.

Дриксенский зад может брыкаться, сколько его душе угодно, а вот укусит ли голова? Что сделает командующий авангардом, услышав за спиной грохот боя? Ты бы принялся считать, сколько фрошеров можно собрать в Надоре и сколько нужно, чтобы так смело атаковать. Потом, по мере приближения этого безобразия, ты бы задумался, какие силы нужны, чтобы опрокинуть чуть ли не половину армии. Возможно, ты бы понял, что враг бросил на весы все. Значит, серьезной атаки на мост не будет. Значит, наглецы на том берегу лишь отвлекают внимание и нужно, оставив надежный заслон, мчаться назад. Наплевав на полученный утром приказ. Это самое умное, что можно сделать. Это единственное, что нужно сделать, если хочешь спасти... нет, не затащившего тебя в ловушку напыщенного дурака, а своих людей и свою шкуру. Лучше отдать хвост, чем хвост вместе с головой. Ящерицы – великие тактики, потому и выживают.

– Господин маршал? – Хеллинген, и какой решительный...

– Да, полковник.

– Мне кажется, было бы правильным остановить Айхенвальда. В ближайшее время

арьергард дриков будет готов атаковать. Прикажете дать сигнал?

– Раз пехота может наступать, пусть наступает. Что у вас еще?

4

Прямо на глазах Чарльза лопнул строй синего батальона, вернее, его остатков. Отрезанные от своих, прижатые к реке и расстроенные залпами с близкой дистанции дриксы дрогнули и бросились врассыпную до того, как черно-белые пикинеры вышли на расстояние удара. Большинство бегущих кинулось на восток, к своим, но кое-кто из стоящих с краю рванул напрямик к бурлящей на обледеневших камнях безымянной речке.

Первым мчался синий пикинер. Перемахнув водную полосу, он очутился на галечной отмели, в два прыжка ее преодолел и поскакал дальше, опираясь на обломок пики, как на шест. Несущийся следом мушкетер такой возможности не имел и поскользнулся чуть ли не на первом валуне. Отчаянно взмахнув руками и выронив мушкет, бедняга кое-как выпрямился и, не решаясь двинуться с места, застыл посреди потока дурацкой статуей. Вожак этого не заметил. То и дело оборачиваясь на черно-белых, он мчался вперед заячьими прыжками – напрямик в объятия созерцающего переправу разъезда Реддинга. За пикинером сломя голову неслась стайка человек в десять. Раздался одиночный выстрел, почти догнавший прыгуна долговязый мушкетер дернулся и упал. Речушка была мелкой, но встать упавший не пытался, а остальные даже не замедлили бег...

Нет, один, с обвязанной головой, вроде бы повернул, но успел ли? Развязки Чарльз не видел – и разъезд, и беглецов скрыла скала.

– Поохотиться бы, – шепнул Давенпорту последний из адъютантов Хейла, еще не понюхавший сегодняшнего пороха.

– Без нас справятся, – покривил душой Чарльз.

Генеральская кавалькада быстрой рысью двигалась вдоль реки вслед за передовыми эскадронами, обходя дерущихся и не ввязываясь ни в какие схватки. У пехоты и так все шло отлично. Попавшие под первый удар дриксы были опрокинуты, Айхенвальд наступал, успешно продолжая то, что так хорошо началось. Отсутствие обоза уже давало о себе знать: талигойцы пороха не жалели, ответная стрельба была редкой и беспорядочной.

– Пока неплохо, – выразил общее мнение незнакомый тенъент с перевязанной рукой, сменивший ушедшего в бой порученца, – а вот что-то будет сейчас у нас?

– У нас будет атака вражеской кавалерии, – удовлетворил любопытство тенъента генерал и уточнил: – Очень скоро.

О том, что было бы, атакуй дриксы из арьергарда позже, когда полки Хейла ушли бы к Ор-Гаролис и рассеялись в холмах, Чарльз не спросил. Савиньяк или угадал, или знал точно; в любом случае он был прав, а пугать других и себя неслучившимися бедами Давенпорту не советовал еще Генри Рокслей. Когда был не покойником, а маршалом и талигойцем.

5

Дриксы атаковали вполне предсказуемым образом. Неведомый командир арьергарда действовал в полном соответствии со здравым смыслом и Пфейтфайером: пехота, судя по буро-коричневым мундирам – гаунау, наступала Фажетти в лоб, а кавалерия выдвигалась сбоку, направляясь в обход открытого правого фланга. Красивое решение, хоть сейчас в учебный трактат! Хочешь – бей в бок не перекрывшего до конца берег Фажетти. Хочешь – бей в тыл не желающему оглядываться Айхенвальду; сковать упрямца перед решающим столкновением сам великий Гусь велит. Какой выбор, господа, какой выбор!

Грохнуло. Артиллерия дриков всюю поддерживала атаку своей пехоты. Ответа не было, хотя пора бы уже, а темно-синие эскадроны красиво заворачивали вправо, явно готовясь обрушиться на фланговые батальоны второй линии. Все-таки решили не бросать в тылу неразбитых фрошеров... Предусмотрительно и похвально! Гуси вообще птицы

вдумчивые, один Август чего стоил!

– Прикажите Айхенвальду остановиться и развернуться, – снова подал голос Хеллингген. Обычно начальник штаба был ходячей субординацией, но бедняга видел, как Фажетти перестроился лицом к надвигающейся коннице. Умело перестроился, но строй вышел слишком уж тонким, и субординация полетела к Леворукому.

– Вы что-то сказали?

– Конный резерв! Пошлите Фажетти конный резерв! – Точно решил, что Марцию конец. И все из-за избытка опыта и знаний.

– Полковник Хеллингген, смирно!

– Я не собираюсь...

Грохот пушечного залпа весьма кстати скрыл грех неподчинения. Грохот талигойского залпа. Успели! Фажетти уже в Лаик умел выбрать нужный момент.

Дымное облако, летящие через конские головы всадники, валяющиеся на снег лошади... С холма выглядит недурно, но Лионель Савиньяк слишком хорошо помнит Торку, чтобы наслаждаться красотой зрелища. Талигойскую кавалерию тоже встречали залпами в упор. Глупая была атака, чего уж там. Сегодняшний гаунау толковой старика Понси, он все понял правильно. Столь уверенное движение синей конницы застопорилось.

– Артиллерия оказалась весьма к месту, не правда ли, Хеллингген?

– Да, господин маршал!

Бунт иссяк. Нет, Хеллингген не испугался, вояки вообще мало чего боятся, но им надо смотреть снизу вверх. Кодорни, Айхенвальд, Хейл, Эрмали, не говоря уж о Лецке, – все они старше и опытней, но в этот Излом опыт не спасает, а тянет на дно. Как доспехи в воде.

Новый залп, прислуга у орудий делает все возможное! Молодцы, их старания не пропадут зря. Не пропадет ничего, что пришлось терпеть во время этого проклятого марша.

– Господин Проэмперадор. Подходит Хейл.

Пусть докладывают. Хоть бы и о том, что видно в любую трубу. Доклады наполняют некоторые существования смыслом. Пусть исполняют приказы – это придает уверенность. Смысл и уверенность – это счастье, хотя адъютанты и полковники о таком не задумываются. Он и сам не задумывался, пока подыгрывал Росио. Зачитать в нужное время письмо, проворонить неурочную встречу короля с супругой, сообщить о тайной депеше, обронить пару слов в соответствующем присутствии, даже обнажить шпагу... Это просто и иногда – весело, не то что, стоя на холме, гнать других на чужие мушкеты и ждать, ждать, ждать! Предел мечтаний для фридрихов и скрежет зубовой – для Росио, Рудольфа, отца...

Хватит! Их с тобой нет, есть ты, вот и решай. Это твоя диспозиция, последний полученный тобой приказ. Ты не просто должен защитить Надор, ты должен запереть Хайнриха в Гаунау до конца кампании, так изволь сосредоточиться. На Айхенвальде. Упрямец дошел-таки до боевой линии, спешно выстроенной то ли Фридрихом, то ли кем-то, кто очнулся первым. Если Айхенвальд остановится, дриksы смогут отдышаться. Если Айхенвальд остановится, схлынет азарт и солдаты почувствуют усталость. Нужно идти вперед. Не давать передышки, не позволять собраться с мыслями тем, у кого они есть.

– Господа, мы перемещаемся вслед за наступающей пехотой. Кто-то один может остаться и понаблюдать за сражением кавалерии. Оно обещает быть интересным.

– Кавалерийский резерв...

– Следует за нами.

Пока обруч катится, он не упадет! Пока идет война, армия не развалится, а будет армия, будет и Талиг. Если остановишься, то потом соберешь половину, треть, четверть... Если остановишься, те, кто не думает, – задумаются, а это удовольствие не для всех.

– Хеллингген, вы остаетесь? Отлично. Потом доложите.

сверху вниз на чужой бой! Хуже – на свой, в котором тебя нет. «Особые поручения»... Таскаться за теми, кто знает свое дело и не думает ошибаться, а если ошибется, заметит это первым. И исправит.

– Недурно! – сообщил Хейл, не опуская трубы, но и без нее было видно, как уже обошедшая было заслон дриксенская конница развернулась к новому врагу. Успели. В последний момент, но успели. Неизвестный командир предпочел сшибку отступлению, и теперь две конные лавины неслись навстречу друг другу, словно на гобелене в Роксли. Нелепое сравнение, но чего только не придет в голову обреченному наблюдать. Вечный наблюдатель, хоть хроники пиши... «Я видел арест короля...» «Я видел то, что осталось от Надора...» «Я видел бой у Ор-Гаролис...» Не участвовал – видел. Не дрался – наблюдал. Свысока!

– Свеженькие, – усмехнулся раненный в плечо капитан. Хейл разогнал по полкам уже всех адъютантов, теперь его сопровождали легкораненные офицеры. И Чарльз Давенпорт.

– Ничего, – второй капитан улыбаться не мог, мешала кое-как перевязанная рана, – сейчас они начнут уставать...

Картинно несущиеся всадники сшиблись сразу в четырех местах. Сверху бой казался каруселью, водоворотом, в котором кружат разноцветные листья. Кто-то падал на снег, кто-то на всем скаку пролетал мимо одного противника, чтобы схватиться с другим. Темно-синие мундиры мешались с черно-красными. В бой вступали все новые и новые эскадроны, конные схватки вскипали по всему пространству – от сражающейся пехоты и до речного берега. У Хейла людей было больше... То есть изначально больше, но без потерь при первой атаке не обошлось, вдобавок кое-кто все же отстал, а дриksы только вступили в бой, и еще они очень хотели помочь своим.

Если арьергард прорвется, у Фридриха будет порох, если будет порох, все изменится. Будет не победа, а бойня, только принц в крайнем случае может убраться в Гаунау и набрать новых солдат, а вот Савиньяк... Кроме ушедшего к перевалам Кодорни можно рассчитывать разве что на новобранцев, оправившихся раненых и немногочисленных ветеранов. Вернее, стариков.

– Поторопи этих волов, Шарло. Лебенслюстигу нужна помощь.

Мелькнула обвязанная голова – капитан спускался с холма, спеша навстречу отставшим. Хейл переступил с ноги на ногу и вновь уставился на поле. Отвлекать генеральское внимание на свою персону Давенпорт не стал. Послал своего, пусть и раненого? Его право.

Временная свита в изодранных закопченных мундирах сгрудилась у края площадки. Командующего офицеры не стеснялись. Они громко разговаривали, переживая уже пережитое, выясняя, где Лебенслюстиг, младший Хейл, Гедлер, выискивали в общей каше своих, как-то их узнавали – или им так казалось. Чарльз молча отошел. Из боязни зацепить чужую рану. Из боязни надерзить и выставить себя дураком. По ту сторону холма тоже шел бой, и Давенпорт стал смотреть, как дерется пехота, о которой он почти позабыл, хотя ветер и доносил треск мушкетов, то и дело перекрываемый пушечными залпами. Пороха ни Талиг, ни Дриксен не жалели, но атака арьергарда захлебывалась. Конница была связана боем, а пехоте не хватало сил самой проламывать талигойскую линию.

– Проклятье, они прорываются!

Может, сказалась свежесть людей и лошадей, может – удача, а может – умение командира, но в построениях Хейла возникла брешь, в которую «гуси» швырнули последние резервы. Еще немного, и темно-синие выйдут в тыл пехоте Фажетти. А своих резервов, кроме пары отставших и только что подошедших эскадронов, у генерала не осталось.

– Давенпорт!

Голова еще была в чужом бою и своей досаде, а гвардейские ноги уже шелкали каблуками перед возникшим начальством.

– Вы смотрите, куда нужно, – кивнул в сторону прорыва Хейл. – Передайте Диру – закрыть брешь. Проводите, но не увлекайтесь. Удачи!

Подтвердить приказ Чарльз забыл, вернее, вспомнил об этом у подножия холма. Подошедший резерв еще устраивался, Дир был в седле – ждал, вернее, злился. Как сам Чарльз пять минут назад.

– Робби, – крикнул Чарльз, наплевав на все уставы, – галопом за мной! «Гуси» прорвались. Приказ – латать дыру.

7

Песня горна, короткое ржанье, охватившая мерзлую землю дрожь – два эскадрона, три с лишним сотни всадников, перешли на галоп. Топот множества копыт разносится по долине барабанным боем, ударяется в скалы, и те отвечают! Рокот накладывается на рокот, а конница все набирает ход, все неотвратимей, все неистовей становится бег. Удары копыт. Удары сердца, встречный ветер, свет, блики на выставленных вперед клинках. Здесь твое место, твое счастье, твоя жизнь и чужая смерть. Чужая!

Чарльз выравнивает коня, мчится рядом с Робби. Как же все ясно и просто! Нужно только держать строй! Безделью, ожиданиям, наблюдениям конец. Конец и офицеру для особых поручений. Теперь он один из многих. Он идет в атаку, как все! Со всеми. Нет людей, нет коней, нет эскадронов, есть единый неистовый порыв, который не сдержать никому!

Белая ложбинка, подъем, и вот они, враги! Совсем рядом!.. Леворукий, да они же стоят! То ли решают, куда свернуть, то ли приводят в порядок смешавшиеся ряды.

– Повезло! – шепчет, говорит, кричит Робби, привстав в стремях, машет рукой.

– Тали-и-иг!..

– Савиньяк!..

– Хе-е-е-ейл!

И вновь: «Тали-и-и-иг!»

Встречать атаку разогнавшихся талигойцев, не успев набрать ход, дриksы не захотели. Огрызнулись десятком пистолетных выстрелов и стали поворачивать коней.

– Вперед!

– Хейл!

– Держи «гусей»!

– Талиг!

Рубаки Диры на плечах бегущих врезаются в круговерт кавалерийского боя. Черный поток разбивается о синий, растекаясь ручьями и ручейками. Дорываются до живого тела клинки, ржут пьяные от скачки кони, сухо щелкают выстрелы, и ревут, ревут сбоку все еще насытые пушки.

Пронеслась потерявшая всадника лошадь, вынырнул из суматохи усатый дрикс на рыжем коне, поднял палаш. Чарльз принял удар на эфес, ответил, синий сдал вправо и вперед... Пара бесполезных ударов, пистолетный выстрел, усатый хватается за бок, рядом возникает Робби.

– Все, друг! – Сияющие глаза, на мокром лбу черные полосы. – Хватит с тебя сладкого! Дальше наша работа. Дуй к генералу – доложишь. Стив, прикрывать капитана!

– Так точно!

Лавина рассыпается на части, тает в общей схватке. Тысячи человек продолжают упорно резаться. Что для этакой мясорубки несколько лишних сотен и тем более трое? Капитан и двое солдат выбираются на обочину, пробиваясь назад. Обгоняют раненых. Их немного, потерянные в ложбинке минуты аукнулись дриksам упущенной удачей.

– Давайте к тому горбу. Я хочу оглядеться.

При докладе без холмиков не обойтись – разумеется, если начальство не удовольствуется отчетом о твоих восторгах. Безымянный горбик радушно подставил нетронутый снежный бок, позволяя подняться на словно созданную для наблюдений вершину. То, что представлялось мешаниной лиц, клинков, темно-синих спин и лошадиных

крупов, обрело четкость.

Подход эскадронов Дира окончательно погасил порыв дриксенской кавалерии, но и талигойские порядки пришли в расстройство. Схватка притихла сама собой. Черные и синие отходили, перестраивались, готовясь с новой силой кинуться друг на друга. И кинулись бы, не опереди их пехота. И пушки.

Хейлу все же удалось оттянуть вражескую кавалерию от пехоты Фажетти и полностью завладеть вниманием дриксов, а те упустили из виду, что пехота может не только обороняться от конницы, но и наступать. Эта рассеянность оказалась роковой. Фажетти относился к великим стратегам прошлого и их трудам без должного почтения и не знал, что должен торчать столбом, считая чужих лошадей. Отбив первую попытку обхода, пехотные каре вместе с полковой артиллерией немного постояли, словно наблюдая за боем, и двинулись вперед. Подойдя на выстрел, они обрушились на топтавшихся на месте «гусей» всей мощью своего огня. Артиллеристы просто свирепствовали – картечь сыпалась дождем...

– Не хотел бы я сегодня быть «синим», – проворчал Стив.

Чарльз кивнул. Он мог лишь гадать, каково это – стоять в редеющем строю и слушать, как свистит смерть. Смерть, с которой не скрестишь клинок и которой не всадишь в брюхо пулю. Ненавидят ли солдаты тех, кто послал их на убой? Раньше Чарльз о таком не задумывался, но раньше он не смотрел сверху на сражения.

Запел горн – Бэзил и Лебенслюстиг вновь пошли вперед. Вновь боевой клич и топот сотен копыт сливаются в общий рев. Вновь сшибаются шеренги, но инициатива «гусями» бесповоротно утеряна. Черно-синий неистово ревущий зверь, пятная снег, медленно, но верно отползает назад, к западу. По истоптанному полю бредут выбравшиеся из битвы раненые, сбиваются в стайки, тянутся к своим, да бродят среди неподвижных темных пятен осиротевшие кони. Гул делается глуше, ветер носит дым, мешая видеть даже с холма. Все, пора докладывать.

– Возвращайтесь, – велит Чарльз, – дальше я сам.

Стив и его приятель не спорят. Они рады такому приказу. Капитан Давенпорт тоже бы предпочел вернуться к Диру. Чарльз хотел просто воевать уже тогда, когда в Талиге все было в порядке, а ему доставались гарнизон, гвардия, генералы...

Хейл стоял все на том же месте и все в той же позе, словно Чарльз никуда не отлучался, только даже от новой свиты осталось всего трое.

– Как заткнули прорыв, я видел, – взял быка за рога генерал. – Что дальше?

– Пять батальонов второй линии заслона атаквали фланговые эскадроны дриксов, когда те перестраивались.

– Bravo! – Хейл был откровенно доволен. – Атаку мы им сорвали, но так оставлять нельзя, пора переходить в наступление. Давенпорт, отправляйтесь к маршалу. Сообщите, что его приказ выполнен. Ищите его в непосредственной близости от порядков Айхенвальда.

– Благодарю за совет, господин генерал!

– Поздравляю с первым боем. – Командующий кавалерией неожиданно усмехнулся. – Я свое первое сражение встретил оруженосцем. Хуже того, я и впрямь таскал оружие за господином и стерег его лошадь. Как же я был зол! А после боя меня еще и подпоили...

– Кто был вашим господином? – не выдержал Давенпорт.

– Арно Савиньяк. Старший, разумеется.

Глава 10

Кадана. Изонийское плоскогорье 400 год К.С. 22-й день Весенних Скал

Два часа, и чуть ли не половины победоносной армии как не бывало, а мушкеты оставшихся вот-вот станут палками. Разве что гвардейцы поделятся. «Гуси» с обозами и «медведи» без ничего... Вот и клин между родичами. Хайнрих с горя похудеет и вырвет у зятя перья, но это будет еще не сейчас, сейчас – арьергард. Его мало отогнать, нужно, чтобы гаунау не пустились на новые подвиги; значит, Фажетти придется наступать. Хотя и жаль дробить силы перед главной схваткой, оставлять за спиной недотрепанных «медведей» с порохом нельзя.

– Господа, как вам нравится пригорок у подножия того холма?

Именно пригорок. С самого холма будет далековато, а свита уже заворачивает коней. Ни вопросов, ни сомнений... Еще бы, ведь маршал спокоен, как бергер, несмотря на то что впереди, по направлению к Ор-Гаролис, виднеются вполне приличные линии... Но как же чудесно хоть на десять минут оказаться в седле! О том, что Эмиль не живет без лошадей, знают все, но его ложенный братец тоже предпочитает паркету седло. Никуда не денешься – кровь...

Шаг, рысь, галоп, прыжок через проталину. Просто так, для удовольствия, снова шаг. Если сегодня выйдет как надо, завтра они с Грато устроят скачку с препятствиями. Или нет, не завтра. Будет слишком много дел, да и бой пока не выигран даже на треть.

Пехота, маршировавшая в голове ухваченной за хвост колонны, наконец-то опомнилась и собиралась встретить талигойцев. Остатки «крашенных» и те, до кого не успела дойти очередь, со всех ног спешили под защиту выстроившихся собратьев. Продолжай Айхенвальд столь же лихо наступать, отдельным колоннам пришлось бы туго, но бергер не позволит азарту пересилить осторожность, иначе какой же он, к кошкам, бергер?

Генерал быстро, но без суеты подтягивал отставшую артиллерию, готовясь к новому, куда более серьезному столкновению. Четкость, с которой напротив вражеского построения формировался общий строй черно-белой пехоты, не могла не радовать.

– Господа, вам не кажется, что дрикс и гаунау пришли в себя?

– Все равно у нас численное преимущество, – радостно напомнил напрочь позабывший о сомнениях Хеллинген. Лионель и сам бы позабыл, но бурная молодость – отнюдь не залог достойной старости.

– О преимуществе говорить будем вечером. Подсчитав потери.

– Не только свои! – не унимался Хеллинген, косясь на чужой арьергард, а тот отступал. Не имевшие преимущества в численности и, главное, в артиллерии «бурые» не смогли опрокинуть заслон, а неудача обходного маневра окончательно похоронила надежды на успех. Хейл сумел отбросить противостоящую ему конницу, и генерал-гаунау, опасаясь окружения и полного разгрома пехоты, дал команду на общее отступление. «Медведи» все быстрее пятились в ту узость, из которой столь красиво появились, но головы они не потеряли и совести тоже – отход не перешел в бегство, и никто никого не бросил. Сильно потрепанная кавалерия, как могла, прикрывала отход не менее потрепанной пехоты. Батарея тоже замолчала – видимо, пушки, опасаясь захвата, предпочли увезти.

– Хейл что-то не собирается проявлять назойливость. – В голосе вошедшего в раж Хеллингена слышалась легкая досада.

– Эта схватка для него не последняя.

– И все-таки сегодня наш день! – не выдержал кто-то из свиты. – Наш!

Савиньяк обернулся. Обвел взглядом молчащих тенъентов, капитанов и полковников. Сэц-Алан опустил глаза. Значит, он. Маршал усмехнулся.

– День – слишком мало, капитан. Сегодня – наш Круг, соглашаться на меньшее – преступление против Талига.

Лошадь оступилась на подтаявшем склоне, и Чарльз едва не вылетел из седла. Только свалиться с коня на глазах маршальской свиты под конец и не хватало! Более глупого

завершения «особого поручения» не придумаешь, да и само поручение... Оно выполнено, только докладывать нечего. Со своего пригорка Савиньяк прекрасно видел и Хейла, и отходивших «гусей», и занятого поисками командующего капитана Давенпорта, хотя на такую мелочь Прозмперадор отвлекаться не станет. Вот адъютанты, те не преминут заметить и самого капитана, и пошатнувшуюся лошадь.

– От генерала Хейла, – четко произнес Чарльз.

– Докладывайте. – Савиньяк опустил трубу, в которую только что видел то, о чем Давенпорт еще не знал и знать не мог.

– Приказ выполнен. Дриксенская кавалерия понесла большие потери, не выдержала удара и отошла вместе с пехотой. Тем не менее полного успеха добиться не удалось, противник отступил в определенном порядке. Угроза со стороны дриксенского арьергарда снята. Генерал Хейл остановился для короткого отдыха и перестроения.

– Благодарю. – Маршал смотрел не на Давенпорта и не на Хейла, а в сторону Ор-Гаролис. – Это прекрасно, но вражеский авангард может вступить в бой в любой момент.

– Именно поэтому следует подождать, пока не подтянутся Хейл и Фажетти, – буркнул командующий артиллерией, явно продолжая какой-то спор.

Савиньяк пожал плечами, словно ему было невыносимо скучно.

– Мы будем наступать сейчас. Правым крылом от холмов. Отожмем Фридриха к речке, а потом туда и опрокинем. Он у нас гусь, пусть плавает.

Давенпорта никто не отпускал, его просто перестали замечать, и капитан счел за благо отойти к переговаривавшимся вполголоса свитским. Обсуждали основной удар, нацеленный на ближний, левый, фланг противника. Туда подтягивались резервы, туда тащили свои пушки люди Эрмали. До начала решающей схватки оставалось совсем немного.

– Хотите? – Адъютант артиллериста протянул Давенпорту флягу.левой рукой. Правая была подвязана шейным платком.

– Я бы предпочел трубу...

– Одно другого не исключает.

С маршальского пригорка бой выглядел так же, как с генеральского холма. Медленно ползущие прямоугольники батальонов, мечущиеся между ними одинокие фигурки, лениво плывущие клубы дыма. Смерти сверху видно не было.

– Капитан Давенпорт!

– Слушаю, господин маршал.

– Ваша лошадь устала?

– Нет. – Он ответил раньше, чем подумал, но лошади не люди, гонор их не спасет. – Не слишком.

– Тогда вы, Лецке. Поторопите Хейла. Пусть оставит Фажетти три полка, а с остальными встает за нашим правым крылом, на склонах. Ближе к Ор-Гаролис.

3

Эрмали не подвел. Полтора десятка орудий уже находилось в первой линии пехоты. Плотные клубы и полосы дыма поднимались над черно-белыми прямоугольниками с радующей сердце частотой – Айхенвальд выжимал из преимущества в артиллерии все возможное. Дриksы отвечали с не меньшей страстью. Артиллеристский гул возвестил о начале столкновения главных сил, но «гусей» надолго не хватит. Еще четверть часа, и отсутствие обозов начнет сказываться. Кое-где уже сказывается: сплошные дымные полотна сменяются светло-серыми фонтанчиками, все более редкими, контуры бурых и синих построений обретают обреченную четкость.

– Интересно, – щурится не в меру разговорчивый Хеллинген. – Если Фридрих и поделился порохом, то не со всеми.

Благодаря утренним удачам силы почти сравнялись, более того, сейчас Айхенвальд имеет перевес. Если прикинуть на глаз, его пятнадцати тысячам противостоят тысяч

тринадцать Фридриха, вдобавок лишенных поддержки конницы. У талигойцев конница есть. Под рукой.

Маршал Севера перевел трубу влево, с законной гордостью созерцая кавалерийский резерв. Полторы тысячи кирасир и вновь собравшиеся «фульгаты». Реддинг успел всласть погонять гаунаских егерей и был не прочь продолжить, но все хорошо в меру.

– Согласно Пфейтфайеру, пехота без кавалерии наступать не должна, – не унимается начальник штаба. – Они никогда не решатся...

– В некоторых обстоятельствах приходится забывать и классиков.

Если дрикссы отрекутся от Пфейтфайера, хватать за уши атакующего кабана придется «фульгатам», им не впервой. Савиньяк и сам нашивал мундир с оскаленной крылатой кошкой. При тогда еще генерале Дораке. У Доу они не дали драгунам Бруно зайти во фланг фок Варзов. Это было красиво.

От воспоминаний становится весело, только вряд ли это добрый признак.

– Те, кого нет на поле боя, могут появиться, – напоминает Савиньяк больше себе, чем Хеллингену и хихикающим адъютантам. – Половина конницы Фридриха – в авангарде. Ее возвращения можно ждать в любой момент.

Разговор обрывается. Поле застилает дым, по большей части талигойский, но смотреть он мешает всем. Оценить потери, хоть свои, хоть чужие, невозможно, но боевые порядки обеих сторон еще не утратили стройности. Как бы ни был силен огонь, и черно-белые, и сине-бурые батальоны держат позиции.

– Айхенвальд пошел вперед! – весело сообщают за спиной. Верно, пошел. Не дожидаясь, когда дрикссы и гаунау решат, отступить или броситься в отчаянную атаку.

Центр и левое крыло наступают медленно, неторопливо, давя противников частой стрельбой. Полки правого крыла действуют решительней. Айхенвальд выполнил приказ, с которым был не согласен, дополнительно перебросив туда половину сил второй линии. Теперь вся эта масса с Лейдлором во главе ударила вдоль не таких уж и дальних холмов. Это еще можно видеть.

Спираль сражения раскручивается все стремительней, и все труднее возвышаться над происходящим невозмутимым многозначительным истуканом, но с ротой место капитана, а с полком – полковника. Командующий бросает в бой себя, когда других резервов нет. Или испытывая судьбу. Или будучи дураком – но в этот бой дурак не полезет. Фридрих «не играет по чужим нотам, он их рвет», хотя личное присутствие его высочества гвардейцам было бы в радость. Дратся за вождя приятней, когда вождь рядом. Разумеется, если он не мешает.

– Фридриху следует находиться среди войск, – Лионель с усмешкой оглядывает свиту, – это поднимет боевой дух дриksam и облегчит жизнь Айхенвальду.

Смеются, даже не смеются, ржут. Ну и хорошо, а пехотинцы уже сошлись лицом к лицу. Схватка раскачивается туда-сюда, то выплескиваясь на один склон, то заливая другой, но в целом остается на месте. Все идет хорошо, все идет правильно, значит, жди неприятностей, а пока их нет, изволь подготовиться. Хейл все еще не подошел... Неудивительно – кавалерия с утра взад-вперед мотается по долине, а лошадей нужно беречь. Что ж, сделаем, что можем, – выжидать разумно лишь в том случае, когда враг сделает все за тебя. Алва чуял такой поворот за сотню бье, Лионель Савиньяк не бог, не Ворон и не болван. Он должен действовать.

– Кавалерийский резерв – за правое крыло. «Старых псов» туда же. Пусть Вайспферт поторопится.

Перевес атакующих и усилия Лейдлора начинают наконец сказываться, «гуси» пятятся, а кое-то уже и бежит. Сперва поодиночке и отдельными десятками, затем поток становится гуще. Откуда-то из дымной глубины выступает несколько колонн гаунау, им удастся замедлить отход, но лишь замедлить. Линия сражения начинает загибаться к реке. Теперь двинем туда васспардский полк, пусть прикроют открытый фланг, а то ведь и оглянуться не успеешь...

Уже не успели, и это твоя ошибка. Вот они, долгожданные неприятности! Подкатывают от Ор-Гаролис, вынырнув из дымного марева чуть в стороне от дороги. На сей раз кавалерия атакует первой. Впереди, судя по серебру и синева, знаменитые «кесарские рейтары». Следом движется пехота, причем много. Значит, у моста оставлен лишь небольшой заслон. Все-таки хорошо, что армией командует Фридрих, а не этот генерал.

Поток рейтар катится вперед, не теряя разбега под выстрелами, обрушивается на оказавшиеся с самого края полки из Северного Надора, захлестывает их соседей. Впору восхититься стремительностью и яростью атаки. Сторонний наблюдатель так бы и сделал, но маршал Савиньяк сторонним наблюдателем не являлся и красоты момента не оценил.

4

Черно-белая пехота, только что уверенно гнавшая дриков к реке, затопталась на месте и попятилась. Один из надорских полков не устоял, его строй разваливался прямо на глазах. Утром Чарльз уже видел эту картину, на этот раз стороны поменялись местами. Еще несколько минут, и остановился весь правый фланг.

– Выстоят или нет? – Вроде бы он сказал это вслух, но никто не ответил. Все смотрели, как серебряные рейтары, опрокинув два фланговых полка, сдают назад, открывая дорогу идущим следом драгунам и пехоте. И молчали.

– Снова «крашенные», – обычно веселый Сэц-Алан бледен и зол, – только не бегут.

И опять – тишина. И чужое наступление. Дриксы берегли порох, но не себя. Три залпа при сближении и удар по растрепанным надорцам. Мощный. Безжалостный. Отчаянный.

Державшиеся до поры до времени за спиной рейтар драгуны лезут по холмам вверх. Хотят обойти и атаковать сверху. Битва переламывается надпиленной шпагой, а командующий не делает ничего! На столичных смотрах он и то был живее, а тут... Поводил трубой по порядкам атакующих дриков и повернулся в сторону речки. Утешился!

У реки центр и левое крыло талигойцев продолжали поливать противника огнем. Сильная ответная стрельба виднелась лишь в центре – наверное, там стояла гвардия Фридриха. Стояла... А могла бы пойти вперед, помочь атакующему авангарду, но нет, не по чину. Все это было бы прекрасно, если бы не рейтары и не трещащий по швам правый фланг!

– Похоже, больше резервов у нашего «непредсказуемого» не осталось, – наконец задумчиво изрек Савиньяк. Как всегда, куда-то в пространство. – А Реддинг – молодец, господа, ему лишние приказы не требуются. К слову сказать, они никому не требуются.

«Фульгаты» и впрямь не растерялись и не промешкали. Сходиться с тяжелыми рейтарами они не собирались, а вот затормозить драгун... Это у «кошачьих отродий» выходило отменно. Подвижные и проворные, на лучших, чем у противника, лошадях, они с блеском доказывали, что по праву считаются первыми среди легких конников севера. Мгновенно оказавшись выше по склону, «фульгаты» принялись донимать противника быстрыми короткими налетами, вынуждая спешиться, собраться вместе и отбиваться.

Пять сотен выющихся осами талигойцев и почти тысяча гаунау. Выбывших из наступления, бесполезных, почти беспомощных на голых скользких склонах. Удара с холмов Айхенвальд мог больше не опасаться, но положение оставалось сложным – на дороге вновь собравшиеся в кулак рейтары готовились к повторному удару. Было их тысячи три, и строились они умело и быстро. Если повторится успех первой атаки...

Чарльз не хотел смотреть на маршала и все равно то и дело смотрел сразу со злостью и надеждой. До сих пор Савиньяк рассчитывал верно. Только бы он не ошибся и сейчас! Только бы выиграл этот бой, эту войну, и пусть смотрит сквозь людей, обрывает на полуслове, отмахивается, не замечает. На Изломе не до обид.

Рейтары двинулись вперед. Им навстречу спешил кавалерийский резерв. Полторы тысячи кирасир... Так много. Так мало.

Снова схлестнулись две гривастые лавины, стремясь пересилить, опрокинуть одна

другую. Снова Чарльз наблюдал с безопасного места, а сердце рвалось в бой. Хотелось вскочить в седло, выхватить палаш, догнать своих, врубиться в синий строй, вкладывая в общий удар капельку своей силы.

Охваченной неистовой, невозможной надеждой, Давенпорт повернулся к маршалу, поймав отчаянный взгляд Сэц-Алана. И младшего Лецке. И раненого «фульгата»... Все смотрели на Савиньяка, а Савиньяк смотрел назад. Туда, откуда рано или поздно – только бы не поздно – должны появиться полки Хейла.

Глаза впивались вдаль и проглядели, как, нещадно погоняя коня, вверх по склону несется одинокий всадник. Подлетел. Торопливо, задыхаясь, вскинул руку:

– Господин Проэмперадор... Генерал Хейл на подходе! По вашему приказу... три полка оставлены... для помощи Фажетти... Остальные будут здесь меньше чем через четверть часа... Фажетти докладывает... Он уже ведет бой... в непосредственной близости от обозов. Захвачены четыре орудия... Он обещает... скоро захватить обоз полностью...

5

У подножия холмов кипела лютая рукопашная – ветераны Вайспферта и спешно посланные Айхенвальдом стрелки укрепили дрогнувшие было порядки Лейдлора. Стрельба почти стихла – противники сошлись вплотную. «Крашенные» являли себя во всем блеске, не то что утром, но их усилия уходили в песок – теперь надорский фланг стоял твердо. Иссак и разгон серебряной конницы. Рейтары раз за разом сходились в ожесточенной рубке с васспардскими кирасирами. Первым не удавалось прорваться, вторым – отбросить врага. Все доблестно били всех, и все топтались на месте, а полководцы возвышались и ждали. Савиньяк – кавалерию, Фридрих... Фридриху ждать было нечего. Свой последний шанс «Неистовый и Неповторимый» упустил, не поддержав рывок авангарда.

Лионель обвел взглядом тревожные физиономии свитских. Они видели то же, что и маршал, по крайней мере, те, кому достались зрительные трубы, и они не знали, что и думать. Нахохлившийся Хеллингген был готов искушать завязшего в гаунау Айхенвальда, а молодняку хотелось в бой. Проэмперадору хотелось того же, он терпеть не мог стоять на одном месте и все время стоял. Особенно во дворце.

«Первый – на паркете с бокалом, второй – в седле со шпагой, но первый со шпагой первый. Кто такие?» Так шутили остряки, знавшие, что Лионель Савиньяк фехтует лучше брата. Они не знали другого, того, что Эмиль фехтовать обожал, а Лионель терпеть не мог, потому и старался быстрее заканчивать поединки. Росио, Ротгер и Леворукий фехтовали еще лучше, и по крайней мере двое из трех любили это дело до одури. Значит, причина не в любви, а в чем-то, что отличает просто мориска от Моро, просто женщину – от богини, а просто хорошего вояку – от полководца. Хеллингген – хороший вояка.

– Если до подхода Хейла Фридрих не выкинет чего-нибудь великого, его положение станет очень тяжелым. – Пусть поговорят, а то как бы с начальником штаба удар не случился.

– В действиях вражеской армии не ощущается единой воли, – с готовностью откликнулся Хеллингген. – Арьергард пытался прорваться сам по себе. Это понятно – возможности снестись с главными силами у его командующего не было. Но почему главные силы толком не использовали столь опасную для нас атаку авангарда? Создается впечатление, что принц не может организовать взаимодействие собственных войск.

– Создается, – рассеянно подтвердил Лионель, с завистью глядя на холмы, где люди Реддинга окончательно закружили менее поворотливых драгун. «Медведи» пятились вниз, отгоняя настырных «фульгатов» нечастым, но точным огнем. Лионелю всегда нравилось играть с крупным зверем, но в свое время наиграться не удалось, а сейчас поздно. Нужно забыть, как поют пули, свистит в ушах ветер, пляшут свои и чужие кони, тяжелит руку палаш. Старший в роду не играет. Маршал не играет. Проэмперадор не играет тем более. Вернее, играет. Не собой – людьми и провинциями.

– Сэц-Алан, доберитесь до Эрмали и передайте ему благодарность! Можете не возвращаться!

– Слушаюсь, господин маршал!

Сколько счастья, а разницы – жалких семь лет и титул... Остальные тоже не прочь получить в подарок бой или пулю. На холмах мы все кажемся себе бессмертными, да и в бою – до первой раны...

– Эрмали и в самом деле прекрасно использовал оставшуюся у него конную батарею; жалко, их у нас только две. – Хеллингген уже составлял в уме приказ. – Его артиллеристы успевают по всему правому флангу.

Частые картечные залпы и впрямь немало способствовали тому, что «медведи» откатились назад. Теперь пушки Эрмали поддерживали надорцев, зато слева, где до появления дриксенского авангарда Айхенвальд наносил главный удар, дело застопорилось. Опасаясь за фланг и тыл, бергер остановился, дав тем самым возможность противнику перевести дух. Пехота гаунау дух перевела и даже попыталась поддержать атаку собратьев, но встречный огонь оказался слишком силен.

Понимая, что война одним сражением не ограничится, Айхенвальд предпочитал действовать ядрами, а не сталью, недостаток же пороха у Фридриха сказывался все сильнее. Недостаток пороха и недостаток ума. Савиньяк усмехнулся, представляя себе бешенство противника, потом улыбка сползла с губ. Маршал Талига стал принцем дриксов, и принц этот был готов растерзать не только и не столько наглых фрошеров, сколько своих. Разведчиков, пропустивших врага. Командующего арьергардом, не подвезшего порох. Авангард, думающий только о себе и своей славе. Гвардейцев, пятящихся, словно раки. Это была неудачная армия, не способная воплотить великий замысел. К тому же она была мала, а генералы-гаунау то и дело оглядывались на Хайнриха! Нет, с такой армией не победить. Лучшее, что можно сделать, – покинуть это сборище тупиц и лентяев и привести настоящих вояк! И никаких офицеров-гаунау!

– Доброго пути, ваше высочество, – вежливо попрощался Лионель. – Вы сделали все, что могли!

Внизу, под «маршалским» пригорком, проходили эскадроны Хейла.

Глава 11

Кадана. Изонийское плоскогорье 400 год К.С. 21-й день Весенних Скал

1

Возвращение Хейла стало последней каплей. Кесарские рейтары прекратили свои атаки, и тут же потрепанные «крашеные» расцепились со столь же потрепанными «черно-белыми». словно по взаимному уговору, дриксы, гаунау и талигойцы в изнеможении опускали оружие.

Армия Фридриха отползала от холмов и от противника. Ее пехота затягивала прорехи в своих рядах и выравнивалась. Рейтары и драгуны отходили дальше влево, прикрывая фланг, пришедшая с ними пехота примкнула к общему строю. Здесь все было кончено, и Чарльз попробовал разглядеть, что творится в других местах. Судя по всему, правый фланг Фридриха хоть и отступил, но ненамного. Ни опрокинуть, ни прижать его к реке так и не удалось.

Центру дриксов пришлось труднее – когда под натиском Лейдлора левое крыло начало отходить, на стыке мог образоваться разрыв. Это грозило большими неприятностями, и соседние полки волей-неволей начали пятиться, загибая фронт и превращая его в некую дугу. Вернувшийся авангард спас положение. Отступление прекратилось, но восстановить утраченное было уже невозможно. «Гуси» выдохлись, хотя талигойцы выглядели не лучше.

Угомонились даже «фульгаты», а смотреть на поредевшие эскадроны Хейла и мелькавшие там и тут перевязанные руки и головы было тягостно и стыдно. Особенно сверху.

– Мы торопились как могли, – хрипло доложил поднявшийся к маршалу Хейл, – но у меня в строю не осталось и трех тысяч всадников.

– Даже в таком виде вы остаетесь серьезной силой, – веско произнес начальник штаба. – Само ваше появление резко изменило ход боя.

– Я хотел было ударить вдоль дороги и отбросить кесарских на их же пехоту, но не успел. – Похвалы кавалеристу были не нужны, он знал цену и тому, что сделал, и тому, что не сумел. – Нас заметили на подходе, но встретить им было нечем, вот и...

– Мне не кажется, что гаунау готовы бежать, – Савиньяк не отрывался от трубы; казалось, он хочет по головам пересчитать всех солдат как своей, так и вражеской армий, – а держится все именно на гаунау. Я имею в виду генералов.

– Пожалуй. – Посеревшее лицо Хейла оживилось. – Фридрих не любит тех, кто ему перечит, но «медведи» отвечают за армию перед Хайнрихом.

Проемператор кивнул. Он смотрел, как само собой затихает сражение, и ничего не делал. Не было ни суеты, ни приказов. Все слишком устали, а исход сегодняшнего дня уже с полчаса как стал очевиден последнему корнету. Победа была бесспорной и своевременной, но как же все вымотались...

– Едем к Айхенвальду. – Савиньяк заговорил негромко, но от неожиданности Чарльз едва не вздрогнул. – Адъютанты, собрать совет.

Маршал Севера в последний раз оглядел продолжающую сдвигаться к реке чужую линию и тронул коня, направляя его вниз. Свита послушно и устало потянулась за командующим. Лошадь Чарльза оказалась рядом с игреневой «фульгата», исполнявшего обязанности очередного адъютанта Хейла. Они ехали рядом и молчали. «Фульгат» разглядывал конскую гриву и время от времени до странности глубоко вздыхал. Чарльз привставал в стремях, пытаясь разглядеть дриков. Это было нетрудно.

Крашенные и бурые шеренги медленно стягивались к торчавшему посреди долины небольшому пригорку, охватывая его дугой. Левый фланг упирался в речку, правый подвисал посреди долины, его прикрывала вся оставшаяся конница. Центр выстроился перед пригорком, словно созданным для того, чтобы стать командным пунктом, и, судя по пестроте мундиров, именно там пребывала гвардия его высочества. «Гуси» готовились обороняться, словно талигойцы еще могли наступать...

2

– Можно выждать и посмотреть, до чего додумаются в ставке Фридриха, можно атаковать самим, – равнодушно сообщил Проемператор измотанным генералам и полковникам. – Силы почти сравнялись и по пехоте, и по кавалерии. И там, и там у нас имеется некоторое преимущество, но, если эта труба не обманывает, оно не превышает и полтора тысяч человек.

Съехавшие к Айхенвальду офицеры переглянулись. Военные советы в Надорской армии ничего не решали даже в относительно спокойные времена, а уж теперь... Маршал давал понять, что доволен, не более того. И все-таки Бэзил не сдержался.

– Надо давить и давить! – радостно выпалил он. – «Гуси», нас завидев, сами назад покатились, без боя. Не отпускать же.

– Снова гнать людей в атаку? – пожал плечами Эрмали. – А если армия потом не сможет наступать?

– Кавалерия с самого утра почти не выходит из боя, – напомнил Хеллинген то, что Бэзил знал всяко не хуже начальника штаба, – ей нужна передышка.

Да уж, передышка была бы кстати. Собственно, она нужна всем, в том числе и «гусям» с «медведями».

– Его высочество наверняка уже понял, что его «неожиданный» план обернулся столь

же «неожиданным» пшиком, – позволил себе улыбнуться Реддинг, – поняли это и все остальные. На западе не стреляют уже с полчаса, значит, арьергард Фажетти добавил. Надежды на обозы у Фридриха не осталось. Поход в Надор закончился, господа.

– Успех достигнут, – Эрмали был полностью удовлетворен и не скрывал этого, – обозы и артиллерия захвачены, половина, а то и больше армии разгромлена и разогнана. С такими потерями, без продовольствия, пушек и боеприпасов, «гуси» не представляют для Талига никакой угрозы. Все, что им остается, – поскорее унести ноги в Гаунау.

– Не стоит дожимать такого противника. – Хейл с укором взглянул на набычившегося сына. – Будут лишние потери, а люди измучены.

Про лошадей генерал не сказал ничего, только весьма красноречиво вздохнул.

– От добра добра не ищут, – подвел итог Реддинг. – Отходят, ну и Леворукий с ними!

Больше желающих говорить не нашлось. Бэзил тоже молчал, упрямо вздернув подбородок в ожидании заслуженной взбучки, но Савиньяк на него не смотрел – он проверял пистолет.

– Прошу господ полковников предоставить списки убитых, раненых и отличившихся, – взял дело в свои руки Хеллингген, – и подготовить свои соображения на предмет возможности дальнейшего наступления. К утру.

– Последнее излишне. – Проземператор сунул пистолет в ольстру. – Господа, я понимаю ваши опасения. Тем не менее мы атакуем. Сейчас. Если Фридрих еще не переправился на тот берег притока, он сделает это в ближайшее время. Нужно, чтобы след за ним не отступало в порядке, но неслось галопом все, что еще остается на ногах. Айхенвальд, вы атакуете по всему фронту. Как и раньше, зарядов не жалеть. Хейл, займите ваших дриксенских «друзей» и оторвите их от пехоты. У вас преимущество в пару полков, придержите их, потом бросайте в разрыв – наводить панику и угрожать окружением. Эрмали, на правом крыле у дриксов вся конница, да и пехота там приличная. Дело для конной батареи найдется. Где именно, смотрите сами. Остальные пушки пусть действуют, как и раньше. Не скрою, я очень доволен вашими артиллеристами. Все понятно?

– Да! – завопил Бэзил, с обожанием глядя на свихнувшегося маршала.

– Да, – подтвердил Эрмали. – За артиллерию я ручаюсь, но, проезжая, я видел нашу пехоту. Люди вымотаны до предела, я не уверен, что их хватит еще на одну атаку.

– Что ж, значит, придется приободрить. Все, господа, – помимо обычной категоричности в тоне командующего слышался ранее не проявлявшийся напор, – начатое надо довести до конца. Этим мы все сейчас и займемся.

– Совет получился коротким, – вполголоса хмыкнул Хейл. – Бэзил, хватит считать «гусей». До конца так до конца...

3

Они были недовольны и не уверены. Ни в чем – ни в успехе, ни в провале. И слишком измотаны, чтобы спорить. Исполнять всегда легче, вот они и исполнили. Приказы «побежали» сверху вниз – от генералов и полковников к капитанам, тенъентам и наконец к сержантам, что вместе со своими солдатами сейчас пойдут в атаку. Хочется им этого или нет.

По всей линии шло шевеление: сновали порученцы, батальоны под окрики ротных командиров и сержантов ровняли ряды. Рядом хмурился и молчал Хеллингген. Начальник штаба уже выполнил все, что входило его обязанности, даже перечислил предполагаемые трудности. В его рассуждениях был резон, но очень уж... манриковский. Нельзя останавливаться на полдороге. Когда в Талиге нет ни короля, ни кардинала, ни Первого маршала – нельзя. Можно только побеждать, безжалостно и расчетливо, как Альмейда. Нужно вбить в голову последнего коногона, подносчика пороха, кашевара, что он – талигоец, а значит – победитель. Что ему по плечу и изнурительные марши, и разгром превосходящих армий хоть Дриксен, хоть Гаунау, хоть Леворукого...

Пропели трубы, возвещая начало наступления, затанцевал, порываясь вперед, Грато. Еще рано, дружок, еще рано...

Лионель видел спины пехоты, медленно, но слаженно двинувшейся вперед. Следом тронулись запряжки с орудиями – Эрмали не имел обыкновения терять время. Конной батарее отсюда видно не было, но, можно не сомневаться, она появится в нужном месте. Какая все же полезная вещь... Обычная артиллерия никогда бы не поспела за драгунами Стоунволла, да и здесь пушки пришлось очень кстати. Вытащить в Надор Эрмали было верным решением. Генерал управляется с последней выдумкой Рокэ не хуже Вейзеля. С последней... Так и понимаешь, что больше не ждешь и не надеешься, вернее, надеешься на себя.

Впереди грохнуло, над первыми рядами взлетела полоса белого дыма, и тут же вдогонку ударили пушки. Дриксы ответили чуть погодя и слабее, гораздо слабее! «Гуси» уже вытрясли все, что имели, а имели они немного. И вновь треск залпа, вновь его поддерживают более гулкие удары орудий. В те короткие мгновенья, когда стрельба в центре стихает, слышится словно бы эхо, доносящееся с обоих флангов. Там тоже началось...

Пушки говорят, люди ждут. Еще можно остановиться, внять голосу разума, но армии нужна цель. Ей нельзя оставлять время на раздумья. Ей вообще нельзя оставлять времени. Надо выдрать у гусяного высочества перья, одернуть Хайнриха, озадачить Эйрехт и подхватить хексбергскую удачу. Никто не знает, как сложится у Рудольфа и фок Варзов. Старики могут не выдержать, и тогда тебе придется стать Талигом... Как Проэмперадору Севера, пусть и другого. Как молодому. Как сыну и внуку маршалов, как соратнику и как бы не наследнику Алвы. Можно верить, что Рокэ вернется. Можно верить в Рудольфа...

Это так заманчиво: верить, что тебя найдут, прикажут, исправят то, что ты натворил, наорут, в конце концов. Когда есть начальство, его можно любить, ненавидеть, считать дураком и невежей. А можно обожать. Доставшийся Эмилю порученец этим и занимается, но Леворукий даровал сие сокровище югу. Северу достался знаменитый Давенпорт. Толк, впрочем, со временем будет из обоих. Или не будет, потому что ни дотошность, ни отчаянность без ума погоды не делают.

- Капитан Давенпорт, что вы думаете о наступлении?
- Люди и лошади очень устали, господин маршал.
- Не слышу ответа. Что вы думаете о наступлении?
- Айхенвальд может...
- Что вы думаете о наступлении, капитан?
- Я не... Я не имею личного мнения, господин маршал.
- Благодарю вас.

Взрыв стрельбы справа – глухой и то услышит. Близко, теперь жди доклада. Наверняка «медведи». В общем треске и грохоте проступают отдельные голоса. Левее, где находился пологий, но достаточно широкий пригорок, артиллерийский огонь стал чаще. Значит, Эрмали уже расставил последние из тащившихся по долине орудий. Участие в предыдущей схватке они принять не успели. Отдохнувшие пушки, измотанная живая плоть... Кони будут скакать по воле всадников, пока не упадут. Люди могут вынести больше. Если захотят и поверят...

А вот и гонец.

– Господин командующий. От Лейдлора. Находившиеся против нас гаунау пошли вперед. Вместе с кавалерией. Рейтар мы перехватили. Пехоту остановила конная батарея. Картечью, в упор. «Медведи» не выдержали и отошли.

Двенадцать орудий... Картечные выстрелы, раз за разом рвущие в куски плотные ряды пехоты. Второй раз с начала сражения внезапно появившиеся в первых рядах пушки решают дело. Жаль, вторая батарея сейчас бездельничает у моста.

– Хорошо.

Привстать в стремени, оглядеть примолкшую свиту, погладить коня...

– Что ж, господа, пора. Теперь вперед пойдем мы.

И опрокинем Фридриха в реку. Эти камни и эти холмы запомнят и дриксы, и талигойцы. Одни – полный разгром, другие – столь же полную победу. Сегодня в Талиге должна взойти новая звезда. Звезда маршала Савиньяка. Это важнее всего, потому что становится слишком темно.

Дать шпоры Грато. Улыбнуться, чувствуя на себе чужие взгляды, подставить лицо слабенькому ветру. Ты бросаешь на кон пусть не все, но многое. Ты должен выиграть – значит, ты выиграешь.

4

Разошедшиеся было пороховые облака вновь затягивали оживающую схватку. Дриксенские шеренги почти скрылись в белесом мареве, да и свои полки первой линии разглядеть стало непросто, к тому же битва по-стариковски устало и медленно сдвигалась к реке. Савиньяк решил ее догнать. Зачем? Неужели остановит? То, что для капитана Давенпорта, для Хейла с Айхенвальдом – работа, для маршала – выбор. Тот самый, из шестнадцати дорог, где лишь одна не ведет в Закат.

Легкий галоп и овевающая лицо свежесть – как мало нужно, чтобы вновь захотеть боя. Маршальская кавалькада летела по посеревавшему снегу навстречу канонаде и, скорее всего, ничему. Проэмперадор остановит наступление в последний момент, заставив дриков потратить оставшийся порох. Можно было б и сказать, хотя... Хотя ложная атака и выглядит ложной, а так поверили даже Хейл с Хеллингеном. Сейчас они, конечно, догадались, но сперва поверили. Может быть, так и надо. В конце концов, Савиньяк побеждает, и все-таки жаль... Жаль, что не будет еще одной атаки.

Проскакав меж двух резервных батальонов, маршал прямоком направился к расположившемуся за первой линией своей пехоты Айхенвальду. Лица бергера и его офицеров были черны от пороховой копоти, но даже она не могла скрыть усталость. Скоро все отдохнут. К несчастью, придут в себя и дриксы, хотя их можно будет тревожить выстрелами. «Фульгаты» уже воспрянули, а пороху в обозе хватает.

– Генерал, – невозмутимо объявил Проэмперадор, – передайте приказ по всей линии: решительная атака. Бьем со всей силы и опрокидываем в реку. Тянуть дальше смысла нет.

Чарльз подумал, что ослышался. Что подумал Айхенвальд, было не догадаться. Короткий кивок и никаких вопросов.

– Слушаюсь, господин маршал. Адьютанты. Сигнал по полкам – «Все вперед»!

А Савиньяк на людей все-таки смотрел. На тех самых гвардейцев, что выполняют граничащий с безумием приказ. Утром эта же самая пехота выглядела куда более браво. Чарльз не мог похвастаться обширным опытом, но что солдаты и офицеры валяются с ног, понял бы последний недоросль. Да, гвардия исполнит и этот приказ, но угасший огонь не раздуешь. Утренний порыв иссяк, осталась лишь присяга.

Маршал, так ничего и не сказав, шевельнул поводьями, пуская мориска медленной рысью. Решил проводить уходящих в бой. Правильно решил, но кто-то должен идти с ними до конца и почему не капитан Давенпорт?

У задних рядов Савиньяк даже не задержался, двинувшись дальше, в промежуток между соседними батальонами. Проэмперадор не оборачивался, а вот Чарльз... Чарльз ловил на себе странные напряженные взгляды.

Пятая шеренга осталась позади, четвертая, спины третьей... Савиньяк соскочил наземь, кинув Сэц-Алану поводья и плащ. Из-за сомкнутых спин вышел высокий полковник. Ролан Мениго... Южанин, ходили слухи, что старый друг. Друг? У Лионеля Савиньяка?

– Мой маршал...

– Отставить, Ролан. Сейчас наш бергер даст сигнал. Я тут с тобой и твоими ребятами немного пройдуся...

За полковника ответили горнисты. Айхенвальд не мешкал.

– Это нам, – кивнул маршал. – Несколько сот шагов до реки. Суший пустяк, не правда

ли? В сравнении с тем, что мы уже прошли...

Столичная осанка, гвардейский, с иголки, мундир, еще не знавший боя. В отличие от хозяина... Лионель Савиньяк был торским корнетом, капитаном, полковником. Отец говорил о нем, хорошо говорил, но до этого часа Чарльз не связывал рассказы об отчаянном офицере с надменным начальником.

Чарльз ошарашенно смотрел на маршала, но прежде, чем капитан сообразил, что делать и говорить, выяснилось, что с капитаном Давенпортом уже все решено. Разумеется, без его участия. Савиньяк обернулся, весело и непривычно сверкнув глазами.

– Отправляйтесь к Хейлу. Сражение лучше закончить с теми, с кем начал. Сейчас самое время подрезать «гусям» левое крыло. Идем, Ролан, поможем надорцам. Север и юг – это больше, чем север и север!

Глава 12

Кадана. Изонийское плоскогорье

400 год К.С. 21-й день Весенних Скал

1

Очередная вершинка, на склоне – группа всадников, у подножия – несколько потрепанных эскадронов. Знакомых. Бэзил!.. Значит, генерал наверху. Старший Хейл наблюдает за боем, младший – в резерве. В последнем резерве. Том самом, что бросают в Закат. Раньше Чарльзу не приходило в голову, каково отцам-генералам распоряжаться судьбой сыновей, а сейчас вдруг подумалось. Из-под копыта выскочил камень, покатился вниз. Конь пошатнулся – второй раз за день. Дурная примета? Ну и кошки с ней. Сегодня не только маршалы доводят дело до конца.

– Мой генерал!

Хейл, напряженно согнувшись в седле, разглядывал поле боя. Свита кавалериста опять поредела. Теперь ранены были все, кроме самого генерала и недовольного Бэзила.

– Мой генерал! Командующий отдал приказ о решительном общем наступлении. Он лично ведет в атаку гвардейцев Мениго. Приказано ввести в бой все резервы и ударить по левому крылу противника, чтобы поддержать атаку пехоты.

– Говорите, сам повел? – сварливо переспросил Хейл. – Решил бодрости добавить... Савиньяка могила и та не исправит. Надеюсь, хоть в рукопашную не полезет, тут не Манрики собрались...

Манриками тут и не пахло, и Фридрихом, пожалуй, тоже. В воздухе не висела столь густая дымная завеса, как там, где дралась пехота, и Чарльз разглядел небольшую кавалькаду, на рысях уходившую за реку.

За спиной покидавших поле боя сошлись в яростной схватке тысячи всадников. Талигойцам не удавалось добиться перелома, и Хейл, похоже, бросил в бой один из двух оставшихся у него в запасе полков. Его кавалеристы уже подходили к месту общей свалки...

Генерал обернулся к сыну:

– Наши мальчики все-таки закружили кесарских. Вон там, видишь? Пусть и крохотный, но разрыв. Объяснить или сам знаешь?

Повеселевший Бэзил подтянул ремешок каски.

– «Медведи» увидят в своем тылу «Победителя дракона».

– Именно. Капитан, вас и спрашивать не нужно. Отправляйтесь с... полковником Хейлом. Как мне сказали, держать строй на галопе вы умеете.

– Приложу все старания!

Чем хорош устав, так это тем, что ответит за тебя, когда не хватает слов. Давенпорт торопливо отсалютовал и бросился к ждущим своего часа эскадронам. Он будет держать

строй на галопе. Он будет драться за Талиг, за списанного всеми Фердинанда и за этих преклятых маршалов, раздери их обоих кошки.

Уставшие всадники уже смыкали ряды. Молча, без шуток и бахвальства. Только Бэзил гарцевал перед поредевшим полком, словно было утро и не было смерти. Чарльз пристроился рядом. Взмах руки, блеск выхваченного клинка, подбадривающий кивок.

– Ну, теперь держись, – хмыкает Бэзил, – теперь споем!

И вновь сотни копыт ударяют в еще твердую землю, и она отзывается. Ниже, тревожней, настойчивей, беспощадней, чем пару часов назад. Долина устала, ей хочется покоя, но она не уснет, пока здесь чужаки. Их надо добить, загнать в реку, втоптать в лед... Они пришли незваными, они несли беду, они нарушили закон. Они умрут!

Эскадроны ускоряли ход, с медленной рыси на широкую, пестрые склоны мелькали все быстрее. Черное, белое, серое... Пятна и полосы. Кто-то глядит в спину. Требуется, приказывает, желает успеха... Кажется, талигойская кавалерия перетягивает удачу на себя: кровавое пестрое месиво откатывается назад и в сторону, отрываясь от пехоты. Бэзил переводит буланого в галоп, ветер треплет черный султан на каске полковника. Конная свалка остается справа. Разрыв действительно есть, Бэзил целит в него, как стрела целит в бойницу.

Чуть в сторону. Еще. Не надо подставляться под выстрелы, пусть и редкие... Обойти пехоту по дуге, выскочить прямо в тыл. Только бы у дриков не нашлось конных резервов! Это было бы совсем некстати...

На дорогу выносит дриксенских драгун. Немного, несколько десятков. То ли отбились от своих, то ли сбежали. И оказались на пути несущегося сомкнутого строя.

– Первый эскадрон! Убрать!

Яростные возгласы, лязг клинков, одиночный выстрел. Дриков снесли, не сломав шеренг и не потеряв разбега. И дальше, дальше!

Проскочили. Пехота дерется слева, конница – справа, а впереди – речка. Круг замкнулся. Полк замедляет ход, заходя в спину медленно отступавшим гаунау. Здесь, на самом фланге, именно они. Ровный коричневый цвет строя. Ровные шеренги. Ничего лишнего. Извечные враги, столь же упорные, как бергеры, и столь же опасные.

– Ну, посмотрим, удастся ли заставить их побегать. – Бэзил подмигнул и призывно вскинул шпагу: – Талиг и Север! Вперед!

– Вперед! – подхватил и Чарльз. Капитан и сам не понял, как у него вырвалось: – Талиг и Савиньяк!

2

Ролан с некоторым сомнением покосился на пристроившегося к его гвардейцам командующего, сделал два быстрых шага вперед и, повернувшись к строю лицом, гаркнул:

– Ваши закопченные рожи надо срочно умыть, мне перед маршалом неудобно. Вода – в речке. Вперед!

Справа и слева это «Вперед!» повторили хриплые злые голоса тенъентов и сержантов. Черно-белые шеренги качнулись и двинулись вперед.

Разговор с Роланом и его речь при всей их краткости потребовали времени. Пусть небольшого, но «гуси» успели отступить еще немного. Теперь, чтобы достать их из мушкетов, требовалось пройти сотни полторы шагов. Что ж, их он с полковником и пройдет.

Маршал Савиньяк обнажил шпагу, как на параде. Семейная традиция. В авангарде наступай в первом ряду, в арьергарде – отходи рядом с последним солдатом. Это не глупость и не бравада, это шпоры для армии. Не всегда хватает коленей и голоса, иногда нужен довод повесомей. Как сегодня. «Савиньяк есть Савиньяк!» Сколько и скольким повторяют сейчас эту бессмыслицу? А твое дело – шагать в первой шеренге. Ровно и уверенно. Они не просто идут за тобой, они *хотят* идти. Хотят драться. Хотят победить. Кто сказал, что разогоревшее не поджечь? Тот, кто не поднимал уставшие армии, а сидел всю жизнь у камина.

И страдал.

– Живей, ребята! Эдак мы их никогда не догоним!

Глупости тоже бывают нужны – если сказаны вовремя. И потом это повод обернуться. Взглянуть в солдатские глаза, увидеть, что они горят. Они снова горят!

– Джеймс, кто тебе больше нравится? «Медведи» или «гуси»?

Лица солдат надо помнить. Чем больше, тем лучше. Ты должен знать их, они – тебя.

– Кто впереди, тот и нравится, – рывкает здоровенный капрал. Он счастлив. Его могут убить, а он счастлив.

– Ровней! – подсказывает шагающий рядом Ролан. – Держи строй, кошачьи дети! Сейчас дойдем!

Неразборчивая, но яростная ругань и пыхтенье. Справа... Так не похоже на мерный шаг пехоты. Облепив небольшую полковую пушку, артиллеристы и приданные им солдаты выкатывают ее вперед, чтобы поддержать атаку. Зарядную повозку тоже тащат на себе. То ли не смогли подвести лошадей, то ли не хотят терять время.

– Эй! – вопит артиллеристам Джеймс. – Поджарьте их хорошенько!

– Подпалите им хвост!

– И под хвостом!

Бьют мерзлую землю солдатские башмаки, дышит в спину вторая шеренга... Смешно, но в такую атаку он еще не ходил. Были нахальные конные налеты, были и стремительные и жестокие пешие схватки среди торских скал. Одиночные поединки тоже случались, но вот так, в полковом строю, считая шаги до того мгновенья, когда придется по команде остановиться, вскинуть мушкет, глянуть поверх ствола на такой же строй в сотне шагов от тебя... Нет, такого не доводилось.

Справа ударила пушка. Одиноко, без поддержки. Дриксы. Для артиллерии четыреста бье – не дистанция. Будь «гуси» при обозе, стреляли бы уже по всему фронту. Нет, рано радовался. Еще выстрел, только дальше. Кто-то дотерпел, доберег бесценный порох, чтобы ударить в упор.

– Ролан, по одному залпу и – вперед. Дружного удара они не выдержат.

– Слушаюсь, господин маршал! Пикинерам приготовиться!

Чуть ли не над ухом рывкает первое орудие. Ему вторит десяток других. Точно деревенские псы за вожакom... И без трубы видно, как валятся сраженные картечью солдаты. Шеренги дриков редуют, но стоят. Они вышколены отменно. Артиллеристы Эрмали тоже. Нельзя не восхищаться их слаженностью и быстротой. Если смотришь с нужной стороны... С другой – можно только ненавидеть. Врагов и тех, кто привел тебя на убой.

Бомбардир и двое канониров перезаряжают пушку, а первые три шеренги изготовились к стрельбе, первая опустилась на колено. Взмах шпаги, слитный залп... Быстро выходят вперед мушкетеры трех задних шеренг. Второй залп. И вслед – череда пушечных выстрелов. Браво!

– Хватит. – Полковник зол и решителен. Как перед той дурацкой дуэлью в Старой Придде. Тогда Ролан был прав, кстати говоря. – Дальше не пойдешь.

– Пойду. У меня еще двадцать шагов...

– Но стреляют...

– Именно. Не отвлекайся.

Пестрота впереди – красное, синее, желтое. Гвардия. Фридриховы любимцы... Только само высочество вряд ли еще тут.

Вперед. Еще не бегом, но быстрым шагом. Первыми, оцетинившись стальным ежом, пикинеры, следом – стрелки. Вот ты и пришел... Черно-белая волна, обтекая маршала и немногочисленных свитских, устремляется вперед, накатывая на поредевший иноземный строй. Эта армия надеялась вволю повеселиться на талигойской земле. Не она первая.

– Пикинеры, вперед! Талиг! – Ролан никогда не был оратором. – Талиг и... Тали-и-иг!

Правильно: будет Талиг, найдется и король, как бы его ни звали – Фердинанд, Карл, Рокэ, Людвиг или... Арно.

Боевой не клич, а рев. Расстояние между сторонами тает. Дриксы дают залп. Последний залп в упор, для которого берегли заряды, но атаку уже не остановить – слишком силен порыв.

Первая линия сошлась с противником вплотную, лязг и треск столкновения слышен и здесь, и дальше, было б кому слушать... Ролан давит. Пока один – вторую линию Айхенвальд придерживает, выжидает, примеривается, куда лучше нанести завершающий удар. Нанесет – не маленький, а твое место здесь. Бой решит, возвращаться маршалу на холмы или заворачивать отступающих и идти уже до конца. Собственного или дриков.

Рев переходит в вой... Опрокинут, должны опрокинуть!

3

Савиньяк хочет, чтобы они нагнали страху на этих гаунау, значит, так и будет! Четыре с лишним сотни с гиканьем кинулись на задние шеренги коричневой пехоты, но гаунау не ослепли и не оглохли. Отчаянный вопль сигнальных труб заставляет «медведей» обернуться, они видят черно-белое знамя. И талигойских конных гвардейцев во всей их пусть и потрепанной, но красе. Всадники Бэзила несутся вперед, не опасаясь налететь на смертельный частокол пик – в задних рядах пикинеров нет, они еще сражаются впереди, из последних сил удерживая строй.

Спешно поворачивающиеся высокие люди. Кто-то выстрелил, часть солдат сбивается в кучу, но некоторые... да! Начинают разбегаться. Еще чуть-чуть... Бэзил с тремя кавалеристами врезался в десяток окруживших офицера «медведей». Бурные отмахиваются разряженными мушкетами, как дубинами, но остановить напор разогнавшихся лошадей им не под силу.

Не успевшего отскочить офицера просто смяли, его судьбу разделили еще двое или трое, и тут Чарльз нашел своих врагов. Собственных. Обретая черты, они вынырнули из общей сумятицы. Краснолицый пехотинец, не став меряться силой с боевым конем, прыгнул влево от Чарльза в надежде избежать клинка. Это ему удалось, зато стоявший за прыгуном оказался не столь расторопен. Тяжелая шпага опустилась на коричневое плечо.

Потом был еще один. Этот пытался убежать и получил удар по затылку. Кто-то здоровенный собрался выбить капитана из седла прикладом, но пистолет не подвел. Молитвами Бонифация... Все больше бурых, не помышляя об обороне, ударялись в бегство, кое-как уворачиваясь от копыт и клинков. Давенпорт осадил жеребца, чтоб не врезаться в двоих гвардейцев, от души работавших палашами. Обученные кони по мере сил помогали всадникам. Люди и лошади расчистили вокруг себя неплохую площадку. Стало видно, что задние ряды гаунау полностью расстроились.

Горнист позади выводит «Сбор». И впрямь пора, а то рассеемся поодиночке. Судя по накатывающему невнятному гулу, приближалась пехотная свалка. Чарльз слушал ее, пока со стороны Ор-Гаролис не донесся слитный топот. Шла конница. Накликал... Кляня собственное разгильдяйство, Чарльз принялся заряжать пистолет, но беспокойство умерло, едва родившись. Ветер развернул черно-белое знамя, под ним темнели родные мундиры. Робби... А вот и он сам. Собственной персоной. Без каски, с хищной улыбкой на неумытой физиономии.

– Все, кончились рейтары, – чуть ли не с досадой объявил однокорытник. – Мы решили, что для вас одних тут «медведей» многовато.

– Не сказал бы...

– Жадный Манрик!

– Дальше давай! Дальше по их линии, пусть везде бегут! – замахал окровавленной шпагой Бэзил и исчез, дав шпоры буланому. И опять – налететь, разогнать, рубануть подвернувшегося неудачника и вперед, туда, где пока держатся.

Вот они! Гаунау в особенных, серебрящихся, мундирах. Кажется, тоже егеря, только пешие. Звери не хуже бергеров-«следопытов». Собрались вокруг знамени и, соблюдая

подобие строя, отходят к реке. Ну и кошки с ними, раз такие непугливые! Знамя жаль, но такие не бросят...

– Уходят! Проклятье... Вперед!

Полковник Хейл рассудил иначе, чем капитан Давенпорт. Снова всадники налетают на сбившихся пехотинцев, снова те огрызаются. Вскидывается и падает конь, подминая хозяина. Еще один кавалерист вываливается из схватки, держась за бок. Чарльз поворачивает жеребца, спеша на помощь. Спешат и другие.

Они были шагах в трех, когда черный султан Бэзила нырнул вниз. Леворукий, неужели? Так не повезло?! В самом конце!.. Новые всадники врезаются в схватку, расшвыривая последних оставшихся на ногах егерей. Получив удар лошадиной грудью, вместе со знаменем рушится знаменосец. Рядом мертвый офицер. А вот и Бэзил. Скорчился на земле, держась за бедро, буланый полумориск кружит над ним, защищая хозяина, чуть в стороне валяется егерский мушкет с широким кинжалом, очень аккуратно примотанным к стволу кожаным ремнем. На лезвии – кровь.

Чарльз соскакивает на землю, успокаивает коня. Кто-то помогает полковнику Хейлу сесть.

– Ну что вы тут толчетесь?! – рычит спасенный. – Больше дела нет? Оставьте со мной двоих и дальше! Дальше!

– А дальше не очень-то и нужно, – хохочет Чарльз. – Посмотри, они же бегут. Везде бегут...

4

Глухой непрерывный шум... Сражение рокошет, как море. Шторм и прорезающий его сигнал. Такое знакомое: «Кавалерия, в атаку!» Там, за левым крылом дриков. Это Хейл, прорвался-таки. Теперь все. Теперь никакое упорство, хоть гусиное, хоть медвежье, не спасет.

– Мой маршал, – глаза Сэц-Алана блестят, как у влюбленного, – мой маршал, наши!

– Разумеется. – Быть уверенным в своих людях, удивляться не подвигам, а невыполненным приказам – это и значит быть маршалом. Сомневаться – дело начальника штаба, но Хеллинг в тылу. Некому советовать, что надо приказать Айхенвальду, впрочем, бергер не глухой – все услышит и все поймет.

Впереди продолжало шуметь кровавое море. Искушение забраться на ближайшую вершину и схватить трубу становилось неодолимым, но Лионель дождался медных уверенных голосов.

Айхенвальд не мешкал. Он рассчитал правильно – решительный удар придется справа. Побегут и там – посыплется и вся линия. Вот теперь можно в седло. Рисковать дальше бессмысленно.

– Коня!

Когда в столице сидит свихнувшийся петух, когда нет ни короля, ни маршала, ни резервов, ни довольствия, а тебе надо и поросят растить, и окорока коптить, дать разок по вражеским лапам – еще не успех. Успех – это сохраненная армия и выигранная война. Вернее, выигранная война и сохраненная армия, а сегодня он только начал. Когда и где конец, знает один Леворукий, но знать – не главное. Главное, армия поняла, что будет так и только так, как решишь ты. Ты, а не Фридрих, не Хайнрих, не Создатель с Зеленоглазым, есть ли они, нет ли!

Всего сотня бье вверх по склону, и насколько легче дышать! С глаз спала белесая дымная пелена, контуры скал стали четкими, небо – ярким, и только долина у реки продолжала тонуть в дрожащем мареве. Лионель смотрел именно туда и видел именно то, что ему хотелось: полностью развалившиеся порядки дриков.

В центре и справа все больше и больше солдат покидало позиции, устремляясь в тыл. На левом фланге отдельные батальоны еще держали строй, но большинство беспорядочной

толпой откатывалось за речку. Еще немного, и бегство станет повальным. Взгляд метнулся дальше вправо, но кавалерийский бой уже иссяк. Последние десятки кесарских всадников уходили на другой берег. Хейл их не преследовал.

– Сэц-Алан, отправляйтесь к малому обозу. Пусть встречают раненых и голодных. И греют вино.

– Мой маршал... Разрешите... Разрешите поздравить вас с победой!

– Нас, Люсьен. Отправляйтесь. По дороге заверните к Хейлу и Эрмали. Передайте мои благодарности!

– Слушаюсь.

Теньент счастлив, для него все закончилось. Так, как и должно, – разгромом врага. Можно мыться, пить, спать, радоваться и не думать о том, что будет завтра.

– Господин маршал! – Драгун с перевязанной головой осадил темного от пота коня. – От Айхенвальда... Мы вышли к этой треклятой речонке. На нашей стороне не осталось ни единого «гуся». Неоципанного...

– Благодарю. Где Айхенвальд?

– На берегу.

– Проводите меня к нему, сержант. Я хочу умыться.

Еще один счастливый взгляд. Обожающий, гордый. Кто сказал, что нет сильней любви крестьянки к господину? Нет сильней любви солдата к полководцу. Если тот удачлив, весел и смел. Проэмперадор Севера, маршал Талига, граф Лионель Савиньяк сделал то, что собирался. Победил Фридриха и собственную армию. Вторая победа была важнее.

Часть 2

«Алхимия»(«Воздержание», «Умеренность»)³

Самое причудливое безрассудство бывает обычно порождением самого утонченного разума.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1

Ракана (б. Оллария)

Хексберг

400 год К.С. 24-й день Весенних Скал

1

Про Багерлее всегда говорили вполголоса, но Ричард давно понял, что самые страшные из рассказов и слухов были выдумкой. И все равно юноша не ожидал, что знаменитая тюрьма так похожа на Лаик. Те же длинные сводчатые переходы, десятилетиями не

³ Высший аркан Таро «Алхимия» / «Воздержание» / «Умеренность» (**La Tempérance**) символизирует обновление душевных и физических сил, умеренность, осмотрительность, соединение творческого и рассудочного, необходимость золотой середины. Карта означает стабилизацию в делах, успех, избавление от лишних эмоций, спокойствие и равновесие во взглядах, раздумье и, как следствие, выход на путь правильных решений и поступков. Выпадая после плохой, указывает на то, что в борьбе с неприятностями вас ждет победа, добивайтесь ее кропотливо и неуклонно. Карта говорит о необходимости гармонии между материальной и духовной составляющими, напоминает о том, что ко всему нужно относиться с выдержкой и терпением; не стоит слишком глубоко уходить в себя. Карта предвещает удачу предприятиям, успех которых зависит от сложной взаимосвязи многих различных факторов. **ПК** : неправильный подход к жизни и окружающим, чрезмерная вспыльчивость, непредсказуемость, неразумные поступки, отвлечение на мелочи. Символизирует трудности и препятствия, связанные с отсутствием равновесия.

открывавшиеся двери, гулкие, ненужные залы, башни, в которых сходятся коридоры и лестницы, и снова серые галереи. Наверняка где-то внизу, в подвалах, прятались тайные камеры и комнаты пыток, но здание, по которому комендант водил вступившего в должность супрема, было опрятным и скучным. Именно от этого Дикону и стало не по себе. При виде ржавых цепей и палачей в кожаных нарукавниках он бы не дрогнул, но возившийся с дымящим камином истопник казался страшным. Тюрьма не может, не должна быть обыденностью, привычкой, работой...

Казавшееся бесконечным крыло кончилось, они спустились во двор, тоже самый обыкновенный. Высокие, пятнистые от сырости стены, куча хлама в углу, флигель с позеленевшей крышей, у аккуратной ярко-желтой будки – здоровенный добродушный пес. Деловито протарахтела тачка; подобрав юбку, смешно побежала по лужам толстуха в чепце и переднике. Служанка или жена какого-нибудь тюремщика. Она здесь живет... Святой Алан, она здесь живет!

Комендант мимоходом приласкал пса и свернул за угол, где обнаружилась невысокая арка, ведущая в еще один двор, и это было лишь началом лабиринта. Выбраться из Багерлее, не умея летать, почиталось невозможным, но Дикон зачем-то считал повороты, дворы и лестницы. Считал так, словно от этого зависела его собственная свобода.

Арка, над которой выбита лежащая собака. Наполовину перегородженный доходящей до окон второго этажа стеной двор. Дровяной сарай, здание с восемью трубами, водосток, недавно поставленная, не успевшая потемнеть решетка, новая арка, подслеповатый храм, за ним чахлые кустики и ряды надгробий – Багерлее не расстается с постояльцами и после смерти.

Вскрикнула и перепорхнула с дерева на крышу крапчатая птица. Меньше голубя, но больше скворца и с загнутым клювом, раньше Дик таких не встречал. Вкусно запахло свежесдобленным хлебом, распахнулось окно, высунулась голова в полотняном поварском колпаке, заметила начальство и торопливо исчезла. Ставший отдаленным лай стих, зато разгалделись вездесущие воробы. Комендант миновал еще два прохода и указал на стоящее особняком здание.

– Здесь наши лучшие комнаты, – объявил он с достойной трактирщика гордостью. Дикон, скрывая невольную гадливость, кивнул – сменивший Морена полковник со смешным именем Леокадиус Перт был сыном, внуком, а то и правнуком тюремщиков. Он не мог без своего хозяйства, как не может без паутины паук. Морен был верен Талигу и законному государю, Перт – тюрьме. Возражавший против его назначения Роксей говорил, что потомственный тюремщик выполнит любой приказ любого короля. Это походило на правду, но тупица лучше предателя, а другого государя в Талигойе не будет.

– Вы говорили, граф Штанцлер каждый день гуляет? Сегодня мы погуляем вместе. Мешать нам не нужно.

– Как будет угодно господину супрему. Прикажете доставить Штанцлера сюда?

– *Графа* Штанцлера, – поправил, закипая, Ричард. – Можете идти. Вы мне понадобится позже. Я намерен посетить Фердинанда Оллара.

– Должен ли я предупредить его величество о вашем визите?

Никуда не денешься, Перт в той же степени туп, в какой исполнителен. Ему велено называть одного узника графом, и дурак тотчас превращает другого в короля. Чего доброго, прикажет то же подчиненным. Сославшись на супрема.

– Полковник, – Ричард старался говорить спокойно и доходчиво, – содержащихся в Багерлее дворян, не лишенных его величеством титула, следует именовать согласно этому титулу. Отрекшийся король – всего лишь Фердинанд Оллар. Это правило распространяется на всех олларовских прихвостней, какие бы должности они ранее ни занимали. Вы меня поняли?

– Да, господин супрем.

– Ступайте.

Перт убрался. Дик отряхнул шляпу, расправил краги на перчатках, прошелся от арки до

домика и обратно, старательно обходя серые лужи. Это будет первая встреча с эром Августом за полтора года! Первая настоящая встреча. Супрем обязан навещать узников, чья судьба еще не решена, а против эра Августа даже не выдвинуто обвинений – Роберу не до его нелепой ненависти, и хорошо...

Пятнистый булыжник, отчего-то оказавшийся посреди двора, бросился под ноги. Юноша споткнулся, с позеленевшей крыши раздался визгливый детский смех. Захлопали крылья. Стайка голубей сорвалась с карниза и исчезла в серых облаках. Кончался первый месяц весны, но небо казалось осенним, а пропитанные чужим отчаяньем камни дышали злобой и голодом. Как дорские мертвецы.

Тьма в арке стала гуще и тяжелее, почудилось, что там кто-то стоит. Кто-то маленький, но опасный. После Доры Ричарду часто бывало не по себе, но страхи обычно дожидались темноты, хотя «в стенах тюрьмы нет ни дней, ни ночей». Дидерих был прав и здесь.

В одной из луж плеснула вода, будто в нее кто-то наступил, полетели мутные брызги. Невидимый ребенок заходился смехом, а грязное пятно на дальней стене стало больше и ярче. Хлюпнула и заволновалась еще одна лужа. Оставаться среди хмурых, словно бы сближающихся зданий становилось невмоготу. Положив руку на эфес, юноша начал пятиться к дереву, ища защиты меж узловатых, взломавших каменные плиты корней. Живых. Надежных. Добрых. Он перевел дух, лишь прижавшись спиной к стволу. В арке никого не было, как и на крыше. Плохо отполированными зеркалами стыли лужи. Сквозь черные ветки проглядывало растрепанное птичье гнездо. Ребенок успокоился и замолчал. Сынишка какого-нибудь надсмотрщика. В Багерлее есть женщины, значит, могут быть и дети...

Юноша глубоко вздохнул, поправил сбившуюся шляпу, разгладил воротник – и вовремя. Из открывшейся двери показался полный, тепло закутанный человек и спокойной походкой направился к Ричарду. Отороченный мехом капюшон скрывал лицо, и Дикон не сразу сообразил, что перед ним эр Август, а сообразив, растерялся. Супрем Талигойи не мог обнять узника на глазах подсматривающих тюремщиков; герцог Окделл был не вправе оттолкнуть находящегося в беде друга, но все решилось само собой. Бывший канцильер остановился в шаге от приросшего к земле юноши и вытянул руку, не позволяя приблизиться. Внимательный усталый взгляд напоминал о нечастых тайных разговорах. Пусть горьких, но всегда откровенных.

– А ты похудел, Дикон, – задумчиво произнес Штанцлер. – Похудел и возмужал. Когда я видел тебя последний раз... ты был еще графом Гориком, хоть и звался Повелителем Скал. Теперь ты не сын Эгмонта, ты – Ричард Окделл... Как матушка, сестры, Реджинальд?

– А вы не похудели... – невпопад откликнулся Ричард. – Эр Август... матушка погибла... Они все погибли. Понимаете, все... Весь Надор!

Он ни с кем еще об этом не говорил. Вернее, говорил, но как Повелитель Скал, гордо вскинув голову.

– Весь Надор?! – не понял эр Август. – Как это? Не может быть!.. Бергеры и старший Савиньяк жестоки, но детей не тронут даже они... Неужели Мирабелла... Твоя матушка предпочла смерть унижению? Смерть собственных дочерей?!

Матушка бы могла. Если б пришел Лионель и «навозники», она бы... Она бы так и поступила, но Савиньяк не пришел.

– Это не Лионель, – чужим голосом сказал Дик, – это... Это вообще не война. Такое бывает, я помню в землеописании... Под Надором было подземное озеро, потом вода почему-то ушла. Получилась пустота, своды не выдержали... Такие провалы бывали в Алати. И в Рафиано, только меньше.

Эр Август откинул капюшон и несколько раз глубоко вздохнул. Если б он принялся утешать, Ричард бы замолчал, но Штанцлер не утешал. Он был рядом, и он чувствовал, что значит потерять Надор.

– Дэвид Рокслей получил письмо. – Сколько тепла в этих старых измученных глазах, тепла и боли! – То есть не так... Сперва вернулся отряд Робера. Он был помолвлен с моей

сестрой. Я знаю, вы в ссоре...

– Какое это сейчас имеет значение, – махнул рукой Штанцлер. – Последние годы я тяготился одиночеством, но лучше быть одному, чем пережить гибель близких, гибель любви... Над Эпинэ тяготеет какой-то рок!

– Робер не любил Айри. – Обида на сестру умерла вместе с ней. Остались щемящая жалость и память о задыхавшейся над мертвым конем девочке. Надо было увезти Айрис прямо тогда. Она бы не попала к Алве, не сошла бы из-за него с ума... Катари приняла бы дочь человека, которого любила. Айрис могла бы встретить Дэвида или еще кого-нибудь. Она бы осталась в столице, живая...

– Потерять любимую страшно, не спасти ту, кого клялся защитить, – невыносимо. Особенно для живущих чувствами и памятью, а не разумом и долгом. – Штанцлер не утешал, он просто размышлял вслух. – Мне всегда было жаль последнего из Эпинэ. Возможно, моя жалость и стала причиной его ненависти. Иноходец ненавидит собственную слабость и неудачи, но переносит эту ненависть на меня...

– Нет, – перебил старика Ричард, – дело в кольце... Том, что вы мне дали. Робер не верит, что оно принадлежит Эпинэ. Что его предки были отр... Что они так убивали.

– Ты рассказал Иноходцу все? – Штанцлер вновь накинул капюшон, и Ричард понял, что тоже мерзнет. Плащ для такой «весны» был слишком легким.

– Рассказал. Эр Август, давайте походим. Вы же на прогулке.

– Конечно, Дикон. Если не возражаешь, дойдем до храма. Он всегда открыт, а я хочу помолиться за погибших. За Надор... Гнезда Окделлов больше нет, в голове не укладывается... Твоя стойкость, Дикон, делает тебе честь, но траур – это не просьба о сочувствии. Это память.

– Я все равно их помню... Я все помню!

Выставшие отцовские комнаты. Буквы на обратной стороне стола. Старые портреты, старые башни, старое оружие... Нависшая над дорогой скала. Сломанная ива... Ничего этого теперь нет. Ларак больше, владения Манриков богаче, только это утешение для купцов и выскочек. Сюзерен, отдавая Дику Красный Манрик и вотчину Эйвона, не пытался утешить. Он тоже понимал все. Как и Эр Август.

– Конечно, ты помнишь, – кивнул бывший канцильер. – Мы, Люди Чести, еще и люди Памяти, но если разделить горе с Создателем, станет легче.

Наверное, этого не следовало говорить даже Штанцлеру, но бывают мгновения, когда лгать невозможно. И бывают люди, которым нельзя лгать даже из уважения.

– Эр Август, – твердо сказал Ричард, – я не пойду в храм. Я не верю в Создателя. Это выдумка гайифцев, из-за которой распалась Золотая Анаксия. Мы предали истинных богов, создавших наш мир, и потеряли все.

Матушка бы закричала, Айрис рассмеялась, Реджинальд принялся бы чего-то бляеть. Штанцлер всего лишь вздохнул.

– Я слишком стар, чтобы говорить об этом, – просто сказал он, – и я умру в той вере, в которой родился.

Это было горько и неправильно. Человек, рисковавший жизнью ради дела Раканов, приковал себя к выдумке, враждебной всему, чему служил. Эсператизм и Эрнани Колченогий погубили Анаксию. Агарис тянет руки к еще не окрепшей Талигойе. Левий – не помощник, а враг страшнее Олларов, потому что умен и за ним сила Церкви.

– Создателю служат лицемеры, которые думают лишь о своих выгодах, – отрезал Ричард, словно перед ним был маленький кардинал с фальшивым голубем на груди. Фальшивым, потому что Левий был стервятником. В отличие от Оноре, но святого убили.

Ненависть и обида душили, перед глазами колыхалась ядовито-зеленая пелена, и все же Дикон взял себя в руки. Эр Август поймет, должен понять, ведь для него нет ничего выше Талигойи, но объяснить такое непросто.

– Агарис хочет править Золотыми землями, – тщательно подбирая слова, сказал юноша, – но этому не бывать. У Золотых земель может быть лишь один владыка...

«Нашему возлюбленному сыну Луиджи». Почерк был отцовским, но нелепая надпись и печать с короной кричали о дурацком розыгрыше. Луиджи списал бы странное послание на Бешеного, но вернувшийся на рассвете Вальдес спал сном праведника в собственной гостиной и подсунуть письмо капитану-марикьяре не мог. Оставалось предположить, что адмирал Джильди внезапно сошел с ума. Луиджи собрался с духом и сорвал печать. Привычное обращение успокоило, но ненадолго.

«Мой дорогой Луиджи, – писал отец, – произошло нечто удивительное, в корне меняющее не только судьбу города, которому мы по мере сил служили и служим, но и нашу с тобой жизнь. Когда ты вернешься в Фельп, я расскажу тебе обо всем в подробностях, но пока я сам до конца не верю в случившееся».

Ты помнишь, как я всегда относился к Дуксии и до чего засевшие в ней дураки и предатели едва не довели Фельп. Появление герцога Алва и его победы открыли многим глаза и придали отваги. Как ты знаешь, я никогда не имел обыкновения скрывать свое мнение. После твоего отъезда я трижды пытался добиться от Дуксии замены генералиссимуса и старшего адмирала, но уроды в мантиях не желали слушать ни меня, ни Уголино, а зимой начали поднимать голову гайифские подпевалы. Стыдно вспоминать, но нашлись решившие, что павлинье золото искупает прошлогоднее вероломство, а положение, в котором оказался Талиг, снимает с нас союзнические обязательства. Сам понимаешь, как это нравилось тем, кто дрался с «дельфинами», теряя друзей и корабли».

Мы собрались у мастера Уголино и решили – если дуксы подпишут с Бордоном мирный договор, придется вмешаться, тем более что маршал Савиньяк, которого мы пригласили на нашу встречу, подтвердил свою готовность во исполнение приказа герцога Алва наказать дождей. На следующую ночь Савиньяка попытались убить. Можешь вообразить нашу ярость, когда схваченный с поличным убийца назвал имена заплативших за смерть Савиньяка и твоего друга Муцио».

След вел в Дуксию и особняк Кимароза. Мы не могли позволить убийцам судить себя самим. Все устроили Тиффано Гракка и Франческа Скварца. Дуксия была взята без единого выстрела с помощью одной лишь воинской хитрости. Власть перешла к Совету Восьми, в который вошли Варчеза, Кротало, Канцио, Гракка, Уголино, Рабетти и младший Гампана. Я пишу тебе об этом так подробно потому, что спустя неделю Совет объявил об окончательном роспуске Дуксии и избрал Великого герцога Фельпа. Им, по настоянию Франчески Скварца, стал я...»

Отец был доволен и полон надежд. Сделать флот Фельпа лучшим в Померанцевом море. Сквитаться с дожами и Гайифой. Возместить убытки корабельным мастерам и купцам. Передать престол достойному сыну.

Луиджи уронил исписанные листы на стол. Он стал принцем два месяца назад. С этим ничего не поделать и этого не скрыть. Уго от счастья перецелует весь Хексберг, Вальдес расхохочется, Альмейда скажет, что фельпскому наследнику место в Фельпе. Может, и так, только война с Бордоном принадлежит другим. Луиджи Джильди нечего делить с родными Поликсены, а вот в Талиге у него долги есть, и он их заплатит. Хорошо бы отец это понял, но он слишком быстро стал герцогом, а мать... Она всегда хотела одного – чтобы муж и дети были при ней, и еще ей нужны внуки. Толпы, полки, армии внуков, которых можно кормить, одевать в теплые костюмчики и не пускать на войну.

Под письмом матери лежало письмо Франчески. Его читать было легко – вдова Муцио, в отличие от великой герцогини Фельпа, не прятала в просьбах не беспокоиться ультиматум.

«Луиджи, лучше тебе расскажу правду я, чем вольно или невольно сокрушат другие. Сеньор Фоккио говорит, что объяснил тебе все, но я в это не верю. Он – адмирал и сын адмирала, а я – Гампана, полюбившая моряка. Смерть Муцио вернула меня с небес в Дуксию, которую я знаю, как мастер Уголино свои верфи».

Все началось, когда пошел слух о морисках. Гайифа забеспокоила. Помогать Бордону становилось опасно, но Паона не может отказаться от своих обязательств из страха растерять союзников. Павлин решил откупиться от Фельпа и заняться защитой своего восточного побережья. Я знаю, что ты, как и Муцио, никогда не думал, откуда берутся деньги на ваши корабли, откуда они вообще берутся, но Фельп не Талиг и не Дриксен. Мы живем торговлей, а прошлый год принес одни убытки. Тридцать девять богатейших перенесли их довольно спокойно, но большинству негоциантов, чтобы выжить, нужно либо получить компенсацию, которую обещает война с дождями, либо не упустить новый торговый год. К несчастью, Талиг охвачен войной, а море из-за морисков небезопасно. Остается Бордон.

Наиболее разумные дуksы это понимали. Гайифцам удалось купить около половины Дуксии, но этого хватило лишь на вежливость. Посланцам объявили, что Фельп верен союзническим обязательствам, а шепотом добавили, что все зависит от Фомы и Савиньяка. Через третьих лиц маршалу предложили большие деньги. За отказ от весенней кампании и возвращение в Талиг. Эмиль Савиньяк не согласился, и его попытались убить. Это было величайшей глупостью, которую можно было придумать. Смерть Савиньяка не только не предотвращала войну с Бордоном, она давала повод навести порядок в Фельпе. Гайифа действовала чужими руками, и руки эти оказались хорошо известны. Савиньяк схватил убийцу и в порядке любезности выдал мне, но виновные были бы изобличены и без этого.

Я рада, что тебя не было в Фельпе, потому что ты стал бы меня бояться. Говорят, ревность превращает женщин в демонов. Меня демоном сделали убийцы Муцио. Настоящие убийцы, не те, кто взял кошелек за удар кинжалом. Вот тогда я все и придумала. Как захватить Дуксию, пустив в ход шутку маршала Алва, о которой мне рассказал его офицер. Как добиться правды от убийц. Как вынудить Тридцать Девять принять наши условия. Я знаю, ты недоволен тем, что стал наследником. Этим ты тоже обязан мне и еще моему отцу. Он хотел, чтобы герцогиней стала я, и убедил в этом почти всех.

Глава дома Гампана думал, что я буду носить траур, а он – править; но отец знает, как сговариваться и продаваться, но не как брать за горло и не отпускать, пока не добьешься своего. Сеньор Фоккио этого тоже не знает, но он сможет сказать «нет», если поймет, что это нужно, а он поймет – об этом я позабочусь. Не буду лгать, я могла бы править, мне бы это даже понравилось, не будь у меня отца и братьев. Мужчинам семейства Гампана нельзя надевать корону и еще больше нельзя становиться наследниками, к тому же, Луиджи, я очень хочу жить. Я доношу траур по Муцио, я никогда не забуду моряка, научившего меня думать лишь о нем, но я слишком молода, чтобы вдоветь вечно.

Я хочу увидеть Ургот, Кэналлоа, Марикьяру, Талиг. Я должна встретить человека, который сделает Муцио моим прошлым, а себя – моим настоящим. Возможно, я кажусь тебе чудовищем, но я стала бы таковой, приняв корону, а сейчас я просто женщина, у которой отобрали счастье, а оно мне очень нужно. Прости, что я пожертвовала тобой, но друзьями жертвуют чаще, чем врагами, и потом твоему отцу нравится быть герцогом. Это нравится морякам. Это нравится Фельпу, которому ты служишь. Тебе это тоже понравится, когда ты привыкнешь. Я чувствую, кто годится для власти, а кто нет. Ты годишься.

До свидания, мой дорогой принц. Не сердись на меня и передай при случае офицеру для особых поручений герцога Алва мой привет и мой упрек. Он был достаточно вежлив, чтоб выразить мне сочувствие, и достаточно забывчив, чтобы не прислать мне обещанные стихи. Напоминаю тебе его имя – виконт Валме.

Храни тебя Создатель и Судьба.

Франческа Скварца».

Сапоги Дика вязли в желтоватой грязи, плащ и шляпа отсырели, хотя дождя и не было. В оставленных то ли священником, то ли садовником следах стояла вода, из раскисшей глинистой земли не пробивался ни один росток. И это воспетая поэтами кабитэльская весна! Казалось невероятным, что два года назад в эту пору доцветали нарциссы. Они появились еще до Фабианова дня, решившего судьбу последнего из Окделлов. Тогда Ричард встретил и друзей, и врагов, хотя нет... Эра Августа он узнал раньше, но Фабианов день подарил ему Катари и жизнь. Добейся Дорак своего, род Повелителей Скал пресекался бы навсегда. Лжекардинал знал многое, недаром он прикармливал Академию! Кто-то из ученых подсказал, что Надор и Роксли обречены; Дораку оставалось лишь запереть непокорных в фамильных ловушках и ждать, но Кэртиана хранит избранных. В тот раз она приняла облик Катары, упросившей своего мучителя взять сына Эгмонта. Потому и кажется, что все началось у подножия ныне снесенной колонны, а встреча с эром Августом в гостинице со смешной вывеской была позже...

Ричард закинул голову, разглядывая сжимающие небо крыши. Тонуть в грязи рядом с мощеной дорожкой глупо, но камни Багерлее вобрали в себя слишком много ненависти и боли. Где-то здесь молилась и ждала палачей Катарина и вместе с ней – Айрис. Надо спросить коменданта, где бывшие комнаты госпожи Оллар, и осмотреть их. Там могли остаться какие-то вещи или надпись... И нужно взглянуть, где содержали Спрута. Сколько достойных людей нашли в Багерлее смерть, а трус и предатель вышел на свободу, обманув своих спасителей.

Придду поверили, потому что пролитая Людьми Чести кровь была настоящей. Узнай столица о победах Альдо чуть позже, Валентин разделит бы судьбу семьи, а Катари получила свободу из рук Альдо и не считала бы себя обязанной мужу! Все испортили бегство временщиков и бестолковая выходка Оллара.

– Прости, мой мальчик, я заставил тебя ждать. Когда остаешься наедине с совестью и Создателем, время течет слишком быстро, хотя я же забыл... Ты нашел себе других богов, а чистая совесть молчалива. Это я погубил тех, кого хотел спасти. Ты и ее величество уцелели чудом...

Штанцлер подошел очень тихо, а вернее, это Ричард слишком глубоко задумался.

– Я вас подвел, – сказал Дик то, что должен был сказать сразу же. – Ворон догадался обо всем... Я ничего ему не говорил. Ничего!

– Ты же Окделл, – вздохнул бывший кансильер. – Я слишком долго жил среди мерзавцев с двойным дном и забыл, что подлость доступна не всем. Даже ради достойной цели. Алва все прочел по твоему лицу... По сути, я развязал кэналлийцу руки, ему осталось лишь отослать тебя и исчезнуть самому. Остальное доделал Сильвестр... Я не мог, не могу понять лишь одного: как тебя уговорили уехать к Раканам... Поверить, что сын Эгмонта бежал, я не мог.

– Я не бежал!

Как объяснить, что его ни о чем не спрашивали?! Святой Алан, да с ним вообще не разговаривали – впихнули в карету, довели до границы и выбросили, швырнув кошелек с золотом...

– Конечно, нет. – Штанцлер поправил плащ; на Дика он старался не смотреть. – Я не вправе тебя ни о чем спрашивать, к тому же ты слишком легко одет. Отведи меня назад или позови кого-нибудь. К сожалению, я не могу ходить по Багерлее без сопровождения.

– Эр Август, что вы хотите знать?

Влажный холод забрался не только под плащ, но и под камзол, но уйти в тепло, не объяснившись, Дикон не мог. Мнение спрутов и прочей мерзости его не заботило, даже Робер мог думать что угодно, но Штанцлер должен понять. И поверить.

– Мне важно лишь одно. – Голос бывшего кансильера слегка дрогнул. – Как вышло, что ты оказался в безопасности, а десятки людей были схвачены по обвинению в покушении на жизнь Алвы? В том числе и ее величество...

Мы живем в ужасные времена, Дикон, а ужасные времена рождают ужасные подозрения. Люди начали говорить, что ты купил себе жизнь ценой даже не признания, а оговоров. Ты сказал, что хотелось Ворону, и он тебя отпустил. Конечно, окажись ты в руках Дорака, ты был бы давно мертв, но Алва живет по своим законам. Его слову можно верить, ты успел это узнать и выжил.

– Вы... вы тоже так думаете?

– Нет, – медленно проговорил эр Август, – теперь не думаю, но... Был страшный миг, когда я поверил. После убийства несчастных Ариго... Я не могу назвать то, что сделал Ворон, иначе, хотя он не нарушил ни единого правила. Этот человек убивает законом, как шпагой. Так было в Сагранне, так было на суде... Окажись Альдо Ракан чуть больше мальчишкой, на троне бы вновь сидел Фердинанд.

– Альдо не боится Ворона!

– И зря, – отрезал Штанцлер, став похожим на того эра Августа, что распекал проигравшего фамильное кольцо юнца. – Правитель должен бояться того, что действительно страшно, а Алва страшен. И он умеет заставить других делать то, что нужно ему. Эгмонта заставил принять вызов, тебя – уехать...

– Я не уезжал! – Дика все сильнее была дрожь. В лесу Святой Мартины и то было теплее. – И я... я даже не видел эра Рокэ. Он отдал меня Хуану и ушел... Я увидел его только на суде.

– Что сделал с тобой этот работороговец? – Рука эра Августа впиалась Дику в плечо. – Говори... Во имя Создателя.

– Ничего... Меня просто увезли. На границе дали подорожную и шкатулку. С приказом вскрыть в Крионе, но там не было ничего. То есть не было письма. Только кинжал Алана, который у меня отобрали, и ваше кольцо...

– Яд и клинок... Выбор приговоренного к смерти. Твое счастье, что ты не понял приказа.

– Приказа?

– Ворон и не думал тебя отпускать. Он знал, что для Повелителей Скал честь превыше всего, но он просчитался. Древний закон забыли даже в Надоре. На этот раз шпага Алвы встретила пустоту.

– Я должен был... покончить с собой? Я бы сделал это! Клянусь Честью, сделал бы! Я хотел выпить яд, эр Рокэ мне не дал.

– Конечно, не дал. Мертвый Окделл – молчаливый Окделл. Сбежавший в Крион и покончивший с собой якобы в припадке раскаянья, ты подтвердил бы подлинность своих показаний. Отпущенный и выживший, ты подсказал Ворону выход...

– Я?! Я подсказал выход?

– Разумеется. Если ты не понял послания и остался жив, значит, старые законы забыты. Альдо Ракан решил судить Алву по гальтарским кодексам, и тот согласился, хотя мог отвести судей. Он много чего мог, но ничто не давало ему такого преимущества, как ваше невежество. Невежество, о котором ему поведала твоя жизнь.

Кэналлиец – страшный противник, он не забывает ничего, а у Альдо Ракана есть недостаток. Со временем он пройдет, но это время нужно иметь... Сейчас этот недостаток может оказаться роковым. Это молодость, Дикон.

Я не знаю, чего добивается агарисский кардинал, но он служит не Создателю, а себе, и хочет, чтобы Создатель служил ему. И все равно, вмешавшись, он спас и короля, и тебя, и Талигойю. Дуэль с Вороном не пережил бы никто из вас, разве что Эпинэ. Его бы Алва не тронул.

– Они не друзья! Они не могут быть друзьями... У эшафота все вышло случайно, Робер исполнял приказ. Он должен был отпустить заложников, если эр Рокэ сдастся...

– Все верно, только Эпинэ не хочет жить. Его мучает, что он живет за отца, за братьев, двое из которых могли бы стать великими людьми. Чувство долга велит Иноходцу жить, но он был бы счастлив погибнуть в бою. Ворон его понимает. Тот, кто сам ищет и не может

найти смерти, всегда поймет товарища по несчастью. Алва дважды мог освободить Эпинэ, но он никогда этого не делает, вынуждая мучиться бесконечно. Раньше это Ворона забавляло, теперь он мстит, ведь Робер разбил его собственные планы. Кэналлиец хотел погибнуть в бою у эшафота, поставив безумную точку в своей безумной жизни, а ему не дали...

Мне не хочется об этом говорить, но единственный уцелевший внук Анри-Гийома не очень умен. Храбр, честен, предан, но как ординар, а не как Повелитель. Конечно, ты со мной не согласишься, но старость видит дальше молодости...

Знал бы эр Август, что Альдо считает так же. Дело не в старости и не в молодости, а в том, что это правда. Иноходец неумен, и он так и не оправился от полученной у Ренквахи раны. И не оправится.

– Эр Август, я не хочу об этом говорить.

– Тогда проводи меня. Создатель, ты же совсем закоченел!

– Нет, – соврал Ричард, но так неловко, что Штанцлер лишь покачал головой и уверенно свернул в один из проходов.

– Я знаю в Багерлее только одну дорогу, – негромко сказал бывший кансильер, – ту, что ведет к храму, но ее я изучил отменно. Бедная Катарина, она была лишена даже этого. Оставить королеве дам и украшения, которые ей не нужны, но отлучить от Создателя, которому она предана всей душой... Вряд ли наследники Дорака сделали это по недомыслию.

– Эр Август, – холод донимал все сильнее, но холод терпеть можно, – почему она его защищает? После всего, что было... Это Левий?

– И Левий тоже, – Штанцлер не стал делать вид, что не понимает, о ком речь, – но это не главное. Катарина не думает, не пытается понять, она верит и исполняет свой долг. Я не хотел тебе говорить, я и теперь не уверен, что вправе это сделать...

Эр Август не хотел говорить, Ричард не хотел слышать. Потому что почти догадался, но некоторые вещи нужно знать наверняка.

– Эр Рокэ вызвал моего отца по просьбе Катарии?

– Ты понял. Ты почти понял... Все было еще хуже. После рождения старшей дочери Катарина отказалась принимать Алву. Наотрез. И Фердинанд, надо отдать ему должное, ее поддержал. Тогда он еще помнил мать. Тогда он еще был человеком и пытался стать мужчиной. Пожалуй, в последний раз...

Алва, узнав, что королевская спальня для него закрыта, повел себя безупречно. Как вассал, выполнивший неприятный приказ сюзерена и довольный тем, что все в прошлом. Ему поверили. Поверил и я... Правду подозревала лишь Катарина. Она боялась Ворона, несмотря на все заверения Фердинанда, но когда стало известно об Эгмонте...

Мы все надеялись, что ему улыбнется удача, – Ренкваха считалась непроходимой, а союзники были готовы к выступлению. Мы тогда еще не знали Алвы, Катарина знала. Она предложила себя в обмен за жизнь Эгмонта. Ворон ответил, что Талиг важнее всех женщин Кэртианы, а тем более одной. Вождя мятежников он не отпустит, но может избавить от Занхи. Катарина приняла его условия.

Алва, к его чести, слово сдержал. Он сделал даже больше – промедлил, дав разбитым повстанцам возможность уйти. Дорак рвал и метал, но не мог ничего изменить, а судьба королевы была решена. Она сочла, что в долгу перед Вороном, и она осталась с ним. По доброй воле. Теперь долг уплачен сполна. Она простила.

Так вот почему Катарии отказала сюзерену в правде! При всей своей откровенности она не могла признаться в главном. В том, что избавила отца от казни, заплатив собой, а он чуть не совершил непоправимое... Если б не запрет судьям быть еще и свидетелями, он бы рассказал о насилии, которого не было. Была месть человека, который получал тело, но не душу, покорность, но не любовь.

– Если Катарина узнает, что я тебе рассказал, мы ее потеряем. Оба.

– Она никогда не узнает.

Он попросит прощения за то, что едва не проговорился. Катарина простит, не может не простить, если она простила Алву... Справедливо простила. Отвергнутая любовь почти всегда жестока, но Ворон вел себя достойней многих. Подлость Придда и слабость Эрнани превратили Алва в изгоев, Рокэ не мог стать другим. Он заслужил смерть, а не презрение.

— Я так и не ответил на твой вопрос, Дикон. — На лице Штанцлера читалась решимость. — Я не видел ее величество больше года, но я знал ее еще девочкой и не сомневаюсь, что прав. Катарина не может лгать перед лицом Создателя. Она на самом деле вызвала Ворона. Ее величество не любила Алву, боялась его, он ее мучил и унижал, но он верно служил Талигу Олларов, этого у него не отнять. Королева не понимала, что Алва в сговоре с Дораком. Не знаю, подозревала ли она, что ты всех выдал, может быть, и да. Отчаянье — дурной советчик, а ты исчез, ее братья были убиты... Те, кто не погиб на этой проклятой дуэли, наверняка завидовали Ариго и Килеану. Скажи мне, что она могла подумать, зная, как Алва избавил Эгмонта от Багерлеев?

— Что он оказал Ариго ту же услугу...

— Верно. Именно это она и сказала, открывая мне Дорогу королев. Она вынудила меня бежать. Это было просто — я знаю себе цену. Я бы не вынес пыток и подписал бы все, что мне подсунили, а самоубийство... В умелых руках оно равноценно признанию, и я бежал, а Катарина осталась. Она надеялась разбудить в Олларе человека и короля. Бедняжка... Поняв, что это невозможно, она обратилась к единственному человеку, который мог остановить бойню в Эпинэ. Не знаю, какие слова она нашла, но ей удалось доказать, что Манрик и Колинъяр вредят Талигу, а Алва, что бы о нем ни думать, Повелитель. Он мог подчиниться Дораку, но не «навозникам», ты это знаешь лучше меня.

— Лучше?

— Вспомни молодого Колинъяра!

Ричард вспомнил, и в кровавом витраже встал на место еще один осколок. Алва решил вмешаться и здесь, но опоздал. Что ему оставалось? Вернуться с неудачей в свою Кэналлоа? Бежать к Фоме и жениться на купчихе? Проскочить на север, поднять армию, смести с лица земли восставших? Он сделал бы это шая, но решил наконец-то умереть. Не потому ли, что счел себя обманутым единственной женщиной, которую любил? Ненавидел, но любил... Алва учел все, кроме слабости Эпинэ, а потом у него не осталось выхода. Волк огрызается до последнего. Даже не желая жить. Даже видя, какому ничтожеству отдает свою жизнь.

— Спасибо тебе за то, что пришел. — Дикон и не заметил, как они вернулись к одинокому дому в холодном дворе. — Я так и не рассказал тебе о кольце... Робер не мог его узнать. Повелители Молний чтит древние законы. Все знал лишь глава рода и его наследник. Анри-Гийому и в страшном сне бы не приснилось, что зная с Молнией поднимет не Морис, не Арсен и не Мишель, а самый слабый из его внуков. Робера держали вдали от семейных тайн, а потом стало поздно. Мне тайну кольца доверила королева Алиса... Анри-Гийом был рыцарем королевы. Я бы сказал, последним рыцарем Талигойи, если б не знал тебя...

— Почему?! Почему вы ему не объяснили?

— Я пытался, но Иноходец не из тех, кто слушает то, во что не желает верить, и потом... Его не хватит ни на то, чтобы из милости убить врага, ни на то, чтоб во имя справедливости убить друга, родича, возлюбленную. Такие люди кажутся хорошими друзьями, но я... Я предпочел бы иметь в друзьях Ворона, если б тот был способен на дружбу.

— Господин супрем, — нос торчащего на пороге коменданта покраснел; ему тоже было холодно, — я предупредил Фердинанда Оллара о вашем визите. Он ждет.

Ричард с трудом удержал готовую вырваться грубость. Жирный слизняк мог ждать супрема сколько угодно, супрем его видеть не желал. Особенно сегодня.

— Герцог, я сожалею, что оторвал вас от исполнения ваших обязанностей. — В глазах Штанцлера был приказ. И просьба. Пойти и исполнить свой долг, каким бы мерзким тот ни был. Ричард кивнул.

— Я был рад найти вас в добром здравии, граф. Если вам что-нибудь понадобится,

немедленно обращайтесь ко мне. Господин Перт, идемте к Оллари, хотя... Хотя бывших королей надо держать в строгости. Сперва я осмотрю западную стену. Вы, кажется, говорили, что необходимо отвести воду?

Глава 2
Альте-Дерриг
Ракана (б. Оллария)
400 год К.С. 24-й день Весенних Скал

1

За Лурме признаков весны было даже меньше, чем на прежней границе или в Старой Придде. Вдоль обочин мирно спали безлюдные поля, невысокая дальняя гряда блистала нетронутой белизной, но навязанный Кальдмееру эскорт из кожи вон лез, исполняя приказ Бруно. Невзирая на безлюдье. «Безопасность на первом месте», – громогласно объявил фельдмаршал, провожая освобожденных пленников в Эйрехт. На границе это казалось разумным, но чем дальше от Хербсте, тем очевидней становилось, что командующий эскортом получил еще один приказ: не дать разбитому адмиралу свернуть к морю или в Фельсенбург.

Чего добивался Бруно, Руппи не понимал. Принц числился сторонником «разумной» войны, предпочитая отвоеванную Южную Марагону призрачной державе от Полночного моря до Померанцевого. Ледяной думал так же. Неудача в Хексберг должна была ослабить позиции «Неистового Фридриха» и, похоже, ослабила, но Бруно не спешил выказывать проигравшему союзнику дружеские чувства, хотя если кто и не был виноват в разгроме, то это Ледяной. Увы, что очевидно моряку, сухопутным петухам приходится объяснять, и не всегда вежливо.

От воспоминаний о парочке подмеченных в ставке Бруно взглядов захотелось схватиться за шпагу, но с кем прикажете воевать среди глубинных провинций? На первый взгляд, с адмиралом цур зее обращаются согласно чину, но Олаф вряд ли свободней, чем в Старой Придде. С той разницей, что фрошеры иногда смеялись. Командовавший эскортом кавалерийский капитан, у которого, словно в насмешку, на лице имелся такой же шрам, что и у Ледяного, смеяться не умел, а его люди брали пример с начальства. Эскадрон целиком состоял из ветеранов, выдрессированных просто до безобразия. Нахохлившись в седлах под своими меховыми накидками, они с угрюмой подозрительностью тарасились на освещенную низко висящим солнцем дорогу. Словно засветло разбуженные совы.

Общество то ли охранников, то ли конвоиров не доставляло Руппи ни малейшего удовольствия, но не ехать же в карете, когда умудрившийся схватить простуду пожилой родич трясется в седле? Этого не одобрила бы бабушка Штарквинд, и еще она бы не одобрила, что ее побывавший в плену внук прячется от чужих глаз. Ты чист? Так веди себя как ни в чем не бывало, а если кто-то усомнится в твоей правоте, отвечай. Шпагой. Наследник Фельсенбургов так и поступал. Он даже сдружился с двумя кавалерийскими лейтенантами, хотя тем было далеко не только до Зеппа, но и до оставшегося за Хербсте виконта Сэ.

Новым знакомцам явно льстило расположение королевского родича, но сейчас Руппи был один. Рихарда отозвал капитан, а Максимилиан находился в дозоре, то есть тащился впереди отряда, распуская ворон, если те, паче чаяния, объявлялись на пути.

Вороны оказались легки на помине. Немалая стая с громкими воплями сорвалась с черных лип, и почти сразу же Руппи разглядел впереди темные пятна и струйки дыма. Очередное селение, где, судя по всему, предполагается заночевать.

– Зюссеколь, – с явной радостью объявил расставшийся с начальством Рихард, – как раз по пути. Постоялый двор там большой и приличный.

– Я правильно понял, что мы дальше не едем? – уточнил Руппи и признался: – Я бы не прочь проглотить что-нибудь горячее.

– Мы возьмем колбаски, – подхватил Рихард. – По две порции славных свиных колбасок и горячего вина.

– Годится, – кивнул Фельсенбург, и тут вечерние слоистые облака рассекло, точно ножом. Нестерпимо сверкнуло весеннее солнце, засеребрились, засверкали крохотными бриллиантиками подхваченные ветром снежинки.

– Догоняй, суша! – Руппи сам не понял, как дал шпоры коню. Приведенный из Фельсенбурга серый в яблоках зильбер⁴ прыгнул вбок и наискось, обходя едва тащившуюся кавалькаду, и припустил роскошным галопом. Рихард бросился догонять. Лошадь у кавалериста была достойная, и ездил он выше всяческих похвал, но Фельсенбурги тоже не в лесу родились. То есть, конечно, в лесу, притом в еловом, но это не мешало им управляться с норовистыми лошадьми и ходить под парусами.

Двое подхваченных нахлынувшей радостью всадников неслись на запад, к убегающему горизонту, и вместе с ними мчалась шалая солнечная полоса. Руппи был счастлив и слегка пьян от скачки, солнца и внезапной синевы. Все шло просто чудесно! Он исполнил наказ фок Шнеетала и спас Олафа! Он свободен! Его конь – лучший в мире! Они скачут навстречу весне!!!

Радость не иссякла даже при виде возвращавшегося дозора. Капитан Роткопф не мог не отправить в Зюссеколь разъезд... Бедняги! Как это скучно – плестись рысцой и всех подозревать.

– Ну что, господа? – жизнерадостно осведомился Фельсенбург. – Вы обнаружили в деревне резервную армию Ноймаринена?

– Нет, – рассмеялся возглавлявший разведчиков Максимилиан, – более того, флота Альмейды я тоже не нашел, так что места на постоялом дворе нам хватит. Правда, болтались там какие-то парни при обозе с пивом. Ну и рожи! Наверняка разбойники, только это дело местных властей, а не армии... Зато, Руперт, готовьтесь. Мы встретили гвардейцев с гербами фок Штарквиндов. Их послала герцогиня.

– Герцогиня фок Штарквинд? – переспросил Руппи, понимая, что происходит нечто скверное. К тому же выводу пришло и солнце, предательски юркнувшее в облачные одеяла. Сразу стало неуютно. Леворукий бы побрал эти тучи... Лучше честное ненастье, чем короткие проблески, – после них серятина становится нестерпимой.

Максимилиан тоже поскуchnел.

– Герцогиня фок Штарквинд желает, – объявил он, – чтобы вы с личным эскортом немедленно скакали в Фельсенбург.

2

Дикон все же заставил себя заняться Фердинандом. Инспектируя Багерлее, нельзя не посетить важнейшего узника, как бы он ни был неприятен.

– Фердинанд Оллар подавал жалобы или прошения? – уныло осведомился молодой супрем у коменданта. Перт обстоятельно доложил, что нет, не подавал. Оллар вообще никаких хлопот не доставлял и не доставляет. В храм не ходит, на встречах с должностными лицами не настаивает, писем не пишет, от еды и прогулок не отказывается, на здоровье не жалуется. Очень хороший узник, прямо-таки образцовый, всем бы быть такими...

Рихард с трудом подавил удивление, но потом сообразил, что мир Перта ограничен стенами Багерлее. Если заключенный не капризничает, не болеет и не пытается сбежать, комендант им доволен. Служака слишком туп, чтобы оценить опасность, которую

⁴ Порода лошадей, полученная в Южной Дриксен в середине текущего круга путем скрещивания полуморисков с привычными к холодам лошадьми марагонской породы. Зильберы чаще всего бывают серой масти, реже – серыми в яблоках. Из-за высокой стоимости считаются «лошадьми аристократии».

представляет низложенный монарх самим своим существованием. Живой Фердинанд – это повод для войны, по крайней мере, в глазах Ноймаринен, Бергмарк и косной провинциальной знати.

Дикона все сильнее беспокоило молчание Рафиано, Гогенлоэ, фок Варзов, Фукиано и других вельмож, которым сюзерен написал еще в середине зимы. Ответил только Эмиль. Маршал Юга коротко уведомлял, что единственное, что он с радостью предложит агарисскому ублюдку и переметнувшимся к нему ублюдкам талигойским, это веревка. Когда Альдо протянул Ричарду распечатанное письмо, юноша едва не провалился сквозь землю от стыда за казавшегося честным и умным человека.

Сюзерен ни словом не упрекнул Повелителя Скал, предложившего разослать олларовским маршалам и генералам высочайший эдикт о полном прощении в случае перехода на службу законному повелителю, но Дикон не собирался уклоняться от ответственности, о чем и сказал. Альдо невесело рассмеялся. Стало еще горше, а утром пришло известие о Надоре... Юноша понимал, что пересохшее озеро никак не связано с предательством того, кто казался другом, но две беды словно бы слиплись. Воспоминание об Эмиле тянуло из памяти то, что хотелось забыть, а запертое в Багерлее ничтожество давало Савиньяку повод к смуте.

– Очень хорошо, комендант, – с трудом сохраняя спокойствие, кивнул Дик. – Пойдемте, посмотрим на Оллара.

Бывшего короля держали в таком же флигеле, что и эра Августа. И двор был таким же, и ведущая к нему арка, не хватало только дерева в углу двора, вместо него торчали растрепанные кусты. Кажется, сирень.

– Монсеньор желает подняться в камеру?

– Да. – Гулять с Олларом он не станет и в лучший летний вечер.

– Пожалуйста сюда. – Комендант услужливо повернул ключ и отступил, пропуская начальство. Скрывать Ричарду было нечего, напротив, он бы предпочел, чтобы Перт все слышал, но тупица, чего доброго, вообразит, что присутствовать при разговорах супрема с узниками – его обязанность; объяснять же разницу между Олларом и Штанцлером Ричард не собирался.

– Не отходите далеко, – велел коменданту Дикон, – я хочу осмотреть помещения, в которых при Олларах держали обвиняемых. В частности, госпожу Оллар.

Фраза прозвучала глупо, и Ричард, разозлившись сразу на себя и Фердинанда, хлопнул дверью. Камера оказалась просторной и жарко натопленной, что после промозглых дворов пришлось как нельзя более кстати. Фердинанд, похожий в теплом коричневом камзоле на негоцианта средней руки, близоруко сощурился и открыл было рот, но не произнес ни слова. Ричард отчего-то тоже растерялся.

– Господин Оллар, – быстрее, чем следовало, выпалил юноша, – я королевский супрем. Инспекция тюрем и посещение узников входят в мои обязанности. Есть ли у вас жалобы или пожелания?

– Нет, господин супрем, – равнодушно откликнулся бывший король и вернулся к толстой книге, в которой Ричард узнал драмы Дидериха. Разговор можно было считать оконченным, но с эром Августом они провели больше часа. Каким бы недалеким ни был Перт, он не мог этого не заметить. Могло дойти до Альдо, а Ричард не собирался пересказывать услышанное от эра Августа даже сюзерену. Значит, придется проторчать у Оллара не менее получаса.

– Итак, претензий к тюремщикам и коменданту у вас нет? – уточнил Дикон, устраиваясь напротив бывшего короля. Кресло было не новым, но удобным. В камине уютно трещали поленья, круг от лампы падал на знакомую гравюру. «Плясунья-монахиня...» Пожалуй, лучшая вещь Дидериха, но не о литературе же говорить... – Вижу, у вас тепло и чисто.

– Да, господин супрем.

Ровный равнодушный голос был неприятен именно своим равнодушием. Ричард

предпочел бы, чтоб на него обрушился поток жалоб, тогда бы он вызвал коменданта и велел разобраться. Это убило бы время и сняло все вопросы, но Фердинанд молчал, как какой-нибудь сундук.

– У вас есть Эсператия?

– Я – олларианец, господин супрем.

– Возможно, вы хотите кого-нибудь видеть?

– Нет, господин супрем.

– Даже кардинала Левия?

– Я – олларианец, господин супрем.

– Можете не обращаться ко мне всякий раз по должности.

– Благодарю, господин супрем.

Святой Алан, это не только не человек, это какая-то рыба! Говорящая рыба в камзоле, которая вот-вот станет причиной войны.

– Может быть, вы желаете кому-нибудь написать?

– Нет.

– У вас есть перо и чернильница?

– Да.

Такая беседа доведет до иступления даже бергера. Под пустым взглядом Фердинанда Ричард осмотрел письменный стол, каминную полку, кровать с вытертым бархатным пологом, толстую книгу у изголовья – родную сестру той, которой Дикон убил крысу. Шрам на руке остался до сих пор, а могло быть и хуже. Отвратительная голохвостая тварь была не из трусливых. В отличие от расплывшегося глупого человека, из-за которого лилась кровь. Крысы разносят чуму, Фердинанд – войну.

– Вы можете способствовать предотвращению кровопролития, – резко бросил юноша. – Потребуйте от упрямцев сложить оружие, подтвердите, что Карл Оллар не является вашим сыном, и дайте свободу... вашей супруге.

– Я не могу ничего требовать от тех, кто верен Талигу. Я отрекся, – промычал бывший король, делая попытку вернуться к чтению. Это уже походило на оскорбление. Походило бы, если б Оллар мог оскорбить Окделла.

– Закройте книгу, – все еще сдерживаясь, велел Дикон. – Вы не лавочник в своей спальне. Вы – узник, и перед вами супрем Талигойи. Талига больше нет. Олларам был отпущен один круг. Он истек. Вам все ясно?

Фердинанд поднял дряблое лицо. Так он был еще уродливей.

– Нет короля Талига. – Маленькие свиные глазки глядели прямо. – Талиг есть. И будет.

– Кто бы говорил! – Супрем не должен кричать, но сдержаться невозможно! – Вы подписали отречение и признали права истинного короля. Отречение не имеет обратного хода.

– Я не оспариваю отречение. – Бледные губы чуть дрогнули. Улыбка? Плач? – Династии конец... Я предал свой народ, свое имя, своего маршала, жену, сына... Я предаю их снова, если меня заставят, только, молодой человек, я – это не Талиг, а Талиг, к счастью, не я, он выдержит.

Даже если вы убили Алву, Рудольф жив. И Георгия... Моя сестра сильнее меня. Рано или поздно они с Рудольфом соберут страну из осколков. Их сын, по закону Франциска, станет королем... Я этого, разумеется, не увижу, и хорошо. Мне было бы тяжело смотреть в глаза тем, кого я подвел, но вы еще вспомните наш разговор, господин супрем... Подобранный Рокэ сын изменника. Вы так и не стали рыцарем, оруженосец! Вы никем не стали...

– Хватит! – Если сейчас же не уйти, он не выдержит и ударит. Ударить узника – позор, но разве позор убить крысу? – Вы не заслуживаете ничего, кроме презрения!

– Не заслуживаю, – согласился Оллар. – Так же, как и вы. Только я знаю, что заслуживаю презрение, а вы – нет.

До первых домов оставалось минут десять-пятнадцать неспешной рысцы. Ветер уже доносил собачий лай, отчетливо тянуло дымком. Скорому отдыху радовались не только норовящие перейти в кентер лошади, но и заметно повеселевшие наездники. Наследник Фельсенбургов хотел в тепло не меньше других, но мечты о горячих колбасках не могли вытеснить дурных предчувствий. Бабушкины посланцы появились неспроста, своим появлением напомнив о Бермессере с Хохвенде, претензиях Фридриха, нарочитой сдержанности Бруно. Умом Руппи понимал, что фельдмаршал не мог встретить Олафа с распростертыми объятиями. Это в море адмирал – кесарь, а на берегу командующий смотрит не столько на фрошеров, сколько на Эйрехт. Упустишь ветер, и сторонники Фридриха насядут на кесаря, вынуждая отозвать то ли неудачника, то ли заговорщика... И все равно Бруно мог бы намекнуть, что все понимает, а не гнать адмирала цур зее в столицу чуть ли не под конвоем. Олаф не из тех, кто бежит от ответа, даже если забыть, что уцелевшие в долгу у погибших. Пока переживший героев трус не запляшет на нее, экипаж «Ноордкроне» не войдет в Рассветные Сады, а Олаф Кальдмеер и Руперт фок Фельсенбург не увидят в море удачи.

Сквозь низкие облака вновь проглянула синева. Похоже, они успеют выпить свое вино еще засветло. Занявший постоянный двор капрал, без сомнения, уже принялся за хозяина, так что к прибытию основных сил все будет готово. Капитан Роткопф расценил небесную улыбку как приглашение. Привстав в стременах, он махнул рукой, позволяя сменить аллюр. Колонна ускоряла ход, торопясь в тепло. Заржала упряжная лошадь. С десятков драгун привычно сомкнулись вокруг кареты, и, словно в ответ, над головой сошлись тучи. Руппи поморщился от непонятной ему самому досады и присоединился к Рихарду. Раздражение следовало погасить, и потом один Леворукий знал, удастся им еще раз переговорить без свидетелей или нет. Бабушка не склонна потакать маме с ее вечным желанием держать детей при себе. Если герцогиня ждет внука в Фельсенбурге для тайного разговора, отдыхом придется пожертвовать.

– Рихард, – зашел издалека Руппи, – мне хотелось бы попросить вас об одолжении. Возможно, я поеду быстрее...

Яркая вспышка на гребне ближайшего холма ударила по глазам. Занятый поиском нужных слов лейтенант не успел понять, что она означает. Это сделали другие.

– Господин капитан! – крикнули спереди. – Тут...

Двое передних драгун одновременно осадил лошадей и обернулись в тот миг, когда с гребня ударили выстрелы. Рухнула лошадь под Рихардом, завалился набок худой капрал, зазвенело разбитое стекло. Карета... Олаф! Бруно знал, что делает, посылая Роткопфа... Бруно знал...

Второй залп застиг Руппи, когда он, как заведенный повторяя ничего не значащую фразу, пробирался к карете. Зильбер дернулся, захрапел и рванул в сторону – напрямик в пробитую в строю брешь. Справиться с ослушником было делом нескольких мгновений, но конь успел вынести всадника на пологий склон. Пытаясь завернуть дрожащего жеребца, Фельсенбург бросил короткий взгляд на дорогу: сгрудившиеся всадники загораживали карету, на обочине билась гнедая лошадь, блестели мушкеты. Начинался бой, а серый трясся, словно паршивый линарец.

– Спокойно, – велел Руппи и заметил на нетронutom снегу алые пятна. Бедный зильбер, это не капризы, а пуля, но крови вытекло мало. Похоже, царапина... Повезло. В который раз повезло!

Руппи торопливо послал жеребца под защиту лип. Они были уже на обочине, когда с дороги грохнуло сразу несколько стволов. И так взбудораженный конь со всей силы прыгнул вперед и то ли споткнулся, то ли угодил в припорошенную колдобину. Руппи вылетел из седла, чудом не врезавшись в здоровенный черный ствол. Неглубокий снег удара почти не смягчил – выручили подбитые мехом шапка и куртка. Совсем рядом судорожно молотили

воздух шипастые подковы. Руппи откатился вбок, счастливо избежав удара, и поднялся на ноги.

– Фельсенбург! Не стоять! – заорали в спину сорванным басом. Голова гудела, из носа шла кровь, но вообще он отделался дешево, а эскорт Ледяному и впрямь необходим! Эскорт и свидетель, которому поверят, значит, бабушка подождет. Они поедут быстрее, чем теперь, так быстро, как только выдержит Олаф, но адмирала оставлять нельзя. Даже на Роткопфа. Одно дело – кавалерийский капитан, другое – внучатый племянник кесаря... Руппи прищурился, тщетно пытаясь разглядеть среди туманных фигур Ледяного, а потом над головой оказались черные ветки, и за ними – небо. Как он вновь оказался на земле, лейтенант не понял. Кажется, его что-то толкнуло. Что-то, чего он не видел. Ничего, сейчас он встанет.

– Я сейчас встану, – отчетливо сказал Руппи и не встал. Стало холодно, а липу окутало туманом. Ничего, он попробует еще раз. Только немного отдохнет. Сосчитает до дюжины и сразу же встанет. Он просто ударился сильнее, чем думал, и слишком быстро вскочил.

Выстрел. Еще один. Крики, ржание... Это на дороге. Надо повернуть голову, посмотреть, что у них там, и наконец подняться. Стараясь не делать резких движений, Руппи перевернулся на живот и приподнялся на локтях. Перед ним был гребень холма, а у самого лица – снег. Красный. Становилось все холоднее, ржание и крики слились в отдаленный гул, но главное Руппи понял. В него стреляли с этого самого гребня и попали. Он ничего не может, только лежать и ждать то ли помощи, то ли новой пули. Если наверху остался кто-то с заряженным мушкетом, ему конец.

Смотреть на расплывающийся гребень и ждать смерти было глупо, но Руппи все равно смотрел, потому и заметил, как вверх по склону, закручиваясь все туже, рванулся снежный вихрь и вслед ему... ей протянулись сверкающие когти лучей.

Снег и свет, кровь на снегу, покрасневшее закатное солнце, причудливо изгибающийся крутящийся столб, смутно напоминавший женщину. Танцовщицу... Снежный смерч, они бывают в этих краях. Ветер и солнце, вечер и танец, ветер, и танец, и смерть... Смерть... Она пришла с запада, она неслась, едва касаясь склона, гибкая, стремительная, то почти обнаженная, то окутанная метельным покрывалом, она была в ярости. Она сама была яростью, пронизанным светом холодом, диким, неистовым порывом... Снежные звезды, острое солнце, ветер, убийцы и лед...

Руппи больше не мерз, не боялся, не думал, только любовался на призрачный танец, танец снега и вечерних лучей. Алых, как кровь, легких и гибких, как женские волосы, смертельных, как клинки, как чудовищные когти... Холод заката, воля крылатых, танец и смерть на снегу, ветер расплаты, заповедь брата, вечер на злом берегу. Снег и расплата, вспомни, когда ты выйдешь в холодную дверь... Ветер и звезды, нет слова «поздно», нет слово «больно», поверь...

Порыв ветра, облако снежной пыли. Сверкающий столб замирает на вершине холма, мысли разбегаются, неотвратимо меркнет красное солнце, меркнет все... Нет слова «поздно» – есть ты и ветер, есть ты и вечер, и смерть...

Глава 3

Ракана (б. Оллария)

Старая Придда

400 год К.С. 1-й день Весенних Ветров

Никола опять повесил мародеров, и опять из Барсины. О принятых мерах он доложил Первому маршалу Великой Талигойи. Маршал меры одобрил прежде, чем вспомнил, что комендант Раканы ему неподотчетен. Облегчив душу, Карваль умчался по делам, не дожидаясь высочайшей аудиенции. Присутствовавший при докладе Мевен проводил

коренастую фигурку взглядом и обернулся к Роберу.

– Не стоит принимать доклады коменданта Раканы в королевской приемной. Это могут неправильно понять.

– Верно, – признал ошибку Робер, – я вечно забываю, что Никола уже не капитан замка Эпинэ.

– Мне тоже случается забывать, что я не тенъент гвардии, – зевнул Мевен, – но не во дворце. Карвалю нужно быть осторожной. Я не имею в виду стычки с не получившими жалованья мерзавцами, там малыш как рыба в воде.

Робер, соглашаясь, кивнул. Солнце могло взойти на западе, но Никола продолжал считать себя вассалом герцога Эпинэ – правда, обычно у него хватало сообразительности этого при посторонних не подчеркивать. Виконта Мевена маленький генерал то ли не считал посторонним, то ли был слишком зол на «проклятых ублюдков», убивших и ограбивших рискнувшего сунуться в столицу купца. Город еще не голодал, но к тому шло, а голод и бунт ходят рука об руку. Желай Робер с Карвалем всего лишь свергнуть Ракана, барсинскую жадность оставалось бы лишь приветствовать, но они обещали сохранить Олларию до подхода сперва Лионеля, а теперь – Дорака и кэналлийцев...

– Будете докладывать о мародерах? – любопытствовал Мевен и опять зевнул. Глаза гимнет-капитана были красными, как у кролика или самого Робера.

– Наверное...

– Иногда мне кажется, что Манрики сгребли в Резервную армию всю сволочь, которую не сгреб Агарис, – зло буркнул Мевен. – Я не представлял, что в Талиге столько мрази.

Робер снова кивнул. Мевен был приличным человеком, но время для разговора выбрал еще менее подходящее, чем место. Верный признак того, что виконт не в заговоре, но к такому готов...

– Вы мало спите, Иоганн. Это неправильно, нужно хотя бы иногда отдыхать.

– И это говорите вы?

– Да, и знаю, что говорю. Поедьте со мной к Капуль-Гизайлям.

– А почему бы и нет? – ухватился за предложение гимнет-капитан. – Но только если там не будет Валме, который теперь не Валме...

Они едва успели вскочить. Из кабинета, не замечая ни маршала, ни гимнет-капитана, ни дверей, вывалился офицер с красным лицом. Добежал до камина, остановился, повернулся через правое плечо и кинулся вон.

– Найдите мне Окделла! – рявкнул с порога позабывший о положенных по этикету боданиях и ляганиях Альдо. – Робер, заходи и закрой дверь. Покрепче. Выпьешь?

– Нет. Голова...

– Вечно забываю, что ты у нас калека. Положеньице... Если не выпью, точно кого-нибудь казню, но без компании лакают только пьяницы, а с подданными короли не пьют. Только с друзьями...

– Сейчас найдут Окделла.

– Когда он войдет, держи меня крепче... Леворукий знает что такое! Хороший ведь мальчишка – смелый, верный, – а за что ни возьмется, хоть плачь! Дора, Придд с Алвой, а теперь опять...

– Что опять? – не понял Робер и, воспользовавшись паузой, торопливо вставил: – Карваль не мог ждать, пока ты освободишься, и доложил мне. Мародеры грабят негоциантов, везущих в город товар.

– Пусть вешает, – распорядился Альдо; его голова явно была занята другим.

– Он так и делает.

– И прекрасно. Сегодня я слушать твоего коротышку не в состоянии, к тому же он справляется. Я начинаю понимать бастарда, искавшего генералов среди всякого сброда. Карваль пока ничего не провалил, не то что зории...

– Да что случилось-то? – не веря своим ушам, спросил Робер. Сюзерен не ответил, он сосредоточенно рвал какие-то бумаги. Эпинэ подавил зевок. В седле и на улице сонная одурь

проходила, вернее, отступала, но стоило оказаться в тепле и сесть, как сон с упорством сварливой жены требовал своего. Оставалось не расслаиваться и тонуть в шадди, хотя от него уже с месяц как ломило сердце. Ничего, до подхода Дорака хватит...

– Не хочу говорить, пока не разберусь. – Альдо отшвырнул обрывки, исписанные клочки снежными хлопьями усеяли темно-красный ковер. – Вот уж не думал, что расстроюсь из-за этого тюфяка... Закатные твари, а ведь все из-за тебя! Если б ты довел дело до конца... Карваль, тот бы довел!

– Так кто виноват – я или Дик? – почти равнодушно уточнил Робер.

– Я! – рявкнул Альдо, и Робер понял, что спит и видит прекрасный сон. – Нечего было посылать вас туда, где нужны псы, а не вепри с иноходцами. В армии ты хорош, но палач из тебя никудышный. Даже хуже, чем судья.

– Не спорю. – Никудышным палачом быть можно. Никудышным королем – нет, только может ли король не быть палачом? Эрнани Святой боялся несправедливых приговоров, как чумы, но казнили и при нем.

– Надо было поставить у эшафота твоего чесночника, – буркнул сюзерен и потер переносицу, – скольких бы пакостей избежали!

Робер пожал плечами. Никола точно так же бы взял под стражу нагрянувшего Алву и остановил казнь. Вот Люра, тот бы не церемонился, но из одного негодяя получилось двое. Очень смиренных.

– Повелитель Скал к его величеству!

Дик возник на пороге и улыбнулся. Чуть ли не в первый раз после надорских известий. Траур Окделл не носил, и Робер мальчишку понимал – горе напоказ выставляют либо рабы приличий, либо те, у кого вся боль уходит в одежду. И еще траур может быть маской, но сын Эгмонта не сын Спрута. Он вряд ли научится врать.

– Садись, – хмуро велел сюзерен, и улыбка Ричарда погасла, сменившись ожиданием очередной беды. – Я не удосужился расспросить тебя про Багерлее. Ты ведь уже был там?

– Конечно. – Дик покосился на Робера, и Иноходец понял, что Повелитель Скал не преминул заглянуть к Штанцлеру. Привязанность к старой гадине не удалось вытравить даже Альдо, хотя тот и старался. Сейчас будет еще хуже. После гибели родных Дикон вцепится в отцовского друга, и ведь не запретишь! Супрему положено посещать узников. Разве что сюзерен вмешается...

– Докладывай.

– Нужно отвести воду, – не очень уверенно начал свежее испеченный супрем, – иначе может осесть стена. Нуждаются в ремонте храм и крыло Людовика. Комендант жалуется на поставщиков...

– Ты видел Оллара? – перебил Альдо. – Как ты его нашел?

– Видел. – Подозрительность на молодом лице сменилась гадливостью. – Ничтожество!

– Я хочу знать, о чем вы говорили. Подробно.

– Я спросил, нет ли у него жалоб и просьб, – опустил глаза Ричард. – Оллар сказал, что нет.

– Сколько времени вы проговорили?

– Недолго.

– Сколько?

Ричард нахмурился, как хмурятся, собираясь соврать, очень честные люди. Потом вскинул голову и, глядя Альдо в глаза, признался:

– Мы говорили около четверти часа. Я...

Дурачок не хотел говорить при посторонних, и Робер поднялся.

– Сядь! – бросил Альдо. – Тебе еще с кухней объясняться, так что слушай... Дикон, что ты наговорил Фердинанду Оллору?

– Он жаловался? – Лицо Ричарда стало красным. – Левию? А тот... Тот рассказал Катари... не?

– Тот, кто ни на что не годится, только и может, что жаловаться. – Альдо взял две

украшавших стол фигурки человекобыков и столкнул лбами. – Дикон, скажи наконец, о чем вы говорили.

– Спроси у кардинала! – с ненавистью произнес Дик. – Этот расскажет. Окделлы не доносят даже на жаб...

– Герцог Окделл, не забывайся! – неожиданно резко прикрикнул сюзерен. – Ты к Фердинанду не в гости ходил, ты навещал его как супрем. И как супрем обязан доложить об обстоятельствах вашей встречи. Истинные Боги, Дикон, я могу положиться на тебя хоть в чем-то?

– Я предложил Оллару написать письма... Тем, кто нас не признает из-за этого хомяка! Из-за того, что он...

– Ну и кто тебя об этом просил? – Человекобыки полетели в стороны и замерли на ковре пародией на чей-то герб. – Оллар отсекся раз и навсегда! Его письма означали бы, что его считает королем не только спятивший Савиньяк, но и мы.

– Он все равно не написал. – Раскрасневшийся Дикон так и не опустил глаз. – Он сказал, что королем станет Ноймаринен.

– Изумительно... Этот мешок выразился именно так? Постарайся вспомнить дословно.

Ричард закусил губу. Ему не хотелось вспоминать, но честность родилась раньше Окделлов. Айри была такой же. Сероглазая влюбленная девочка, погибшая во имя даже не любви, ее призрака...

– Оллар сказал, что его отречение имеет силу, – в последнее время брат все сильнее напоминал сестру, это становилось страшным, – и что Талиг останется, хотя сам он этого не увидит... Если мы убьем Алву, королем станет Ноймаринен или кто-то из его детей... Жена Ноймаринена, она ведь принцесса...

– Она Георгия Оллар, – отрезал Ракан, – и уродина в придачу. Значит, увидеть воскресший Талиг лично Оллар не рассчитывал?

– Да... Он еще сказал, что не хочет смотреть в глаза тем, кто соберет Талиг из обломков. Что он их не стоит...

– Трудно не согласиться. – Альдо принялся перебирать орденские цепи, потом поднялся, подобрал с ковра статуэтки и со странным тщанием водрузил на место. – Оллар приличного лакея и то не стоит, не то что Ворона... Что ж, все становится на свои места. Полагаю, ты сказал Фердинанду Оллару все, что о нем думаешь?

– Да, – кивнул Дикон. Он явно не договаривал. Робер на его месте тоже не спешил бы откровенничать.

– Похоже, ты был убедителен, – хмуро объявил сюзерен. – Фердинанд Оллар, Леворукий его побери, ночью повесился. Теперь доказывай, что ублюдку было стыдно смотреть в глаза Савиньякам...

2

– Не может быть, – прошептал Ричард, понимая, что Катари свободна, но не позволяя себе поверить услышанному. – Оллар умер? Это правда?

– Пойди и убедись. Как супрем. – Альдо сунул перо в чернильницу с такой силой, что оно сломалось. – Ну и удружил ты мне с толстяком! Надо хуже, да некуда. Теперь Ноймаринен коронует малолетку, ему только того и надо, а из Фердинанда сделает мученика... Самое мерзкое, что я вчера отправил курьера в Ургот. Распинался перед Фомой, что на наши с ним отношения не влияет придузь Савиньяка. Мне начхать, кому твой Эмиль присягал, но поди теперь докажи, что я не убийца, не лжец и не трус...

– Трус? – не понял Дикон. – Ты трус?!

– Забыл, что Суза-Муза устроил, когда я помиловал Ворона? Дескать, я испугался дуэли с кэналлийцем! Я испугался! Да если б не послы, не крыса эта агарисская и не жезл, Алва был бы уже в Закате...

– Не был бы, – устало перебил Робер, – но сейчас Ворон ни при чем. Дикону незачем

смотреть на самоубийцу. Я схожу в Багерлее и все засвидетельствую.

– Ты не супрем, – Альдо не смотрел на Ричарда, и это было хуже всего, – и никогда им не станешь. Ты – Первый маршал, твое дело – воевать; проиграешь сражение – будешь наказан. Сегодня наказан будет Окделл. Супрем не должен опускаться до ссор с узниками. Супрем не должен превышать своих полномочий. Супрем должен уяснить, что он не сам по себе: захотел – поругался с Олларом; захотел – погулял под ручку со Штанцлером... Герцог Окделл, перед короной, перед законом все узники равны, а ты что творишь? Одних доводишь до самоубийства, а с другими мало что не целуешься... Тебе, часом, не Штанцлер подсказал потребовать у Оллара письмо?

– Нет! Мы с эром Августом ни о чем таком не говорили...

– А о чем говорили? – Альдо требовал ответа, но ответить означало подвести друга и выдать тайну королевы... Если сюзерен или Робер проговорятся, Катари все поймет. Она не простит ни герцога Окделла, ни эра Августа. Ричард шелкнул каблуками:

– Я прошу разрешить мне... удостоверить персону самоубийцы. И я прошу принять мою отставку.

– Тебе был задан вопрос. – Пальцы сюзерена выстукивали по крышке стола тревожную дробь. – О чем ты столько времени говорил с этим гусем?

– Это... Наш разговор носил... был личным. Граф Штанцлер выразил мне сочувствие в связи с постигшей меня утратой.

– Ты врешь, – глухо сказал Альдо. – Что ж, я давно подозревал, что преданность, настоящая преданность в нашем мире свойственна лишь собакам и... иноходцам. Можешь оставить свои тайны при себе, я не желаю их знать, но Штанцлера ты навещать больше не будешь. Если понадобится удостоверить, что он не сдох и не собирается вешаться, я отправлю к нему Карваля.

– Он не повесится, – вмешался Робер. На скулах Эпинэ горел нездоровый румянец – похоже, он опять заболел. – Альдо, если тебе кто и верен, то это Дикон, но Штанцлера... герцог Окделл считает своим другом и другом отца, хотя тот, когда Эгмонт погибал, сидел в столице с...

– Со Спрутом, – закончил сюзерен. – Окделл может дружить хоть с гусем, хоть с павлином, но Повелитель верен анаксу и только анаксу. Истинные Создатели, что вы оба творите?! Повелитель Молний оправдывает Алву, словно... какой-нибудь захудалый дворянчик, лишь бы про него плохо не подумали! Маршал Великой Талигойи не в состоянии пристрелить свихнувшегося убийцу, который, между прочим, явился умирать... Повелитель Скал не делает ничего, когда должен делать, и мы имеем Дору и побег Алвы. Потом делает, когда его не просят, и мы имеем мертвого Оллара...

– Дору предотвратить мог только ты, а заговор Придда прозевали все. – Иноходец не только верен, он еще и справедлив! – Надо было не Халлорана тайком вызывать, а Карваля за кошками не гонять. Давенпорт, которого ловили... Он еще призрачней Сузы-Музы, от того хоть вирши имеются.

– Уймись, – чуть повысил голос сюзерен, – и займись делом, а еще лучше – пойди и выпишь. На тебя гневаться и то не выходит. И не вздумай лезть в Багерлее. Это приказ.

– Хорошо, но пусть Оллара опознает какой-нибудь Карлион.

– Иди спать, маршал. Даю тебе восемь часов. На отдых!

– Альдо...

– Окделлу не пятнадцать лет, он повидал побольше Карлиона. Все, Эпинэ, пошел вон, иначе упеку в Багерлее. Отсыпаться...

– Не надо меня защищать. – Ричард посмотрел Иноходцу в глаза. – Я видел мертвых, и потом я пока супрем.

– Таковым и останешься, – неожиданно усмехнулся сюзерен. – Смерть Оллара не повод прогонять Окделла, и вообще... Чего бы вы оба ни натворили, других Повелителей у меня нет. И других друзей тоже, а у вас нет другого государя.

– И не будет, – твердо сказал Дикон. – Порукой этому наша кровь.

Птичий щебет, музыка, свет, смех... Островок красоты и радости в море смерти. Если б не Капуль-Гизайли, Робер вряд ли бы пережил эту зиму, сохранив рассудок. Иноходец спасался у Марианны и ее барона всякий раз, когда становилось невмоготу. Как сегодня.

– Эпинэ! – Радужный и раздушенный хозяин раскинул ручки с тщательно отполированными ноготками. – Мой дорогой Эпинэ! Именно сегодня и именно сейчас, когда я думал, не подать ли мне после ужина «Слезы радости»... Это судьба!.. Нет, это больше, чем судьба, это то, что в древности называли «неотвратимым». Мы будем пить «Слезы радости» и слушать мой новый концерт. Готти, уйди! Уйди, я сказал... Оставь мою пряжку... Несносное чудовище! Что подумает о тебе Эвро?

– К ноге, Готти! – Марсель Валме в роскошном камзоле цвета опавших дубовых листьев приветливо поклонился. – Герцог, вы появились удивительно вовремя. Мы думаем составить после ужина партию.

– Вынужден отказаться, – развел руками Робер, – к десяти должен быть во дворце.

– Ох уж эти маршальские обязанности! – скорчил рожу Валме. – Где был мой разум, когда я по доброй воле полез в ошейник?! Барон, как вы думаете, что на меня накатило?

– Скука и праздность, мой друг, – незамедлительно откликнулся Капуль-Гизайль. – Две сестры, что влекут неразумных за горизонт. Если б вы всерьез занялись музыкой или изучением антиков, вам бы не захотелось вдыхать ароматы придорожных трактиров и слушать звон клинков...

– Думаю, вы правы, но как эти сестры порой надоедают! – Валме рассмеялся и подхватил Робера под руку. – Идемте же! Засвидетельствуем почтение дамам, сколько бы ножек и хвостиков у них ни было! Готти, верни барону пряжку и возьми пряник... Вот так. Умница!

В этом доме не огорчались и не задумывались, даже составляя заговоры. Капуль-Гизайли жили единым мигом, ничего не оставляя про запас. Это не было благодатью и не было покоем, но на Изломе покой невозможен. Робер рассмеялся, глядя, как барон, склонив голову в паричке и выпятив губы, изучает обмусоленную пряжку. Вернувшийся добычу Готти басовито гавкнул, вильнул пушистым обрубком и устремился в глубь анфилады. Барон вытер руки платочком и позвал камердинера. Валме потянул Повелителя Молний вслед за псом, болтая о львиных собаках и нагрянувших к Коко чудаках, отрицающих не только Создателя, что еще можно понять, но и старину Валтазара!

– Они уморительны, – утверждал Марсель. – Представьте, они тащат со стола не только вино, что не ново, но даже рафианскую воду. Я думаю, это от избытка отрицания...

Бывший любовник Марианны ничуть не переживал об утрате своих позиций в золотистом особняке, он вообще был человеком добродушным и совершенно не злопамятным. Приглядевшись как следует к свежееиспеченному послу, Робер понял, что злиться на него еще глупей, чем на Клемента. Валме-Ченизу угрем выскальзывал из неприятностей не потому, что был трусом или негодяем, он просто не понимал, что война, присяга, любовь, наконец, – это серьезно. Любопытство гнало его вперед, но едва требовались хоть какие-то усилия, граф-виконт с обворожительной улыбкой ретировался. Если его вынуждали, он доставал шпагу, которой владел более чем недурно, но предпочитал заканчивать дело миром и попойкой. С Валме было на удивление легко, и Робер понимал престарелую урготскую принцессу, усыновившую бездельника.

– Не понимаю я ночных дежурств. – Покончив с философией, Ченизу перескочил на караульную службу. – Бодрствовать в обществе хорошенькой дамы естественно, но в обществе солдат и начальства?! И еще эти ваши переодевания... Четырежды в сутки менять штаны и камзолы, причем в строго определенном порядке! Не иметь выбора в одежде и распорядке дня – это сущий ужас. Дипломатия предпочтительнее, хотя Алве и его новому порученцу нравилось воевать... Что ж, каждому свое, но мне вас сегодня жаль.

– Только сегодня? – усмехнулся Робер.

– Если завтра вы снова займетесь глупостями, я вас снова и пожалею. Вместе с баронессой. Слишком часто покидая тех, кто вам искренне рад, вы рискуете. К вашему отсутствию могут привыкнуть. Я вас предупреждаю, если вы еще не поняли.

– Теперь понял, – кивнул Эпинэ и внезапно добавил: – Прошлой ночью покончил с собой Фердинанд Оллар. Повесился.

– Неприятно, – посочувствовал Валме, – но закономерно. Берите бокал. Вы знали покойного?

– Видел. – Раз пять до мятежа и трижды после. Во время отречения, на эшафоте, на суде... Те, кто считал Фердинанда ничтожеством, имели к тому все основания. Еще вчера Робер думал так же, но теперь бывшего короля стало жаль. Покончить с собой – трусость. Как правило – трусость, но Оллар трусил, когда пытался выжить. Умерев, он развязал руки и регенту, и Ворону... Воевать за отрекшегося короля тяжело, другое дело – ребенок.

– Фердинанд был добрым, – Марсель поднял бокал, – а добрый король – это страшное зло. Если он не в Рассвете и при нем нет подходящего злодея. И все-таки жаль...

– Жаль, – эхом откликнулся Иноходец. Фердинанд был добрым и слабым, и еще он родился не в той семье, сам мучился и другим мешал. Робер тоже занял чужое место, и тоже не по своей воле. Все, чего хотел Повелитель Молний, – это перевалить ношу на более подходящие плечи, а таковых все не находилось... Разве что Левий, но встречи с кардиналом под личным запретом Альдо, как и встречи с Катари. Сообщат ли сестре о Фердинанде? Решать Левию, но лучше не скрывать...

Прыжок завидевшего возлюбленную Готти оказался роковым. Пес лишь слегка задел Робера, но этого хватило. Красное вино залило не только пол, но и камзол Валме. Тот покачал кучерявой головой и достал платок.

– Судьба наказывает нас за неуместную чувствительность. – Глаза Марселя придиричиво разглядывали пострадавший рукав. – В жестокое время надо смотреть не в прошлое, а по сторонам. Душа моя, Готти нанес вам очередной ущерб.

– Готти не первый щенок, разливающий в моем доме вино, – Марианна была в любимом платье Робера – лимонном с черной отделкой, – вам ли это не знать?

– Готти сожалеет, – заверил хозяйку и окружавших ее кавалеров Валме, – но его оправдывает то, что им движет любовь. Причем трагическая.

– Какое счастье, что мы, в отличие от собак, не стеснены ростом в холке, – вмешался Тристрам. Командующий Гвардией был пьян и смел, как и положено паркетной нечисти в доме куртизанки. Вышвырнуть? Если даст повод, пожалуй...

– Вы ошибаетесь, эр Мартин. Людям размеры мешают больше, чем животным. – Марианна наклонилась и поставила скулящее сокровище на пол. Эвро задрожала и сделала Готти большие глаза. Львиный пес склонил расчесанную башку и вывалил язык.

– Вы, наверное, говорите о карликах? – Тристрам засмеялся и покосился на сменившего туфли барона. – Сударыня, это поправимо. Всегда можно выпрячь пони и запрячь... иноходца.

– Мне кажется, баронесса имела в виду иное различие. – Непонятно как забредший к Марианне Дэвид с неприязнью покосился на сменившего Джеймса болвана. – Двуногим мешает размер состояния. Или души. Или совести...

– Не следует преувеличивать их влияние, – изрек некто длинноносый и незнакомый. – Здоровый зов плоти всегда заглушит голос разума, а то, что вы называете совестью, любовью, душой, – досужие выдумки. Кто-нибудь видел эти субстанции? Нет. Потому что их не существует. Есть порожденные выделениями внутренних желез страхи и желания, которые невежды именуют чувствами. И есть разум, отличающий нас от скотов.

– Вы так полагаете? – надул губки Капуль-Гизайль. – Но ваши доводы говорят о сходстве людей и скотов, а не о различии. Дорогой Эпинэ, позвольте вам представить барона Фальтака и его... единомышленника господина Сэц-Пьера. Барон написал философский трактат и собирается его издать.

Следовало выказать вежливость, но она иссякла. Пористый нос философа напомнил о носе другого барона. Тенькнула невидимая лютня, запахло плесенью и кислым вином...

– Высокие чувства есть, – Валме с нежностью поглядел на Готти, уносящего в пасти возлюбленную, – но благодаря Дидериху и особенно Барботте их начинают считать выдумками, причем пошлыми. Тем не менее сводящие все к сугубо материальному еще пошлее.

– Вот слова истинного неуча, – изрек друг ученого барона. – Человеку думающему с вами просто не о чем говорить...

– Так не говорите. – Ручка Марианны коснулась черной бархатной ленты. – Коко, лютня Марселя в гостиной.

– Романс перед ужином? – хохотнул Тристрам, откровенно разглядывая баронессу. – А он не отобьет нам аппетит?

– Если не отобьет музыка, – улыбнулся Робер, – мы поищем другой способ. Философический.

Таких мерзких гостей у Марианны не было давно, а может, и были, просто сальности Тристрама и апломб Фальтака и Сэц-Пьера обсели смерть Фердинанда, как мухи свежую рану. Все было зря. Алва так и не спас своего короля, да и как бы он мог? После сцены в суде самоубийства следовало ожидать, более того, для Оллара другого выхода не оставалось. Другого достойного выхода.

– Спасибо, Коко. – Марианна опустила на шитые шелками подушки. – Ваша лютня, мой друг. Господин Первый маршал, идите ко мне. Вы уверены, что не можете остаться с нами хотя бы до полуночи?

– Увы, сударыня.

– Марианна, – Мартин Тристрам опустился, вернее, шмякнулся на ковер у ножек баронессы, – гвардия заменит господина маршала!

– Никоим образом, – сверкнул зубами Валме. – Часть тела не может заменить все тело, это противостоит природе. Эпинэ, доверьте защищать ваши интересы дипломату.

– Охотно. – Робер с трудом удержался от того, чтобы сжать руку Марианны. Женщина еще раз расправила юбки и оказалась чуть ближе, чем раньше. Валме едва заметно подмигнул, но кому, старой любви или ее новому любовнику?

– Это очень старый романс, – объявил певец, – такой старый, что его смело можно считать новым. Второй куплет мне придется спеть от имени дамы. Прошу понять меня правильно.

Тристрам хохотнул, Коко поправил паричок, Дэвид прикрыл глаза, барон-философ выпучил. В золотистой тишине растаял первый аккорд.

«Это очень старый романс...» – повторил про себя Робер. Очень старый... Но не старше жуткой маски на стене, не старше Талига, не старше любви и ненависти...

– *Вверю я ручья теченью*⁵
Розы цвет благоуханный, —

приятный голос, приятная мелодия, ничего не значащие слова, —

*ты его с моей любовью
Отнеси моей желанной!
Он – залог любви неложной,
Умоляющей смиренно:
Будь моей, моя эрза, —
Навсегда и неизменно!*

⁵ Перевод с талиг Элеоноры Раткевич.

Вот бы остаться здесь, дожидаться разъезда гостей, поцеловать теплые губы и уснуть рядом с женщиной. Просто уснуть, зная, что она рядом, что не надо никуда идти, что после ночи наступит утро...

*– Только тот меня добьется,
Кто полюбит не беспечно —
Коротка любовь повесы,
Как цветок недолговечна.
Не цвести цветку зимою,
Не цвести ему все лето —
Жизни срок ему отпущен
От рассвета до рассвета.*

Фердинанд теперь в Рассвете... Там же, где Жозина. Бывший король не умел бороться, мама тоже не умела. Такие могут лишь любить и не мешать. И они не мешали тем, кто их в конце концов и погубил.

*– Значит, ты моя, эрэа, —
Ты сама сказала это!
Всем нам жизни срок отпущен
От Рассвета до Рассвета!*

Одним достается еще и день, и вечер, и ночь, а другие не успевают увидеть ничего, кроме утра. Гоганский мальчик, Айрис... Их рассветы оборвались по его вине. Все, к чему прикасается герцог Эпинэ, погибает, только он остается живым. Среди пепла. Лауренсия выбрала его и погибла. Теперь его приняла Марианна, он должен ее оставить. Пока не поздно!

Горячие пальчики коснулись запястья. Баронесса слушала романс, широко распахнув глаза. Он запомнит ее именно такой – отрешенной, желанной, близкой.

*– Для меня желанье дамы
И возвышенно, и свято —
Мы с тобой отныне вместе
От Заката до Заката!*

Глава 4

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. 1-й день Весенних Ветров

1

Катарина не захотела ждать утра. И чужих объяснений тоже не захотела. Письмо, привезенное Пьетро во дворец, было коротким:

«Герцог Окделл, мне сообщили, что Вы, не считая тюремщиков, были последним, кто говорил с моим супругом. Если Вы найдете возможным посетить вдову Фердинанда Оллара, я приму Вас в любое удобное для Вас время, неважно, днем или ночью. Я должна знать правду, какой бы печальной и унижительной та ни была.

Катарина-Леони Оллар, урожденная Ариго».

– Когда я могу повидать... госпожу Оллар? – выдавил из себя Дикон.

– В любое время, когда вам будет удобно, – равнодушно повторил слова письма монах, отводя глаза от украшавших Закатную приемную крылатых танцоров.

– Мне удобно прямо сейчас! – Ричард обернулся к толстому гимнет-капитану. – Лаптон, сообщите его величеству, что я должен навестить госпожу Оллар.

– Выразите ей мои поздравления, – зевнул Лаптон, – то есть соболезнования, конечно... Завтра в полдень – Малый совет.

– Я помню, – заверил Дикон. Будь его воля, юноша уже бы мчался в Ноху, но монахи не ходят, они ползают, а во дворце слишком много придворных, и всем нужно переговорить с супремом или хотя бы раскланяться.

– Как госпожа Оллар себя чувствует? – Пьетро был Дику неприятен, но молчать в ожидании встречи не получалось.

– Госпожа Оллар переносит все испытания с истинно эсператистской кротостью. – Знакомые четки в руках монашка напоминали о мертвом Ноксе, Спруте, Алве... Надо прислать Пьетро другие, из приличного жемчуга или даже карасов, а эти хорошо бы зашвырнуть в Данар. Жаль, туда же не отправишь память.

– Она знает, что Фердинанд Оллар не умер от болезни, а покончил с собой?

– «Правда горька на вкус, но целебна. Сладость лжи несет в себе яд», – не к месту процитировал монах. – Его высокопреосвященство не счел нужным скрывать истину.

И хорошо. Теперь, когда бывший король умер, Ричард перестал его ненавидеть. Фердинанд был неплохим человеком, хоть и глуповатым. Такому бы тихо сидеть в каком-нибудь казначействе, а ему досталось королевство и женщина, которой он так и не стал мужем. И все-таки Фердинанд любил жену! Он даже пытался ее защищать, но Катари вернулась к Ворону, обменяв свое тело на достойную смерть для Эгмонта Окделла. Подозревал ли Оллар правду или решил, что она не смогла устоять перед непобедимым красавцем? Как бы то ни было, король смирился с тем, что Катарина принадлежит Алве, а королевство – Дораку. Фердинанд ел, спал, подписывал указы, в которых ничего не понимал, но остатки мужества и любви в нем все же сохранились. Жертва Ворона и упреки Катары их разбудили, но точку поставил разговор в Багерлее. Последний разговор.

Ричард понимал, что был несдержан, но не винил себя. Случившееся принесло Фердинанду избавление, а Катары – свободу. Правда, оставалась политика... Смерть бывшего короля, так и не признавшего свое мужское слабосилие, развязывала руки ноймарской своре и бросала тень на Альдо. Сплетникам не объяснить, что Ракан не унизит себя убийством пленника, им ничего не объяснить, хотя последнему глупцу очевидно, что убивать Оллара после суда не было никакого смысла. Наоборот...

– Дикон, куда это ты? Доброй ночи, брат Пьетро. – Робер. Стоит в прихожей около Кракла, рядом Сэц-Ариж держит плащи. Мокрые, значит, на улице дождь...

– Мир тебе, Робер Эпинэ, – пробормотал монах, в который раз вызвав у Дикона школярское желание подставить олуху с четками подножку.

– Я должен срочно уехать. – Только бы Пьетро не проболтался, куда и зачем, иначе Иноходец не отвяжется. Святой Алан, они с Катары должны наконец объясниться без свидетелей!

– Госпожа Оллар хочет знать о последних днях своего супруга, – проблеял несносный монах. Болтливая бестолочь.

– Понятно. Ричард, можно тебя?

– Конечно. Брат Пьетро, подождите. – Сейчас заявит, что тоже едет. Конечно, ведь Катары – его кузина. – Робер, я должен все ей рассказать.

– Не все. – Седина Эпинэ сегодня особенно была в глаза. Белая прядь надо лбом давно стала привычной, после суда седыми стали и виски. – Дикон, я тебя прошу... Будь бережней. Не трогай Фердинанда, бедняга отмучился, и ладно. Не дай Создатель никому получить больше, чем можешь поднять...

– Робер, знаешь, – Дикон оглянулся – Пьетро перебирал свои четки, Сэц-Ариж отдал плащ сюзерена лакею и отошел к камину, то ли из вежливости, то ли просто замерз, – я тоже

так думаю... Фердинанд на Наля походил, такой же тьюфак... Оллары даже не ординары, от них нельзя требовать того же, что от эориев или хотя бы от полукровок.

– А кто, по-твоему, Карлион? – Робер даже возражал устало, и Ричарду внезапно стало его жаль. – А младший Тристрам? Да и к Реджинальду ты несправедлив – твой кузен был и преданным, и смелым, и умным...

– Ты не понял, – запротестовал Ричард, – то есть я не то хотел сказать. Я любил Наля... Очень. Только смерть не повод для лжи. Наль смотрел на все как... как чиновник, а не как эорий. Без жертв побед не бывает, а Наль хотел, чтобы все вышло само собой. Он не верил в будущее Талигойи, не видел за мелочами главного, всего боялся... Ты знаешь, что он любил Айрис?

– Я догадался. И все-таки не говори о Фердинанде правды. Того, что ты считаешь правдой, мы ведь Оллара почти не знали. Видели сперва короля, потом пленника, а Катари он приходился мужем. Он спас ее из Багерлее...

Мужем и женой Катари и Фердинанд так и не стали, но Робер этого не знает. И не узнает – по крайней мере, от Ричарда Окделла.

– Я не стану говорить про Оллара плохо, – пообещал юноша, – но все случилось из-за нашего разговора... То есть Фердинанд и раньше собирался покончить с собой, только не решался.

– Дикон, есть вещи, которые мужчина должен нести сам. В крайнем случае доверить священнику. Некоторым исповеди помогают.

– Создатель – гайифская выдумка! С ее помощью разрушили Золотую Анаксию. Ты же знаешь...

– Мне некогда знать, – отмахнулся Иноходец. – Наши вины, Дикон, принадлежат нашей совести, нельзя их перекладывать на других. На тех, кто нас любит и кого любим мы. Пусть Катарина узнает, что Фердинанд умер как мужчина и дворянин. Сам принял решение и сам его исполнил, и все. Знаешь что... Оставайся, а врать предоставь мне. Сейчас я нужен Альдо, но завтра с утра я съезжу в Ноху.

А ведь Робер на этот раз прав во всем. На суде Катарина крикнула мужу, что за все, что творилось в Талиге, в ответе они – король и королева. Фердинанд понял и покарал себя сам. Ему было непросто, но он решился. Первый мужской поступок после того, как Катари вернулась к Ворону. Вчерашнее перешедшее в крик молчание это доказывает. Фердинанд набивался на ссору, чтобы укрепить себя в принятом решении. Он был слишком слаб, чтоб наложить на себя руки, хоть и считал себя обязанным оставить живых в покое. Ему был нужен толчок, он его получил, наговорив дерзостей сыну Эгмонта. Не очень благородно, но в таком положении лицо сохраняют лишь избранные.

– Я скажу... твоей кухне, что Фердинанд был спокоен, как человек, принявший решение, – пообещал Ричард. – Ты мне для этого не понадобишься. Это мой долг, такой же, как опознание тела.

2

Граф Ченизу выбрался из конных носилок и помог выйти закутанной в плащ даме. Впереди уныло мокла площадь, за ней темнело Нохское аббатство. Моросил дождик, ветер насккивал на вышедших в ночь чудаков разыгравшейся мокрой кошкой. Было легко и тревожно, как перед дуэлью или абордажем.

– Любовь моя! – окликнул спутницу Марсель. – Мне нужно не меньше получаса после полуночи. У вас найдется столько грехов?

– Найдется, – заверила Марианна. – Если нужно, я буду исповедоваться до утра. Могу упасть в обморок.

– Не надо. Вам почудилось что-то страшное, а вы ведете... немного беспорядочную жизнь. Я рассчитывал на ваши ласки, а вы повлекли меня в монастырь. На глазах мужа и толпы гостей, да еще под дождь! Брр...

– Брр! – повторила Марианна голосом, способным воспламенить самый мокрый из булыжников. – Давайте руку, посол, и ничего не бойтесь.

– Хорошо вам советовать, – буркнул Валме. – Вы вернетесь домой и ляжете спать.

– Лягу, – проворковала баронесса, – и вы ляжете. Чего мы ждем?

– Ничего.

Ноху стерегут и снаружи, и изнутри, пусть смотрят, как кавалер с дамой стучатся в привратническую. Гостям не нужна Внутренняя Ноха с ее узниками и кардиналами, им подавай исповедника! Вернее, не «им», а ударившейся в набожность куртизанке, притащившей с собой недовольного кавалера.

Марсель подвел грешницу к крыльцу и в меру настойчиво постучал. Свет в решетчатом окошке мелькнул тотчас. Негромкий отрешенный голос спросил, в чем дело. В ответ Марианна всхлипнула. Достаточно убедительно.

– Святой отец, – с умеренным раздражением произнес Марсель, – моя дама... Ей нужен исповедник.

– Я грешна, – пролепетала Марианна из-под капюшона, – я так грешна... Я... Я – причина несчастий добродетельных жен... Из-за меня убили троих... Троих достойных дворян... Нет, четверых... Несчастный Килеан-ур-Ломбах... Это я всему виной!..

– Сестра, – не очень твердо сказал привратник, – сейчас ночь... Создатель простит, если ты очистишься завтра. Будь промедление смерти подобно, конечно...

– Я могу не дожить до утра, – выдохнула Марианна. – Мне было... знамение. Отец мой, в моем доме хранят мерзкие вещи! Их собирает мой муж на... на добытое мною золото. Эти вещи – Зло!.. Великое зло, и я к нему прикасалась. Я надевала нечестивые диадемы со змеехвостыми тварями... Я...

– Брат мой, – воззвал к Марселю монах, – я не могу тревожить отца-настоятеля. Облегчит ли душу вашей спутницы простой монах? Поверьте, лучше прийти в более подобающее время...

– Святой отец, – понизил голос Валме, – она не уйдет... Я... я сделал все, что мог, поверьте. В конце концов, исповедовать грешников – ваше дело.

– Ночью открыт только храм Домашнего Очага, – зашел с другого конца монах. – В полночь в нем появляется призрак...

– Она его не заметит, – раздраженно прошипел Марсель. – Все призраки у нее в голове. Она... привезла богатый вклад.

– Хорошо, – сдался привратник. – Вы пойдете с ней?

Вместо ответа Марсель обернулся к Марианне. Будь он проклят, если по лицу красавицы не текли настоящие слезы.

– Дорогая, я подожду тебя у носилок. Я... я не готов к исповеди.

– Не бросай меня, – женщина давилась слезами, – неужели ты откажешь мне в такой малости? Ведь я грешила из-за тебя... Кровь Килеана... Она и на тебе тоже...

– Но...

– Ты меня больше не любишь, – простонала баронесса, и виконт ощутил себя бессердечным изменщиком. – Ты... Ты любишь Дженнифер, а я... Я только обуза... Я давно это чувствовала. Коротка любовь повесы, как цветок недолговечна... Разве ты можешь понять?

– Хорошо. – Валме метнул отчаянный взгляд на потупившегося монаха. – Я пойду с тобой, но исповедоваться не буду... Я... Я давно хотел поглядеть на старину Валтазара. Ты, кстати, его не боишься?

– Я боюсь Заката! – Глаза Марианны были огромными, как озера. – Заката и ждущих у врат тварей.

– Идем, сестра моя, – обреченно произнес привратник, запирая внешнюю дверь и отпирая внутреннюю. Марианна всхлипнула и вцепилась в локоть Марселя, который внезапно ощутил себя четырежды женатым.

– Осторожней, дорогая, здесь ступенька.

Молчание прерывалось судорожными всхлипываниями. Марианна висела на руке кавалера, то наступая на подол, то спотыкаясь и не забывая при этом каяться и упрекать. Дождь пошел сильнее. Виконт угодил ногой в полную воды выбоину и вполголоса ругнулся. Совершенно искренне.

Нельзя сказать, что Валме совсем не знал Нохи. Как всякий уважающий себя дворянин, он там дрался и наблюдал за чужими поединками, но закрытые эсператистские храмы виконта не прельщали. Впрочем, на пресловутого Валтазара он в свое время все-таки взглянул. Как оказалось, не зря.

3

Пьетро не стал переступать порог Катарины, сославшись на обет. Сперва Ричард этому обрадовался, потом перестал. Лучше бы монах вошел, произнес несколько ни к чему не обязывающих слов и исчез. Теперь разговор предстояло начинать самому, и юноша растерялся. Последняя встреча с Катари получилась ужасной, а то, что королева сделала в суде, воздвигло между ними стену, за прошедшие месяцы лишь укрепившуюся. Об этом говорил тон письма, и все же она позвала...

– Благодарю, герцог, что вы пришли.

Осунувшееся детское личико, бесформенный серый балахон, на плечах черно-белая шаль. Совпадение или вызов?

– Я пришел сразу же, как... как получил ваше письмо.

Пальчики Катары сжимали четки, глаза были обведены темными кругами, роскошные волосы скрыла серая вуаль, напоминая о матушке, Надоре, смерти...

– Сожалею, если отвлекла вас от дел. Его высокопреосвященство упомянул, что вы заняли должность супрема. В семье Окделлов еще не было судебных чиновников.

– Так приказал государь, – объяснил Дик и понял, что ответ прозвучал слишком громко и слишком резко. – Эрэа... Вы хотели, чтобы я рассказал вам о моей последней встрече с вашим супругом?

– Да, – негромко сказала Катарина. – Простите, герцог, я должна сесть.

Ричард торопливо отскочил, освобождая дорогу. Подвести женщину к креслу он не решился. Эта встреча не походила на прежние беседы в саду, как зима не походит на лето.

– Я должен был навестить Фердинанда Оллара... как супрем, – начал юноша. – Я отвечаю за содержание узников... Инспекция Багерлее – моя обязанность.

Она не ответила. Сидела, зябко кутаясь в свою шаль, а на тонком запястье все еще блестел обручальный браслет. Ну почему только у эшафота оказался Робер, а не Карваль?! Все было бы кончено еще осенью. Ворон обрел бы покой, а Фердинанд не совершил бы величайшего эсператистского греха... Катари слишком верит в размалеванные доски, она не поймет, что ее муж наконец-то поступил достойно.

– Ваш супруг, эрэа, без сомнения, уже принял решение, – тщательно подбирая слова, произнес Дикон. – Он держался так, как будто ему все безразлично. Я спросил, нет ли у него жалоб или просьб. Фердинанд Оллар ответил, что нет. Он ничего не хотел и ничего не боялся.

Замершие четки в тонких руках, полумрак и тишина. Катари не плакала, не расспрашивала, не порывалась уйти, она сидела в кресле и смотрела в слепое окно. Это она ничего не хотела и ничего не боялась. Она, не Фердинанд!

– Катарина! – крикнул Ричард. – Не думай! Даже не думай!

– О чем? – Голос тоже был почти мертвым.

– Ты... ты же веришь в Создателя! Убить себя – это грех!

– Я знаю... Ведь я все еще жива. Ваш отец умер, мои братья умерли, Фердинанд умер, а я жива. И буду жить... Теперь это нужно. Если твой король меня не убьет, я расскажу правду. Обо всем.

– Альдо никогда тебя не тронет!

– Вы так думаете? Конечно, вы должны так думать... Вы же Окделл. Окделлы не служат убийцам. Окделлы не служат лжецам.

Она все-таки сказала «ты», пусть забывшись, пусть всего один раз, но сказала!

– Я не думаю, я знаю! Я ручаюсь за Альдо своей честью и своей кровью. Он никогда не поднимет руку на слабого.

– Господин супрем, вы знаете обстоятельства моей жизни лучше других... Я была связана с Фердинандом Олларом девять лет. Половину вашей жизни... Оллар любил Алву и оболгал его. По доброй воле он бы никогда этого не сделал. Его вынудили. Мой муж не был святым Аланом, но не предал бы своего маршала по доброй воле. Он бы не предал, даже если б ему угрожали. Это были пытки, господин супрем. Альдо Ракан поднял руку не просто на слабого – на узника. Вынудил лжесвидетельствовать, клясться именем Его. Погубить душу... Хвала Создателю, клятва, вырванная принуждением, недействительна, а грех падает на того, кто принуждал...

– Альдо не знал о пытках, – крикнул Дик. – Он бы запретил! Это обвинители... Альдо их прогнал. Всех!

– Потому что они не смогли убить Рокэ. – Катарина выронила четки, Ричард кинулся подобрать, но королева успела наклониться. Две руки сошлись на янтаре, и Ричард, сам не понимая, что творит, стиснул женские пальцы. Катарина рванулась, отскочила к стене и замерла с закушенной губой, внезапно напомнив Дейдри. Погибшую, звавшую в свою последнюю ночь брата.

– Тебя никто не тронет, – поклялся Ричард. – Никто! Даже Альдо...

Договорить юноша не успел. Катари начала сползать вниз по стене, цепляясь ногтями за обивку, со звоном рухнул одноногий бронзовый столик, тут же распахнулась дверь. Первой вбежала пожилая женщина, за ней – толстый монах.

– Брат мой, – велел он непререкаемым врачебным голосом, – выйдите вон.

Глава 5

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. Ночь с 1-го на 2-й день Весенних Ветров

1

Валтазар возник точно с боем полночного колокола. Призрак никогда не обращал внимания на людей, только на свои, то есть церковные, вазы. Не обратил и теперь. Проявившись у первого из позолоченных монстров, Валтазар раскинул руки, норовя обнять вожака сокроище. Вазища заколыхалась, ее контуры утратили четкость, сливаясь с силуэтом вернувшегося в грешный мир ворюги. Сцена была столь нелепой и при этом похабной, что, увидев ее впервые, Марсель не то чтобы сбежал, но удалился. Увы, тогда виконт был движим исключительно любопытством, теперь же обстоятельства требовали наступить чувству прекрасного на горло, и граф Ченизу наступил. В конце концов, призрак настоятеля храма Домашнего Очага не так уж и отличался от приценивавшегося к Елене Ракана или ушастого дукса, а некоторую прозрачность можно и пережить. Будь призрак сродни стеклянной рыбе, сквозь тело которой виднеются кишки, было бы хуже.

Первый из изукрашенных грубыми фигурками святых горшков перестал дрожать и кривляться. Валтазар не делал различия между своими кумирами; отобнимав одну вазу, он приступал к следующей. Валме покосился в сторону исповедальни – Марианна изводила монаха уже без малого час. Красавица обещала каяться подлиннее, но искушать судьбу не стоило. Виконт выжидал, глядя, как призрак здоровается с не своими сосудами. Наконец, не в силах выбрать любимейший, Валтазар занял позицию точно посреди небольшого помещения, в старину служившего молельней для знатных паломников. Точка была столь равноудаленной от вожаков сосуда, что Марселю вспомнился Лаик и ментор,

вдалбливавший унарам азы геометрии. Ностальгически взгрустнув – не то чтоб он любил математику, но юность есть юность, – виконт пересек молельню и возложил руку на отливающий червонным золотом бок.

– Господин Валтазар, – начал переговоры посол Ургота, – у вас ничего не получится. Они материальны, а вы – нет. В вашем нынешнем виде пытаться присвоить храмовое имущество бессмысленно.

Вопреки осиленным Валме трактатам о нематериальных сущностях, Валтазар не испустил ни стона, ни завывания. Он даже не расхохотался. Коршуном кинувшись на защиту подвергнувшегося нападению сокровища, дух внезапно пропал, зато запахло чем-то похожим на разбавленную вербеной падаля, а свет лампад потускнел, из золотистого став коричневатым. Валме догадался, что угодил в объятия призрака.

На всякий случай дипломат подпрыгнул – внизу мелькнула призрачная макушка. Разрубленный Змей, ну и бред! И ведь на трезвую голову, что особо приятно.

– Сударь, – вонь не то чтобы раздражала, но могла пропитать одежду и вызвать ненужные вопросы, – отойдите. Я не могу разговаривать, не видя вашего лица. Вы хотите получить эти сосуды в полную и безраздельную собственность? Если да, мы можем заключить сделку.

2

Сухие иммортели в свете лампадки казались сделанными из золота, их теплое сияние превращало полутемную приемную в почти дворец. Живые цветы в комнатах Катарина тоже были – скромные примулы в стеклянном кувшинчике возле накрытой на ночь птичьей клетки. Наверняка с передаренной Иноходцем морискиллой. Кроме нее и Дикона в комнате не было никого – служанка помогала лекарю. По всем правилам, как светским, так и церковным, Дику следовало уйти, а он бродил от стены к стене, трогая то цветы, то подсвечники, и думал сразу обо всем и не о чем... О том, что они опять не поняли друг друга.

Затворившись в Нохе, Катари отрезала себя от людей. Она знала лишь то, что хотел Левий, готовый на ложь и лжесвидетельство именем своего придуманного бога. Кардинал превратил королеву в невольную союзницу своих замыслов, сыграв на ее вере и чистоте. Катарина всегда винила себя в чужих ошибках и преступлениях, чего удивляться, что она стала орудием врагов Альдо и Талигойи?! Ложь порой кажется истиной, особенно если часть правды приходится скрывать даже от Робера.

Иноходец до сих пор злится из-за приговора, предательство Спрута его и то не переубедило. Что ж, Повелителю Молний остается лишь завидовать – неприятные решения за него принимает сюзерен, Эпинэ только исполняет. Попробовал бы он выбрать между чистой совестью и Талигойей!

Создавшие Кэртиану боги заповедовали своим избранникам в том числе и жестокость. Пока эти заветы выполнялись, Золотая Анаксия существовала. Как только на смену неприятному долгу пришел сладенький эсператистский обман, государство рухнуло. Нельзя, делая по-настоящему великое дело, остаться незапятнанным. Ворон, как ни странно, это понял; Эпинэ, Катарина, даже отец – нет.

– Сын мой, вы еще здесь?

Дикон кинулся наперерез вышедшему наконец врачу, опасаясь, что тот уйдет, но человек с голубем на груди с готовностью остановился. Вблизи он напоминал растолстевшего Вейзеля и был столь же хмур.

– Я против продолжения взволновавшего госпожу Оллар разговора, – без обиняков объявил он. – Я надеялся, что вы ушли, так как отказывать больной в ее настойчивой просьбе нежелательно. К сожалению вы здесь, и госпожа Оллар хочет вас видеть. Я даю вам полчаса и ни минутой больше. Если больной вновь станет плохо, это будет на вашей совести.

– Что с ней?

– Главная причина болезни в том, что тело этой женщины уступает по крепости духу, – сварливо объяснил «Вейзель». – Если б госпожа Оллар отбросила мирскую суету, она бы выздоровела. Разумеется, ей пришлось бы до конца дней беречь сердце, но непосредственная опасность бы миновала.

У Катари больное сердце! Он всегда это подозревал...

– Я буду осторожен, – пообещал юноша, но врач уже шествовал к двери. Он сказал, что считал нужным, и не собирался задерживаться.

– Идемте, сударь. – В голосе вышедшей вслед за врачом служанки слышалась откровенная ненависть. К герцогу Окделлу, к Альдо или к мужчинам вообще?

Ведьма переползла две комнаты и постучала в дверь третьей.

– Окделл, – буркнула она, – как вы хотели...

– Пусть войдет.

Катари не лежала, а сидела у столика с зеркалом. Омерзительной серой тряпки на голове и плечах больше не было. Золотились две толстых девических косы, пахло кошачьим корнем и еще какими-то травами.

– Ну вот, – заворчала служанка, – встали... Сказано ж было лежать.

– Иди, Аманда, – устало и холодно велела Катари. Служанка подчинилась, на прощанье одарив Ричарда полным злобы взглядом. – Я знала, что вы еще не ушли, – тихо сказала королева, – и настояла, чтобы вас пустили. Мы вряд ли увидимся снова, поэтому я должна... должна сказать вам правду во имя Эгмонта... Святой Алан, как бы я хотела этого избежать!

– Я все знаю, – тихо сказал Ричард. Он поклялся эру Августу молчать, но заставлять Катари вновь пережить прежний кошмар было бы подлостью. – Я все знаю... Ты вернулась к Ворону, чтобы избавить отца от Багерлее и Занхи. Моя жизнь и моя кровь принадлежат Талигойе и тебе... Но мое сердце... Оно только твое. Навеки...

Он не собирался говорить о любви, но был рад тому, что сказал. Весна несет с собой войну и неизвестность, пусть Катари знает все!

– Не надо, – женщина уронила руки на колени, – не надо, Дикон. Я не хочу ничего слышать... Я не должна.

– Потому что повесился Фердинанд? – резко спросил Ричард. – Он это сделал ради тебя... Он хотел, чтобы ты была свободна и счастлива.

– Не надо, – беспомощно повторила Катари. Неужели эта женщина заставила в едином порыве подняться всю Посольскую палату? Вот это измученное хрупкое существо?

– Ты сделала для них все, что могла, – сказал то, что должен был сказать, Ричард. – И для Оллара, и для Алвы. Тебе не в чем себя упрекнуть.

Она вымученно улыбнулась.

– Ты ошибаешься... Какой глупый разговор, и совсем не о том... Я устала. Я в самом деле устала и забыла, зачем тебе позвала. Позови Аманду и... будь счастлив.

– Я не уйду без ответа! – Вдовий срок для раздумий невелик, а она слишком верит в Создателя...

– Какой может быть ответ? Я могла бы стать твоей матерью... Твоя любовь... твоя настоящая любовь еще заплетает куклам косы.

– Окделлы любят только раз... Я полюбил. Катарина, меня ждет война. Ты права, наша встреча может оказаться последней. Я должен знать правду!

– У нас нет будущего, Дикон. – Руки, мнущие кисти шали, те же руки, ломающие ветку акации. Теперь в них четки. – Нет и не может быть. Есть причина...

– Причина может быть лишь одна – ты меня не любишь.

– Пусть будет так, – печально и безнадежно произнесла женщина, и Ричард понял, что она лжет. – Я тебя не люблю и никогда не любила. Прошу вас, герцог, уходите.

– Это неправда! Неправда...

Катарина не ответила, даже не пошевелилась. Она лгала, в этом не могло быть сомнений. Лгала, потому что не считала себя вправе быть счастливой на могилах Фердинанда и Алвы.

– Не мучай себя. – Второй раз за день Ричард коснулся хрупких пальцев. Женщина вздрогнула, но руку не отняла.

– Ты видел эра Августа? – Она больше не хотела говорить о любви, и Ричард не настаивал. – Он здоров?

– Да. К нему очень хорошо относятся. Он гуляет, ходит в церковь... Он бы тебе рассказал, как по приказу Альдо относятся к узникам. Как в самом деле относятся... Это совсем не то, что ты воображаешь! Не то, что видела ты.

– Может быть... Но Багерлее – это не собственный дом.

– Поговори с Робером. Это из-за него! Он ненавидит эра Августа из-за кольца...

– Из-за кольца? – Светлые глаза недоуменно распахнулись. – При чем здесь кольцо?

– Неважно! – Святой Алан, как он мог забыть, что она ничего не знает. Не знает, что, спасая ее, Повелитель Скал унизился до яда. – Эр Август ошибся, а Робер заупрямился.

– Эпинэ всегда были упрямыми, – слабо улыбнулась Катари, – как и Окделлы... Это их и погубило. Эр Август говорит с тобой обо мне. Будет справедливо, если я расскажу о нем. Кансилльер пытался остановить заговорщиков. Он умный человек, и он сомневался в успехе восстания... К сожалению, послушались не те... Эр Август спас тех, кто хотел спасти себя, а не Талигойю. Придды и другие... Я знала не все, вернее, почти ничего не знала. Со мной никто ни о чем не говорил, пока не пришел эр Август. Он объяснил, что Эпинэ и Окделлы подняли восстание, что это безумие...

– Это не было безумием! Если б Ворон не перешел Ренкваху...

– Агония длилась бы дольше, только и всего... Ты видел Дараму, ты слышал про Фельп, а ведь кэналлийцы не так страшны, как бергеры и ноймары. Приняв помощь от Дриксен, Эгмонт принял кровную вражду, а Первым маршалом тогда был Ноймаринен. Твое счастье, что ты его не знаешь... Это все сложно, я и сейчас понимаю не все, но Рудольф не отпустил бы никого! Их бы даже не обезглавили – повесили. На месте Надора остались бы развалины...

Сейчас не осталось и развалин, но Катари не знает. Она совсем ничего не знает, и хорошо. Боль Повелителя Скал принадлежит ему одному.

– Я понимаю.

– Нет, ты не понимаешь! Ворон не должен был вести армию... Это я уговорила сперва Фердинанда, а потом его. Я поступила подло, Ричард, подло и глупо! Я должна была честно сказать, что Алва получит мою плоть, но не мою душу, а я стала лгать о любви...

Создатель, какой же мерзкой кошкой я была! Мерзкой и глупой... Это мужчина может обмануть женщину, заставить ее поверить во все, что он хочет... Разумеется, Ворон понял, что я лгу. Мужчина, настоящий мужчина всегда знает, любят его или нет, что бы женщина ни говорила. Твой отец знал. И Рокэ знал... Он возненавидел меня за мою ложь, и я его понимаю. Поэтому я должна... Должна искупить. Все началось с меня...

– Нет, Катари. Все началось с того, что Олларам отпущен один круг. Их никто бы не спас – ни Ворон, ни бергеры. Последний Оллар умер, не оставив наследника. Твой сын будет повелителем Ветра... Когда он вырастет, то узнает, кто был его отцом. И простит... Начинается его Круг, Катари. Круг Карла Борраски. Так суждено.

– То, что ты говоришь, грех!

– Ты...

– Ричард, если мы уцелеем... – Тоненький голос окреп, напомнив о суде, о том, как она спорила с Альдо. – После войны мы поговорим обо всем, обязательно поговорим. Может быть, я... Я перестану бояться счастья, но я должна тебя предупредить. Я позвала тебя для этого, не могла не позвать!

Ричард, твой король не стоит ни твоей верности, ни верности Робера. У него холодные глаза, они не улыбаются, когда улыбаются губы. Он жесток, Дикон, и думает только о себе. Только... Даже Ворон думал о Талиге, о своих солдатах, о варазийских крестьянах, наконец! Для Альдо Ракана люди ничто... И правда ничто, и справедливость. Он... Дикон, я боюсь, он не верит в Создателя...

В этом она права, но только в этом. Как объяснить эсператистке разницу между людьми и потомком богов? Альдо не может быть таким, как все, он не имеет на это права.

– Герцог Окделл, – врач стоял в дверях и с укоризной смотрел на Ричарда, – вы говорите тридцать шесть минут. Госпожа Оллар, почему вы встали?

– Мне лучше... Брат Анджело, не волнуйтесь, герцог Окделл уже уходит. Ричард, я благодарна вам за сочувствие. Когда будете писать в Надор, засвидетельствуйте от моего имени уважение вашей матушке и передайте вашей сестре и госпоже Арамоне, что я очень по ним скучаю.

– Конечно, – выдавил из себя Ричард, – я... Я засвидетельствую.

Глава 6

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. Ночь с 1-го на 2-й день Весенних Ветров

1

Валтазар не подвел. Когда Марсель, скрывшийся под бурчание пьяненьких философов в комнатах Марианны и тут же покинувший гостеприимный дом через подвал, явился на условленное место, дух уже витал у ствола гигантского каштана. Ворюга успешно подтвердил одно из любимых папенькиных правил – на мерзавца можно полагаться в большей мере, чем на человека порядочного. Разумеется, если знать, с какого бока зайти. Если же мерзавец мертв и, следовательно, в некотором смысле беспомощен, а его пороки живы, то он надежнее торского нефрита. Того самого, при попытке расколоть который сломали наковальню.

– Простите, я не умею летать, – извинился Марсель в ответ на исполненный укоризны потусторонний взгляд. – Куда мы направляемся?

В ответ призрак сорвался с места. Переваливающаяся походка и внушительный, хоть и полупрозрачный зад создавали обманное впечатление медлительности, но стремящийся к вазам Валтазар несясь со скоростью рысящей лошади. Марселю пришлось почти бежать, благословляя свою предусмотрительность: не брось виконт в спальне Марианны камзол с пузом и башмаки на высоких каблуках, он бы неминуемо отстал, а время было дорого как никогда.

Человек и призрак промчались мимо кладбищенской стены, обогнули глядящую слепо церковь, и Валтазар нырнул в нишу, где прятался безголовый и безрукий святой. Призрачные пальцы ткнулись в щербатые босые ноги. Рожа духа отчаянно сморщилась, словно от немыслимых усилий. Марсель кивнул и принялся нажимать на мокрый камень. Лязгнуло, Валме подмигнул нетерпеливо колыхавшемуся сообщнику и налег на постамент. Сперва не случилось ничего, потом раздался мерзкий хруст, и безголовый подвинулся. Открылся люк, в который винтом уходили треугольные ступени. Из дыры тянуло плесенью, ржавчиной и холодом.

– Брр! – возмутился господин временный посол и зажег фонарь. Узкие решетки доверия не внушали, но сломать шею на охоте ничем не лучше, чем в допотопной норе. Здесь, по крайней мере, никто не скажет, что ты свалился на ровном месте. Валтазар уже был внизу. Поганец просто втянулся в дыру ногами вниз. В его положении были свои преимущества.

– Глупость наказуема, – объявил вслух Валме. – Некоторые полагают дружбу глупостью, следовательно, дружба наказуема.

Умствования прервал нетерпеливый Валтазар. Всплыв из дыры, он неистово замахал руками. В книгах утверждалось, что некоторые призраки светятся зеленоватым или же лиловым. Нохский обитатель был не некоторым и не светился вообще. Виконт напоследок вдохнул всей грудью и полез в мышеловку. Он спускался, пока голову не окутал пахнущий

вербеной и нечистотами туман. Подающий надежды дипломат ругнулся и тут же сообразил, что это Валтазар. Призрак тыкал пальцем в торчащую из стены шишку, задира голову вверх и по-рыбьи беззвучно шевелил губами. Предлагал опустить люк.

Искушение оставить лаз открытым было велико, но Валме послушно надавил на шишку, и сквозняк прекратился. Будь проводник жив, остаться с ним в захлопнувшейся западне один на один было бы неразумно, но фантома Марсель не опасался. Валтазар понимал, что от мертвеца или узника горшков не дожидаться, а свою выгоду бывший святой отец блюл свято. Большого доверия будет достоин разве что дохлый Ракан, если перед ним потрясти пропавшим мечом.

Размышляя о том, чем бы пах призрак, увы, всю живого величества и бряцал бы он орденскими цепями или нет, Марсель нащупывал ступеньку за ступенькой. Лестница была крутой, но проходимой – адепты Домашнего Очага не собирались ни застревать, ни ломать ноги. Что раздражало, так это неопределенность – света фонаря хватало лишь на то, чтобы разглядеть следующую ступеньку. Где находится у холодного черного колодца дно и есть ли оно вообще, Валме не представлял. Это злило. Злости способствовал и Валтазар, то исчезающий, то всплывавший чуть ли не к самому носу. От протухшей вербены и затхлого воздуха разболелась голова, но виконт спускался, пока треклятая лестница не влилась в добротный подземный ход.

Призрак вытянул руку вправо, на мгновение приняв ту же позу, что и Альдо на портрете, посланном было в Ургот, но спешно отозванном. На юг уехал другой анакс, скрестивший руки на груди и вперивший взор в пучину грозно бушующего моря. Затянутый в багряное страдалец, ждущий своей утешительницы и спасения через любовь, был прекрасен. Волосы и плащ усиленно развивались, а мужественная челюсть выдавала тщательно скрываемую ранимость. Валме искренне сожалел, что не приказал переправить портрет папеньке, а теперь было поздно – засевшие в «Красном Баране» адуаны питали склонность к незатейливым и грубым шуткам, так что спасти произведение было поздно.

В нос вновь полезла Валтазарова вонь – призрак давал понять, что они почти у цели. Марсель поставил фонарь наземь. Папенька не терпел незаконченных дел, бесконечных разговоров и незнакомых дорог. Марселю последние скорее нравились, но он еще ни разу не шлялся по катакомбам и не собирался продолжать сверх необходимого. Подземелье утомляло однообразием; к тому же приходилось выбирать только из «вперед» и «назад», а ограничивать себя лишь наступлениями и ретирадами Валме не любил, предпочитая свободу маневра.

– Покойный святой отец, – на всякий случай напомнил виконт, – надеюсь, вы помните, что моя смерть, арест или вынужденное бегство ликвидируют нашу договоренность. Более того, умерев, я навеки останусь с вами. И, будьте покойны, из Нохи я вас выживу. Я моложе, и, как вы, вероятно, успели заметить, я нагл.

Умей Валтазар говорить, на Марселя обрушился бы поток укоров и уверений, но призрак уродился безмолвным, хоть это и опровергало целый ряд научных трудов. То, что он вообще уродился, опровергало еще больше концепций, включая рассуждения о том, что чувства человеческие суть выделения печени или еще какой селезенки.

Селезенки, как и мозгов, у Валтазара не имелось уже лет пятьсот, а чувства и мысли были, и соображать он, что ни говори, не разучился. Прозрачный, но все равно волосатый палец ткнул Марселя в карман. Валме кивнул и вытащил карточки с рисунками и буквами, при помощи которых от скуки учил грамоте адуанских охранников. Добро было вознаграждено. Когда Марсель задумался о том, как объясняться с безгласным духом, азбука валялась на столе, и решение пришло само собой.

– Т.А.М.О.Х.Р.А.Н.А. – Призрачный перст прямо-таки летал по разложенным в четыре ряда карточкам. На сей раз полупрозрачность духа пришлась кстати. – В.Н.У.Т.Р.И.Д.В.О.Е.

– Значит, вам придется их отвлечь, – пожал плечами Марсель. – В конце концов, это вас там убили. Согласно науке и логике, вы должны проявляться на месте гибели.

– Г.Д.Е.Х.О.Ч.У.Т.А.М.И.П.Р.О.Я.В.Л.Я.Ю.С., – обиделся Валтазар. –

А.В.С.Е.У.М.Н.И.К.И.Е.Р.Е.Т.И.К.И.

– Вне всякого сомнения, – рассеянно кивнул Марсель, – но сегодня вы проявитесь в вашей бывшей резиденции. Именно там Левий держит того, кто нужен мне, а следовательно, и вам. Делайте что хотите, но чтоб один из охранников отпер дверь и пошел за помощью, а другой – остался внутри. Это в ваших интересах.

Валтазар задумался, живо напомним дукса, который хочет гайифскую взятку и не хочет к палачу. Удачно все-таки вышло, что Франциск повелел, чтобы историю Валтазара знали в подробностях, дабы корысть и лживость эсператистов была ведома всем.

– М.Н.Е.Н.У.Ж.Н.Ы.П.О.Д.С.В.Е.Ч.Н.И.К.И., – принял решение дух. – С.О.С.У.Д.Ы.П.Л.А.Т.А.З.А.П.Р.О.Х.О.Д. С.Т.Р.А.Ж.Н.И.К.И.О.Т.Д.Е.Л.Ь.Н.О.

– Подсвечник, – с ходу уловил мысль партнера Валме, – один. Не так уж это сложно в вашем положении – напугать ночью пару болванов.

– Ч.Е.Т.Ы.Р.Е., – заломил обнаглевший призрак. – И.П.О.К.Р.Ы.В.А.Л.О.

– Один и покрывало, – выказал семейный норов наследник Валмонов. – Иначе я иду к кардиналу. Мне есть что ему предложить, а за помощь при проходе во внутреннюю Ноху мимо внешней стражи... одну вазу вы получите. Ту, что в дальней нише. Помятую.

– Д.В.А.И.П.О.К.Р.Ы.В.А.Л.О., – снизил цену Валтазар. – К.А.Р.Д.И.Н.А.Л.О.Б.М.А.Н.Е.Т.

То, что успел узнать о Леви Марсель, заставляло предполагать, что в Нохе засел либо воинствующий святой, либо достойный папеньки и Габайру проныра. Сговориться с таким всегда успеется, но девственность теряют лишь раз, и терять ее надлежит так, чтобы не сожалеть потом об упущенных возможностях.

– За стражу даю два подсвечника и покрывало, – непререкаемым тоном объявил виконт и, прекращая торг, сгреб с пола карточки. – Если понадобится что-нибудь еще, получите остальные и раму от портрета его величества. Она выдержана в вашем вкусе.

2

Вышедший во внутренний двор охранник получил по голове рукоятью пистолета. Несмертельно, но достаточно, чтоб потерять сознание. Второй вояка, обонявший Валтазара и неистово чихающий, отправился вслед за первым, едва Марсель разглядел, где у оказавшегося внутри призрака бедняги голова. Вот, значит, как выглядел он сам, когда бывший настоятель кинулся спасать свои сокровища. Двойной дрожащий, как желе, силуэт... Отвратительно, но остроумно. Не броситься за подмогой при виде подобного зрелища нельзя, так что подсвечники с покрывалом Валтазар заработал. Увы, на этом его помощь и закончилась – таскать и обыскивать пострадавших Марселю пришлось самому. Равно как и зажимать носы, и вливать в произвольно открывшиеся рты касеру. Вряд ли церковные гвардейцы были отъявленными пьяницами, но Валме исходил из возможностей адуанов. Пускай теперь Левий решает, что появилось раньше – призрак или выпивка.

Дорога была свободна. Внутренность флигеля Валме, спасибо изучавшему старинную архитектуру Габайру, представлял. На первом этаже дежурили стражники, а Ворон мог быть лишь на втором. Именно там Валтазар прятал свои горшки, и именно там его прикончили. Жаль, Левий не фанатик, а то бы решил, что Алва вступил в сговор с Леворуким и тот прислал ему на помощь убиенного в этом доме нечестивца.

– Святой покойный отец, – окликнул сообщника Марсель, – приглядите за лежащими. Потребуется – покажите им еще что-нибудь. В любом случае рама ваша.

Валтазар с готовностью навис над солдатами. А может, его привлек запах касеры? Внешность убиенного позволяла заподозрить в нем тайного пьяницу и чревоугодника. Вооружившись связкой ключей, Валме поднялся на пару ступенек и остановился, чтобы пригладить развившиеся волосы и оправить куртку. Все складывалась так гладко, что стало неуютно. Шалая мысль о сделке с Валтазаром, Эпинэ, удивительно вовремя ушедший от Марианны, непредвзятые засидевшиеся допоздна свидетели. Даже смывающий следы

дождь... Наследник Валмонов не отличался суеверием, но крупные пакости не размениваются по пустякам. Неудачи – как море, отступают, чтобы броситься на собирающих ракушки дураков.

Воспоминание о море потянуло за собой воспоминания о Франческе, которые выправили дело. Цыкнув на разбушевавшиеся предчувствия, Марсель единым духом преодолел оставшиеся ступеньки, проскочил небольшую прихожую и уткнулся в деревянную дверь, на которой не наблюдалось ни засова, ни замка, ни замочных скважин. Пару раз потянув на себя и пару раз толкнув, Валме почувствовал себя сразу дураком и привидением. Огляделся, заметил пару тяжелых табуретов, вспомнил, что у стражников внизу имелись алебарды... Вот так дипломаты и становятся плотниками!

Ломать без предупреждения двери в комнаты маршала некрасиво – тем более офицеру для особых поручений, – и Марсель аккуратно постучал. Именно так стучали в доме дядюшки Шантэри. Стук замер, стало тихо. Так тихо, что Валме показалось: он слышит, как на первом этаже сопят солдаты. Тишина даже не стояла – висела, как висит над горной дорогой готовый сорваться камень. Валме поправил кинжал, затем шейный платок и постучал еще раз. Громче. Пожалуй, дядюшка нашел бы, что он барабанит самым неподобающим образом. На этот раз его услышали. За дверью что-то зашуршало или, скорее, заскреблось, и знакомый голос произнес с раздраженной вежливостью:

– Господа, только не говорите, что вас преследуют кошмары.

– Господин Первый маршал. – От избытка совершенно неуместных чувств Марсель уподобился Герарду. – Кошмар тех, кто охраняет вашу персону, действительно преследует. На первом этаже этого здания. Прошу разрешить доложить подробно. Могу по-кэналлийски – ползими учил, но лучше все-таки на талиг...

3

Дверь распахнулась, и на пороге возник еще один призрак. Или выходец, по недоразумению обзаведшийся тенью.

– Я вас недооценил, – голосом Алвы сказал он. – Вас следовало или не брать вообще, или чем-нибудь занять.

– Не терплю заниматься делами. – К нему, такому, надо немедленно привыкнуть. Привыкнуть и не замечать! – Вы неплохо устроились, хотя моему другу Валтазару вряд ли понравится: слишком аскетично, и подсвечники какие-то маленькие, хоть это и подлинный Леокадий Второй. Я не ошибаюсь?

– Спрошу при случае у его высокопреосвященства. – Алва отступил от двери и рухнул в кресло. – Хотите выпить, налейте себе сами. Вино не отравлено.

Глядя на Рокэ, следовало предположить обратное, но Валме считал себя человеком воспитанным, к тому же предполагаемая отравка явно была медленной – Ворон еще ходил.

– Один бокал, если не возражаете. У вас есть теплый плащ? На улице холодно.

– Я не собираюсь выходить, – зевнул Алва. – Почему вы вошли через дверь для прислуги? Тут есть прекрасный ход в апартаменты его высокопреосвященства.

– Извините, так получилось. – Марсель недрогнувшей рукой налил вина. – Ваше здоровье!

– Это оскорбление? – осведомился Ворон. Он себя видел – в комнатах были зеркала. Здесь все было. Даже оружие и книги.

– Это намек. – Вино оказалось отменным. «Черная кровь». На то, чтоб узнать год, Марселя не хватило, как и на то, чтобы оставаться вежливым. – Готов поверить, что в вине яда нет, но где-то он есть.

– Где-то есть все, – Алва усмехнулся, – в том числе и яд. Здесь его нет.

– Тогда что с вами? Скоротечная чахотка?

– Обзаводиться любимой хворью Дидериха не по мне.

– Вам нужен врач, – не удержался от пошлости Марсель.

– Нет.

Врачами можно заняться позже. В другом месте, но до этого места нужно идти, в том числе и по лестницам.

– Можете считать меня принцессой урготской, но ответьте. Врач у вас был?

– Был.

– Что он сказал?

– Ничего. – Ворон прикрыл ввалившиеся глаза ладонями. – Это действительно хороший врач, виконт. Он не просто ничего не понял, он в этом признался и согласился оставить меня в покое. Вам следует взять с него пример.

– Когда здесь меняют стражу?

– Утром, но это не повод задерживаться.

– Я уже допил ваше вино. Больше меня здесь ничего не задерживает. Так же, как и вас.

Алва не ответил. Точеное бесстрастное лицо до жути напоминало гальтарские маски Капуль-Гизайля, только было не золотым, а алебастровым.

– Вас удерживала клятва Первого маршала, – Марсель поставил бокал на стол, – но она больше не имеет силы. Фердинанд Оллар мертв, а Карл Оллар в Бергмарк, и ему вы кровавых клятв не приносили.

– Фердинанд умер? – Маска открыла глаза, но более живой не стала. – Когда?

– Прошлой ночью. Вот письмо Альдо Фоме Урготскому. Кстати, после разговора с вами он сменил штаны. Не Фома, Альдо.

– Что же он носит теперь? – Передавая письмо, Марсель не преминул коснуться пальцев Ворона. Они были горячими.

– Анакс переодевается четырежды в день. От полудня до заката штаны бывают лиловыми, сейчас они, видимо, черные.

– Прискорбно. У вас есть другие доказательства смерти короля?

– Робер Эпинэ при мне пил за упокой души Оллара. Он был заметно опечален. По его мнению, Фердинанд покончил с собой.

– А по вашему?

– Господин в штанах получил ультиматум. Либо умирает Фердинанд – либо меч Раканов, принцесса Елена и золото Фомы достаются Савиньяку. Фердинанд умер.

– Оказывается, в этом городе умеют предъявлять ультиматумы... Кто же?

– Я, – отчего-то вытянулся в струнку Валме.

Алва медленно свернул письмо и поднялся.

– Я думал, это сделает Придд, – сказал он, – и не думал, что это случится так скоро.

– Придд не виноват. Он не видел Гальбрэ, не говорил с вами на стене и не знает, откуда на гербе Фельпа птице-рыбо-дура. Клятва Первого маршала не предусматривает немедленного убийства цареубийцы, я проверял. Вы сможете идти?

– Если упаду, вы меня поднимете. Почему вы сделали это сейчас?

– Потому что мориски стерли Агарис с лица земли. Эта не та новость, которую можно скрыть даже с помощью адуанов и моего папеньки. Левий теперь никто.

– В юности мне хотелось взять Святой град. – Алва твердым шагом, хоть и очень медленно, подошел к столу и поднес письмо о смерти Фердинанда к горящей свече. Листок вспыхнул, витиеватые буковки стали огненными, словно заклые письмена. – Потом это желание прошло... Агарис взяли в ночь на третий день Весенних Скал?

– На первый. У шадов такой обычай?

– Не думаю. – Буквы погасли, бумага рассыпалась серым пеплом, напомнив о другом письме и другом мертвеце. Алва провел ладонью по лицу, словно собираясь с мыслями. – Я уже признал, что недооценил вас. Или Леворукого... Идемте.

Часть 3

«Маг»⁶

*Люди не задумываются над тем,
что запальчивость запальчивости рознь,
хотя в одном случае она, можно сказать, невинна
и вполне заслуживает снисхождения,
ибо порождена пылкостью характера,
а в другом весьма постыдна,
потому что истекает из неистовой гордыни.
Франсуа де Ларошфуко*

Глава 1 Дриксен. Зюссеколь Хербсте 400 год К.С. 2-й день Весенних Ветров

1

– Я не стану тебя целовать, – заявил Зепп. Он сидел на грубом деревенском столе, поджав под себя одну ногу и болтая другой. Друг смеялся, и Руппи понял, что спит.

– Нет, – хихикнул Зепп, – ты не спишь. Спят они. Спят пятеро, но не здесь. Здесь только один... Ему было хорошо. Ему хорошо. Он будет спать долго. До утра. Он проспит рассвет. Не жаль... Ему не нужен рассвет, он не понимает...

Руппи приподнялся на локте. Потом сел, пытаясь сообразить, что за место ему снится и как он здесь очутился. Похоже на комнату в трактире. Приличную, но не роскошную. Прошлую ночь он провел в похожей, но там занавески и полог у кровати были синими, а на столе никто не сидел, хотя это же сон... Зепп пришел, потому что ждет. Никто с «Ноордроне» не обретет покоя, пока Бермессера не вздернут на рее.

– Зепп, – попросил друга Руперт, – доложи Адольфу и скажи всем. Мы скоро будем у кесаря – я и Ледяной. Готфрид нас обязательно выслушает. Бермессеру не оправдаться. Ублюдок спляшет в петле еще до лета...

– Спляшет? – Зепп тряхнул головой, как Вальдес, и стал Вальдесом в белой, развязанной у горла рубахе. – Хочешь танцевать? Нельзя. Сейчас нельзя. Не время. Тебе нельзя, мы не хотим. Очень тяжело... Это пройдет, и мы станцуем. Я приду к тебе, я знаю, где ты. Всегда знаю.

Не знай Руперт фок Фельсенбург, что спит, он бы решил, что окончательно проснулся. Голова была ясной, словно солнечным весенним утром. Хотелось вскочить, выбежать на улицу, засмеяться, обнять если не весь мир, то всех, кто подвернется под руку. Руппи уселся на широченной скрипучей кровати и увидел на стуле у порога кавалерийского офицера со шрамом на физиономии. Таким же, как у Олафа.

Офицер самозабвенно храпел, но бутылок у его ног не валялось. Руперт оглянулся и поймал быстрый взгляд, слишком шалый даже для Бешеного. Адмирал больше не сидел на столе, он стоял на подоконнике, высоко, словно в танце, вскинув руки и откинув назад красивую голову. Окно было распахнуто, за ним дышала ночь. Молодая луна, звезды, снег...

⁶ Высший аркан Таро «Маг» (**Le Bateleur**). Карта символизирует личность, обладающую во всей полноте физическими и духовными способностями. Это воля, способность и готовность совершить поступок, самовыражение, индивидуальность, мудрость, но и тирания, злоупотребление властью. Может означать достижение желаемого в доступных вам пределах. **ПК** остается благоприятной – ситуация под контролем, будущее в ваших руках. Может означать неуверенность в себе, излишнюю скромность, отложенные «на потом» важные дела.

И еще ветер! Он кружит последний снег, он хочет играть со звездами. Ветер и звезды, снежная песня будет звенеть до весны; снежные звезды, зимние слезы, шитые инеем сны...

– Спи, – велит Вальдес, расправляя длинные чайчьи крылья, – они не придут. Никто не придет. Сегодня никто, а завтра только завтра. Его еще нет...

– Погоди!

В полнолуние на корабле снятся вещие сны. Жаль, он на земле, а луна родилась совсем недавно. Или он все перепутал и «Ноордкроне» вышла в море? Все живы, все в порядке. Конечно! Иначе он не был бы так счастлив. Лунные волны, песни и звоны, синие тени в ночи, звездные ветры, отблески света, ставшие танцем лучи. Кровь высыхает, смерть засыпает, надо дожидаться весны, звезды и ветер, лунные сети ловят жемчужные сны...

– Я уйду – ты остаешься. Пока остаешься. Я вернусь, – пообещало создание на окне и звонко захохотало. Теперь оно напоминало привезенную Приддом девушку, только черноволосую и безоглядно счастливую.

– Стой! – Если ему снится крылатая тварь, то он будет с ней говорить. Летящих не зовут по имени, их нельзя касаться, но спрашивать можно. Птицы-оборотни кружат над морем от сотворения, и как же много они знают... Нужно только угадать с вопросом. Так, чтоб она ответила, а не увильнула.

– Что нас ждет в Эйрехте, зовущая ветер? Меня и Олафа? Кого нам опасаться? Кому нельзя верить?

– Себе. И можно только себе. Не судьбе... Судьба тебе не нужна. Ее нет. У тебя нет... Я вернусь. С тобой ничего не будет, больше не будет. Пусть приходят, я с ними станцую. С ними можно танцевать. Сейчас только с ними... Один танец, лишь один...

– С ними? – То, что она говорит, обязательно нужно запомнить, а потом понять. – Кто они?

– Ты знаешь, ты видел... – Юная тварь усмехается голубыми глазами. Юная тварь... Вечная тварь...

– Я?

– Ты видел, ты помнишь... Вы помните, вы всегда помните, вы все помните... Это мешает. Память – камень... Память – лед... Мешает, тянет вниз. Не дает танцевать, не дает спать, не дает жить... Вы умираете из-за памяти. Даже лучшие. Это так глупо – помнить...

– Почему ты здесь? – Не позволить себя заговорить, ни в коем случае не позволить! – Почему у тебя было лицо Зеппа, а потом... Потом другие лица?

– Они – это ты... Я – это ты. Я тебя знаю, ты знаешь меня... Ты помнишь, ты все помнишь. Забуди!.. Еще не весна. Спи, не бойся... Ты проснешься. Я вернусь...

Она сейчас уйдет в иссиня-черный, прошитый звездами холод... Она... Та, что танцевала на гребне холма!

Ветер и летящие волосы. Черные... Или седые, а может, и нет ничего... Только закруживший тебя ветер? Снежные когти, алое солнце, вечер, дорога и смерть... Ветер и когтистые лапы... Птичья головка, руки-крылья... Нет, крылья птичьи, а лицо – человеческое, только глаза не людские и не птичьи. Голубые, с узкими зрачками... Разве бывают голубоглазые чайки?

– Фельсенбург! Фельсенбург, вы живы?

Откуда-то возникает лицо со шрамом. Шрам знакомый, а лицо не то! Или то?

Говорить трудно, но слова «адмирал» и «кто?» срываются с губ сами.

– Господин Кальдмеер цел и невредим, – отвечает обладатель шрама, – карету протыкали в четырех местах, только и всего.

– Кто? – Мысли разбегаются, перед глазами пляшет, висит красное солнце. Вверх-вниз, вверх-вниз ... Снежные звезды, пьяное солнце, ветер, убийцы и лед... Нет слова «поздно», есть ты и ветер, есть ты и я, и полет.

– Мерзавцы какие-то! – рычит сквозь звездный туман капитан Роткопф. Его зовут именно так – капитан Роткопф. – Вас надо перевязать.

– Потом... Адмирал цур зее должен... доехать... до... Штарквинд... Живым...

– Довезем. – Капитан улыбается и становится похож на Шнееталю. – Поднимайте. Осторожней!.. Проклятье, опять!..

Порыв ветра, облако снежного блеска. Зелень первой листвы тает в кипенье сирени, а там, где плясало солнце, вспыхнувшим тополем вырастает багряный столб. Гаснет, чернеет, словно уголь остывает. Все тонет в лиловых сумерках, и только на верхушке столба полыхает пламя. Маяк... Надо плыть к нему!

– Господин адмирал... Я сейчас рассчитаю... рассчитаю курс.

– Было скучно, станет лучше, – обещает, пролетая, чайка, шелестят темные ели, звенят колокольчики, те самые, из Старой Придды. Фрошеры вешают их на стенах, и они звенят, когда дует ветер. Это весело... Это так весело... Нужно повесить в Фельсенбурге такие же, пусть поют!

– Купите колокольчики... Это очень важно.

– Постой, дай я... Закатные твари!.. Корпию, корпию тащи!

– Толку-то... Уходит он! Нос эвон как заострился...

– Заткни пасть!

Хрустальная ель качается и звенит, словно смеется. И в самом деле – смеется. Только не ель, девушка. Играет ветками, как котенок... Какая она тоненькая... Длинные волосы, острые крылья взмывают снег.

– Живи! До весны и дальше. Зимы не будет, будет танец. Мы потанцуем... Потом... Сейчас ты устал. Я вижу... Я тебя не оставляю, больше не оставляю, тебе нужна весна. Это весело... Тебе понравится... Весной звезды синие. И вода, и небо... Если все стало синим, значит, пора!..

– Остановилась! Как есть остановилась... Кровь-то!

– Повезло! Ну, теперь до ста лет не помрет.

– Адмиралу его доложи! Живо!

Только что было светло, и сразу – вечер. Мир тает в лиловых сумерках, но ночь – это звезды, а где звезды, смерти нет.

– Господин Роткопф, – шепчет Руппи, – с вашего позволения я доложу сам!

2

Ледяной змей неспешно и неслышно полз к Устричному морю. Умирать. Истоптанный, закопченный, иссеченный лунками, из которых солдаты брали воду, лагерный лед прошлой ночью ушел вниз, к устью. Зимняя шкура Хербсте вновь блистала юной белизной – если б не водная полоса у самого берега, она бы казалась вечной. Светила юная луна, переглядывались, мерцая, звезды, спал в темных холмах ветер. Еще не весна, уже не зима, еще не война, уже не мир...

Ариго нащупал в кармане монетку, бросил в черную воду. Раздался негромкий плеск, точно всплыла из холодных глубин любопытная рыбина. Жермон сощурился и кинул еще один суан. Генерал не был суеверен, хоть и отдал в свое время последние деньги Драконьему источнику. Надеялся ли опозоренный гвардеец купить удачу? Нет, скорее не желал оставлять при себе ничего доставшегося от отца.

– Счастье этой весной будет стоить очень дорого, – веско произнес Райнштайнер, сосредоточенно наблюдавший за действиями Жермона. – Самым большим счастьем станет встретить лето на этом же месте, не понеся значительных потерь.

Ариго с удивлением посмотрел на барона. Завороженный досматривающей сны Хербсте, он почти позабыл и о спутнике, и о человеке с того берега, возвращения которого они ждали. Говорить о весенней кампании не тянуло, и Жермон, пожав плечами, спустился с обрыва на короткую каменистую косу. В обе стороны, насколько хватало глаз, тянулось ровное мерцающее поле. Скоро оно покроется сетью трещин, но льдины еще долго будут держаться рядом, точно знающие свое место солдаты. Держаться рядом и умирать. Роскошное предзнаменование, знаете ли...

– То, что ограниченные люди называют суевериями, очень часто является остатками утраченных знаний, – назидательно добавил неотступный барон. – Это так же верно, как и то, что существуют совершенно нелепые приметы и поверья. Ограниченные и неспособные отвечать за себя люди связывают свое будущее с так называемым роком или, того хуже, с результатом собственных малозначимых и не относящихся к делу действий. Я знал одного глупца. Он собирался сделать предложение понравившейся ему девице, но связал в своем воображении сватовство с удачей на медвежьей охоте. Он холост до сих пор. Известный вам Ластерхавт-увер-Никш-младший впадает в необоснованную самоуверенность, убив на лету муху, в то время как муха упущенная, по его мнению, предвещает неудачу.

– Закатные твари, – пробормотал Жермон, представляя Дубового Хорста, сосредоточенно истребляющего мух, – а что он делает зимой? Ворон стреляет?

– Я ни разу не заставал его за подобным занятием, – равнодушно объяснил Райнштайнер, – но не думаю, что Ластерхавт-увер-Никш охотится на ворон. Подобное занятие скорее присуще страдающему от супружеского гнета торговцу или же ментору. Кстати, ты не прав, продвигая Ластерхавта по службе. Пребывание в плену не придает сообразительности. Нельзя покровительствовать дуракам – и тем более нельзя приносить дело в жертву ложному чувству вины.

– Оно не ложное, Ойген. – Возвращаться к бесконечному спору не хотелось, но согласиться и даже промолчать Жермон не мог. – Хорст оказался в плену по нашей милости.

– А сколько солдат благодаря ей же оказалось в Рассвете? – пожал плечами барон. – Ты очень хороший человек, Герман. Поэтому тебе нельзя позволять ничего не делать и много думать. Каждый из нас находится там, где от нас больше всего пользы. Ластерхавт-увер-Никш годится для того, чтобы посредством своей тупости обманывать противника. Твое дело – командовать авангардом во время наступления, арьергардом во время отхода и важнейшей позицией во время обороны. Мое – оказаться в нужное время там, где происходит нечто требующее жесткого решения, и это решение принять.

Если я и ты не удержим вверенные нам позиции, но сохраним в целости всех ластерхавт-увер-никшей, нас следует расстрелять или, если последствия не будут необратимыми, разжаловать. Ложное чувство вины уместно для тех, кто не отвечает даже за себя. Ты хочешь стать поэтом и написать балладу о плененном Хорсте?

– Я? – ужаснулся Жермон и вдруг понял, что Ойген шутит. Оказывается, бергер умел и это! – Когда я начну марать бумагу, миру придет конец.

– Лишить тебя бумаги и чернил – это очень простой способ избежать конца света, – улыбнулся Райнштайнер. – Увы, я опасаясь, что нам придется прибегнуть к более жестоким средствам. Мне не нравится то, что происходит, но кто-то должен был достигнуть зрелости к Излому. Почему не мы?

– Ты уже говорил об этом, – напомнил Жермон. Он не любил того, чего не понимал.

– Да, но ты не хочешь думать о чем-нибудь, кроме Бруно и своих южных дел. Ты и прав, и не прав. Если ты вышел в море и встретил врага, готовься к битве, но не забывай следить за горизонтом. Иначе шквал сметет и тебя, и твоих противников.

– Где ты видишь шквал? – Жермон ковырнул сапогом слежавшуюся траву. Снег сошел чуть ли не неделю назад, и земля успела немного подсохнуть. Пройдет большая вода, и начнется. – Все, что случилось в Талиге, могло случиться в любое время. При чем здесь Излом? Вспомни Двадцатилетнюю войну или ту же Алису. Тогда было не легче.

– Если говорить о положении государства, – уточнил бергер, – ты, разумеется, прав, но Излом – крайне неудачное время для войн. К несчастью, отродья варитов слишком глупы и самонадеянны, чтобы уважать заветы хотя бы своих предков. Они будут воевать. У нас нет выбора, Герман, и это мне нравится меньше всего. О, кажется, наше ожидание пришло к концу. Скоро мы узнаем последние новости от господина Бруно, и надолго последние. Вряд ли в ближайшие дни Хербсте перейдет кто-нибудь еще.

– Зато потом желающих будет хоть отбавляй. Угадать бы еще, где полезут... – пробурчал Жермон, досадуя, что пропустил появление разведчика, а тот был уже на середине

реки. Черная косая тень скользила по сверкающему полю, приближаясь к талигойскому берегу. Одетого в белое человека с шестом разглядеть было труднее.

– Хербсте длинна, но удобных для переправы мест не так уж и много, – напомнил не отрывавший взгляда от реки Ойген. – Мы их знаем не хуже дриков.

– Знаем... Леворукий, куда?!. – Говорить «под руку» – дурная примета, хотя тут выходит «под ногу». – Хорошо бы Бруно проследовал своим прежним маршрутом и пожаловал прямо сюда. Тут и река поуже, и к цели близко.

Ойген неопределенно качнул головой:

– Может быть, но упускать из вида другие возможности было бы непростительной беспечностью, каковой мы все-таки не страдаем. Если Бруно не выберет в качестве цели Южную Марагону, а пойдет в Придду, то, кроме Доннервальда, у него будут на выбор Печальный язык, Ойленфурт и еще дальше к западу – Зинкероне.

– Ойленфурт – удобное место, – припомнил Ариго, – берега удобные, течение спокойное. Можно быстро выйти к Мариенбургу, где сходятся несколько дорог, в том числе и на Акону.

– Несомненно, но ближе всего к Доннервальду – Печальный язык со своим мысом, перекрывающим треть реки. Да, форт напротив мыса мы укрепили, но для Бруно место все равно очень заманчивое. У Зинкероне берега тоже позволяют быстро наладить переправу, но тогда дриков слишком отдалятся от своей цели. Если считать таковой Доннервальд. И до Южной Марагоны оттуда также не близко.

Жермон не ответил, и разговор прервался – обсуждать весеннюю кампанию, когда кто-то, рискуя собой, бежит по тронувшемуся льду, не мог даже бергер. Ойген внимательно следил за разведчиком, время от времени удовлетворенно кивая. Один раз барон подался вперед, словно собираясь крикнуть, но тень резко метнулась в сторону и взмыла в длинном прыжке. Райнштайнер повернулся к собеседнику.

– Этот человек переправится благополучно, – объявил барон непререкаемым тоном. – Он знает, как ходить по льду, и чувствует реку. Его следует поощрить.

– Пусть только доберется, – проворчал Жермон, не отрывая взгляда от солдата, управлявшегося с шестом не хуже канатного плясуна. Генерал предпочитал рисковать сам, а не смотреть, как это делают другие, но сейчас мог только стискивать зубы.

– Лед крепкий и цельный, – успокоил бергер. – Выше по течению нет мостов до самых порогов. Главное – удачно перебраться через прибрежную щель.

Ариго промолчал. Человек метался уже у самой кромки льда. На первый взгляд его движения казались беспорядочными, но лишь на первый. Разведчик прекрасно знал, что делает. Разбег, упор, белая фигура припадает на одно колено и сразу же вскакивает. Знакомая фигура, очень знакомая.

– Вам так не терпится накормить младшего Савиньяка шляпой? – Жермон, не помня себя от ярости, шагнул вперед. – Мальчишка!

– Никоим образом, господин генерал. – Валентин Придд был мокрым, как недотопленная кошка, и спокойным, как четыре Ойгена. – Исполнение мною служебных обязанностей не имеет ни малейшего касательства к мнению теньента Сэ о чем бы то ни было.

3

На всякий случай лейтенант себя ушибнул. Стало больно. Еще раз оглядел комнату и понял, что видел во сне именно ее. Горела масляная лампа, кто-то звучно храпел, но стол был пуст, а окно – наглухо закрыто. Руппи сел, кровать знакомо и дружелюбно скрипнула, стал виден храпящий. Им в самом деле оказался капитан Роткопф. Выглядел кавалерист – краше в гроб кладут, – но на лице застыла редкая по блаженству улыбка. Руппи запустил пальцы в спутанные волосы, пытаясь разобраться, где бред и что случилось на самом деле.

Как он оказался в этой постели, лейтенант не помнил. Последнее, что отложилось в

памяти, – танцующий на гребне холма снежный смерч и сразу же – сон с крылатой тварью или, вернее, бред, потому что рана была. Туго и умело перевязанная и слегка побаливающая.

Капитан Роткопф как-то особенно смачно хрюкнул и словно бы погладил невидимую собаку. Будить его было неопишным свинством, но лежать и гадать, что с Олафом, Руппи не мог.

– Господин капитан! – Собственный голос показался хриплым и противным. – Господин капитан! Проснитесь.

В ответ к потолку вознесся самозабвенный храп. Просыпаться кавалерист не думал, а Руппи не намеревался засыпать. Юноша спустил босые ноги на застеленный тряпичными ковриками пол, собрался с духом и встал. Под ребра саданули раскаленным вертелом, дух перехватило, но падать и даже садиться Фельсенбург не собирался. Он решил разбудить Роткопфа, и он его разбудит. Боль в груди не отпускала, но от такого не умирают. Пол решил качнуться? Тоже мне! До палубы ему далеко, как бы он ни старался. Пять шагов кажутся пятью хорнами? Переживем!

– Капитан! – Руперт ухватил спящего за плечо. – Господин Роткопф!

Кавалерист мотнул головой. Нос его заострился, и весь он был каким-то синюшным. Отравился или отравили?!

У изголовья – какие-то склянки и кружки. Там просто обязана быть вода. Руппи метнулся назад, под ребро опять ударили, но слабее, или он привыкает? Вода нашлась. По крайней мере, судя по виду, в кружке была именно она. Руперт от души плеснул в лицо Роткопфу, прикидывая, что делать, если не поможет. Помогло. Офицер чихнул, дернул головой и разлепил обведенные темными кругами глаза.

– Господин Фельсенбург? – прохрипел он. – Вы... Вы встали?

– Да, – не стал вдаваться в подробности Руппи. – Что с Ледяным?.. С адмиралом цур зее?

– Вы были ранены, – такого невыспавшегося человека Руперт еще не встречал, – очень тяжело...

– Заживет. Уже заживает... Что с Кальдмеером?

– Он у себя. Мы его охраняем, его и вас... Прошу меня простить. Одну минуту.

Капитан встал и, качнувшись как пьяный, распахнул дверь. Что-то стукнуло, согласно и браво рывкнули солдаты.

– Прошу меня простить, – повторил Роткопф, – сам не знаю, как это вышло. Обычно я сплю очень чутко.

– Капитан, – догадался Руперт, – а сколько вы не спали, и вообще... какой сегодня день?

Глава 2

Ракана (б. Оллария)

Альте-Дерриг

400 год К.С. 2-й день Весенних Ветров

1

Обычно Марсель поднимался раньше удостоивших его своей благосклонности дам. Разумеется, если ночевал в их постели. Чувство прекрасного и обычная вежливость требовали предоставить утомленной красавице возможность не только отдохнуть, но и покинуть спальню в полном блеске, добиться коего в присутствии любовника затруднительно. Да, обычно Марсель вставал первым, но на сей раз его разбудили, причем самым безжалостным образом. Ворвавшийся в блаженную истому женский голос был громким и навязчивым, словно квохтанье, и Валме, с трудом вспомнивший, где он и с кем, едва удержался от бестактного упоминания о птичнике. Вместо этого урготский посол и

офицер по особым поручениям при Первом маршале Талига почти вежливо осведомился, не знакома ли Марианна с рэем Кальперадо.

– Кто это? – спросила совершенно одетая и причесанная баронесса. Еще бы, ведь она спала в своей постели, а не на узенькой кушетке.

– Это чудовище, – не стал вдаваться в подробности Марсель. – Нападает преимущественно по утрам. Так же, как и вы, сударыня.

– Сейчас день, – хмыкнула Марианна, все сильнее напоминая птичницу. – Если вы хотите, чтобы вас увидели выходящим из моей спальни, поспешите, иначе разбредутся даже философы...

– Философы? – безнадежно переспросил Марсель, припоминая барона-матерьялиста и других собранных баронессой непредвзятых свидетелей. – Я их позабыл... Кроме лысого, отрицающего духовность...

– Они тоже многое позабыли, – утешила Марианна. – Бедный Коко... Он так и не понял, почему я вчера велела подавать вина из нижнего погреба. Тридцатилетняя выдержка... Так, по крайней мере, уверял Коко. Он вне себя!

– Когда все кончится, я утоплю его в пятидесятилетней «Слезе», – посулил Марсель, переползая к зеркалу. Как он и думал, кавалер невыспавшийся от кавалера непроставшегося почти не отличался. – Щипцы! – потребовал дипломат, окончательно вырываясь из мира грёз. – Во имя Леворукого! Эти сосульки... Они выдают с головой...

– Щипцы нагреты, – обрадовала Марианна. – Повернитесь.

Марсель послушно подставил голову. На кресле завозилась Эвро, под креслом – Котик. Влюбленные тоже спали порознь, хоть и по другой причине.

– Что вы скажете герцогу Эпинэ? – Этот вопрос тревожил Валме с вечера. – Надеюсь, неправду?

– Ничего, – щелкнула то ли клювом, то ли щипцами красавица. – Куртизанки не оправдываются.

Ответ господина посла обеспокоил. Валме водил дружбу с Капуль-Гизайлями не первый год. Марианна и раньше предпочитала общество тех, кто ей нравился. Даже в ущерб любви барона к деликатесам, древностям и хорошеньким музыкантам, но усталый южанин определенно значил для баронессы больше, чем очередной воздыхатель. Нет, Марсель не ревновал, просто несвоевременные чувства осложняли дело.

– Что мы станем делать? – очень равнодушно спросила Марианна, колдуя над посольской головой. – Я имею в виду – после завтрака?

– Я побьюсь об заклад с кем-нибудь из гостей, – приоткрыл завесу тайны Марсель. – Это будет очень глупый заклад... На редкость глупый, но вы ему поспособствуете.

– Хорошо. Вы мне так и не рассказали, как провели ночь. Вам удалось?

– Хорош бы я был, если б мне не удалось, – зевнул Валме. – Разумеется, мне удалось... провести ночь с самой обворожительной и самой дорогой дамой Оллари.

– Скотина! – топнула ножкой красotka, в мгновение ока превращаясь в прекраснейшую из птичниц. – Я имею право знать...

– Осторожно, – перебил Валме, – у вас в руках раскаленные щипцы. Их приятней видеть в руках куафера, а не палача, которого вообще лучше не видеть... А если видеть, то не зная *ничего*.

2

Торжественно внесенный куриный бульон Руппи выпил, хотя ни есть, ни пить не хотелось. Лейтенант флота был сыт и весел, хоть и проболтался два дня между жизнью и смертью. Так утверждал добытый у соседнего барона врач. Он походил на перетрусившего лавочника, но приходилось верить. Целый отряд во главе с капитаном не мог ошибаться, да и рана говорила сама за себя. Получив пулю в бок, Руперт фок Фельсенбург должен был умереть если не на месте, то к утру, а он непостижимым образом выжил.

Чуть ли не поселившийся в трактире священник из местной церквушки твердил о милости Создателя, но Роткопф сказал, что спас раненого Олаф, заставивший лекаря проделать почерневшему лейтенанту дыру между третьим и четвертым ребром и вставить туда трубку. После этого Руперт задышал как человек, а не как вытасченная на берег рыба.

– Мне нужна моя одежда. – Руппи нарочито спокойно вернул пустую кружку. – И я ее получу. Слышишь, Генрих?

– Вам нельзя вставать еще неделю, – объявил человек, впервые посадивший пятилетнего Руппи на лошадь. – Так сказал врач.

– А до этого он говорил, что все в руке Создателя. – Руппи не был самоубийцей, просто он отлично себя чувствовал, а дела ждать не могли. – Я встану, и ты прекрасно это знаешь. Ты думаешь, бабушка одобрит, что наследник Фельсенбургов разгуливает по трактиру в ночной рубахе?

– Нет, госпоже Штарквинд это не понравится, – улыбнулся одними глазами Генрих. – Вам сейчас принесут мундир и...

– И мы поедем дальше, – весело закончил означенный наследник. Может, по науке ему и следовало болеть месяц, если не два, но Руппи не считал научные трактаты непреложной истиной. Как и Устав с этикетом. – Мы и так задержались.

– Разумеется, если вы здоровы, вы поступите так, как велит господин адмирал цур зее, – Генрих наморщил все еще молодой, гладкий лоб, – но сперва вы должны узнать об обстоятельствах покушения и прочесть письмо госпожи Штарквинд.

– Давай! – Сидеть в постели не хотелось, и Руппи устроился у стола. Сквозь занавески пробрался солнечный лучик, пробежался по скатерти и устроился на носу Генриха. Тот чихнул, и Руппи самым невежливым образом расхохотался.

– Письмо госпожи, – отчеканил несколько обескураженный ветеран и чихнул снова, напомнив о пушечном сигнале. Стало еще веселее, но Руппи удалось справиться с обидным смешком. Пробормотав что-то про хорошую погоду, лейтенант торопливо развернул письмо. Бабушка настоятельно советовала внуку отправиться к заболевшей матери в Фельсенбург, где и ждать указаний. Она также желала лично переговорить с адмиралом цур зее до того, как тот явится ко двору. Прямо герцогиня не говорила ничего, но Руппи почувствовал холод не только потому, что разгуливал босиком.

– Мы спешили, – внес свою лепту прочихавшийся Генрих, – но ублюдки нас опередили. Я буду вынужден доложить, что вас и адмирала цур зее спасла счастливая случайность и предусмотрительность капитана Роткопфа.

– Меня спас адмирал цур зее, – непререкаемым тоном уточнил Руперт, стараясь не думать о замершей на гребне холма смерти. – Прежде чем снова уснуть, капитан рассказал, что убийц было около десятка. Половине удалось сбежать, половина погибла на месте. В них опознали «обозников», замеченных на этом же постоялом дворе. Мерзавцы покинули гостиницу сразу после отъезда дозорных. Якобы на какую-то ярмарку.

– Я осмотрел место нападения и трупы вместе с капитаном. – Об убийцах Генрих говорил охотно, не то что о Ледяном. – Можно не сомневаться, что стреляли по двум целям: по карете и по вам. Те, кто бил по карете, удрали сразу же, как разрядили мушкеты. Остальные задержались и попробовали довести дело до конца. Вас спас смерч и драгуны Роткопфа. Они бросились на холм, рискуя и конями, и собой...

Генрих вновь сморщил лоб, подбирая слова. Он был старше оставшегося в Талиге бергера и не был бароном, но тоже ничего не забывал, никому не верил и все проверял лично. Кроме того, он любил маму, потому бабушка и отправила его в Фельсенбург.

– Убийцы бросились бежать к лошадям, – рассказ служаки в точности повторял рассказ Роткопфа, – но не успели. Двоих застрелили драгуны, остальных хотели брать живьем, но помешал смерч. Он обрушился на беглецов, а когда стихло, остались только трупы. Все четверо задохнулись. Я такого, признаться, еще не видел. Тела окоченели, рты забиты ледяной крошкой, лица посечены в кровь...

«Пусть приходят, я с ними станцую. С ними можно танцевать. Сейчас можно...

Один танец, только один...» Один танец – танец смерти и снега, он не почудился. Значит, было и все остальное – красное солнце на черном стебле, голубые глаза, вскинутые к небу руки. Она вернется, ведь она обещала...

– Сбежавших не нашли? – Солнечный луч на щеке... Как все-таки хороша жизнь, особенно весной!

– Ищут, – Генриху было не до зайчиков, – да без толку! Разве что пару брошенных повозок нашли в каком-то овраге. Никакого товара в них, понятное дело, не было. Господин лейтенант, они знают, что вы ранены и ранены тяжело. Это очень хорошо. Врач отправится с нами до Фельсенбурга. За трактирщиком мы приглядим. Нужно, чтоб о вашем выздоровлении узнали как можно позже. Адмирал цур зее с этим полностью согласен.

– Да? – как можно спокойнее переспросил Руппи. – В таком случае он, без сомнения, это подтвердит.

– Разумеется. – Генрих положил на стол еще одну бумагу, на которую немедленно прыгнул солнечный зайчик.

– *Руппи*, – раньше Руперт видел этот косой твердый почерк лишь на приказах и рапортах, – *тебе следует отправиться в Фельсенбург и не покидать его, пока не прояснится ситуация в Эйрехте. Соберись с мыслями, запиши то, чему ты был свидетелем у Хексберг, заверь свои показания и переправь госпоже Штарквинд. Будь осторожен – ты не в море и даже не в Старой Придде. Жди известий, не покидай Фельсенбурга и не верь переданным на словах известиям и приказам, особенно моим. Сожалею, что был вынужден уехать, не дожидаясь твоего пробуждения, но мы и так потеряли много времени. Надеюсь на твое благоразумие и понимание...*

– Когда мы выезжаем? – Обида была несправедливой и детской, поэтому Руперт ее проглотил.

– Через два или три дня. – Ожидавший бури Генрих перевел дух. – Рана...

– Я помню, – огрызнулся Руперт. – Мундир можешь убрать, я буду умирать столько, сколько потребуется. Могу даже исповедаться.

3

Нельзя сказать, что Валме был бесконечно далек от кардиналов. Видел он их – и покойного Сильвестра, и урготского Луку, и Левия, что милосердным воробьем скакал по запакощенной до полной Раканы Оллари, но одно дело – со скуки раскладывать пасьянс, и совсем другое – засесть за вьехаррон с высокими ставками.

– Его высокопреосвященство уделит вам четверть часа, – объявил тоненький ангелоподобный монах с четками. Тот самый, спасенный благими силами вместо слишком святого Оноре. – Его высокопреосвященство на балконе кормит птиц.

– Это богоугодно, – восхитился Марсель, удержавшись от вопроса, уж не знаменитого ли нохского ворона подкармливает столп церкви. Белокурый смиренный опустил очи долу и, перебирая плохонькие жемчужные четки, скользнул вперед по коридору. Бесшумно, как Валтазар или адуан, – Марсель так не умел. Урготский посол зацокал каблуками, стараясь не отстать от монаха и при этом разглядеть внутренности святой обители. Виконт не шибко разбирался в фортификации, но, на первый взгляд, удерживать эти переходы и галереи было удобно. Всяко удобней, чем дворец с его огромными окнами и залами, в которых хоть маневры устраивай.

Балкон, подходящий для кормления птичек и разговоров с послами, в этом здании имелся всего один, и Валме попытался представить дорогу. Заблаговременное изучение диспозиции пригодились – виконт не ошибся, что наполнило душу неуместной для дипломата гордостью. Монах распахнул неплотно прикрытую дверь и шагнул в хмурый слякотный день, годящийся разве что для кормления пиявок. Тем не менее в дальнем конце балкона что-то прыгало, копошилось и, кажется, даже пицало.

– Итак, сын мой, – обратился его высокопреосвященство к мокрому воробью, – ты

просил о встрече? Это для меня неожиданность.

– Это и для меня неожиданность, – не стал скрытничать Марсель, до встречи с Алвой полагавший расплатиться с Валтазаром иным способом.

– Я слушаю. – Кардинал тронул эмалевого голубя и едва не наступил на живого и наглого. – Говори, сын мой.

– Моя просьба покажется вам странной, – предупредил Марсель, – и, вероятно, кощунственной... Вчера поздно вечером я... м-м-м... посетил храм Домашнего Очага и имел сомнительное удовольствие созерцать местное привидение. Я хочу подарить его одному собирателю редкостей, а заодно – выиграть пари.

– Святая эсператистская церковь пасет и охраняет заблудшие души, однако призраки, привидения и прочие сущности, отринутые как Создателем, так и Врагом, находятся вне ее компетенции. – Для человека, только что узнавшего об исчезновении решающего довода в переговорах хоть с Альдо, хоть с Савиньяками, кардинал держался изумительно. – Обитающий в храме Домашнего Очага Валтазар не является собственностью Церкви и, следовательно, не может быть продан или же передан в дар.

– Я понимаю, – кивнул свежезавитыми локонами Валме. – Это весьма тонкая материя, как, без сомнения, сказал бы мой предшественник. Весьма.

– Не имеешь ли ты известий от маркиза Габайру? – Кардинал был само участие. – Его здоровье и возраст вызывают у меня серьезные опасения.

– Маркиз хорошо перенес дорогу. Разумеется, когда я говорю «хорошо», я учитываю его возраст и многочисленные болезни. К сожалению, Габайру в последнее время стал рассеян. Собственно говоря, второе дело, которое привело меня к вам, связано с этим прискорбным обстоятельством. Мой предшественник позабыл прислать вам обещанную книгу и попросил сделать это меня.

– В самом деле? – Голубые глаза смотрели по-детски открыто. В отличие от Альдо Ракана, кардинал был умен.

– Вот она. – Посол протянул тщательно завернутый в кожу том. – Я отыскал ее с большим трудом. Граф Габайру не упомянул, что книга была отложена, и я искал ее в библиотеке. В посольстве удручающе большая библиотека, а книга все это время лежала в Малой столовой.

– Могу себе представить. – Кардинал неторопливо развернул подношение. Показался тисненый золотом переплет. «Составленное со слов очевидцев повествование о разрушении Святого города Агариса нечестивым и жестоким...»

– Мне очень неудобно, – извиняющимся тоном произнес Марсель. – Как я уже говорил, книга лежала в Малой столовой, где я принимаю гостей. Увы, один из них позволил себе совершенно отвратительную выходку, приличествующую разве что пресловутому Сузе-Музе. Испытывая ненависть к эсператистской церкви, неизвестный... кощунник исправил 44 год Круга Молний на 400 год Круга Скал, нар-шада Мтсараха на Тергэллаха, а Эсперадора Ксаверия на его святейшество Юнния. Моим первым поползновением было сжечь испорченную книгу!

– Не стоит преувеличивать значимость глупых шуток. – Кардинал бросил орущим воробьям очередной кусок. На взгляд Валме, слишком большой. – Несколько помарок не имеют никакого значения. Как ты думаешь, кто мог совершить подобное?

– Я, как посол, не хотел бы обсуждать моих гостей...

– Разумеется. – Теперь пальцы кардинала крошили хлеб слишком мелко. – Я с интересом прочитаю этот труд. Нет ли у тебя, дитя мое, желания исповедаться или выпить шадди?

– Благодарю, ваше высокопреосвященство. Шадди дурно влияет на здоровье. Насколько я могу судить, именно он стал причиной смерти кардинала Сильвестра. Простите, я хотел сказать, Квентина Дорака.

– Тебе еще рано думать о смерти, тем более о смерти от шадди.

– Тогда мне рано думать и об исповеди. Ваше высокопреосвященство, осмелюсь

напомнить о Валтазаре. Он не принадлежит церкви, но, если так можно выразиться, принадлежит церковному имуществу. Я заключил пари, что призрак последует за ставшими причиной его смерти вазами. Разумеется, я представляю себе их примерную стоимость и готов ее возместить. Или же предложить в обмен на вазы оказавшиеся у меня полотна весьма благочестивого содержания.

Поймите, ваше высокопреосвященство, для грешника вроде меня выиграть пари то же... что для вашего секретаря дивным образом спастись из нечестивых рук. Увы, низменные страсти часто вынуждают нас к действиям, а о нашем пари говорит вся Ракана. Конечно, я мог бы использовать как предлог для встречи с вами просьбу Габайру, но я не желаю лгать, хоть и не намерен исповедоваться. В данный момент.

– Ваше пари меня никоим образом не беспокоит, – кардинал стряхнул с рук прилипшие крошки, – но призрак Валтазара наносит ущерб репутации Церкви. Предложенный вами способ его убрать весьма остроумен, как сказал бы маркиз Габайру. Я согласен отдать вазы в обмен на упомянутые полотна.

– Если можно, пошлите их в дом Капуль-Гизайлей, – потупился Марсель. Кардинал был умным человеком. Он не мог не связать неожиданный визит преемника Габайру, нелепое пари и книгу. Книгу, на которую Левий, не удержавшись, бросил тревожный взгляд. Всего один, но этого хватило, чтобы Валме понял – его высокопреосвященство отнесся к пометкам со всей серьезностью.

Дым Агариса скрыл бронзовые чудища, превратив их из причины в повод для встречи. Валтазар получит свое не позднее чем завтра, и это прекрасно. Валмоны еще никогда не сбегали, не уплатив по счетам, – особенно предполагая вернуться.

Глава 3

Хербсте, Доннервальд

400 год К.С. 3-й день Весенних Ветров

1

Райнштайнер отправлялся к фок Варзов и на прощание давал советы. Очень подробные, но убить барона, как ни странно, не хотелось. Ариго предпочел бы, чтоб бергер остался хотя бы в штабе, но ледоход и неизбежный паводок означали передышку, а собранные на дриксенском берегу сведения требовалось донести до маршала Запада, пусть ничего особенного узнать и не удалось. Да и можно ли ждать неожиданностей от человека, с которым воюешь полжизни? Бруно и так имел значительное преимущество; правда, на стороне Талига были река и море.

Уезжая, Вальдес обещал развернуть «гусей» клювом к себе, но пока что подкрепления двигались к Хербсте, а не к побережью. Впрочем, Альмейда лишь готовился к кампании, а Кальдмеер с Фельсенбургом в лучшем случае въезжали в столицу. У адмирала цур зее для оправданий и обвинений оставалось не столь уж много времени – альмиранте грозился поднять паруса во второй трети Весенних Ветров. Едва до Эйнрехта дойдет весть о подвигах Альмейды, кесарь придет в ярость.

– Надеюсь, у Кальдмеера хватит ума молчать о Вальдесе, – выдал желаемое за действительное Жермон.

– Вице-адмирал Вальдес имел право не вспоминать о не причиненном Талигу зле после очевидного успеха нашего флота. – Ойген понял слова Жермона по-своему. – Это в порядке человеческой природы. Непричиненное зло не существует, поэтому не причинивших его жалеть допустимо, особенно если они не слишком отвратительны и находятся в достойном сожаления положении.

Победивший Вальдес и Вальдес из сожженной Хексберг отличались бы очень сильно. Примерно так отличаются милостивые к побежденным марагонцы Франциска Оллара от

своих потомков, переживших разрушение варитами дамб и исчезновение в гусином желудке их герцогства. Тем не менее забота Вальдеса о не сумевших разрушить Хексберг окончится с началом военной кампании. У меня нет сомнений, что прибрежные «гуся» останутся без перьев, но у меня есть сомнения на предмет нашего успеха на суше. Герман, я очень не хочу отлучаться, но я должен увидеть маршала Запада и регента, а также отдать некоторые распоряжения и оставить на сохранение ряд документов.

Я очень рассчитываю по возвращении найти тебя на этом же месте, но мало надеюсь, что Кальдмеер и молодой Фельсенбург объяснят кесарю, что сторонники войны сильнее вредят Дриксен, чем Талигу. Более вероятно, что побывавший в плену адмирал не досчитается головы.

Жермон промолчал, глядя, как Ойген проглядывает какие-то документы. В глубине души генерал сочувствовал молчаливому Кальдмееру и его запальчивому адъютанту, хоть и понимал, что они были, есть и будут врагами. Только лучше такие враги, чем Колиньяры и Рокслеи, и лучше война, чем политика. Уж в этом-то графа Ариго не переубедил бы никто.

Шелестели бумаги, подслеповатые стекла медленно наливались рассветной синевой. Еще немного, и можно забыть об ужине во имя завтрака, а о сне можно забыть прямо сейчас.

– Насколько я понял, полком Валентина Придда командует новый граф Гирке? – уточнил Райнштайнер, откладывая очередной пакет. – А сам молодой полковник находится при тебе?

– У Валентина нет военного опыта, и он это понимает.

– Ты полагаешь, что остальные качества у него в избытке?

– Именно, – подтвердил Ариго. – Особенно хорошо ему удастся то, на что нет прямого запрета. Ты едешь прямо сейчас?

– Если ты отказываешься накормить меня завтраком.

– Значит, это будет все-таки завтрак, а не ужин. – Жермон потянулся и подкрутил усы. – Сейчас распоряжусь.

– Перед отъездом мне нужно переговорить с полковником Приддом, – добавил бергер, складывая отобранные записи в плоскую кожаную сумку. – Разумеется, если ты не убил его за ненарушение несуществующего приказа.

– Теперь он существует, – огрызнулся Ариго. – Со вчерашнего дня полковникам запрещено проверять разъезды без должного сопровождения.

– Ты неправильно оцениваешь диспозицию. – Бергер аккуратно застегнул сумку, положил ее на один из стульев и перешел к обеденному столу. – Нет смысла охранять конюшню уведенной лошади. На твоём месте я бы запретил высшим офицерам лично исполнять то, что может сделать нижестоящий. На какое-то время это поможет, но, чтобы составлять приказы для полковника Придда, следует выписать законника. Ты хотел распорядиться насчет завтрака...

2

Ночь ушла окончательно вместе с тишиной и тайной. Пока еще ничем не примечательный городишко, обещавший стать одним из главных призов будущей кампании, проснулся и закопошился. Он не помнил войны, а та подползла совсем близко. Затаилась по ту сторону пока непреодолимой Хербсте и ждала, но жители не уходили, хоть и были предупреждены. Им даже нравилось, что к ним пожаловали гости. Особенно радовались мальчишки и девицы, дорвавшиеся до почти столичных кавалеров.

Мир вообще отучает не от страха – от осторожности. Восстания не в счет, тем паче Борн ударил ближе к тогдашней границе, но не преуспел и там. Единственное, что ему удалось, это оставить армию без Арно. Будь Савиньяк жив, он бы подставил плечо Рудольфу. Старик был бы спокоен за преемника, а теперь ищет и не находит, потому что в Западной армии преемника нет.

Было время, когда Жермон мечтал о славе Алонсо или Рене, теперь он понял, что слава

– дым, а огонь – дела, которые сперва надо совершить. Генерал Ариго свои пределы видел, знал их и Рудольф, но регенту был нужен кто-то способный, случись что, удержать вожжи.

– Ойген, герцог спрашивал меня, смогу ли я сменить фок Варзов.

– Да, – подтвердил Райнштайнер, – это его весьма занимает.

– Он и с тобой об этом говорил? – безнадежно уточнил Ариго. – Когда?

– Два раза до беседы с тобой и один раз после нее. Если ты хотел избежать назначения, тебе следовало пообещать взять к Летнему Излому Эйрехт и донести на фок Варзов. Ты этого не сделал, теперь тебе придется идти рядом с Вольфгангом. Пока только рядом.

– Разрубленный Змей! – Ариго шагнул к окну и, разумеется, задел украшавшую один из стульев пирамиду из карт, посуды и амуниции. – Был бы Арно жив... И почему только я не убил Борна!

– Убивать разумно, когда это предотвращает неприятности, – указал Райнштайнер, наклоняясь над образовавшейся кучей. – С твоего разрешения карты я буду складывать на сундук. После того как Борн поднял мятеж и убил генерала Савиньяка, его следовало передать в руки правосудия, что и произошло. Заметь, если бы Борн выстрелил в Колиньяра, он бы у многих вызвал сочувствие, несмотря на преследуемые им цели, но это глубоко порочный подход.

– Колиньяр не полез бы под пули, – поморщился Ариго, принимая от Ойгена бритвенный прибор. Зеркало не разбилось. Добрая примета?

– Загнанные в угол преступники, как правило, опасны. – Бергер протер многострадальный стул и уселся. – Это одна из причин, по которым в переговоры с ними вступать не следует. Когда подойдет герцог Придд? Прежде чем уехать, я хочу снять с вас показания.

– Какие еще показания? – не понял Ариго. – Начинается война!

– Вот именно. Я надеюсь, что мы все, включая герцога Придда, увидим конец Излома, но меры предосторожности принять следует. Будет несправедливо, если в связи с гибелью свидетелей показания Колиньяра и Манрика останутся непровергнутыми.

– Допустим, – неохотно признал Жермон, с юности не терпевший крючкотворства, – но я-то что могу сказать?

– О последних преступлениях и ошибках Манрика и Колиньяра известно почти все, – если Ойгена спрашивали, он всегда отвечал, – но я пришел к выводу, что они заключили союз гораздо раньше. То, чему я был свидетелем в Эпинэ, это доказывает. Замыслив свое возвышение, они опасались выступить против Алвы, Ноймаринена, Валмонов, Рафиано, Савиньяков, Дораков. Им требовалось сравняться с первейшими за счет уничтожения, вытеснения или же ослабления вторых и третьих. Я имею в виду Эпинэ, Приддов, Борнов и Ариго.

– Ариго? – не понял Жермон. – Мы-то здесь при чем?

– Именно это я и хочу выяснить. Герман, когда я вижу труднообъяснимые вещи, на протяжении длительного времени происходящие в нескольких местах, я не могу не предположить, что они связаны. Первое в череде того, что я не могу объяснить, – это твое изгнание. Из того, о чем ты не мог не слышать даже в Торке, назову мятеж Борна, смерть Магдалы Эпинэ, мятеж Окделла и Эпинэ при немятеже, если можно так выразиться, Приддов и Рокслеев, поведение твоих братьев, репутацию твоей сестры, как показали последние события, не соответствующую истине, и смерть Юстиниана Придда.

– Постой! – Жермон изо всех сил пытался найти связь между ызаргом в Варасте и пивом в Торке. – Борны, Эпинэ и Окделлы решили вернуть время Алисы, Придды вечно выжидали, с Джастином какая-то темная история, но смерть наследника мало что меняла, а со мной... Это было двадцать с лишним лет назад. Что тут может быть общего?

– Я не могу ответить сейчас на твой вопрос. Поэтому просто послушай наш разговор. Если тебе захочется что-то уточнить или спросить, не стесняйся. Если тебе что-то покажется знакомым, обязательно скажи, какой бы мелочью это ни являлось. То, что ты считаешь давним прошлым, может быть ключом к неприятному настоящему.

Разумеется, Придд давно переоделся в мундир. Он успел даже вымыть и высушить волосы, но прогулка по льду свой след все же оставила. Глаза и нос у господина герцога предательски покраснели, чему Жермон искренне порадовался. Хороший насморк напомнит о совершенных глупостях даже лучше Ойгена.

– Вам следует сделать горчичную ванну для ног, – со знанием дела посоветовал бергер. Придд щелкнул каблуками, словно получив приказ. В свое время Жермон переносил простуды хуже, чем дуэли. Потом кончились и те, и другие.

– Садитесь, – велел Ариго, и простуженный умело устроился в тени. – Командор хочет вас спросить о...

– Об обстоятельствах гибели вашего старшего брата и возникновения порочащих его память слухов, – объявил Райнштайнер. Удивился Валентин или нет, Ариго не понял, но носом он шмыгнул, как живой человек. Шмыгнул, но промолчал.

– Командор Райнштайнер считает, что смерть Джастина не случайна, – ляпнул Жермон, будто о том, что «спруты» прикончили своего же наследника, не болтали от Бергмарк до Хексберг.

– Я тоже так считаю, – невозмутимо подтвердил Придд.

– Вы согласны ответить на мои вопросы?

– Если получу приказ регента или сочту, что это действительно важно.

Жермон прошел к столу и налил себе вина. Следить на трезвую голову за беседой двух айсбергов было выше его сил.

– Мне нужен откровенный ответ, поэтому я надеюсь на ваше понимание и здравый смысл. – Валентин мог быть братом Ойгена, но у барона не было братьев. – Я пришел к выводу, что Колиньяры и Манрики намеревались, самое малое, сравняться по влиятельности с Алва, Ноймариненами, Валмонами и Рафиано. Для этого они собирались уничтожить, ослабить или подчинить ряд фамилий. Первой жертвой я считаю вашего генерала, одной из последних – вашего брата.

Это зрелище Жермон запомнил надолго. Валентин Придд медленно поднялся. Когда герцог отгонял выходца, он наверняка выглядел лучше.

– Вы ошибаетесь, – губы Придда побелели, но говорил он твердо, – убийство графа Васспарда – дело нашей семьи.

– Вы в этом уверены?

– Да.

– Вы были свидетелем убийства? Вы знаете убийцу и причину убийства?

– Я не видел, как это произошло.

Прямой, твердый взгляд. Лжи не будет, как и еще более чудовищной правды. Есть вещи, которые словами не назовешь. Сам Жермон, по крайней мере, не взялся бы обвинять своего отца. Даже по горячим следам.

– Выпей. – Ариго протянул статуе в мундире кружку. – Можешь считать это приказом. Ойген, ты не угадал. К сожалению...

– Я не имею обыкновения угадывать, – уточнил бергер, – и я не услышал ничего доказывающего непричастность к смерти графа Васспарда посторонних. Полковник Придд, я настаиваю на том, чтобы вы ответили на мои вопросы. Ваше мнение о подоплеке преступления мы обсудим позже. Вы будете отвечать?

– Да. – Вино он все-таки проглотил. Залпом. Это поможет. Не от памяти, так от простуды.

– Граф Васспард получил полуторамесячный отпуск по ходатайству главы семьи, –

казенным голосом напомнил бергер, – и отбыл из армии в обществе своего дяди, предыдущего графа Гирке. Через двадцать один день пришло сообщение о его гибели на охоте. Последнее обстоятельство вызывает у меня серьезные сомнения, так как не стыкуется с причиной, по которой Юстиниану Придду был предоставлен отпуск. Глава фамилии ссылаясь на события, требующие присутствия наследника, но охота к таковым не относится.

– Для охоты в тот вечер было слишком сыро. – Валентин снова сидел. Очень прямо, слегка откинув голову. На Ойгена он не смотрел, он вообще никуда не смотрел. – Все слуги, лошади и собаки оставались в Васспарде. Брат ушел пешком и без оружия. Если, конечно, уходил.

– Вы думаете, он был убит в замке?

– Или в саду. Его сапоги были в грязи, а ночью шел дождь.

– Кто был в тот вечер в замке, кроме слуг?

– Я и граф Гирке.

– А ваш отец и другие дядья?

– Дядья собирались быть на следующий день. Герцог Придд задержался в дороге и прибыл к утру.

– Но должен был приехать раньше?

– Его ждали к обеду.

Валентин подбирал слова очень тщательно. Казалось, он кого-то выгораживает или что-то скрывает. Жермон на его месте тоже бы скрывал. Если б знал, что виновен отец, мать, братья... Катари была слишком мала.

– Ваш брат не говорил, почему уехал в Торку?

– Полагаю, у него были веские причины. Какие именно, он не сказал.

– Вам известно, что в Торке с ним произошел случай, который расценили как попытку самоубийства?

– Юстиниан на самом деле хотел покончить с собой. Герцог Алва его остановил.

– Вам это рассказал брат?

– Да. Он показывал мне старинный кинжал. Когда-то он принадлежал Борраска. Юстиниан хотел подарить его герцогу, он считал, что Алва спас ему жизнь.

– Почему Юстиниана вызвали в Васспард?

– Я не знаю. Мать этого не хотела. – Показалось, или на слове «мать» голос стал более хриплым? Мать герцога Придда умерла в Багерлее, мать графа Ариго – в собственном замке. Сын об этом узнал через год.

– Решение объявить о смерти на охоте принял герцог Придд? Я имею в виду Вальтера Придда.

– Да.

– Другие члены семьи не возражали?

– Мать хотела, чтобы сказали правду. – Жермон не ошибся, слово «мать» давалось полковнику с трудом. – Сначала я согласился с матерью.

– Почему вы передумали?

– Так хотел Юстиниан.

– Он оставил предсмертное письмо?

– Он должен был вернуться за убийцей и вернулся, но он его любил. Юстиниан попросил меня помочь. Я помог.

– Ваш брат не пытался увести вас за собой?

– Он хотел, чтобы я жил, и я был не причастен к его смерти. Тем, что мне удалось помочь баронессе Сакаци, я обязан Юстиниану. Он сказал, что нужно сделать, чтобы выходец не смог увести своего убийцу. Я это сделал.

– Вы все еще не хотите назвать имя убийцы?

– Я его не знаю, но Юстиниан предпочел мести вторую смерть.

– Вы можете не знать, но вы должны догадываться.

– Я думаю, что стрелял граф Гирке. По приказу... герцога Придда.

Глава 4
Ракана (б. Оллария)
400 год К.С. 3-й день Весенних Ветров

1

При виде Эпинэ Тристрам-младший на полуслове оборвал Вускерда и чуть ли не раскрыл объятия Первому маршалу Великой Талигойи. Объяснение подобной радости было одно – случилось нечто до такой степени пакостное, что командующий гвардией не мог отказать себе в удовольствии доложить ненавистному Иноходцу лично. Робер изготвился слушать об убитых южанах, передравшихся барсинцах и разграбленных обозах, но эр Мартин заговорил сперва о музыке, потом – о Капуль-Гизайлях. В чем дело, Эпинэ сообразил, когда собеседник второй раз упомянул, что граф Ченизу остался в гостеприимном доме на ночь. Робер предпочел не понять, хотя новость прошла по душе когтистой кошачьей лапой. Злиться и ревновать было не просто глупо – непорядочно. Несколько посланных Марианне побрякушек стоили куда меньше не прекращавшихся у Капуль-Гизайлей приемов, даже с учетом игры. У Валме, как его ни называй, деньги водились, у Эпинэ... Того, что отвалил Повелителю Молний Альдо, с трудом хватало на фураж и жалование пока еще честным солдатам. Южане, те давно уже не получали ничего, кроме еды и пороха...

– Вам лучше поговорить о музыке с графом Ченизу, – как можно небрежней ответил Робер, не желая думать о знакомой двери, вновь открывшейся перед пузатым балагуром. – Он лично знаком с маэстро Гроссфихтенбаумом, а я в ариях и фугах полный профан.

– Не скажите. Послушать флейту и птиц всегда приятно. К сожалению, вчерашний концерт испортили собаки. Они были невозможны, а их хозяева, – Тристрам сделал многозначительную паузу, – слишком заняты, чтоб успокоить своих любимцев.

– Зато вы, судя по всему, были свободны, – сорвался Робер, – что для командующего гвардией несколько странно. Подготовьте отчет. Завтра я посмотрю, на что израсходованы выделенные вам средства. Кроме того, я хочу видеть, как ваши орлы заходят на барьер. Служить в гвардии не значит без толку топтаться во дворце.

Лицо доносчика стало скучным и красным, как вареная морковь. Робер понял, что когда-нибудь врежет и по этой роже.

– Я принял гвардию не в лучшем виде, – начал Тристрам. – Прежний командующий...

– У вас была целая зима, – с удовольствием напомнил Эпинэ. – Граф Рокслей пробыл на посту вдвое меньше, чем вы, а средства на гвардию выделили в середине Зимних Скал. Джеймс Рокслей к этому времени был мертв. Идите и готовьте бумаги.

Тристрам ушел, вернее сказать, убежал, горечь осталась, хотя все было правильно. И то, что сделала Марианна, и то, что командующий должен школить подчиненных, а не шляться по куртизанкам. Отчет тоже следовало требовать, только получилось как-то мелко. Эпинэ по привычке погладил давно не напоминавшее о себе запястье и опять-таки по привычке отправился проверять караулы, бездумно раскланиваясь с придворными, половину которых не знал.

Тех, кто под водительством Генри Рокслея захватил Фердинанда и поднес корону Альдо, в столице почти не осталось. Место разбежавшихся заняли вынырнувшие откуда-то обтрепки и проходимцы. Агарисские сидельцы рядом с ними казались чуть ли не воплощением благородства.

Исчезновение осенних героев Иноходца не удивляло – вести с юга тревожили даже Альдо. Кэналлийцы стремительно превращались из удобного пугала в жаждущую поквитаться с Раканом армию. Затевать драку на улицах Олларии было безумием, но сюзерен собирался сделать именно это...

– Монсеньор! Какое чудесное утро...
– Герцог! Как давно я вас не видел...
– Дорогой Эпинэ, вы уже слышали...
– Ах, сударь, неужели это вы? – Визгливый женский голос ворвался в ничего не значащее дворцовое гуденье. – Это судьба...
– Простите, сударыня, я спешу. Очень!

Робер не слишком вежливо отделался от раз за разом подстерегавшей его девицы в прыщах и перьях, избежал объятий двоих товарищей по Агарису и едва не угодил в лапы Людовине Кракл. Выручил Никола. Маленький генерал, по-бычьему наклонив круглую голову, прорезал парчово-бархатный строй. Остановить Карвалья не пытались, и Эпинэ в который раз подумал, что коротышке следовало родиться Повелителем, а герцогу – ординаром или, того лучше, торговцем лошадьми.

– Хорошо, что вы здесь. – Иноходец подхватил крепыша под руку. Это вышло естественно – сбежать от Краклихи стремились все. – Мне надо обсудить с вами... Надо обсудить поведение... барсинцев.

– Виновные наказаны, – ничуть не удивился Карваль. – Вас интересуют подробности?
– Да.

Они отошли к окну, за которым пьяно выплясывал мокрый снег. Если так пойдет и дальше, дороги не просохнут до Весенних Молний. Дороги не просохнут – армии не пройдут, а сдерживать горожан и солдатню становится все труднее.

Карваль докладывал, Робер почти слушал. Их никто не беспокоил – искать общества Никола во дворце могли разве что Мевен и Дэвид, но для Рокслея было слишком рано, а в гимнетной сегодня распоряжался Лаптон.

– ...заплатить за фураж, – громко заключил Карваль и набрал в грудь воздуха для новой тирады: – *Монсеньор, я хотел бы иметь уверенность, что мои действия будут высочайшие одобрены.*

Это было сигналом тревоги. Условные слова придумал мэтр Инголс, но прозвучали они впервые. Карваль требовал разговора наедине. Немедленно. Эпинэ поморщился и погладил запястье.

– Его величество еще не выходил. Давайте посмотрим вместе, я не могу вас поддержать, не убедившись лично. – Этот ответ тоже был заготовлен. Врасплох их все-таки не застали.

2

Никола свел брови и набычился – готовился к важному разговору. Робер не торопил. Погода была отвратной, но Эпинэ все равно был рад негаданной прогулке. В отличие от Дракко, понуро шагавшего рядом с кобылой Карвалья. Полумориск ненавидел слякоть и холод, но о некоторых вещах под крышей лучше не говорить.

– Я сегодня посетил Ноху, – внезапно сообщил маленький генерал. – В обычном порядке. К счастью, гимнет-капитаны от этой обязанности освобождены.

Карваль был серьезней надгробья, и Робер невольно усмехнулся, вспомнив, как мялся и краснел Лаптон, пытаясь доложить его величеству о ревизии Нохи. Свидетели в лице двоих гимнетов и двоих церковников не позволяли врать, а передать разговор дословно, как было велено, гимнет-капитан не решался. Выручил полковник церковной гвардии, по приказу Альдо четко, бесстрастно и точно отрапортовывавший о проверке. На завтра вездесущий Суза-Муза переложил дерзости кэналлийца в очередные рондели. Еще через день сюзерен отменил каждодневные визиты к Алве, а гимнет-капитанов от поездок в Ноху отстранил вообще. Проверки свелись к подглядываниям из ближайшего окна за двором флигеля, где гость Левия от скуки фехтовал с охранниками. Робер подозревал, что Карваль использует эти ревизии как уроки. Иноходец и сам бы не отказался глянуть на Ворона в деле и перенять парочку финтов, но визиты в Ноху были Первому маршалу запрещены. Строжайше и

высочайше.

– Я имел продолжительные разговоры с ее величеством и его высокопреосвященством, – родил вторую фразу Никола. – Ее величество просила его высокопреосвященство разрешить ей встречу со мной. Она очень беспокоится.

– Ты говорил с Катари? – переспросил Робер, отворачиваясь от лезущего в глаза снега. – Как же давно я ее не видел, но я не могу...

– Ракан! – отрубил маленький генерал с ненавистью, затмевавшей все предыдущие его ненависти, включая Маранов. – Вы не можете нарушить запрет. Монсеньор, вам плохо?

– Все в порядке, – ничуть не покривил душой почти выпавшийся Эпинэ. – Сестра... ее величество слишком мало думает о себе и слишком много о других. Надеюсь, вы развеяли ее тревогу.

– Нет, монсеньор, это не простое беспокойство. Ракан знает про нас... То есть не про нас лично, а о том, что кто-то за его спиной вступил в переговоры с регентом.

Этого-то Робер и боялся. С той самой минуты, как они вынужденно вовлекли в заговор сперва Сэц-Арижа, а потом и Пуэна с его людьми. Кто-то не выдержал – пригрозил, пообещал, утешил, и тайна престала быть тайной. Назад в яйцо змею не затолкать.

– Доложите с самого начала, – велел Робер, – мне нужны подробности. Все.

Так было проще обоим. Докладывая, Никола вспоминал даже то, что на первый взгляд не казалось важным, а Робер слушал и собирался с мыслями. Может, Алва и умел находить решение сразу, у Эпинэ это не получалось.

– До Нохи я не заметил ничего необычного, – спокойно начал Карваль. О главном он уже сообщил и теперь был всего лишь деловит. – Усиления внешних караулов не наблюдалось. Более того, люди Халлорана вели себя беспечно, и я был вынужден сделать им замечание. Монсеньор, я уверен, что никаких распоряжений на наш счет еще не поступало.

– Тогда что может знать Катари? – Сестра беременна, в таком положении женщины часто боятся, кто за себя, кто – за других.

– Монсеньор, въехав в Ноху, я увидел, что внутренние патрули усилены. Все было, как... как в первые дни пребывания герцога Алва у его высокопреосвященства. Я решил справиться о причинах, но этого не потребовалось. Его высокопреосвященство вышел ко мне и лично сообщил, что была предпринята попытка проникновения во внутреннюю Ноху. Как вы знаете, охрана подступов к аббатству возложена на меня, но непосредственно у стен находятся люди Халлорана, Окделла, барсинцы и гвардейцы. Мои люди посторонних пропустить не могли. Остается предположить, что это были не посторонние.

– С какой стороны лезли?

– Со стороны Окделла.

В начале зимы Карваль сказал бы «от проклятых северян», но «спруты», мэтр Инголс и регент заставили маленького генерала пересмотреть свои позиции. Южанин продолжал ненавидеть, но не оптом, а в розницу. Особенно доставалось Карлиону, Тристраму и, как ни грустно, Дикону. Спорить было бесполезно.

– Его высокопреосвященство пытался получить разъяснения у Повелителя Скал, но ответа пока нет, – деревянным голосом продолжал Никола. – Кардинал, воспользовавшись моим визитом, потребовал расследования. Он опасается покушения на герцога Алва, но, как мне кажется, недооценивает опасность, грозящую лично ему. На первый взгляд, его высокопреосвященство проще убить за пределами его резиденции, но только на первый взгляд.

– Вы правы, – согласился с очевидным Иноходец, – в городе Левия охраняют не только церковники, но и мы. Кроме того, убив кардинала в Нохе, можно свалить его смерть на церковников.

– Я сказал об этом его высокопреосвященству.

– И что?

– Ничего. – Никола впервые за сегодняшний день улыбнулся. – Он предложил мне шадди.

– Надо было соглашаться. Я не знаю, кто лучше Левия варит это зелье, а вы спите меньше меня.

– Я согласился. Мы проговорили около получаса и еще столько же – с ее величеством. Монсеньор, если вам интересно мое мнение, нам нужно объясниться с кардиналом. Он озабочен почти тем же, что и мы, у него хороший отряд, и, мне кажется, он готов действовать. Его высокопреосвященство предложил нам помощь против зачинщиков беспорядков, буде таковые последуют.

– Сперва нужно узнать, кто проболтался о регенте, если, конечно, проболтался. Пуэн ручался за своих офицеров. Вы – тоже.

– Послы, – решил Никола, – гайифец или дриксенец. Получили сведения из дому. «Павлинам» и «гусям» сильный Талиг не нужен.

Может, и послы. Вокруг регента шпионы виться просто обязаны, да и на юге могли проболтаться о союзниках в столице.

– Расспросите все же Пуэна, а я поговорю с Сэц-Арижем и Дювье. Мы должны быть уверены.

– Наши молчат, – отрезал коротышка, – и будут молчать. Это на севере. Должен же был регент объяснить, почему не трогает Олларию.

В то, что Ноймаринен разговорчивей Пуэна, Робер не верил, но выяснить, кто мяукнул первым, не так уж и важно. Надо понять, что именно известно Альдо, переговорить с мэтром Инголсом, объясниться с Левием, предотвратить покушения... А мародеры будут в это время цветочки собирать? Хотя цветочки-то как раз не торопятся. Даже примулы.

– Его высокопреосвященство имеет точные сведения – Ракан подозревает заговор. Больше всего кардинала беспокоит возможность перевода ее величества из Нохи. Его высокопреосвященство будет вынужден ответить «нет». Это открытое противостояние, монсеньор. Левий не сказал об этом прямо, но я не сомневаюсь – он хочет знать, что предпримем мы.

– И что же мы предпримем? – переспросил Робер. – Свалим наконец какой-нибудь клен?

– Если Ракан потребует ее величество, придется выступить раньше, чем мы собирались, – блеснул глазами маленький генерал. – Юг не оставит свою королеву без помощи. Особенно с учетом нынешних обстоятельств.

– Нынешних обстоятельств? – делано удивился Робер. Он догадывался, на что намекает Карваль, но называть вещи своими именами язык не поворачивался.

– Монсеньор, – коротышка отнюдь не казался смущенным, – я упустил один существенный момент. Фердинанд Оллар не покончил с собой, как мы думали, а был убит. Ее величество в этом не сомневается, а ведь она знала супруга лучше нас с вами.

– Постойте, Никола! – Карваль намекал на вдовство Катари, а не беременность. Хорош бы он был, если б проговорился! – Фердинанда убили? Закатные твари, зачем?! Кому он такой мешал? То есть он, конечно, мешал, но не Альдо, а регенту...

– Ракан подозревал заговор с целью спасения короля и королевы, и король умер. Остается королева. Монсеньор, я боюсь, что это Мевен... После суда и нападения Придда он очень сильно изменился. Несколько раз он заговаривал со мной и останавливался на полуслове. Нельзя, чтобы с ним сделали то же, что с Борном! Я распорядился на всякий случай держать в казармах готовый к выступлению отряд.

– Я только что хотел вам это предложить, только будьте осторожны. Я попробую что-то узнать у Альдо и Окделла, и вот еще что... Я пошлю за мэтром Инголсом, чтобы составить завещание, а вы за это обругаете меня при ком-то из северян.

– Разумеется. – Теперь, когда началось, Карваль был само спокойствие. Таким же он был, когда заполыхала Эпинэ и когда разгребали Дору. – Я немедленно посетую на ваши дурные предчувствия.

Валме-Ченизу. Нечто колючее, затаившееся в душе, шевельнулось, оцарапало и затихло. Терзания по куртизанкам хороши в мирное время, а не когда все повисает на волоске.

Посол Ургота посетовал на погоду и рассказал анекдот о гайифце и выходец. Когда было нужно, Робер рассмеялся, и посол ушел. Гимнеты дернулись и распахнули двери, пропуская Первого маршала к его королю. Ревность и обида могли подождать. Они и ждали, пока не выяснится, что за яма очутилась на дороге и как из нее выбираться.

– Ты дурак! – рявкнул Альдо, сжимая кулаки. – Проклятый дурак! Нашел время думать о смерти! Не смей о ней думать, слышишь?! Ничего с тобой на Изломе не станется... И ни с кем из нас.

– Ты о чем? – От подобного напора Эпинэ растерялся. – Ничего такого я не думаю.

– А завещание кто писать собрался? – уже спокойнее произнес Альдо. – Левий?

– Надо привести дела в порядок, – пробормотал Робер, дивясь шустрости доброжелателей, – скоро война. Конечно, с погодой нам везет, но дожди на юге не будут лить вечно.

– Они будут лить столько, сколько нужно, – объявил Альдо и по-мальчишески светло улыбнулся. – Если ты соизволишь поднять нос и подумать, то поймешь. Кто меня с осени запугивал северными армиями? Не ты ли? Ноймаринен увяз в дриксенцах, а Савиньяку завалило дорогу. На нас решили натравить юг – пошли дожди.

– Ты... Ты с ума сошел! – выдал из себя Робер. – Ты же не думаешь, что Надор...

– Да, – смех в глазах Альдо угас, – как ни жутко, да. Кэртиана нас защищает. Если б Савиньяк не отступил, ему бы настал конец. Я понимаю, что ты чувствуешь... Мне самому стало страшно, когда я... нет, не понял, понял-то я давно, когда представил, какие силы пришли в движение. Дожди не прекратятся, пока я не доберусь до Силы Раканов, а после этого пусть приходят! Все. Отвечу так, что не забудут и через тысячу лет...

– Альдо, – начал Робер и замолчал, потому что сказать было нечего. Он пришел узнавать, а не спорить и тем более не вспоминать.

– Все еще не можешь поверить, – вздохнул сюзерен. – Конечно, наследником богов быть трудней, чем рабом выдумки. И страшнее. Нам не за кого прятаться, Повелитель Молний. И оправдываться не перед кем. Есть я, есть вы, ваши вассалы и дарованная нам сила. Без нас этот мир сдохнет или, того хуже, протухнет. Уже почти протух. Гниль придется выжигать, никуда не денешься. Ты побоялся тронуть заложников и Фердинанда, но это даже не тень того, что нам предстоит.

Горели свечи, горел и камин. Во дворце топили, а небо над Олларией истекало слезами. Данар совсем ошалел, еще немного, и правый берег затопит. С трудом найденный Никола академик объясняет затянувшийся паводок надорским сдвигом. Дескать, воды, стекавшие в Ренкваху, хлынули в Данар. Лет через сто знаменитые болота пересохнут. Лет через сто никого из ныне живущих не останется, разве что осевший в Нохе ворон.

– Альдо, – вспомнил о цели своего визита Иноходец, – Карваль мне доложил о разговоре с Левием. Кардинал требует объяснений.

– Знаю, – буркнул Альдо. – Вранье. Никто к нему не лез, хотя следовало бы. На, почитай.

Это было письмо великого герцога Алатского. Не королю Великой Талигойи – младшему родичу, которым Альберт был недоволен.

«Поскольку мы связаны родственными узами, я считаю своей обязанностью написать Вам, чтобы прояснить раз и навсегда наши отношения. Вы оплатили за гостеприимство, а вернее, за спасение Вашей жизни, черной неблагодарностью. Вы не только не поставили меня и мою сестру и Вашу бабушку в известность о своих, не побоюсь этого слова, нечистоплотных замыслах, не только отбыли из Алата, даже не оставив письма, не только разбили сердце моей сестры и вызвали ее отвращение, Вы поставили приютивший Вас Алат в положение врага Талига, добрые отношения с которым заповедал еще великий Балинт.

Узнав подробности Ваших деяний, я испытал ужас и отвращение, усугубляемое тем, что по женской линии Вы принадлежите к роду Мекчеи. Но это же обстоятельство

позволяет мне, как старшему в роду, требовать от Вас отказаться от полученного при помощи предательства трона, раскаяться в содеянном и навсегда покинуть Талиг. Ради моей сестры я готов принять Вас с условием, что Вы до конца своих дней не покинете того замка, в который я сочту уместным поместить Вас и тех Ваших последователей, что придут с Вами. В случае отказа или же отсутствия ответа я снимаю с себя всякую ответственность за Вашу дальнейшую судьбу, о чем будет уведомлено как дворянство Алата, так и регент Талига герцог Ноймаринен.

Я жду Вашего ответа до Летнего Излома.

Альберт, великий герцог Алатский.

24 день Зимних Молний 400 года К.С.».

– Ну, – притопнул ногой Альдо, – прочел? Облезлый осел!

– Облезлый, – подтвердил недолюбливавший брата Матильды Робер. – Но при чем тут Левий?

– При том, что он прячет Матильду и Мэллит. Это Матильда под диктовку своего «голубка» написала братцу. Про нас с тобой! «Замок, в который я сочту уместным поместить вас»... Сакаци, чтоб ему провалиться! Ей там хорошо, все доезжание – ее, ну и кошки бы с ними, но она хочет нас туда же загнать! Назад, в эту дыру!

– С чего ты взял? – опешил Эпинэ.

– Эти дуры в Нохе, – не стал вдаваться в подробности сюзерен. – Обе, потому их и не нашли. Можешь не сомневаться. Твой друг Левий зря времени не тратит.

– Да не мой он друг! – заорал Робер, понимая, как фальшиво это звучит. За первым открытием пришло второе. Маленький кардинал и впрямь успел стать другом, и не только он. Мятежник Карваль, забытая и обретенная сестра, толстый законник, смешной барон и его непонятная красавица-жена – все они стали родными, а он, оплакивая сдохшую дружбу и неслучившуюся любовь, и не заметил. Не понял, что у него появились близкие, ради которых он не только готов умереть, но хочет жить.

– Не сердись. – Альдо выглядел слегка виноватым, как в старые добрые времена. Добрые? Агарис не был добрым, как и его гости, винившие в своем невеличии и поражениях всех, кроме себя.

– А ты прекрати нести чушь, – громко и лживо огрызнулся Робер. Он мог доказать, что Альдо не прав хотя бы с Мэллит, но в таком не признаются.

– Уже прекратил, – наморщил нос сюзерен, – но с твоим «не другом» делать что-то надо. И с моей взбрыкнувшей на старости лет бабкой. Я не могу оставить старую дуру Левию, она ему такого наговорит... А уж Мэллит...

– Все забываю спросить, – пустил в ход один из советов мэтра Инголса Робер, – что случилось с Мэллит? Не ожидал, что она от тебя сбежит.

– Так и я не ожидал, что она сбесится, – признался Альдо. – Представляешь, дуреха ворвалась ко мне без спросу и принялась нести какую-то чушь.

– О Ночи Расплаты?

– Если бы! О любви. Не надо было мне ее трогать, только я без женщин малость одурел, а тут еще Ворон с Приддом... Сам не знаю, за какими кошками я к ней поперся, все само собой вышло. Нет, она сама хотела. И понравилось ей, это я сразу понял. Верещала не хуже алаток. Не видел бы, что в первый раз, не поверил бы... И все бы хорошо, но зачем ко мне среди дня при гимнетах лезть? До ночи подождать не могла? Я бы сам к ней пришел... Короче, пришлось выругать на будущее, а она возьми и сбеги. Привыкла чужие тряпки таскать, а эти тупицы... Нет, за теми, кто во дворец входит, они следят, а вот за выходящими служанками... А эта тощая еще, как ящерица!

– Значит, – начал Робер и замолчал, подбирая слова, которые не оскорбили бы Мэллит и не насторожили самодовольного быка. Альдо не понимал, что натворил, в самом деле не понимал, и объяснять ему было поздно! – Значит...

– Что «значит»? – хмуро передразнил сюзерен и потер переносицу.

– Вот, значит, где ты был, когда тебя по всему дворцу искали...

– Лучше б меня там не было! Гоганни – невелика потеря, но если Левий докопается до наших дел с достославными... Нет, ни ему, ни Агарису его распрекрасному мы ничего не должны. Те только пугать и обещать горазды, а помощи, как от мышей. Только чужое грызть!..

– Мэллит ничего не скажет, – промямлил Эпинэ, пытаясь взять себя в руки.

– Не сказала бы, не сиди с ней Матильда. Две разобиженные дуры – старая и молодая – чего только не натворят. Да, ты давно свою кухню видел?

– Во время суда. Ты же запретил мне с ней видаться. Даже после смерти Фердинанда...

– Уже не запрещаю, – перебил сюзерен. – Поезжай и заведи ее к себе. Вдове Оллара у Левия не место.

– Она может не согласиться.

– Уговори. Ты – глава семьи. Она сходит с ума по Ариго, пообещай отправить ее туда.

– Там слишком опасно. Ополчение...

– Разрубленный Змей, да никто не собирается отдавать твою мученицу Дораку! Главное – выдрать ее из Нохи. Если ты не справишься, придется послать гимнетов. Ты думаешь, в Багерлее ей будет лучше, чем у тебя?

– Хорошо, я попробую. – Левий поднял тревогу не зря: Альдо и впрямь нужна Катари, но зачем? Как приманка или как заложница? – Как мне объяснить Левию свой приезд?

– Сошлись на своего коротышку, – подсказал Альдо. – Решил проверить, с чего такие предосторожности, а заодно с кухней поглядеться. Намекни, что втайне от меня.

– Хорошо, – еще раз повторил Иноходец и, вершина хитрости, признался, что его вывела из себя расхлябанность гвардии. Альдо посоветовал не забивать голову чужими заботами и напомнил, что комендант Олларики отвечает за город, а Первый маршал – за армию.

– И еще за себя. – Взгляд сюзерена неожиданно потеплел. – Мы слишком много говорим о делах, на самих времени не хватает. Побереги себя, Робер, нас ведь только двое осталось... У анакса не бывает друзей, но я не всегда был анаксом, а ты – маршалом. Мы можем помнить.

– Я помню. – Это не было ложью. Память осталась, но прошлое – это прошлое. Оно не мешает защищать то, что дорого и важно теперь.

– Тогда пошли, перекусим. Помнишь, как мы вляпались в заговор из-за кур Жаймиоля? И понесло же нас в гоганскую таверну!

– Думаешь, пойди мы к эсператистам, ничего бы не случилось?

– До тебя что, до сих пор не дошло, что я не мог не стать анаксом, а ты – моим маршалом?! Как-нибудь бы да началось, только мы бы не взвалили себе на шею девчонку и мешок всяких глупостей. Ладно, ну их всех, я есть хочу.

– Альдо, давай не сейчас. Мне... Я должен проверить Тристрама. Его гвардейцы барьеры видят реже, чем чужие кровати.

– Забудь ты об этих обормотах! Завтра я сам до них доберусь. Будут прыгать, пока не научатся. Сломают парочку шей – не велика потеря, знали, куда шли.

– Да, – подтвердил Эпинэ, – потеря невелика. Теряют больше.

Глава 5

Ракана (б. Олларики)

400 год К.С. 3-й день Весенних Ветров

Если принимаешь приличного человека в чужом доме, начинаешь переживать из-за обивки и подлив, хотя мебельщика и повара выбирал не ты. Конечно, в урготском посольстве перепела не подгорали, а розовых с зеленью кресел не водилось, и все же

Марсель предпочел бы пригласить Алву в резиденцию Валмонов. Там если и было бы стыдно, то лишь за собственное разгильдяйство, ибо представить, что папенька оплошал с кухней, подушками или стороной в драке, виконт не мог. Еще лучше было бы забраться в симпатичный трактир, но пришлось довольствоваться посольством, да и то не целым. Водворив гостя в потайные комнаты, хозяин наспех опорожнил бокал и откланялся. Алва вежливо обещал до возвращения хозяина не умирать и не уходить, но Марсель все равно чувствовал себя неловко. Уволочь человека из уютной тюрьмы с драгоценными подсвечниками и дружелюбным кардиналом и тут же покинуть... Было в этом нечто извращенное.

– В ваше отсутствие дважды приезжал граф Карлион, – с дежурным рвением сообщил дежурный же секретарь. Марсель томно сбросил плащ, ухватил за шиворот приносивающегося Котика и заметил, что цветочное масло, которым пользуется церемониймейстер, раздражает не только собак. Секретарь восхитился тонким обонянием господина посла и протянул запечатанное раканьим чудищем письмо. Их величества Альдо приглашали графа Ченизу вместе с оными величествами присутствовать на завтрашних конных учениях, после чего предполагался ужин и обсуждение грядущего турнира. О свадьбе временно венценосный жених по понятным причинам умалчивал.

– Отпишите, что я буду и все такое прочее, – зевнул Марсель, едва удержавшись от монаршего «мы». Талигойское величество не знало, что, если б не стреножившая Алву не то чахотка, не то лихорадка, граф Ченизу растаял бы не хуже Валтазара уже сегодня. Урготы о посольских замыслах тоже не подозревали. Многоопытные дипломаты сошлись на том, что Фома, исходя из естественной тяги подобного к подобному, приставил к дураку Ракану дурака Валме. Марселя это вполне устраивало. Слыть дураком среди умных было забавно.

– Проследите, чтоб я проснулся не позже одиннадцати, – объявил пока еще посол, сдерживая рвущегося в глубь дома Котика. – Сегодня я никуда не еду. Эта сырость отвратительно влияет не только на волосы, но и на шерсть. Представляете, Антонию, мне сегодня пришлось дважды съездить в Ноху, но пари я выиграл! Кстати, я видел на верхнем этаже картины с какими-то святыми. Отберите четырех поблагостней и пошлите кардиналу как... мой вклад в благое дело возрождения эсператизма в Талиге... То есть, конечно же, не мой, а его величества Фомы, и не в Талиге, а в Талигойе.

Секретари у Габайру были тактичны, оговорок они не замечали.

– Ваше превосходительство, – вежливо осведомился Антонию, – могу я узнать подробности пари?

– Один провинциал, – Марсель зевнул и затряс головой, словно отгоняя нахлынувший сон, – один неухоженный провинциал, запоматовал имя, отрицал наличие духовной составляющей. Теперь ему предстоит провести в обществе бестелесного духа четыре ночи. На простой и полезной пище, дабы выделения печени и прочих желез не искажали восприятие.

– Простите, на какой именно пище? – Секретарь позволил себе слегка улыбнуться.

– Родниковая вода, крутые яйца, вареный шпинат и сухари, – охотно объяснил Марсель, – но лично я за подобный ужин убью. Кстати, сегодня я ужинаю в кабинете и сразу же ложусь. Неотложные бумаги, если они есть, принесите туда же и можете быть свободны. Не забудьте о картинах.

Секретарь заверил, что не забудет.

2

То, что рассказал Карваль и подтвердил Альдо, торопило, но приходилось ждать. Робер едва заставил себя дотянуть до вечера. Объявил присвистнувшему Мевену, что завешание все равно напишет, припугнул Тристрама завтрашней августейшей проверкой и промял Моро, по достоинству оценившего беспокойство всадника. Мориск старался как мог, но все остались целы, не считая разбитого бочонка. Как ни странно, поездка на только что не

плюющемся огнем звере успокоила. Эпинэ бросил стухнувшим конюхам пару монет и отправился излагать последнюю волю.

Мэтр Инголс уже ждал. Какой юрист упустит возможность составить влиятельной особе завещание, и какой шпион не примчится по срочному делу, а дело было срочным. Тем не менее завещатель начал с угощения, а юрист – со взятки Клементу. В благодарность его крысейшество оседлал обширное адвокатское плечо. Мэтр Инголс откинулся на спинку кресла и вопросительно поднял бровь.

– Итак, какова последняя... на нынешний день воля Повелителя Молний?

– Чтобы все были живы, – отмахнулся Эпинэ. – Мэтр Инголс, Альдо знает о том, что мы договорились с регентом, но не знает, что это мы.

Юрист неторопливо погладил Клемента. Его лицо не выражало ничего, кроме брюзгливого неодобрения.

– Очень неудачная формулировка. – Длинный розовый хвост щекотал адвокатскую щеку, и мэтр Инголс поморщился. – Или некто знает, что вы договорились с некоей персоной, или не знает. Третьего не дано.

– Простите. – Робер невольно улыбнулся. – Некто знает о договоре, но не знает, кто именно его заключил. Мы с Карвалем ручаемся, что наши люди молчат.

– Разумеется, – подтвердил адвокат, – иначе вы бы находились не здесь, а в Багерлее или в Рассвете.

– Значит, он узнал от регента.

– И каким же образом? – вежливо поинтересовался законник, продолжая борьбу с крысиным хвостом.

– Не знаю. Может, послы...

– Послы не святые, – строго произнес мэтр Инголс, – следовательно, откровения свыше можно отбросить. Остаются гонцы. Откуда? Из Паоны? Из Агариса? Из Липпе? Из Эйрехта?

– Альдо получил письмо от Альберта Алати, – буркнул Робер, – а где одно письмо, там и другие.

– Создатель! – Адвокат воздел руки, заставив Клемента вздрогнуть. – Вы хотите сказать, что письмо Альберта, в котором он, вне всякого сомнения, выговаривает внучатому племяннику, попало в Олларию без ведома Рафиано?! Я не сторонник пари, но готов поставить свою мантию против подстилки господина Клемента, что Альберт написал множество писем – маршалу Савиньяку, его матушке, Фоме, регенту, Рафиано, Валмону и как бы не кэналлийскому наместнику – и везде клялся, что Алат верен заветам Балинта. Разумеется, его послание дошло, но при чем тут какие-то послы?

– Не знаю, – честно признался Иноходец, – но кто-то все-таки донес.

– Хорошо, допустим, кто-то из окружения регента узнал о договоре, но не знает, с кем он заключен. В бескорыстного почитателя Ракана при дворе Ноймаринена не поверит даже ворона, не говоря о господине Клементе. Наш шпион продаст свои сведения тому, кто будет платить, то есть «гусю», «медведю» или «павлину». А теперь подумайте о расстояниях, распутице, границах и разъездах. Как и за сколько дней вести из Старой Придды дойдут до Эйрехта или Паоны? Как и когда они доберутся до Олларии?

Как? А Леворукий его знает! Добрался же Повелитель Молний в Золотую Ночку до отчего дома.

– Не стану спорить. И считать тоже не стану, но в Ноху пытались проникнуть. Левий уверен, что Альдо забеспокоился, узнав о сговоре с регентом. Я сегодня говорил с Альдо. Он думает, что Матильда и... баронесса Сакаци в Нохе, и хочет забрать оттуда Катарину. Как заложницу.

– Не вижу ничего странного. Ракан решил действовать и выдумал предлог. Это с ним не первый раз, достаточно вспомнить Давенпорта и призрачных кэналлийцев.

Робер потер шрам, потом лоб, потом схватился за бокал. Очевидность ответа поражала не меньше собственной глупости. Альдо пошел по проторенной дорожке, просто вранье

оказалось правдой.

– Он решил получить Катарину, – медленно произнес Робер. – Сестра ему нужна, особенно после смерти Фердинанда, но ее нельзя тревожить. Мэтр Ингольс, она... беременна.

– Изумительно! – Юрист даже отцепил от себя крыса. – Вы уверены?

Робер кивнул. Клемент с оскорбленным видом чистил усы, в окно стучал дождь. Закатные твари, он когда-нибудь кончится?!

– Посмертные дети всегда создают определенный казус, – задумчиво произнес адвокат, – тем более посмертные дети короля. Будем исходить из этого. Будущий ребенок – ребенок Фердинанда, зачатый после воссоединения августейшей четы... Это – краеугольный камень, на котором...

– Сейчас главное – удержать Альдо, – схватил под уздцы юридического конька Робер, – или...

– Нанести упреждающий удар? – подсказал адвокат. – Совершенно верно, но его следует должным образом обосновать. Ваше выступление не должно выглядеть мятежом против признанного иноземными державами короля, но изгнанием узурпатора и восстановлением законной власти. Я вижу во вновь открывшихся обстоятельствах большие возможности, да что там большие – огромнейшие! Конечно, подготовка потребует проверки и некоторого времени...

– Мэтр Ингольс, – пробормотал окончательно растерявшийся Эпинэ, – какое время?! О чем вы?! Если Альдо потребует Катарину, мы выступим, не дожидаясь Дорака. Придется одной рукой драться с Халлораном, Окделлом и гимнетами, а другой – сдерживать горожан. Не знаю, что труднее...

– Когда все кончится, я уеду в Хексберг, – с отвращением объявил юрист. – Или еще куда-нибудь, где вас не будет, иначе я сойду с ума и забуду кодекс Франциска. Вы спасаете королеву Талига и ее еще не рожденного ребенка из лап убийц Фердинанда и... Об этом говорить несколько преждевременно, но вам будет что предъявить Посольской палате и горожанам, а многие из них после суда носят цвета Ариго. Это вы, надеюсь, заметили?

Это не заметил бы только слепой, да и Карваль после суда не называл Катарин иначе чем ее величеством. Что чувствует мужчина, когда одинокая слабая женщина бросается в бой? Стыд и невозможность сидеть сложа руки.

– Да, – подтвердил Иноходец, – я заметил.

Юрист рассеянно кивнул и поднялся.

– Мне потребуется пара дней, – объявил он. – Я почти не сомневаюсь... Нет, я уверен, что мы не оставим нашим оппонентам не малейшей лазейки!

3

Протаскивая поднос в потайной кабинет, Марсель окончательно убедился, что быть дипломатом и офицером проще, чем подавальщицей. Без сомнения, это делало честь возлюбленной Шеманталь-младшего. Марсель водрузил ужин на стол и, была не была, посмотрел на гостя. Ворон вчерашнее обещание сдержал – он не только не умер, но и почти перестал напоминать выходца, хотя отвернуться все равно хотелось.

Марсель сдернул с подноса салфетку.

– Обычно я съедаю ужин с Котиком, – объявил он гостю, – но сегодня он будет поститься. Я впущу его позже. Левый книгу получил. Будете паштет?

– Буду. – Алва слегка склонил голову к плечу. Альдо делал так, когда говорил, Ворон – когда слушал. – Докладывайте.

– О чем?

– О чем хотите. Вы полагаете себя моим офицером для особых поручений. Извольте соответствовать. Кстати, представьте мне свою собаку, пока она не процарапала здешние тайны.

– Сейчас. – Пальцы уже привычно нажали на запирающие розетки, мягко отошла в

сторону панель, в дыру тут же просунулась львинособачья голова. Котик шумно дышал и порывался радоваться. Марсель ухватил пса за ошейник. – Тихо! – потребовал он. – А то отправлю к матерьялистам. Господин Первый маршал, это Котик, сын известного вам Лово. Котик, это господин Первый маршал. Он свой. **ОЧЕНЬ СВОЙ.**

– Странное животное, но вам подходит. – Алва поднял руку и почесал волкодава за обрубленными ушами. – Предположить зубы в таком обилии ухоженной шерсти довольно сложно.

Волкодав отчаянно завилял помпоном. Он возлюбил Первого маршала с первого нюха.

– Видите, – гордо заявил Марсель, – Котик все понимает. Сказали – свой, значит, свой.

Всепонимающий зевнул и посмотрел на поднос. Многозначительно. Рокэ разодрал надвое перепела и бросил волкодаву. Раздался удовлетворенный хруст.

Алва усмехнулся, но Марсель и не подумал вздрогнуть. Он почти привык и уже подбирался к выводу, что обтянутый кожей череп тоже может быть красив. По-своему. Скулы, челюсти и все такое прочее выдавали породу и зывали о скульпторе, хотя раньше все равно было лучше.

– Вы останетесь в Олларии и досмотрите мистерию до конца или отправитесь со мной? – Ворон посмотрел бокал на свет и поставил. Эту его привычку Марсель помнил. Нужно уметь так измениться и не измениться вовсе.

– Я ваш офицер по особым поручениям, – напомнил Валме. – Будет особое поручение – останусь. Нет – поручу себе сопровождать вас. Куда и когда?

– Очень скоро. Ешьте и докладывайте. С севера на юг. Что известно о фок Варзов?

О чем докладывать, имелось в избытке, но Валме отнюдь не был уверен, что Алва готов слушать. Папенька, обезножев, стал еще деловитее, чем раньше, но, когда ему становилось по-настоящему худо, мог разве что сидеть в кресле, прикрыв глаза и кусая губы. Если отца заставляли за подобным занятием, он озверевал. Алва тоже мог озвереть, что сказалось бы не только на его здоровье, но и на здоровье самого Марсея.

Ворон спокойно занимался ужином, под столом возился довольный жизнью и обществом Котик, а виконту было неудобно, словно он вышел к гостям без панталон или, того хуже, в белых штанах. Выгадывая время, Марсель жевал «плачущий» сыр и пытался подобрать слова, а они не подбирались.

Неловкость заявила о себе еще вчера, но виконт списал ее на свою манеру сбегать от чужих хворей. Родитель в счет не шел, ибо скрыться от него не получалось, и Марсель привык. Он собирался привыкнуть и к Ворону, но сейчас понял, что тот не так уж и изменился, если вообще изменился, это с собой нужно было что-то делать. Немедленно. Обычно Валме не задумывался, что говорить, не считая, разумеется, тех случаев, когда приходилось врать умным людям, но сегодня слова казались лягушками. Они выпрыгивали изо рта, шмякались на пол, скакали по столу, лезли в тарелки, и ничего забавного в этом не было.

– Проклятье, – признался наконец Марсель, – всякий раз, бывая при дворе, я хочу убить Ракана. Но знали бы вы, как с ним легко!

– Не сомневаюсь, – светским тоном произнес Алва. – Когда встречаешь дурака и поганца там, где ожидаешь его встретить, и впрямь ощущаешь легкость. Отправлять к Леворукому проще людей неприятных. Навозную муху или бешеного пса прикончить легко. В определенном отношении... Вам еще не приходилось добивать лошадь?

– Мне приходилось добивать собственного короля, – сумрачно произнес Валме и вдруг понял, что неловкости больше нет. – Так я могу докладывать?

Глава 6

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. Ночь с 5-го на 6-й день Весенних Ветров

О том, что Валме у Капуль-Гизайлей, Робера оповестил жизнерадостный басовитый лай, перемежающийся кокетливым твяканьем. Стало грустно и досадно. Не на урготского посла – на себя и дурацкую привычку хвататься за радугу. Мэллит любила Альдо, а Марианна... Красавица при всех своих достоинствах оставалась куртизанкой. Ждать от нее чувств было глупо, но Робер отчего-то ждал, а баронесса принимала в спальне пузатого посла – и вряд ли только его. Конечно, кавалеров можно разогнать не золотом, так шпагой, но какой смысл получить в безраздельную собственность одно лишь тело. Верность из невозможности измены – хоть мужчине, хоть знамени, хоть чести – стоит недорого.

Эпинэ натянуто улыбнулся, избавился от плаща и шляпы и угодил в довольно-таки мерзкую компанию. Приходилось признать – из тех, кто по зиме зачастил к Капуль-Гизайлям, Валме, без сомнения, был одним из лучших. Допусти баронесса до себя хотя бы младшего Тристрама, Робер вряд ли бы сдержался, но сегодня командующий гвардией отсутствовал. Надо полагать, корпел над бумагами, готовясь к высочайшей проверке. Дика с Мевеном тоже не было видно, а Рокслей сидел за карточным столом с помятым старикашкой и парой судейских. Хозяевам было не до них – барон Коко перешептывался с музыкантами, а в углу под картиной с красивыми рыцарями Марианна улыбалась полудюжине бездельников, среди которых был и урготский посол.

Пряжки на башмаках графа сверкали ярче полуденных снегов, а камзол цвета топленого молока украшали золотистые, в тон платья хозяйки, кружева. Банты из той же материи болтались на ошейнике посольской псины и на шее крутящейся под ногами левретки. Захотелось хлопнуть дверью, но Марианна уже посылая воздушный поцелуй. Окружившие красавицу кавалеры дружно повернули головы и закивали. Пришлось подойти.

– Милый Робер, – проворковала баронесса, – ваши бесконечные дела становятся невыносимыми! Я не видела вас целую вечность!

– Вечность не может вписаться в три вечера, – на шее женщины нежно мерцал крупный жемчуг, раньше Робер его не видел, – но мое отсутствие сделало вас еще... роскошней.

– Вечность может вписаться и в миг, но я должна вам представить новых друзей Коко. Барона Фальтака вы уже знаете. Как и господина Сэц-Пьера...

– Сударыня, – с раздражением произнес похожий на ставшую ящерицей лисицу господин, – я уже просил вас не упоминать при мне чьи бы то ни было титулы. Мне претит любое возвеличивание двуногих скотов, полагающих себя выше породившей их натуры.

– Утверждая свою избранность, люди выдумали себе Создателя, – вступил в разговор щекастый гость; Марианна не успела его представить, но в отличие от многомудрых собратьев он был лыс и тучен, – нематерьяльный фантом, позволяющий любому глупцу ощущать свою значимость, оставаясь, по сути, животным.

– Не оскорбляйте животных, – потребовал Фальтак. – Люди отличаются от них в худшую сторону, так как запирают себя в вонючих клетках и, отринув здоровую пищу, пожирают несовместимое и изуродованное.

– Барон, вы меня пугаете! – закатил глаза Валме. – Кстати, вам пора на встречу с нематерьяльной сущностью. Полночь пробило довольно давно. Я вас провожу и засвидетельствую свое почтение старине Валтазару. Поверьте, ему с вами несладко...

– Ужин для *господина* Фальтака сервирован, – низким мелодичным голосом добавила баронесса. – Это очень здоровая пища. Овощи, вода и ничего... изуродованного.

– Зато я не прочь отведать изуродованной ветчины, – засмеялся кавалер Дарави и подмигнул то ли Роберу, то ли родичу Берхайма, имя которого вылетело у Иноходца из головы. – Ради нее я согласен слушать не только птичек, но и умников.

– Вот! – поднял руку отнюдь не спешащий на встречу со здоровой пищей Фальтак. – Вот истинное отношение к...

– Простите, – перебил Робер, – мне нужно... переговорить с Рокслеем!

Кавалер Дарави шумно втянул в себя воздух, Валме посторонился, философы понимающе переглянулись, баронесса не шевельнулась. Золотистые жемчуга стоят дорого, а послезавтра Халлоран явится за полковым жалованием. Если он вернется ни с чем, кавалеристы станут ненадежны. Халлоран – честный служака, как он поступит, когда начнется? Отсидится в казармах? Будет защищать Альдо? Положится на судьбу?

– Мне везет, – вместо приветствия сообщил Рокслей. Он пропускал этот круг. – Зачем мне везет?

– У везения свои резоны, – отшутился Эпинэ. Он не слышал, что говорят в углу, но баронесса смотрела на Валме, а Дарави с кузеном Берхайма ржали.

– Есть примета. – Дэвид поднялся от стола и теперь стоял рядом с Робером. – Тот, кто скоро умрет, не проигрывает. Мне везет третий вечер подряд. Я пробовал поддаваться, даже сбросил не ту масть, а Дарави зашел со Скал. Я взял круг на пустое Сердце... Это было Сердце Скал, Эпинэ. Понимаете, что это значит?

– Да-да, – невпопад ответил Иноходец, глядя на Марианну. Она улыбалась всем и Валме.

– Прошу прощения, – своим обычным каменным голосом ответил Дэвид, и Робер почувствовал себя тупой скотиной.

– Простите, Дэвид, – торопливо произнес он, – я уже давно не верю приметам. К тому же меня вывели из себя эти трое. Я видел похожих в Агарисе. Они приходили в гости к Матильде, говорили и ели. Ели и говорили. О деле великой Талигойи, о Чести, о своих предках, об Олларах, о тех, кто сидит во дворцах. В их дворцах, как они утверждали. Теперь они при дворе. Кто не разбежался, и кого не задавило в Доре. Они едят и говорят. Эти пока не во дворце, но уже едят и говорят...

– Фальтак отрицает и честь, и предков...

– Неважно, что они несут, – отмахнулся Эпинэ, – главное, они при этом едят. И ненавидят тех, кто сидит во дворцах. Любых. Потому что это не они. Кстати, в карты везет не только тем, кто умрет, но и тем, кого ненавидят. Вас ненавидят, потому что вы граф Рокслей и выигрываете, вот вам и везет.

– Я себя ненавижу за это же, – тихо сказал Дэвид. – Бедный Фердинанд. Бедный, толстый, добрый Фердинанд. Он хотел выпускать из тюрем и кормить, а не хватать и воевать... Джеймс заплатил за подлость Генри, я тоже заплачу.

– Ну так платите! – рявкнул Робер. – Возможностей отдать долг Олларам или, вернее, Талигу хоть отбавляй. Умирать для этого необязательно, скорее, наоборот.

– Что вы сказали? – Голос графа странно зазвенел, и Робер понял, что едва не попался, хотя с Рокслеем поговорить нужно. Сперва с ним, потом – с Мевеном, а с Халлораном, пожалуй, не стоит.

– Я сказал, что нужно защищать горожан. – Это не было враньем и не было всей правдой. – Помогите Карвалю. Все лучше, чем думать о смерти.

– Вы правы, – все тем же звенящим голосом произнес Дэвид. – Если меня убьют, то за делом. За достойным делом

– Убьют? – Подлетевший откуда-то барон в ужасе округлил глазки и ухватил Рокслея под руку. – Что за слова в моем доме?! Перед ветчиной с лунной дыней? Перед концертом? Я не желаю о таком даже слышать. И Марианна не желает... Дорогая! Дорогая, ты нам нужна!

– Да, Коко. – Платье баронессы шуршало. За белоснежным, тонущем в кружевной пене плечом возвышался ухмыляющийся Дарави. Валме исчез. Провожает матерьялиста к призраку?

– Мы говорили об игре. – Дэвид смотрел на прекрасную женщину, но не видел ее. – Боюсь, барон меня неправильно понял. Мне сегодня отменно везет... Отменно, и сейчас начнется моя игра!

– И все же не увлекайтесь. – Капуль-Гизайль поднял брови и понизил голос: – Игра дурно влияет на способность воспринимать прекрасное, а ветчина из Фебид прекрасна.

– Отрадно слышать, – вступил в разговор племянник Пуэна, – но не стоит ее тратить на свинских потомков. Я имею в виду некоторых... как бы их назвать...

– Философов? – подсказал барон. – Постарайтесь взглянуть на них как на приправу, но не к пище, а к беседе. Перец, горчица, некий имеющий двусмысленное название корень придают бытию определенную остроту.

Барон первым рассмеялся собственной шутке. Дарави последовал его примеру, Дэвид и тот улыбнулся. Марианна подняла глаза и посмотрела на Робера. В темных безднах спала неизвестность.

Робер поцеловал унизанную золотом руку и произнес именно то, чего говорить ни в коем случае не хотел:

– Марианна, нам нужно объясниться. Я не уйду, пока мы не объяснимся.

2

Это был первый сон за последние месяцы, но Дикон сразу понял, что спит. Юноша помнил кошмары, в которых раз за разом просыпался, чтобы встретиться с чем-то мерзким или страшным, и каждый раз начиналось одинаково. Отказывал звонок, слепли и глохли слуги, на лестнице раздавались тяжелые шаги, открывалась запертая дверь, и в комнату кто-то входил. Иногда гость казался врагом, иногда другом, порой был жив, порой мертв, почти всегда юноша его знал и всегда ждал. Сидя на кровати, стоя у камина или стола, прижимаясь спиной к стене...

Дальше случалось по-разному, но шаги и ожидание оставались неизменными. Даже если никто не появлялся, а стены или ковер на глазах покрывался плесенью, становясь трясиной. Ночные шаги, как же Дикон их ненавидел... до тех пор, пока кошмары не сменила пустота. Лежать в огромной постели, вслушиваясь в скрипы и шорохи, стараться не думать о Надоре и все-таки думать, проваливаясь к утру в глухое забытие, просыпаться за полдень уже уставшим – это было похуже Паоло с Арамоной.

Матушка говорила, что сон покидает грешных и гордых. Нэн шепотом рассказывала, как трусливые сплюшцы шарахаются от тех, кого ищут закатные твари и выходцы. Ричард не молился несуществующему Создателю и почти позабыл старухины сказки, но пустые ночи выматывали и душу, и тело. Еще немного, и юноша приказал бы привести лекаря, но шаги зазвучали вновь. И неважно, чем обернется этот сон, – Повелитель Скал не из пугливых и знает, что лежит в собственной постели, а дом караулят надорские гвардейцы.

Мэтр Шабли объяснял, что сновидения – не более чем отражение дневных забот и опасений, но даже призрачного врага лучше встречать с клинком в руке. Юноша соскочил с кровати, прошел к окну и отдернул портьеры. За стеклами не было ничего, кроме дождя. Дикон распахнул дверь на лестницу – масляные лампы мирно горели, на площадке клевал носом слуга. Заслышав скрип, он торопливо вскочил. Ричард махнул рукой, отступил в глубь спальни и зажег свечи на каминной полке. Шаги зазвучали вновь. Легкие и вместе с тем уверенные, они раздавались из смежной со спальней гардеробной. Дверей там не было вообще, то есть не было наяву.

Ричард улыбнулся тому, что едва не забыл, что спит, и заглянул в гардеробную. Все было на месте – тяжелые сундуки, два кресла, высокий портновский стул, массивное, в полный рост, зеркало и второе – над камином. В нем, меж двух четвероногих подсвечников, спиной к юноше застыла темная фигура. Не смутная, как та, что привиделась в Лаик, а четкая и при этом чем-то неправильная. Зато себя юноша не увидел, как и двери за спиной. Ричард торопливо оглянулся – комната была пуста, а большое зеркало честно отражало слегка всклокоченного хозяина. Дикон нарочито громко рассмеялся и пригладил волосы – на этот раз кошмар занял одно из зеркал, только и всего. Что ж, если ты не имеешь обыкновения отступать наяву, ты не отступишь и во сне. Дик повернулся к превратившемуся в окно стеклу. Гость был там. За его спиной виднелся синий, увешанный дорогим оружием ковер. Юноша узнал пропавшие абордажные клинки и алатскую саблю. Пришельца он тоже

узнал, хоть и не мог видеть лица. Ворон! Только в непривычной серебристой одежде, и голова перевязана. Алва снял со стены тускло блеснувший меч и медленно обернулся. Это был не он! На Ричарда смотрело изможденное, но все равно прекрасное лицо с огромными провалившимися глазами. Из-под повязки сочилась кровь, в крови была и... кольчуга! Человек в зеркале поднял клинок, знакомо и тускло сверкнул лиловый камень...

– Святой Алан! – выдохнул Дикон. – Меч... Меч Раканов...

Губы незнакомца раздвинула похожая на гримасу улыбка. Чужак отсалютовал древним клинком, и свечи разом потухли. Непонятно откуда взявшийся ветер убил и свечу Дикона. Спальня тоже ослепла. Юноша стоял в кромешной тьме, не зная, что и думать, и тут опять раздались шаги. На этот раз медленные и неверные, словно идущий был пьян... или ранен?

– Повелитель Скал. – Хриплый голос тоже был усталым и глухим. Живые так не говорят даже во сне. – Я предлагаю обмен. Клинок за клинок. Честь за честь. Память за память. Ты получишь меч Раканов и отдашь кинжал Окделлов... трехгранный кинжал с клеймом-вепрем.

3

Думать не хотелось, говорить – тем более. Хотелось просто лежать, ощущая рядом живое тепло. Несколько часов покоя – это так немного и так прекрасно... Тебя никто не ищет, не торопит, не убеждает, не упрекает. Сообщники, подчиненные, бывшие друзья, будущие враги, все они далеко-далеко, за черными, возведенными ночью стенами. Отплакали свое свечи, дождь – и тот перестал, отдав город тишине. Как же не хочется разрушать хрупкое колдовство, но он должен знать, чем рискует – только жизнью или еще и надеждой. Это последняя ночь, следующую уже отберет заговор. Значит – сейчас. Даже если придется встать и, пожелав счастья, уйти в почти зимний холод. Навсегда.

– Марианна... Марианна, я знаю, вы не спите.

– Потому что не спите вы. – Мягкий укоризненный шепот, мягкое касание невидимых волос. – Хотите вина?

– Нам нужно поговорить.

– Я думала, вы сказали все, что собирались. – В спальне темно, но она сейчас улыбается. Лукаво и призывно. Хорошо, что он не видит, такая улыбка оборвет любой разговор.

– Я знаю, что меня называют Иноходцем, но я – человек. – Спокойствие ушло вместе с тишиной, зато проснулась ревность. – Ваше искусство заставило меня отложить разговор, но только отложить.

– То, что однажды отложено, может ждать до бесконечности. Зажечь свечи?

– Не надо. Марианна, почему вы заставили меня остаться?... Не сегодня, в ту ночь, когда мы говорили в саду. Вам ничего не угрожало, я никогда... никогда бы не потребовал такой платы.

– Платы? – Женщина отстранилась, потом села. – Я зажгу свет. Откровения лежачей – это для девиц... Для таких, как ваша Айрис. Вы хотите знать, почему я вас позвала? Вы красивые, я была одна... В каком-то смысле.

Была, пока не вернулся Валме, а потом вернется Савиньяк...

– Я вам благодарен, но почему вы не сказали правду потом?

– Какую? – Свечи в спальне Марианны были из золотистого воска. Они вспыхивали одна за другой, зачем ей столько света? – Вы хороши в постели и щедры настолько, насколько можете себе позволить. Будь я добродетельна, вы бы все равно стали моим любовником. Если б захотели, разумеется.

Женщина раздраженно отодвинула подсвечник и взяла недопитый бокал. Набросить хотя бы пеньюар она не пожелала. Марианна знала, что делает, поэтому Робер стал одеваться. Даже если баронесса не лжет, он не хочет... Не хочет быть прихотью, не хочет быть добычей, не хочет быть одним из сотни или сколько там их было. И будет...

Он одевался, а Марианна медленно пила вино и смотрела. Она поставила бокал, когда Эпинэ натянул сапоги.

– Валме в угловом будуаре. – Темные брови сошлись на переносице, как у разгневанной королевы. – Будьте осторожны, там собаки. Эвро может напасть без предупреждения.

Валме не ушел? Ждет своей очереди – не сейчас, так утром, когда Первый маршал неизвестно чего умчится к Халлорану?

– Для чего мне Валме?

– Для того, чтобы спросить, когда он был со мной последний раз. Куртизанке вы не верите, спросите дворянина. Марсель не трус, он не станет врать, чтобы избежать дуэли.

Не «в моей спальне», а «со мной»... У Валме два дома – урготское посольство и отцовский особняк, а он ночует у Капуль-Гизайлей! Боится отца? Одиночества? Ночных кошмаров? Эпинэ сел на постель, Марианна равнодушно наливала вино в два бокала. Золотистый свет нахально гладил бедра и плечи женщины, Робер стал смотреть на ковер.

– Возьмите. – Он взял, не взять было бы глупо. Вино... Золотое, терпко-сладкое, отдающее дымом. Марианна не любит «кровь».

– Зачем это ему?

Он не назвал имени, но баронесса поняла.

– Дженнифер. – Ответ прозвучал слишком быстро, она все-таки лгала, хоть и не так, как другие женщины. – Дженнифер Рокслей. Графиня стала любовницей Валме, когда тот был оруженосцем Генри. Теперь она вдова. Вдова от неженатого мужчины всегда хочет многого...

– Вдова может быть разумной. – Сколько было лживого смеха из-за разумной Клары! И ярости и боли за Мэллит, а девочку за снегами, за осенними листьями уже и не вспомнить. Бедная, она была так прекрасна... Для кого?

– Валме прячется от вдовы Рокслея? – Отец всю жизнь любил Жозину, а он сперва всех и никого, зато потом понеслось. Гоганни, непонятная Лауренсия, куртизанка... – Марианна, я не могу вам верить.

– Ну так спросите, что он здесь делает, – женщина потянулась за шалью, – это его дела, не наши. Он платит Коко и... заменяет вас во время вашего отсутствия... В глазах тристрамов.

– Ты его не любишь? – Леворукий, какой глупый вопрос! И ночь тоже глупая. Одетый кавалер, обнаженная дама, недопитое вино и заговор.

– Меня его общество устраивает, Коко тоже. Робер, что-то случилось?

– Нет. – Не случилось, но через три дня случится. – А маршал Савиньяк? Он тоже устраивал?

– Лионель? – Ему показалось, или Марианна слегка разжала сжимавшие ножку бокала пальцы? – Этот человек делает хорошо все. В том числе и любит. Сердца у него нет и не будет, но всего остального в избытке. Да, граф Савиньяк нас устраивал. О ком еще вы хотите узнать?

– О Вороне. – Быть глупым, так до конца! – Его ты тоже не любила?

– Нет, – нараспев произнесла женщина, – не любила, хотя могла бы и полюбить... Его бы могла. Алва красив, богат, по нему сходят с ума и королевы, и служанки. Мне хотелось заполучить его просто потому, что он – это он. Такая добыча привела бы порядочных дам в исступление и порадовала Коко, но любить я не собиралась. Потом он отыграл долг Марселя и ушел. Тогда я...

– Обиделась, – закончил Робер. Он больше не хотел слушать про Ворона, но Марианна хотела говорить.

– Нет, я не обиделась. – Баронесса набросила на плечи шаль. Так закрывают двери перед ненужным гостем. – Он ушел не потому, что пренебрег. В тот вечер Алва не отказался бы от женщины, я это чувствовала, но он знал, что я не смогу ему отказать. Я действительно не смогла бы. Если б Ворон остался, я была бы довольна, и он был бы доволен, но... он не

воспользовался случаем. Даже не случаем – правом спасителя и победителя. Это было так странно... Я поняла, что Алва не играет в честность, а в самом деле честен. Я думала о нем, пока он не прислал мне своего гаденыша. Тогда я не знала, что это за мразь... И Алва не знал.

– Вы несправедливы к Дикону. – Надо прощаться и уходить. Она не признается. Женщины, такие женщины могут признаться в убийстве, но не в любви. А убить, солгать, предать ради Ворона она готова. И она права, Алва стоит такой женщины и такого чувства.

– Я не Создатель, чтобы быть справедливой к пиявкам. – Взгляд женщины стал жестким. – Я платила и плачу собой за все, что беру. Окделл берет даром и думает, что так и надо. Уж лучше Салиган. Тот просто крадет.

– Если не хотите, не говорите. Марианна, – как хочется взять ее за руку, но он сам променял близость на правду, – кого вы убили? Вы говорили тогда, в саду...

Последняя попытка вернуть снежный свет, просящий взгляд, доверие. Глупая, ничемная попытка.

– Это мое дело. – Баронесса невесело усмехнулась. – Не надейтесь, я прикончила не насильника, не вымогателя и даже не соперницу. У меня был выбор между грехом и добродетелью. Я выбрала грех и выберу его снова.

Не хочет рассказывать... А ты сам желаешь говорить про овраг Святой Мартины? Про зарезанных часовых? Про Маранов? Про тех, кого не казнили, потому что вмешался Ворон, и про тех, кого повесили, потому что не вмешался ты? Через три дня ты шагнешь за порог и будешь виноват уже в деянии. Через три дня прольется кровь, и никто сегодня не скажет, сколько ее будет.

– Марианна, – глухо сказал Робер, – нужно, чтоб вы уехали. Вместе со слугами, с птицами... С Эвро. Вещи тоже лучше увезти, по крайней мере ценные.

Сейчас она спросит почему, и он соврет. Скажет, что подозревают заговор, что на нее донесли. Она должна уехать, и она уедет. Карваль даст охрану, двадцать человек ничего не изменят.

– Однажды мне такое уже советовали, – задумчиво произнесла баронесса. – Перед Октавианской ночью. Мы с Коко заперли дом и уехали в деревню. Это было весело. Я надела короткую юбку, заплела косы и ходила босиком по траве у ручья. Там были гуси, я их не испугалась, я же птичница... Я взяла хворостину. В Олларии убивали, а я гоняла гусей... Я уеду, если уедешь ты.

– Я не могу. Вы же знаете...

– Знаю. Я остаюсь. Коко как хочет...

– На вас донесли, – соврал Робер, но она то ли не поверила, то ли не поняла.

– Вы нас защитите. – Улыбка. Грустная, но спокойная. – Вы же знаете, какие мы безобидные.

– Оставаться в Олларии опасно и станет еще опасней.

– А если я скажу, что не могу остаться без вас? – В темных озерах вспыхнуло солнце. – С вами я уеду... Прямо сейчас. Хотите?

– Ты говорила, что полюбила бы Алву, – заставил себя улыбнуться Эпинэ. – Я не Алва.

– Говорила. – Сияющие глаза были близко-близко. – Могла... Но полюбила тебя... Ударить подносом, а потом полюбить... Никогда бы не подумала, что так бывает...

4

Утром в спальню ворвалось солнце. Солнце пробилось сквозь щели в портьерах и улеглось на ковре длинными светлыми полосами. Солнце превратило крышку от кувшина в бриллиантовый венец и прогнало незаконно воцарившуюся в Ракане осень. Солнце игриво тронуло щеку и забралось под ресницы, заставляя проснуться.

Ричард соскочил с кровати и, даже не позвонив слугам, подбежал к окну. В ясном небе купались птицы. Деревья тянули еще голые ветви в синеву, они больше не казались

растрепанными метлами. Надоедливая лужа у забора – и та весело ловила облака, а подсыхающие черепичные крыши блестели, точно покрытые лаком. В Ракану пришла весна. В ту самую ночь, когда к Ричарду вернулись сны, и сны эти не были кошмаром, хотя и добрыми назвать их не получалось.

По-кошачьи зашипели изготовившиеся к бою часы. Восемь. Так рано... В последнее время Дикон поднимался не раньше полудня, но теперь все изменится! Жаль только, что сон, в котором он нашел меч и возвратил покой душе Рамиро, останется сном.

Вручить сюзерену в первый день настоящий весны меч Раканов... Это стало бы не просто добрым предзнаменованием, это убедило бы даже Робера и Дэвида, так и не оправившегося после гибели брата. Рокслеи всегда были стойкими, но Дэвида, как и Иноходца, губит незнание. Если Альдо обретет власть над древними силами, необходимость в тайне отпадет сама собой...

Это было глупо, но Ричард рывком распахнул дверь в гардеробную, словно надеясь вернуть ночные грезы. Зеркало над камином равнодушно отражало дверь и стену с присланным дядюшкой Ангерраном видом Нового Карлиона, который Ричард не мог ни выбросить, ни держать на виду. Юноша до боли в глазах вглядывался в стекло, пытаясь вернуть странные подсвечники, морисский ковер, блеск клинков, поджарую черную фигуру... Каким живым было виденье и как безвозвратно ушло!

Пустая гардеробная, равнодушие картин и зеркал, фамильный кинжал в руках. Он обещал его отдать и отдал бы, не будь договор с Рамиро сном. Дикон дернул звонок и взялся за головную щетку, уже понимая, что сделает. Что не может не сделать, какой бы детской глупостью это ни было.

Слуга явился сразу. Он был слишком вышколен, чтобы удивляться приказам, но Ричард зачем-то заговорил о погибших в Надоре.

– Я хочу переделать и вновь освятить домовый храм.

– Конечно, монсеньор.

– Мне понадобятся новые иконы...

– Прикажете найти художников?

– Да. Узнайте, кто работает в церкви Святого Алана... Или нет, художника пришлют из дворца, а мы осмотрим церковь. Ее ведь еще не открывали?

– При мне нет, монсеньор.

Дикон тоже не видел храм открытым, разве что еще в одном сне. Будет забавно, если Вороны и впрямь почитают Леворукого, хотя это вряд ли. Алва слыли безбожниками, по крайней мере, Рокэ, но обещания надо держать, даже случайные.

В церкви снова будет церковь. Домовой храм Святого Алана, и в нем иконы святой Мирабеллы, святой Эдит, святого Реджинальда... Можно не верить самому, но уважать веру погибших, тем более что мать уже никому ничего не навяжет. Пусть у нее будет хотя бы эта церковь. И икона... Строгая зеленоглазая святая во вдовьем покрывале.

– Монсеньор желает завтрак?

Надо же! Оказывается, он голоден, как стая волков, но завтрак – это лишних полчаса, если не больше. Во время походов голодать придется сутками.

– Сперва церковь.

– Ключей не осталось.

– Позовите плотника. Побыстрее.

– Сейчас, монсеньор.

Мастера искали зря. Казавшаяся намертво закрытой дверь распахнулась при первом же толчке. Сдавленно ахнул ненужный плотник, удивленным эхом откликнулся камердинер. Ричард промолчал, онемев от восторга и ужаса, потому что святая Октавия не погибла в Старом Парке! Тоненькая и хрупкая, она стояла в залитой серебристо-розовым сиянием церкви и застенчиво улыбалась. У ног теребящей косу девушки сверкали алмазные росы, незабудки из сапфиров отражали свет глаз. Так же доверчиво смотрела на мир и юная Катари. Она ждала любви и счастья, а ее обрекли на ужас, на вечную холодную осень...

Дикон с трудом оторвался от светящегося тихой нежностью лица. Первый день весны подарил чудо, о котором никто не подозревал. Если б не привидевшийся Рамиро, храм так бы и стоял закрытым. Страшно подумать, ведь он не глядя мог велеть все переделать или заменить на святилище истинных богов. Юноша вновь и вновь рассматривал удивительные витражи, кружева решеток, позабывшие о цветах вазы, лишенные масла лампы. Первое потрясение прошло, и стал заметен толстый слой пыли, покрывавший пол и ведущие к алтарю ступени. Ворон вряд ли молился красоте и нежности. Женщины для него были забавой, а любовь едва ли не ругательством, но этому конец.

Храм Октавии оживет и при этом останется тайной. В память о матушке и сестрах герцог Окделл выстроит часовню или переделает под церковь башенку в левом крыле. Храм Истинных Богов со временем тоже появится, но голубоглазую девушку среди цветов увидит только Катари. Когда станет герцогиней Окделл. Даже сюзерен... Альдо был вынужден очистить храм в Старом Парке от узурпатора и его жены, но эту Октавию он не тронет!

– Проследите, чтобы к вечеру было убрано, – распорядился Ричард, – и найдите цветы. Голубые или белые, но не лилии. Лучше всего гиацинты. Свечи тоже должны быть белыми. Художники пока не нужны. Я должен подумать...

– Да, монсеньор. Что монсеньор прикажет делать с мечом?

– С каким еще...

Прервав сам себя, Ричард глянул вниз. Завороженный нежным девичьим лицом, он не обратил внимания на нижний ряд икон и идущие к иконостасу ступени. На верхней из них лежал меч. Рамиро Алва исполнил свою часть договора.

– Выйдите, – велел Ричард. – Выйдите все и ждите.

Святой Алан, он не может коснуться меча при слугах и тем более не может положить на его место кинжал.

Мягко скрипнула дверь. Словно вздохнула. Поднялись и заплясали в столбе розового света потревоженные пылинки, робко улыбнулась Катари, потому что это была она, а не умершая давным-давно распутная королева! Ричард достал кинжал. На мгновение стало жаль, но кем бы он был, нарушив договор? Старая церковь молчала, но Ричард чувствовал чей-то взгляд. Кто на него смотрит? Древние боги? Ждущий покоя Рамиро? Не узнавший имени настоящего предателя Алан? Отец? А может, сама Любовь?

Юноша улыбнулся Катари и поднялся к алтарю. Древний меч лежал на ветхом истрепанном плаще, на нем не было ни пылинки. Дикон поднес к губам меченный ведем кинжал, словно прося прощения, и бережно опустил реликвию на потертое сукно. Вблизи стала заметна дыра и какие-то пятна. Кровь?

– Я отдаю его, – сказал Ричард Окделл тем, кто его слышал. – Я обещал, и я отдаю... Карте место!

Глава 7 Ракана (б. Оллария) 400 год К.С. 6-й день Весенних Ветров

1

Сюзерен поздно лег и еще не выходил. Растерявшийся Лаптон пытался удержать Дика, бормоча про высочайший гнев. Юноша не выдержал и рассмеялся. Альдо если б и разозлился, то за промедление, но толстяку в синем расветном плаще древние тайны никто не доверит. Дикон отстранил гимнет-капитана, миновал даже не пытавшихся воспротивиться гимнетов и захлопнул дверь, отрезая непосвященных от того, что сейчас произойдет.

Сюзерен и в самом деле спал, раскинувшись на обвитой змеедевами широкой кровати. Полог был приподнят, у изголовья блестел обнаженный кинжал, рядом лежала пара пистолетов. Засыпая, Ричард тоже клал под руку отцовский клинок. Теперь его нет, так же

как и Надора. Начинается новая жизнь.

– Альдо, – негромко окликнул Ричард, – я его нашел.

Сюзерен не пошевелился. Он не знал, что пришла весна и все реликвии собираются воедино. Дикон рывком раздвинул затканые коронами портьеры, впустив в полумрак спальни утреннее сияние. Окна выходили в залитый солнцем висячий сад. Деревца в кадках еще не очнулись, молчали и крохотные фонтанчики, но ясные блики на белом мраморе и воркующие голуби наполнили сердце радостью под стать той, что подхватила юношу у Дарамы. Конец ненастья тоже был победой. Их с Альдо. Окделл отыскал меч, но Ракан это предвидел! Сюзерену не нужно уничтожать озера и вешать пленных, ведь на его стороне благословение богов. Сейчас Альдо получит последний ключ к силе предков, ему больше не нужны дожди и не страшны чужие армии, кто бы их ни возглавлял!

– Альдо, – засмеялся Ричард, – весна! Пришла весна, и у нас есть меч! Фельпская купчиха может искать другого жениха!

– Чушь, – государь сонно махнул рукой и отвернулся, – отстань...

Солнечная лапка добралась до ночного столика, алыми роями вспыхнул бокал. Рубиновый зайчик прыгнул на щеку сюзерена, тот недовольно и резко дернул головой. Как Удо. Отравителя так и не поймали, а гимнеты... Гимнеты пропустили герцога Окделла без лишних слов.

Лаптон способен только квохтать, он не посмел задержать Повелителя Скал, не остановил бы и Повелителя Волн. Ему ли ловить убийц? Счастье, закружившее Дика первым весенним утром, утонуло во внезапном ужасе.

– Альдо! – закричал юноша и тут же вспомнил, что кричать нельзя. Если это опять сонный камень...

– Сбесился, да? – с надеждой произнес сюзерен. – Уродство... Велел же не будить до полудня...

Жив! Жив и здоров, просто смертельно устал. Вся Ракана знает, что сюзерен жжет свечи до глубокой ночи. Это Фердинанд был каплуном и ложился спать с курами!

– Я послал Лаптона к кошкам, – улыбнулся Ричард. – Ты только посмотри, какое солнце!

– Вижу, – ворчливо кивнул ничего не подозревающий друг и повелитель, – но это не повод. Я лег в четыре. Задерни портьеры, глаза режет. Так что случилось? Неужели ты влюбился в приличную девицу? Тогда я тебя прощаю...

– Альдо, – сердце замерло в предвкушении чужой радости, – смотри. Это он!

Развернуть черный с золотом плащ, приложиться губами к реликвии и, преклонив колени, протянуть ее сюзерену... Это было как в лучшей из легенд, но кто сказал, что сказание не может стать явью?!

– Где? – прошептал Альдо. – Где ты его нашел? Как? Это точно он? Ты уверен?

– Я уже держал его в руках... Когда Фердинанд отдал его Ворону. Тогда выпал карас... Видишь, вот отсюда. Эта лунка еще светлая. Другие камни потерялись раньше...

Карас так и сгинул. Повелитель Скал не смог его сберечь, как не смог сберечь Надор, или первое предупреждало о втором, но никто не понял?

Пальцы сюзерена сомкнулись на потемневшей рукояти. Альдо прикрыл глаза, вслушиваясь во что-то доступное лишь ему. Стало тихо и звонко, как после грозы. Вспомнился Алва, переполненный придворными зал, обезумевший закат. Дикон покосился в окно. Солнце весело сияло на сорвавшем облачную кожуру небе. Оборачиваться кровавым сердцем оно не собиралось.

– Удивительно, – негромко произнес Альдо. – Удивительно чувствовать древнюю силу... Быть ее владыкой и ее частью. Теперь я понимаю обоих Эрнани. Понимаю, почему они отреклись. Слабый такого просто не вынесет...

– Когда эр Рокэ... Когда герцог Алва взял меч, загорелось четыре солнца, – тихо сказал Ричард. – Я тебе рассказывал.

– Солнце может быть лишь одно! – Сюзерен провел пальцами по мерцающему

лезвию. – И анакс может быть только один, остальное – обман. Зато мы можем быть уверены, что Алва и в самом деле один из четырех Повелителей. Меч его узнал... Наверное, он был счастлив после стольких лет ощутить древнюю кровь.

– Я его тоже брал, только позже.

– Ты что-нибудь почувствовал?

– Конечно... А Ворон назвал меч дурно сбалансированной железякой.

– Его ковали для иного боя, – кивнул Альдо, – это очевидно. Где ты все-таки его нашел?

– В церкви... В домовый церкви Алва. Мне приснился сон, будто пришел Рамиро Предатель. Он обещал меч в обмен на кинжал, которым его убили. Я обещал...

– Что? – подался вперед сюзерен. – Это меч из сна?!

– Нет. Я понимаю, это странно звучит, но утром я решил отпереть церковь. Ее очень давно не открывали, очень... Меч лежал там. Наверное, Ворон его спрятал перед отъездом в Кэналлоа, а себе заказал похожий... Я еще удивлялся, почему камень в рукояти начал блестеть, а он просто другой. Теперь ты можешь не жениться на урготке.

– Не могу. Сила силой, но золото нам нужно по-прежнему. Анаксия – не только войны, это еще и бездельники, которых надо кормить и одевать. И... не вздумай говорить о мече раньше времени! Пускай Дорак думает, что его ждут всего-навсего Эпинэ с Халлораном. Кстати, ты отдал Рамиро кинжал?

– Я... я положил его в церкви вместо меча и запер дверь.

– Правильно. Долги нужно платить, тем более что тот Алва был хорошим слугой, я и сам бы от такого не отказался. Эрнани не стоил ни его, ни Алана... Что такое, Лаптон?

– Ваше величество, экстерриор умоляет напомнить... Через час прибудет гайифский посол.

– К Леворукому! Велите седлать коней! Мы едем за город. Пусть Вускерд объяснит «павлину», что мы... инспектируем гвардию. – Лицо сюзерена стало лукавым, он понизил голос: – Дикон, мы не можем швыряться молниями во дворец. Он слишком дорого мне обходится.

2

Промытая дождями Дора все равно оставалась страшной. Зато здесь можно было не опасаться ни чужих глаз, ни нечаянных смертей – проклятое место обходили стороной даже кошки. Ричард, будь на то его воля, тоже бы обошел, но сюзерен решил ехать в Дору, и они поехали. Залитыми слепящим светом улицами. Под темнеющим на глазах небом. Ставшее невидимым солнце превращало непросохшие стены в белоснежный сверкающий мрамор, но над головой нависала свинцовая жуть, а позади неровно клаяло. Будто за кавалькадой увязалась хромая лошадь.

– Слышишь? – спросил Дикон улыбающегося чему-то неведомому сюзерена.

– Что? – не понял Альдо.

– Одна из лошадей... Захромала.

– Это дело слуг. – Рука анакса скользнула по сумке с короной. Меч был у Дикона, а жезл доверили Мевену, не знавшему, что и куда он везет. Альдо не хотел рисковать, соединяя реликвии раньше времени.

– Но ты слышишь?

– Не слышу. – Сюзерен озабоченно глянул вверх. – Проклятье, только дождя сейчас не хватало.

Ричарда ненастье не пугало. Сейчас юношу не напугал бы даже сель. Дикон согласился б на дюжину отравленных шкатулок, лишь бы не идти в Дору, но выхода не было. Герцог Окделл не мог отдать вверенную ему реликвию чужаку и оставить сюзерена. Судьба избрала Повелителя Скал сперва поверенным тайны Раканов, затем – хранителем Меча. Дикон принял ношу, и обратной дороги не стало, а проклятая клая хромала все сильнее. Дикон

оглянулся – кони эскорта шли ровно. Совсем как в ночь, когда Придд отбил Ворона.

– Ну что ты вертишься? – удивился сюзерен.

– Лошадь...

– Нашел о чем думать.

Пахнуло гнилой водой. Засыпанный канал... Достать из провала все трупы так и не удалось. Теперь гигантскую ямину огораживал глухой забор. Альдо нетерпеливо дернул повод, объезжая препятствие, и золотистый линарец, гордясь царственным седоком, изогнул шею. Сона повернула, не дожидаясь приказа. Солнце било в глаза все неистовей, а небо становилось темней и темней. Неживой свет, сверкание стен, черные стволы, сладкий запах разложения. Ничего особенного, но как же... зябко.

– Альдо, – сдавленно произнес Ричард, – не нужно тревожить Дору.

– Что-то развалить все равно придется, – пожал плечами сюзерен, – а лучше здешней гнили не найти. Так и так сносить нужно.

Дикон молча кивнул. При виде забитого дощатыми щитами пролома к горлу подступила тошнота.

– Да не бойся ты. – Альдо понизил голос, хотя Мевен не имел обыкновения подслушивать. – Среди анаксов и до колченогого Эрнани ничтожества случались. Если им голову не оторвало, мне тем более.

– Конечно, – Ричард заставил губы раздвинуться в улыбке, – но... Мне трудно... сюда возвращаться. Ты не видел, что тут творилось!

– Да уж! – хмыкнул Альдо. – Подвел ты меня тогда... Хотя все хороши оказались, ну да кто старое помянет...

Отвечать Ричард не стал. Боязнь Доры была слабостью, а потакать слабостям нельзя. Нужно идти навстречу тому, что пугает, и испугать собственный страх. Страх требовал оглянуться, гордость велела смотреть вперед. Гордость победила. Дикон почти спокойно послал Сону на грубый бревенчатый мост. Новый, как и закрывавшие дыры в стене доски. Кобыла замедлила шаг и прижала уши, она тоже не хотела в Дору. Пришлось пустить в ход шпоры. Сона вздрогнула, но не заржала, просто повела ушами и перешла на рысь.

Глядя прямо перед собой, Ричард ехал сквозь собственную память и так до конца и не выветрившийся ужас. Дорога была пуста – ни призраков, ни людей, ни хотя бы бродячих собак. У третьего из внутренних дворов Альдо спешил, Дик последовал его примеру. Сапоги глухо стукнули о щербатые плиты. Холодные, это юноша чувствовал даже сквозь сапоги.

– Мевен. – Сюзерен был собран, как перед боем, да это и был бой. Бой за Золотую Анаксию. – Передайте то, что вы везли, герцогу Окделлу, заберите коней и оставайтесь на месте, пока вас не позовут. То, что будет происходить внутри, вас не касается. Дикон, пошли!

Ричард не обернулся именно потому, что больше всего на свете хотел даже не отступить – сбежать. Стиснув зубы, юноша шел вперед плечом к плечу с Альдо. В переходах Багерлее бродило эхо, Дора пожирала звуки, как болото следы. Звук шагов и тот был глухим, словно под ногами лежала оголодавшая топь...

– Годится! – решил Альдо, выходя под подбитые светом тучи. – Лучше не придумашь. Ты тут застрял?

– Нет, – чужим голосом откликнулся Ричард, – раньше... Во втором дворе...

– Вот как? – удивился Альдо, глядя в сердце Доры. Оно было пустым. Ямы зарыли, переломанные доски вывезли. Не осталось ничего, кроме пропитавшихся смертью каменных плит и иссякшей фонтанной чаши.

– Давай меч! – Занятый своими мыслями Альдо протянул руку. – И отойди. К фонтану, что ли... Ты – Повелитель, ты под моей защитой, но мало ли... И гляди в сторону.

Дикон послушно оставил сюзерена там, где зимой торчала галерея, а сейчас не было ничего. Дождь все не начинался. Казалось, так будет всегда, особенно в Доре.

Альдо расстегнул сумку, достал корону. Злобными разноцветными глазами вспыхнули

драгоценные камни. Раньше они не казались опасными, раньше они были одиноки. Сюзерен почувствовал взгляд и обернулся. Густые брови угрожающе сдвинулись, и Ричард, не дожидаясь окрика, устоял в спящий фонтан, на дне которого стояла мутная зеленоватая вода. Таким Ричард его и помнил, только сухим. Вино пустили, когда юноши на площади уже не было. Это без него из каменного зева ударила красная струя, без него бросились к ней обезумевшие пьяницы, без него падали, захлебываясь в кислой жиже, а вино перехлестывало через выщербленные края и растекалось по площади, смешиваясь с блевотиной, обмывая упавших.

Старый фонтан бил, пока не иссяк. Вино и грязь впитались в камни, их смыли бесконечные дожди, но Ричарду казалось, что над площадью висит одуряющий, жуткий запах, а треснувший мрамор сочится ядовито-зелеными слезами. Юноша потряс головой, прогоняя непрошеную дрему – бессонная ночь есть бессонная ночь, – и позволил себе повернуться к Альдо. Тот стоял лицом к солнцу, высоко подняв жезл и меч. Неистово сияли камни, а вот золото терялось в светлых волосах. Казалось, вокруг чела анакса пляшут странные звезды.

Отвести взгляд от воплотившей в себе древнее величие фигуры было почти невозможно, но Ричард вспомнил про запрет и, опустив глаза, медленно пошел вокруг фонтана. Вода в нижней чаше, лишь слегка отдававшая зеленым, на глазах обретала сходство с обратившимся в изумруд медом. Гладкая вязкая поверхность слегка колебалась, словно дышала, и тянула к себе. Ласково, но неодолимо. Дикон склонился над оживающим зеркалом, любясь тем, как пляшут по дрожащей поверхности малахитовые блики.

Текущий зеленый янтарь неспешно заполнял старый фонтан, запах вина становился тоньше и слабее, слегка кружилась голова, словно над пропастью или в ожидании чего-то важного. Так на площади Фабиана Ричард Окделл ждал, когда прозвучит его имя. Ариго и Килеан трусили и предали. Их смерть была легкой, *слишком* легкой... *Слишком* просто погибли и те, в Надоре. Поднять голос и руку на Повелителя, на потомка богов, и всего лишь попасть под обвал. Ничего не поняв, даже не испугавшись. Умереть без слез, без криков, не раскаявшись, не моля о прощении, умереть не на эшафоте... Это не кара, это милость! Скалы милостивы, *слишком* милостивы к послушникам... *Слишком* ... Не надо их слушать. Не надо прощать. Не надо ждать. Жизнь коротка, надо брать все и сразу... Все, что ты хочешь, – твое. Иди и бери! Надо действовать... Действовать!

Зеленый мед заполнял бассейн почти до половины, когда в глубине что-то проступило. Что-то длинное и смутное неспешно всплывало, обретая очертания. Это был человек, мужчина... Неподвижный, спящий. Порождение зеленого янтаря, он поднимался лицом вверх. Разобрать черты сквозь дышащую вязкую толщу было трудно, но Ричард узнал Айнсмеллера. И закричал.

3

Струи ливня вдребезги разнесли зеленое зеркало. Стало холодно и светло, несмотря на хлынувший наконец дождь. Хватая ртом воздух, Дикон глядел в фонтан, на дне которого весело пузырилась лужа. Обычная, дождевая, серо-бурая, она стремительно росла, но это не было страшным...

– Дикон! – Оклик сюзерена окончательно прогнал глупый сон. – А ну сюда! Быстро!

Альдо прятался в арке, и Ричард, с наслаждением шлепая по живой, чистой воде, бросился к нему. Дождь лил сплошной стеной, ветер сплетал толстые струи в косы, в мгновение ока юноша промок до нитки, но лучше мерзнуть, чем спать. Два безумных сна в один день – от этого недолго и с ума сойти.

– Чего ты орал? – в лоб спросил Альдо. – Дождя испугался?

– Мне показалось, в фонтане Айнсмеллер, – признался юноша и тут же понял, каким дураком выглядит.

– Кто? – Альдо выглядел озадаченным. – Ты что, заснул?

– Только тебя... В самом начале. Ты поднял меч и жезл. Я вспомнил, что ты запретил смотреть, стал смотреть в фонтан, а там...

— Правильно, что отвернулся. Ричард, ты раньше видел корону Раканов? При Фердинанде?

– Один раз. После Сагранны. Когда эру Рокэ отдали меч...

– Жаль, он не получил сразу и корону. – Альдо усмехнулся, но словно бы через силу, и откинул со лба потемневшие от воды пряди. Мокрые, они больше не походили на старое золото.

— С короной что-то не так? — испугался Ричард.

Сюзерен поморщился.

— Или с жезлом, — задумчиво произнес он. — Надо бы проверить. А ну-ка надень!

— Я? — не сразу понял Дикон. — Как?

— На голову! Вряд ли она еще на что-то налезет.

— Это же корона Раканов!

– Очень на это надеюсь. Надевай!

Дикон послушно принял тяжелый обруч. Камни больше не смотрели глазами закатных тварей, вновь став тем, чем родились: крупными изумрудами, сапфирами, алмазами. Странно, почему в венце нет ни единой ройи?

– Хватит любоваться! – прикрикнул сюзерен и усмехнулся, почесав переносицу. – Обещаю в государственной измене не обвинять.

– Сейчас! – Надеть корону Раканов! Когда-нибудь он расскажет об этом сыну...

Золотая холодная вечность сжала виски. Венец лег плотно, но Дикон все равно замер, боясь шевельнуться. Раньше у Повелителей тоже были короны, но по милости эсператистов все пошло прахом. Сперва венцы и имена, затем честь и память... Ричард не видел венца Скал даже на портретах.

— Что ты чувствуешь? — требовательно спросил государь. — И что видишь?

Юноша не чувствовал ничего, а видел арку, в которой они прятались, напряженное лицо сюзерена и мокрую площадь, но как же хотелось увидеть себя в древнем венце. Пусть на миг, пусть в дождевой луже, но увидеть и запомнить. Ноги сами вынесли Ричарда из укрытия под расплывшийся дождь и приросли к каменным плитам, потому что на кромке фонтана стояла маленькая ювелирша. На голове стащившей карас толстушки сверкала мокрыми стекляшками корона. Дик уже видел ее во время давки, но лишь сейчас понял, как она похожа на венец Раканов...

– Девочка, – крикнул Ричард. – Девочка, постой!

– Девочка, – передразнила толстушка, размахивая перед носом растопыренными пальцами. – Девочка, стой!..

– Девочка. – Ричард лихорадочно сунул руку в карман в поисках чего-нибудь
 гящего. – Девочка, хочешь кольцо? Настоящее, золотое...

— Хочешь кольцо? Хочешь?

— Девочка, ты не знаешь, где...

– Девочка, ты не знаешь, где ... – Девчонка спрыгнула с фонтана и сосредоточенно запрыгала на одной ноге. – Ты не знаешь, тынезнаешьтынезнаешьтынезнаешьтынезнаешииии...

Дождь хлестал как из ведра, но белое платьице оставалось сухим, а на круглой рожице не было ни капли. Доскакав до места, где была галерея, девчонка встала и подбоченилась, словно торговка.

– Ну! – завизжала она. – Чего приперся? Чего пялишься? Шмызрун поганый! Пшел вон! И суляпявца своего забирай! Оба вон! Совсем вон! Вы мне не нужны... Это мой дом! Это мой город! Никого не пушу! Сейчас как дам!!!

Сумасшедшая. Сошла с ума в Октавианскую ночь. Живет здесь, но кто ее кормит?

Сторож? Есть же здесь какой-нибудь сторож...

– Девочка, где ты живешь?

– *Трак-так-так*, – завопила сумасшедшая, высовывая язык, – *ты дурак! И тебе щас будет ШМЯК!*

– С кем ты живешь? Мне надо...

– *Иди вон!* – Босая ножка хлопнулась в лужу, подняв тучу брызг. – *Жуй ворон, у тебя в носу пистон!*

Ее надо поймать, отвести к сторожу, расспросить. Камень у нее, конечно же, у нее!

– *Вон-вон-вон-вон!*

– Дикон! – Сжимавшая виски тяжесть исчезла. Сюзерен... Святой Алан, он забыл даже про сюзерена!

– Если ты решил утопиться, то в Данаре быстрее. – Государь держал в руках корону и смеялся, но глаза его были серьезными. – Что с тобой было? Говори, мне нужна правда. Любая.

– Я видел девочку в короне. – Солгать Альдо Ричард мог, только спасая жизнь сюзерена или... жизнь Катари. – Она с Золотой улицы... То есть жила там до погромов, а теперь живет здесь. Я ее видел перед самой давкой...

– И это все?

– Все. – Не повторять же глупые дразнилки, да он их и не запомнил. – Альдо, а ты ее не видел?

– Разумеется, нет. Я чужую корону не надевал...

– Ты сам мне велел.

– Я хотел посмотреть, что с тобой будет. Все это очень странно... Ладно, Дикон, ты весь мокрый, я немногим лучше. Поехали, благо дождь кончается. Обсушимся у его высокопреосвященства.

Глава 8

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. 6-й день Весенних Ветров

1

Ворон сорвался с острой колокольни и взмыл в небо. Он уже привык к городу, в который его привезли, и не спешил возвращаться в родные горы. Черный хищник не знал, что за его полетом следят сотни глаз. Люди задирали головы, значительно кивали, шепотом произнося запретное имя. Вороны поменялись местами. Давший свободу птице угодил в клетку, но круживший над Нохой не позволял о нем забыть...

– Дурная примета, – нерешительно произнес Мевен, провожая глазами одинокую тень. – Мой государь, может быть...

– Эта примета будет каркать еще лет триста, – прервал гимнет-капитана сюзерен. – Мы не собираемся столько ждать. И помните – мы не хотим столкновения, но если нам его навяжут, от церковных крыс должны остаться только хвосты. Ясно?

– Да, государь. Мы исполним свой долг. Даже самый неприятный.

– Отлично!

Нельзя сказать, что аббатство кишело солдатами, но сомнений в том, что Левий готов к бою, не было. Тем не менее полковник в сером подчинился приказу и не закрыл ворота. Он даже не возразил, когда в первый двор вошла рота южан.

– А наш голубок боится летать против Агариса, – шепнул Альдо, – и хорошо. Сегодня мне сваря не нужна.

– Его высокопреосвященство ждет, – объявил Пьетро. В этот раз он не трясся, ведь за его плечом маячили двое офицеров.

– Нам не нужны провожатые, – улыбнулся Альдо, – мы помним дорогу.

– К сожалению, внутрь пробрался некто, не известный ни его высокопреосвященству, ни солдатам вашего величества. – Полковник в серокрысином мундире был вежлив, но настойчив. – Пока его не найдут, Ноха небезопасна. При всем уважении к доблести сопровождающих ваше величество гимнетов мы не можем оставить ваше величество без охраны.

– Долг есть долг, полковник, – одобрил сюзерен. – Что ж, провожайте.

Они шли, а церковники их именно что провожали, потому что Альдо знал дорогу отменно. Государь стремительно шагал хмурыми переходами, вынуждая непрошенных стражей убыстрять и убыстрять шаг. Внутри Ноха, как и Багерлее, напоминала Лаик, только более ухоженный. На лестницах лежали скромные ковры, на каждом шагу стояли светильники, пахло какими-то куреньями.

За двойным рядом колонн показался зал, почти повторявший лаикскую приемную, в чистых окнах блеснули омытые недавним ливнем крыши. Ноха словно бы улыбалась, и Дику подумалось, что он видит аббатство в четвертый раз и что дуэль с Эстебаном, благословение Оноре, даже коронация Альдо были не столь важны, как предстоящий разговор.

Серый капитан распахнул двери. Запахло шадди. Теплый запах напоминал о пропущенном завтраке и отложенном обеде. Пьетро исчез в приемной. Альдо окликнул Мевена:

– Гимнет-капитан, ждите здесь. Полковник, надеюсь, в покоях его высокопреосвященства нет злоумышленников?

– Это невозможно. – Шутки агарисец не понял. Альдо, не ответив, шагнул в южную горечь, и Ричард рванулся следом. Юноша не собирался оставлять сюзерена наедине с эсператистской крысой, тем более речь шла о гальтарских реликвиях.

О тайнах Раканов Дикон знал больше Эпинэ и Придда вместе взятых, но слишком о многом приходилось молчать. Со стороны могло показаться, что супрем дальше от государя, чем даже Карваль. Что ж, эта поездка расставит все по местам.

– Вы привели герцога Окделла? – Кардинал улыбался, но его улыбка была недоброй и какой-то липкой. – Следовательно, ваша цель не исповедь, каковой вы, к слову сказать, избегаете со дня коронации.

– Мы не готовы признаваться в грехах. – Сюзерен тоже улыбнулся. – Нас больше волнуют дела.

– Важнее спасения собственной души лишь спасение тех, кто тебе доверился, – напыщенно произнес человек в сером. – Нынешняя погода располагает к простуде, особенно если попасть под дождь. Невольное купание требует горячего вина, или вы предпочитаете шадди?

Уже знает! Святой Алан, он уже знает о поездке в Дору!

– Благодарю, ваше высокопреосвященство, – решительно произнес Альдо. – Герцог Эпинэ, без сомнения, воспользуется вашей любезностью при первом же случае, но мы не имеем обыкновения пить вне дома. Особенно там, где бродят злоумышленники.

– Во время разговора горло пересыхает. – Левий опустил в кресло, чем не преминула воспользоваться трехцветная кошка. – Почему бы вам не послать за питьем во дворец?

– Мы не можем терять время, как, без всякого сомнения, и ваше высокопреосвященство. – Сюзерен говорил строго и спокойно, как на Совете. – Нам весьма неприятно об этом говорить, но возникли серьезные сомнения в подлинности так называемого жезла Раканов. Мы хотели бы выслушать объяснения.

Так вот в чем дело! Жезл оказался подделкой, то-то Левий так легко с ним расстался, но Альдо мог бы и сказать. В Доре их никто не слышал... Он бы и сказал, если б не выскочившая под дождь сумасшедшая ювелирша. Она была, что бы государь ни говорил, и ее придется искать...

– Обвиняющий Церковь обвиняет Создателя. – Левий невозмутимо гладил кошку, торчащий в углу Пьетро совсем вжался в стену.

– Мы еще не обвиняем, по крайней мере, всю Церковь, – отрезал сюзерен. – Мы всего лишь подозреваем, что переданный вами жезл – подделка.

– На чем основано это подозрение? – Гладкая, как у женщины, рука продолжала ласкать почти закатную тварь. – И чем объяснить, что сомнения возникли после того, как Ноху посетил странный гость? Гость, которого пропустила внешняя охрана.

Голубые глаза церковника смотрели прямо. Он не собирался оправдываться, а уличить такого во лжи трудно. По крайней мере, не признавшись в обретении Меча. Если б только за Левием не стояла агарисская свора... но пока Сила не покорится Альдо, нужно соблюдать вежливость.

– Солдаты Карваля и Халлорана отлично вышколены, – не дал увести себя в сторону Альдо. – Они клянутся, что в Ноху не прошмыгнула и кошка, и мы им верим. Им, а не тем, кто склоняет к лжесвидетельству и подменяет... ценности.

– Вы имеете в виду предшественников герцога Окделла на посту супрема? – осведомился клирик, перебирая кошачий мех. – Вы правы, по крайней мере в отношении процесса герцога Алва. Найденные вашими чиновниками якобы улики были на редкость жалкими.

– Вы знаете, что мы имеем в виду! – Альдо поднялся, Левий остался сидеть. – Ваше высокопреосвященство, где подлинный жезл Раканов?

– Я предполагал, что там же, где подлинный Ракан. Вы полагаете, я ошибаюсь?

– Вы не ошибаетесь, – припечатал сюзерен, – вы лжете! Палка белого золота, которую вы нам всучили... никуда не годный хлам! Мы требуем ответа. Где жезл?

Кардинал еще раз погладил кошку, неспешно ссадил на пол и поднялся. Он едва достигал государю до подбородка.

– Сын мой, это я требую ответа. На что именно не годится святой жезл, врученный мне матерью нашей Церковью? До меня раз за разом доходят слухи о том, что ты, сын мой, впадаешь в мерзость демонопочитания. Твои слова, сказанные в присутствии двоих свидетелей, служат косвенным подтверждением твоей вины. Я более не считаю тебя достойным хранить святую реликвию. Верни ее Церкви.

– Мы не настолько легковерны и глупы, чтобы расстаться с уликой! – В глазах Альдо сверкнула молния. – Так называемый жезл будет передан конклаву в присутствии надежных свидетелей. Сегодня мы ограничимся тем, что переведем в Багерлее Рокэ Алву и возьмем под свое покровительство Катарину Оллар.

Кардинал коснулся болтавшегося поверх рясы эмалевого голубя. Он все еще был спокоен. Это Пьетро трясся, как кролик, судорожно тиская свои жемчужинки.

– Герцог Алва в присутствии иноземных послов передан мне на поруки. – Как же отвратительна и нагла безнаказанность! – Твои еретические утверждения, сын мой, никоим образом этого не отменяют, тем более что залог принятого решения – святой жезл – остается в твоих руках. Собери послов Золотых земель, верни реликвию, повтори и обоснуй твои обвинения, и ты будешь выглядеть хотя бы серьезно. Что до госпожи Оллар, то она находится в обители по собственному выбору и по ходатайству своего кузена.

– Эпинэ передумал, – бросил Альдо кардинальской макушке, – госпожа Оллар едет с нами.

– Я не слышу чужих мыслей и не намерен принимать на веру чужие слова. – Кардинал снова сел. Смешно, но сидя он казался почти рослым. – И я не намерен выдавать госпожу Оллар тем, кто погубил ее супруга.

– Фердинанд покончил с собой, – не выдержал Дикон. – Это был его первый достойный поступок...

– Самоубийство есть грех, – клирик вновь тронул голубка, – падающий на самоубийцу и того, кто подтолкнул его на пагубный путь. Последний в глазах Создателя не столь отличен от убийцы, но сам ли умер Фердинанд Оллар?

– Ваше высокопреосвященство, хватит морочить нам голову! – прикрикнул Альдо. – Приведите сюда вдову Оллара. Пусть она или повторит ваши обвинения, или опровергнет

вашу ложь. И заодно скажет, хочет уехать с кузеном в Ариго или нет.

– В Ариго? – поднял бровь кардинал. Он был удивлен, как и Ричард. – О подобном предложении следует знать из первых уст. Пьетро, передай госпоже Оллар наш разговор. Если она сочтет возможным прийти, проводи ее сюда.

2

Катари еще сильнее похудела, этого не скрывало даже бесформенное, подбитое мехом одеяние. Осунувшееся личико стало совсем детским, из-под вдовьей вуали выбивались трогательные светлые завитки. Королева спешила на зов родной Ариго, ей было не до того, чтоб прихорашиваться, да она никогда этого и не любила.

– Ваше высокопреосвященство, – тихо сказала женщина, – вы меня звали. Что я должна...

– Вы ничего не должны, сударыня. – Сюзерен выступил вперед и галантно поклонился, а вот у Дикона при виде уже почти неземного существа потемнело в глазах. – Вы ничего никому не должны, сударыня, – повторил Альдо, протягивая руку, и Катари бездумно вложила в широкую ладонь восковые пальчики. Ричард заметил, что губы королевы искусаны в кровь. Женщина чего-то или кого-то боялась. Если Левия, то она согласится уйти.

– Вы собирались передать госпоже Оллар предложение ее кузена перейти под его покровительство и уехать в Ариго, – сварливо напомнил кардинал. – Моя гостья нездорова и вряд ли расположена к долгим беседам.

– Я... Сегодня я чувствую себя лучше. – Взор Катарини блуждал по комнате, словно кого-то искал. Ричард все понял и встал рядом с Альдо. Вмешаться было невозможно, но юноше удалось поймать ускользающий испуганный взгляд. Святой Алан, только бы она поняла! Только б не растерялась, не вспомнила старых обид... Почему раньше они понимали друг друга с полуслова, а теперь каждая встреча возводит между ними стену?

– Ваше высокопреосвященство, – прошептала королева, – я... Я поговорю с Альдо Раканом. В присутствии сына Эгмонта Окделла он не причинит мне зла.

– Я никогда не причиню зла женщине, – мягко сказал Альдо, – к тому же почти святой.

– Я не боюсь, – не очень уверенно откликнулась Катари. Теперь уже она ловила взгляд Дикона, и юноша успокаивающе улыбнулся.

– Что ж, дитя мое, – кардинал прямо-таки излучал заботу, – надеюсь, недолгий разговор не повредит твоему здоровью. Через полчаса я вернусь.

– Ваше высокопреосвященство, – торопливо начала Катари, но сюзерен ее остановил:

– Ваше высокопреосвященство, вы слишком охотно уступаете нам свой кабинет. Благодарим за заботу, но мы предпочитаем говорить с госпожой Оллар в другом месте. Желательно в саду.

– Пройдите на террасу, – окрысился Левий. – Моя духовная дочь не покинет аббатство. Более того, пока вы в Нохе, она не покинет этого здания.

3

Терраса была той самой, на которую сюзерен выходил в день коронации, только теперь внизу было пусто. Пустым и чистым было и небо. О пронесшемся ливне напоминали лишь казавшиеся осколками зеркал лужи.

– Сестра, – проблеял Пьетро, – сейчас вам принесут кресло и одеяла.

– Не нужно, Пьетро. – Катарина благодарно улыбнулась способному лишь перебирать свои четки ничтожеству. – Разговор будет недолгим, мне нечего сказать этим... людям.

– Сестра, – второй монах, в отличие от Пьетро, был не овцой, а псом, – если мы понадобится...

– Сударыня, – Альдо обращался к Катарини, но смотрел на церковника, – клянусь, мы не

воюем с женщинами, но имеем обыкновение добиваться своего, иначе б нас здесь не было.

– Я позову, – невпопад пообещала Катари. Она стояла у балюстрады и смотрела на золотящиеся шпили. Бледную щеку погладил солнечный луч, напомнив сонет Веннена. Поэт завидовал солнечному зайчику на губах любимой и цветам у ее ног, Дик полностью разделял эти чувства. Место Катарины Ариго было у озера среди цветущих рощ, а не в монастырской могиле.

– Вас позовут, – с расстановкой произнес Альдо, и Дик подавил вздох. До озера счастья им с Катари было невыносимо далеко.

Монахи переглянулись и убрались. Первым – пес, вторым – овца. Если б еще и Альдо оставил террасу... Хотя бы на пять минут!

– Сударыня, – голос государя зазвучал спокойно и ласково, – я намерен забрать вас из Нохи. Для вашего же блага. Вы сможете жить в доме вашего кузена или вернуться в Эпинэ.

Катарина медленно покачала головой.

– Вы отказываетесь? – Альдо не казался удивленным, похоже, он другого ответа не ждал.

– В моем нынешнем положении я нуждаюсь лишь в прощении Создателя.

– Сударыня, вы нужны Роберу.

– Я всегда рада видеть кузена, но меня лишили этой возможности. Вы лишили...

– К сожалению, это было необходимо. – Альдо никогда не лгал. – Кардинал Левий – враг Великой Талигойи. Мы уважаем вашу веру, сударыня, но Левий не Создатель и даже не Церковь. Он пускает в ход недостойные средства, мы вынуждены защищаться. Нам не хотелось бы, чтобы вы пострадали из-за интриг кардинала.

– Моя жизнь стоит недорого. – Катарина стиснула руки. Когда она волновалась, она что-то теребила – ветку, четки, шарф, – но сейчас в тонких пальцах не было ничего. – Я вдова, мои дети в безопасности. Талиг вырастит их достойными людьми... Более достойными, чем это удалось бы моему несчастному мужу.

Катари надо забрать, пока не случилось непоправимое, пусть даже насильно! Если на это не отважится Иноходец, это сделает сын Эгмонта!

– И все же подумайте, – не сдавался государь. – Вы молоды, прекрасны, свободны. Ваше первое замужество не принесло вам счастья, но это не повод хоронить себя заживо. Спросите у моей бабки...

– Матильда Алатская не была королевой, – грустно сказала Катари. – Если она и виновна, то лишь перед своей семьей, а я... Я была хорошей дочерью, я не думала, я слушалась... Я отреклась от брата, хотя чувствовала, что он не мог... Жермон слишком прост для старого колдовства, но я рвала его письма, ведь так велела мать. Потом я узнала, чьи книги это были, но так и не решилась сказать правду, даже... даже прочитав их. Я слишком долго боялась, но теперь с этим кончено. Мне нечего терять. Пусть будет что будет!

– Робер придет в отчаянье. Не сомневайтесь – он примчится вас умолять, вам придется повторить ему эти слова...

– Я повторю. Простите, воспоминания приходят так внезапно... Я остаюсь в Нохе, это мой выбор. Я могу вернуться к себе?

– Чуть позже. Я должен задать вам несколько вопросов. Ответы на них вам известны. Не пытайтесь меня обмануть, у вас это не получится.

В голубых глазах плеснулась боль, но женщина справилась.

– Только Создателя невозможно обмануть, но я никогда не умела лгать.

– Тем лучше. Сударыня, вы хорошо помните корону Раканов?

– Корону? – Катарина широко распахнула глаза. – Я не понимаю...

– Вы можете назвать приметы, по которым можно отличить подлинный венец от подделки?

– Слуги, которые за ней следили, знают эту вещь лучше меня.

– Вы уходите от ответа.

– Просто я... я боялась на нее смотреть... Эти камни, они полны... скверны! Кажется, на грани одного из изумрудов есть щербинка, очень маленькая... А сапфир, прикрытый золотым листком, звездчатый... Этот камень не такой, как остальные. Он светлый. Фердинанд... Мой супруг хотел его вынуть и оправить в медальон... Для меня... Я отказалась.

– Вы узнаете этот камень?

– Наверное...

– Смотрите.

Под солнцем вновь вспыхнули злые разноцветные глаза. Катари слабо охнула и закусила губу.

– Это она! – кивнула она.

– Но вы даже не взглянули.

– Это она, – упрямо повторила женщина, отступая к балюстраде. – Я думала, все прошло, а они... Даже здесь!

– Сударыня, – Альдо шагнул к королеве, – что значат ваши слова?

– Молния, – Катарина не отрывала замороженного взгляда от короны, – эшафот и тронный зал... Молния...

3

– Откуда?! Откуда ты это знаешь? – Слова сами вылетели изо рта. – Это Ворон тебе пел?

– Герцог Окделл, вы забываетесь! – Глядящая на Дикона ледяная статуэтка не казалась ни растерянной, ни испуганной. Такой Дикон видел Катари только раз, когда едва не рассказал о ее беде сюзерену, но сейчас молчать было нельзя. Слишком многое зависело от древней песни.

– Мой государь, – Скалы тоже могут быть холодны, – госпожа Оллар знает Слово Молний.

– Я это уже понял. – Лицо Альдо стало вдохновенным. – Сударыня, дальше!

– Я не помню, – солгала статуя, и Дикон понял, что ошибался. Катари превратили в лед не гордость и не обида, а ужас.

– Альдо, – выдохнул Ричард, – позволь мне поговорить с... госпожой Оллар наедине.

Сюзерен внимательно посмотрел на замершую женщину и кивнул, но Катарина шагнула вперед.

– Я ничего не знаю. – Кричит она или шепчет? – Ничего!.. Это сказки... Злые древние сказки! В них нет ничего, кроме зла и пустоты... Пока не поздно, забудьте!

– Вы лжете, вернее, пытаетесь, но вы и впрямь этого не умеете. – Альдо протянул руку, Катари отшатнулась. – Вы знаете многое, вы проговорились... И про брата, и про Слово, и про то, что в юности занимались магией. Нам нужны ваши знания, госпожа Оллар.

Она отступила еще на шаг и прижалась к колонне, сбив вуаль. Солнечные завитки окружили бескровное лицо, превращая его в икону.

– Оставьте меня, или я закричу!

– Вы не закричите, сударыня, и никого не позовете. – Альдо понизил голос. Хриловатый шепот бил в уши, как самый страшный крик. – Я уже говорил, что не воюю с женщинами. Лично вам ничего не грозит. Я знаю, вы не боитесь смерти, вы не боитесь за своих детей, но вы ошибаетесь, утверждая, что вам нечего бояться... Вы считаете себя королевой, вы думаете, что в ответе за подданных, так вот... С вами ничего не будет, но если вы не расскажете все, что знаете про Слово Молний и гальтарские реликвии, будут умирать заложники. Сегодня – один, завтра – четверо, послезавтра – шестнадцать. И в ответе за это будете вы!

– Нет, – Катарина схватилась за горло, – вы не сделаете этого! Нет!

– Я сделаю это, сударыня. – Альдо стоял почти вплотную к королеве. – Во имя Великой

Анаксии. Во имя Кэртианы, которую пора тащить из болота... Я сделаю это по праву Ракана, обещаю вам! Каждый день будет умирать вчетверо больше заложников. Клянусь Истинными Создателями!

– Нет, – выдавила Катарина. – Нет...

– Нет, если вы заговорите. Понимаю, вам мешает ваш намалеванный Создатель. Вспомните, что говорит Эсператия про не предотвративших убийство. Вы считаете себя праведницей? Вы пойдете в Закат, и у врат вас встретят умершие по вашей вине заложники.

– Нам больше не о чем говорить. – Два голубых взгляда: клинок и звезда. – Герцог Окделл, вас не затруднит позвать брата Пьетро?

– Альдо! Катари! Катари, ты не понимаешь...

– Это вы не понимаете, Повелитель Скал. И в этом ваше счастье.

– Ракан – избранник Кэртианы. – Дикон шагнул к Катари, ловя ее взгляд. – Мы должны ему помочь! Мы, эории! Ты знаешь то, что забыл Робер... Ты рассказывала, что пыталась постичь магию. У тебя не получилось и не могло получиться, ведь ты – женщина. Расскажи... Ради... ради моего отца!

– Ради твоего отца... – Она все-таки сказала ему «ты»! – Ради тебя... Ради всех я должна молчать. Пусть я пойду в Закат, пусть кто-то умрет, но Оллария уцелеет...

Серые одежды сливались с серебристым мрамором, и королева казалась ожившим барельефом. Она все еще пыталась кого-то защитить. Она все еще ничего не понимала!

– Сила – это проклятие... – словно оправдываясь, произнесла Катари. – От нее не зря отказались не только Раканы, но и Придды, и даже Алва... Забудьте о Слове, о Короне, о Мече! Они не ваши, они не станут вашими никогда!

– Катари... – Если ее не убедит это, ее вообще ничего не убедит! – Меч у нас. Его отдал Рамиро Предатель...

– Да, сударыня, – подтвердил Альдо, – меч у нас. Если угодно, вы его увидите. У нас есть все, кроме Слова Повелителей, но я подчиню Силу и без них.

– Это невозможно. – Катари говорила твердо и устало, она верила в свои слова. – Для вас невозможно. Вы не хозяин, иначе бы...

Королева замолчала, безвольно опустив руки. Послышался звон колокола. Вторая дневная служба... Матушка никогда ее не пропускала.

– Что «иначе», сударыня? – Сюзерен не мог отступить, но лучше б он ушел, предоставив дело любви и сыну Эгмонта.

– Существует предел всему, его не переступить. – Взгляд Катари был устремлен куда-то ввысь. – Мы – это только мы... Альдо Ракан, вы принесли Талигу зло, но я не хочу стать причиной еще и вашей смерти. И других смертей... Если вы соберете все, что нужно, если даже узнаете Слово, вы не удержите древних тварей... Они пожрут и вас, и Олларию. Их никто не остановит, у нас нет Эридани Самопожертвователя. Никто не приручит нохского ворона, никто не оседлает Моро, никто не подчинит Силу... Никто.

– Как знать, сударыня, – засмеялся сюзерен. – В одном вы уже ошиблись. Моро с осени возит вашего кузена.

– Нет, – почти улыбнулась Катари. – Рокэ велел им остаться вместе, и они подчинились... Оба. Ему подчиняются все: люди, кони, даже сны... Ему – не вам.

– Окделл! – Альдо яро сверкнул глазами. – Велите Мевену доставить мне эту клячу. Сюда. Немедленно!

Глава 9

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. 6-й день Весенних Ветров

Солдат должен быть по горло сыт и по уши занят, чтобы ему и в голову не пришло рыскать по округе с пустым брюхом в поисках жратвы и развлечений. Если, разумеется, ты хочешь, чтобы расквартированные в городе вояки делали свое дело и при этом сидели тихо. Горожанин тоже должен быть сыт и занят. Тогда, что бы ни затевали короли, он будет караулить собственное добро, а не помчится грабить чужое, выплескивая по пути скопившуюся злобу. Если б Старую Эпинэ не допекли, Карваль с Сэц-Арижами никого бы не взбунтовали. Если б барсинцев гоняли, как гоняет своих конников Халлоран, они бы к вечеру думали лишь о том, как доползти до койки. Другое дело, что с бравыми кавалеристами придется трудней, чем с отребьем. Мародеры, те разбегутся, Халлоран станет стрелять. Полковник из тех, кто меняет сторону только раз. Раз уж он перешел к Альдо, то останется с ним до конца...

– Я могу задержать на неделю выплату жалования, – кавалерист не угрожал, он просто прикидывал вслух, – но я не могу урезать рацион людей и тем более лошадей.

– Два обоза с фуражом в пути, – начал с чистой правды Эпинэ, – они придут завтра или послезавтра. Во избежание недоразумений вам придется их встретить на подходах к городу.

– Разумеется. Я хотел бы пригласить вас отобедать, но после дворцовых кухонь вы вряд ли оцените стряпню нашего Пурли.

– Я редко обедаю во дворце. – Опять чистая правда. Чтобы где-то обедать, надо там находиться, да и сесть за один стол с тем, кого предаешь, может разве что кукушонок... Марианна нашла много слов для Дикона, но она его ненавидит. Как она назовет любовника, когда он предаст даже не эра, а короля и друга?

– Тогда разрешите предложить вам говядину по-халлорански, – обрадовался полковник. – После обеда у нас учения. Говорят, вы недовольны гвардейцами. Посмотрите моих красавцев.

– С удовольствием. – Леворукий знает, как разносятся новости. Вряд ли Тристрам в этот раз был разговорчив. – Но сперва о неприятном. Драка с барсинцами ваших людей не украшает.

– Не было никакой драки. – Лицо вояки сразу стало хмурым. – С десяток мародеров сообразили, что за грабежи в городе им светит петля, и решили втихаря обчистить нас. Их вышвырнули, только и всего. Жаль, не назад, в Барсину, и не всем полком.

– Отправ вожжами и без штанов.

– На первый раз – да. Господин Первый маршал, раз пошел такой разговор... Все равно собирался после учений... Мой полк подчинился приказу маршала Рокслея. Ни я, ни мои офицеры не знали, что Рокслей перешел на сторону Ракана. Когда мы узнали, в чем дело, мы уже сделали достаточно, чтобы считаться изменниками. Нам ничего не оставалось, как и дальше исполнять приказы Рокслея, а потом и ваши, но мы не мародеры и не предатели. Я глубоко уважаю вас и генерала Карваля. Как достойных людей и отличных кавалеристов, но я... Что такое, сержант?

– Курьер к Первому маршалу. Срочный...

– Прошу меня простить. – Ловушка или невероятная удача? Как хочется поверить, ведь не могут все кругом быть шпионами! Халлорана затянуло в мятеж, он не мог остановиться. С тобой в Эпинэ случилось то же – подхватило и понесло...

– Господин Первый маршал! – Этот не просто гимнет, это Карл, молочный брат Мевена. Иоганн не послал бы его просто так! – Разрешите доложить.

Попросить Халлорана отойти или выказать доверие? Кошки б побрали эти заговоры.

– Докладывайте. Не уходите, полковник.

– Его величество велел привести к нему в Ноху Моро, – отчетливо доложил Карл. – Господин гимнет-капитан Мевен считает, что вам нужно об этом знать.

Еще бы!

– Разрубленный Змей!.. Халлоран, обедайте без меня...

– Господин Первый маршал, – обветренное лицо кавалериста окаменело, – так ли уж...

ваше присутствие... необходимо? Его величество – прирожденный наездник, он укротит любого коня.

Вот тебе и опора трона! Кто-кто, а Халлоран знает цену и всаднику, и Моро...

– Я отвечаю за лошадь! Проклятье, неужели непонятно?

Слава Леворукому, Дракко во дворе, оседланный... Какой демон толкнул Альдо на такую дурь?!

– Господин Эпинэ...

– Мы еще договорим! Обязательно, только не надо... прятаться за лошадой...

Прыжок в седло, отскочивший в сторону солдат... Он успеет, он должен успеть, он поклялся! Леворукий, откуда взялась эта телега... и эта толпа! Улицы же теперь пусты... Прыжок через телегу, испуганное лицо, крик... Карл отстал, еще бы! Разве здесь был поворот? Нужно быть Карвалем, чтоб не запутаться в этой паутине!

– Эй! Эй, любезный... В Ноху сюда?

– Там тупик, господин. Не проехать. Нужно вернуться к баням и свернуть направо, а дальше, у церкви...

– Проклятье!..

2

С избранником и надеждой Кэртианы ничего не случится. Ничего! Судьба раз за разом спасает последнего Ракана от гибели. Судьба привела его к престолу, остановила его врагов, вернула реликвию. Мертвый враг и тот признал право Альдо на меч, а Моро всего лишь лошадь. Тварь из плоти и крови.

Робер ездит на мориске чуть ли не каждый день... Конь пускает к себе конюхов. Когда Эпинэ болел, Моро проминал Карваль, да и сам Дик в Варасте держал жеребца под уздцы. Тот хоть и вырвался, почуяв кровь, нападать не стал, а просто удрал к хозяину... К Ворону – все дело в нем! Моро – обычный конь, пусть и с норовом, это молва превратила его в демона, ведь Алва не может ездить на простой лошади. Вот вам и мориск-убийца, а он еще никого не убил. Даже не покалечил. Сона – его полусестра, она чудная девочка, никогда не подведет, не то что Карас... Линарцы вообще опасней морисков, потому что глупей и пугливей.

– Ричард... – Тревожный родной голос. Совсем рядом. – Ричард, можно вас попросить...

– Ваше... Госпожа Оллар, я к вашим услугам!

– Ричард, пожалуйста, отговорите его... Я все скажу про реликвию. Это же совсем просто, у древних все просто, только не надо Моро! Он принадлежит Алве... Ноха – святое место, убивать здесь – грех... Я... я не хочу стать убийцей даже... такого человека. Скажите ему...

– Сударыня, в этом нет необходимости. – Сюзерен вернулся на террасу, а Ричард и не заметил. – Мы не имеем обыкновения нарушать свое слово. Мориск будет здесь с минуты на минуту. Когда вы убедитесь в его покорности, мы поговорим о древних обычаях. Не раньше.

– Мы никогда о них не поговорим, – безнадежно прошептала королева. – Вы погибнете... По моей вине...

– Скоро вы заговорите иначе. – Сюзерен раздраженно повернулся и пошел вдоль балюстрады. Дик оглянулся на Катари. Прикрыв глаза, она что-то шептала. Молилась? Дикон бросился за Альдо, понимая, что нужно что-то делать. Сюзерен обернулся, его глаза предостерегающе сверкнули.

– Надеюсь, ты не станешь повторять эти бредни?

Кэртиана спасет сюзерена, но у Катари слабое сердце. Кэртиана спасет от гибели, но Альдо не должен упасть с лошади на глазах церковников!

– Моро в самом деле опасен! Эмиль говорил, он из тех, кто нападет и добьет при случае...

– Эмиль говорил... Ты еще Придда вспомни! Нет, я вижу, что просто обязан объездить

эту тварь, а то мои подданные окончательно спят...

– Альдо... – Его надо остановить если не ради его самого, то ради Катари! – Альдо, госпожа Оллар все расскажет, если...

– Она это сделает без всяких «если». Раз уж ты собрался на ней жениться, запомни: никогда не уступай плаксам. Что до этой твари, то на нее наденут железо построже, и пусть только попробует дурить!

– Моро слабоуздый!

– Тем лучше! Я не собираюсь ехать на нем в Гальтару, но болтовне о том, что «никто, кроме Ворона...», надо положить конец раз и навсегда.

– Альдо!

– Еще слово, и ты отсюда уйдешь. Под конвоем. Скажи лучше, что она имела в виду про древних? Что у них просто?

– *Вы задаете странные вопросы, юноша. – Гость стоял спиной к витым паонским шандалам, но света хватало, и Дик понял свою ошибку. Пришелец не был Алвой, хоть и походил на него. Вернее, это Ворон походил на пришельца, как сам Ричард на отца и святого Алана. Родовые черты не скроешь, но Рокэ был младше и злее. Сон продолжался, становясь все более странным, и Дик подумал, что будет жаль, если утро все сотрет. И еще пришло осознание: он видит сны каждую ночь, просто они забываются.*

– Вы – Рамиро, – твердо сказал Ричард. Странное ощущение – говорить с легендой, зная, что это во сне, и желать ответа.

– Забавно. – Темноволосый человек присел на краешек стола и распечатал откуда-то взявшуюся бутылку. – Вам нельзя отказать в определенной логике, так следуйте ей до конца... Вы ищете меч, но что за меч без щита, а отдать вам щит не властен никто.

– Все правильно! – И все на самом деле просто! – У нас есть меч, жезл, корона, но Создателей было четверо! Рамиро отдал меч, он мог это сделать... Когда Ворон взял его в руки, загорелись четыре солнца. Ты говорил, что война – это для Ветра и Молний. Меч и Щит! У нас нет щита...

– Точно! – Альдо больше не злился, наоборот. – И как мы в самом деле не догадались?! Должно быть четыре реликвии. Вернее, четыре и одна, объединяющая и подчиняющая. Ветер и вправду меч. Волны – жезл, ведь я его чувствую, а Иноходец и ты – нет. Корона все объединяет, в ней заключена сила, но без Скал и Молний она спит. Эрнани... Все упирается в Эрнани! Эта тварь позаботилась, чтобы реликвии никогда не встретились. Он оставил себе корону, потому что не мог не оставить, отдал меч Борраске, а жезл – эсператистам. Тут Левий не врет, но от этого не легче. Молнии и Скалы... Где они? В Гальтаре? Ты думаешь, Молнии – это щит?

– Да... То есть нет. – Рамиро заговорил о щите с Повелителем Скал. Скалы – закон, защита, незыблемость. – Щит – это Скалы, а Молния... Может, копьё?

– Ваше Величество, – доложил Мевен, – приказ выполнен. Конь доставлен в Ноху генералом Карвалем. Тем не менее я...

– Давайте их сюда. – Альдо хлопнул Дикона по плечу. – Обоих. Сейчас прокатимся и поговорим с Катариной. Ариго может знать о Молниях.

3

Мориска вели на развязках двое дюжих дворцовых конюхов. Жеребец шел довольно спокойно, вбирая бархатистыми ноздрями запахи Нохи. Уши коня настороженно прядали, но вырваться мориск не пытался. Несчастливым он тоже не выглядел – черная шкура лоснилась, грива и хвост казались шелковыми, глаза блестели. Верный Моро отлично обходился без Ворона!

На ступени поднялся угрюмый Карваль.

– Мой государь, – отчеканил коротышка, – считаю своим долгом доложить, что этот жеребец опасен. Он злится и может напасть.

– Зачем вы это сделали? Зачем его привели? – Катарина смотрела не на государя – на Карваля. – Неужели было нельзя...

– Я выполнил приказ! – Чесночник, диво дивное, выглядел виновато. – Я не мог не выполнить приказ. Ваше величество, прикажите вернуть Моро в конюшню.

– Сперва проверим, каков у него ход. – Альдо внимательно разглядывал застывшего черным изваянием жеребца. – Хорош, ничего не скажешь. Жаль, ростом не вышел.

– Мориски ниже линарцев, – хмуро напомнил Мевен.

– Все равно мелковат, тем более для гвардии... Карваль, кто его седлал?

– Я. Конюхи этого коня не седлают. Все ваши распоряжения исполнены, но я не считаю их правильными. Этого мориска жесткое железо лишь озлобит.

– Нам не нужна любовь этой твари, – глаза сюзерена медленно скользили по встревоженным лицам, – нам нужна покорность. Это, к слову сказать, относится не только к лошадям. Очистите площадь. Здесь слишком много солдат и монахов. Мевен, успокойте даму и проводите на террасу. Окделл, за мной!

При виде приближающихся людей Моро тряхнул гривой и прижал уши. Ему не нравилось происходящее, ему в самом деле оно не нравилось! По двору предвестником беды наискось метнулась птичья тень. Не ворон – голубь, но разве Левий лучше Алвы?

– И все-таки, ваше величество!

– Не мешайте, генерал!

Карваль отошел. Альдо смерил напрягшегося жеребца оценивающим взглядом. Конь коротко заржал, принимая вызов, стало видно, как под сверкающей шкурой перекачиваются мышцы. Сюзерен шагнул вперед, давая сигнал конюхам. Дикон остался стоять, стискивая кулаки. Храмовая площадь почти опустела – кто-то поднялся на террасу или крыльцо, кто-то отошел за угол невысокого зданья с позеленевшей крышей. Только у внутренних ворот замерли серые часовые во главе с высоким худым офицером.

Сюзерен уверенным движением взлетел в седло. Дик видел, как он разбирает поводья, берет стремяна, как конюхи отстегивают развязки и отскакивают в разные стороны от греха подальше. И от задних ног. Они успели вовремя. Почувствовав в седле незнакомца, Моро попятился, мотнул головой, заржал – и началось. Лансада!⁷ Свеча... Опять лансада. Чудовищная, с десяток бье. Яростный визг и снова... Ногти Дика впились в ладони, сердце трепыхалось у самого горла, каждый прыжок отдавался неистовым ужасом, но Альдо держался! Держался, приближая победу над Моро, над Вороном, над Зверем, который тоже подчинится!

Ричард не понимал, не помнил, сколько времени длится поединок. Он вообще ничего не понимал, только смотрел на чудовищную, неистовую борьбу, на то, как после череды свечей и лансад черный зверь бьет задом и вновь, вскинувшись на свечу, замирает на задних ногах.

– Хватит! – Женский крик... Отчаянный, страдающий. – Во имя Создателя!.. Хватит! Я скажу... Браслет Октавии!.. Это браслет Октавии, он у вас... Вы его нашли!

Катарина. Вцепилась обеими руками в балконные перила, ловя губами воздух. Вдовья вуаль слетает с головы королевы, серой птицей опускается вниз, ветер подхватывает ее, несет в сторону Альдо, тот невольно отшатывается, дергается в седле. Моро делает два нетвердых шага на задних ногах и падает. На спину. Подминая всадника под себя.

– Создатель! Создатель, только не это!

Крик Катарии. Крик самого Дикона. Крик Моро, или это кричит человек?! Жеребец перекачивается с боку на бок, пытаясь подняться. По голодным камням. По телу того, кто хотел его покорить.

Лопаются подпруга. Освободившись от всадника, а заодно и от седла, зверь встает.

⁷ Лансада – элемент выездки. При лансаде лошадь прыгает вперед на передние ноги, высоко вскидывая зад. Наровистые лошади делают лансады по собственной инициативе, пытаясь таким образом избавиться от всадника.

Сюзерен остается лежать – неподвижная синяя фигура на горячих от вожделения плитах. Шевельнулся... Жив! Ракан не может погибнуть. Проиграть, отступить, но не погибнуть!

– Ловите! Ловите же!..

– На помощь...

– Держи, держи гада!

– Вот ведь тварь!

Ржанье, крики, бьющее в глаза солнце.

Руки сюзерена скребут камни, он хочет повернуться. Ему нужна помощь... Ему!.. Альдо...

– Окделл! Осторожней!

– Герцог!!! Стойте!

Конюхи, солдаты, монахи, черный ненавидящий вихрь... Они боятся! Все они боятся, но Альдо там, на площади. Раненый. Может быть, тяжело. Оттолкнув струсившего гимнета, Дикон кидается к сюзерену, не думая о черной смерти, но та проносится мимо. Визжа, как кошка, Моро бросается на подскочившего слишком близко солдата, целя передними копытами в голову...

4

Скрип ворот за спиной, гулкий лошадиный топот, солдаты, гимнеты, церковники... Как же их тут много. Поворот, еще поворот... А вот и люди Карваля. Дювье беспомощно разводит руками, Этьен указывает кивком на приземистый домик. Значит, дальше, у храма... Тишину вспарывает яростный конский крик. Вопли, хрип. Проклятье, уже начали!

Дракко заводится на ходу. Храпя и выгибая шею, он идет медленной рысью, высоко поднимая ноги. Злобный лошадиный крик за поворотом, ответ полумориска. Леворукий, что они там творят?

– Держи!!! Вот он... Вот!

– Дорогу! Разрубленный Змей, дорогу!

Врассыпную бросаются люди в сером, Дракко перемахивает через полную солнца лужу. Вот она, площадь! Камни, люди, небо, неоседланный черный смерч... Вырвался! Вырвался и успел наделать бед!

Мокрый конюх поднимается из расплескавшейся лужи, сжимая в руках бесполезный ремень. Повезло – гибель пролетела мимо. Шум, гам, они что, с ума сошли? Пара опытных конников справится и не с таким. Карваль опытен...

Оскаленный черный демон носится кругами, не переставая ржать. Ищет выход? Нет, хуже!

– Справа! Справа заходи!

– Стойте! – не своим голосом орет Робер. – Спокойно!

– Помогите! Скорее...

Хрипит, взлетает на дыбы Дракко; впереди, за мельтешащими тенями, становятся видны двое. Кто-то корчится на земле, кто-то рядом. На коленях. Дикон! А лежит... Альдо! Уже?!

Свечка? Слетел с лансады, ударился головой? Бывает по-всякому.

Черная визжащая тень закрывает обоих. Серый церковник нелепо машет руками. Дракко пятится, тараща глаза и задирая морду. Стой! Да стой же! Ноги Робера касаются земли; полумориск, всхрапывая, валится плечом на хозяина. Его нельзя оставлять так. Сейчас нельзя!

– Держи! Держи коня!

Церковник не понимает! Да что с ними всеми?!

Синий гимнет бросается на крик Дикона. За ним – конюх. Моро разворачивается, отбивает задом. Прямо в грудь. Гимнет падает и больше не шевелится. Конюх благоразумно удирает. Слава Создателю, к воротам.

– Гордон, держи. Держи Дракко!
Конюх кивает, вцепляется в поводья. Хотя что-то...
– Дикон! Дикон, смирно... Я иду!
Моро вскидывается на свечку, ржет, молотит по воздуху копытами. Как же его довели!
Ничего... Сейчас...
Альдо резко дергается. Синяя нога в сапоге хочет ударить небо, не достает, колотит камень. Раздается хрип. Это не лошадь... Разрубленный Змей, еще не конец!
– Робер! Робер, скорее!
Дик вскакивает, машет руками. Замирают люди, небеса, вечность. Замирает все, кроме смерти. Черной, стремительной, беспощадной. Она остановилась. Заметила. Выбрала.
– Тихо! Дик, тихо!
Отвлечь на себя, на Дракко, на церковников! Поздно... Моро рядом с Диконом. Хватает зубами за плечо ближе к шее, поднимает в воздух, встряхивает, словно норный пес крысу, швыряет вниз, под копыта. Чтобы добить...
Теперь только одно. Грохот... Отдача... Стоящий на четвереньках Дикон и мертвый Моро...
Онемевшая рука сжимает пистолет. Ты попал, ты опять попал. Как у Барсовых Врат. Тогда был просто союзник, просто бириссец, ты его не знал. Ты спасал сына Эгмонта. И теперь тоже...
Осень. Толпа у эшафота, синий прощальный взгляд, уздечка в твоих руках... Ты клялся сохранить. Ты убил... Ты успел вовремя, чтобы спасти Дикона. Ты успел вовремя, чтобы убить Моро...
– Робер! – Дикон поднимается. Он шатается, как пьяный. Он не знает, что только что родился заново. – Альдо... Врача... Скорее!
Врача? Кому? Зачем?
– Монсеньор, я послал за врачом. – Карваль. Как всегда деловит и спокоен. Или нет?
– Правильно. – Нужно подойти и посмотреть. На обоих. Конь мертв, Альдо шевелится. Неужели выживет?
– Монсеньор, – понижает голос Никола, – во имя Создателя, зачем вы приехали?
– Разве непонятно? – Чей это голос? – Я приехал, чтобы убить лошадь.

Часть 4 «Правосудие»⁸

*Глубина нашей скорби об утрате друзей
сообразна порою не столько их достоинствам,
сколько нашей нужде в этих людях,
а также их высокому мнению о наших добродетелях.*
Франсуа де Ларошфуко

Глава 1 Ракана (б. Оллария)

⁸ Высший аркан Таро «Правосудие» (**La Justice**), также называемый «Справедливость». Символизирует развитие, поиск свободы и независимости, объективность, тяготение к порядку, зрелость и жизненный опыт, уравновешенность. Карта указывает на необходимость тщательной и непредвзятой оценки всех сторон дела, переосмысления жизненных ценностей. Может означать предстоящий суд (участие в конкурсе, соревнованиях), бумаги, договоры, правовую деятельность. При каждом действии нужно предвидеть противодействие, чтобы смягчить столкновение или его избежать. **ПК** столкновение с несправедливостью, неустойчивость характера, некомпетентность, озлобленность, обида, предвзятость, неадекватность самовыражения. Символ несправедливого суда, осуждения по ложному обвинению, нестыковки, несбалансированности. Вам будут преподаны неприятные уроки, нужно смириться с неизбежностью.

Крови не было. Совсем. Бледность и неподвижность превратили бы Альдо в упавшую статую, если б не скребущие камень пальцы. Сюзерен лежал на влажных плитах даже без плаща и смотрел в небо широко открытыми глазами. Дикон принялся стягивать с себя камзол; стало больно. Очень. Но юноша продолжал то ли расстегивать, то ли рвать тугие петли.

– Оставь! – прикрикнул Мевен. – Его нельзя трогать! Врач уже идет.

Конечно! Тут же брат Анджело, тот, что лечит Катари... Дикон и сам звал врача, когда напал Моро. Мориск-убийца... Теперь Ричард знал, что значат эти слова, но какой страшной ценой. Сколько проболит сюзерен? Переломов вроде бы нет, но бледность и одышка! Смотреть и то тяжело, а ведь не успеет Эпинэ...

– Где он?

Брат Анджело. Опять хмур и недоволен, но свое дело он знает. Грузная серая фигура заслоняет лежащее тело. Рядом Пьетро и Карваль... Коротышка был честен, он пытался остановить государя. Южанин знал лошадей и не знал о Силе Раканов, а она почти предала. Пусть Альдо не сломал шею и не угодил под копыта, но Моро его сбросил у всех на глазах. Катари испугалась и уверилась в своей правоте. Теперь она ничего не скажет, хотя... Крик про браслет Октавии должен что-то значить...

Ричард посмотрел на террасу. Катарина Ариго все еще была там, стояла, вцепившись руками в перила. Солнце играло на волосах, превращая пепел в золото, но женщина вряд ли понимала, что простоволоса. Катари не отрывала глаз от склонившегося над Альдо серого врача. Она молилась за сюзерена, хоть и винила его во многом... Несправедливо винила.

– Доктор, что нужно... делать? – Мевен всего лишь гимнет-капитан, но заговорил с медиком он. Не выдержал молчания Повелителей.

Брат Анджело оставил Альдо и подошел к сгрудившейся возле Моро свите. На ярком свете врач казался старше, чем в прошлый раз, и выглядел усталым и раздосадованным.

– Лука седла попала не совсем в живот, а в правое подреберье, – почти шепотом произнес он. – Я подозреваю разрыв печени и повреждение крупных сосудов...

– Но ведь крови нет, – пробормотал Карваль. – Совсем нет. Как же так?

– Ее и не может быть. – Голос врача окреп, став уверенным и равнодушным. – Кровоизлияние внутреннее, на это указывают все признаки – бледность, испарина, учащенное дыхание. Я бессилен, дети мои. Нам остается лишь молить Создателя...

Пьетро, словно того и ждал, взялся за четки и забормотал по-гальтарски. Язык древнего величия в устах монашка казался кошунством. Мевен сжал кулаки, Карваль опустил голову, Робер даже не шевельнулся. Альдо скрыл от него затею с Моро, потому что не хотел спорить, но кто-то ведь послал за Иноходцем. Наверняка Карваль. Это все, что он мог сделать для своего короля, а все, что успел Робер, – пристрелить убийцу... Ричард Окделл не сделал и этого, хотя мог, должен был убить Моро, едва того привели. Это вызвало бы гнев сюзерена, но спасло бы ему жизнь.

Альдо пошевелился. Он пытался поднять голову, голубые весенние глаза смотрели осмысленно и твердо. Он все еще был государем. Другом. Храбрецом. Он был самым живым из тех, кто толпился вокруг. Неужели ничего нельзя сделать? Можно!

– Алва! – потребовал Ричард. – Пусть приведут Алву... Святой Алан, что вы смотрите? Скорее!

– Ты что? – полушепотом спросил Робер. – Зачем?

– Ворон умеет лечить... Не хуже морисков! Я знаю...

– Лечить Альдо? – с горечью напомнил Иноходец. – Ворон не святой Оноре, и потом... Тут никто ничего не сделает, Дикон. Тут только не трогать. И ждать...

– Алва знает морисские секреты. – Робер давно ни во что не верит. – Он... Он лучший врач, чем этот... этот монах. Приведите Алву!

– Нет, – тихо, но отчетливо произнес сюзерен, – мы не желаем его видеть. Отойдите, вы загораживаете солнце.

Какое чистое лицо – ни ссадины, ни синяка. Это не может быть смертью. Не может!

– Сколько?

Хриплый шепот Мевена и короткий, безжалостный ответ:

– Полчаса, может быть, час.

Один несделанный выстрел, и конец всему! А ведь Катари говорила, умоляла, предупреждала. И Карваль говорил, а они понадеялись на Кэртиану.

– Эпинэ! – позвал Альдо, шаря взглядом по золотым от солнца крышам. Дик оттолкнул монаха и склонился над сюзереном. На чистом лбу выступила испарина, губы стали серо-синюшными.

– Альдо! Альдо, я тут... Тебе что-то нужно?

Лицо сюзерена исказила гримаса.

– Приведите Эпинэ, – потребовал он. – Мне нужен Эпинэ. Только Эпинэ...

– Я здесь. – Робер опустил на колени и отбросил пистолет, который все еще сжимал в руке. Сталь глухо стукнула о камень. – Не шевелись. Будет хуже.

– Знаю. – Это даже не бледность. Лицо заостряется, синеет, а сюзерен еще говорит. И улыбается бескровными губами Роберу. Только Роберу, остальных не существует. Никого... – Эпинэ, – велит Альдо, – найди Матильду... И увези в Сакаци. Этот... Альберт вас... не выдаст... Уезжай сегодня же... Сейчас! Не вздумай... возиться с этим городом... и спасти всяких ублюдков. Пусть сами выбирают... как хотят.

– Хорошо, – обещает Эпинэ, – я ее отыщу.

– Она здесь... Разнеси этот вертеп по камешку, но найди... Если ей так... нужны эти ублюдки... Темплтон с доезжачим... не трогай их... Альберт примет всех... Понял?

– Да.

– Сегодня! – еле слышно требует сюзерен. Он дышит все чаще и все быстрее, на темных губах розовеет пена. Неужели он не вспомнит? Не простится?

– Дети мои! – мягкий отвратительный голос. Карваль и Мевен расступаются, пропуская человечка в сером. – Сын мой... Я пришел дать тебе утешение...

– Убирайся, – шепчет государь кардиналу с его голубем и с его Создателем. – Крысенок...

Яростный взгляд рвется к небу, в котором в бездне света кружит одинокий ворон. Он все видит, он запоминает....

– Старые боги такое же дерьмо, как и Создатель! – Все труднее разбирать слова, все страшней и непонятней лицо. – Такой же обман! Нет ничего... Ничего! Кроме жизни и нас! Только мы...

– Создатель, прости ему, – бубнит не ушедший кардинал, – ибо безумен... Он ведь безумен?

– Да, – с готовностью лжет врач, и Ричард хватается за кинжал, но клинка нет. Есть тупая боль, мгновенно ставшая невыносимой.

– Держите себя в руках, Окделл. – Мевен! Хватает за плечо, перед глазами взрываются искры – белые, багровые, отвратительно зеленые. Кружатся, как комарье на болоте, и звенят – тоненько, жалобно, жутко.

– Что с вами? Вы ранены? Вам плохо!

– Оставьте! Пустите меня! Пустите меня к Альдо!

Боль все сильнее. Дышать трудно. Сердце? Неважно... Сейчас ничего не важно, кроме сюзерена и нахлынувшей пустоты. Камни под ногами или болото? Тошнотворная зелень, лилии, не прекращающийся мерзкий звон. Может, это сон? Это должно быть сном. Кошмаром, который начал Рамиро.

Что-то мягкое под ногами. Летит навстречу. Падение. Всплеск боли. Зеленая мгла

рассеивается. Он лежит на конском трупе. Черном, теплом. Это Моро. Он убил не только Альдо. Он убил великую анаксию... и герцога Окделла!

– Робер. – Крик это или шепот? – Робер Эпинэ...

Оттолкнуться от вороной твари, вскочить, несмотря на боль, броситься на голос. Это сюзерен? Этот, с багрово-синим лицом и пеной на губах?! Как жутко, как чудовищно жутко...

– Не ты!.. Эпинэ... Где Эпинэ?

– Я здесь.

– Окажи-ка мне услугу... Напоследок... Понимаю, это будет... не лучший твой выстрел.

– Альдо!..

– Я приказываю! – произносят уже черные губы. – Лучше покойником, чем никем... Не анаксом... Мы ошибались, Робер... Я ошибался. Мог бы и догадаться... Если такие Повелители, то... Ничего нет... И не надо!

Несвязные, почти непонятные слова, пена на губах, судорога...

– Стреляй, раздери... тебя кошки! Видишь же...

– Никола, – Эпинэ рывком оборачивается, – одолжи...

– Герцог, – шепчет лекарь, – осталось не более четверти часа. Он сейчас... потеряет сознание.

– Трусись, Эпинэ? – Совсем чужое лицо. Какое оно страшное! – Представь... что я... лошадь... Еще одна.

– Карваль!

– Пожалуйста, монсеньор!

Можно остановить, ударить по руке, заслонить собой, принять пулю, уйти вместе с сюзереном. С Гальтарами. С Золотой Анаксией...

– Спасибо, Эпинэ... Матильда... Теперь Матильда...

Выстрел. Белое облачко дыма и улыбка. Последняя улыбка и последний взгляд. Обращенный к Иноходцу.

– Нет, – с отчаяньем произносит тот, – не теперь. Сперва – Оллария.

2

Настроение у Марселя было отменным. С самого утра и до обеда, когда со стены в очередной раз грохнулась треклятая маска, повредив не менее треклятую статуэтку. Горестно ахнул барон, взвыла Эвро, и началось... Коко то воздевал руки над лишившимся уха мраморным флейтистом, то хватался за золотую рожу, проверяя, все ли с ней в порядке. Левретка не унималась, Котик присоединился к рыдающей даме. Оценив преимущества тихих человеческих обмороков, Марсель ухватил львиного волкодава за ошейник и выволок в гардеробную, но тут за дело взялись философы. Валме мог поклясться, что ничто матерьяльное на них не падало, но троица словно с цепи сорвалась. Видимо, вина лежала на перегруженных селезенках и поваре Капуль-Гизайлей, способном склонить к обжорству самого Валтазара.

Блестя глазами и брызгая слюной, философы набросились на дикарское преклонение перед бессмысленными и уродливыми кусками железа и камня. Коко принял бой. Запахло порохом. Философы наступали сомкнутым строем. Барон отбивался, но терпел поражение, Дарави, Берхайм и какой-то старикашка в салативом непристойно ржали. Марианна пыталась зажать уши – мешала вырывающаяся Эвро. Баронесса стиснула левретку и умоляюще взглянула на Марселя, но виконт был слишком сыт и благостен, чтобы вмешиваться.

– ...отвратительная, оскорбляющая разум поделка! – шел вперед Фальтак. Ноздри матерьялиста раздувались, обычно бледно-желтая физиономия пошла пятнами.

– Уродина, что и говори, – внезапно поддержал философа Берхайм. – Мой вам совет,

Констанс. Если это чистое золото, закажите из него что-нибудь для вашей прекрасной супруги.

– Этой маске нет цены! – Коко прижал ослабившуюся рожу к печени или желудку. – Мы все уйдем, а она останется. Памятью о великом искусстве и утонченности наших предков!..

– Вот образчик говорящего животного, истребляющего свой природный запах посредством щелочи и собачьего сала и отрекшегося от своих истоков, – набросился на бедного маленького Коко Сэц-Пьер. – Вы раб извращенных примитивных идолов, которых следует уничтожить! Вместе с идолопоклонниками и теми, кто уродует натуру. Кто превратил свободного гордого зверя в раба? В уродца, неспособного найти себе пропитание? Взгляните на эту собачонку! Разве она способна позаботиться о себе и произвести здоровое потомство? Сам ее вид – извращение и оскорбление природы, то же можно сказать и о присутствующих здесь двуногих. Где прежняя, здоровая сила? Здоровая злость? Где естественность? В лесу, в море, в горах выживают лучшие. Они получают все – пищу, самку, угоды, а что мы видим в городах?! Выродившихся ублюдков! Прирожденных рабов, лижущих уродующие их руки, вместо того чтобы впитаться хозяевам в горло?! Чтобы получить то, что должно принадлежать им?

– Прекратите! – закричала Марианна. – Вы... Вы не в лесу, а в моем доме!

– А ты можешь доказать свое право на этот дом? – шагнул вперед Фальтак. – Зубами? Когтями? Силой? Ты женщина, а значит – добыча! Это дом того, кто докажет. И ты тоже его...

– Не забывайтесь! – взвизгнул барон. Философ, не отрывая взгляда от Марианны, сделал еще один шаг. Глубоко посаженные глаза горели не хуже, чем у поминаемого всеу зверя. Его соратники тоже ощерились, образовав небольшую стаю.

Валме схватился за эфес, но передумал. Не то чтобы он боялся замарать клинок, просто этот аргумент выбивался из общего разговора. Виконт стремительно распахнул дверь в гардеробную, впуская маявшегo у порога Котика.

– Дорогой посол, – забил крылышками Коко, – дорогой Фальтак, что вы делаете?

– Возвращаемся к истокам, – с непонятым бешенством произнес Марсель. – Перед вами животное, господа, хоть и испорченное куафером, но лишь внешне. И это животное имеет право охотиться. Отойдите, Констанс, вы слишком надушены, чтобы стать дичью.

– Вы не посмеете, – ослабил Фальтак. – Вы и вам подобные горады только болтать! Именно поэтому...

Валме не дослушал. Это не было шуткой, развлечением и уж тем более мeстью. Это было необходимостью.

– Готти, – велел он, – взять!

Котик прыгнул. Может, ему и было противно. Может, он и предпочел бы что-нибудь повкуснее, но Фальтак в мгновение ока оказался на ковре. Волкодав поставил белоснежную лапу на костлявую философскую грудь, обернулся, вздернул губу и зарычал. Как зверь. Марианна прижимала к себе левретку, губы ее тряслись. Она не пыталась никого останавливать, и Коко не пытался. Это сделала маска, вернее, отскочившее от нее солнце. Полыхнуло золотом, и нечто кануло в черноту, словно каменные глаза выпили и злость, и смех.

– Граф, – неожиданно высоким голосом завопил Сэц-Пьер, – граф... посол... Уберите собаку... Фальтак, извиняйтесь... Да извиняйтесь же!

Поверженный матерьялист пошевелился и поднял голову. Он больше не походил на зверя, то есть походил, но меньше, и на зверя побитого.

– Я погорячился, – поджал хвост философ, – я увлекся... Я понимаю, здесь не привыкли к таким беседам.

– Здесь не привыкли к невежам, – миролюбиво уточнил Валме. – Готти, брось... Пряники предпочтительнее. Пусти!

Котик глухо и тоскливо взрыкнул – он стосковался по любимому делу, а его снова

превращали в извращенного гайифского льва.

– Брось, – строго приказал посол. – Тут ковры, а ызаргов на твою долю хватит.

3

– Оставь меня в покое, – потребовал Ричард, сам не зная, у кого. Дышать становилось все больнее, и при этом все сильнее хотелось вдохнуть. Зеленый тошнотный туман обдавал запахом мертвых лилий, в ушах шумело, словно их закрыли морскими раковинами, не забывая нашептывать что-то мерзкое и издевательское. Лоб словно бы облепило высыхающим коробящимся тестом, которое на самом деле было паутиной. Ее клейкие нити носились по воздуху, оседали на одежде, руках, головах каких-то людей – ненужных, грубых, ничего не понимающих. Паутина забивала комнату, где и так было душно. От ненависти, лицемерия, злобной гадкой радости. Ее обитатели радовались, они просто наслаждались смертью Альдо и будущими смертями... Потому и смеялись. И облизывали губы. Дикон с маху ударил хохочущего благообразного старика по щеке, рука прошла сквозь зеленый дым. Юноша пошатнулся, едва не врезавшись в синюю спину гимнета.

– Не глупи! – прорвался сквозь шум знакомый голос. – Отец мой, осмотрите герцога Окделла. Его потрепал Моро.

– Отстаньте, – уперся Дик, глядя в волнистую зелень и не понимая, где он находится, – я должен... отдать последний долг сюзерену.

– Брат мой, позвольте брату Анджело вам помочь. Вы нуждаетесь в помощи и телесной, и духовной.

Пьетро. Стоит среди фигур с заплетенными паутиной лицами и перебирает свои четки. Ему все равно, что не будет великой анаксии. Его Создатель победил. Он убил Альдо, он схватил Катари...

– Я тебя убью! – выдохнул Ричард, глядя в безмятежную овечью морду. – Нечисть... Тля!

– Нет, это я тебя убью! – Оказавшийся здесь же Робер ухватил Дика за руку, по телу волной прокатилась боль. Юноша вскрикнул, паутина вспыхнула острыми зелеными искрами, искры налились кровью, закружились горящим снегом и рассыпались в серую пыль.

– Брат Анджело! Кажется, это ключица... Дикон, спокойно! От этого не умирают.

Правильно. Умирают не от ран, а от утрат. Отца убила утраченная победа...

– Помогите снять камзол и рубаху...

– Лучше разрезать...

Блеск клинка, озабоченные лица, пустые слова. Сил спорить и сопротивляться нет, да и зачем? Остается терпеть и ждать, когда от него все отвяжутся. Врачи, монахи, друзья...

– Вы правы. – Серый лекарь обращался не к Дикону, а к Иноходцу. – У герцога Окделла сломана ключица. Видимо, он упал и ударился плечом или, падая, выставил руку. Есть опасность, что перелом со смещением. Видите припухлость в виде треугольника?

– Больно дышать, – тихо сказал Ричард. Он не ждал помощи и не просил ее. Просто подумал вслух.

– Постарайтесь глубоко не вздыхать. Сейчас я наложу повязку. Вам следует благодарить Создателя...

– За что? – Притихший было огонь взметнулся до небес. – И кого?! Ваш Создатель – ложь! Лучшее, что можно сделать для него, это в него не верить! Иначе... Иначе его придется благодарить за Октавианскую ночь, за смерть Оноре, за Надор... Я не морской огурец! Я не стану верить в погубившую Золотые земли ложь...

– Остановись... Не надо роптать, Дикон... Ты жив. Я не могу не благодарить за это Создателя...

Катарина! Здесь... Только что вошла или была с самого начала и видела его слезы? Видела, как Робер схватил его, будто щенка?!

– Позволь брату Анджело тебе помочь. Он несет добро, как нес святой Оноре, и он хороший врач, а ты... Ты сейчас очень нужен. Ты, Робер, генерал Карваль... Теперь все зависит от вас. Твоего короля больше нет, но есть королевство, и есть долг. Есть люди, город... Они не звали вас, но вы пришли к ним с оружием. Теперь вы за них в ответе.

– Катарина, зачем ты пришла? – Робер взял Катарину за руку. Конечно, ведь они кузены. – Тебе лучше лечь.

– Я пробовала. Я не могу... Я крикнула, и он упал... Твой король. Робер, это я виновата...

– Не ты, – мягко поправил Иноходец, – Моро. Это был его умысел, он хотел убить и убил. Погибших могло быть и больше...

– Конюх тоже? И солдат?

– У гимнета пробита голова, но, может, обойдется. Второй – да... Умер на месте. Тебе лучше уйти.

– Да... я уйду... Я должна помолиться за них. Как их звали, Робер?

– Гимнета – Одри. Солдат был из Нохи. Его имя должны здесь знать. Брат Пьетро тебя проводит.

– А ты?

– У меня дела. Но как только я освобожусь хоть немного...

– Да, у тебя дела... Ты теперь должен, вы все должны... Вашего господина нет, вы есть. Вы должны исправить хоть что-то.

– Ты умница. Брат Пьетро...

– Идемте, сестра моя.

– Дикон, – затуманенный тревогой взгляд, – береги себя... Пожалуйста, береги себя!

Оглянувшись на пороге, вздрогнула и исчезла. Боль не проходила, но юноша терпел, пока врач подкладывал в подмышку валик, прижимал к туловищу и бинтовал согнутую руку, перетягивая ребра, плечо и ключицу. Это длилось бесконечно. Робер ушел, чуть опередив Мевена и Карваля. Пьетро не вернулся. Говорить с лекарем было не о чем, да и не хотелось. Ярость погасла, остались беспросветность и холод. Ясный обжигающий холод знания. Отцу тоже было холодно, когда он узнал, что Алва перешел Ренкваху, оставив Повелителю Скал единственный выход. И все же Эгмонту было легче – он верил, что следом придут другие, продолжат начатое им дело и победят. Альдо был последним, после него не придет никто. Дело Раканов мертво. Дожди кончились, дороги просохнут, в столицу ворвутся кэналлийцы...

– Ходить и даже выходить из дому вы сможете, – внезапно объявил врач, – ездить верхом – нет. По крайней мере в течение пары недель. Первые дни будут сильные боли. Вам придется принимать облегчающие их тинктуры.

Тинктуры... Можно подумать, они убьют боль потери.

Глава 2

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. 6-й день Весенних Ветров

1

Когда умирает король, пишут манифесты и приспускают флаги, но что написать о смерти сюзерена, которого собирался свергнуть? Робер покосился на верного Сэц-Арижа. Глаза капитана сияли, как в Эпинэ в первые дни восстания, он был счастлив, да разве он один! Судьба спасла южан от прямой измены, то есть не от измены, изменить-то они успели, а от последнего удара в спину. Альдо умер, и никто в этом не виноват, кроме его самого и мертвой лошади. Герцог Эпинэ не предал, а исполнил последнюю волю сюзерена. Пуля в сердце милосердной долгой агонии, Робер тоже бы выбрал пулю.

Дворец неумолимо приближался вместе со всем своим содержимым, и Робер остановил порывавшегося с самой Нохи перейти в галоп Дракко, давая себе передышку. Предстояло решить, что говорить и что делать. Как быстро все случилось. Мориск, солдат и король... Всего-навсего. Чужие скажут, что обошлось малой кровью, и будут правы. Если удастся удержать в руках город и гарнизон до прихода Дорака.

– Жильбер!

– Да, монсеньор! – расплылся в мальчишеской улыбке Сэц-Ариж. Как просто жить, поделив мир на ненависть и любовь, счастье и беду.

– Разыщи мэтра Инголса, он должен быть у себя. Скажи, что... что документ, который он готовит, нужен немедленно. И пошли к Капуль-Гизайлям. Пусть никуда не выходят и меня не ждут. И отправь к ним в помощь четверых солдат. Мало ли...

– Да, монсеньор!

Гнедая весело фыркнула и помчалась легким галопом по Кухонной. Жильбер чувствовал коня, не то что Альдо. Сюзерен считал себя знатоком лошадей и людей, ему все потакали, и его убили лошадь и человек. Карваль... То, что пришло в голову Халлорану, не могло не осенить и Никола. Маленький генерал вновь решил за своего монсеньора и привел к Альдо смерть. Проклятье это или благословенье, когда не ты выбираешь из двух зол, а другие? Дед, осенние охотники, Никола, Альдо, Придд и снова Никола. Ты не решаешь, ты бежишь от перекрестка к перекрестку, а перед тобой закрываются все двери, кроме единственной. Ты – конь под седлом судьбы, только конь может сбросить всадника. Моро сбросил.

– Во дворец, – коротко велел Робер. Передышка кончилась. Вновь стало мутно от осознания непоправимости жизни. Альдо верил своему маршалу до конца, потому и просил о последней услуге. И о Матильде. Отвернулся от едва не погибшего под копытами Дика ради предателя, а теперь ничего не скажешь, ничего не объяснишь, ни в чем не признаешься. Даже в том, что, будь ты честен хотя бы в отношении верховой езды, друг не попытался бы оседлать погибель, а если б и попытался, то не по твоей вине.

Конский цокот, солнце... Оно все еще не зашло. Ажурные тени на мраморных плитах, вазы с бронзовыми цветами, флюгера и статуи. При Раканах дворец был крепостью, Раканы боялись. Подданных, врагов, церковников и себя. Оллары рвы засыпали, а стены и решетки из защиты стали украшениями. Занять новый дворец так просто...

Площадь Святого Алана. Она еще не знает, что вновь станет Фабиановой. Вместо срытой колонны торчит закладной камень. Как нарыв. Памятника пращуру Дика здесь не будет, а что будет? Новая колонна? Храм? Статуя? Или просто плац? У Олларов вряд ли скоро дойдут руки до монументов – слишком много трат впереди и никакой надежды на гальтарские силы и гоганское золото.

Причудливые решетки опущены, в ближнем дворе топчутся гвардейцы. Слишком много для обычного дня, хотя их же собрал Альдо. На конные учения... Их никто не удосужился отменить. Государь задерживается, люди ждут, но государь не придет.

– Мой маршал, – оттарабанил гвардейский капитан, – командующий гвардией генерал Тристрам в зале Зверя. Собрались все, ждут только вас. Мой маршал, разрешите выразить вам свое соболезнование.

– Уже знаете? – вяло удивился Эпинэ и вспомнил, что задержался. Сперва в Нохе с Ричардом, а потом и вовсе ускакал куда глаза глядят, не заметив бросившегося следом Сэц-Арижа и десятка южан. Он гнал полумориска до самого Данара, затем долго стоял у взбаламученной, почти вышедшей из берегов реки и пытался думать, а перед глазами плясали ядовито-зеленые круги.

– Монсеньор, – голос гвардейца был казенно бодрым, но в глазах было сочувствие, – гимнет-капитан Мевен сообщил о несчастье.

Конечно, Мевен... Еще один не успевший предать делом, но не мыслью.

– Спасибо за сочувствие, капитан. – Робер спрыгнул с Дракко. На мгновение показалось, что ноги увязли в камне, как в грязи. Кто-то увел коня, кто-то распахнул дверь,

кто-то взял «на караул». Гвардейцы и гимнеты продолжали нести службу, а часы – отсчитывать время, которого опять не хватало. Жизнь высосала запутавшегося в интригах Эпинэ не хуже паука, но оставшаяся шкурка все же пыталась думать. О Катари, о Матильде, об Оллари. Надо вызвать Халлорана, рассказать все как есть и поручить ему барсинцев. Тристрама лучше убрать прямо сейчас. Гвардию примет Пуэн. И еще нужно решить с «надорским» полком и с Диконом....

Эпинэ слишком хорошо помнил о Маранах, чтобы сразу объявлять о смерти Альдо, но что-то предпринять следовало немедленно. Городом займутся Карваль и Халлоран, Левий им поможет, а манифест придется писать Инголсу, только сперва нужно дать придворным время разбежаться, по возможности сохранив лицо. Собрать Совет эориев? Дикон болен и в отчаянье, Придда нет, старшего Тристрама – тоже. Остаются Карлион, Берхайм, Дэвид и... Алва. Законный регент Талига. Хозяин Моро. Бывший эр Дикона. Он удержит город от мести. Если захочет...

Сверкнуло, отразившись от щита со Зверем, солнце, свежая позолота сияла нестерпимо ярко. Теперь на Марагонскую лестницу вернут трофеи Франциска и Рамиро. Если, разумеется, их не сожгли, но гербы и знамена – дело двенадцатое. Игрушки для королей, за которых правят маршалы и кардиналы.

– Господин Эпинэ! – Окрик был громким, но каким-то писклявым. – Потрудитесь остановиться!

На верхней площадке у нагнувшего рогатую голову новенького позолоченного атлета стоял Лаптон. В окружении «полуденных» с алебардами. Брякнуло и за спиной. Робер обернулся. Вниз дороги тоже не было.

– В чем дело? – осведомился Иноходец. Вопрос для Лаптона оказался слишком сложным. Толстяк шумно задышал и завертел головой. Из-за его спины вынырнул Вускерд.

– Господин Эпинэ, – в отличие от гимнет-капитана экстерриор говорить не разучился, – вы арестованы как ближайший друг и пособник узурпатора.

– Кого? – переспросил Робер. Он просто недопонял, но Вускерд оскорбился и разразился речью. О кровавом Ракане, святых Фердинанде, Катарине и Алве, гнусном предательстве и страданиях всех честных талигойцев. Речь была прекрасной и даже правдивой, но Робер расхохотался прямо в холеное, праведно возмущенное лицо. Он не собирался никого оскорблять, все вышло само собой, а остановиться не получалось. Иноходец задышался от смеха в кольце гимнетов и гвардейцев. Выпученные глаза Лаптона, топорщившийся ус какого-то «полуденного», солнце на рогах статуи – все вызывало у пособника приступы непростительного хохота.

Вускерд с достоинством скрылся за разноцветными по случаю переворота спинами, Лаптон тоже отступил. Закатные твари, они же боятся... Помнят про разбойников у Марианны, не хотят нападать, но Дорака с кэналлийцами все равно боятся больше.

– Герцог Эпинэ, – потребовали из-за солдатских спин, – сложите оружие! Мы гарантируем вам безопасность и справедливость. Лишнее кровопролитие лишь ухудшит ваше положение...

Ничего оно не ухудшит, нечего тут ухудшать. Все еще задыхаясь, Эпинэ вытащил шпагу. Вускерд понял неправильно и исчез уже окончательно. Лаптону деваться было некуда – зад гимнет-капитана упирался в постамент рогатого. Солнце мазануло по золотой морде; казалось, та брезгливо морщится. Робер вновь взвыл и замахал свободной рукой на радетелей дела Олларов. Гимнеты переминались с ноги на ногу, по волоску отступая от спятившего маршала.

– Дальше, – простонал Робер, понимая, что все опять сделали за него. – Лаптон... Досказывайте... Я... вас не трону...

– Я не понимаю! – с обидой произнес толстяк, прижимаясь к недовольному рогачу. – Что здесь смешного?

– То, – выдавил из себя Эпинэ, – что... заговор... против Альдо... был... Говорите же... Я... слушаю... Что... вы... предоставляете?

– Жизнь, – все так же обиженно повторил Лаптон. – Вас препроводят в Багерлее, где вы и останетесь под надежной охраной. Вашу дальнейшую судьбу определит законный регент Талига герцог Алва. К нему уже выехал барон Кракл...

2

Плохо подобранные пуговицы могут погубить любой костюм. Так утверждал Ив, так полагал и сам Марсель, потому и был собой крайне недоволен. Спустить собаку на провинциальных дуралеев сам Леворукий велел, но манера... Варастиец, как есть варастиец! Сбежавший от воинских тягот прожигатель жизни никогда бы так себя не повел, а ведь у Капуль-Гизайлей болтался Дарави. Кавалер вряд ли забыл, как виконт Валме, будучи совершенно трезв, бросил вызов четверым отнюдь не слабым противникам. Подобные «пуговицы» превращали изысканный вечерний туалет с подбрюшником в черно-белый мундир, а выходить из игры Марсель не собирался, хотя решение это далось с трудом. Одна половина виконта рвалась за Алвой на север, другая намеревалась досмотреть столичную мистерию до конца, при необходимости оный конец подправив. Последнее требовало выдержки и такта, которые сегодня почему-то отказали.

Валме слегка поморщился, представляя, что бы изрек в связи с сыновней промашкой папенька, и пересчитал покрытые пылью бутылки. Каяться Алве не хотелось, но в скандале было нечто не позволявшее выбросить его из головы. Наглость Фальтака и Сэц-Пьера, плач Эвро, ужас Марианны, непонятная лихость самого Марсея – все это как нахлынуло волной, так и отступило, но на мокром песке остались ракушки и бледная глубоководная рыбина. Видимо, ядовитая.

Виконт подхватил поднос с уже наполненными бокалами, привычно глянул под ноги и вспомнил, что Котик остался утешать даму. Когда пес вернется в посольство и не обнаружит Алвы, он примется ныть. Что поделать, с некоторыми людьми расставаться непросто. Весьма. Именно так бы сказал пройдоха Габайру, да исцелятся все его хвори и да переживет он расхищение винного погреба.

– Господин Первый маршал, – патетически воскликнул Валме, – знаете ли вы, что, моя голову, мы отрекаемся от своего естества? Это ли не повод оставить Габайру без сорокалетней «Крови»?

Рокэ не ответил. Он лежал ничком на бежевом ковре, вдруг расцветшем темно-красными гвоздиками. Марсель вполголоса выругался. Совершенно по-адуански.

3

Вместо обезболивающего Ричард выпил вина. Он не хотел, не имел права спать, а лекарские снадобья неминуемо бы вызвали сон, и Дикон их вылил. Терпеть было еще трудней, чем после леса Святой Мартины, и все равно сдаваться юноша не собирался. Сюзерен погиб, но Талигойя жила и нуждалась в защите. В еще большей защите нуждалась Катари. Оставлять королеву в руках Левия было нельзя, но увести ее из Нохи может только Иноходец, который сейчас ничего не соображал.

Собственными руками застрелить друга и государя, исполняя его же приказ, государя, которого не успел спасти, опоздав всего лишь на минуту... От такого сломается и более сильный. Смог бы он сам спустить курок, Дикон не знал – все вышло слишком страшно и стремительно.

– Монсеньор, конные носилки готовы, но доктор высказывает озабоченность...

– К Леворукому!

Дикон встал. Быстрее, чем нужно, за что и поплатился. В глазах потемнело. Слуга рванулся на помощь, но юноша вывернулся и даже не застонал.

– Откройте церковь.

– Лестница...

– Еще одно слово, и ты у меня не служишь.

Думать о лестнице и о себе, потеряв сюзерена? Думать о лестнице, когда только дриксы спасают столицу от Ноймаринена, а на юге спасти некому? Дорак будет здесь самое позднее к лету. Нужно отбиться хотя бы от него, иначе брат лжекардинала довершит то, что не успел Сильвестр. Надо подготовить отпор, и начать лучше с Халлорана. Он человек хоть и недалекий, но честный и к тому же северянин...

– Монсеньор, вам помочь?

Святой Алан, сколько же в этом доме болванов!

– Нет!

Подниматься по крутым ступенькам с улыбкой, не имея возможности опираться о перила, было почти невыносимо, но Дикон шел. Принц Эрнест из «Плясуњи-монахини» с пробитой грудью проскакал от Фебид до Канлэа, чтобы упасть у порога Эльвиры. Ричард не упал, он даже смог зажечь свечу у ног святой. Рыженький огонек поджег алмазные росы, заиграл на покинутом клинке. Осторожно присев, Дикон тронул холодную сталь. Он обменял кинжал Скал на меч Ветра, и этого не изменить, как не оживить Альдо. Реликвия навсегда останется в храме. Конечно, не на плаще, а на постаменте в виде Скалы. Скала, в ней кинжал, и рядом – негасимая свеча, память об отце и сюзерене. Надо узнать, не осталось ли у Альдо сына хотя бы от служанки из Сакаци. Кровь Раканов не может иссякнуть, она где-то да есть...

– Я должен идти, – негромко сказал Ричард. – Нас осталось только двое – я и Робер...

Двое Повелителей, словно в насмешку, лишённые реликвий. Меч Ветра не поможет Скалам, а жезл Волн – Молниям, но где-то есть Щит, а Катари кричала о браслете. Сквозь боль потери все настойчивей проступали полузабытое: «Меч Раканов не более чем дурно сбалансированная старая железка»... Алву это удивило, иначе бы он не был столь откровенен. Ворон запер реликвию в церкви и взял с собой подделку, он, ничего не делающий зря. А вдруг... Вдруг подлинный меч Ветров хранился в Алвасете, а у Раканов была лишь копия?! Как залог верности Дома и связующее звено между вассалом и сюзереном. Что, если Сила к государю приходит от Повелителей и лишь с их согласия? Тогда один Ракан не может ничего. В отличие от Окделлов, Эпинэ, Алва, Приддов, каждый из которых наделен ключом к своей стихии... А что могут Великие Дома и где искать Щит Скал?

В Надоре ничего подобного не хранилось, в этом юноша был уверен. Реликвия могла осесть в Кабитэле, затеряться в Лараке и, самое скверное, угодить в Ноймаринен вместе с Юлианой Надорэа. Уж не потому ли потомки Ферра стали полукоролями? Теперь они претендуют на регентство, но отдать им Талиг – значит утопить страну в крови. Впрочем, Агарис и Гайифа еще хуже.

Остается дать отпор как прихвостням Олларов, так и окружившим Талиг хищникам, избрать нового короля и заставить склониться перед ним всех, от последнего адуана до Эсперадора. Невозможно? Может быть, но «невозможно» – глупое слово. И трусливое к тому же. Это доказано хоть Дарамой, хоть лесом Святой Мартины, хоть тем, что сотворил Ворон у эшафота. Надо забыть слово «нельзя» и идти вперед, только так и можно победить.

– Монсеньор, – доложил из-за порога камердинер, рядом с которым торчал какой-то гимнет, – прибыл граф Лаптон. Он настаивает на немедленной встрече. Я проводил его в кабинет.

– Хорошо. Подайте туда вина. «Слез», не из самых старых. Носилки не отпускайте.

Из Лаптона такой же гимнет-капитан, как из Наля, но кузен, в отличие от родича Рокслеев, знал себе цену и умел себя вести. Он никогда не потащил бы подчиненных в дом, а Лаптон без гимнетов не ходит.

– Я могу уделить вам не более получаса. – Как трудно быть вежливым со сломанными костями, да еще глядя на дурака. – Вино сейчас подадут.

– Сожалею, но вынужден отказаться. – Толстяк протянул Ричарду украшенную печатями бумагу. – Я рад, что вы уладили дела с Создателем. Его прощение вам потребуется.

– «Пусть Создатель благ и милосерден, я, немилосердный, не прощу», – заставил себя усмехнуться Ричард. Лаптон захлопал глазами – Дидериха он, естественно, не узнал. Дикон вскрыл пакет. По груди протаскился холодный оползень, чудовищно тяжелый. Дыханье перехватило, и юноша не сразу понял смысл написанного. Пришлось перечитать.

«Именем Его Величества Карла Четвертого приказываю взять под стражу и доставить в Багерлее Ричарда Окделла, обвиняемого в государственной измене, соучастии в убийстве Его Величества Фердинанда Второго, покушении на жизнь регента Талига и Первого маршала Талига герцога Алва, лжесвидетельстве, расхищении государственной казны, соучастии в многочисленных убийствах и прочих преступлениях.

Арестованного надлежит содержать под строжайшим надзором, исключаяющим как возможность бегства, так и возможность самоубийства. В связи с полученным сегодня увечьем цепи надевать лишь в исключительном случае.

Совет Местоблюстителей Трона:

старейшина Совета Провинций Талига барон Кракл,

супрем Талига барон Кортней,

экстерриор Талига барон Вускерд.

– Я надеюсь, вы будете благоразумны. Мне не хотелось бы...

– Вы бы не посмели прийти сюда с... этим, будь я здоров. – Ни шпаги, ни кинжала, а подсвечник не поднять! – Трус и предатель!

– Не будьте смешным, – потребовал Лаптон и махнул рукой. За спиной Ричарда затопали чужие сапоги. – Не вам обвинять других в предательстве!

– Кракл поскромничал и забыл вписать в ордер мародерство, – раздавшийся голос был знакомым и мерзким, – а также глупость, приведшую к смерти кучи народа. Правда, покойные тоже были глупы и падки на дармовщину...

– Салиган?!

– Собственной персоной, мой юный недруг. – Мерзкий неряха встал рядом с Лаптоном и издевательски подмигнул. – Визит, так сказать, за визит. Лаптон, вы зря теряете время. Этого господина лучше всего перевозить в мешке, как его четвероногих родичей.

Отвесить Салигану пощечину Ричард не успел. Его схватили. Так неудачно, что юноша не смог удержаться от крика.

4

Не прошло и часа, как Марсель обнаружил, что в помрачении водрузил поднос с вином на стол, а мог бы и опрокинуть – зрелище того стоило. Рокэ по-прежнему лежал на ковре, хоть и с расшитой мимозами подушечкой под головой, а Валме сидел в кресле, приходил в себя и злился на маршала, который для начала сбежал, потом засел на всю зиму во всяких нохах и в конце концов свалился без сознания перед самым отъездом. И что теперь прикажете делать офицеру по особым поручениям? Его дело – исполнять эти самые поручения, а не гоняться за ними по всему Талигу и не выуживать их из чужого бреда.

Виконт злобно втянул носом воздух и в четырехсотый раз наклонился над Алвой. Тот лежал с открытыми глазами, но толку от этого было немного. Валме поднес к потрескавшимся губам бокал «Крови», но пить Ворон не пожелал, а поить насильно Марсель умел только щенят. Обнадеживало то, что от жажды умирают не раньше, чем на четвертый день, а накануне вечером Алва был настолько в порядке, что собирался в одиночку отправиться в Ноймаринен, на прощанье осчастливив Альдо мечом Раканов. Может быть, даже осчастливил...

Ненужный бокал надо было куда-то девать, и Марсель допил «Кровь» сам, пытаясь при этом еще и рассуждать. О грудке вещей, сумках в углу и брошенной на кресло кольчуге. Рядом валялась «старинная» одежда. Надеванная. Значит, Ворон благополучно вернулся, переоделся в дорожное платье, привел в порядок пистолеты, выбросил из сумок то, что счел лишним, и свалился.

Такое с ним уже бывало. Маршал рассказал об этом по дороге из Нохи – видимо, на всякий случай. И хорошо, потому что при виде крови на ковре и недвижимого тела Валме едва не помчался за врачом. Он и помчался бы, не вспомни, что нохский коновал почел за благо оставить больного в покое. Приступы начинались одинаково: с обморока и кровотечения, потом приходили лихорадка и бред. Снадобья не помогали, не помогало ничего, кроме покоя, но ждать Марсель не собирался. Мысль о Леви он отверг сразу же – лежать Алва мог и в посольстве. В прошлый раз маршал провалялся без сознания больше суток, и еще неделю его шатало от стенки к стенке. Что будет сейчас, знали только кошки, но Шеманталь придется вернуть.

Валме сгрел в охапку амуницию «Рамиро Предателя», освобождая место на диване, но не рассчитал с кирасой. Та шмякнулась на ковер, напоминая о подлой маске и разбуянившихся матерьялистах. Все встало на свои места, и были эти места просто омерзительны.

– Я болван, – с некоторым удивлением произнес Валме. – А все потому, что не бергер и не адуан. Те бы сразу поняли, но мы оторвались от истоков, и вот вам результат...

Он не знал, что и где произошло, но рожа свалилась, а собаки взвыли. Что там плел про маску Коко? «Лик Полудня и обратный ему лик Полуночи»? И этот лик раз за разом валится на чужие головы... Излом, шестнадцатый день после суда, третий день Весенних Скал, сегодня... Алва упал именно тогда, когда грохнулась рожа! Или чуть позже, когда все они сходили с ума, а потом внезапно пришли в себя.

Валме в очередной раз взял Ворона за руку; та умудрилась стать еще горячее. Пульс колотился, как у загнанной лошади, да и дышал Рокэ слишком уж часто. Когда у человека лихорадка, ему смачивают лоб и виски, но это не лихорадка, это Леворукий знает что такое...

– Колодец, – внезапно отчетливо произнес Ворон. – Опять... Данар...

– Данар? – переспросил Валме, пытаясь понять, бред это или приказ?

– Живая вода... текущая вода... – Алва попробовал приподняться. Не вышло. Кажется, ему было тяжело дышать. – Пока течет, не поздно... Еще...

Лихорадка начиналась у Ворона, а зябко стало Марселю. После смерти Фердинанда не случилось ничего, и Валме как-то сразу повеселел, а ведь в Надоре грохнуло. Возможно, на шестнадцатый день со дня Суда. В тот самый миг, когда проклятая рожа...

– Бросьте! – вдруг потребовал Алва. – Бросьте все... Тут уже ничего не сделать... Я не могу дать вам... много времени!

Это окончательно решило дело. Валме подсунул лежащему под голову еще одну подушку, вскочил, направился к двери, обругал себя и вернулся к конторке. Стукнула откидная доска, Рокэ что-то выкрикнул – увы, на кэналлийском. Он обещал, что будет бредить, вот и бредит. Человек слова, никуда не денешься.

Маршал что-то приказывал, кого-то звал, какого-то Рамона. Альмейду? Наверняка, они же дружат... Виконт узнавал отдельные слова, но на большее его не хватало. Не получалось даже запомнить, чтобы потом спросить. Надо братья за языки серьезней и заодно прихватить еще чего-нибудь, астрологию, что ли. И историю...

– Хватит валять дурака, – произнес на талиг Алва, – убирайтесь... Да убирайтесь же, вам говорят!.. Пока не поздно!

– Мы сейчас уберемся, – пообещал Валме, понимая, что за Котиком при таком раскладе не успеть. Одно из двух, или Котик или Шеманталь. – По Данару. Кошки с две я вас оставлю в одном городе с этой рожей.

Рокэ не понял, он вновь отдавал распоряжения Рамону. В серебре все еще чужого языка медяшками и золотом звякало «Эрнани», «Оллария», «Надор», «Агмарен»...

Толку от этого не было никакого. Марсель набросил на бормочущего маршала содранный с кресла меховой коврик и заставил себя сосредоточиться на неотложном. Посол не может просто так исчезнуть из собственного кабинета. Вернее, может, но зачем давать урготам повод к обыску? Старик Габайру имел тайны не только от Талига, но и от

подчиненных. Он хотел вернуться, и он вернется в нормальную Олларию, в свой дом и в свои тайны. Граф Ченизу честно выйдет в дверь, а куда, когда и с кем войдет, никого не касается.

Несколько строчек на внушительном листе. Песок сыпется на желтоватую бумагу. Легкомысленное, равнодушное письмо. Завтра графа Ченизу, может, и станут искать в Данаре, но не в том смысле. Марсель запер конторку. Надо было уходить, но оставлять больного казалось неправильным. Ничего! Он лежал один несколько часов, а уж двадцать минут...

– Я сейчас вернусь, – пообещал Валме, хотя его не слышали.

–..Ундии, – сказал Алва и затих. Крови не было, и на том спасибо.

– Это будет на редкость особое поручение, – подбодрил себя господин посол, глядя на затихшую, укрытую мехом фигуру. – А вино, между нами говоря, было так себе. Вы ничего не потеряли... Монсеньор.

5

Анфилада, в которой заперли Эпинэ, для одного была слишком просторной, но одиночеством новоявленный обитатель Багерлее наслаждался недолго. Застучало, скрипнуло, и Эпинэ увидел Карлиона с Берхаймом. Верные вассалы Скал выглядели растерянными. Они уже не возмущались, но еще не плакали и не каялись, хотя Иноходца предпочли не узнать. Графы потоптались по вытертому ковру и разбрелись по углам, благо рассохшихся стульев хватало. Разговаривать они не собирались, и Робер был этому только рад. И еще он был спокоен. Впервые с тех пор, как оставил Торку и свой полк. От Повелителя Молний больше ничего не зависело, он мог сидеть в тюрьме, мог умереть и даже уснуть, это было неважно. Карваль заставить себя врасплох не даст, Левий защитит Катари, скоро подойдет Дорак, да и Алва возьмется за дело. Выслушает про Моро и возьмется.

Левий – или кто там будет рассказывать – наверняка соврет. Скажет, что стрелял солдат или что-нибудь в этом роде. Зря. Что было, то было. Сделанное остается с нами навсегда, как и несделанное. Когда они встретятся, если встретятся, Ворон узнает все и пусть решает. Недосказанности между ними не будет.

Робер мог бы умереть, чтобы спасти Моро. Выбирая между конем и сюзереном, он бы, скорее всего, выбрал коня, но Дик должен жить. За своего отца, за всех, кто остался в Ренквахе. Дуралею нет и двадцати, и он честен и предан. Только бы Дикон подольше оставался с братом Анджело в Нохе, потому что Тристрам с Вускердом, спасая свою шкуру, станут хватать всех. Тех, кто не упирается, они выдадут Алве живыми, но Окделлы, раздери их кошки, не сдаются. Пощады они тоже не просят – значит, рано переводить дух. Никола защищать Дика не станет, как и Левий с Инголсом. Они не понимают, не могут понять... Для них Дикон в лучшем случае обуза, в худшем – помеха, от которой следует избавиться.

Робер прикрыл ладонями глаза, пытаясь сосредоточиться. Он хотел спать, он чудовищно хотел спать, но сперва надо было что-то придумать. Что-то такое, что не позволит блюдолизам поднять на мальчишку руку, как бы тот ни хорохорился. Увы, голова соображать отказывалась, а немногие пришедшие в нее мысли разгоняла графская свара. Слушать товарищей по заключению Эпинэ не желал, но чужая склока лезла в уши с упорством завидевшей сливки голодной кошки.

– Я не изменял своему Отечеству, – громко и с чувством твердил Берхайм, видимо, в надежде на шпионящих тюремщиков. – Я родился в изгнании, но вернулся при первой возможности. Служить законным королям... Служить Олларам, превратившим расхищенный Раканами Талиг в великую державу. Я мечтал об этом всю жизнь! Как же я завидовал тем, кто родился в Талиге, а они не ценили своего счастья. Нашлись и такие, кто опозорил своих предков и лишил будущего своих наследников...

– Вы вернулись служить Олларам? – Второй голос был еще громче первого. И визгливей. – Вы? Приехав в обозе эсператистского кардинала, короновавшего раканского

ублюдка?! Вы только и делали, что подтачивали Талиг снаружи, в то время как лучшие люди служили ему, даже будучи лишены титулов и владений. Они все простили своей родине и своему королю...

– Пытаетесь спрятаться за Седрика Карлиона? Не выйдет! Все видели, как вы бросили его портрет в грязь и проехали по нему верхом, а потом неделю всем об этом рассказывали. А кто требовал казни Алвы? Кто, я вас спрашиваю?

– Как и вы...

– Я не знал герцога и судил о нем с чужих слов! С чужих лживых слов, а вы и вам подобные...

– Хватит! – заорал Робер, хватаясь руками за спинку стула. – Я хочу спать, так что извольте заткнуться. Иначе милость Олларов вам уже не понадобится.

Спорщики в ужасе замерли, глядя не на Робера, а на дубовый стул, в который вцепился Иноходец, – вспомнили разбитую лютню и были наслышаны, что у Эпинэ не так с головой. Графы немедленно прекратили браниться и забились в угол. Теперь они только дышали. Шумно и противно. Робер сдернул со спинки стула плащ и ретировался в последнюю из комнат анфилады. Она была пустой, но отсутствие кровати искупалось отсутствием вассалов Скал. Эпинэ завернулся в плащ и улегся лицом к стене. Он не собирался спать и не думал, что уснет, но тело рассудило по-своему. Через три минуты Повелитель Молний спал, и ему ничего не снилось.

Глава 3

Найтон. Северный Надор

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. Вечер и ночь с 6-го на 7-й день Весенних Ветров

1

Господин Густав Гутенброд торжественно поставил недопитый стакан на стол, утер румяные губы, и Луиза поняла: начинается. Почтенный пивовар скрывал свои чувства не лучше бедняги Эйвона, хоть в штаны горожанина можно было бы всунуть троих графов. К счастью, о бурном прошлом и богатом опыте избранницы влюбленный не подозревал. Он честно обхаживал благородную вдову, бежавшую вместе с юной дочерью из захваченной еретиками и гайифскими распутниками Олларии. Теперь госпожа Арамона жалела, что не сочинила себе мужа-бергера, но она и в самом деле ощущала себя вдовой. Не Арнольда – Эйвона. И потом, кто же знал, что к ее ногам посыплются зажиточные холостяки и солидные вдовцы...

Кроме цветущего кудреватого пивовара Луиза покорила лысого краснодеревщика и седовласого священника, а ведь никто из них не догадывался о королевских драгоценностях и подсунутом Зоей золоте. Кавалеры были бескорыстны и исполнены серьезных намерений. Все трое. Пару лет назад подобное повергло бы капитаншу в восторг, сейчас раздражало, но госпожа Арамона, ставшая госпожой Карреж, терпела. Она не поощряла никого, до такой степени не поощряла, что мать аптекаря и свояченица копильщика объявили новую обительницу Найтона скромной и добродетельной, а мнение этих двух дам было мнением всего городка. Знали бы они...

– Госпожа Карреж, – кончил собираться с мыслями солидный мужчина, – я знаю, что вы недавно понесли тяжелую утрату. Возможно, вы сочтете меня нетерпеливым и навязчивым... – Гутенброд говорил как по писаному, а вернее всего, так и было. Забегавшая утром соседка шепнула: люди видели, как пивовар выходил от нотариуса Хэмбоди, составлявшего не только завещания и прошения, но и предложения руки и сердца.

– ...я достаточно обеспечен, чтобы содержать супругу и еще одну дочь, а Гризельда и Анна будут счастливы...

В счастье, испытываемое в присутствии Селины двумя ширококостными веснушчатými девицами, Луиза не верила, а замуж не собиралась даже ради Зои. Тем не менее на Луизе Карреж хотели жениться. Без приданого и папенькиных связей. Просто так. Слетевшиеся кавалеры приходились ровесниками Арнольду, и их не нужно было покупать. Получалось, что, позволив Аглая Кредон своим дочерям водиться с соседями, какой-нибудь Густав наверняка бы влюбился в семнадцатилетнюю Луизу, и она бы вышла замуж. Если не по своей любви, так по чужой. Все было бы просто и по-доброму – без дворцов, королей, драгоценностей и обезумевших лун. Были бы другие дети и другие дела. Не было бы Алвы и Эйвона.

– Сударыня, – возвысил голос жених, – я жду приговора и уповаю на ваше милосердие.

– Сударь, – начала Луиза, глядя в пышущее здоровьем лицо, и замолчала, словно в комнату вошел Ларак.

Простой, добрый, богатый человек о нем не знал и ждал ответа. Гутенброд почти не сомневался в согласии, но все равно волновался. Как при заключении заранее оговоренной сделки с честным поставщиком. Луизе стало неловко.

– Сударь, – повторила она, – моя потеря слишком свежа, а время, в которое... которое нам выпало, слишком страшно. Как можно решаться на брак, не зная, что случится завтра? Эти землетрясения... Война, бунт...

– Именно, сударыня, – покровительственно улыбнулся жених. – В такое время женщина не может, не должна оставаться одна, а уж вдова и юная девушка... Под моей защитой вы обе будете в безопасности, а красота Селины и хорошее приданое... Не считите меня хвастуном, но я – поставщик Северной армии и вхож не только к полковнику Смайсу, но и к полковнику Вайспферту, и к генералу Айхенвальду. В армии много достойных молодых дворян. Не поймите меня превратно...

Луиза все поняла правильно, но Селина думала о женихах еще меньше матери. Теперь капитанша отдала бы все, чтобы дочка вновь мечтала об Алве, но девочка помнила только Айри и свое невольное предательство. Какие уж тут офицеры...

– Я вам благодарна, – ничуть не покривила душой Луиза, – но Селина слишком молода, а я еще не готова с ней расстаться... Я не могу так быстро забыть... Простите.

Вскочить и поднести платок к глазам... Притворство? Конечно, притворство, только слезы почему-то настоящие. Текут... Всякий раз текут, когда вспоминается.

– Сударыня! – Круглое лицо вытягивается, глаза смотрят растерянно и виновато. Какой хороший человек! Ну почему ей на старости лет так везет на хороших людей? Хороших и ненужных.

– Не волнуйтесь, сударь, все уже прошло, но вы не допили... Создатель, какая же я глупая. Вы варите пиво, а я предлагаю вам вино.

– Я люблю вино, – Гутенброд схватился за стакан, как за спасение, – я очень люблю вино... Можно варить хорошее пиво и пить вино, но я пью немного. На праздники и вечером... В нашем роду никогда не было пьяниц, это несовместно с хорошей работой.

– Это несовместно с хорошей жизнью, – поправила Луиза. – Ваша покойная жена была очень счастливой женщиной.

– Митта... Она была такой веселой... Госпожа Карреж, я буду ждать. Я буду ждать столько, сколько нужно, но вы тоже станете счастливой женщиной! А пока я куплю дом у церкви Святой Паулины. Его все равно продают.

2

Марсель никогда не стремился утонуть, тем более – в такой холодной и грязной реке. С моста и даже с берега Данар еще мог нравиться, но уж никак не из лодки. Вскарабкавшийся на небо месяц тоже не радовал. На то, чтоб загодя высвечивать буруны и всякую плавучую дрянь, его не хватало, зато скачущие по воде блики и белые пенные клочья напоминали, что, вздумай лодка затонуть, добраться до берега вплавь будет непросто. От таких мыслей тянуло

окликнуть сидящих на веслах адуанов и приказать смотреть повнимательней, но если от тебя нет толку, не дергай тех, от кого он есть. Марсель закутался в отсыревший плащ, чихнул и уставился в ту сторону, где прятался нужный берег. Не учить Ганса с Базилем грести и не проверять ежеминутно, дышит ли Алва, требовало немалых усилий, но беглый посол терпел, не забывая высматривать обещанные Шеманталем «три огня один выше другого». Огней не было.

Обосновавшийся где-то возле желудка трусливый паршивец пищал, что Шеманталь все перепутал, факелы погасли, их не заметили, проплыли мимо, и вообще они вот-вот перевернутся. Марсель едва не поклялся никогда не связываться с реками и лодками, но передумал. Расставаться с Вороном и особыми поручениями он не собирался, а Алва просто притягивал к себе воду. Померанцевое море могло быть случайностью, дожди в Эпинэ и Варасте – совпадением, но Данар заставлял думать о некоем законе. Врать мирозданию без особой на то необходимости Валме не рискнул, решив отвлечься от картин речного дна при помощи вычислений.

Наглотавшийся талых снегов Данар волок бревна и прочий хлам со скоростью шагающей лошади. Так, по крайней мере, было вечером, когда Марсель проехался от посольства до моста, проверяя, скрылись ли под высокой водой пороги и получится ли их вовремя разглядеть. Шеманталь с лошадьми ждал возле устья Мерги. Втаскивая Алву в лодку, Валме не сомневался, что известная мельницами и омутами речушка впадает в Данар в паре хорн ниже предместий и что, отплыв в сумерках, они окажутся на месте к полуночи, даже если не станут грести. Сейчас виконта одолевали сомнения. Он не верил ни Данару, ни Шеманталю, ни себе, ни звездам, утверждавшим, что полночь еще не наступила, хотя город остался позади сто лет назад. Подсчетам мешало препротивное бревно, пристроившееся рядом с лодкой и питавшее в отношении путешественников самые дурные намерения, гребцы же, как назло, ослепли. Может, у них на Рассанне бревна на лодки и не нападали, но в Варасте и Раканов отродясь не водилось, и матерьялистов...

На невидимом берегу завыли, напомним о Котике, и Марсель опечалился окончательно. Стриженная черноносая морда, хруст пряников и костей, умильные взоры и обслонявленные пряжки – все это осталось у Капуль-Гизайлей. С людьми расставаться все-таки легче – они не только смотрят и чавкают, но и говорят, а это отвлекает. Будь Давенпорт собакой, не спас бы даже Бонифаций со своими напутствиями и флягами, а так поболтали, посмеялись – и полегчало. Конечно, у Котика была Эвро, а у Марселя – полумертвый маршал, которого следовало вытащить из города, но покинутый пес выл не на берегу, а в душе. Из-за него Валме едва не проглядел рыжее пятно, вскоре распавшееся на три. Добрались! Оставалось ни на что не налететь при высадке. Трус в желудке воспрянул, вознамерившись указывать, требовать и вопить; Валме его пнул.

Адуаны налегли на весла, разворачивая лодку поперек течения. Зловредное бревно отвязалось, но в сырой холодной тьме, без сомнения, таились другие. Из памяти полезли фельпские и бордонские байки о затонувших кораблях и глубинных злыднях, которые только и ждут...

Весло Ганса глухо стукнуло о плавучую корягу, адуан ругнулся, внутренний трус зашелся злобным визгом. Теперь он обвинял не только реку с лодкой, но и гребцов. Марсель слушать не стал, а занялся Алвой. В том смысле, что убрал укрывавшие больного плащи и прикинул, как его подхватывать, если адуаны все-таки ошибутся. Не ошиблись. Лодка послушно ткнулась в берег. Ганс прыгнул за борт, раздался плеск. По носу из темноты кто-то возник, особым образом махнув рукой. Базиль опустил пистолет и перебрался к приятелю. Трое на берегу налегли на веревку, вытаскивая лодку. Марсель, чем мог, помог, отпихнув какие-то ветки. Плавание осталось позади, а на твердой земле, как свидетельствовал фельпский опыт, Валме расцветал.

– Вы пунктуальны, Орельен, – похвалил виконт, на радостях заговорив совершенно попосольски. – Нас четверо, но удивляться будете потом. Сейчас помогите. Надо перенести на берег больного.

Шеманталь, ничего не подозревая, двинулся к лодке. Предупреждать, что за больной, Марсель не стал – не мешало проверить, падают ли адуаны в обморок и если да, то как.

– Леворукий! – Орельен дернулся, словно вознамерившись грохнуться на колени, отскочил, вновь нагнулся, всплеснув руками...

– Что это за танец? – любопытствовал Марсель, наслаждаясь зрелищем. – Что-то бакранское?

– Это? – Генеральский племянник обернулся. Видимо, он был бледен, но ночь красит серым даже красное. – Это ведь... Ведь...

– Это ведь, – подтвердил Валме. – В конце концов, снесем его на берег. В лодке холодно.

Шеманталь опомнился, зато ошалели Ганс с Базилем – поняли, что везли кого-то поважнее Валме. Последним предстояло поразиться коноводу, не принимавшему участия в общем развлечении. Марсель сунул Гансу плащи и принялся помогать Орельену.

– Вы ведь помните моего батюшку? – осведомился виконт, поддерживая Алву за плечи. – Представляете, насколько нам было бы тяжелее?

Брови Шеманталь слегка шевельнулись, но бедняга не ответил. Потрясение, куда денешься...

– Очнитесь и подумайте, как мы будем отсюда убираться. Господина Первого маршала искать никто не будет, а вот господина посла...

– У нас шесть лошадей. Если вырубить пару жердин...

– С носилками мы будет слишком заметны, – проявил осмотрительность Марсель, – и потом, возможно... Очень возможно, придется удирать. Его надо брать в седло.

– С двойной ношей далеко не ускачешь. – Неотложное дело выгнало удивление и потеснило благоговение. – Даже на Бакре... И ведь думал же взять Ральфа, а не Мартина.

– Господин Ракан тоже думал. – Ральф с Алвой вдвоем потянули бы на одного Мартина, но увы... Ганс с Базилем тоже не тростинки, Шеманталь – каланча, да и сам Марсель... Пузо, конечно, кануло в небытие, но газелью Валмону не стать никогда. – Помнится, в Варасте в седле перевозят не только мертвых, но и раненых.

– Да, но...

– Капитан Шеманталь! Извольте быть адуаном, а не... лилией! Алва тут. Где лошади?

Окрик помог. Сомнения Орельена оставили, и правильно. Сомневающийся Шеманталь нелепей стриженного волкодава. Станет ли Коко причесывать пса или не посмеет? Котика надо забрать, хоть стриженного, хоть лохматого, и поскорее. Еще один повод не тянуть со столицей... Звякнули удила. Затопала и печально вздохнула лошадь.

– Господин капитан, – Шеманталь вновь был самим собой, – это Вишня, она годится... Дозвольте сажать...

– Валяйте.

Помогать Марсель не стал, поскольку адуаны знали, что делать, а виконт – нет, хоть ему и приходилось возить дам, посадив перед собой и придерживая за плечи. Далеко бы они ускакали, набросься на них, скажем, муж!.. Полагаться на удачу не хотелось, хоть она пока и не подводила. С судьбы станется выждать, когда разнежившиеся людишки понадеются на везение, и укусить.

– Дразнишься, поганка? – спросил судьбу виконт. – Лучше б разноцветным величием занялась. Глухарь – не ворон, не улетит...

Орельен с Базилем уже подняли темную фигуру в седло и заставили обнять лошадь за шею. Теперь они связывали запястья всадника на шее кобылы, а Ганс возился со стремянами. Вишня стояла смирно, лишь изредка помахивая подрезанным хвостом. Очень славная дама, и солидная к тому же.

– Господин капитан, можно отправляться. Куда лодку?

Габайру держал в посольстве только отменные вещи. Лодка тоже была хороша, хотя оценить ее достоинства на воде у Марселя не получилось. И все равно...

– Оттолкните от берега, пусть плывет. Нас тут не было. Если что, сможем пойти

галопом? Ремни выдержат?

– Должны.

Стянутые запястья всяко лучше падения на скаку, а Алва не обидится. На это – нет!

– Обычно возите рысью?

– Лучше шагом, рысью ему худо станет. Я возьму повод. Кто-то должен ехать рядом.

Поддержать там...

– Я поеду. – Марсель оглянулся на мерцавший за спиной Данар. Алва собирался на север, но дороги в Ноймаринен Шеманталь не знал, да и добираться туда было дольше, чем до «Красного барана». К тому же Марселю ужасно захотелось повидать папеньку.

– Орельен, – принял решение Валме, – диспозиция меняется. Мы едем не на север, а наоборот.

3

– Мама, если ты из-за меня...

– Нет, – покачала головой Луиза. Она продолжала шить шелками и в Найтоне, к вящему одобрению местных дам и женихов, но жуткие розы сменились серебристыми листочками и кистями мелких, как бисер, винно-красных ягодок. Такие росли в Кошоне вдоль дорог, на них никто не смотрел, а они были красивы...

– Мама, ты сердишься?

– Нет. Иди спать. Поздно.

– Я не хочу.

– Тогда сиди.

Это был их дом – вернее, домик. Славный домик в славном, не знавшем войн, погромов и землетрясений городке. Здесь варили пиво, пряли шерсть, ткали, шили, молились, ссорились, сплетничали – одним словом, *жили*. Здесь стояла тишина, такая, что прошлое прикинулось сном, только на самом деле сном были цветы на окнах, аккуратный камин, скрипучая лесенка с резными перилами. Когда придется проснуться, Луиза не знала, но все необходимое для спешного отъезда собрала в тот самый день, когда расплатилась золотом самоубийцы с бывшей хозяйкой, перебивавшейся в Ларак. Поближе к замужней дочери и к войне. Несколько больших тюков, которые можно бросить, и два маленьких, с самым необходимым, прятались в чуланчике под лестницей, напоминая о том, что можно сбежать от солдат и даже от озверевшей луны, но не от страха и не от потерь.

Луиза вышивала, Селина стояла у окна, приподняв занавеску, и смотрела в ночь. Обе ждали, хоть и не говорили об этом. После Надора они вообще говорили мало и только о ерунде. Что купить на базаре, чье приглашение принять, какое платье надеть. Будь Селина старше и сильнее, они могли бы возненавидеть друг друга, но дочь ненавидеть не научилась, а мать устала, она и так прозлилась и протрадала чуть ли не всю жизнь.

Серебристые и черные стежки поочередно ложились на ткань, оттеняя ягодный закат, в доме уютно потрескивало и шуршало, на столе нахально вылизывался унаследованный от прежних хозяев черно-белый кот Маршал. К осени все кончится. Кто-нибудь возьмет Олларию и вздернет Раканыша и его приспешников вверх ногами, нужно только подождать. Самое умное для двух ни на что не годных женщин – это сидеть тихо и ждать, пока другие спасают страну, короля, бывших соседей...

Госпожа Арамона отложила пяльцы и встала рядом с Селиной, прикинув к темно-синему окну. Они смотрели в мокрый дворик, а постучали с улицы.

– Я открою, – дернулась дочь.

– Нет, открою я.

Это могли быть разбойники, попрошайки, соседи, стражники, женихи. Луиза распахнула дверь, не спрашивая, и не ошиблась.

– Зоя! – радостно мякнуло за спиной. – Наконец-то...

– Доброй ночи, капитан Гастаки, – исправила оплошность дочка Луиза. – Прошу вас.

Зоя с улыбкой шагнула за порог и остановилась. На ее пути, ощерясь и хрипло рыча, стояло существо с горящими глазами. Кот.

– Уберите, – потребовала Зоя. – Уберите или выйдем.

Селина попробовала схватить зверя; тот вывернулся и подобрался, готовясь к прыжку. Он защищал то, что считал своим. Он рычал.

– Я сейчас, – сказала Луиза, – только оденусь.

Зоя кивнула и исчезла. Маршал рванулся к порогу и уселся на нем, вперив взгляд в темноту. Селина уже заматывалась в теплый платок.

– Останешься дома, – велела капитанша. – Когда он уймется, запрешь в своей комнате и придешь за нами. Не сразу.

– Мне надо с ней поговорить.

– И мне, причем без тебя. – Луиза не любила врать детям, дочь это знала и протянула руку к коту. Тот зашипел и отпрянул, охаживая себя хвостом по бокам. Капитанша влезла в уличные башмаки и накинула плащ. Видел бы ее пивовар и тем более священник... Кот попробовал заступить дорогу, и не просто заступить: визжащий клубок бросился женщине на грудь, но толстое сукно спасло от когтей, и Луиза выскочила на улицу. К выходцу.

– Никогда не любила кошек, – буркнула Зоя. – Я могла бы размазать эту тварь по порогу, но порог – твой, и тварь его сторожит.

– А разве Маршал не мог тебе навредить? – не очень поверила Луиза. – Тогда почему он не удрал? Я просто испугалась... Совсем сбесился.

– Кошки всегда так. – Зоя наподдала ботфортом ком земли. – Вообще-то они могут нас драть... Кошачьи царапины не проходят никогда, ведь закатницам никто не указ. Псы и кони служат вам, мы – Ей, крысы – матери, а кошки – Закату. Служили... Оттуда давно не приходят... И ничего хорошего в этом нет. Поняла?

– Нет.

Жена капитана Арамоны досадливо нахмурилась. Его же вдова честно пыталась сообразить, о чем речь, но кони, крысы и матери казались нелепой считалкой. Вроде тех, за которые Аглая Кредон была дочерей по губам.

Зашелестели мокрые тополя, в соседнем дворе старательно выл пес. Не хватало, чтоб сосед высунулся в окно и увидел. О выходец он не подумает, а вот о любовнике...

– Зоя, – быстро сказала Луиза, – мне нужно в Олларию. Очень.

– Нет, – отрезала капитан Гастаки. – Нечего тебе там делать, и никому нечего.

– Я буду осторожна, – пообещала капитанша, заходя с другого конца. – Ты же хочешь, чтоб Арнольд от меня отделался, так помоги. Только на одну ночь...

– Нельзя, – черный сапог зло топнул оземь, – туда не войти. Тяжело... Будет только хуже, а они не слышат. Они ничего не слышат. Арнольд, тот не хочет, я не могу... Не мое. Совсем не мое.

– Ты о чем? – Она должна попасть в Олларию, найти Эпинэ и рассказать про Айри и про... все. Герцог узнает свое, она – свое. Про синеглазого герцога, про Фердинанда, про Катари, раздери ее кошки! Жаль, тропы Зои не для всех. Выходец не войдет к чужому, чужой не поймет выходца, даже не услышит, но во дворце наверняка кто-то умер нужной смертью, а уж в Багерлее...

– Луиза... – Зоя подошла ближе. Человеческое лицо пряталось бы в тени шляпы, но шляпы выходцев не дают тени. – Малявка ушла. Я беспокоюсь... Твоя дочка – не моя кровь. Она не хочет возвращаться, а Арнольд... Он за ней не идет. Он вообще туда не идет, трусит, а малявке нравится. Она наглоталась уже... Мне ее не взять, она старше. И я тоже боюсь, якорь мне в глотку! Я!..

– Святая Октавия! – Имя вырвалось прежде, чем Луиза что-то поняла, но имена Зою не волновали. Даже самые священные. В отличие от котов.

– Я пришла из-за малявки, – густые, никогда не щипанные брови сошлись на переносице, – и из-за города... Там все не так. Все! Это не наше дело, а ваше, так делайте!

– А я что тебе говорю? – подалась вперед Луиза, не представляя, как станет унимать

Циллу, но понимая, что пойдет сперва к дочке, а затем ко всем остальным. – Проводи меня к Люцилле...

– Якорь тебе в глотку! – аж взвыла Зоя. – До тебя не доперло еще?! Нас отбрасывает. Луна молчит, а оно все равно отбрасывает. Мы не можем ничего, только звать, а малявка не слушает. Она пляшет. Ей нравится... Я не знаю, что делать, но нельзя же вот так... Ни кошки не делать и ждать, кого первым? Мы не можем ничего, можете только вы... Кто еще горячий. Хватит отворачиваться, поняла?! Кроме тебя, никому. Вы же все глухие, как пни. До шквала не очухаетесь, а как завидите, так удирать. Самое оно под зад огрести и на дно. Всем...

– Что-то случилось? – Селина стояла в распахнутых дверях. – В Олларии? Да? Я же... Мама, я же говорила, когда мы уезжали!

– Говорила...

Стук колес по мостовой, запах дыма, живой Реджинальд, живая Айри... Селина что-то чувствовала на самом деле, или ей это кажется теперь? Мы всегда умнеем, когда становится поздно.

– Зоя, – дочка с надеждой смотрела на мертвую капитаншу, – что нам делать?

Капитан Гастаки опять принялась месить грязь. Как лошадь причетника из Кошоне. Хорошая была кобыла, добрая... Здоровенная капитанша фыркнула и протянула было руку к Селине, но, словно ожегшись, сунула в карман.

– Убирать паруса надо, – посоветовала она, – и становиться носом к ветру. Ясно?

Глава 4 Оллария 400 год К.С. 7-й день Весенних Ветров

1

Это был покой, то самое небытие, о котором Эпинэ мечтал последние месяцы. Оно пожрало тревогу, дела, тоску, тюрьму, утопив бытие в первозданной доброй тьме. Потом послышались голоса. Дэвид, Дикон, Карлион, Берхайм, кто-то еще, знакомый и настырный... Спор или ссора прорвались сквозь блаженную дрему, и Робер подумал, что это все еще сон. Ему снится суд над Алвой, потому что ни в особняке Эпинэ, ни у Марианны, ни даже в гимнетной не могло собраться столько судейских. Сэц-Ариж их просто бы не впустил, особенно Фанч-Джаррика... Робер вспомнил обладателя еще одного голоса, редкого уроды, но просыпаться все равно не хотелось. Эпинэ приоткрыл глаз, увидел оштукатуренную стену, понял, что заночевал в казарме, и внезапно решил, что еще полежит. Недолго. Четверть часа, не больше... Время поджимало все сильнее, оттягивать разговор с Халлораном и дальше становилось опасным.

– Я не желаю вас больше знать! – закричал из тут же вернувшегося сна Дикон. – Бесчестный трус!

– Это я не желаю вас больше знать. Ваш никчемный отец погубил не только свою жизнь и жизнь своей супруги. Он бросил тень на множество фамилий...

– Прекратите, – оборвал спорщиков Дэвид. – Это не имеет смысла...

– Я не понимаю, граф, как нас с вами могли поместить вместе с этими людьми? Мы только исполняли приказы. Их приказы! Это богопротивно, но они ставили себя выше других, возводя свой род к древним демонам...

– Вы все перепутали, – хохотнул Рокслей. – Возвращение Олларов – это возвращение олларианства. Забудьте о демонах и вспомните об Алве.

– Я делал все, чтобы ему помочь, – веско и уверенно объявил еще кто-то, – потому меня и отстранили. Заменили тем, кто ставил желание узурпатора выше закона и долга...

– Не смейте оскорблять Альдо... Государя!

- Узурпатора, Окделл. Узурпатора и святотатца.
- Вы так говорите из-за того... Потому что я не могу сейчас...
- Не будьте смешны...
- Подлец...

Стук. Звон. Вопль. Скрип двери. Холодный чужой голос, сбивчивые оправдания. Отбросив плащ, Робер сел. Потом торопливо вскочил, потянулся за шпагой, не нашел и все вспомнил. Ноху. Смерть. Арест.

Чуть ли не бегом преодолев анфиладу, Эпинэ ворвался в комнату с разохшимися креслами. Светало, можно даже сказать, рассвело. Серый, лезущий в окно свет облеплял серые же лица. Невыспавшиеся, злые, растерянные. За ночь к Карлиону с Берхаймом прибавились Феншо, несколько судейских во главе с Фанч-Джарриком и Дикон с Рокслеем.

– Как твое плечо? – резко спросил Робер, оттирая мальчишку от судейских. – Очень болит?

– Нет, – соврал Дикон. – Не болит. Меня еще хватит, чтобы... Чтобы...

– Доброе утро, – возвестил от порога комендант Багерлее. Видимо, он имел обыкновение здороваться с заключенными. – Сейчас вам принесут завтрак, после чего вы будете препровождены во дворец. Поступило распоряжение на всех, кроме Ричарда Окделла, надеть ручные кандалы. Приношу свои извинения, приказ есть приказ.

2

Ублюдки успели сорвать гербы Раканов и вынести портрет Альдо. Место сюзерена занял раскопанный в какой-то кладовке Франциск. Марагонский бастард, опираясь на свод придуманных им законов, смотрел из чужой рамы на тех, кто так и не признал власть его отродья.

– Герцог Окделл нездоров. Ему нужно сесть.

Робер... Ну кто его просит?!

– Если этого требует милосердие, пусть сядет. – Какой у Кракла визгливый голос. Достаточно услышать, и станет противно. Как только сюзерен мог приблизить такую мразь?! Даже не зоря...

– Повелители Скал садятся и встают, когда считают нужным, – отрезал Дикон. Кракл переглянулся с Вускердом и Кортнеем. Супрем пожал плечами, экстерриор скривился.

– Короли Талига милосердны и снисходительны, – Вускерд послал верноподданный взгляд намалеванному узурпатору, – особенно к тем, чей разум помрачен болезнью или же дурной наследственностью. Тем не менее предупреждаю Ричарда Окделла и тех, кто разделяет его вину, что неповиновение и оскорбление высочайшей фамилии и действующих ее именем лишь ухудшит их положение.

– Молчите, Окделл, – зашипел Карлион, – из-за вас... Из-за вашего предательства...

Ричард ударил. Со всего маху, так, как когда-то Эстебана. Вернее, хотел ударить. Помешала сломанная ключица, но Карлион все равно сел на пол. Ричард тоже пошатнулся. Он бы упал, не подхвати его Рокслей.

– Так вам и надо! – бросил Дэвид то ли юноше, то ли скулящему Карлиону.

– Я требую защиты, – возопил тот. – Защиты и справедливости! Меня вынудили... Глава Дома и моя родственница. Из уважения к ее горю я проявил слабость... и поддержал ее сына. Я надеялся со временем уговорить его, раскрыть глаза, но гер... Ричард Окделл угрожал мне и прочим своим вассалам. Берхайм это подтвердит... Он приказал нам приговорить герцога Алва к смерти, угрожая... разорить наши земли и...

– Ложь. – Дэвид был краток. – Рокслеи – вассалы Скал, но мне Ричард Окделл ничего подобного не приказывал.

– Конечно, – вылез Берхайм. – Рокслеи в заговоре с самого начала. Их не надо было принуждать. Талиг помнит, что совершил Генри Рокслей, поднявший руку на своего короля.

– Окделлы, Рокслеи и Эпинэ, – подхватил Феншо, – подняли мятеж и многих вынудили

к нему примкнуть, используя все имевшиеся у них средства. От угроз и обмана до прямого подкупа. Я готов подтвердить это под присягой...

– Покойный узурпатор был орудием в их руках, – подсказал Карлион. – Он бы никогда не занял столицу, если б не заговор Рокслеев.

– Замолчите! – не выдержал Иноходец. – Не позорьтесь больше, чем вы уже опозорены. Вашу судьбу в любом случае решат не эти... господа. Кракл, вы собирались что-то зачесть, так читайте и проваливайте. Окделлу нужен покой.

Дикон это тоже понимал, но где-то лежало тело Альдо, и вряд ли над ним бодрствовали рыцари.

– Я хочу видеть моего государя, – громко сказал Дик. – Я требую отвести меня к нему! Если все, кто перед ним... пресмыкался, теперь отреклись, то...

– Вы не вправе ничего требовать! – взвился Кракл. – Вы – государственный преступник!

– Тело узурпатора будет предъявлено регенту Талига. – Вускерд неспешно переложил какие-то бумаги. – Господа, вы здесь не для того, чтобы высказывать абсурдные требования, и не для того, чтобы переваливать вину друг на друга. Сейчас вас отведут в Малую Тронную, где уже собралась Посольская палата. Дипломатам следует убедиться, что основные сторонники узурпатора находятся в руках местоблюстителей трона. В присутствии послов Золотых земель вам зачитают предварительный обвинительный акт, после чего вас возвратят в Багерлее. Разумеется, если вы поведете себя разумно. В противном случае мы будем вынуждены принять соответствующие меры.

– Но я не желаю, – заверещал Берхайм. – Не желаю отвечать за герцога... за Окделла! Его выходки не имеют ко мне никакого отношения.

– Вы совершенно правы, – оскалился Ричард, – не имеют!

– Мы требуем... Мы просим местоблюстителей отделить нас от истинных виновников бедствий Талига! – Фанч-Джаррик ткнул лапкой куда-то вверх. – По кодексу Франциска виновных подразделяют на категории.

– Господа, Посольская палата в сборе. – Мевен в черно-белом мундире отдал честь по недомыслию не сожженному портрету, и Дик едва не взвыл от отвращения и разочарования. Мевен тоже предал. После всего! Юноша попытался поймать взгляд бывшего гимнет-капитана, но остатки совести у того все-таки сохранились. В сторону заключенных Мевен даже не глянул. Это сделал Кортней.

– Если вы не желаете усугубить свое положение, то будете вести себя разумно. Охрана, наденьте на герцога Окделла цепи.

– Этого не будет. – Робер говорил спокойно, и его слушали. Все. Даже Мевен. – Если, конечно, вы хотите, чтобы я вел себя... *разумно*. Ричард не унизит себя спором с вами, тем более при дипломатах. Спорить с вами – значит признать ваше право и вашу власть. Мы такой услуги вам не окажем. Дикон, ты со мной согласен?

– Да! – выдавил из себя юноша. Придет время, и он скажет все, что думает, в лицо Ноймаринену или Ворону, но не спорить же с этими... вознамерившимися вернуться на корабль.

Послов собралось немного, но Бурраз-ло-Ваухсар явился и теперь с горестным негодованием взирал на пособников Альдо Ракана. Роберу стало еще противней, чем утром, но оставалось терпеть, хватать Дикона за шиворот и ждать регента или Карваля с Левием. Его высокопреосвященство не мог остаться в стороне, даже если бы захотел, а Никола не из тех, кто бросит город и своего Монсеньора. Последнее обстоятельство не только обнадеживало, но и пугало – вспоминались Мараны и Сэ...

– Пройдите к стене и встаньте. В ряд.

– Спокойно, Дикон. Идем.

Цепи на запястьях раздражали, но не больше, чем пошлость происходящего. То, что творил Альдо, было подделкой под величие. То, что устроили Тристам, Вускерд и Кракл, выглядело еще гаже. Левретка на месте волка смешна, мыши на месте левретки невыносимы.

– Как он может? – шепнул Дик, глядя на Мевена. – С этими...

– А как наши отцы могли с Кавендишами? С Хогбердом? – начал Робер и оборвал сам себя. – Позже поговорим...

Мевен поступил глупо. Или подло. Или умно, если его окружили на лестнице и предложили выбирать. Багерлее не то место, где хочется оказаться, кто бы тебя туда ни затолкал. Правда, там можно выспаться, но вряд ли больше одного раза.

– Эпинэ! – возопил Берхайм, глядя на гайифского посла. – Попрошу от меня отойти: от вас пахнет кровью!

– А от вас – падалью, – огрызнулся Дэвид. Гамбрин услышал. Он стоял рядом с незнакомым высоким дипломатом. Надо полагать, из тех, кто старательно проболел правление Альдо. Незнакомец что-то говорил, конхессер слушал. Робер искал глазами дриксенца и гаунау – их не оказалось. Что ж, граф Глауберозе в очередной раз подтвердил свою брезгливость, а вот агариец явился. Вместе с каданцем. Достойная пара стояла у окна, старательно не замечая ни Гамбрину, ни соратников Альдо. Валме тоже не пришел, но этот мог и проспать.

Бывшие гимнет-тенъенты, а нынче не поймешь кто, распахнули двери и замерли, пропуская местоблюстителей престола. Было бы забавно, окажись их четверо, но Кракл, Вускерд и Кортней считать все-таки умели. Тристрам стал просто комендантом Олларии и сейчас отсутствовал – видимо, убыл по делам. Троица проследовала к украшенному двойным тронном возвышению и остановилась у его подножия. Надо полагать, блюдя. Стукнули жезлы церемониймейстеров. Пробили часы, сменилась стража. Лаптон навис над покоящейся под стеклянным колпаком осиротевшей короной, Мевен, чеканя шаг, вышел из зала, Кракл вскинул голову, словно бракованный конь.

– Мы рады видеть друзей Талига, господа. – Почти женский голос старейшины Совета Провинций напоминал о холтийских халатах и прочей подлой нелепости последних месяцев. – Да будет вам известно, что вчера чаша терпения верных сынов Талига переполнилась. Мы положили конец злодеяниям и злоупотреблениям Альдо Ракана, в коем многие здесь присутствующие по указанию своих монархов соглашались видеть законного талигойского государя. Это прискорбно и труднообъяснимо, господа, о чем я и должен заявить вам со всей откровенностью, но Талиг исполняет Золотой Договор и блюдет закон даже в самых тяжелых обстоятельствах.

Я довожу до вашего сведения, что тело лжекороля начиная с полудня смогут увидеть все желающие. В течение трех дней оно будет выставлено на площади Святого Фабиана, но мы свято чтим правила, согласно которым Посольская палата первой убеждается в смерти или же аресте важнейших государственных преступников. По этой же причине мы...

С шумом распахнулась дверь, пропуская Мевена и четверых офицеров, дружно навалившихся на тяжелые створки. На мгновенье стало тихо, а затем в Малую Тронную, сверкая эмалевым голубем, вступил его высокопреосвященство. За спиной кардинала брат Пьетро поддерживал под локоть Катари, рядом шествовал врач. Больше Левий не взял с собой никого. Похоже, он сошел с ума.

Кардинал остановился, поравнявшись с местоблюстителями, сестра, не замедляя шага, пошла дальше, все так же опираясь на белокурого монашка. Косой барон замешкался, но Вускерд с поклоном отскочил в сторону, давая дорогу вдовствующей королеве. Слегка кивнув, Катари все еще грациозно поднялась по ступеням к пустующему трону, откинула вуаль и села. Блеснуло золото браслета, чуть дрогнули темные ресницы. Сестра была бледна, но спокойна, как статуя или святая.

– Ваше величество, – возопил Кракл, – какое счастье видеть вас в полном здравии!

– Благодарю, – неожиданно громко произнесла королева. – Генерал Мевен! Данною нам Создателем и Законом властью приказываем немедленно арестовать присутствующих здесь государственных изменников: – Кракла, Вускерда, Кортнея и Лаптона. Мы также подтверждаем правомочность ареста Карлиона, Берхайма, Феншо, Фанч-Джаррика и иных участников так называемого суда над нашим Первым маршалом. Герцог Эпинэ, герцог

Окделл, граф Рокслей, вы свободны.

3

Вускерд промолчал, Кортней досадливо свел брови, Лаптон приоткрыл рот, но Кракл бросился в бой!

– Ваше величество, – косой барон опустил на одно колено, – мы счастливы, что вы откликнулись на наш зов, и четырежды счастливы вновь видеть на троне Талига прекраснейший из возвращенных им цветов. Мы неустанно заботились о...

– Хватит, Кракл, – оборвала королева. – Мы знаем, что вы делали в Ружском дворце, и знаем не только это. Вас будут судить. Мевен, мы не желаем видеть здесь предателей и интриганов.

– Будет исполнено!

Знак правой рукой, и застывшие вдоль стен черно-белые статуи оживают. «Местоблюстители» не поскупились на охрану, только у охраны имелся командир, придерживавшийся собственного мнения. Бывшие гимнеты умело отрезали возвышение с тронном от послов, а послов – от вновь арестованных. Появился мастеровой с зубилом и молотком. Зачем, Робер понял, лишь когда подмигнувший на ходу Мевен велел снять цепи с герцога Эпинэ и графа Рокслея. Дикон уже стоял на одном колене, глядя на Катари. Дэвид так и не ожил... Закатные твари, сколько можно держать себя в Доре?!

– Мастер, – велел Эпинэ, – сперва Рокслея. Дэвид, давайте цепь.

Кузнец понял, граф – нет. Пришлось взять его за плечо. Дэвид, словно проснувшись, поднял глаза.

– Но мы заслужили... заслужили суд и казнь.

– Когда все кончится, – огрызнулся Эпинэ. – А сейчас не до смерти!

– Граф Рокслей, улыбнитесь, вам принимать гвардию, – шепнул Мевен и умчался. Заверещал Фанч-Джаррик, что-то принялся объяснять Карлион, у Берхайма и Феншо хватило ума промолчать. Катарина сидела прямо, положив тоненькие руки на колени, ждала, пока господ арестованных не выпроводят из зала. Врач и Пьетро по-прежнему были рядом. Левый стоял двумя ступеньками ниже, поглаживал голубя, глядел на послов, послы дипломатично молчали. Тоже ждали.

Жалобы и оправдания несостоявшихся временщиков сменила тишина, которую тут же спугнули донесшиеся из анфилады торопливые шаги. Сэц-Ариж с Пуэном внесли корзины гиацинтов и поставили по обе стороны трона. Запах цветов стремительно заполонил зал, вытесняя скопившуюся за зиму подлость.

– Господин, – тихонько шепнул кузнец, и Робер торопливо протянул руки. Кандалы были не из лучших, они сдались сразу. Железная змейка упала на пол и застыла, греясь на солнце.

– Ваша шпага, монсеньор! – отчеканил Сэц-Ариж; в его глазах плясали демонята.

– Спасибо, Жильбер...

– Маршал Эпинэ, – раздалось сверху, – в ваше подчинение поступают все верные нам войска, находящиеся в пределах Кольца Эрнани. Генерал Рокслей, принимайте гвардию. Герцог Окделл, как вы себя чувствуете?

– Ка... Ваше величество, моя честь и мое серд... моя жизнь принадлежат вам!

– Поднимитесь и сядьте. Когда здоровье вам позволит, вы найдете, ради чего рискнуть своей жизнью. Господа послы, мы рады вновь вас видеть. Мы понимаем, что вы можете не знать всех тонкостей наших законов и что долг велит вам сообщать о происходящем здесь своим государям. Поэтому мы просим вице-супрема объяснить вам подоплеку того, чему вы стали свидетелями. Мэтр Инголс, мы слушаем.

Толстый законник неторопливо и с достоинством выступил из-за бело-черного строя. К строгому траурному платью был приколот цветок гиацинта.

– Ваше величество, – начал он, и Робер почти догадался, что будет дальше. Адвокат

таким успел запрячь своих кошек, только лучше б сестру оставили в покое! – Господа, я постараюсь быть краток и однозначен настолько, насколько сие возможно для законника.

Начну с того, что напомним о положении, согласно которому мать, сестра, супруга или же любая иная особа женского пола не может являться регентом при недееспособном или же несовершеннолетнем монархе. Это положение не подлежит изменению ни при каких обстоятельствах, по крайней мере, в отсутствие дееспособного совершеннолетнего государя. Увы, наш добрый король Фердинанд был злодейски умерщвлен в Багерлее. Вы все видели его тело и можете засвидетельствовать его кончину. С момента его гибели королем Талига становится его единственный сын Карл Четвертый Оллар, находящийся на попечении герцога Ноймаринена и его супруги Георгии, урожденной принцессы Оллар.

До совершеннолетия Карла власть в Талиге переходит к регенту и назначенному оным регентом регентскому совету. Напоминаю, что регентом Талига при недееспособном государе, согласно подтвержденному Фердинандом Олларом кодексу Франциска, становится его дееспособный брат или же дядя по мужской линии, в случае отсутствия таковых – глава дома Алва, а затем, по нисходящей, глава дома Ноймаринен, глава дома Савиньяк, глава дома Дорак, глава дома Салина.

Общеизвестно, что государь наш Фердинанд Второй не имел братьев и что принц Карл до недавнего времени являлся его единственным сыном, но Создателю было угодно это изменить. Да будет вам известно, что Ее Величество Катарина носит под сердцем ребенка, который, по мнению астролога и медиков, является мальчиком. Ребенок зачат в одиннадцатый или же тринадцатый день Осенних Ветров минувшего года в королевской опочивальне и должен увидеть свет приблизительно через два месяца.

Таким образом, малолетнему Карлу наследует его пока еще не рожденный брат, но по кодексу Франциска мать и дитя до разрешения матери от бремени составляют единое целое. Носящая под сердцем дитя женщина полностью дееспособна, что подтверждают врач, юрист и священник. Следовательно, ее величество Катарина со смерти его величества Фердинанда и до разрешения от бремени является законным регентом Талига и обретает всю верховную власть, о чем подготовлен соответствующий манифест. Данный манифест будет оглашен сразу же после его подписания, которое произойдет на ваших глазах. Вы все получите копии манифеста и выписки из законов и кодексов, подтверждающие то, что вы сейчас услышали.

– Благодарю, мэтр Инголс, – четко произнесла королева. – Господин Гамбрин, господин ло-Ваухсар, подойдите. Будьте свидетелями того, что я подписываю данный манифест.

– Ваше величество, – подскочил кагет, – я готов оказать вам все услуги мира. Вам, Талигойской Розе и талигойской гордости!

– Разумеется, ваше величество, – прошелестел гайифец, – я буду счастлив засвидетельствовать подписание манифеста.

Только теперь Робер осознал, что происходящее не сон, не случайность и не глупость. Кардинал, законник и гимнет-капитан сыграли безупречно, и все равно они не имели права вмешиваться в свою игру Катарии, возвращая ее в этот вертеп...

Глава 5

Оллария

400 год К.С. 7-й день Весенних Ветров

1

Статный красавец и сморщенный старикашка с двух сторон подступили к закутанной в серое молодой женщине. Сестра не стала менять почти монашеское платье на королевский траур. Она оставалась такой же, как во дворе Нохи, только с лица исчезли испуг, жалость и вина. К послам и подданным вышла истинная вдова короля.

Двое недавних гимнетов внесли небольшой столик, тут же подскочил шустрый человечек с очень белым воротником и манжетами, водрузил на обитую сукном крышку чернильницу, песочницу и перо. Мэтр Инголс торжественно положил перед Катариной внушительный лист. Сестра быстро взглянула на законника, затем на кардинала и схватила перо. Из-под холодной величественной маски на мгновение показалась измученная девочка из Ариго, и у Робера сжалось сердце. Левий действовал решительно и умело, а мэтр Инголс был великим юристом, но Катари и ее дитя были для них всего лишь подвернувшимся под руку орудием.

– Смотрите, господа.

Белое перо скользнуло по бумаге, придавая написанным словам силу закона.

– Я стал свидетелем величайшего и прекраснейшего события, – возопил кагет, вздевая к потолку руки с растопыренными желтоватыми пальцами. Гайифец ограничился легким кивком.

– Этот документ подписан в моем присутствии и, вне всякого сомнения, по доброй воле ее величества.

– Благодарю вас, господа, – с расстановкой произнесла Катарина и глубоко вздохнула, словно собираясь с силами.

Она больше не оглядывалась и оттого казалась еще более одинокой, чем мгновение назад. Как она себя чувствует? Ей бы сейчас лежать и перебирать свои четки, а она сидит на троне, упрямо вскинув увенчанную тяжелой прической головку.

– Мы подписали манифест и теперь представим вам регентский совет. – Катари все так же старательно выговаривала слова, а на скрепленных простенькой диадемой волосах играло солнце. – Согласно законам Талига и нашему желанию, мы объявляем главой регентского совета нашего Первого маршала герцога Алва. К сожалению, вероломные действия растоптавшей Золотой Договор кесарии Дриксен вынудили его срочно отбыть к войскам. Вторым мы называем герцога Ноймаринена, оказавшего Талигу в трудную минуту неоценимые услуги. Мы благодарим герцога Ноймаринена за то, что он сделал во время нашего заточения и заточения герцога Алва, и подтверждаем все принятые им решения.

Мы также вводим в наш совет экстерриора графа Рафиано и геренция графа Гогенлоэ, к которым испытываем глубокую признательность за попытку убедить нашего супруга перед лицом приближающейся угрозы покинуть Олларию. Мы открыто признаем, что ошибались, не приняв этот совет, но мы не представляли всей мерзости обосновавшегося при нашем дворе предательства.

В регентский совет также войдет сохранивший верность Талигу граф Савиньяк. Мы с удовольствием подтверждаем его полномочия Проэмперадора Северного Надора. Мы назначаем Проэмперадором Эпинэ нашего верного вассала графа Бертрама Валмона и благодарим всех членов семейства Валмон за оказанные короне услуги. Увы, все, кого мы называли, в настоящее время исполняют свой долг вдали от столицы. В их отсутствие мы, нуждаясь в поддержке верных и честных людей, расширяем наш совет и вводим в него нашего кузена маршала Эпинэ, командующего гвардией графа Рокслея, коменданта столицы барона Карваля, вице-супрема барона Инголса и командующего нашей личной охраной виконта Мевена. Мы сожалеем о болезни нашего друга и защитника герцога Окделла и о том, что в настоящее время он не в состоянии служить делу возрождения Талига.

Мы благодарим его высокопреосвященство кардинала Левия, в эти трудные месяцы делавшего все возможное, чтобы защитить наших подданных и восстановить попорченную узурпатором справедливость.

К несчастью, олларианская церковь до сих пор не оправилась после смерти его высокопреосвященства кардинала Сильвестра. Мы не видим пока достойной замены этому человеку, отдавшему жизнь Создателю и Талигу. Временно являясь главой олларианской церкви, мы не можем подтвердить полномочия Агния, оставившего своего государя и последовавшего за омерзительными временщиками. Мы лишаем его сана и изгоняем его. Имя преемника Агния будет названо позднее нами или же герцогом Алва.

Мы считаем необходимым довершить начатое кардиналом Сильвестром и представлявшим Святой Престол епископом Оноре и с некоторыми дополнениями подписываем соглашение, которое, к глубочайшему нашему прискорбию, не успели подписать кардинал Сильвестр и епископ Оноре. Мы делаем это, стремясь положить конец четырехсотлетнему непониманию.

Отныне каждый талигоец сможет открыто исповедовать эсператизм, посещать эсператистские храмы или же посвятить себя Создателю, уйдя от мира в одну из вновь открываемых обителей. Каждый может беспрепятственно совершить паломничество в Агарис, чтобы получить благословение Эсператора, и беспрепятственно же вернуться к своему очагу.

Мы признаем власть его высокопреосвященства Левия над эсператистской общиной Талига и подтверждаем передачу эсператистской церкви Нохского аббатства и бывшего женского монастыря Святой Катарина.

Мы объявляем о том, что никто ранее тайно отправлявший эсператистские обряды и открыто признавший после обнародования нашего указа свою веру не будет наказан. Никто из занимающих высокую должность при переходе в эсператизм ее не потеряет, а негоцианты и ремесленники не будут обременены дополнительными налогами. Мы сами принадлежали и принадлежим к эсператистской церкви, хоть и вынуждены были скрывать это обстоятельство, и мы счастливы избавиться от необходимости лгать перед лицом Создателя. При этом мы объявляем о недопустимости принадлежности сразу двум церквям. Те, кто, называя себя оллариянцами, станут отправлять эсператистские обряды, и наоборот, подлежат суду за заведомое оскорбление Создателя и главы оллариянской церкви. Так хотел его высокопреосвященство кардинал Сильвестр. Так хотел епископ Оноре, признанный конклавом святым. Так желаем мы.

Мы просим посла Агари и посла дружественного Алата подняться к нам и засвидетельствовать нашу подпись и подпись его высокопреосвященства кардинала Левия.

Оказавшийся алатом высокий незнакомец быстро поднялся по ступеням. Он с трудом сдерживал довольную улыбку. Агариец с не меньшим трудом сдерживал недовольство.

– Я счастлив стать свидетелем примирения двух церквей, – объявил алат и голосом генерала, поднимающего войска, гаркнул: – Во имя Создателя!

– Ему угоден мир, – хмуро подтвердил агариец. – Так и будет!

– Ваше высокопреосвященство, – тихо попросила Катарина, – я смиренно прошу... Мы просим вас скрепить нашу договоренность подписью.

2

Левий тронул своего голубя и с достоинством поднялся к трону, сравнившись ростом со стоящим ступенькой ниже алатом. Быстрый росчерк пера, пристальный взгляд голубых глаз.

– Во имя Создателя. – Глубокий голос кардинала наполнил зал, и Робер понял, что Катарина говорила тихо. – Нет большей радости для служителя Его, нежели положить конец бессмысленной вражде и открыть дорогу детям Его к храму. Об этом пекся святейший Адриан. Об этом молился святой Оноре, и молитвы его были услышаны, а жертва, ибо это была жертва, принята.

В этот светлый час под взглядом ушедших святителей я не могу скрывать правду, какой бы горькой она ни являлась. Не все князья церкви желают мира. Есть среди них и те, кто не погнушался надругаться над святыней, не ужаснулся мысли подменить благодать смертью, кто обрек на нее невинных и послал на гибель собрата своего. Увы, не все собратья мои примут с радостью согласие двух церквей, не все возблагодарят Создателя. Не всегда в Святом граде Милосердие торжествует над злобой, а Чистота над завистью, но не зря наделил нас Он высочайшим благом – свободой воли – и велел внимать лишь голосу Его.

Знаю я: то, что сделано сейчас, угодно Ему. Если придется мне выбирать между волей

конклава и волей Его, между саном моим и паствой моей, между миром и войной, выберу я то, что должно пастырю, и да будет то, что будет.

По воле святого Эрнани церковь наша утвердилась в городе сем, когда носил он еще имя Кабитэла. Агарис же возрос как обиталище торговцев, превыше всего ценивших золото. Не было святости в земле, на которую волей светских властителей пересадили древо Эрнани, от того раз за разом возрастают на том древе ядовитые плоды.

Трижды выказывал Создатель волю свою, стремясь образумить слуг своих. Насылал он на них мор, щадя лишь тех, кто шел путем Его. Становились орудием Создателя воинство морисское и воинство Франциска Оллара и пасынка его Рамиро, но проходили годы, и забывалось то, что нельзя забывать, и терпение Его подвергалось испытанию.

Как могу я не ждать новых кар, видя, сколь глубоко проросло Зло в сердцах тех, кто должен хранить ото Зла сердца других? Я вижу, как правители светские нарушают договоры, как охватывает Золотые земли война, как сосед поднимает руку на соседа, а солдат изменяет присяге. Даже среди князей церкви находятся те, кто, вняв наущениям Врага, поднимает руку на праведных. Не от руки разбойников пал святой Оноре, и не своей смертью умер магнус ордена Славы Леонид, да падет гибель их на последние весы и да ответят убийцы пред Создателем за содеянное! Не золотое время нам выпало, но железное. Выпало нести нам на плечах своих бремя грехов предков наших, и правителей наших, и пастырей наших, и нет нам иного пути, как исполнить долг свой и положиться на Милосердие Его. Да спасутся невинные, и да очистятся служением своим виноватые. Орстон!

– Мэратон! – с каким-то испугом воскликнула Катари. Вскочив и преклонив колени, она на мгновение перестала быть королевой, но лишь на мгновение.

– Ваше величество! – Так и не спустившийся к остальным послам алат помог женщине подняться. Та благодарно кивнула и вновь утвердилась на троне.

– Мы неустанно молимся о мире и о спасении невинных. И мы также исполним свой долг. Прежде чем отпустить Посольскую палату, мы...

– Ваше величество! – Дикон едва не сбил с ног спускающегося Левия, а Катари от неожиданности вздрогнула, по-детски закусив губу. – Ваше величество, прежде чем... Если вы... Кровь и честь Повелителей Скал принадлежат вам, но я... Я не войду в регентский совет, пока человек, заменявший вам отца... человек, живший во имя Великой Талигойи, остается в Багерлее. Ваше величество, вы как никто другой знаете, что делал Август Штанцлер... Он стар и болен, но его заслуги... Эпинэ ошибается, он не знает ничего!

– Я помню, – тихо сказала Катарина. – Август Штанцлер будет освобожден. Мы знаем, что он болен, а его поместья разорены войной. Он вернется в свой дом, и я... мы сделаем все, чтобы совершенное им было оценено по достоинству. Герцог Окделл, если вам позволяет здоровье, отправляйтесь в Багерлее с этой вестью прямо сейчас. Комендант Перт здесь, он исполнит наше распоряжение.

Господа, прежде чем отпустить вас, мы вынуждены заявить свой протест тем, кто в нарушение Золотого Договора признал власть узурпатора, и тем, кто, воспользовавшись печальными событиями в Талиге, развязал войну в надежде отторгнуть наши исконные земли.

– Ваше величество! Припадаю к стопам Талигойской Розы! – Дикон уже умчался, его место занял кагет. – Я счастлив открыть то, что держал при себе долгие месяцы. Отвратительные грязные месяцы власти жестокого и бесчестного выроodka. Человека, недостойного имени талигойца... Да будет всем известно, что Кагета свято чтит договор с великим Талигом. Мой казар Баата – вернейший друг Талига и рыцарь его прекрасной королевы. Он ни на мгновение не признал жалкого Ракана!

Те, кто помнит непотребное действо, именуемое коронацией, подтвердят, что за верительные грамоты я вручил предателю Вускерду и как я швырнул в лицо Ракану то, что думает про него и про тех, кто вступает в сговор с Гайифой, мой государь. Знающие мой народ поймут, как неприятно было мне бросать тень на мое безупречное имя и имя моего отважного отца, но я не мог покинуть Талиг, желая оказывать помощь тем, кто не склонил

головы перед узурпатором. Для кагета смерть не страшна, страшно бесчестие, но я пошел и на него, дабы не запятнать моего государя участием в отвратительном маскараде и сохранить возможность... служить нашей великой дружбе.

– Мы благодарны, – улыбнулась Катари. – Мы просим простить наше женское любопытство, но что было в верительных грамотах?

– Моя королева, эти слова могут слушать лишь мужчины. Не лучшие мужчины. Я умоляю вас о величайшей милости. О цветке из ваших прекрасных рук. О нежном, благоуханном, достойном песни, омытом росой цветке.

– Конечно, господин ло-Ваухсар. Офицер, подайте мне цветок. Какой именно вы хотите?

– Белый! Белый и чистый, как душа прекраснейшей из королев.

– Извольте...

Глава 6 Оллария 400 год К.С. 7-й день Весенних Ветров

1

Комендант Перт подал руку, и Дикон, выходя из кареты, на нее оперся. Узник, уважая себя, не попросит о помощи тюремщика, сколь бы сильной ни была боль, но член регентского совета вправе принять услугу младшего офицера. К тому же Перт ничем себя не запятнал, оказавшись в точности таким, как утверждал Мевен, – честным, недалеким, исполнительным. Комендант Багерлее принимал происходящее во дворце со спокойствием обозной клячи, но подлецом он не был.

– Не распрягайте, – велел Ричард, – мы не станем задерживаться.

– Вам не стоит лишний раз идти пешком, – спокойно предложил Перт. – Подождите в приемной. Графа Штанцлера приведут так скоро, как это возможно.

В этом не было ничего зазорного, а боль в переломанных костях и бессонная ночь вызвали к благоразумию.

– Хорошо, только ничего не объясняйте графу Штанцлеру. Лучше всего ничего не говорите вообще.

– Как вам угодно, – равнодушно пообещал комендант, и Ричард понял, что в туповатых исполнителях есть своя прелесть. – Не желаете шадди или подогретого вина?

– Шадди. – Обстоятельства требовали сказать что-то приятное уху служаки, и Дик сказал: – Я хочу поблагодарить вас за отменный завтрак.

Говоря по чести, Ричард к тюремной еде так и не притронулся, но вряд ли коменданту об этом доложили, а запах свежего хлеба говорил в пользу местных пекарей.

– Мы пока еще можем не урезать рацион, – оживился комендант. – К сожалению, продукты дорожают быстрее, чем увеличивается довольствие.

– Я поговорю об этом с ее величеством, – пообещал Ричард, и Перт исчез, оставив гостя на попечении караульного офицера. Другого, не того, что вчера принимал полумертвого от боли и потерь узника.

Молодцеватый капитан подвел Ричарда к креслу и вернулся на свое место, чему юноша был только рад. Перед глазами все еще стояли личико Катари и чудовищная, невозможная новость... Она ждет ребенка, но от кого? Фердинанд бесплоден, значит – Алва, знающий во дворце все входы и выходы. Алва, примчавшийся на зов своей любви. Алва, ставший причиной отказа и лжи.

Катари не могла признаться в любви другому мужчине после того, что сделал для нее Ворон. Как она могла сказать «да», нося под сердцем его дитя? А Левий все знал от врача. Кардинал заставил королеву вернуться во дворец и подписать договор... Как же он был

доволен, добыв из смерти Оноре и сюзерена власть для себя. Алва не отменит подписанное Катари, он и сам должен эсператисту.

Маршал разобьет кесарию и вернется в столицу. Регентом при собственных сыновьях. Катари будет безраздельно принадлежать ему, Катари и Талиг. Повелитель Ветра – Повелитель Круга... Ворон достоин этого, он достоин даже любви, но королева любит другого. И будет любить, Дик прочитал это в ее глазах – спокойных и безнадежных. Потому и бросился к любимой, закричав о том, о чем мог кричать. Юноша никогда бы не бросил эра Августа, как бы его ни ненавидели Ворон и Иноходец, но на этот раз кансильер стал лишь предлогом, позволившим заговорить с Катари среди раззолоченной толпы. Они поняли друг друга без слов, как бывало раньше, потому что исчезла разделявшая души ложь. Правда была мучительна, но эту ношу легче нести вдвоем.

– Шадди, господин Окделл.

– Хорошо...

Горечь в воздухе, горечь на губах, горечь в сердце. Шадди в Багерлее оказался безупречен. Это был первый вкус и первый запах в новой жизни, начавшейся с боли, наполнявшей два последних безумных дня. Клинки, обретенный и отданный, кроткий взгляд Октавии, тяжесть венца на голове, голодные нохские камни, позеленевшее солнце, ухмылка Салигана, Багерлее... Сколько же всего в них уместилось, но началось все с вернувшихся снов. Первый открывал тайну меча, второй... Второй был еще более странным. Сперва ослепленный находкой Дик его почти позабыл, а сейчас понял, что Вешатель неспроста приходил вслед за Предателем. И неспроста Ричард обоих – и отца, и сына – узнал не сразу. Родовые черты сбивали с толку, но в этом сходстве был смысл...

– Вы всегда спите со светом, а гостей принимаете в темноте? – осведомился гость, зажигая свечи. Золотистые отблески заплесали по резному хрусталию, и Дикон узнал алатские бокалы. Те самые, что исчезли из дома вместе с кэналлийскими слугами. Джереми добыл новые, они были не хуже, но немного другие. Если б не хрусталь и не предыдущие обманы, Дикон бы забыл, что спит, настолько реальным был расположившийся в его спальне синеглазый человек.

– Я не ждал вас, – не зная, что думать, пробормотал Ричард. Пришелец был Алвой и при этом не был им.

– Будете пить или эти бокалы вам неприятны? Тогда прикажите подать другие, они теперь у вас есть... Как и многое другое.

Кто бы тебе ни снился, он – созданный тобой фантом, а слуг во сне лучше не звать. Или они не придут, или вместо них явятся мертвецы.

– «Поверь же, гость, мне все равно, кто наливает мне вино», – пробормотал юноша, прежде чем сообразил, что цитирует «Плясунью-монахиню». Там к невольному убийце во сне приходит убитый и просит позаботиться о его сестре. Как причудливо связаны жизнь с искусством, сон с явью, вымысел Дидериха с судьбой Повелителей...

– «Но мне не безразличен тот, кто в эту ночь со мною пьет», – продолжил словно и впрямь вышедший из трагедии великого мастера кэналлиеца. – Вы разучились доверять собственным глазам, юноша. Это опасно, а в вашем случае – особенно.

– Я предпочитаю доверять разуму. Я знаю, что вижу вас во сне, что вы умерли триста с лишним лет назад и что на самом деле вы – плод моего воображения.

– Не сказал бы, что этот плод сладок, – задумчиво произнес Вешатель, а это мог быть только он, – и еще меньше сказал бы, что ваш разум достоин оказываемого ему предпочтения. Вы думаете, что спите или бредите, но в этот миг бодрствуете и ненароком совершаете что-то достойное. Вам кажется, что вы мыслите, но эти мысли никогда не были вашими... Ваши любовь, ненависть, верность – сны. Чем раньше вы проснетесь, тем лучше.

Рамиро отпил из бокала, и Дикон последовал его примеру. Они смаковали «Черную кровь», которой было не найти уже второй месяц, но гость не разглядывал вино сквозь бокал и не ставил его, едва пригубив, а вертел в руках. Из таких мелочей и собирается

правда. Рокэ был младше и не стал бы так пить, Вешатель не мог цитировать Дидериха, но сон соединил несоединимое.

– Проснуться слишком рано было бы невежливо по отношению к вам, – заверил гостя Дикон, – но, уверяю вас, мои любовь и верность не сон. Я люблю благороднейшую и прекраснейшую из женицин, а мои честь и кровь принадлежат моему государю и моему другу Альдо Первому.

– В таком случае вам и впрямь лучше не просыпаться, – собеседник лениво потянулся к бутылке, – но я, в отличие от вас, тороплюсь. Ваши нынешний сюзерен тоже торопится. Он не только ищет то, что лучше не находить, но и там, где искомого никогда не было и быть не могло.

– Мой государь найдет, что ищет, – отрезал Дик, глядя прямо в огромные древние глаза. – Он вернет Талигу величие...

– Талигу? – поднял бровь гость. – Вряд ли это ему удастся, но пусть попробует. Ему это не поможет, а вам – кто знает...

2

Бурраз-ло-Ваухсар говорил и говорил. Дружелюбно брызгал слюной, перечислял родственников и друзей, сулил больших улиток и ласки красавиц. Робер слушал, проклиная себя за сорвавшуюся с языка фразу на, казалось, намертво забытом языке. Он не знал, как ведут себя с надоевшими послами, вот и торчал столбом, не желая оскорбить черноусого дипломата, а Пьетро и врач уводили едва держащуюся на ногах Катари. Надо было их догнать, сказать хотя бы пару слов, но кагет ухватил «восхитительного друга» за до сих пор висящую на шее «Цепь Великого Дома», и Робер остался на месте, слушая об извечной дружбе двух великих стран и о неизбежном позоре, который ждет гайифского выкормыша и саму «отвратительную всякому мужчине» Гайифу. Захотелось ударить. За дравшегося рядом с кагетами и бириссами Ламброста и за Удо, которому украденная сегодня выходка стоила головы. Эпинэ как вживую увидел собственный кулак, летящий в крупный правильный нос, и в этот миг явилось спасение. В лице гвардейца, сообщившего, что члена регентского совета призывают дела.

Нетронутый нос остался один на один с возвращенным на свое место Франциском, а Иноходца проводили в висячий сад, где обнаружился Левий. Робер с облегчением перевел дух. Рядом с маленьким кардиналом было спокойно. Он знал, что делает, и был по возможности откровенен.

– Хорошо, что вы живы. – Его Высокопреосвященство знакомо тронул знакомого голубя. – И хорошо, что у нас есть время. Я хочу потратить его на откровенность. Жаль, не получается предложить вам шадди, но это и к лучшему. Вы будете более недоверчивы и, следовательно, более разумны.

Робер посмотрел на собеседника и поежился. Солнце светило не хуже, чем вчера, но на дворцовых крышах было холодно. Весна начиналась со света, а не с тепла.

– Я бы не отказался от горячего, – честно признался Иноходец, – особенно от вашего шадди. Признаться, я сегодня не очень хорошо соображаю.

– После Багерлее это извинительно, – утешил кардинал и озабоченно глянул на башню с идущими вопреки всем переворотам часами. – Я бы посоветовал вам напиться, но пока это невозможно. Мэтр Инголс заканчивает составлять договор, и лучше, если вы его подпишете с открытыми глазами. Нам нужно понять друг друга и впредь обходиться без недомолвок. С герцогом Алва я промешкал и теперь об этом жалею...

– Хорошо, – растерянно согласился Иноходец. – Вы хотите, чтобы я что-то рассказал?

– Нет, это я хочу ответить на ваши вопросы. Мне кажется, они у вас есть.

– Были. – Семь часов сна не помогли. Эпинэ чувствовал себя одновременно разбитой бутылкой и выжатой тряпкой, а впереди маячили совет регентский, совет военный, отправка гонцов в Ноймаринен, разговор с Карвалем и гора бумаг, которые следовало разобрать.

Бумаг Альдо. А где-то ничего не знала Матильда, которую он клялся отыскать... Ничего более страшного Роберу еще не выпадало.

– Ваше высокопреосвященство... – Даже знай Левий, где принцесса, письмо писать не ему. – Вы знаете, где она? Я про ее высочество...

– Я могу сказать, где ее нет. – Кардинал вперил взор в какие-то ростки. Кажется, в лилии. – Матильда Алати не возвращалась в Агарис и не приезжала к брату. Будем надеяться на лучшее.

– А что для нее лучшее? – не выдержал Робер. – Пусть они и рассорились, все равно...

– Все равно погибший – ее единственный внук, – безжалостно закончил кардинал. – Остаться одной в таком возрасте страшно. Чудовищно страшно, но лучшим для принцессы, и не только для нее, остается жизнь. Жизнь – величайший дар и величайший долг. Это я и вам напоминаю, герцог. На всякий случай.

– Я не собираюсь прыгать с крыши, – огрызнулся Иноходец и, пытаясь загладить грубую глупость, признался: – Не могу себе позволить. У меня – гарнизон и...

– Теперь вы видите, как важно выяснить, что мы можем доверить друг другу, а что нет? – строго спросил Левий. – Я мог бы перечислить тех, о ком вы собирались молчать, по крайней мере мне так кажется, но жить нужно отнюдь не ради кого-то... Живущих «ради» лично мне хочется выпороть. Они унижают само бытие и ставят других в положение вечных должников. Правда, требующие гоганский процент за то, что ростовщики чувств человеческих называют любовью или дружбой, еще опаснее.

Кардинал поджал губы, словно у него требовали платы за непрошеную и ненужную любовь, и направился напрямик к блестящей мраморной скамейке. Мокрой, но Левий все равно уселся, предварительно смахнув капли извлеченным из рукава платком. Робер остался стоять. Государственный изменник, мятежник, Первый маршал узурпатора, еще раз государственный изменник, узник, член регентского совета почти бездумно подставил лицо солнцу, ощущая себя вылезающей из земли лилией.

– Похоже, вопросов мне не дождаться. – В голосе Левия послышалась насмешка. – Не везет мне с откровенностью. То не могу на нее решиться, то она приходится не ко времени.

– Зачем вы втянули в заговор Катари? – спросил кто-то голосом Робера. – Неужели нельзя было обойтись?

– Можно, – не стал вдаваться в подробности Левий, и Робер почувствовал себя ослом. Потому что вспомнил суд и ночь после суда. Сестра была слабой, больной, несчастной, но она оставалась королевой Талига. И она бросилась спасать Талиг. Сама.

– Как она узнала?

– Вускерд потребовал разговора с регентом Талига и королевой. Алва не мог никого принять по причине отсутствия, это сделала Катарина. Потом она потребовала привести к ней генерала Карваля. Дальше, полагаю, объяснять не требуется.

– Нет. – Можно было и самому догадаться. О мэтре Инголсе знал только Никола. – Мевен пришел к вам сам?

– Да. Вашего ареста он перенести не смог. Захватить временщиков в присутствии послов предложил именно Мевен. Взять дворец было просто, удержать горожан от бунта сложнее, но Карваль и Халлоран обещали и это. Мы не знали другого – с чего начинать переговоры. Предложенное мэтром Инголсом решение снимало все вопросы...

– Ваше высокопреосвященство...

– Да.

– Вы знаете, что я готовил мятеж? Я и Карваль.

– Я надеялся на это, – просто сказал кардинал. – Собственно говоря, других надежд у меня не оставалось. Если б Альдо Ракан потребовал королеву Талига, мне пришлось бы дать бой. К счастью, он потребовал коня.

Черноволосый человек, на мгновенье прильнувшей к иссиня-черной гриве... Обещание сохранить. Выстрел. Он не клялся Эгмонту сберечь Дикона, просто сделал то, чего не мог не сделать.

– Рокэ Алва знает... про Моро?

– Нет, – отрезал Левий и поднялся. – Если я начинаю сожалеть об Агарисе, значит, я замерз. Давайте пройдемся.

Они прошлись. Вдоль ажурной решетки, за которой лежала пропасть. Слепо улыбались солнцу статуи, лезли из черной, привезенной из Варасты земли будущие цветы, весело блестели лужицы, заходились в иступленной весенней радости голуби и воробьи.

– Я вам должен быть благодарен, – наконец выдавил из себя Эпинэ. – Я благодарен, но не надо было... Ворон должен знать, как было с Моро. Знать все.

– Когда-нибудь вы поймете, что нельзя натягивать свою совесть на весь Талиг. – Кардинал в очередной раз тронул голубя на груди и нахмурился. – Пока же перейдем к делам насущным. Рокэ Алвы в Нохе нет.

– Да, я помню, – кивнул Эпинэ, – он уехал к армии.

– Я на это надеюсь. – Левий наклонился, поднял комочек земли и принялся разминать. – Алва покинул Ноху, никого не поставив в известность, и сделал это не вчера.

– Как? – не понял Робер.

– Мне бы тоже хотелось знать. – Кардинал отряхнул ладони. – Герцог был серьезно болен. Настолько, что во время проверок пришлось подменять его одним из офицеров. Потом ему стало лучше, хотя выглядело все это ужасно. Врач не мог понять, в чем дело, но в том, что это не притворство, он убежден.

– Алва не стал бы притворяться, – полушепотом произнес Робер, понимая, что ему становится страшно. – Болезнь походила на горную лихорадку?

– Она ни на что не походила. Ни на что известное медицине и церкви... Алва, когда приходил в сознание, говорил, что нужно лежать и ждать. И он лежал и ждал, пока не исчез. Внутренняя охрана оказалась пьяной, внешняя ничего не видела и не слышала. Я не знаю, что лгать Ноймаринену и лгать ли, но иметь дело нам предстоит именно с ним.

3

Понадобился весь ужас последних дней, чтобы Дикон понял, о чем предупреждал Рамиро. Вернее, не Рамиро, а сам Ричард. Просто во сне мысли и наблюдения принимают чужой облик. Это не Вешатель говорил с герцогом Окделлом, а сожженное завещание, прикинувшееся сыном исполнившего приказ полукровки. Чудовищный приказ. Можно уничтожить бумагу, но не деяние. Один Эрнани за всех своих потомков отрекся от силы, другой – от короны. Сюзерен попробовал вернуть утраченное и был убит. Именно убит. Кэртиана помогала Альдо, пока тот спорил с Эрнани Последним. Она желала, чтобы Раканы вернули трон, а сюзерен захотел еще и Силу. И погиб.

Мир Гальтары навеки канул в прошлое, но не Золотая Анаксия, ведь она держалась на Повелителях. Они были изначальны, Раканы явились потом. Теперь Скалы, Молнии и Ветер должны стать тем, чем были созданы... Четверо Повелителей, четыре царства, четыре Силы, четыре реликвии-ключа и нечто замыкающее цепь и доверенное Ракам. Оно существовало, в этом Дик не сомневался, и оно, скорее всего, попало к Франциску вместе с короной и мечом.

Теперь Ричард жалел, что поддержал ложь про якобы найденный в гробнице браслет. Именно о браслете кричала Катари, пытаясь остановить Альдо. О браслете... обручающем с Силой! Королева убеждена, что реликвия найдена, а она может оказаться где угодно. Хоть на дне Данара, хоть в какой-нибудь пещере, хоть у до странности легко расставшегося с жезлом Левия, иначе зачем бы кардиналу понадобились кости безбожника и блудницы? Франциск Оллар обожал жену, он похоронил ее в древнем храме не просто так... Мараговец наверняка спрятал в гробнице Октавии свою удачу.

– Господин Окделл, Август Штанцлер готов покинуть Багерлее.

Делать тюремщику замечание Ричард не стал, все равно болван эра Августа больше не увидит.

– Проводите графа Штанцлера к моей карете. – Выказывать подлинные чувства перед туповатыми служаками юноше не хотелось, но еще меньше хотелось оскорбить бывшего узника холодностью. Равнодушный покой преддверья тюрьмы и так казался насмешкой, хотя насмешкой может обернуться все. Кроме любви.

Дежурный сержант распахнул дверь, стали видны переступавшие с ноги на ногу лошади. Застоялись... И тени стали длиннее. Выйти из Багерлее всегда трудней, чем войти.

– Я ранен, помогите мне, – велел Дикон бывшему гимнет-сержанту. Отец при необходимости всегда обращался к капитану Руту и даже подшучивал над своей хромотой. Лучше смеяться над собой самому, чем ждать, когда засмеются другие. Этот совет следует вспоминать почаще.

Камердинером черно-белый вояка оказался неважным. Когда Ричард откинулся на кожаные подушки, на глазах у него были слезы, но юноша заставил себя подвинуться, освобождая место эру Августу. Сломанная ключица не желала, чтобы хозяин двигался, но ее не спрашивали ни Тристрам с Краклом, ни сам Дикон. В дверцу заглянул еще один гимнет. Доложил, что господин Штанцлер здесь. По-хорошему следовало встретить бывшего кансильера у кареты, но прыжок наземь был последним, на что сейчас отважился бы Ричард.

– Эр Август, – окликнул юноша, – простите, что не выхожу. Рана. Гимнет-сержант... Сержант поможет вам сесть. Мы проводим вас до самого дома.

– Благодарю, мой мальчик, – донеслось снаружи. – Не волнуйся, я еще не совсем превратился в развалину.

Штанцлер и в самом деле обошелся без помощи – при Раканах кости узникам не ломали, но при Катари узников не останется вообще. Невинных узников.

Освобожденное место не понадобилось. Бывший кансильер устроился напротив, и Дик велел ехать. Тряхнуло, и юноша невольно закусил губу. Эр Август внимательно сощурился.

– Ты неважно выглядишь, – решил он. – Это не только боль потери... Ты ранен, тебе надо лечь.

– У меня нет времени болеть, – признался Ричард, – и потом, это всего лишь ключица... Месяц без седла, и все пройдет.

– Да, – подтвердил эр Август, – в юности раны заживают быстро. Телесные раны.

Ричард зря опасался неловкости и непонимания. Зря думал, как и что говорить, Штанцлер был из тех немногих, кому объяснения не нужны.

– Перт сказал, – негромко добавил он, – что твой король погиб и что я освобожден по приказу регента. Мне подумалось, что это дурная шутка, но я видел приказ. Как вышло, что его подписала Катарина? Это... это противозаконно!

– Она, – начал Ричард, чувствуя, как к лицу словно бы прижали смоченное в кипятке полотенце, – она... У нее будет ребенок... Мальчик. Он – наследник Карла, а она с ним – одно целое.

– Тонкий ход, – задумчиво произнес эр Август. – Младший брат и наследник недееспособного короля должен стать регентом, но не может, так как, в свою очередь, недееспособен. Зато дееспособна его мать, образующая с сыном одно тело. Право исходит от ребенка, дееспособность от матери... Эту ловушку подготовил великий юрист. И великий политик, так как Ноймаринену и Алве проще выждать, чем оспаривать неоспоримое. Они должны признать, что ребенок от Фердинанда. Значит, у нас есть какое-то время... Мы должны им воспользоваться в полной мере. Где Алва?

– Вчера уехал в Торку... То есть к фок Варзов.

– Левий его отпустил. Он умен... Бедная девочка... Мужества у нее хватит, но мужества мало. Чтобы спасти хоть что-то, нужен политик. Левий бы смог, но ему нет дела до Талигойи. Боюсь, ему нет дела и до Создателя... Регентский совет уже создан? Кто в него вошел?

– Робер с Карвалем, – честно перечислил Ричард, – Дэвид... граф Рокслей, Инголс – это

тот, кто придумал про регентство, Мевен и я...

– В таком случае я знаю, кого благодарить за свободу, но как на это согласился Эпинэ?

– Он не соглашался... Я попросил Ка... ее величество, и она подписала.

– Есть сердца, которые не предадут, – тихо сказал Штанцлер, – но с кузеном ей придется непросто. Старик Эпинэ был великим человеком, а величия без ошибок и недостатков не бывает; это посредственность безупречна. Про Анри-Гийома не зря говорили, что вместо двух жеребцов на его герб следовало поместить одного осла. Лучше бы Робер унаследовал от деда ум. Прости меня – свобода пьянит, а твои новости... Они меня ошеломили. Я совсем забыл, что все началось с беды. Кто убил Альдо Ракана? Ведь это было убийство?

– Нет, – твердо сказал Ричард, потому что Кэртиана не может называться убийцей. – Это был несчастный случай. Альдо... захотел доказать... Объяснить всем, что Моро... что не только Ворон...

Когда погиб отец, Ричард не плакал, потому что на него смотрел Надор. Потому что так велела мать. Потому что он стал герцогом Окделлом. Смерть сюзерена швырнула юношу на дно зеленого мертвого пруда, а потом навалился сперва долг, потом мятеж. Дикон не плакал – не было времени. Сейчас оно появилось. Эр Август молчал и смотрел в окно. Он не видел, не позволял себе видеть плачущего друга. Бывший канцильер ничего не говорил, да и что бы он сказал? Он любил Катари и отца, но не Альдо, и он понимал, что обычные слова здесь не нужны. Здесь бессилён даже Веннен с его «Уцелевшим воином»...

Как же Дикон до вчерашнего дня любил этот сонет, но теперь он его никогда не откроет, потому что великий поэт не терял друга и государя. Он выдумывал чувства и кутал их в слова, фальшь которых проявляется, только столкнувшись с истинной мукой...

Дикон утер слезы, когда карета миновала площадь Леопарда. Дышать стало до невозможности трудно, нос заложило.

– Я забыл... – пробормотал, запинаясь, юноша. – Я забыл, что я... член регедского совета. Я де должед...

– Должен! – прикрикнул Штанцлер. – Если ты не мертвец и не Алва... Хотя разницы почти нет. Другое дело, что показывать слезы солдатам нельзя. Мы почти приехали. Я выйду, ты останешься и опустишь занавески. В тени ничего не будет заметно.

Дикон кивнул. Совет был разумным, но последовать ему не удалось, потому что особняк Штанцлеров разграбили еще в начале зимы. Это были солдаты, но чьи именно, трясущийся от страха привратник соседского дома не знал. Он помнил лишь, что мародеров застали за грабежом и семерых повесили. Это сделал Карваль, который в очередной раз опоздал.

– Эр Август, – негромко произнес Ричард, – я... Я очень сожалею. Я не знал...

– Не надо оправдываться, если ты не виноват. – Штанцлера, казалось, вовсе не расстроило зрелище разоренного гнезда. – И потом, все к лучшему. Зачем старику целый особняк, тем более слуг сейчас не найти. Ты не знаешь, в этом городе остались приличные гостиницы и приличные врачи?

– Остались, – не очень уверенно произнес Ричард, припоминая слышанный краем уха разговор Робера с Мевеном. – Должны были...

– Попробую поискать, – улыбнулся бывший канцильер. – Правда, мой мальчик, я вынужден занять у тебя немного денег. Я не знаю, когда и как смогу тебе отдать. Все мои сбережения остались в имении, и немного – в Эпинэ. У моего друга, если он еще жив...

– Перестаньте, – попросил Ричард, торопливо доставая кошелек и в который раз забыв о переломе. – Это... Мы же друзья. Возьмите...

– Друзьям отдавать долги нужно тем более, – не согласился эр Август. – Щепетильнее следует быть лишь с заклятыми врагами. Я верну долг из первой же оказии, хоть из Придды, хоть из Эпинэ. Единственное, на что я соглашусь, причем с радостью, это не платить тебе процентов.

– Не шутите так!

– Я не шучу. Ты не знаешь, под какие проценты граф Валмон ссудил денег графу Рафиано, а ведь они друзья... Хотел бы я знать, как обстоят дела в «Мерине и кобыле». Когда-то там было неплохо. К тому же, – Штанцлер улыбнулся, – я всегда могу попроситься в Багерлее. Переночевать. Нынешний комендант – неплохой человек и, без сомнения, очень честный.

– Не стоит без охраны выезжать за городские стены, – повторил слова Карваля Ричард. – Эр Август... Зачем вам гостиница? Я приглашаю вас к себе... Я очень вас прошу, я ведь... тоже один.

Глава 7

Старая Барсина Оллария

400 год К.С. Вечер 8-го дня Весенних Ветров

1

Алое солнце, угрюмо светившее в правый глаз, предвещало ветер. Что предвещало во множестве сорвавшееся с деревьев воронье, Марсель не понимал, но орало оно изо всех сил. Мельтешавшие в багровом небе быстрые тени, высоченные, на глазах чернеющие тополя и еще более черные тени назойливо напоминали о грехах, закатных тварях и прочих прелестях. Вдобавок впереди маячило перекрестье дорог, на котором только рыдающей девы или истекающего кровью рыцаря не хватало.

Старая Барсина пользовалась дурной славой со времен Эсператора Агния. Или не Агния – знание истории у виконта было самое что ни на есть пятнистое. Что-то он знал недурно, о чем-то не имел зеленого понятия. К последнему относились и староэсператистские дразги, заставлявшие наследника Валмонов плевать и зевать. Теперь зевать было некогда, а поводы плевать стали куда весомей: один испакостивший некогда совершенно очаровательную Олларию Та-Ракан чего стоил! Как говаривал здоровила Мартин – мести за гадом, не перемести.

Валме хмыкнул и принялся сочинять что-то адуанское. Больше заняться было нечем – дороги Марсель не знал, а приникшему к шее кобылы Алве, чтобы свалиться с лошади, требовалось нечто посерьезнее двухдневного обморока. Оставалось искать рифмы и бороться с постыдными желаниями. Пальцы виконта так и чесались в шестнадцатый раз проверить щетину на щеках – бритвенный прибор бывший посол, к своему стыду, забыл в посольстве. Разумеется, растительность не упустила случая и поперла в рост, как какие-нибудь репы. Второе желание было еще неотвязней и еще несвоевременней. Когда едешь темнеющими задворками, спрашивать проводника, не сбился ли он с пути, бестактно. Валме поднатужился и нашелся.

– Вы зря принимаете нас за разбойников, – укорил он продолжающих галдеть птиц. – Мы исключительно достойные люди, хоть и небритые. Судить, исходя из внешнего вида, могут лишь обладатели птичьих мозгов. Или та-раканьих.

Ехавший чуть впереди с конем Алвы в поводу Шемантель прыснул. Что и требовалось. Заблудившийся проводник не станет ржать над дурацкой сказанной полушепотом шуткой, значит, они едут правильно, а тополя могут дразниться сколько им угодно. Никаких поворотов и постоянных дворов тут нет лет семьсот, зато к утру они доберутся до приличных мест, где шуруют адуаны Коннера, а не молодцы Альдо. Можно будет выспаться, вымыться, найти повозку, послать кого-нибудь за Котиком и новостями.

Волкодава не хватало все сильнее. Мало того что приходилось есть на ходу, так на это еще и не смотрели с тоской и любовью, отчего сухари и вяленое мясо теряли последнее очарование. Да и чужаков Котик учуял бы загодя, хотя в здешних краях после захода солнца можно налететь разве что на лиса или барсука. Даже странно, что заросшие кустарником

холмы и буераки некогда были знаменитыми на весь Талиг огородами. Потом в них завелась вылезшая из Старой Барсины скверна, от которой отгородились серебристыми тополями. Сворачивать с обсаженной деревьями дороги было запрещено лет двести. Достаточно, чтобы привыкнуть ездить в обход, тем более что обход этот при Олларах стал кратчайшей дорогой в Приморскую Эпинэ. А барсинские огурцы так и пропали, остались лишь легенды. Папенька, впрочем, в лишенные зернышек зеленцы длиной в локоть, что не теряли свежести и не желтели даже к осени, не верил.

Впереди показался обглоданный временем столб. Перекрестье дорог... Место встреч и ошибок, с которых начинается добрая половина сказок. Справа пряталось брошенное городище, слева наверняка тоже что-то имелось. Будь виконт нечистью, обязанной глотать бестолковых путников, он бы засел именно тут. И наверняка остался бы без ужина, потому что путники проезжали здесь редко. Валме завертел головой, пытаясь хоть как-то осмотреться во все еще красноватых сумерках.

Стены из тополей, тычущийся в небо обелиск, ранняя звезда над ним... Это было красиво и тревожно, как на гравюре. Только у камня никто не стenal и не истекал кровью. Фыркнул конь, тенькнула ночная пичуга, обелиск отступил назад, канул во тьму, звезда осталась...

– Кольцо Эрнани, – хрипло сказали совсем рядом.

– Что? – не понял Марсель и едва не влетел в спину осадившего коня Шемантая.

– Обелиск, – устало объяснил Алва. – Они стоят по всему Кольцу. Вернее, стояли... Поворачиваем... Налево.

2

Толстая дама в сером шмыгнула носом и попросила подождать. Лицо у нее было заплаканным, опухшим и знакомым. Робер уже видел эту толстуху, но имя напрочь вылетело из памяти. Дама протиснулась в свежевызолоченную дверцу, покинув гостя среди огромных, с кошку, ласточек и небольших зверей, тянувших в разные стороны конские и кабаньи головки.

Незадачливые местоблюстители первым же приказом повелели очистить дворец от всего связанного с Раканами, но до апартаментов королев сдиравшие портреты и гербы слуги добраться не успели. Катарина вернулась в свои бывшие комнаты и попросила ничего не трогать. Звери были помилованы. Надолго ли?

Робер с непонятным ему самому сочувствием тронул подавившуюся молнией мордочку и прошелся парадной анфиладой. Здесь Первый маршал Талигойи еще не бывал. В отличие от краснодеревщиков и обойщиков. Альдо готовился к свадьбе на совесть, а урготская невеста питала пристрастие к розовому и золотому. Еще она любила пионы и крокусы, на ее гербе была ласточка, а письма украшали голубки любви, барашки невинности и мотыльки роковой страсти. Мастерам велели угодить будущей королеве, и они не подвели. За малиновой приемной ярко розовела гостиная, нежно – кабинет, и стыдливо – будуар. Парадная столовая золотилась, Голубую пятнали многочисленные пионы, а Угловая опочивальня тонула в птичьих шпалерах, судя по количеству, фламинго, добытых в особняке Манриков...

– Робер! – Сестра в тяжелом траурном наряде держалась за дверь и робко улыбалась. Перекинутые на грудь косы превращали ее в перепутавшую платье девочку. – Как хорошо, что ты пришел! Только ты же, наверное, занят.

Извиняется, а не упрекает, хотя следовало бы. В этом она вся.

– Ты все напутала, – неловко пошутил Робер. – Что для подданного важнее беседы с регентом?

– Тогда, – решила Катарина, – пойдем в Музыкальную. Там... не так розово.

Мебели в парадных комнатах почти не было, но в полупустой Музыкальной на козлах возлежал белый занавес с золотыми ласточками и стояло несколько кресел. Тоже белых с

золотом. Катарина провела по атласу узкой ладошкой.

– Тебе нравится? – заговорил Робер. – Никогда бы не подумал...

– Я очень боялась. – Она думала о чем-то своем. – Боялась сюда возвращаться. Я не знала, что они все поменяли. Не оставили ничего... Это больше не мои комнаты. Я обещала Левию два месяца, теперь я смогу тут... жить.

– Не надо было тебе вмешиваться, – зло сказал Эпинэ. – Тем более сейчас!

– Меня никто не заставлял, – замотала головой Катари. – Никогда не заставлял. Я сказала «да» у алтаря. Я захотела стать королевой, я забыла про... маки Ариго и отдала себя королю, а значит – Талигу. Мы во многом виноваты... Фердинанд уже ничего не исправит, но мне Создатель дал возможность искупить. Я помогла Мевену спасти... Рокслея и других.

– Не надо прятать меня в каких-то «других», я...

– Ты – брат Мишеля, только я никого не щажу! – Теперь она теребила косу. Потеряла четки или решила, что королева не должна выказывать свою веру? – Щадить таких, как мы, сейчас страшный грех... Если б Левий меня пожалел, он стал бы преступником. Ребенка послал мне Создатель, чтобы погасить войну. Самую страшную, когда врагами становятся соседи, друзья, даже братья...

– Ты же хотела, чтобы сын был только твоим!

– Я хочу, но... Нельзя перестать быть королевой. Перестать быть матерью можно, я почти сумела... Королевой – нет. Те, кто хочет власти... Манрик, Колиньяры, твой... покойный друг... Они хотели приказывать, хотели лести, золота, войн. Им не понять, что так помазанниками Его не станешь! Создатель ищет тех, кто бежит власти, для кого она – крошечный ужас. И избирает...

Создатель ли? Кто запряг Ворона Рокэ в верность, а Иноходца Эпинэ в мятеж? Всяко не благая сила, но не спорить же с едва стоящей на ногах... королевой. Вчерашней узницей, завтрашней матерью. От Талига Катари не отступится, не отступилась же она от мужа. Эпинэ с деланой лихостью дернул здоровенную золотую кисть:

– А все-таки лучше этот кошмар заменить!

– Зачем? – Светлый взгляд равнодушно скользнул по недоделанной роскоши. – Через два месяца я уеду в Ариго... Если позволит Жермон. Брат не хочет помнить наш замок, наше детство, я не хочу помнить эти покои. Пусть сюда придет новая королева. Жена Карла... Она будет с ним счастлива.

– Ты уверена, что можно быть счастливым среди этих... животных? – попытался пошутить Робер. В ответ Катари попыталась улыбнуться.

– Когда Карл будет жениться, Талиг сможет снова тратить золото на роскошь. – Королева осторожно примостилась в огромном, разукрашенном ласточками кресле. Если кто здесь и походил на птичку, так это она.

– А ты, значит, будешь жить в Эпинэ?

– Если получится. Я не верю, что Жермон стал жадным или злым, ведь его любит Рудольф... Слава Создателю, мой сын с ним и с Георгией. Они вырастят настоящего короля. Не игрушку и не зверя... Ну почему женщиной родилась Георгия, а не Фердинанд?! Хотя она так не думает, потому что счастлива... Такого мужа легко любить. Я бы тоже любила, полюбила бы... Рудольф – справедливый человек и мудрый. Самый справедливый из тех, что я знаю. Как ты думаешь, он сразу приедет? В армии он теперь не нужен, ведь там... герцог Алва.

Если бы! Но зачем ей еще одна тревога?

– Ты очень устаешь? Не представляю, как ты все это запоминаешь? Я бы с ума сошел от одних законников.

– У меня хорошая память. – Осунувшееся личико внезапно стало лукавым. – Знаешь, я ведь до сих пор помню всего Веннена. Хочешь, прочту тебе любой сонет? Выбери!

– Не хочу. Тебе нужно побольше отдыхать. И не здесь, а в Нохе. Здесь в глазах рябит.

– Регент Талига не может жить в эсператистском монастыре. Я должна быть во дворце. Со своими дамами, в своих платьях...

– Та, что меня встречала, теща Лаптона? – осенило Робера. – Ты что, взяла ее назад?!

– Взяла, – вздохнула Катарина, – иначе ей конец. И не только ей. Те, кто не служил Ракану... Не из смелости не служил, просто не вышло... Они сейчас накинутся на тех, кто успел, а у Дженнифер дочка. И у жены Лаптона малыш, а ее мать... Одетту приставили за мной следить, но она не вредила ни мне, ни Айри... Как бы я хотела отдать все долги, но мертвым не отдать ничего.

Живым порой тоже не отдать, как бы ни хотелось. Попробуй расплатись с Вороном. С Левием. С самой Катари... Правда, есть и другие долги.

– Зачем ты отпустила эту мразь? Я про Штанцлера.

– Не знаю. – Длинные пальцы бездумно играли светлыми прядями. «Самые прекрасные волосы королевства», как сказал Альдо. Он был прав.

– Катари, забудь на время про... милосердие. Это Штанцлер взбаламутил Эпинэ и заставил Дикона поднять руку на Алву. Об этом я знаю из первых рук, но вряд ли это все.

– Не все. – Она задумчиво сдвинула брови. – Только подло отпустить человека и тут же снова... в Багерлее. Штанцлер – старик. Он больше никому не нужен. Даже Дриксен... Если Создатель захочет его наказать, то накажет и в собственной постели, и в обители. Как... Альдо Ракана!

– Как хочешь.

– Не сердись, – попросила сестра и вдруг удивленно распахнула глаза: – Знаешь, я поняла, почему... Из-за Окделла. Он чуть не погиб из-за своего короля, а больше у него никого не осталось... Ты давно узнал про Надор?

– Давно... Весть привезли мои солдаты.

Дювье, докладывая, все время сбивался и опускал глаза. Он знал, что Айрис Окделл – невеста его Монсеньора, но не знал, кто послал девочку на смерть. И о том, что Монсеньор – вопреки воле деда – не поднимал восстания и не желал поднимать, не знал. Вот про договор с регентом Карваль сержанту сказал, ну так и Дору растаскивали уже не те солдаты, что вешали Маранов.

– От меня все скрыли. – Голосок Катарина дрогнул, она глубоко вздохнула и внезапно шмыгнула носом. – Врач сказал, вы послушались, а я... У меня не такое плохое сердце, иначе оно бы уже... Когда я узнала про Ренкваху и потом... Робер, почему Айри согласилась стать твоей женой?

– Она мне поверила.

Поверила и погибла, но рассказывать о похожей на лошадку девочке он не станет. Никому.

– Не хочешь говорить? Я тоже не хочу говорить о многом... Робер, я, наверное, лицемерная лгунья! Я убеждала себя, что не желаю никому зла, и Альдо тоже... Я пыталась его отговорить, я молилась, но я... Я рада, что Создатель положил конец его безумиям. Это грех, но как же я рада! Теперь я должна сделать так, чтобы эта кровь стала последней... Понимаешь, последней! Мне сказали, что я – регент. Я не совсем поняла почему... Раньше я разбиралась в законах, а сейчас поглупела. С женщинами так бывает, не получается сосредоточиться, а эти кодексы... Это какая-то насмешка над здравым смыслом... Правду говорят, все юристы безумны!

– Только не мэтр Инголс, – не согласился Робер. – Он всегда мечтал обойти самого Франциска, а тут на стыке трех его законов образовалось такое. Такой казус...

– Мой сын... – Она рванула и без того свободный воротник. – Для юристов он – казус. Ты нашел очень верное слово...

– Не говори глупостей! – Иногда приходится орать. Когда не орать нельзя. – Сейчас все кончилось, в городе спокойно, гонцы выехали в Старую Придду, дней через десять Ноймаринен получит твое письмо. Ты сделала все, что могла, и ты сама говоришь, что герцог – человек справедливый. Подумай, вправе ли ты отбирать у ребенка отца? Настоящего отца, ведь ты сейчас свободна.

– Его отец – Фердинанд Оллар. – Она *так же* смотрела, когда объявила Альдо, что не

желает развода. – Это правда.

– Даже для меня? – тихо спросил Иноходец.

– Да. – Женщина опустила ресницы. – Одна тяжесть – это просто тяжесть, а поделишь – получится четыре. Ты станешь жалеть меня... нас. Я – бояться за тебя. Нет, ты будешь знать только то, что знают все. То, что я говорила вчера и сегодня и что скажу завтра. Я – регент Талига, и я им останусь... Только я не всегда понимаю, что нужно... Решать самой и сразу – это так трудно, а еще Окделл... Он подумал, что тоже в совете, а я его не поправила. Как ты думаешь, я должна сказать, что он ошибается?

– Регент... То есть Ноймаринен ответит раньше, чем у Дикона срастется ключица. Сейчас он даже в седло сесть не может.

– Он похож на отца, – неуверенно произнесла Катарина, – а тот... Я увидела Эгмонта впервые на своей свадьбе, но сразу узнала. Он так походил на портрет убийцы Рамиро. Это дурное предзнаменование – встретить на свадьбе вернувшегося убийцу... Алан вернулся и увел в Ренкваху Ми... многих, а мы, кто уцелел, попали в плен. К прошлому и к таким, как... как Штанцлер. Ты прав, я не должна ничего решать сама, я только порчу...

– Не говори глупостей. Вчера ты говорила как настоящая королева. А как ты спорила с Манриками! Мне рассказывали...

– Тогда больше не было никого, только я, а сейчас есть ты, есть Левий, есть мэтр Инголс... Только... герцог Алва ушел, я его так и не увидела. Его высокопреосвященство предлагал встречу, но Рокэ не захотел. Он всегда решал за других. И сейчас решил.

Больше Робер не сомневался. Она могла молчать, могла лгать, вернее, пытаться лгать, но такими глазами женщина смотрит, лишь говоря о своей любви. Великой, горькой, безнадежной.

– Алва вернется. – Робер привлек сестру к себе. – Только покончит с дриксенцами, а то они без него обнаглели. Все у вас будет хорошо, не бойся.

– Я боюсь, – тихо призналась Катари, – не могу не бояться... Робер, я не хочу здесь оставаться, но ведь иначе нельзя? Мы не можем все оставить на... на север! У них и так война...

– Не можем, – согласился Эпинэ.

3

Звезда так и не отстала. Теперь она висела над руинами, которые и днем-то надо было ухитриться отыскать. Алва умудрился сделать это ночью, и они за ним полезли, не спрашивая и не споря. Надо полагать, от радости, что герцог очнулся, хотя в последнем у Валме твердой уверенности не было. Приказ Ворона очень смахивал на бред, только некоторые и бредят так, что не возразишь. Отряд проломился сквозь отвратительно мокрые заросли, за которыми обнаружились стены. Полуразрушенные, неровные и какие-то тоскующие. Ворон, не говоря ни слова, въехал в то ли пролом, то ли бывшие ворота. Сверкнули зеленой чьи-то круглые глаза; зашуршало и зашипело. Показалась новая стена, покороче. Здание. Когда-то оно было огромным и, видимо, высоким, теперь уцелел лишь первый этаж и часть второго. Звезда немедленно повисла над самым центром постройки, к ней потянулись светлые лапы колонн, их основание скрывала стена.

– Ну и что это такое? – не выдержал Валме. – Дуксия? Тогда где птице-рыбо-дура? Я ее требую...

За спиной что-то хрустнуло. Теперь из кустов таращились уже три пары глаз. Кошки? Лисы? Волки больше, а собаки бы не молчали...

– Где хозяин этой гостиницы? – не унимался Марсель, выгоняя собственным голосом душу из пяток. – Я желаю ужинать в постели.

– Капитан, – равнодушно попросил Алва, – помогите мне спешиться.

Из всех поручений, которые поимел на свою голову Валме, это, без сомнения, было самым особым, но виконт справился, благо Вишня явила себя истинным ангелом, да и Алва

был не тяжелее большинства известных Марселю дам.

– Благодарю. – Маршал так и не отпустил плечо Марселя; видимо, стоять без поддержки он еще не мог. – Я пойду внутрь, вы как хотите.

– Факел бы, – выразил робкое желание бывший посол. – Знаю я эти аббатства... Дыра на дыре.

– Шас, – торопливо откликнулся Базиль, – будет сделано.

– Хорошо. Устройте лошадей. Мы остаемся на дневку.

– Будем искать сокровища Раканов? – Унять язык Марсель мог, но тогда стало бы очень тихо и очень тошно. – Я полагал, Гальтара дальше и больше.

– Правильно полагали.

Воспитанный человек в таком случае затыкается и откланивается, но не когда на тебе висят. Марсель откашлялся и прочел последнее творение Сузы-Музы, посвященное поиску гальтарских реликвий. То есть последнее из законченных, ныне, видимо, повсюду радующее горожан. Не засмеялся никто, кроме Алвы. Марсель очень надеялся, что маршал вздрогнул именно от смеха. Или, в крайнем случае, от холода.

– Готово. – Шеманталь поднял факел. Огонь казался льдистым и синим, значит, в ход пошла касера. – Но надолго не хватит.

– Валме, возьмите факел и запасные плащи. Остальные – отдыхать.

Как же, отдохнут они...

– Не забудьте поставить пугало на кошек, – посоветовал Марсель, принимая факел. – В белых штанах.

Шаг за шагом вдоль окаменевшей тьмы. Алва больше не держится за плечо, он держится за стену и, кажется, хромает. Раньше этого не было. Когда они спускались в нохские катакомбы за мерцающим Валтазаром, Рокэ шел прямо и не задыхался, хотя призрак так и норовил прибавить прыти. Потом они стояли у воды, от которой тянуло холодом, брели вдоль берега, вновь лезли вниз, в потайной ход, прорытый уже урготами. Та дорога вышла легче и короче на половинку вечности.

– Это похоже на вход.

– В самом деле...

– Вы уверены, что нам именно туда? Там могут водиться жабы.

Почти знакомая усмешка. Алва исчезает в провале. Можно за ним не ходить, он ведь даже не звал... Шаг вперед. К вероятным жабам. Шорох, холод, сырая, крытая звездами пустота. По кругу торчат колонны, они почти невредимы, а пол ровный-ровный...

– Если вам не трудно, бросьте плащ у колонны.

– У которой?

– Неважно. Бросьте и можете идти.

– Это приказ?

– Нет.

Навязывать свое общество неприлично, но в жизни вообще много неприличного. Например, запах чеснока, но это не повод сидеть без ужина. Марсель с достойной Герарда дотошностью расстелил плащи и пошел от колонны к колонне, высоко подняв факел. Он не собирался стоять над душой у Алвы, пока тот устраивался, к тому же здесь было довольно занято. Развалины, в которые они забрались, вызывали по меньшей мере удивление. Больше всего они напоминали трапезную в Лаик, в которую впили колонны из чего-то вроде очень светлого гранита. В том, что это не мрамор, Марсель не сомневался, как и в том, что колонны и пол старше возведенного вокруг них здания. Между колонн обрубками торчали пустые постаменты, а посередине росло нечто круглое. Издали оно напоминало колодец, каковым и оказалось. Вода стояла вровень с краями, и в ней плавала все та же красноватая звезда и несколько сухих листьев. Марсель выудил листья, зачем-то снял перчатку и сунул руку в воду. Его никто не укусил. Пальцы сразу же скользнули по затянутому грязюкой дну.

Колодец оказался обманкой, эдаким гранитным пеньком, выдолбленным едва ли на

ладонь. На всякий случай виконт ощупал дно как следует. С тем же успехом можно было искать клад в собственной тарелке. От холодной воды заломило пальцы. Виконт, стряхнув брызги, пошлейшим образом отер руку о куртку и обернулся. Алва сидел, привалившись к колонне и слегка запрокинув голову. На виконта он не смотрел, и Валме решил напомнить о своем существовании.

– Это лужа, – сообщил виконт, – хоть и на пьедестале. Вы это знали?

– Нет, – откликнулся Алва. – Я здесь не бывал.

– Тогда как мы сюда попали, – удивился Марсель, – и зачем?

Ворон слегка пожал плечами. Факел стеснительно замигал, и Валме поторопился присесть на один из постаментов напротив Ворона. Бессмысленность происходящего угнетала.

– Сейчас погаснет, – на всякий случай предупредил виконт, – и мы на обратном пути переломаем ноги.

– Глаза скоро привыкнут, – утешил маршал. Он отдохнул и теперь дышал почти ровно.

– Ну, раз так...

– То, что все равно на исходе, лучше погасить самому и сразу, – посоветовал Алва. Марсель повторил про себя совет, дабы вплести в очередной рондель, и ткнул факелом в пол, заставляя огонь погаснуть. Вокруг выросли черные стены, над ними взметнулся звездный купол. На этот раз Валме замолчал, приноравливаясь к темноте и к тому, что им распоряжаются. Похоже, игра все-таки закончилась. Начиналось что-то малопонятное и малоприятное.

– Где ваша собака? – спросил невидимый Алва, и Марсель понял, что с Вороном все в порядке. Очнуться привязанным к седлу, загнать всех в развалины и осведомиться о судьбе чужого волкодава. Это было великолепно и величественно. Не хуже звезды над руинами.

– Котик у Марианны, – вежливо доложил Валме, – там у него любовь и еда. Не думаю, что сделанный за него выбор повергнет влюбленного в окончательную печаль. И потом, мы скоро встретимся.

– Я в этом не уверен, – не согласился Ворон и затих.

Глава 8

Окрестности Мариенбурга

Ставка фок Варзов

400 год К.С. 10-й день Весенних Ветров

1

Выкраивать время для фехтования становилось все труднее, но Жермон как-то умудрялся. Не помахать рапирой хотя бы час было для генерала столь же невозможно, как не умыться или не просмотреть и так знакомые до последней речонки карты, а спать удавалось все меньше – полные предвоенной суеты дни с жадностью обгрызали недлинные весенние ночи. Кампания и год все быстрее катились к Летнему Излому, обещая жару и большую кровь. На этом сходились все, а дальше шла неизвестность, потому что игру начинал Бруно.

В ожидании первого хода дриков фок Варзов сосредоточил основные силы у стен старого доброго Мариенбурга, что, с точки зрения Жермона, было верно. Разумеется, если этим кошачьим летом верным останется хоть что-нибудь...

– Мой генерал.

– Готовы?

Праздный вопрос не требовал ответа, но Придд слегка поклонился, подтверждая, что готов.

– Марикьярская партия. До шестнадцати.

– С вашего разрешения, до двенадцати уколов.

Вот даже как... Решил, что продержится. А почему бы и нет? Школа у мальчишки обычная, дриксенская, опыта не густо, зато хладнокровие – в пору Ойгену, а уж добросовестность... Если Валентин за что-то берется, выражение «на совесть» выглядит явным преуменьшением.

– Двенадцать так двенадцать. Надеюсь, ваши успехи не станут поводом для нового разговора с Арно.

– Никоим образом. Выяснение отношений между мной и тенъентом Сэ от владения оружием не зависит.

– Я помню, оно зависит от шляпы. Ладно, полковник, пора в позицию. У нас вряд ли больше часа.

Приветственный взмах клинка и радость. Он едва не забыл, каким счастьем может стать движение, спасибо Вальдесу – напомнил...

– Один!

– Несомненно, господин генерал.

– Может, все-таки до шестнадцати?

– Нет.

– Как угодно... Два!

Очередная тренировка катилась обычным порядком. На восьми против трех они завязли. Валентин больше не ошибался. Чем ближе был проигрыш, тем точнее и спокойней он действовал. Хороший признак. Из таких маршалы и выходят... Ариго атаковал и достал-таки противника, но и сам налетел на встречный удар.

Девять на четыре!.. Два месяца назад пределом Придда была пара уколов. На шестнадцать.

– Молодец! – не удержался Жермон и едва не пропустил пятый укол, потому что Придд, в отличие от некоторых, не отвлекался. Ариго метнулся в сторону прежде, чем осознал, что делает, и заметил краем глаза бирюзовую фигуру. Фигуры... Бергеры. Пришли и, по своему обыкновению, смотрят. Прерывать бой, хоть бы и учебный, ради болтовни с застольем в Торке почиталось неприличным, а явись горцы по делу, они бы у стены не стояли.

Бергерский этикет требовал профехтовать, «не замечая» посторонних, не меньше получаса, и Жермон кивнул Валентину: мол, продолжаем. Придд невозмутимо контратаковал. Зазвенели клинки, стало не до бергеров, но, пытаясь развернуть противника против света, Жермон невольно разглядел и гостей. Катершванцы. Четверо или пятеро... Дружеский визит. Очень дружеский... К вечеру надо раздобыть пива и какой-нибудь окорок...

– Пфе!

Полный пренебрежения возглас разнесся по двору, живо напомнив Агмарен и недовольного добытой тушей повара. За первым фырканием последовало второе, более громкое. Что-то тихо и неразборчиво сказали по-бергерски. В ответ раздалось бурчанье. Жермон почти оглянулся и неожиданно для себя самого прыгнул вперед и вбок. У плеча блеснул клинок Валентина, но цели не встретил. Угадал! Хоть и не Вальдес, а угадал... Второй раз за день!

– Пфе!

На сей раз Ариго не смог не обернуться, а обернувшись, увидел, что бергеров стало больше. На одного. Для Катершванца вновь прибывший был низковат, но ширина плеч внушала уважение. Зато манеры...

– Пфе!

Короткий недовольный ответ. Эрих? Или Дитрих?

– Мой генерал?

– К кошкам! Продолжаем...

– ...это ошень по-детски – ошень глупо...

Плохой талиг... Громкий, настырный и плохой. Раздраженный шепот на бергерском...

Снова талиг. Принесло же такого! Брюзжал бы по-своему, так ведь нет, нужно, чтоб лошади, и те понимали... Знаток!

– Пфе! И кто только...

Еще парочка атак, и хватит. Все равно толку не будет. И удовольствия тоже, а какой шикарный получался бой!

– ...если такой шаг здесь зчитают...

Урчание Катершванцев, бурчанье знатока, достойные лошади вздохи и фыркание... Не слушать! Ты преспокойно спишь под пушечную канонаду, а тут всего лишь бергер. Громкий, невоспитанный, но ведь не пушка же!

– Пфе!.. Это совершенно против зтравого змысла...

– Па... Што они талают? Што они талают?! Я не могу без злез на такое змотреть...

– ...они хотят так воевать?.. Не змешите меня...

Смешить некому – Дитриха или Эриха у стены больше нет. Прочие Катершванцы тоже исчезли. Только ценитель и остался... Может, хоть теперь замолчит? От одиночества.

Выпад Валентина, веселый звон, ретирада... Теперь контратаковать! Проклятье... С таким занудой за спиной Вейзель и тот промажет. Даже по горе. Пора заканчивать... Разрубленный Змей!

– Пять.

– Мой генерал, это случайность.

Не случайность. Валентин на дураков не оглядывался, вот и попал. Молодец.

– Пять, я сказал!

– И это в Талиге теперь называют боем? Если так пойдет тальше, я...

К Леворукому! Пусть бурчит, они доведут разминку... до приличного конца. Придд не слушает, и он не станет... Да что ж такое!

– Пфе...

– Токоле я буду терпеть это безобразие... Это погубит мой шелудок...

– Хватит, Валентин! – Жермон резко шагнул назад и опустил шпагу. – Я не Райнштайнер и не глухой. Пойдемте, представимся этому недовольному господину. Заодно узнаем, чем именно он недоволен.

Последнее оказалось нетрудным, первое – невозможным. Станный бергер встретил хозяев потоком претензий, напрочь сносившим любые попытки вставить хоть слово. Ветерану, а это был ветеран, не нравилось все, от манеры держать оружие до самого оружия, и от постановки ног до общей тактики ведения поединка. Жермон узнал, в чем заключаются ошибки обоих бойцов, насколько низко пало искусство владения оружием, если «такое» считается общепринятым, и куда катится мир вообще и Талиг в частности.

– Ни зилы, ни устойчивости, ни решительности, – вдохновенно вещал плечистый старец, – отни финты, зкачки та крушение труг фокруг труга. Та разве ше так зрашаются! Поверьте многое повидавшему фойтелю! Если бы мы так бились у Аустштарм или, еще хуше, – под Гефлехтштир, проклятые гаунау уше тавно обшифали не только наши горы, но и ваш Надор. А как бы ушасно все кончилось у Винтблуме...

Виндблуме... Плечи, седина, норов... Закатные твари, так это не просто Катершванц! Это барон Ульрих-Бертольд собственной персоной. Спустился с гор спасать Талиг... Бедные племянники, простые и внучатые, бедная Западная армия, бедный город Мариенбург!

– Господин барон, вы прибыли...

– Опыт – это замое фажное! Не перебивайте зтарших, молодой шеловек, они фам раскроют глаза, иначе фы так и останетесь неумелым шонглером, который только фоздух мошет звоей иголкой протыкать...

Ариго с тоской покосился на Придда, полковник держался. Больше рядом не было никого, если не считать часовых и денщика с лошадьё. Катершванцы сбежали, и осуждать их за это Жермон не мог. Слава младшего брата барона Зигмунда гремела по всему Северу. В молодости он в немереном количестве истреблял врагов Талига, к старости стал ужасом соотечественников. Теперь Жермон понимал почему.

– Фот фы, – перст ожившей легенды едва не проткнул Ариго живот, – шем фы здесь занимаетесь? Кому фсе это нушно...

– Мне! – огрызнулся Ариго, понимая, что еще немного, и он пойдет на прорыв. – Барон, я наслышан о ваших подвигах, но...

– Мои потвиги не родились на пустом месте. – Воистину спастись от Ульриха-Бертольда можно только бегством! – Я с юности соферженстфую сфое искусство фладения тостойным фойна орушием!

О баронском оружии Ариго тоже слышал, и не раз. Обладая, несмотря на малый для Катершванца рост, даже не медвежьей, а турьей силой, Ульрих-Бертольд повсюду возил за собой чудовищные доспехи и еще более чудовищный шестопер, врученный воителю в качестве награды еще отцом Рудольфа. Огнестрельного оружия ветеран не признавал, равно как и шпаг с палашами, осуждая едва ли не все, что делают другие, особенно «молодняк». Внучатые племянники объясняли сварливость родича врожденным одиночеством: Ульрих-Бертольд не имел близнеца.

– Мне шестьдесят фосем лет, молотой шелофек! Шестдесят фосемь, но я кашдый тень...

Он каждый день. Каждый день он. День он каждый... Шестьдесят восемь лет каждый он день... Земля качалась и по-конски фыркала, по небу шли желтоватые полосы, по ним, извиваясь и бурча, ползли недовольные шестоперы... каждый они день. Ползли... Ползут... Будут ползти, потому что полосы на небе не пересекаются...

– Господин барон, прошу меня простить, – то ли отчеканил, то ли проорал Придд. – Генерала Ариго ровно в полдень ожидает маршал Запада. Господин генерал, мой долг – напомнить вам об аудиенции.

– Фы не фешливы... Когда коворят зтаршие...

– Маршал ждет! – выкрикнул Жермон. – Прошу меня простить... Срочно!

– Господин барон, – Валентин, шагнув вперед, отвесил церемонный поклон, повергший барона во что-то вроде удивления, – если на то будет ваша добрая воля, я хотел бы использовать представившуюся мне счастливую возможность и получить совет Грозы Виндблуме. В Олларии я уделял своей подготовке недостаточно внимания и получил заслуженный урок. Оказавшись на Севере, я дал клятву исправить допущенную ошибку...

2

Жермон бежал. Трусливо покинув на растерзание доблестный арьергард, притворяясь, что исполняет несуществующий приказ. Единственное, что хоть как-то оправдывало беглеца, это репутация Ульриха-Бертольда. Ветеран был двужилен и беспощаден, но сейчас встретил достойного противника. Жермон не отказался бы проследить за развитием событий. С безопасного расстояния. Например, с Агмарена.

Удирающий генерал на ходу подкрутил усы и уверенно – притворяться так притворяться – свернул к загородному дому, предоставленному в распоряжение фок Варзов советником мариенбургского магистрата. Возле грустной замшелой статуи на Жермона налетел адъютант командующего. Вольфганг желал немедленно видеть генерала Ариго, так что вранье оказалось не враньем. В самом вызове ничего особенного не было. Старик, прикидывая план кампании, любил говорить с подчиненными, а Жермон уже лет десять ходил у него в маршальских любимчиках. Генерал доверием гордился, хотя спорить с командующим после Старой Придды стало невозможным. Если б хотя бы знать, делился Рудольф с фок Варзов сомнениями на его и свой счет или нет...

– Господин генерал, вас ждут. Проходите.

– Что за Хербсте? – с ходу спросил маршал. – Все то же?

– Да. – Едва прошел лед, «фульгаты» бросились на северный берег в поисках противника. И тут же с ним столкнулись: просторы Гельбе прямо-таки кишели разъездами. Бруно изо всех сил старался скрыть от противника свои маневры, в чем и преуспел. Было

ясно, что фельдмаршал двинулся на юг, но понять, куда именно он нацелился, так до сих пор и не удалось. Оставалось читать Пфейтфайера и гадать, чем и занималась Западная армия – от господина командующего до кашеваров и цирюльников.

– Садись, – распорядился фок Варзов. – Что ты такой встрепанный?

На такой вопрос был ответ и... ответ. Жермон не находил себе места из-за опасений Рудольфа и собственных страхов, как военных, так и вовсе непонятных, но тянулось это не первый день. Сегодня же ничего особенного не случилось. Если не считать воителя с шестопером. Свести все к шутке, пожаловавшись на шестоперного барона? Проклятье, раньше он обходился без уверток, но раньше его не прочили на чужое место.

– Что-то ты, друг мой, неразговорчив. Сестра? Решил, что умерло, да рано...

– Все сразу. – О Катарине он почти не думал. Только удивился, узнав, как она схватилась сперва с Манриками, а потом и с судьями. Время и война превратили сестру в подлинную королеву. Такая могла бы поспорить и с отцом, но граф Ариго не дожил даже до свадьбы дочери...

– Это ты верно сказал: «сразу», – буркнул маршал и потянулся за яблоком. Ноймаринен, когда думал, бродил по кабинету, фок Варзов сидел в кресле, смотрел на карты и, если удавалось, грыз яблоки. Сейчас яблок хватало – зимних, привядших, но Вольфгангу годились любые. – Не хочешь говорить о своих делах, поговорим о Бруно.

– Я сбежал от Ульриха-Бертольда, – через силу улыбнулся Жермон. – Он застал нас с Приддом во время учебного поединка.

– Можешь не продолжать, но за бергерские полки я согласен терпеть дюжину ульрихов.

– Полки? – подался вперед Жермон. – Сколько?!

– Четыре. Маркграф сделал больше, чем обещал, – порадовал фок Варзов и тотчас сдал назад, – но больше нам ничего не светит. Разве что к осени, но до этого дожить надо.

Надо. И Западной армии, и Дораку, и тем, кто сейчас в Оллари. О том, что Алва еще может выйти из Нохи и подставить Северу плечо, фок Варзов не сказал и не скажет. Война суеверна, особенно на Изломе.

– Четыре полка бергеров Бруно не обрадуют, – ушел от Оллари Жермон. Фок Варзов аккуратно присоединил к горке огрызков останки очередного яблока и уставился на карту. Мешки под глазами маршала становились все заметнее. Рудольф не мог этого не видеть, вот и забеспокоился. Не из-за возраста Вольфганга, из-за здоровья.

– Бруно не радоваться нацелился, а воевать. – Фок Варзов покосился на дверь. – Не забудь поздравить Райнштайнера, когда явится, с генеральством. Я свожу всех бергеров в один корпус и отдаю ему.

– Это улучшит наше положение. – Бергерский корпус и Ойген во главе... Это скала, тем более на пути дриков.

– Вот о положении и поспорим. С остальными я уже говорил, только вы с Райнштайнером и остались. – Маршал потянулся за яблоком, но передумал и уставился в карту. Начинать он не спешил, уж не потому ли, что знал: перед ним сидит тот, кто его сменит? Сейчас еще подчиненный, но любой промах, болезнь или просто решение регента – и генерал Ариго принимает армию, а маршал фок Варзов отправляется на покой. Бродить по пустому дому и ждать вестей с уже не своей войны.

Сидеть и смотреть на склоненную седую голову становилось все тяжелее. Попросить карту или воды? Нет, это может показаться... Неважно чем! Ты сам отказался от разговора, когда старик спросил про сестру, теперь молчи.

И Жермон молчал, мысленно загоня себя в начинающуюся кампанию. Это было необходимо, и это помогало чувствовать себя генералом, а не интриганом и неблагодарной скотиной.

К наступлению Бруно готовился не менее тщательно, чем фок Варзов – к обороне. По прикидкам и разрозненным подсчетам, стянутые в Лёйне и Лауссхен силы почти в полтора раза превосходили Западную армию. «Фульгаты» доносили про заложенные в Лауссхен большие магазины и собранный там осадный парк, а в начале лета к фельдмаршалу могли подойти резервы. Если кесарь решит, что дело того стоит, и если позволят Альмейда, Савиньяк и бергеры. Жермон надеялся и на флот, и на то, что это не гаунау свяжут горцев, а горцы повиснут на Хайнрихе, не пуская его на помощь Дриксен, но армия Бруно была хороша и сама по себе. Без резервов и союзников. Почти девяносто тысяч человек, больше трети – конница, и никаких новобранцев. Опытные солдаты, опытные офицеры и очень, очень опытный и умный командующий, почуявший наконец возможность расквитаться за свои и чужие поражения...

– Я подписал приказ, – внезапно сказал фок Варзов, и Жермон от неожиданности вздрогнул. – Если я по той или иной причине не смогу исполнять свои обязанности, командование примешь ты. Дальше решать регенту, но свое мнение я написал.

Регент уже решил, но еще не приказал, иначе Вольфганг сказал бы по-другому. Хотя зачем приказывать, если можно просто усомниться в старом товарище, и тогда он сам...

– Я не справлюсь с армией, – твердо сказал Ариго, – тем более сейчас.

– Давенпорт с Вейзелем не справятся еще больше, – отрезал маршал, – Райнштайнер слишком... для особых поручений, а старший Ластерхавт дальше чужого приказа ничего не видит.

– Я не справлюсь, – почти проорал Жермон, – и не думайте...

– Мы уже не думали, – фок Варзов с горечью махнул рукой, – вот и попали. Да не бесись ты, я завтра умирать не собираюсь, но меры принять обязан. Франциск зря, по-твоему, расписал наследников вплоть до Савиньяков и дальше? При живом сыне и отличном пасынке. Лучше так, чем как Сильвестр. Сам в Закат, и все туда же...

Рука маршала сжала яблоко и замерла. Все-таки это сердце, потому и кардинала вспомнил.

– Подошел обоз с улаппским барахлом, – больше о смене маршал говорить не желал, – Рафиано снова выручил. У старого болтуна золото прямо с губ падает...

– Да, – подтвердил Жермон, потому что надо было хоть что-то подтвердить, – экстерриор очень помогает. И с оружием, и с фуражом.

Они говорили о Рафиано, об улаппских и ардорских закупках, о введенных указом регента чрезвычайных налогах, об эйнрехтской грызне. Говорили торопясь и не очень толково, потому что военные никогда не поймут купцов, дипломатов, сановников, а если поймут, то их следует называть иначе. Не генералами и не маршалами, а проэмперадорами, регентами, королями...

Они говорили обо всем, но означало это одно. Случись что, маршал Запада Вольфганг фок Варзов отдаст армию и войну генералу Ариго, и тот их примет.

Глава 9 Оллария 400 год К.С. 12-й день Весенних Ветров

1

Эр Август хранил полное спокойствие, это Дик был вне себя и не считал нужным скрывать возмущение. Глупость и подлость отвратительны сами по себе, но когда они обретают лица тех, кого считаешь друзьями, это невыносимо.

– Я буду говорить с регентским советом! – крикнул Ричард склонившемуся над книгой Штанцлеру. – Если не поможет, потребую аудиенции у ее величества. Или они возьмут назад эту подлость, или я выхожу из совета! Я не собираюсь идти на поводу у трусости и

упрямства...

– Я не раз слышал упреки в трусости в свой адрес. – Бывший канцильер поднял голову и внимательно посмотрел на Дика. – Особенно после восстания Эгмонта. Тогда они меня оскорбляли. Тогда я был моложе на целую вечность...

Старик и сейчас оскорблен. Святой Алан, да кто бы на его месте был не оскорблен, получив предписание оставаться под покровительством герцога Окделла и до особых распоряжений не покидать его резиденции?! Другое дело, что бывший канцильер скорее умрет, чем признается, как ему тяжело. К счастью, у Ричарда имелись собственные глаза.

– Оскорблять вас то же, что оскорбить меня! – отрезал Дикон. – Нет, больше – моего отца. Скоро они это поймут...

– Спасибо, мой мальчик. – Штанцлер подозрительно торопливо откинулся на спинку кресла. Лицо оказалось в тени, но слезу на щеке Дик заметить успел. – Только никогда не равняй меня с Эгмонтом. Даже с Морисом Эпинэ и его несчастными сыновьями не равняй. Это были гиганты, а я только человек... Я боялся, Дикон. Тогда боялся и сейчас боюсь. Я не воин и очень плохо переношу боль. Случись со мной то же, что с тобой, я бы месяц не мог встать с постели, не то что кого-то защищать. Что поделаться, я – сын своего отца, как ты – своего. Этим все сказано...

– Я спорил с Альдо, – совершенно не к месту признался Ричард. – Вы имеете право на титул графа Гонта. Вы, и никто другой!

– Твой коронованный друг, судя по всему, с тобой не согласился. – Штанцлер вымученно улыбнулся. – Я его понимаю... Альдо Ракан был так молод... Он любил блеск и отвагу, а я не мог похвастаться ни первым, ни вторым: четыреста лет в шкуре мещанина не отбросить. Слуги рисковали головой ради наследника Гонтов, но спасли они будущих шляпников... Когда я это понял, то оставил попытки получить то, чего не стою.

Если на кровных линарцах поколение за поколением пахать и возить воду, они превратятся в крестьянских кляч. С кровью Гонтов случилось то же. Нет, Дикон, если кто и был достоин поднять знамя Рутгерта, то это Карл Борн! Его решимость не поколебал даже маршал Савиньяк... Немногие способны принести в жертву отечеству не только себя и свою семью, не только честь хозяина дома, но и жизнь друга. Карл на это пошел... К несчастью для нас всех, для Талигойи, хотя откуда он мог знать? Прости, в мои годы начинаешь жить прошлым, особенно если оно пожрало тех, кто был достоин жить и... носить корону.

– Эр Август, кого мой отец... – Нет, об этом нельзя спрашивать сейчас, когда сюзерен еще не обрел последнего пристанища в усыпальнице Раканов!..

– Ты что-то сказал? – Штанцлер устало потер лоб. – Еще раз прости. Молодым нужно не чужое прошлое, а собственное будущее. Мы, старики, об этом то и дело забываем.

– Я не понял про Карла Борна, – почти не соврал Дикон. – Почему он пожертвовал своей честью? Отец тоже был генералом Талига, тоже восстал и тоже ждал помощи из Каданы...

– Эгмонт Окделл никого не убил. Даже Ворона, хотя что могло быть проще, чем спустить курок... Разве ты не знаешь, как в окружении Эгмонта расценили принятый им вызов?

– Нет...

– Как мало мы говорим о самом важном! От Эгмонта ждали выстрела Борна. Или, если угодно, самого Алвы, всадившего пулю в талигойского генерала, честнейшего человека, к слову сказать... Ты сам мне рассказал про Адгемара, а ведь тот был иностранным государем, прибывшим на переговоры.

Люди, подобные Ворону, не церемонятся ни с друзьями, ни с врагами, ни с законами. Иное дело Эгмонт. Алва был ему врагом, но нет щита надежней чести Окделлов... Ворон это знал не хуже Катарины Ариго, потому и послал твоему отцу вызов, хоть его и пугали судьбой Савиньяка.

Теперь Дикон вспомнил. И понял то, чего не мог понять раньше. Письмо Эмиля, его неистовый отказ служить Раканам не были ни глупостью, ни бравадой. В порожденном

двумя Эрнани братоубийстве отца потерял не только герцог Окделл. Для Савиньяка перейти на сторону Альдо было столь же невозможно, как для самого Дикона драться за Фердинанда.

– Савиньяки не примирятся с Людьми Чести, – прошептал юноша. – Никогда...

– Если б Савиньяки... – Штанцлер захлопнул книгу и бережно положил на стол. Это была «История царствования Франциска Оллара, родившегося в неизвестности и обретшего милостью Создателя корону Талига». – Близнецы потеряли больше, чем отца, они потеряли душу. Их мать – урожденная Рафиано, а Рафиано холодны как змеи и так же расчетливы и коварны.

Ты не мог не слышать о трех подругах – Каролине Борн, Жозефине Ариго и пригретой ими Арлетте Рафиано. Сейчас жива лишь одна, самая младшая... Спроси при случае ее величество, много ли помогла ее овдовевшей матери графиня Савиньяк. Спроси Робера, сделала ли Арлетта хоть что-нибудь, чтобы избавить подругу от Маранов, а владения Эпинэ – от драгун.

Савиньяки по богатству уступают разве что Алва и Сильвестру, а на юге они почти всесильны. Ты видел, до чего довели Эпинэ, но ты вряд ли понимаешь, до чего госпожа Рафиано довела собственных сыновей... Если б она была вне себя от горя, как твоя матушка, если б в ее доме распоряжалась олларовская солдатня, ее можно было бы понять, но Арлетта Савиньяк не знала несчастий. Как и любви. Она вышла по расчету за одного из первых вельмож и богачей королевства и изменяла ему с кавалером, который был слишком разумен, чтобы пропадать на войне. Смерть Арно развязала любовникам руки. Графиня даже не надела траур, зато немедленно принялась взыскивать долги.

Арно был щедр и с друзьями, и с арендаторами. Двое его сыновей удались в отца, но титул получил белокурый Рафиано. В обход брата...

– Брата? – не понял Дик. – Какого брата? Его изгнали? Убили?

– Решил, что у Арно был четвертый сын? – невесело усмехнулся Штанцлер. – Увы, жизнь не трагедия в стихах, в ней все проще и грубее. Старший из близнецов, по-настоящему старший – Эмиль, но у Лионеля на плече родимое пятно Рафиано. Это решило все. Графиня выбрала наследника Савиньяков по своему разумению. Тогда она еще делилась с подругами. Возможно, эта откровенность стоила Каролине Ариго жизни...

– Значит... Настоящий граф – Эмиль?!

– Да, но этого не докажешь. Роды принимал семейный врач Рафиано, бывшая наперсница мертва, а записи в ее дневнике вряд ли удовлетворят королевский суд. Промолчит и принимавший исповедь графини священник. Конечно, есть гороскопы, но кто сейчас верит звездам? Что с того, что рожденные под знаком Одинокой Гончей порывисты, веселы и щедры, а порождения Охотничьего Рога расчетливы и холодны... В королевстве, основанном одним бастардом, где другого бастарда признали принцем, а теперь и королем, хотя имя настоящего отца известно даже зеленщикам, не станут негодовать из-за графов. Сам не знаю, зачем я тебе все это рассказываю... Долгое молчание и старость делают нас болтливými.

– Они должны узнать правду! Я про Лионеля и Эмиля...

– А с чего ты взял, что Лионель ее не знает? Эмиль, тот слишком Савиньяк... Он верит брату и матери, как себе. Нет, Дикон, тут ничего не изменить, разве что ее величество... По закону регент может много больше, чем зачитывать рескрипты и давать свободу узникам. Графиня Ариго доверяла дочери во всем. Катарине вряд ли нужны доказательства, только помнит ли она о такой по нынешним временам малости? Ей и так непросто... Противостоять близким подчас трудней, чем врагам, а Робер Эпинэ – ее единственный родич, не считать же таковым пропащего Жермона.

– Это не повод оставлять все как есть. – Юноша решительно поднялся, в очередной раз позабыв о своей несчастной ключице. – Мы должны доказать... но сперва – ваше дело. Я еду к Роберу. Мне есть что ему сказать!

О том, что особняк Эпинэ превратился в казарму, Ричард слышал и раньше, но теперь убедился, что дядюшка Ангерран на сей раз не преувеличивал. Ворота с позеленевшими накладками были распахнуты, во дворе громоздились какие-то телеги, толкались возчики, таскали мешки солдаты. К центральному подъезду было не пробиться, а у привратничкой неопрятный малый осматривал лошадей. Довольно-таки невзрачных, адуанские кони и те были приличнее.

– Монсеньор, – виновато произнес вернувшийся камердинер, – никак не проехать, пока не разгрузят.

– Вы не догадались узнать, дома ли Эпинэ?

– Дома, но не принимает.

– Примет. Помогите сойти.

Привыкаешь ко всему. И к боли, и к карете, и к тому, что выходить из нее нужно медленно и осторожно, по возможности не двигая головой и плечами.

– Поберегись!

Телегам место на заднем дворе, а клячам – на конюшне, но это дело Эпинэ. Любой беспорядок начинается с господина, как и порядок. Затоптанный пол, позабывшая о коврах лестница, запах чеснока говорят не о воинственности, а о неопрятности и равнодушии. И дело тут даже не в юге, Ворон тоже южанин...

– Господин маршал занят. У него негоцианты.

– Так доложите, что прибыл член регентского совета герцог Окделл. Хотя стойте... Я тоже послушаю негоциантов. Где они?

Принимать депутации надо в прибранных залах. Если не доходят руки до собственного дома, можно назначить встречу во дворце или в тессории. Наль говорил, что мещане всегда обращались туда. Им назначали время и час и выслушивали. Если, разумеется, было что слушать.

– Монсеньор занят. – Сэц-Ариж поднял голову от каких-то писем, но встать не соизволил.

– Занят купцами, – усмехнулся Ричард, – мне уже доложили. Благодарю вас, *капитан!*

Следовало пройти мимо, распахнуть дверь и войти в кабинет. Дик бы так и поступил, если б не ключица.

– Встаньте, – распорядился Ричард, – и придержите дверь. Я болен.

– Дювье, – крикнул Сэц-Ариж, – открой там... Вам не следовало иметь дело с морисками, господин Окделл. Тем более с чужими. Обзаведитесь линарской кобылой, только не слишком молодой.

– Оставьте ваши советы при себе. И доложите как положено!

Воистину королевство бастардов и их потомков, что, не смыв навоз, лезут учить эориев. Все эти «сэцы» думают, что вернулись их времена. Они ошибаются!

– Член регентского совета корнет Окделл к члену регентского совета маршалу Эпинэ. – Сэц-Ариж соизволил все-таки оторваться от стула и доложить. Такой доклад стоит дуэли, но сейчас она невозможна.

– Сейчас, Дикон, – Робер стоял посреди завешанной портретами и оружием комнаты в окружении десятка горожан, – сядь где-нибудь, мы уже закончили... Благодарю за понимание и помощь, господи. Обещаю, вы не раскаетесь в своем выборе. Жильбер, проводи гостей.

– Да, монсеньор.

– Господин маршал, еще минуту внимания. – Жилистый негоциант с колючими глазами переглянулся с товарищами. Те согласно наклонили головы. – Мы просим вас и генерала Карваля принять в знак нашей благодарности эти скромные подношения. Мы осознаем, чем обязаны вам в это... в то жуткое время, которое пришлось пережить нам и нашим семьям.

– Нет! – отрезал Робер. – Нам вы ничем не обязаны. Последние месяцы были тяжелыми для всех. Мы делали что могли, но меньше, чем следовало.

– Вину измеряет Создатель, а карает король, – ввязался старик в черном, чем-то похожий на эра Августа. – Мера благодарности в сердцах человеческих. Город видел всех. Город видел вас и генерала Карваля. Город просит принять его дар.

Две шкатулки. Золото. Эмали. Блеск камней. Рубины, алмазы и вечные стоны о непосильных налогах, о невозможности ссудить корону деньгами...

– Хорошо, господа, – Робер свел брови, словно что-то обдумывая, – я принимаю это за себя и за генерала Карваля. Вы облегчили мою совесть. Теперь мне есть чем подкрепить свою подпись на договоре о займе. Пусть эти ценности останутся у вас. Как залог.

– Это невозможно.

– Вы нас обижаете...

– Не нас, Олларию...

– Если бы не вы, моя дочь...

– Если вы не возьмете, к вашим окнам придут наши семьи...

– Не только наши...

Никто не может быть подобострастней торгашей. Они живут, кланяясь и при этом обманывая. Где они были со своей благодарностью и со своим золотом раньше? А Иноходец доволен... Еще бы, к нему пришли. Не к королеве, не во дворец, а к нему. Можно подумать, город защищали только южане. Можно подумать, в городе был порядок! Особняк эра Августа разграблен, Салиганы замахнулись даже на королевскую сокровищницу...

– Пусть будет по-вашему. – Иноходец что-то вынул из шкатулки. Цепь. Похожа на «Звезды Кэналлоа», но вместо сапфиров – рубины, и какой-то медальон...

– Генерал Карваль будет носить этот знак как орден. Вы благодарите меня, но он сделал больше. И еще сделает. – Эпинэ с силой захлопнул пеструю крышку и протянул старику. – Когда казна выплатит долги, я приму ваш подарок. С гордостью приму и буду носить, но не сейчас. Другого решения не будет.

Ушли. Загребая ногами и глухо бормоча благодарности, словно стадо откормленных гусakov. Робер поморщился и прикрыл ладонями глаза, как это делал Алва.

– Чуть сквозь землю не провалился, – признался он. – Мы к ним вломились, испакостили все, что можно и нельзя, и нас же благодарят. За то, что живы. За то, что не было хуже... А ведь могло быть. До сих пор не верится, что все.

– Быстро ты... – Голос Ричарда дрогнул. Обида и ярость душили, но слов не находилось. – Быстро ты... отступился... Первый маршал анаксии... Друг государя...

– Не во мне дело. – Эпинэ опустился в кресло. – Оллария цела, Талиг выживет, а мы – дело шестнадцатое... Знаешь, зачем они приходили? Вернули драгоценности Катарина. Залог за фураж и провиант.

– Вспомнили! – почти прорычал Дикон. – Когда Катарина была в Нохе... когда Альдо был... Им и в голову не приходило вернуть... А сейчас! Прибежали, притащили подарки... Лизоблюды!

– Когда был жив Альдо, – голос Робера стал сухим и неприятным, – у купцов требовали деньги, а взамен давали расписки. Если давали... Драгоценности в счет долга отослала городу Катарина. Когда вновь их получила, а получила она их, став регентом. Причем далеко не все. Ты что-то хотел?

Разговора не выйдет, выйдет ссора. Робер не поймет, не захочет понять. Иноходец никогда не верил в победу, в Золотую Анаксию, в силу и величие. Для него выжить и закончить войну – уже счастье. Эр Август боялся пыток, но боролся за Талигойю до конца; Робер Эпинэ не боится ничего, даже смерти, потому что давно убит.

– Так чего ты хотел?

– Уже ничего. Говорить с тобой не имеет смысла. Я доложу ее величеству.

– Это так важно?

– Да. Больше ты от меня ничего не услышишь.

– Катарина страшно устает... Женщинам в ее положении лучше вообще не волноваться, а у нее слабое сердце. Ты уверен, что твое дело не ждет?

– Святой Алан, это не МОЕ дело! Это дело Чести. Я буду говорить о нем с королевой. Она поймет... Все поймет! До свидания.

– Подожди, – Эпинэ вновь прикрыл глаза, – раз уж ты здесь и говоришь о чести... Будет лучше, если ты переберешься ко мне или к Дэвиду. Занимать дом Алвы тебе нельзя, с какой стороны ни посмотреть. У нас есть два месяца, чтобы привести особняк хоть в какой-то порядок.

Он говорит о порядке в доме. О каком-то праве... Сын Мориса Эпинэ. Единственный уцелевший...

– Дом пожалован мне моим сюзереном! Сюзереном, о котором ты уже позабыл... Ты, его лучший друг! Он звал тебя перед смертью... Он поручил тебе Матильду... А ты... ты заигрываешь с торгашами... Обо мне не беспокойся! Я найду, куда уйти, но эти два месяца я проведу в своем доме. В доме, пожалованном Окделлам за заслуги перед Талигойей. В доме, куда я привел бездомного друга... Эр Август отдал Талигойе все, а для него не нашлось ничего, кроме тюрьмы. Зато ты принимаешь купцов с рубинами, ты и твои «чесночники»... Ты никогда не верил в нашу победу!

– Не верил, – подтвердил Эпинэ, – но речь не обо мне. Особняк Алвы нужно вернуть хозяину. Ты вошел в регентский совет при Карле Олларе, так изволь соблюдать законы Талига.

– Я не собираюсь с тобой это обсуждать, – отрезал Ричард. – Два месяца принадлежат моей королеве. Королеве, а не Олларам! Что будет с нами потом, тебя не касается.

3

Снова весна, и снова сад. Не монастырский – дворцовый, со статуями, фонтанами и плоскими вычурными цветниками. Укрыться от чужих глаз негде, и все же они были вдвоем в убранной гиацинтами беседке. Катарина отослала и своих дам, и неизбежного Пьетро. Сквозь пока еще робкую зелень можно было разглядеть серую эсператистскую шкурку и траурные олларианские платья. Это раздражало и сбивало с мысли. Юноша смотрел на кутающуюся в черную, без вышивки, шаль Катарину и молчал. У них было всего полчаса, но для единственного по-настоящему важного не находилось слов, а начинать с дела Штанцлера или Савиньяков Ричард боялся. Это могло не только убить все отпущенное время, но и потребовать присутствия законника.

Разговор начала Катарина.

– Регент всегда на виду, – тихо произнесла она, перебирая черные длинные кисти, – больше на виду, чем королева, ведь королевы в Талиге не правят.

В Талиге правит тот, кто нагл и удачлив, для кого кровь, честь, слава предков, заслуги – пустой звук. Дикон без лишних слов протянул Катарина письмо из канцелярии регента, презрительно уведомлявшее графа Штанцлера, что ему дозволяется воспользоваться гостеприимством герцога Окделла. Катарина поднесла бумагу почти к глазам. Она читала медленно и внимательно, еле заметно шевеля губами и все сильнее напоминая найденную Диком святую, только повзрослевшую и измученную. Королева дочитала и положила письмо на колени. Белое на черном... цвета Олларов.

– Чиновники и законники всегда пишут так, – в голубых глазах стояло удивление, – иначе им нельзя.

– И кошки с ними! – отмахнулся Ричард. – Это оскорбляет эра Августа! Я понимаю, Эпинэ его ненавидит, но он отсиживался в Агарисе, пока Штанцлер сражался за Талигойю. Сражался каждый день, каждый час, хотя понимал, чем ему это грозит. Он боялся, но пересиливал страх... Неужели из-за единственной ошибки, из-за личной обиды Эпинэ...

– Маршал Эпинэ не имеет к этому письму никакого отношения, – сказала Катарина, и ее глаза стали чужими и далекими. – Приказ отдала я.

– Ты? – Следовало сказать иначе, назвать ее «ваше величество», но Ричард был слишком потрясен. – Ты?!

Она кивнула. Этот быстрый девичий жест Дикон помнил особенно хорошо.

– Я знаю, что эр Август хотел добра, но добро он принес только врагам Талига. Не мне его судить, мы все... Ричард, жизни графа Штанцлера ничего не грозит. Над ним не будет суда, хотя он не искупил то, что... сделал. Он сохранит титул. Собственность Штанцлеров... То, что от нее оставит война, останется в его распоряжении. Если ему будет не на что жить, ему будет назначено пособие, но это все, что я вправе для него сделать.

Этого Ричард не понимал, не мог понять... Катарина Ариго, Талигойская Роза, звезда всех Людей Чести, его королева смотрела ему в глаза и говорила, что все они – эр Август, отец, она сама – ошибались.

– Мне страшно от того, о чем я молила Создателя. – Тонкие пальцы все быстрее мяли бахрому. – Твоему отцу тоже стало бы страшно, если б он победил. Если б увидел свою победу...

– Раньше ты говорила иначе, – напомнил юноша. – В саду... В другом саду, в аббатстве!

– Я помню. Я помню все наши разговоры, Дикон... Овца может не любить пастуха и собак, может мечтать уйти в лес и жить там среди цветов. Может даже восхищаться волками. Пока не встретится со своей мечтой... Я встретила. Я больше не мечтаю.

– Ты все равно на нее похожа!..

– На нее? – Не понимает. Она же никогда не бывала в этом доме и не видела...

– На икону. Я открыл храм и увидел в нем тебя... Теперь там горят белые свечи и стоят цветы. Гиацинты... И будут стоять, пока я жив.

– Где этот храм? – Она робко улыбнулась. – Я... я хотела бы это видеть.

– Это моя домовая церковь... Ее давно не открывали. Я бы тоже не открыл, если б не сон. Мне приснился Рамиро Алва и сказал, где меч Раканов.

– Ты все еще живешь у Алвы? – Теперь она казалась испуганной. – В его доме? Вместе со Штанцлером?! Создатель... ты не можешь там оставаться!

Он останется. Никто не скажет, что Повелитель Скал испугался Ворона и удрал, как какой-нибудь Манрик. Он не бросит светлоглазую святую и не прогонит всеми покинутого старика.

– У меня нет другого дома. Окделлы не строили в столице дворцов. Этот дом мне отдал мой король, и я останусь в нем, пока... пока я член регентского совета! Я не собираюсь... метаться по городу, как будто я боюсь, что вернется Ворон!

– Я не знаю... – Лицо Катарин было тревожным. – Рокэ никогда не был мелочным... Жестоким – да! Жестоким, непонятым, опасным, но не мелочным и не скупым. Он может отказаться от этого дома, наверняка откажется и построит новый... Кэналлийского золота хватит на целый город, и потом... Алва не скоро вернется, только когда победит, а война на севере... Она будет страшной.

– Мне все равно, вернется он или нет.

– Все равно? – почти крикнула Катарин. – Все равно, что на нас бросились лучшие армии Золотых земель, что пятая звезда исчезла, что на всех нас кровь и слезы? Не наши – чужие! Это четырехсотый год... Время Леворукого... Пока он не кончится, нельзя загадывать, нельзя ничего обещать. Монастыри и те не принимают новых послушников...

– Ты не можешь уйти в монастырь, – как же Дикон был благодарен дурацким сказкам, давшим им время, – не можешь!

– Это все, что мне остается. Будь я мужчиной, я бы знала, что делать. Грязь ищет золото, а честь – стали. Армии Талига сохранили верность знамени. Придворные разбежались или предали... Я не хочу их видеть. Никого... Я отдам сына настоящему регенту и вернусь домой в Ариго. Только б мне разрешили жить там, просто жить и ждать конца года... Как бы я хотела уехать завтра... Сегодня, сейчас! Но регент должен быть здесь... Подписывать бумаги, говорить, показываться послам, подданным...

– Ты не регент! – резко сказал Ричард. – Твой ребенок не может быть сыном Фердинанда! Чей он? Ворона?! Он был у тебя перед... перед эшафотом? Ты открыла ему

Дорогу королев!

– Я бы это сделала. С радостью... Алва умеет хранить тайны. Самые страшные, самые дорогие. Он не выдаст то, что ему доверено, ни сюзерену, ни Создателю, ни Врагу! Талиг не знал такой верности со... времен святого Алана. Теперь я открыла бы Алве все, не только Дорогу королев, но я не видела его до суда. Мой сын – ребенок Фердинанда.

– Нет! – услышал собственный стон Дикон. – Нет! Оллар не мужчина... Ты сама говорила... Это знают все!

– Он стал мужчиной, став королем. На четыре дня... Фердинанд Оллар успел немного – дать мне сына и открыть Багерлее. Он отпустил всех, кто там был... Виновных и невиновных. Карточных должников, какого-то сочинителя, Айнсмеллера, Придда, меня...

Фердинанд никому не желал зла, а его предали все, кроме Первого маршала и молодого офицера... Одного-единственного! Он убил предателя и, к счастью, уцелел. Я молилась за него, еще не зная имени. Потом мне его назвали. Чарльз Давенпорт... Ординар из Надора. Вассал Алана. Вассал Чести...

– Тогда почему?! – Святой Алан, ему нет дела до этого Давенпорта! Ему нет дела даже до Ворона, если они не виделись... – Почему Фердинанд раньше... не мог?..

– Ему всю жизнь что-то давали. Что-то, чтоб он не вмешивался в дела временщиков. Это зелье действовало на... все, но лекарь удрал вместе с Манриками, и Фердинанд очнулся. Создатель, какой... нелепой была та наша ночь, но она принесла плоды. Если Создатель хочет сохранить кровь, он ее сохранит. Это мое искупление, Дикон. Моя плата за мечты о невозможном, за грех ненависти и за грех любви.

Фердинанд Оллар и Рокэ Алва. Сюзерен и вассал. Коронованное ничтожество и непобедимый красавец... И женщина, которую сделали женой одного и наложницей другого. Королева.

– Ваше величество, я обращаюсь к вам как к регенту Талига. – Это он может ей сказать, прежде чем уйти. Это продлит их встречу, последнюю встречу, еще на несколько минут! – Я прошу вас исправить несправедливость, допущенную в отношении Эмиля Савиньяка.

– Савиньяка? – Когда Катари переставала понимать, королева исчезала. Ледяная звезда становилась незабудкой на озерном берегу. Это случалось часто, слишком часто для регента обезумевшего королевства. – Ты так смотришь... Мне страшно, когда на меня так смотрят.

– Не бойся... Я ведь люблю тебя. Два месяца – это недолго. Мы уедем и забудем прошлое... Оба... И пусть они делают что хотят, нам нет до них дела!

Через два месяца она освободится и от регентства, и от долга перед Фердинандом... Пусть с ребенком Оллара носятся няньки и кормилицы, Катари вернется в родные сады и встретит счастье, в которое перестала верить...

– Нам? Ты сказал: «нам»?

– Мне. Мне нет дело ни до чего, кроме тебя... Кроме любви.

– Я боюсь любви, – прошептала она, – именно любви... Ненависть, жадность, зависть, они могут убить. Это не страшно, но любовь, она ранит... И с этой раной нужно жить. Годы... Ты говорил про Савиньяков или я опять все перепутала?

– Да. – Он не станет говорить о любви, пока она не позволит, он будет просто служить своей королеве. – Настоящий граф не Лионель, а Эмиль. Ты можешь исправить эту гнусность.

– Эмиль – граф Лэкдеми и наследник Савиньяка, – взгляд королевы стал еще беспомощней, – я не понимаю...

– Арлетта Рафиано обманом лишила Эмиля титула в пользу Лионеля, – торопливо объяснил Дик, – ведь он – Рафиано. По родимому пятну и по душе, но это неправильно. Ты должна это помнить – твоей матери дела Арлетты стоили жизни.

– Мама умерла от сердечной болезни, – тонкая рука растерянно прикоснулась ко лбу, – это у нас в роду... Отцы, мужья, сыновья воюют, жены, матери, сестры ждут. Ожидание беды надежней яда. Намного...

– Ты не знала, что Арлетта Рафиано вышла замуж из-за титула и не любила мужа?

– Нет. Тебе это рассказали в Лаик? Ты ведь был там вместе с Арно-младшим...

– Я... Твоя матушка вела дневник.

– Вела. – Катари с ужасом посмотрела на все еще лежащее у нее на коленях письмо. – Я ведь тоже писала... В юности. Сонеты о святом Алане, о Женевьев... Чудо, что никто их не понял.

– Ты вернешь Эмилю титул?

– Он просил тебя поговорить со мной? Создатель, какая же я глупая, вы же не виделись больше года! Эмилю проще поговорить с Алвой.

– Эмиль мне ничего не писал и не говорил... Я... Я считаю, что графиня Савиньяк поступила подло.

– Ты ведь даже не знаешь, правда это или ложь... Про меня слишком много лгали, чтобы я поверила сплетне о другой женщине.

– Эр Август говорит только то, что знает.

– Так это сказал Штанцлер? – переспросила Катари и вздохнула. – Что ж, у него есть повод не любить Арлетту Савиньяк, но она не так плоха, как ему кажется... Как плоха в глазах отвергнутого мужчины отвергшая его женщина. Он где-то услышал и поверил. Так ему легче.

– Почему? – Неужели эр Август был влюблен в Арлетту Савиньяк? Эр Август?!

Катарина скомкала письмо.

– Мама много рассказывала о своей юности, но лучше спроси эра Августа, почему он не женился. И почему... он так восхищается Борном. Его ответ не будет сплетней. В отличие от дневника, который мог открыть любой и в котором я рисовала жеребят и маки. Маки Эпинэ... Ты их еще увидишь, а заступаться за Эмиля не надо. Есть два брата-маршала. Идет война. Она рассудит, кто из них достойней. Она и конец Круга...

Катарина поднялась со звоном часов на башне. Пять часов пополудни. Конец аудиенции. Нет, не конец! Он еще поцелует ей руку.

Глава 10

Дорак

400 год К.С. 16-й день Весенних Ветров

1

Почему в вишневом Дораке половина трактирщиков малевала на вывесках всевозможных овец, ягнят и баранов, Марсель не понимал никогда. Это казалось глупым даже глубокой осенью, а уж когда цвели сады... Дорогу заметало теплой нежной метелью, по обе стороны громоздились живые бело-розовые облака, в которых самозабвенно пело, чирикало и щебетало. Сам Марсель тоже чувствовал себя полным Котиком. Хотелось безудержно крутить несуществующим хвостом, носиться кругами среди доцветающих вишен, от избытка чувства бросаясь на грудь всем хорошим людям с твердым намерением немедленно облизать.

Наследник Валмонов был не одинок. Жизни радовались все, от ярких, как свежие желтки, одуванчиков до последней водовозной клячи. Неистовость ворвавшейся наконец в Талиг весны обостряла чувства до предела. В ущерб мыслям. Думать не хотелось совершенно, особенно о неприятном. Зачем делать то, что за тебя сделает тот же Ворон?

Герцога весна, похоже, не занимала, хотя ему и нравилось подставлять солнцу лицо. Ночные посиделки в развалинах явно пошли маршалу на пользу, а Марселя, по крайней мере, не навредили.

Виконт благополучно проспал все интересное, если оно, разумеется, было, и проснулся от зверского холода, когда лежащее на колоннах небо из черного стало темно-синим. Обошлось даже без насморка – руины и впрямь обладали целебной силой. Алва, тот вообще

вышел из них самостоятельно и впредь в посторонней помощи не нуждался. Он то ехал в середине разросшегося за счет перехваченного разъезда отряда, то, передыхая, забирался в раздобытую адуанами повозку – правда, все реже. Разговаривал герцог мало, предпочитая усиленно размышлять. Ему не мешали. Адуаны – из благоговения, а Марсель не собирался портить себе настроение, по крайней мере до «Барана», где поджидали новости, немалый запас «Крови» и вытребованные еще зимой гитара и лютня. Ну а девицы в Дораке имелись свои, прехорошенькие и цветущие не хуже вишен.

Пребывавший в самом благодушном из своих расположений духа виконт трусил рядом с Шеманталем, сочиняя в уме очередное послание в Фельп. Там, видимо, набирали цвет розы, но напоминать Франческе о данном обстоятельстве было бы слишком банально. Сады расступились, галантно пропуская веселую речку, за которой потянулись луга, но рукава виконта и гриву его коня еще долго украшали белые лепестки. «Теплым снегом минувшего счастья». Пришедшая в голову строчка потянула другую. Стихосложение завладело мыслями, но не настолько, чтобы не услышать стук копыт. Кто-то, пока невидимый, гнал навстречу коня. Галопом. Конечно, он мог делать это от избытка весенних чувств... Рука виконта сама метнулась к ольстрам, губы, тоже сами, успели прошептать *«конь тревоги летит среди цветущих деревьев»*. На белую от солнца дорогу легли настороженные тени. Адуаны изготовились к встрече не хуже Марселя.

Из скрывавших поворот высоких кустов вынырнул всадник. Увидев кавалькаду, он резко осадил лошадь, поднес руку к глазам и двинулся вперед уже рысью.

– Базиль, – удовлетворенно произнес Шеманталь. Валме в порядке исключения промолчал. Там, откуда возвращался Базиль, все должно быть в порядке. Все? С убитого Фердинанда разговора минуло двадцать три дня. Если на шестнадцатый день в Валмоне что-то провалилось, самое время узнать...

Марсель поправил шляпу, под копыта упала пара вишенных снежинок. Базиль был уже близко. Он искал кого-то глазами. Не Марселя и не Шеманталя, значит, маршала. Похоже, это всего-навсего война, мориски разнесли еще что-нибудь... Да хоть всю Гайифу с Агарией в придачу!

– Где он? – с ходу выпалил Базиль. – Так что тут... там такое!.. Как бы завертать не пришлось!

– Ну и завернем, – успокоил Марсель, – а куда? В Паону?

– Назад... Так что не знаю, как докласть... Конец Таракану! Навернулся с коня. С монсеньорова... Прокатиться, вишь, решил, зараза! И кошки б с ним, только коня подстрелили... Насмерть. Не знаю я, как про такое докладывать. Ну почему «хорошо» без «плохо» в кусты и то не бегают?!

– Таков закон мироздания, – пробормотал язык Марселя. – Докладывай мне. Я сам расскажу. Должность у меня такая...

2

– Вы решили спасти мою душу? – кривовато усмехнулся Эпинэ. – Неблагодарное занятие, да и поздно уже.

– Если верить Эсператии, опоздать со спасением нельзя, – строго заметил Левий. – Мой друг Оноре придерживался того же мнения, но я был скорее согласен с его святейшеством. Разумеется, я об Адриане. Спасать душу нужно до некоего предела, потом следует спасать мир от не спасенных по тем или иным причинам душ. Если надо, применяя не одобряемые святыми методы и беря грех уже на собственную душу. И грех этот – уже не твое дело, но Создателя. Придет время – ответишь перед ним, а пока не пришло, оставь себя в покое. Я вас удивил?

– Вы мне напомнили маршала Алву. Он изъясняется похоже.

– И угоден Создателю. Так, по крайней мере, утверждал Оноре. Давайте оставим Ворона, где бы он ни летал, и займемся вами. Учтите, я не собираюсь вам проповедовать, я

собираюсь вас напоить. И объяснить кое-что, чего вы не замечали по причине чистоты душевной. Нам следует поговорить о делах текущих, но сперва вам надо прийти в себя, а вы в себя не придете, пока не поймете, что невиновны. Не перед Талигом – тут вы четырежды искупите все, что натворили, – перед Альдо Раканом.

И – чтобы между нами была ясность. Я спасаю не вашу душу, а бrenную плоть и презренную материю. То есть Олларию и тех, кто в ней оказался, в том числе и себя. Для этого среди всего прочего нужен герцог Эпинэ, причем спокойный, а не стenaющий призрак. Сказать, о чем вы думаете, когда не гоняете гарнизон и не возитесь с бумагами?

– Скажите.

– А вы пейте! Это, если вы помните, ореховая настойка. Принцесса Матильда ее одобрила, а у нее отменный вкус во всем, кроме замужества. Пейте!

Робер выпил. Слушать поучения не хотелось, но напиться подальше от глаз Жильбера было нелишним. Пьяному не зазорно признаться в том, что на трезвую голову не скажешь. Особенно кардиналу, каким бы светским он ни казался.

– Ваше высокопреосвященство, ваше здоровье. – Глупо звучит. Наверное, потому что с князьями церкви не пьют.

– От здоровья не откажусь. – Левий приподнял чашечку с шадди, в которую минутой раньше добавил той же настойки. – И так, вы считаете себя предателем. Вы предали сюзерена, хотя его убили не вы и ваши люди, а лошадь. По его же собственной глупости, к слову сказать, но это дело шестнадцатое. Главное, Альдо Ракан мертв, а мертвые имеют обыкновение становиться в наших глазах ангелами. Неважно, что покойный лгал, убивал, нарушал клятвы, жертвовал всем и всеми ради не лучшей из целей, это не оправдывает вас. Вы предавали не убийцу, не узурпатора, не клятвопреступника, а друга, и неважно, кем он был. Важно, кем стали вы. Вот стенка, в которую вы колотитесь лбом вторую неделю и намерены колотиться всю жизнь. Я прав?

Робер кивнул и выпил. Кардинал читал в сердце, как сам Леворукий. Добавлять было нечего, убавлять – тем более. Булькнуло. В опустевшую стопку полилась настойка. Она пахла горечью. Она была горькой... Альдо вряд ли бы стал такое пить, разве что не нашлось бы ничего другого.

– Вы его не знали, – тихо сказал его высокопреосвященству Робер. – Я об Альдо. Он был, наверное, не очень умен, но любил нас как умел. Матильду, меня, Борнов... Не слушал, не слышал, но любил. И еще он верил в себя, в свое предназначение, не будь этого, ничего бы не случилось... Ничего непоправимого... Альдо начал меняться, когда их с Матильдой попытались убить. Погибла собака, а Альдо... Он понял, что другой дороги у него нет. Только вернуть корону предков или погибнуть.

– Это он вам сказал или Матильда?

– Он. Он мне верил до последнего дня. Верил! Это вы можете понять?!

Альдо шел по душам и телам, не замечая того. Он был свято убежден, что ведет друзей и подданных к величайшей победе. Анакс не желал никому зла и ломал судьбу за судьбой. Не прошло и года, как его оставили почти все, только он этого не заметил.

– Понять я могу многое. – Кардинал допил шадди и взял такую же стопку, что была у Робера. На серебре красовался лев со столь короткой гривой, что мог сойти за леопарда. – Но сейчас понимать придется не мне, а вам. Вы думаете, что оставили в Агарисе одного человека, а вернулись к другому. Это не так. Правитель, решивший въехать в бывшую вотчину верхом на голоде, не отличается от правителя, перебившего тех, кто открыл ему ворота, чтобы им не платить.

– Мы виноваты оба. – Врать не хотелось, вот не хотелось, и все тут! – Я знал про Варасту не хуже Альдо...

– Ничего-то вы не знали, – скривился Левий, – иначе бы не вернулись. Вернее, не поехали бы. Вы помните некоего Хогберда?

Хогберд... Тот же Кавендиш, только умный. Он не полез в Ренкваху, а сбрил бороду и удрал. Хогберд не вернулся в Талиг, как Каглион с Сарассаном, а остался в Агарисе. Такие

переживают всех, обрастая золотом, как салом.

– Так помните или нет?

– Альдо его терпеть не мог, – громче, чем следовало, сказал Эпинэ. – Матильда, та Хогберда принимала. Кажется, он помогал ей сбывать драгоценности. У него были знакомые скупщики и ростовщики.

– У него были знакомые в гайифском посольстве, – уточнил Левий, – у его вяттейшества, разумеется, тоже. Началось с малого – юный Альдо явился к гайифскому послу и объявил, что свергнет Оллара, но ему нужны деньги и армия. Гайифцы посоветовали заручиться поддержкой внутри Талига. Принц попробовал.

– Я помню, – кивнул Робер. – Этим занимался Хогберд. Мы, кто уцелел, писали домой, не могли же мы не писать...

– К вашим письмам прилагались письма принца. Или принцессы. Альдо Ракан не любил давать обязательств и при этом был довольно-таки находчив. Подделывать собственную печать и подпись – что может быть проще? Расписки-подделки позволяли играть с гайифцами, не попадая при этом в зависимость. Так, по крайней мере, казалось Альдо. Он и в самом деле не любил Хогберда. Если б имперцам пришлось в голову требовать долг, принц от всего бы отказался, обвинив барона в подлоге. Тем паче письма принцессы Хогберд и в самом деле подделывал. С благословения внука – Матильда ни о чем не догадывалась.

Интригу прекратил его высокопреосвященство. Он желал примирения двух церквей и к тому же... покровительствовал Матильде Алати. Адриан отобрал у гайифцев расписки принца. Досталось и Паоне, и самому Альдо, но принцесса, к сожалению, ничего не узнала. Внушения хватило на три года, потом Адриан заболел. Когда стало ясно, что Эсператор не встанет, заговорщики взялись за старое.

Кардинал замолчал. Робер тоже молчал, пережевывая услышанное. Так могло быть. Так наверняка и было, но гайифцы могли интриговать до посинения. Дело решили гоганы, и это они нашли Первородного, а не Первородный их.

– Вы не так удивлены, как я опасался. – Кардинал привычно тронул своего голубя. – Вы знаете что-то, чего не знаю я, но это уже не столь важно. Меня беспокоите вы, а не интриги Ракана. К счастью для всех, покойного.

– Что сделал Адриан с расписками Альдо? – ушел в сторону Робер. – Сжег или... передал вам?

– Ни то, ни другое. – Левий зачем-то провел рукой над своим коленом. – К сожалению. Вы ведь знаете, что такое Орден Истины?

– Да. – Вдаваться в подробности Иноходец не стал.

Станный звук... Да нет, ничего странного... Просто у кардинала на коленях устроилась кошка. И урчит.

– Интерес Адриана к наследнику Раканов разбудил интерес магнуса Клемента. – Улыбка кардинала была отнюдь не голубиной. – Интерес магнуса Клемента втянул в игру меня. Я обещал Адриану позаботиться о ее высочестве, но о делах Альдо его святейшество умолчал. Видимо, решил, что дело прошлое. В результате я ограничился тем, что поселил возле дома принцессы надежного врача.

– Это он узнал «сонный камень»?

– Да. Адгемар выбрал удачный яд.

– Адгемар? Какой Адгемар?.. Кагетский?!

– Разумеется. У казара не осталось другого выхода. Отказать Гайифе он не мог, ссориться с Талигом не хотел. Что ему было делать? Устранить повод, благо выборы нового Эсператора требовали его личного присутствия.

Адгемар был достойным внимания господином. Когда он прибыл в Агарис, за ним и его людьми наблюдали многие. Один из доверенных слуг казара, гуляя по городу, забрел в лавку кондитера. Того самого, что испек злополучный пирог. Это выглядело случайностью – любой человек вправе захотеть сладкого...

Адгемар на вершине призрачной башни. Адгемар на террасе среди оранжевых роз.

Среди военачальников на Дарамском поле... С развороченной пулей Ворона головой... Предатель. Хитрец. Умница. Казар не желал, чтобы кто-то копался в древних тайнах, но хотел получить деньги, а может, золото на этот раз ничего не решало. Адгемар попытался остановить Шар Судеб и не смог, как не смог Енниоль, а до него Адриан... Нет, главное не это, главное – Альдо. И яд. Когда умер Удо, казар давно был в Закате. Не Бурраз же отравил тюрегвизе...

– Граф Борн умер от сонного камня. Здесь, в Олларии...

– Альдо Ракан был неопытен, но очень талантлив, – чуть ли не с восхищением сказал Левий. – Он спросил у врача, где можно найти этот яд. Врач не ответил, но принц не привык сдаваться. Этот яд особо ценили адепты Истины. Вы встречались с ними дважды, но ваш сюзерен успел навестить торквинианцев не менее одиннадцати раз. Что вы знали об этом?

– Ничего. Когда это началось?

– Не знаю. Принц Ракан как таковой начал меня занимать после инцидента с собакой, но встреча, о которой донес мой человек, не походила на первую.

– Гайифа не платила Адгемару. – У Левия кошка, у тебя – Клемент, уж не предзнаменование ли это? – Ему заплатили гоганы. Они хотели получить то, что называли первородством, и Гальтару и за это обещали престол. Альдо принял их условия. С «истинниками» он тоже договорился. Эти требовали Ноху и все то же доэсператистское старье. Зато Адгемар не советовал трогать то, что спит...

– Все это прекрасно, – почти равнодушно заключил кардинал. – То есть, разумеется, это кощунственно и многомерзко, но мы отвлеклись. Робер, неужели вы продолжаете считать другом человека, фигурально говоря, торговавшего за вашей спиной вашей же душой? И неужели вас удивляет, что ваша душа сочла сделку незаконной и взбунтовалась? Можно оплакивать бешеную собаку. Убить, но оплакивать, потому что собака не повинна в том, что ее укусила другая бешеная собака. Вас, продолжай вы идти за Альдо Раканом, следовало бы убить, но вы были бы достойны слез. Альдо Ракан не достоин ничьей скорби, хотя его, к несчастью, оплачут.

– Если б я мог... – Ореховая настойка начинала брать свое – кабинет его высокопреосвященства заволакивался дымкой и по-кошачьи урчал. Нет, это урчала кошка, непонятно как оказавшаяся у лица Робера. – Если б я мог отвезти вас к Матильде. Чтобы вы были рядом, когда она узнает...

– Это невозможно, – отрезала кошка и посмотрела голубыми человеческими глазами. – Вы не можете оставить Олларию. И я не могу. Долг перед множеством горожан и солдат не важнее совести только потому, что он и есть – совесть. По крайней мере для вас... Поймите же это наконец! Для этого вы, слава Создателю, достаточно пьяны.

3

Алва полулежал у ручья, опустив правую руку в воду. Напротив сидела лягушка и не боялась. Она герцога просто не видела. Эти твари видят только то, что движется. Откуда Марсель это взял, он забыл, но Ворон был неподвижен и смотрел на мир сквозь лягушку. Сквозь Марселя он смотреть не мог при всем желании, так как офицер для особых поручений торчал за маршальской спиной, где его и укусил кто-то вроде слепня. Кровопийце чужая неподвижность не помешала, напротив. Молчать и сочувствовать чужим утратам, когда чешется, Марсель так и не выучился. Он выругался. Вышло сразу жалобно и убедительно. Валме напомнил себе принцессу Елену, когда бедняжка ждала «черного гостя». Стало смешно, но зуд никуда не исчез.

– В чем дело? – Стрелять Ворон не собирался, как и оглядываться.

– Слепень, – честно признался Валме. – Пока один, но сейчас слетятся.

– Копытка. – Кэналлиец кивком указал на веселенькие листочки у ручья. – Натритесь. Должно помочь...

– Но не от голода. Господин Первый маршал Талига, вам не кажется, что пора

завтракать?

– Мне кажется, что пора ужинать. Вам. – Алва небрежно плеснул водой в лягушку. Та плюхнулась в воду. Полетели брызги.

– Я готов! – отпрапортовал Валме.

– Ну так отправляйтесь, – разрешил Алва.

– Прислать вам Шемантая-младшего?

Маршал снова плеснул водой, на сей раз в подвернувшуюся стрекозу. И снова попал. Над ухом отвратительно загудело – слепень не заставил себя долго ждать. Валме вздохнул и полез за копыткой, чавкая по скрывавшейся под травкой грязи и безжалостно топча незабудки и что-то желтое и не столь романтическое. Солнце клонилось к закату, в животе урчало, на краю луга маялись адуаны, а Ворон сидел у ручья, как какой-то найер. Смерти короля, за которого он собирался на плаху, маршал почти не заметил. Смерть коня превратила его в камень. Вот и понимай этих великих...

Копытка пахла резко, но приятно. Похоже благоухали рафианские специи, которыми в Валмоне натирали мясо. Отринув низменные мысли, Валме размял в пальцах несколько листков, провел влажной ладонью по шее и за ушами и решительно направился к Ворону.

– Как хотите, – объявил он, – но оплакивать животное дольше, чем монарха и кардинала вместе взятых, – государственное преступление. Тем более без касеры.

– Сейчас государственное преступление оплакивать кого бы то ни было. – Ворон пошевелил воду. В Урготелле он шевелил угли. – Пить и плакать будем позже. Когда все кончится.

– Вы забыли сказать: если доживем, – уточнил Марсель.

– Если не доживем, пить и плакать будут другие. Моро должен был погибнуть и погибнуть именно так. Леворукий берет свое, когда хочет, а не когда ему швыряют долг в лицо. Вам не надоело за мной таскаться?

– Ваше общество придает жизни остроту и смысл, к тому же дело не в вас. Мне не нравится, что в Олларии не осталось цветочниц и что туда напоззли философы. Я хочу вернуть все как было.

– Боюсь, еще одного Килеана-ур-Ломбаха вам не найти.

– И не надо! Когда я говорю «как было», я имею в виду после дуэли в Нохе, а никак не до. Уродам в столице делать нечего, разве что на кладбище.

– Тут вы ошибаетесь, – Ворон провел мокрой рукой по волосам, – когда уродцы, которым не стать в столице ни первыми, ни четвертыми, прекращают грызться за право ходить в первой сотне и принимаются искать первенства в захолустье, державе конец. Не из-за падальщиков, конечно. Те всего-навсего чуют, что гигант свое отжил, и спешат отгрызть свой кусок... От трупа. Если верить ызаргам, Талиг еще жив. Я хочу проехаться вдоль реки. Составите мне компанию?

Вместо ответа Марсель пошел за лошадьми. Горбоносый гнедой, которому сегодня выпало везти Алву, косил глазом и прижимал уши. Коня не обманешь, как бы всадник ни каменел. Собаку тоже.

Алва взлетел в седло с прежней легкостью, словно они вновь гнали коней в осажденный Фельп. Навстречу птице-рыбо-дуре, крови и радости. Горбоносый принял с места уверенным галопом, но у кромки садов Алва перевел его на рысь. Валме последовал примеру маршала. Пару минут они молча ехали по занесенной лепестками молодой траве, потом герцог вполголоса запел. Честно ползимы воевавший с кэналлийским Марсель уловил слово «синь» и что-то то ли про быков, то ли про башни. Зато припев был понятен полностью.

– «Расскажи мне о море, моряк, – просил кто-то, прикованный к невозможности, – ответь, правда ли то, что говорят о нем. Расскажи мне о море, моряк, ведь из моего окна моря не увидеть...»

Песня не была ни страшной, ни скорбной, но на глаза самым бесстыдным образом наворачивались слезы. Это было хуже скрипок маэстро Гроссфихтенбаума и того, что на

прощание пел в Урготелле сам Алва.

– Рокэ, – не выдержал Валме, – ну почему вы все время врете? Вы же все о нем знаете!

– О ком? – На сей раз маршал оглянулся. В сощуренных глазах было не меньше синевы, чем в песне, и не меньше соли, чем в море. Это чтобы не сказать – смерти.

– О море, – объяснил Марсель. – Или вы хотите сказать, что из окон Алвасете его не видно?

– Это другое море. – Алва закинул голову, провожая глазами плывущую в синеве крупную птицу. – Коршун... Насколько я мог понять, Валме, вы до отвращения несуетливы.

– Это семейное. А что?

– Просто я наконец понял смысл одного знамения... Раньше оно мне льстило, но главным в нем был не ворон и даже не Леворукий, а ызарги. Я не принял их в расчет... Зря.

Часть 5 «Император»⁹

В серьезных делах следует заботиться не столько о том, чтобы создавать благоприятные возможности, сколько о том, чтобы их не упускать.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1 Фельсенбург Окрестности Мариенбурга Ставка фок Варзов 400 год К.С. 20-й день Весенних Ветров

1

«Жизнь коротка», – пугал составитель трактата «О медицине», – ремесло же врача требует от избирающего его не только всего отпущенного Создателем срока, но и души». Размеры фолианта подтверждали нешуточность угрозы, но отступать Руппи не собирался. Душа наследника Фельсенбургов уже была отдана морю и адмиралу, но хороший морской офицер обязан уметь не только прокладывать курс, управляться с парусами и стрелять из пушек, но и разбираться в ранах. Ледяной не попал бы в плен, знай его адъютант, как остановить кровь. Их спасла встреча с вражеской галерой, но больше подобных удач Руперт не желал. Может Джильди, может Бешеный, сможет и он. Удача моряка в его голове и в его руках.

Лейтенант набросился бы на медицину уже в Придде – помешали уроки иного рода и тренировки с Арно Сэ. Жаль, что назвать свое знакомство дружбой они не имели права. Оба.

⁹ Высший аркан Таро «Император» (L'Empereur) олицетворяет людей зрелых, правильно выбравших путь, может указывать на человека рационального, энергичного, обладающего большой силой воли. Для мужчины это счастливая карта. Для женщины – признак сильного мужского влияния. Карта означает, что вы находитесь в поисках мудрости, рассудок преобладает над страстями; попытайтесь получить поддержку от более сильного. В раскладе символизирует власть духа, порядка и разума, осуществление идей бытия, основанное на усиленной работе разума. Это утверждение, отрицание, обсуждение, решение, авторитет, власть, защита, достижение цели, успех, иногда отеческие чувства. Также может предвещать достижение поставленных целей за счет концентрации сил и контролируемой агрессии. ПНК: Отрицание авторитетов, анархизм, неумение обуздать свои недостатки и пороки, невыполнение своих обязанностей, зависимость от сильных людей, признак слабости, неуверенности. Нет энергии на то, чтобы решать проблемы, ставить цели.

Потомки варитов и союзники агмов всегда останутся врагами, хотя самый опасный враг караулит отнюдь не у чужих орудий. В этом они тоже сошлись. Бермессер с Хохвенде в глазах талигойцев не перестанут быть подлецами, пусть их подлость четырежды на руку Талигу. Отца Арно застрелил тоже подлец, и неважно, что смерть маршала Савиньяка пошла на пользу Дриксен. Убийца и предатель, останься он жив, может рассчитывать на золото, но не на протянутую руку. Именно это Руппи и сказал на прощание виконту.

Сейчас Арно ждал боя, а может, уже дрался. Бруно хотел двинуть армию сразу же после ледохода, а весна в этом году нагрянула рано. Бросила в карету букетик подснежников, рассмеялась, и началось... Синие сумерки, полуденное золото, сумасшедшие летящие сны, после которых хочется смеяться и петь, а не сидеть в библиотеке, но Руппи сидел. Одолевая страницу за страницей, записывая, зарисовывая, повторяя вызубренное накануне. Он работал, а вокруг резвились солнечные зайчики. Лейтенант морщился, отворачивался, пересаживался, но светящиеся весенние пальчики тянулись за ним, норовя выманить к звенящим ручьям и набухающим почкам.

– *«Хирург должен быть молод и силен . – Когда не получалось сосредоточиться, Руппи принимался читать урок вслух. – Подобно искусному бойцу, он должен в равной степени владеть обеими руками и обладать той мерой жестокости, что позволяет делать необходимое, не поддаваясь опаснейшему врагу, имя коему жалость...»*

– Руппи! – В неожиданно раздавшемся нежном голосе звучал упрек. – Что за ужасные слова?

– Мама? – Лейтенант торопливо захлопнул книгу. – Это трактат по медицине... Захотелось посмотреть.

– Тебе стало хуже? – бросилась к сыну герцогиня. – Ты такой бледный...

– Ничего подобного! – запротестовал Руперт. – Я собрался написать бабушке, а она любит точность. Я решил посмотреть, как называется то, что со мной было.

– Позови мэтра Лукиана, – подсказала мама, – он продиктует, а эту книгу лучше отдать. Ее сочинил недобрый человек. Назвать жалость врагом?! Это... безбожно.

– Это иносказание, – вступился за фолиант Руппи. – Врач должен лечить, даже если это причиняет боль. Не прикажи адмирал цур зее проделать во мне еще одну дырку, меня бы уже не было.

– Не говори так, – попросила герцогиня. – Пожалуйста, никогда такого не говори.

– Не буду. – Руппи виновато прижал к губам прохладную руку и замолчал. Он слишком долго не был дома и отвык от матери, от того, что она вечно ждет худшего. «Рожденная в орлином гнезде горлинка»... Так называли единственную дочь Элизы Штарквинд. Нежную, кроткую, невероятно красивую. В детстве Руперт любил повторять за отцом, что нет волшебницы прекрасней Лотты; став взрослым, он в этом убедился. По крайней мере, никого красивее матери он не видел ни в Дриксен, ни в Талиге.

– Милый, – прошептала герцогиня, не отнимая руку, – забудем про твою книгу. Нам надо поговорить. Очень серьезно. Я сяду?

– Конечно. – Руппи поспешно отодвинул злополучный трактат. Это придется пережить. Мама будет просить об отставке или хотя бы об отпуске по болезни, он скажет «нет» и будет повторять это «нет», пока не придет письмо от Олафа или от бабушки. Слуги и сестры станут смотреть на него как на чудовище и убийцу, а мама – улыбаться и мертвым голосом говорить о фиалках и приданом Агаты и Деборы.

– Руппи, я даже не знаю... Не знаю, как тебе сказать. Ты будешь сердиться.

– На тебя? – возмутился сын. – Никогда.

– Я очень виновата перед тобой, но ведь ты меня простишь? Пожалуйста, пойми меня. Я не могла поступить иначе...

– Мама, я никогда не стану на тебя сердиться. Ты просто не можешь быть виновата. Что случилось?

– Ты говоришь, что здоров, но я же вижу! Тебе нельзя на корабли, спроси мэтра Лукиана... С легкими не шутят.

– Мэтр Лукиан не хирург, – начал Руппи, но вспомнил, что у него есть более веский довод. – Не волнуйся. В море в этом году я вряд ли выйду. И никто не выйдет, у нас просто не осталось кораблей. – Северный флот уцелел, да и Западный не весь пошел на Хексберг, но правда маму не убедит...

– Так у вас нет кораблей?

Она не сказала «какое счастье», только глаза засветились, словно вобрав в себя весну. Неудивительно, что в них тонула половина кесарии. Руппи заставил себя предать «Ноордкроне» и улыбнулся.

– Нет. Альмейда, шторм и паркетные мерзавцы списали нас на сушу.

– Какие мерзавцы?

– Фридрих с его швалью. – Ненависть вырвалась наружу пушечным ядром. – Их еще и не так...

– Руппи!

– Ты хотела знать, кто у нас мерзавец, я ответил. Могу объяснить почему.

– Не надо. – Теперь в ее глазах плакал дождь. – Я... Кузен – отважный человек.

– Тогда почему он так любит трусов?

– Не знаю... Я ничего не знаю и не хочу знать. Война и политика – это ужас. Бессмысленный и безбожный, но все от них без ума. Даже мама... Они и тебя заставили воевать.

– Меня никто не заставлял, мама. И вообще мы говорили о другом.

– Верно... Руппи, я сожгла твои письма. Я не могла тебя отпустить в таком состоянии, а ты бы помчался. Я тебя знаю, ты бы помчался...

– Куда? – Создатель, чьи письма она сожгла?! Отца, дяди, бабушки, Олафа?! – Куда я должен был мчаться?

– К своему Кальдмееру... Я думала, он тебя вызывает, я же не знала. Я забрала письма у Генриха и сожгла.

Генрих отдал бы ей сердце, не только чужое письмо. Да разве один Генрих? На седьмой год после свадьбы отец оставил армию, на девятый – отказался от псовой охоты, хотя мама никогда его об этом не просила. Она всего лишь умоляла об осторожности и не сходила с Надвратной башни – ждала... Теперь герцог Фельсенбург – второй канцлер, а мама боится уже Эйнрехта.

– Ты прочла их? – Олаф ждет помощи, а Руперт фок Фельсенбург читает трактаты и ждет писем. Сгоревших...

– Нет... Как бы я могла? Это ваши дела, я только хотела, чтобы ты был дома... Пока не поправишься.

Отец шутил, что Лотта готова заточить всех, кого любит, в Фельсенбурге, заполнить погреба и взорвать мосты. Чтобы все остались с ней. Навсегда и в безопасности. Если б не бабушка, Фельсенбурги и впрямь заперлись бы в своих горах среди вековых елей и бесчисленных родников. Руппи, во всяком случае, моря бы не увидел.

– Я знала, что ты рассердишься.

Он не сердится, просто нужно скакать в Эйнрехт. Немедленно. Теперь другого выхода нет.

– Мама, ну почему ты решила, что мы уйдем в море? Я же говорил, что Олаф... Адмирал цур зее поехал докладывать кесарю. У него нет свидетелей, кроме меня, а ты... Ты представляешь, что он обо мне думает?! Все... Прости. Мне нужно собраться.

– Ты не можешь уехать.

– Я не могу не ехать, ты не оставила мне выбора. Если ничего важного, я переговорю с адмиралом Кальдмеером и бабушкой и вернусь. Когда пришли письма?

– Первое четырнадцатого, второе через три дня. Вечером... Не смотри так, пожалуйста. Сегодня двадцатое. Олаф ждет ответа третий день!

– Кто их привез? Что им ответили?

– Не знаю. С гонцами говорил Генрих. Ты не знаешь самого главного: у нас будут

гости. Уже сегодня.

– Кто? – Через час его здесь не будет. Шесть дней! Закатные твари, шесть дней! В этом замке нельзя верить никому... Они из любви натворят больше бед, чем Бермессер из страха.

– Я потому и сказала. – Губы герцогини дрожали, но жалость и стыд придут потом, когда он увидит Олафа и объяснит. – Я подумала, вдруг это связано, письма и... Она ведь никогда у нас не бывала, а теперь хочет тебя видеть. Именно тебя.

– Кто?

– Гудрун.

– Гром и молния!

Только этой... девы тут и не хватало, но мама права. Гудрун едет не просто так. Принцесса всегда смотрела в рот Фридриху. Правда, его нет в Эйрехте, зато остальные...

– Гудрун везет письмо Готфрида и его указ, – обреченно сказала герцогиня. – Кесарь выражает тебе свою благодарность.

– Пусть выражает, – махнул рукой Руппи, – я тоже что-нибудь кому-нибудь выражу.

2

– Ты обеспокоен. В твоём положении это объяснимо, но это мешает исполнению твоих непосредственных обязанностей. – Ойген не осуждал и не спорил, просто расставлял все по местам. – Тебя излишне волнуют замыслы Бруно, но когда человек становится стар, он хорошо делает только то, что делал всю жизнь. Лучше многих молодых, но идет при этом по кругу, как лошадь на мельнице. Маршал фок Варзов это очень хорошо понимает и опасается того, что на самом деле неприятно. Нет, Герман, волноваться о неожиданностях со стороны фельдмаршала Бруно не нужно, в ближайшую неделю-полторы он подойдет к Хербсте, и все станет гораздо проще. У нас есть более осязаемые причины для волнения.

– Излом, – невесело пошутил Жермон, – и убийство Джастина Придда.

– Второе само по себе не так важно, как первое. – Шутки Райнштайнер, разумеется, не заметил. – К сожалению, во время бури любая недобросовестность или ошибка может оказаться роковой. О заведомо причиненном вреде я считаю лишним даже упоминать. То, что мы вынуждены начинать войну в меньшинстве и без герцога Алва, является следствием многих обстоятельств. Свое место среди них занимает и убийство графа Васспарда. Все вместе при желании можно назвать судьбой и перестать думать, а можно расплести судьбу на отдельные нити и дать объяснение каждой.

– Легче тебе от этого будет? – Дурное настроение упорно требовало выхода, хотя Ойген за регента не отвечал. И за опасения самого Жермона тоже. Бруно и в самом деле упряжку менять поздно. Как и фок Варзов... Закатные твари, ну зачем только Рудольф завел тот разговор?!

– Ты не в порядке, – сделал открытие бергер, – и я хотел бы знать почему.

– Не знаю!

– Это не ответ. Здоровый человек без причины не находится в дурном настроении. Это противоестественно. Ты либо не хочешь говорить, тогда я готов уважать твои чувства, либо не хочешь думать о том, что тебя тревожит. В последнем случае ты не прав... Постой, эти молодые люди требуют внимания...

Молодые люди, то есть Арно и пара молодых Катершванцев, оживленно беседовали. Генералов они не замечали, как сам Жермон пару минут назад не замечал тех, мимо кого шел. Зато Райнштайнер не только видел за двоих, но и слышал.

– Теньент Сэ, – спросил свою жертву барон, – вы упомянули полковника Придда. Что это значит?

– Господин генерал, – не растерялся Арно, – мы с товарищами вспоминали однокорытников по Лаик. Мы не виделись около двух лет...

– Ойген, – счел нужным вмешаться Жермон, – они не будут драться.

– Не сомневаюсь. Теньент, надеюсь, вы сообщили своим друзьям, что дуэль во время

кампании указом регента приравнена к дезертирству?

– Именно об этом мы и говорили. Как вы только что слышали, лично для меня господина Придда не существует.

Оказывается, это равнодушие вопиет на всех углах. Впрочем, дуэли не будет, а после войны обормоты как-нибудь разберутся. Если уцелеют.

– Господа Катершванц, оставьте нас, – велел Райнштайнер, и Жермону стало тоскливо и неприятно, как в юности.

Генерал не любил присутствовать при раздаче подзатыльников, даже самых справедливых, да и привести Арно в чувство при помощи нотаций представлялось маловероятным.

– Теньент, – скучным голосом начал бергер, – вы желаете выглядеть в глазах друзей неприятным, неумным и слабым?

Арно вскинул голову. Кулаки мальчишки сжались, и генералу показалось, что время-таки бросилось вспять и это он, Жермон Тизо, лихорадочно ищет ответ.

– Теньент, – голубой лед отразил бешеный взгляд Арно так же, как шпага барона отражала атаки Вальдеса, – я жду ответа.

– Нет, господин генерал!

– В таком случае не начинайте разговор с обретенными после долгой разлуки друзьями с жалоб, а то, что я слышал, было именно жалобой, даже если вы не отдаете себе в этом отчета. Господин Ариго, сколько раз полковник Придд упоминал теньента Сэ? Я имею в виду разговоры, начатые господином Приддом.

– Ни разу.

– Каждый разумный человек сделает вывод, что полковник Придд для вас достаточно важен, а вы для него – нет. Второй вывод может оказаться для вас еще менее лестным: вы смелы, потому что вас не замечают, и вы разговорчивы, потому что обижены. Горы молчаливы, а мухи не могут не жужжать, но это не повод уподобляться последним. Можете идти.

На то, чтобы отдать честь, повернуться и уйти, а не просто удрать, Арно хватило. С одной стороны, так и надо. С другой – жаль, но не утешать же... Ничего, Бруно всех помирят, а шляпы, если что, хватит и на троих.

– Теперь ты улыбаешься, – не преминул отметить Ойген. – Чему?

– Думаю, что бы ты сказал двадцать лет назад мне. Я только и делал, что петушился.

– В юности я также бывал несдержан, – торжественно объявил барон. – Вряд ли я стал бы тебе хорошим советчиком. Не исключаю, что у нас произошла бы дуэль.

– И фок Варзов пришлось бы искать другого преемника, – помянул-таки гвоздь в собственном сапоге Жермон. – Я всегда считал себя приличным фехтовальщиком, но до вас с Бешеным мне как до Холты.

– До Холты можно доехать за два с половиной месяца, – заметил бергер. – Чтобы сравняться с вице-адмиралом Вальдесом, тебе потребуется значительно больше времени – и то при условии постоянной работы.

– Ты будешь смеяться, – признался Жермон, – но я так и делаю. Понимаю, что для генерала перед войной это не самое необходимое дело, но рука к эфесу так и тянется, а все из-за вас. Пойми меня правильно, я не завидую, я понять хочу, что вы с Бешеным творили. И ведь был момент, когда я почти разобрался, вот и пытаюсь ощутить все заново. Только со шпагой в руке.

– Я охотно окажу тебе эту услугу. – Ойген казался удивленным. – Не понимаю, почему ты не попросил меня об этом сразу же, как я вернулся. Если ты располагаешь временем, можно начать прямо сейчас. Около твоего дома я видел вполне подходящую площадку.

Временем Жермон располагал, но подходящая площадка оказалась захвачена Ульрихом-Бертольдом Катершванцем. Барон размахивал ручищами и трамбовал землю тяжелым сапогом. Он был счастлив. Рядом с безмятежной физиономией стоял Придд и внимал.

– Ойген, – начал, понизив голос, Жермон, – я отдаю должное заслугам Ульриха-Бертольда, но...

– Можешь не продолжать, – остановил талигойца бергер, – в некоторых случаях отступление является единственным выходом.

3

Сколько офицеров мечтало привязать к своему эфесу ленту «Прекрасной Гудрун»! Удостаивались этого немногие: дочь кесаря никогда не одарила бы труса, а сердце не позволяло ей отличать врагов Фридриха; те же, кто сочетал преданность «Неистовому» с воинской доблестью, были наперечет. Руппи на подобный подарок не рассчитывал, но лента цвета штормового моря лежала на его укрытых медвежьим одеялом коленях.

– Я не могу ее принять. – Руперт поцеловал иссиня-черную шелковую полосу и вновь протянул Гудрун. Было немного жаль, но мертвый Зепп заслуживал награды больше выжившего Фельсенбурга, и к его гибели приложили руку друзья Фридриха.

– Потому что мы родичи? – усмехнулась Гудрун. – Какая глупость! Храбрость может быть в крови, но подвиг совершают сердце, разум и рука. Не думаешь же ты, что отец прислал тебе «Лебеда», потому что ты его внучатый племянник?

Этого Руппи не думал. Кесарь старался быть справедливым, а может, и был таковым, но он судит о Хексберге с чужих слов.

– Я жив, потому что погибли другие. Вот для них... Для фок Шнееталья, Бюнца, Доннера мало даже Северной Звезды,¹⁰ а я не достоин ни Лебеда, ни вашей ленты.

– Вернер и Амадеус утверждают обратное, – не согласилась принцесса, – а я им верю. И зови меня на «ты», я не желаю считать себя твоей теткой, пусть и двоюродной. Я еще не старуха, а ты уже не ребенок.

Руппи обещал матери быть сдержанным. То же он обещал и себе, понимая, что ссора с «Девой Дриксен» ни к чему хорошему не приведет.

– Хорошо, – выдавил из себя лейтенант, – я попробую.

– Попробуй, – подзадорила она. – Ты стал очень красивым, хотя для мужчины это неважно. И для меня неважно, но ты стал воином, вот что мне нравится. Никогда бы не подумала, что сын Лотты выберется из колдовского озера.

– Я не зачарованный, – попробовал отшутиться воин. – Мое дело офицерское.

– Это-то меня и удивляет. Слезы держат мужчин сильнее цепей, а кузина знает, когда их проливать. – Гудрун улыбнулась и вздернула подбородок. – Это я никогда не плачу; наверное, мне следовало родиться мужчиной, как и тетке Элизе. Она меня не переносит, потому что мы похожи, только мне нравится быть «Прекрасной Гудрун». Эти яблоки сладкие?

– Не очень.

– Неважно. – Принцесса ухватила желто-красный шар. – Твой Кальдмеер когда с ума сошел? Когда его реем стукнуло или когда в вас стреляли?

Белоснежные зубы впились в блестящую кожу. Брызнул сок. Гостья смеялась и грызла яблоко, а Руппи думал. Быстро и четко, словно на учениях. Смерть Руперта фок Фельсенбурга была выгодна лишь Бермессеру и Хохвенде. Убийство не удалось. Олаф добрался до Эйрехта, и кесарь его выслушал, иначе бы Гудрун здесь не было. Олаф написал своему адъютанту. Любимому внуку сестры кесаря. Будущему «брату кесаря».¹¹ Свидетелю.

¹⁰ Высший орден кесарии Дриксен.

¹¹ Кесария Дриксен в ее нынешнем виде была образована в 109 году К.С. из девятнадцати независимых баронств и трех суверенных герцогств, правители которых возводили свой род к легендарному Торстену, последнему варитскому королю. Монархом с титулом кесаря был избран глава крупнейшего из герцогств Людвиг Шваненшлосс. Штарквинды и Фельсенбурги сохранили герцогские титулы и стали именоваться «братьями кесаря», в то время как кровные братья правящего кесаря именовались «младшими братьями».

Письма сгорели, но об этом знает только мама. Гудрун может догадываться, что Ледяной написал в Фельсенбург, а может и знать, если за гонцами следили. Нет, тогда бы письма перехватили...

– Обиделся за своего долговязого? – Дочь кесаря отложила яблоко. – Не люблю такие... Будь или кислым, или сладким, а они... как тряпье. Не обижайся, я, как ты знаешь, врать не люблю. Кальдмеер в свое время был хорош, но ему пора на покой. На пару с Бруно, впрочем, деду следовало уйти раньше. Это кесарями остаются, даже выжив из ума, а полководцы старше пятидесяти способны только топтаться на месте и проигрывать. Фрошеры это поняли и с тех пор побеждают. Ворон стал Первым маршалом в тридцать один, у старичья хватило ума потесниться, но мы же не фрошеры! Мы не можем оскорбить заслуженных людей недоверием, а они губят кампанию за кампанией...

– Хексбергский поход погубили те, кто проглядел Альмейду. – Надо быть спокойней и равнодушной. Или не надо? Проигравшие всегда ищут виноватых, а тут и искать нечего.

– Они уже ответили, хотя откуда тебе об этом знать... Или все-таки знаешь?

– Я не знаю почти ничего, – совершенно честно признался Руппи. – Кроме того, что говорят в ставке Бруно, но сухопутчиков волнуют только их делишки.

Принцесса поправила знаменитые косы. Та, в которой не было ленты, совсем расплелась, окутав хозяйку золотыми волнами, и тут Руппи сообразил, кого ему напоминает Гудрун. Корабельную фигуру. Статную, пышногрудую, с прекрасным гордым лицом и... вырезанную из цельного дерева. Художники дошли до этого раньше. С дочери кесаря год за годом рисовали и лепили то Победу, то Правосудие, то Мудрость, то саму Дриксен...

– Отцу понадобится разгром еще и на суше, чтобы он перестал жить вчерашним днем, – изрекла фигура. – Неужели ты ничего не знаешь?

Не верит, и хорошо. Пусть думает, что он знает и хитрит, а он хитрит, не зная.

– Матушка думает, что мне еще рано получать письма. – Теперь за яблоко взялся Руппи. Гудрун не соврала – оно было безвкусным.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что подчинился? После всего?..

– Я не огорчаю матушку, – ушел в туман Руппи. – Если ты мне расскажешь что-нибудь любопытное, я ей в этом не признаюсь. И ты не признавайся.

– Обещаю! – Гудрун с деланным испугом оглянулась и подмигнула. – Давай поговорим о Хексберге. Отец верит Кальдмееру, а я – Вернеру. На первый взгляд, можно подумать, что один из них лжет, а я думаю, что правду говорят оба. Вернее, то, что считают правдой.

Зепп знал бы, что на такое ответить, Арно – тем более, но Руппи вспомнил молодого талигойского полковника и только удивленно поднял бровь.

– Я расскажу тебе, что я думаю, а ты скажешь, права я или нет.

– Конечно. – Если б только мама не сожгла письма Олафа, хотя что теперь об этом...

– Вы с Амадеусом отплыли к купцам, – начала Гудрун, – потом он заметил, что в море что-то не так. Вы повернули к... забыла, как вы зовете первый из первых кораблей, но ты меня простишь.

– Мы не поворачивали. – Вначале он станет говорить правду, а дальше как получится. – Шаутбенахт Бюнц потребовал, чтобы мы пристали. Он сообщил об Альмейде и велел подняться на борт. Генерал Хохвенде отказался и потребовал доставить его на борт «Путеводной звезды». Я подчинился этому приказу.

– Именно! – непонятно чему обрадовалась корабельная фигура. – Пока вы плавали, Вернер передал Кальдмееру сигналами, или как это у вас называется, что взятие Хексберга сорвалось и нужно спасать флот. Вернер понимал, что торговцы обречены, но линеалы еще можно увести, их гибель обошлась бы Дриксен слишком дорого. Кальдмеер не соглашался, Вернер настаивал. В конце концов адмирал цур зее велел Вернеру убираться со своими советами к кесарю. Глупо, конечно, но Вернер счел это приказом, и тут появились вы... Я знаю, что тебе предлагали уйти на «Звезде», да и кто бы, зная Лотту, не предложил... Ты

отказался и вернулся к адмиралу, но тот уже был ранен и контужен. Кальдмеер забыл о споре с Вернером и отданном приказе и подумал, что тот ушел по собственной воле. Ничего удивительного. Возраст, холод, удар реем... Удивительно, что он вообще что-то помнит.

Какой высокий слог. Бермессер не удрал, не сбежал, не дезертировал, а «ушел по собственной воле». Только словесные выверты не спасут от виселицы, а она маячит на горизонте, иначе зачем эти сказки?

– Что думает государь? – Поймать и удержать взгляд синих глаз было непросто, но Руппи сумел. – Генерал Хохвенде и вице-адмирал Бермессер должны были докладывать первыми.

– Понимаешь, – принцесса не опустила глаз, но замаялась, подбирая слова, – понимаешь... Они сделали глупость, хоть и благородную. Когда стало известно о гибели флота, Вернер скрыл свой спор с Кальдмеером. Все считали, что адмирал цур зее погиб вместе с кораблем. Выпячивать его ошибки было бы бесчестно. Вернер доложил, что Кальдмеер отправил его в Метхенберг, потому что он бросил личный вызов адмиралу Вальдесу. Офицеры «Звезды» это подтвердили. Под присягой. Теперь это обернулось против них.

Значит, кесарь дал делу ход. Готфрид может соглашаться, может идти на уступки, но лишь до поры до времени.

– Кесарь, – тихо и медленно произнес Руппи, – верит адмиралу цур зее.

– Да, – признала Гудрун. – Вернера и его офицеров взяли под стражу, Амадеус пока дома без права покидать Эйрехт. Их ждет высший Морской суд, но до него можно не доводить, если твой адмирал возьмет свои обвинения назад. Ты сможешь освежить ему память. Если захочешь.

– Как? – удивился Руппи. – Я был с генералом Хохвенде и не мог видеть флагов...

– Главное, ты знаешь, что они были. Если ты скажешь это Кальдмееру, он поверит, даже если не вспомнит. Этот оружейник упрям, но честен. Для него главное – флот. Нужно как можно скорее залечить рану. Вернер с Амадеусом это понимают не хуже Кальдмеера. Они отдадут верфям свой годовой доход.

Итак, им предлагают мир. Никто не виноват, все честно сражались во имя Дриксен и кесаря и навеки покрыли себя славой, только мертвые мертвы, а подлые – подлы. Будь на месте Гудрун Бермессер или Хохвенде, Руппи не сдержался бы, но Гудрун была всего лишь влюбленной в кузена принцессой, не выдавшей моря и не знавшей ни Зеппа, ни Адольфа, ни Доннера с Бюнцем. Она помогала друзьям Фридриха и уж точно не посылала к Зюссеколь стрелков.

– Если б я видел сигналы, – словно про себя пробормотал Руппи и едва не закричал от радости, потому что вошла герцогиня. Разговор откладывался до лучших времен. – Мама, Гудрун не нравятся наши яблоки.

– Зато здесь так живописно. – Гудрун заговорщицки подмигнула Руппи. – Не помню, когда мне дышалось так легко. Я вновь себя чувствую юной девушкой. Даже не девушкой, горной ланью... Руппи обещал показать мне окрестности, я мечтала о такой прогулке всю жизнь.

– Ты обещал? – В материнском голосе был упрек. – Мне ты тоже обещал... Гудрун, Руппи слишком слаб, чтобы служить провожатым. Он сможет ездить верхом не раньше, чем через месяц.

– Я не спешу, – улыбнулась гостя. – Знали бы вы, как я устала от Эйрехта. В нем не заметишь ни прихода весны, ни ее ухода. То ли дело в горах... Фельсенбурги не прогонят бедную родственницу?

– Из Фельсенбурга не прогоняют близких, – тихо откликнулась мама. – Ты прогостишь столько, сколько хочешь.

– А я в этом и не сомневалась. – «Корабельная фигура» чмокнула «волшебницу» в щеку. – Решено! Я дождусь цветения боярышника и спрошу весну, что нас всех ждет.

Глава 2
Савиньяк
400 год К.С. Ночь с 20-го на 21-й день Весенних Ветров

1

Ей хотелось писать сыновьям каждый день и четырежды в день получать ответы, но женские причитания воюющим мужчинам мешают. Арлетта Савиньяк это уразумела едва ли не в первый год своего чрезмерно раннего, по всеобщему мнению, замужества. Юная графиня не умоляла Арно беречь себя, не требовала немедленно вернуться, не сетовала на заброшенность, а шутила и сочиняла веселые сказочки. Иногда посылала их мужу, чаще – брату. Гектор платил сестре той же монетой. Так они забавлялись еще в детстве, когда Арлетта и подумать не могла, что придет время – и перо с бумагой не позволят ей сойти с ума или убить...

Графиня зажгла свечу и поправила волосы. Женщины дома Савиньяк не мешают своим мужчинам воевать. Женщины дома Рафиано не позволяют себя жалеть. Арлетта с вызовом улыбнулась, хотя видеть это мог разве что влетевший в окно мотылек. На столе дожидалось гонца почти законченное письмо Гектору. Деловое, важное, но почему бы его не завершить чем-нибудь забавным, ведь на последнем листе всего пять строчек. Графиня махнула рукой, отгоняя от свечи летучего ухажера, и снова открыла чернильницу.

Началось все, как водится, с ерунды. Нагрянувшие вместе с дочерью Колиньяры отобрали у этой самой дочери томик Веннена и принялись объяснять хозяйке, что имел в виду поэт и почему «ЭТО» не должно держать в доме. Арлетта промолчала – не из вежливости, от скуки и нежелания тратить силы на спор с неприятными людьми, но чужая непререкаемость свое дело сделала. В голове графини забродили смутные образы и бродили чуть ли не год. Сегодня они наконец обрели четкость.

«Меж поросших изумрудной травой берегов лежит прозрачное озеро, – торопливо записывала Арлетта. – В его глубинах проплывают стаи серебристых рыб, а на дне смотрит бесконечный сон ушедший в незапамятные времена под воду храм. Ветер гонит в вышине облака, ночь бросает в глубины звезды, закаты и рассветы заливают озерную чашу то золотом, то кровью. Под облаками парят птицы, проносятся над самой водой стрекозы. Они смотрят вниз и видят второе небо и тень своего полета, а из хрустальных глубин проступают смутные очертания статуй и колонн. Меж ними снуют стаи рыб, небесные летуны принимают водных жительниц за кружащих под озерными облаками птичек. Так было, так есть и так будет, но порой смотрят в озеро иные глаза.

Однажды на берег вышел боров. Он сбегал от пьяного крестьянина, плохо затянувшего мешок, проломился сквозь кустарник и узрел в водном зеркале себя.

– Так я и думал! – недовольно прохрюкал он. – Хлев, только сырой и негодный. Сразу видно, что живет в нем препротивнейший хряк. Он хочет сожрать все отруби и заполучить всех свиней. Я вижу его насквозь! Только не выйдет у него ничего! Салом заплыл, щетина редкая – ни одна свинья на такого не позарится, а уж спеси! Знаю я таких, и хлев этот знаю, и кучи навоза, что в нем скопились...

И долго так он говорил, думая, что его слушают, а потом явился хозяин с мешком и двумя помощниками. Борова увезли туда, где он встретил приличествующую ему судьбу, а озеро осталось. По-прежнему над ним пролетают птицы и проплывают облака, а кучка навоза на берегу... Спустя какое-то время исчезла и она. Весной там, где говорил о наболевшем боров, расцвел ирис и посмотрел в воду. Увидел стройный золотистый цветок и нежную пронизанную солнцем зелень.

– Как прекрасно озеро и тот, кто в нем живет, – сказал он, не зная, что смотрит в том числе и на себя...

Дальше требовалось нечто нравоучительное, но мораль всегда давалась Арлетте с

трудом. Ничего, Гектор додумает. Или не додумает, а расскажет про борова тогда и так, что все станет ясно без назиданий. Видящих в чужих озерах собственный навоз встретить легко. Куда меньше тех, кто умудряется разглядеть в луже цветущий сад, хотя случаются и такие. Арно, например.

Графиня отбросила перо и почти подскочила к распахнутому окну, за которым дышала радостная ночь. Зимнюю тоску Арлетта одолела, но, когда зацветали сады, боль возвращалась. Весна звала и напоминала о первой встрече, первой улыбке, первом брошенном в окно букете. Не роз – Арно считал их слишком чопорными, – цветущих яблоневых веток. Пришла осень, яблоки созрели, и она осталась одна. Почти двенадцать лет как осталась. Одна с тремя сыновьями, одна с родичами, одна с друзьями, одна с делами и с притчами. Одна навсегда.

– Сударыня, я понимаю, что врываться к даме без приглашения неприлично и еще неприличней делать это из политических соображений, но, поверьте, другого выхода мне не оставили!

Арлетта вздрогнула и обернулась. У камина, возле отошедшей ореховой панели, стоял некто с охапкой сирени. Сквозь неистовство бело-лилового пламени светлым овалом проступало лицо. Близорукость и полутьма превращали гостя в призрак, голос и слова возвращали в бытие... А чего, собственно говоря, она ждала от этого сумасброда? Что он станет смирно сидеть в Нохе и внимать проповедям? Как бы не так. Король умер, Ворон улетел.

– Вы удивлены?

Охапка цветов взмыла к потолку, дождем посыпалась на ковры. Это был не Арно и даже не сын. Друг сына. И отца. Губы урожденной Рафиано дрогнули.

– Удивлена? Ничуть. Глава дома Алва всегда отыщет дорогу в апартаменты графини Савиньяк.

Вдовствующей графини, но шутить *этим* она еще не могла.

2

– Новая притча? – Рокэ склонился над столом, давая хозяйке возможность то ли схватиться за эсперу, то ли поправить волосы, то ли просто отдышаться. Нелишняя деликатность, если бедняга смотрелся в зеркало, а он смотрелся – ввалившиеся щеки были выскоблены до синевы.

– Притча новая, сюжет старый. – Арлетта улыбнулась, беспечно, как только могла. – Не доходили руки записать...

Загнан конь... Почти до смерти. Создатель, смогла бы она выдавить улыбку, приди к ней таким кто-то из сыновей?

– Я столько раз встречал подобное, что не могу угадать, кто именно вдохновил вас.

– Колинъяр, – объяснила Арлетта и поняла, что ее голос звучит слишком хрипло. – Нашел грязь в Веннене, а его супруга заявила, что подобную мерзость следует сжигать. Я это запомнила...

– Вы одарили бы Колинъяров бессмертием, будь они единственными или хотя бы первыми в своем роде. – Росио склонил голову к плечу. – У вас опять трудности с моралью, Арлетта? Почему бы не напомнить, что жечь книги и насиловать – значит признаваться в собственном бессилии. В том, что тебе не опровергнуть написанное и не добиться любви.

– Запиши сам, – предложила графиня, собирая с пола сирень. Гроздья были мокрыми и тяжелыми, как в юности. – Ты ведь все равно начнешь писать какие-нибудь рескрипты...

– Не сразу, – утешил вернувшийся из очередного Заката мальчишка. – Для этого я слишком мало знаю, но вы мне все расскажете.

– О ком? – сощурилась Арлетта и тут же об этом пожалела. – Что они с тобой сделали?!

– Ничего. – Синие глаза знакомо и отчаянно блеснули. – Они – ничего. Я все сделал сам, сын вашего друга Бертрама это подтвердит. Когда вернется. Я отправил его за

Эчеверрией и родителем. Полагаю, отыскав одного, он обнаружит и второго, а еще, сударыня, мне срочно нужен ваш брат...

– Гектор занят Агарией, потом он собирался в Ургот. Я пишу ему уже туда. Ты успеешь его перехватить у Майдю, даже если пару дней отдохнешь. Признавайся, это лихорадка?

– Что-то в этом роде. Гектору придется свернуть в Савиньяк, отдать долг братской любви. Я не могу разъезжать по Эпинэ, так как во весь опор скачу к Хербсте. Милая Катари объявила талигойцам и послам Золотых земель, что ваш покорный слуга отбыл к северным армиям. Я решил согласиться. Подобная новость расположит «гусей» к осторожности, а «павлинов» – к беспечности, что в нашем нынешнем положении нелишне. К тому же будет несправедливо, если ее величество уличат во лжи именно тогда, когда она едва не сказала правду. Я на самом деле собирался к Рудольфу, вернее, к фок Варзов.

– Лионеля старик тоже тревожит, – невпопад кивнула Арлетта. – Эта кампания может оказаться для него слишком тяжелой. О Фердинанде мы уже знаем, о Марселе и Катарине ты почти сказал. Она говорит с послами, значит?

– Значит, Леворукий чтит людские законы и чего-то от нас ожидает. – Рокэ подхватил с пола одинокую цветочную гроздь и положил на стол рядом с высохшим пером. Он по-прежнему все делал красиво. – Госпожа Оллар и ее еще не рожденный ребенок составляют единого регента при малолетнем короле. Это способствует всеобщему умирению, равно как и примирение осиротевших эсператистов с осиротевшими же оллариянцами. Я и раньше подозревал, что, не стань слуг Его, дети Его слегка растеряют свирепость.

– В таком случае где Ракан? В Багерлее, в Алати или в Закате?

– Не знаю, куда все мы уходим, но он отправился напрямик туда. Верхом на Моро... Из этого вышла бы неплохая притча, хоть и банальная.

Ровный голос, спокойный взгляд. Кто бы ни умирал и кто бы ни предавал, Рокэ Алва не станет рыдать и падать без чувств. Ли такой же. И она сама, и Бертрам... Какие же они все спокойные, талигойские чудовища: ни слез, ни жалоб, сдвинул брови – и идешь дальше.

– Я напишу о неудачном короле, решившем доказать всему миру, что он удачный.

– Образ не нов. – Можно подумать, его сейчас волнуют притчи! – Но никто из них об этом не подумал – ни всадник, ни Моро...

– Ты голоден? – Не прошло и часа, как вспомнила. Хозяйка дома...

– Как четверо волков.

– Тогда я разбужу Мадлен. Я уже потрясла тебя отсутствием любопытства?

– Несомненно! – Губы, припавшие к руке, были горячими и живыми.

– Я не держу в спальне вина, – твердо произнесла Арлетта. – Если ты можешь рассказывать на трезвую голову, то я слушать не в состоянии. Ты один?

– Здесь – да.

– Тогда я разбужу еще и Себастьяна. Пусть постелет... в комнатах Арно, хватит им пустовать – не кладбище. Письма в красной шкатулке. Те письма, которые тебе нужны. Бертрам их уже читал. Выражений сыновних чувств там немного... Я сейчас вернусь.

Рокэ кивнул и потянулся к шкатулке. Он изменился чудовищно и при этом не изменился совсем. Желтеет и облетает листва – ствол и корни остаются, и кто скажет, что клен осенью не клен, а дуб зимой не дуб? Бертрам – это Бертрам, Арлетта Савиньяк это Арлетта Савиньяк, Росио – это Росио. Он будет жить и что-то делать. Без лошади и без короля.

Фердинанд сдался и убил себя. Моро не покорился и убил врага. Мориск-убийца и недобрый дурак в седле... Арно то и дело рассказывал про таких. Горячая лошадь делает лансады, желая вырвать повод или сбить всадника, но Моро одной свободы было мало. Черныш замыслил убийство и убил.

– Сударыня! – Мадлен в ночном чепце удивительно напоминала добрую сову. – Ох, сударыня... Что с вами? Никак письмо... Плохое?

– Хорошее. – Зачем она солгала? Нет никакого письма, просто в доме тех, кто воюет, писем ждут всегда. Ждут и боятся.

– Тогда с чего вы?

В самом деле, с чего? Росио здесь, живой, то есть оживающий, Ракан мертв, а Моро... Кони живут меньше людей.

– У нас гость, Мадлен. Герцог Алва, но об этом знаем только мы и Себастьян. Разбуди его, пусть приготовит спальню Арно. Сама займешься ужином. Молча.

Сонный взгляд стал осмысленным, морщинистая рука метнулась к юбке. Так и понимаешь, что любишь служанку. Или коня... До боли любишь. Скольких мы любим и за скольких боимся, подумать страшно. Потому и не думаем до последнего.

3

Он и в самом деле был голоден, значит, не врал и в другом. В том, что болезнь уходит. Лихорадка на болоте и в тюрьме цепляется даже к счастливчикам, если, конечно, то, что творит судьба с Рокэ, называется счастьем. Хотя сказал же кто-то, что счастье есть жизнь, а он все еще жив и все еще в седле... Опять она про седло, то есть про Моро и Ракана. Возник ниоткуда, нагадил и умер так же дико и быстро, как появился, а беда пока тут. Большая беда на всех и маленькие беды многим... Савиньяков на сей раз обошло. Двенадцать лет назад подлость забрала самое дорогое и отправилась к другим. Теперь может вернуться...

– Вы слишком печальны для весны, Арлетта. – Росио вечно вытаскивал других за волосы из дурных снов и нелепых настроений. – Неужели память о борове не смыта в волнах сирени? Вспомните, в ваше озеро весной гляделся ирис, а не Колинъяр. Таков один из законов мироздания, наиболее приличный, на мой взгляд.

– Я не думала о мироздании, – призналась Арлетта, – я думала о свинстве, но больше не буду. Притча готова. Гонец к Гектору выезжает с рассветом. Ты прочел письма?

– Просмотрел. Савиньяки должны быть маршалами, это еще один из законов. Скажите Мадлен, что она плачет зря. Что было – оплакивать поздно, что будет – рано, а в эту ночь грустить не о чем. Весенними ночами не плачут, а целуются и сходят с ума.

– «Весна танцует с ветрами, – вполголоса напомнила Арлетта, – а лето поет и плачет, забудь о слезах до лета – весна танцует с ветрами...» Твоя гитара тебя ждет.

– Я не готов к ней вернуться. Не сегодня... Но до отъезда вы услышите все, что хотите.

– Ты рискуешь охрипнуть. Альдо Ракан походил на Карла Борна?

– Он был красив. Высок, хорошо сложен. – Рокэ не любил прошлое, Арлетта тоже не любила, но не спросить не могла. – Пожалуй, издали Альдо мог сойти за Борна или даже за Придда, но Карл Борн предавал и убивал не во имя себя. Он не был ни глуп, ни глух и понимал, что творит. Ненавидел себя за это и все-таки делал. Так бывает чаще, чем вы думаете, хотя Альдо случаются еще чаще... Сей молодой человек не пускал слюни и не сосал тряпку, но как король был слабоумен.

– Тогда как он победил?

– Победил? – удивленно поднятая бровь. Как сильно и зло блещут глаза. Лихорадка? Нет, что-то другое, трудноуловимое и непреклонное. Это с ним бывало и раньше.

– Я неточно выразилась. Не проговорись об этом Гектору, он меня загрызет. Росио, как этот... принц взял Олларию? Я не про мелочь, вроде Рокслеев, я про все сразу, от Эпинэ до Хексберг. Только смерти Сильвестра и гайифского золота для такого мало.

– Не знаю. – Смотрит прямо, но это ничего не значит. Сильные мужчины защищают женщин даже ложью. – Савиньяки одолжат мне приличные пистолеты?

– Не одолжат, продадут. – Уходит от ответа – значит, либо врет, либо до конца не уверен. – За пару ветров или пару сапфиров.

– Что неприятно в моем нынешнем положении, – задумчиво протянул Рокэ, – это отсутствие карманных сапфиров и скопившиеся долги. Мало мне Леворукого, теперь еще и Валмоны...

– И Лансары, – мерзостью перебила богохульство Арлетта. Графиня не была суеверна, но разговоры о Леворуком ее пугали. Не всегда – только в устах Росио. – Они твердо решили

истощить твои прииски.

– Опять мальчик? – Снова этот блеск в глазах. – Невероятно!

– Это может быть и мстью, – задумчиво произнесла графиня, – и ты даже не представляешь, сколь страшной. Особенно вкупе с твоими... подарками. Изумруд за чужого сына, жемчужина – за чужую дочь. Зачем тебе это?

– Дал слово. Готов согласиться, что опрометчиво, но теперь ничего не изменишь. Разве что милый ангел прекратит наконец рожать. Восемь детей за двенадцать лет – и в самом деле слишком...

– Она больше не любит мужа. Пожалуй, даже ненавидит. Мадлен говорила, Эдит теперь берет камни сама... Она хранит их у ювелира. Рокэ, кто ее мать? Где она сейчас?

– Как-то не задумывался.

– Только швырял драгоценности. – За деланую усмешку следовало бы надавать себе пощечин! – Я никогда не спрашивала, потому что знала – Арно любил меня и только меня, все прочее – ошибки, слабость, выпивка, если угодно, но я хочу знать, кто она была!

– Кто она была? – переспросил Росио. Он, спокойно говоривший о самом диком, казался растерянным. – Я слишком засиделся в Нохе. Ничто так не оупляет, как безделье...

– Просто ты – мужчина и при этом не муж, не отец и даже не брат. Ты забираешься к дамам в окна, затем – в постель, утром прощаешься и забываешь. Ты, не дамы! Будь у тебя жена, она бы рано или поздно начала спрашивать. Только вряд ли тебя.

Синий взгляд сделался темней. Рокэ молча вертел в руке листок сирени. Он пока не был пьян, она никогда не стала бы расспрашивать пьяного. Она вообще бы не стала расспрашивать, просто началось с сапфиров и понеслось, не остановиться.

– Вы зря считаете Эдит Лансар дочерью вашего мужа. – Пальцы разжались, зеленое сердечко упало на скатерть. – Ее девичье имя Эмильенна Карси... Вы могли его слышать.

4

Арлетта не упала не потому, что сидела, а потому, что была сразу и Рафиано, и Савиньяк. Она просто подтвердила, что слышала о доме на Винной улице. Доме Карси. Нечто глупое и мелкое внутри ахало, хлопало крыльями, порывалось соболезновать, но Арлетта не дала ему вылететь.

– Если б я знал о ваших подозрениях, я бы рассказал вам об этой семье раньше. – Росио спокойно взял бокал. Когда горят свечи, красное вино похоже на шадди, если только не рассматривать его на свет. – Я не хотел признаваться, какого дурака сваял, и еще больше не хотел следствия. Мужчины были мертвы, оставалось отыскать женщину и узнать правду. Всю. Я знал, что маршал Савиньяк вернулся в столицу. Мы виделись как раз накануне моего... приключения.

– Можешь больше ничего не говорить.

Водворение в соседний городок внебрачной дочери Арно графиня восприняла почти спокойно. Жить рядом с помогавшей убивать Росио дрянью – увольте!

– Благодарю за разрешение, но я вынужден рассказать все до конца. Когда я закончу, вы поймете почему. Вы можете упрекнуть меня в дурном вкусе, и поделом, но я был от юной Эмильенны без ума. Нет, я понимал, что мою богиню не причислишь к первым красавицам Талига – так же, как и Катарину Ариго, к слову сказать, – но моему безумию это никоим образом не мешало. Я был готов на все, лишь бы мне сказали «да». Пожелай Эмильенна, чтобы я сделал ее королевой, я бы задумался и не знаю, до чего бы докатился... К счастью, девица Карси уже была влюблена в господина Лансара. Этот достойный человек служил, вернее, прислуживал в ведомстве супрема, но мечтал о горних высях. Ради них он ввязался в заговор, но и там оказался на побегушках. Со временем наш честолобец выдал бы всех Сильвестру в обмен на что-нибудь приятное, но заговорщикам повезло – появился я! Лансар решил добыть из моей смерти должность, титул и владения. Именно в таком порядке. В успехе он не сомневался, так как был глуп.

Короче, Эмильенна написала мне письмо, затем другое и наконец назначила свидание, на которое я и пошел... даже не пошел – полетел.

– Может быть, она не знала?

– Она знала все. Лансар стал ее тайным мужем сразу же по составлении плана. Будущий супрем опасался, что новую Гликинию чиновнику не отдадут, и принял меры, дело было за моей головой. После смерти Франциска Второго в столице поговаривали, что отравы на Алва не действует. Она и впрямь действует плохо, но тут уж Леворукий не виноват. Отец с детства приучал нас к ядам, которые знал, а знал он много, но я отвлекся. Кинжалу в женских ручках Лансар тоже не доверился. Эмильенна он велел уложить меня в постель, вымотать и дожидаться, когда я усну. Ей оставалось выйти в соседнюю комнату и поставить на раскрытое окно свечу.

Меня спасло мое прекраснодушие, я хотел жениться и отказался овладеть этим чудом чистоты до свадьбы. Когда дева поняла, что я не намерен запятнать ее честь, она впустила убийц. Пару дюжин. Господа были в масках, хотя кое-кого я узнал. Разберись я, в чем дело, меня бы прикончили на месте, но я вообразил, что защищаю возлюбленную. Закатные твари, как же я дрался! Шпага у меня сломалась почти сразу, в ход пошла мебель, посуда, какие-то тряпки... Потом я разжился чужим оружием. Эмильенна визжала за моей спиной – мой клинок мешал ей воссоединиться с супругом. В конце концов она меня ударила. Сзади. Подносом. Я как раз уворачивался от брошенного кинжала, и дева попала мне по плечу – к несчастью, раненому... Тогда я и понял!

Дальше пошло проще, потому что я стал свободен, мне не нужно было думать о женщине за спиной; и трудней, ведь мне стало нечего защищать, а это расхолаживает. Но я все равно дрался. Шансов не оставалось, но упрямство рождается раньше Алва. Помню, брат Эмильенны снова попал мне в плечо, я переложил шпагу в левую, по лицу текла кровь, потом кто-то ударил меня в спину, я не упал и даже заколол убийцу. Моя «невеста» к тому времени уже исчезла, я этого и не заметил. С половиной ночных гостей я разделался, но вторую мне было не одолеть. В конце концов я упал. Что было дальше – не знаю. Возможно, я бредил, но, скорее всего, он приходил на самом деле. Хотите спросить кто, спрашивайте.

– Кто?

– Золотоволосый красавец в красно-черных одеждах... Он смеялся и убивал. Мечом, каких нынче не сыскать даже в Торке. Мне помнится, что он орудовал правой, но я мог и ошибиться. Перед глазами все плыло, потом я потерял сознание... В себя пришел, когда рассвело. Комната завалена трупами, в руке – обломок шпаги. Я был весь в крови, но ран оказалось меньше, чем думалось, и они почти закрылись. Голова раскалывалась, хотелось пить, но в остальном все было в порядке. Кое-как я поднялся и, уж не знаю зачем, пересчитал убитых. Их оказалось двадцать шесть. «Моих» было одиннадцать.

– Прости, но как ты можешь быть в этом уверен?

– Могу. Я не рубил головы и руки и в те поры не умел делать из одного мерзавца двоих, а в доме не нашлось ни меча, ни секиры, ни хотя бы сабли. Зато обнаружилось недописанное письмо: Эмильенна ждала меня и ворковала с обожаемым супругом, называя того по имени.

Нужно было что-то решать, вот-вот могли нагрянуть стражники и просто любопытствующие. Я добрался до особняка Савиньяков и упал на пороге. Лекарь грозил упечь меня в постель на месяц, но на следующий день я сопровождал маршала Арно к господину Лансару.

Супруги оказались в гнездышке. Эмильенна испытывала некоторое неудобство и больше не казалась мне даже хорошенькой. Наш чиновник едва не умер на месте, а потом заговорил и оказался довольно-таки болтлив. Он норовил спрятаться за Придда и старую королеву, но подтвердить свои слова не мог, а про алисианский заговор мы знали и так, только что с того? Сильвестр предпочитал выжидать, он был большим законником и жаждал веских доказательств. У господина Лансара их тоже не имелось, были только слова, много слов. Поганец тащил за собой всех, кто пришел ему в голову. Штанцлера и Окделлов среди

них, кстати говоря, не оказалось, зато были Эпинэ и Борны с Ариго...

– Арно не выдал бы Мориса, братьев Кары, ее сыновей. Сыновей Пьера-Луи...

– Он и не выдал. Мы вовремя вспомнили о Манрике, Колиньяре и о Занхе.

– «Мы»? – глухо переспросила Арлетта. Рокэ понял.

– Маршал. Я был в состоянии думать только о своем... Праворуком. Мог же проходить мимо дома какой-нибудь свихнувшийся бергер с мечом? Я рвался его искать, пока не остыл след. Трудно поверить, но мне было не до молодоженов. Ваш супруг предложил им выбор между смертью, Багерлее и деревней. Я только добавил изумруды. По камню за каждый плод... любви.

Эмильенна захотела умереть на груди возлюбленного, но Лансар Рассвету предпочел покой. В деревне. Он написал и подписал признание и подал в отставку.

– И Арно привез сюда этих... этих...

– Слова, которые вы пытаетесь подобрать, вам не свойственны, – Росио отодвинул все еще полный бокал, – оставьте их адуанам. Карл Борн получил за все сполна. Получили многие, но некоторые вещи нельзя хранить в одной-единственной голове и нельзя доверять бумаге. Я не исключаю, что увижу Лионеля, Рудольфа и молодого Придда позже вас. Если мы так или иначе... разминемся, расскажите им мою историю полностью. Начало и конец Ли и Рудольф знают. К сожалению, не представляю, где находится письмо с признаниями, но господин Лансар их охотно повторит в любое удобное для слушателей время.

– Я тебе скажу, где первое признание. – Арлетта залпом допила чужое вино. – Оно было у Арно, когда он поехал уговаривать Карла. Это оно убило обоих...

Глава 3

Этамис. Агарийская граница

Валмон

400 год К.С. 21-й день Весенних Ветров

1

В Южной армии Эмиль не сомневался, но к тридцати тысячам талигойцев сперва прибавилось шесть тысяч фельпцев, потом десять тысяч урготов, а теперь ожидалось алаты, но эти хотя бы знали, что делать с лошадьми и саблями. В сухопутные таланты фельпцев Савиньяк верил меньше, а урготы, по мнению маршала, годились для очистки бордонских складов, но никак не для штурма бордонских же бастионов. Эмиль с радостью обошелся бы без союзников, но герцог Фоккио рвался одним махом выказать лояльность Талигу, прищемить хвост врагам, погонять сухопутчиков и поучаствовать в дележе пирога. Фому заботил в первую очередь пирог, Альберта Алатского и Антония Агарийского – сохранность собственной задницы, а воевать и разводить дипломатию, что было куда противней, приходилось Савиньяку.

– Ли бы сюда, – с не присущей ему сварливостью заявил командующий, – он такое любит. Урготы, бордоны, фельпцы, агарийцы, алаты... Компот! Ходить – и то липко!

– Смени перевязь на парадную и надень ордена, – вместо сочувствия потребовал нагрянувший в Этамис Рафиано. Дядя-экстерриор сиял собранными за годы беспорочной службы наградами и рвался в бой. Дипломатический. Эмиль скривился, но отругнуться не успел.

– Ваша перевязь, господин маршал! – громогласно объявил выскочивший из спальни приемыш, которого пропавший Валме не зря величал мучителем. – И ваши ордена.

– К Леворукому! – буркнул обычно не имевший ничего против регалий Савиньяк. Дело было не в перевязи, а в агарийцах, с которыми маршал предпочел бы объясняться в поле. Со шпагой в руке и парочкой батарей за спиной. Фома с Рафиано подобных настроений не одобряли, полагая, что Антоний пойдет на уступки, достаточно встать на границе и вежливо

постучать.

Агарийскому королю направили очень деликатное письмо с предложением прислать представителей для обсуждения сложившегося положения. Антоний согласился, Савиньяк привел в захолустный Этамис изрядно распухшую армию, и тут выяснилось, что переговоры будет вести не экстерриор и не эмиссар Фомы, а командующий Южной армией. Собственной персоной.

Эмиль выругался, показав, что длительное пребывание среди фельпских моряков принесло свои плоды. Гектор Рафиано по-родственному посоветовал не душить и принялся объяснять, что надлежит делать с иностранными дипломатами. Эмиль слушал вполуха, уповая на память Герарда. Унаследованный от Алвы порученец был бы чистым золотом, не будь он еще и смолой.

– Вот сейчас все достойно, – объявил дядя, оглядев звенящего маршала. – А где Заль? Хорошо бы ему поторопиться.

– Эта мокрица? – взвился Савиньяк. – Только ее тут и не хватает.

– Да, – не моргнув глазом, подтвердил Рафиано, – все остальные уже в сборе. Ты не забыл, что Карои прибывает в разгар переговоров?

– Не забыл, – буркнул Эмиль, – но Залю место не на переговорах, а на каштане. Поганец всю зиму прикидывал, чья возьмет. Понадобился Агарис, чтобы он уверился в любви к Талигу.

– Агарис многих просветил, – кивнул Рафиано, – но Заль – мокрица полезная. Увидев ее, агарийцы станут разумнее. Вспомни про зайца, примкнувшего к кабаньей охоте. Секач хотел драться, но, увидев над сворой гончих заячьи уши, бежал, ибо рвущийся в бой трус предвещает победу. Да простят меня Эпинэ!

– Хорошо, – сдался Эмиль. – Герард, где шляпа с заячьими ушами? Пошли ее Залю. Немедленно!

– Мой маршал? – Рэй Кальперадо мучительно покраснел, и Эмиль ощутил себя пожирателем младенцев.

– Беги за Залем. Пусть явится в... парадной перевязи и при орденах! Нет своих – пускай у урготов разживется. Все в порядке, дядя. Я понимаю, что воевать с Агарией нам сейчас не с руки.

– А ты перестань понимать, – неожиданно посоветовал Рафиано, – по крайней мере сегодня. Бери пример с алатов. Твое дело – розги, наше с Фомой – примочки.

2

Разница между Великой Талигойей и скромным Талигом была в глаза. На дюжину миленьких девушек и десятков харчевен – полтора отъевшихся ополченца, знающих о кэналлийцах даже меньше упомянутых девушек. Те хотя бы предвкушают... И это папенька называет военным положением?! Никогда еще Марсель не был столь невысокого мнения о родимом графстве. Раздражение росло. Виконт третий день злобно мотался по Валмону в поисках рэя Эчеверрии. Без толку. Местные жители про кэналлийцев поговаривали, про Ракана слышали краем уха, а о нечисти и пророчествах не думали вообще. А еще провинция! Где суеверия? Где любопытство? Где сплетни, наконец?!

С досады Марсель прищипил коня, оставляя за спиной адуанский конвой и замечтавшегося Шеманталя, обогнул доцветающую каштановую рощу и едва не столкнулся с теми, кого искал. Объединенный дозор дораковских ополченцев и кэналлийцев заинтересованно разглядывал очередной трактир. Вылетевший из-за поворота всадник их ничуть не заинтересовал, и Валме почувствовал себя оскорбленным окончательно. По Эпинэ целую зиму распространяли сведения о грехопадении наследника Валмонов и страданиях благородного больного отца, сам Алва навязал «предателю» охрану, и что? Хотя бы одна собака взлаяла!

Марсель подъехал к истекающим слюной бездельникам и широко улыбнулся.

– Господа, – объявил он, – позвольте представиться. Виконт Валме. Разыскиваю рэя Эчеверрию и проклявшего меня отца. Вы не могли бы мне помочь?

Продолжить господа не дали. Нет, предателя не пристрелили, не схватили и даже не отшатнулись в ужасе и омерзении. Толстый ополченец самым неподобающим образом заржал и попытался хлопнуть шутника по плечу. Возмущенный виконт заставил коня отпрянуть. Рука толстяка встретила пустоту, ее обладатель покачнулся в седле, и тут грохнули уже все.

– Ну какой ты, к кошкам, Валме? – спросил, отсмеявшись, еще один ополченец. – Ты на себя и своих орлов посмотри... капитан!

Валме посмотрел. Орлы на столичных и впрямь не тянули. Особенно обрастающий усами Шеманталь. Что ж, Марсель никогда не спорил с очевидным.

– Итак, я кажусь вам самозванцем, – кротко признал он. – Это прискорбно, но рэй Эчеверрия и граф Валмон тем не менее мне нужны. Срочно.

– Рэй Эчеверрия? – вмешался смуглолицый молодчик. – А для чего тебе он необходимый? Из откуда ты и кто тебя отправлял?

Бывает же! Ошибка на ошибке, а смеяться не тянет, тянет отвечать. А какой-нибудь философ начнет разоряться... Вроде и слова все умные, и говорит правильно, а не смешно только потому, что противно.

– Из откуда ты? – повторил кэналлиец.

– Сейчас из Дорака, – Валме вытащил отлично состряпанную подорожную, – а вообще из столицы. Срочные новости для рэя Эчеверрии.

– Меня насевали Хавьер Диас. Мы проедем до авангарда. Его ведет рэй Сэта. Он поймет, как дальше. Бери два спутника и три вторих коня. Остальные твои люди остаются здесь. Срочные новости – быстрая дорога! Быстрая дорога – для нее вторие кони.

Марсель согласился. По-кэналлийски; и его даже поняли.

3

Казаться умней, чем есть, Эмиль терпеть не мог, но почему бы для пользы дела не поглупеть? Ли учил превращаться в других, Эмиль попытался стать сразу Вейзелем и Герардом, представил добродетельного бергера, марширующего во исполнение приказа к «пантеркам», едва не расхохотался в лицо агарийским дипломатам и решил остаться самим собой, только не маршалом, а генералом. Это помогло. Внявший совету дяди Рафиано вояка был прям, хоть и не груб. Он знал только одно – приказ – и собирался его выполнить, даже начини рушиться мир. Такой Савиньяк на длинную речь агарийца мог ответить лишь парой фраз. И ответил.

– Я руководствуюсь договором, заключенным моим королем с великим герцогом Урготским, иначе я бы уже стоял у Гариканы. Вы не умеете воевать, господа, и вы не умеете держать слово.

– Я вас не понимаю! – всплеснул руками агариец. Он был королевским кузеном, но имя Эмиль забыл. На самом деле, и от этого опять стало смешно.

– Маршал Савиньяк имел в виду, что в соответствии с упомянутым договором он не считает в данный момент Агарию своим противником, хотя признание его величеством Антонием узурпатора вызывает у него глубокое возмущение, – невозмутимо перевел Рафиано. – Тем не менее выполнение взятых на себя обязательств – прежде всего, поэтому маршал Савиньяк воздерживается от немедленного вторжения в Агарию.

– Мы прибыли в Талиг, движимые доброй волей. – Агариец, как мог, изображал негодование, но Эмилю подумалось – боится. Не за себя, за свое такое ухоженное и мирное – ни самозванцев тебе, ни «барсов» – королевство. Вместе с этой мыслью пришла ярость. Настоящая, невеселая и недобрая.

– Ваша воля добрее только при виде чужой силы, – рявкнул маршал. – Я привел сорок пять тысяч, и вы примчались в Этамис. У меня будет шестьдесят тысяч, и вы забудете обо

всех обидах...

– Мой маршал, у вас они уже есть! – Савиньяк не сразу сообразил, кто подал голос. Оказалось – Заль. – Кадельская армия готова к бою во славу Талига и короля!

Заяц поднял уши и гавкнул. У зайца осенью было двадцать пять тысяч, а сейчас двадцать с хвостиком. Заячьим, разумеется. Солдаты и офицеры разбегались всю зиму.

– Слышите? – с тихим бешенством спросил Эмиль. – Кадельская армия готова к бою. Семьдесят тысяч на границе – это повод для очень доброй воли.

– Мой маршал, позвольте, – вступил в игру урготский экстерриор. – Мне хорошо понятны ваши чувства, но я надеюсь на ваше слово. На то, что вы не нарушите обязательств, взятых на себя покойным Фердинандом. Надо ли напоминать, насколько Ургот дорожил его дружбой и как мы оплакиваем понесенную всеми Золотыми землями потерю. В память этого воистину добродетельного человека и достойного государя мы должны проявлять терпимость друг к другу, как того желал Фердинанд Оллар...

Дипломаты говорят много. Дипломаты говорят долго. Они плачут о тех, на кого им плевать, и торгуются над могилами. Эмиль о Фердинанде не плакал, ему просто было жаль толстяка, а теперь стало стыдно за кучу слезливого мусора, в которую ургот, словно собака кость, зарывал смешанную с взяткой угрозу. Дожей Фоме было мало, ему хотелось показать купленные зубы еще и Агарии, для чего и потребовался сухопутный марш. Сам Эмиль предлагал погрузиться на корабли и отплыть в Бордон, ему ткнули в нос необходимость расколоть агарийско-гайфский союз и оказать давление на Алат. Вдаваться в подробности интриги Савиньяк не стал, а по существу Фома, Рафиано и Валмон были правы, тем более что доверять морю лошадей и пушки не хотелось.

– ...Агария соблюдает нейтралитет и открывает союзной армии коридор к землям Бордона, – добрался наконец до сути ургот. – В свою очередь, союзная армия ведет себя как в гостях, вежливо и достойно, не причиняя никакого ущерба. В случае необходимости припасы закупаются по справедливым ценам. Мой государь гарантирует своевременную оплату, в счет которой готов сегодня же внести полновесный залог.

...Распахнутая дверь и замерший на пороге темноусый красавец в красном, отделанном золотым шнуром мундире. За первым красавцем виднеются другие. Часы бьют четыре раза. Гашпар Карои на удивление точен.

– Господа, – алаты всегда превосходно знали талиг, – прошу простить мое опоздание, мы гнали коней как могли. Вольное алатское ополчение выступило. Первые две тысячи сабель придут в Этамис к вечеру.

– Рад вас видеть. – Эмиль совершенно искренне протянул витязю руку. – Если я не ошибаюсь, мы с вами в родстве.

– Я горжусь этим родством, – живо откликнулся Карои, – но дружбой я буду гордиться больше. Заслуженной дружбой. Когда выступать?

– Сейчас узнаем! – Бросить бы к Леворукому всех этих экстерриоров, и в седло! Две тысячи алатов... Легкая конница, или Альберт отпустил и панцирников?

– Господин Савиньяк, – агариец из последних сил сохранял спокойствие, – вы ручаетесь за всех своих подчиненных или только за талигойцев?

Савиньяк был маршалом, сыном и внуком маршалов, но даже он понял, что за вопрос бился на языке королевского родича. «Вы сумеете удержать алатов, когда они с саблями и мушкетами пойдут через земли былых обидчиков?» Сумеет. Если сам не сорвется.

– Если предложения великого герцога Ургота будут приняты, вверенная мне армия будет действовать сообразно оным, – произнес условную фразу Эмиль. – Но если нет...

Господин Заль красноречиво звякнул орденоскими цепями, не талигойскими. Сопровождавший мокрицу пехотный полковник пробурчал что-то крайне воинственное. Ургот посмотрел на агарийца и многозначительно развел руками, Рафиано мягко улыбнулся, Карои подкрутил усы, подавая пример своим витязям. Панцирной кавалерии при осаде Бордона делать нечего. Окрестности сподручней разорять легкоконным отрядам... Эх, вот бы Агария, а еще лучше – Гайифа...

– Господа, – подвел итог Рафиано, – главное уже сказано, но нельзя пренебрегать мелочами. Я, как исполняющий обязанности экстерриора Талига, совместно с представляющим его величество Фому графом Марту подготовил предварительное соглашение, в котором перечислены обязательства обеих сторон. Разумеется, великий герцог Алата будет незамедлительно оповещен о предполагаемом договоре.

– Я лично доложу моему королю, – заверил агариец. – Ответ его величества последует в самое ближайшее время.

– Счастливой дороги, – от души пожелал дипломату Эмиль. – Граф Карои, я встречу витязей Алата на марше. Если ваш конь устал, возьмите одного из моих.

4

Навстречу шла кавалерия. Эскадрон за эскадроном. Смеркалось, но света, чтобы насладиться внушительным зрелищем, хватало. Марсель наслаждался и оценил. Порядок соблюдался безупречный, лошади и всадники глядели весело, от усталости не падали. Они были готовы идти и идти. Всю ночь и дальше.

– На знамени ветка граната. – Адъютант рэя Сэты указал на плывшее над головами знамя. – Алвасетские стрелки. Рэй Эчеверрия с ними.

– Едем. – Мучить юношу своим кэналлийским Марсель не стал.

Спутник что-то звонко и коротко выкрикнул и поднял руку. В ответ раздался такой же крик.

– За мной и со мной. – Провожатый развернул коня наперерез шедшим через Валмон чужакам. На первый взгляд, особой разницы между этими кэналлийцами и людьми Дьегаррона не наблюдалось, разве что мундиры были другими – вернее, их, в талигойском или дриксенском смысле, просто не имелось. То, что подданные Алвы не только говорят по-своему, но и одеваются, Марселя ничуть не удивляло, но их собралось слишком уж много. Именно поэтому они и казались чужими. В отличие от адуанов. Оказывается, на псарне уютней, чем в волчьей стае.

Валме напомнил себе, что перед ним союзники и что на закате все твари закатные, тем более – на таком. Запад, обещающий ветер, разгорался все сильнее. Охватившее полнеба зарево превращало армию в оживший алатский гобелен, красные блики плясали по стали, напоминая о первом и единственном раз слышанной песне.

«*Помянешь ли брата на заре кровавой ?*» – мурлыкнул под нос Марсель и увидел удивление на лице уже второго кэналлийца за день.

– Вспомнилось, – не то чтоб извинился, но объяснил Марсель. – Закат, вы идете на войну...

– Да. Это поют перед войной, – подтвердил проводник; он говорил на талиг очень чисто и очень кратко. – Рэй Эчеверрия второй у знамени.

Встречные всадники придерживали лошадей, позволяя проехать. Ни вопросов, ни отзывов, ни представлений, столь любимых вояками. Казалось, кэналлийцы *чуяли*, что перед ними свой, хотя все объяснялось просто до скуки. Адъютант командующего авангардом не привезет к командующему армией абы кого, тем паче рэй Сэта обстоятельностью напоминал бергера. Был момент, когда Марсель едва не сказал правду, но вовремя одумался, а рэй вдруг прекратил расспросы и кликнул адъютанта. Валме так и не узнал, что убедило генерала в его искренности, но явно не подорожная.

– Этот человек из Оллари, – четко произнес на талиг спутник. – Рэй Сэта подтверждает важность его донесений.

– Хоакин. – Ехавший рядом с Эчеверрией офицер без лишних слов сдал вбок, позволяя коню Валме пойти голова в голову с лошадью командующего. – Я слушаю. – Ни улыбки, ни любопытства, ни хотя бы раздражения. Что ж, поглядим, куда сейчас отправится сия невозмутимость.

– Мои новости предназначены в равной степени вам и графу Валмону. – Талигойцы

тоже могут быть беспристрастными. – Возможно, удобнее сообщить их в присутствии графа?

– Граф Валмон после обеда отправился в сторону границы. Передвигается он небыстро. На хороших лошадях вы его скоро догоните.

– В таком случае я передам письмо вам. Оно запечатано.

– Огня сюда! Я верну письмо со своей печатью, и вы поедете дальше. – Генерал, если кэналлиец был генералом, равнодушно протянул руку. Сухошавый, еще не старый, он как нельзя лучше подходил для этой армии и для этого заката. – Разумеется, я дам вам охрану.

– Благодарю.

Посол внутри Марселя требовал заверений и расшаркиваний, но крупная рысь, догорающее небо и пробивающаяся в топоте копыт мелодия не способствовали дипломатическим изыскам. Валме без лишних слов отдал пакет. Спешно покинувший Олларию Алва за неимением собственной печати пользовался печатью Фомы. Эчеверрия равнодушно сломал печать. Валме напрягся. Кэналлиец замер. Именно замер, хотя лошади продолжали идти сквозь багровое зарево. Марсель чувствовал на себе чей-то взгляд, хотя на него никто не смотрел. Никто из тех, кто был рядом.

«Брат мой сводный», – все настойчивей билось в висках, – брат мой с перевала...»

Рэй Эчеверрия читал и перечитывал. Долго, а может, это вечер слишком стремительно становился ночью. Кэналлийцы привыкли путешествовать ночами, это Валме усвоил еще по дороге в Фельп. Какой безумной она тогда казалась и какой счастливой видится сейчас.

– Есть слова для многого, – внезапно сказал рэй. – Для большой благодарности их нет, как и для большой любви. Вы можете потребовать все, что захотите. Требуйте.

– Знал бы я, чего хочу, – честно признался Марсель. – Вот чего не хочу, до недавнего времени знал.

– Соберано пишет, что вы имеете все, кроме того, что возьмете сами.

Марсель не отказался бы прочесть, что про него написал Алва, он бы и прочел, но сперва пришлось бы доучить кэналлийский...

– Так вы поедете в Савиньяк?

– Да. – Вот теперь он удивился. Не при виде знакомого почерка и не узнав, что Алва жив и свободен, а когда какой-то дурак, пусть и с заслугами, усомнился в исполнении воли соберано.

– Передайте герцогу, что я еду к отцу. Мы не виделись с тех пор, как он меня проклинал.

– Это не то проклятье, которое слышат. Я дам вам людей и лошадей, вы догоните графа еще ночью.

– Ночью я предпочитаю спать, – признался Марсель, – а граф Валмон – тем более. Если я его разбужу, он меня снова проклянет. От души. И на этот раз его, как вы выражаетесь, услышат.

Эчеверрия усмехнулся – как оказалось, он умел и это – и что-то быстро сказал державшему факел парню. Тот ответил еще быстрее. Из сумрака вынырнул еще какой-то рэй. Седой. Чужая речь, факелы и звезды настраивали на возвышенный лад. Он может просить все... Найдется ли в Кэналлоа то, что понравится Франческе? И Елене... Принцесса должна получить от соберано что-нибудь на память, какие-нибудь сапфиры и кружева. И хорошо бы пару книг на кэналлийском, чтобы было что переводить. Кто-кто, а урготская ласточка заслужила.

Если Рокэ будет не до галантности, придется озаботиться самому, но Франческе сапфиры не пойдут. Вот алая ройя... Только это уже наглость. Ему не нужно ничего, кроме того, что он возьмет сам... Отменная аттестация, не забыть передать папеньке.

– Виконт, рэй Лагартас и его люди в вашем полном распоряжении. Они знают, чем вам обязаны.

– Ничем особенным.

– Мы могли бы долго спорить, но наши пути расходятся. Если граф Валмон спросит, кто теперь ведет армию, ее ведет рэй Гальега. Эномбрэдастрапэ!

Слово было знакомое, но ответить как положено Валме не успел, Эчеверрия рванул

повод и исчез в темноте.

*Струнным звоном расколется ночь,
Ай-яй-яй, струнным звоном...*

Глава 4
Хербсте
Валмон
400 год К.С. 22-й день Весенних Ветров

1

– Мы сделаем все возможное, но война начинается не только здесь, – подвел итог фок Варзов. – Тяжело придется всем.

Очень тяжело. У талигойских армий за спиной больше нет Талига. Отбиваться от кесарии и гаунау всю весну и не меньше половины лета придется собственными силами. Раньше Дорак вряд ли разберется с безобразием в столице и двинется на помощь сражающемуся Северу. А что успеет за это время Бруно?

Жермон в политике ничего не смыслил и не пытался смыслить, но знающие люди сходились на том, что в Эйрехте от фельдмаршала ждут не просто решительных действий, но весомых результатов, причем быстро, пока смута в Оллarii еще играет кесарии на руку. Если Бруно ничего не добьется, это ослабит его позиции при дворе, значит, старый вояка нацелится на ту добычу, которую сможет заполучить в ближайшие месяцы. Захватить всю Придду и Южную Марагону у него вряд ли выйдет, но несколько ключевых крепостей, которые дадут Дриксен преимущество хоть на мирных переговорах, хоть при продолжении войны в следующем году...

– Мы тоже делаем все возможное. – Резкий голос Креденьи возвращал в расписанный турами и дубовыми гирляндами кабинет. Слишком роскошный для привыкших к палаткам и крестьянским домам вояк. – Как только Бруно подойдет к Хербсте, армия станет получать повышенное жалование. Средства на это изысканы.

– Это очень своевременная и обнадеживающая новость, господин тессорий. – Вeskости Райнштайнера хватило бы на четверых маршалов. – Тем не менее защищать Талиг – долг большинства из нас. Армия, за исключением наемников из Улаппа и Ардоры, может и должна сражаться за обычное жалование, но армия не может сражаться, не будучи должным образом обеспечена.

– Я знаю, – глаза Креденьи почти смеялись, – я ведь подвизался в главных интендантах и не какой-нибудь армии, а Северной. Тогда ее еще не разделили на две. Поверьте, на вашем снабжении увеличение жалования не скажется. Дополнительные расходы герцог Ноймаринен возложил на тех, по вине кого началась война, а именно на Гайифу, Дриксен, Гаунау, Агарис и их союзников, а также на некоторые талигойские семейства. Привезенные мною деньги получены из последнего источника, так как средства, изымаемые нашими доблестными моряками у враждебных Талигу стран, пока еще не доставлены.

– Не думайте, что мы не ценим ваши усилия, – проявил вежливость фок Варзов, – просто мы ждем от флота другого. Если Альмейда не вынудит кесаря отозвать значительные силы из Придды для защиты побережья, нам придется очень тяжело, какое бы жалование нам ни платили.

– Это очень важно, – оживился Креденьи. – Я достаточно понимаю в снабжении, чуть меньше в политике и еще меньше в делах сугубо военных, меня для этого слишком хорошо защищали. Так хорошо, что казалось, это будет длиться вечно. Нет, господа, вас я не упрекаю. Виноваты те, кто допустил то, что случилось, то есть придворные. В том числе и ваш покорный слуга. И вот теперь я хочу понять, чего мне ждать от вас и от принца Бруно. Поверьте, это не праздное любопытство. Тессорий должен знать, каких убытков следует

ждать от этой кампании, а убытки прямо зависят от того, что здесь произойдет.

– Смотрите! – Фок Варзов отодвинул вазу с яблоками и убрал лишние грифели, открывая карту. – У меня вместе с новонабранными, ноймарами и гарнизонными частями чуть больше шестидесяти тысяч. Почти треть из них приходится держать в крепостях вдоль Хербсте, в крупных городах, у всех более или менее удобных переправ. Бруно богаче меня в полтора раза и все силы пока держит в кулаке.

Нам известно, что дриксы двинулись с места девятого или десятого Весенних Ветров. Осенью они дошли от границы до реки за девять дней, но сейчас земля для марша недостаточно просохла, так что даже идущему налегке авангарду потребуется гораздо больше времени. Полагаю, что передовые части Бруно выйдут к Хербсте в первую неделю Весенних Волн. Что он станет делать дальше, я и знаю, и не знаю. Если фельдмаршал решит не изменять канонам и собственным привычкам, жди методичных и постепенных захватов важнейших крепостей. Сперва на Хербсте, потом – на основных дорогах, ведущих к Аконе. Кампанию завершат ее осада и штурм.

Именно так дриксы действовали, вернее – пытались действовать раньше, но если фельдмаршал спешит, он может сосредоточить свои усилия на более узком участке: на дороге Доннервальд – Пирольнест – Акона.

Пирольнест – очень привлекательная цель. Во-первых, он расположен ровно на полпути между Хербсте и Виборой. Во-вторых, там, как и в Мариенбурге, сходятся несколько дорог, идущих с востока на запад. Захватив сперва Доннервальд, а затем Пирольнест, Бруно создаст себе надежную базу для наступления на Акону, заодно отрезав Западную армию от Ноймаринен и Старой Придды.

Все это Жермон уже слышал, обдумывал, даже видел во сне. Он знал Бруно не так долго, как Вольфганг, но достаточно, чтобы признать правоту маршала, и все равно боялся. Опасения казались надуманными, нелепыми, противоречащими всему, что было известно о дриксах и их фельдмаршале, но успокоиться Ариго не мог. Ойген, с которым генерал делился своими опасениями, шутил, что Герман больше думает, как форсировать Хербсте, чем как этому помешать. Бергер опасался другого. Того, что днем казалось очевидным суеверием, а ночью чем-то действительно важным, но слишком непонятным, чтобы ломать над ним голову. У бергера и талигойца были разные страхи, но пакостей от кампании и от года ждали оба.

– Теперь мне есть над чем подумать, – торжественно объявил Креденьи. – Как ни странно, я все понял. Видимо, потому, что вы не сказали главного, но я не настаиваю. Разрешите откланяться.

– Я приглашаю вас на обед.

– Вынужден отказаться, – вздохнул тессорий, несомненно, обрадовав маршала, не держащего разносолов. – Последнее время я вожу свою пищу с собой и пью только молоко. К тому же чем быстрее я буду в Хексберг, тем быстрее из Улаппа придут новые пушки.

– В таком случае я не только не могу вас задерживать, но и не хочу, – усмехнулся фок Варзов. – Генерал Райнштайнер обеспечит вас должным эскортом. Я доверяю своим людям, но охранять тессория и будущие пушки следует бергерам. Генерал Ариго, вы согласны съесть то, что предназначалось нашему гостю?

– Согласен, – заверил Жермон и понял, что и в самом деле голоден.

2

Издали «Сытый дракон» ничем не отличался от других заведений, подстерегавших на большой дороге беспечных путников, но только издали. Разглядев обладающую роскошным дамским задом и еще более роскошным пузом гребенчатую тварь, Марсель понял, что батюшке мимо такого не проехать. Пусть Рокэ сколько душе угодно чует руины, предательства и прочую пакость, Валмоны тоже не без таланта и никогда не пропустят достойную кухню, что много приятней.

– Заворачиваем! – приказал виконт разогнавшимся спутникам. Кэналлийцы могли сутками ехать вперед, по изящнейшему выражению покинутого Шеманталя, «не спамши и не жрамши». Марсель тоже мог, но не хотел. Алва отлеживался в Савиньяке, Ракан развлекал закатных кошек, и к виконту вернулась любовь к удобствам, хоть и несколько изменившаяся. Марсель нынешний без крайней на то нужды нипочем бы не напялил тряпки, в которых щеголял прошлой весной, а щипцы для волос зашвырнул бы в ближайшую канаву. Что уцелело от бывшего Валме, так это отвращение к утренним пробуждениям и сухомятке. Семейное.

Солнце приближалось к полудню, а граф Валмон еще почивал. Батюшкин камердинер, не сразу признавший в предводителе дюжины кэналлийцев надежду рода, всплеснул руками и замер у стены в позе любимого светильника Коко, но с платяной щеткой вместо фонаря. Виконт ловко подхватил стоящий на столе бритвенный прибор и вступил в заполненную батюшкой спальню. Разумеется, лучшую в трактире.

– Кушать, то есть, простите, бриться подано, – возгласил он.

Батюшка приоткрыл правый глаз и дал знак подойти. Марсель подошел. Ухоженный палец коснулся воды и взмыл вверх.

– Слишком горячо. Пусть остынет.

Вода была ровно такой, как нужно, но Валмон раз и навсегда запретил себе и домочадцам совмещать туалет с важным разговором, а любопытство не позволяло ждать окончания процедуры. Марсель пощупал тазик и деланно вздрогнул.

– Убийственно! Дави наконец-то дозрел до покушения на вашу жизнь... Господин член регентского совета, разрешите доложить! Господин Первый маршал Талига желает видеть вас в замке Савиньяк.

– После обеда, – отрезал папенька. – Приглашаю вас попробовать новорожденного ягненка.

– Благодарю. Между прочим, рэй Эчеверрия, отбивший в Савиньяк, не только не дожидаясь обеда, но и презрев ужин, вас раскусил. Он утверждает, что вы меня проклинали без должной страсти, соответственно, проклятие не действует. Еще он утверждает, что я вправе требовать у кэналлийцев все, что хочу. Мне нужно с дюжину сапфиров, немного кружев, пару книг и алую ройю, но я могу добыть что-нибудь и для вас. В Кэналлоа наверняка водятся астры...

– С самого начала, – потребовал папенька, окончательно отвергая тазик. – Вы явились в столицу в начале зимы, а герцог Алва, вопреки вашим бодрым заверениям, оказался на свободе только сейчас. Хотелось бы понять, чем вы все это время занимались.

– Я боялся! – мстительно признался Марсель. – За ваши цветы. Озеро на месте Валмона казалось мне излишней роскошью, тем более – соленое. Видели бы вы Гальбрэ! Там не растет даже полынь и эти, забыл, как они называются, но Готти, пока не стал львиной собакой, был ими буквально облеплен. Их приходилось вычесывать...

– Я утратил нить вашей мысли. – В голосе графа послышались громовые раскаты. Пока еще отдаленные.

– Я говорил об астрах, – охотно напомнил Марсель, – то есть о том, что они вымрут, если рядом будут соленые озера.

И папенька не выдержал. Он проревел именно те слова, которых добивался Марсель. Дальше пошло, как в любимой с детства песенке.

– Озера могли бы появиться, – несясь вперед наследник, – если б я нарушил присягу. Присягу я бы нарушил, убив короля. Короля я бы убил, чтобы освободить от присяги Первого маршала, а Первый маршал сидел в Нохе, чтобы в Кэналлоа не было озер.

– Бред, – вынес вердикт отец.

– Не бред, – не согласился сын, – кошмар. Надорский. Оруженосец Окделл осудил своего господина. На шестнадцатую ночь случилось озеро. На месте замка. Озера я пока не видел. Видел гальтарскую маску у Капуль-Гизайлей. Символ возмездия... Так выразился барон, пока виновник торжества созерцал кошмары. Молодой человек был пьян, как родовой

символ, а это способствует блужданию духа. Или витанию? Короче, Повелитель Скал видел, что случилось с его оплотом. Конечно, замок был развалюхой, но и там люди жили...

Марсель перевел дух. Произнесенные вслух слова перестали быть смешными, зато вспомнилась гальтарская рожа. Маска падала в ночь гибели Надора. Маска падала в день смерти Альдо. Маска падала в день его коронации. А если она грохнется снова? В четвертый раз?

– Вы надоели сами себе, – удовлетворенно произнес родитель. – Тем не менее поздравляю. Ваши выводы о причинах странного поведения герцога Алва не лишены остроумия.

– Он сам об этом говорил, – с непонятной усталостью отмахнулся Валме. – Еще в Фельпе. Мы ждали боя, и Алва вдруг вспомнил, почему вместо клятвы на крови стали клясться честью. В древности клятвопреступников пожирали какие-то твари, вот самые дошлые и придумали честь. Правда, о родичах и владениях речи вроде не было, но позже я узнал про Гальбрэ...

– Вы узнали, что все жители города поголовно поклялись кровью?

– Я видел озера, – огрызнулся Марсель. – Не помню, как в Надоре с солью, но с предателями там все в порядке. Было.

– До такой степени в порядке, что замку следовало рухнуть во время мятежа, – отец все схватывал на лету, иногда это раздражало, но не сейчас, – хотя постойте... Обращать и наставлять Эгмонта после встречи с Вороном смысла уже не имело. Соответственно, не имело смысла уничтожать замок. Что ж, виконт, напрашивается вывод, что вы имели возможность спасти Надор, но не сделали этого. Не думайте, однако, что я вас порицаю. Это тот редкий случай, когда незнание оправдывает полностью. Трудно сказать, завалило бы Окделла, живи он в собственном доме. Тот, кто уничтожил Надор, мог счесть дарственную узурпатора недействительной.

– Как и мои верительные грамоты, – вздохнул бывший посол. – Сохранить урготское имущество и загубить Валмон было бы не по-хозяйски, но Гальбрэ-то снесло полностью. Со всеми окрестностями. То ли за верность самозванцу, то ли за что-нибудь еще... Лично мне проверять не хочется, разве что Ворона спросить. Видели бы вы, как он глядел на эти озера... А потом как примется жертвовать собой. Вы бы бросили астры, нас и отечество ради Фердинанда?

– Нет. – Отец казался чуть ли не оскорбленным. – Если б речь шла о Фердинанде как таковом.

Иди речь лишь о Фердинанде, Алва бы и не оглянулся. Он не оглянулся бы даже на Вейзеля с фок Варзов. Сделал бы дело, а после напился и швырнул бы в огонь очередное письмо. Чтобы сгорело...

– Сильвестра Алва любил, – задумчиво произнес виконт, – а короля – нет, но даже для Сильвестра... Нет, дело не в чувствах, а в присяге. Я ее разыскал. Это тоже подсказал Ворон. Не мне, Придду, когда возвращался в Ноху. Алва велел Спруту, когда тот станет приносить маршальскую присягу, хорошенько подумать. Окделл это слышал и рассказал. Подумать ему и в голову не пришло, а я попробовал. Все сошлось, и вдруг Надор! Я хорошо помню присягу оруженосца, сам приносил...

– «Честь моего господина – моя честь...» – подсказал папенька. – Боюсь, в юности вы восприняли это обязательство слишком буквально. Графиня Рокслей костлява.

– Не очень. Не понимаю, как присяга оруженосца, тем более отмененная самим же Алвой, могла угробить Надор, но она угробила. В Нохе Алве ничего не грозило, и я решил подождать. Я вертел все свои присяги и так, и эдак. Они казалась бескровными и безвредными, но в Надоре не уцелел никто, а вы слишком хорошо управляете Валмоном. Графство стало излишне многолюдным для землетрясений.

– Разумеется, – проворчал папенька и вновь попробовал воду. – Теперь может быть, но осадок мне не нравится. Пусть заменят... Виконт, вы меня удивляете. Неужели так трудно сообразить, что этот Окделл вдобавок к клятве оруженосца поклялся в чем-нибудь еще? На

этот раз именно кровью.

3

– Не представлял, что тессорием может стать не Манрик, – улыбнулся Жермон, – но Креденьи, на мой взгляд, не хуже.

– Старый плут, – согласился фок Варзов, – и всегда был плутом, но без пороха мы не останемся. Я не стал ему говорить, что дриксы за зиму подготовили осадный парк, который позволит занять Доннервальд быстрее, чем хотелось бы нам.

– Если Бруно навяжет нам сражение, – Райнштайнер отодвинул то, что осталось от гуся. Жаль, не того, что нацелился на Доннервальд, – исход его вряд ли будет приемлемым.

– Согласен, – кивнул Вольфганг, и Жермон внезапно решился:

– Мне не дает покоя сражение в самом начале кампании. – Все, главное сказано! – У нас треть армии в гарнизонах, у Бруно она, как вы сами только что сказали, собрана в кулак. Да, что-то он оставит для охраны Гельбе, что-то отрядит в Марагону и дальше на запад, но тысяч семьдесят у фельдмаршала будет при любом раскладе. Если мы на них нарвемся, ничего хорошего не выйдет, а наш разгром развяжет дриksam руки. Они смогут орудовать тут куда как спокойней и уверенней... Думаю, Бруно это очевидно.

– Это очевидно мне, и это было бы очевидно Фридриху! – Варзов то ли хмыкнул, то ли хрустнул послеобеденным яблоком. Раньше, то есть до известий об Алве, он позволял себе пару стопок, теперь как отрезало. – Если «гуси» вздумают бегать за нами по всей Придде, нам же лучше. Мы и до осени проманеврируем, только вряд ли в Эйрехте ждут докладов о маршах и переходах... Нет, Бруно гонять ветер в поле не станет.

– Нам следует как можно сильнее затруднить дриksam форсирование Хербсте, – подал голос Ойген, – а потом донимать со всех сторон, не ввязываясь в крупные сражения.

– Именно, – живо откликнулся фок Варзов. – И тебе, дорогой командующий авангардом, придется заняться коммуникациями. Свои магазины Бруно защитил и укрепил, но возить оттуда припасы ему придется. Вот и подпортишь «гусям» кормежку.

– Дриксы могут выбрать и другое направление. – Ойген задумчиво жевал, смотря в тарелку, словно на карту. – Я бы на месте фельдмаршала Бруно ударил через Мариенбург прямо на Пирольнест, тем самым разрубив провинцию пополам.

– Не исключено. – К куче яблочных огрызков прибавился еще один. – Нельзя забывать и про Южную Марагону, это у дрисков большое место. Узнаем, когда Бруно заявится к Хербсте, но действовать все равно придется на один манер.

– А что, если Бруно разделит армию пополам и ударит сразу в двух местах? – поделился своим вторым кошмаром Ариго. – Обе половинки для нас будут слишком сильны, поодиночке не разделаешь...

Маршал взглянул на яблоко, потом на Жермона, потом вновь на яблоко.

– Бруно у них один, – решил он. – Худшему, чем он сам, генералу он армию не доверит – не рискнет. Отдельный корпус еще выделить может, но это будут вспомогательные силы, не для серьезных задач.

– С началом боевых действий положение начнет меняться. – Ойген с удовольствием промокнул губы салфеткой. – Бруно придется оставлять гарнизоны в занятых городах, беречь переправы... Его коммуникации растянутся, сил на их защиту придется выделять все больше. Мы же, теряя в пространстве, сможем собрать воедино большую часть армии. При условии, конечно, что нас не перебьют по частям.

– И при условии, что это будет не Марагона, – добавил фок Варзов. – Пустить дрисков в Марагону то же, что пустить их в Бергмарк...

– Вариты в Бергмарк не войдут никогда, – Ойген бросил салфетку, – но я сейчас был не прав. Военная выгода не всегда является главным. Отдать Южную Марагону даже на несколько месяцев будет предательством тех, кто поверил нашему обещанию и начал спокойно сеять свой лен. Ландмилиция будет ожесточенно сопротивляться, даже если армия

покинет провинцию. В ответ дриксы будут действовать со свойственной им беспощадностью. Если вы примете решение отойти к Аконе, я буду просить оставить мой корпус для защиты Южной Марагоны.

– Знаете, чем вы оба отличаетесь от Фридриха? – Глаза фок Варзов стали лукавыми и при этом грустными. – «Гусь» смакует недобытые победы, а вы – неслучившиеся поражения. А надо просто делать то, что нужно, и видеть то, что есть. Рокэ так и поступал... Этому я его все-таки научил... Доедайте спокойно, а я уже сыт... и меня ждут.

Старика никто не ждал, просто он не желал их больше видеть. Ни Жермон Ариго, ни Ойген Райнштайнер, ни Савиньяки не заменяли Рокэ Алву. Для Талига они еще могли что-то сделать, но не для Вольфганга...

Глава 5

Западная Кадана

400 год К.С. 22-й день Весенних Ветров

1

«Господин Проэмперадор Надора!

Я отдаю себе отчет, что мое письмо может показаться бредом сумасшедшей, но умоляю Вас прочесть его до конца. Сперва я вынуждена напомнить, кто я такая и где Вы меня видели, ведь образ столь незначительной и лишенной привлекательности особы вряд ли сохранился в Вашей памяти. Я – внебрачная дочь графа Креденьи и вдова капитана Лаик Арнольда Арамоны. Я и моя старшая дочь Селина были приставлены герцогом Алва к герцогине Айрис Окделл, покинувшей вопреки воле матери Надор в надежде найти защиту у брата. Мой старший сын Герард стал порученцем герцога Алва и отбыл с ним в Фельп, где после сражения его произвели в офицеры. Последнее, что я знаю о своем сыне, это то, что по настоянию герцога Алва он сменил имя и сейчас зовется рзем Кальперадо.

Сразу оговорюсь: никаких поручений, помимо заботы о герцогине Айрис, герцог Алва мне не давал. Я осознанно ввожу в заблуждение военного губернатора Надора генерала Лецке, чтобы он в срочном порядке доставил Вам мое письмо. Умоляю, если Вы все же сочтете меня безумной, не изливать свое неудовольствие на господина Лецке и представившего ему меня господина Гутенброда, которого я также была вынуждена обмануть.

Теперь я перехожу к тому, что меня вынудило отважиться на столь дерзкий и не вызывающий уважения поступок. К сожалению, и здесь начать мне придется издалека. Вы могли слышать о бесследном исчезновении моего супруга из нашего собственного дома в Кошоне. Я понимаю, как нелепо это звучит и тем более выглядит на бумаге, но Арнольд Арамона умер, стал выходцем и начал преследовать собственную семью в точности так, как об этом рассказывает простонародье. Ему удалось увести с собой нашу младшую дочь Люциллу, после чего я со старшими детьми переехала в столицу к матери. По понятным причинам я скрывала нынешнее состояние моего супруга и моей младшей дочери, но старшие дети и кормилица Дениза встречались с ними и в Кошоне, и в Олларии. С помощью старинных деревенских заклятий мы вынуждали выходцев уйти, не причинив никому вреда.

В последний раз я видела своего покойного супруга в Октавианскую ночь, а Люциллу – в Багерлее, где мы с Селиной находились вместе с ее величеством во время засилья Манриков и Колиньяров.

Я не буду писать о прискорбных событиях, имевших место позднее, так как Вам о них, без сомнения, известно больше, чем мне. Я и моя дочь оставались с ее величеством, пока герцог Эпинэ не сделал предложения Айрис Окделл. С разрешения и по просьбе ее величества мы отправились в свите невесты в Надор, откуда я надеялась связаться с Вами при помощи графа Ларака и его сына Реджинальда. Айрис Окделл согласилась разыграть

помолвку, надеясь тем самым способствовать освобождению герцога Алва. Если мои слова что-то значат, я свидетельствую, что Айрис Окделл и Робер Эпинэ делали все возможное для спасения жизни герцога Алва и что ее величество показала себя более чем достойно, как в противодействии Манрику, так и после водворения в Олларию крайне неприятного и самоуверенного молодого человека, называющего себя королем Великой Талигойи Альдо Раканом.

Таким образом, мы с дочерью оказались в замке Надор и оставались там до последнего дня его существования. Об этом я вынуждена рассказать подробно, хотя мой рассказ, без сомнения, покажется Вам бредом помешавшейся от ужаса женщины. Если Вы бывали в Надоре, то должны помнить родник, бывший на вершине Надорского утеса. Этот родник иссяк, видимо, в ночь с девятнадцатого на двадцатый день Зимних Скал, поскольку наутро его русло уже было сухим. В ту же ночь в замке были собаки и слышались странные звуки, как будто кто-то бьется о стены. Тогда же в Надоре начала гибнуть водившаяся там в чрезмерных количествах моль.

В третий день Зимних Ветров мы, совершая конную прогулку, встретили у Надорского озера гигантских призрачных всадников в старинных одеяниях, причем один из призраков – женщина – ответила на приветствие Айрис Окделл. Сразу же после нашего возвращения в замок на Надор обрушилась снежная буря, полностью отрезавшая нас от внешнего мира.

В девятый день Зимних Ветров в замок вернулось некое существо, известное местным жителям из древних поверий. Обитатели Надора называли его Невепрь. Это создание походило на большого безголового и бесхвостого быка, поросшего черной шерстью и с ярко-красными раздвоенными копытами. Оно становилось видимым, только если закрыть глаза, но слышали его постоянно. Невепрь обосновался в Гербовом зале и – я понимаю, как глупо это звучит, – беспрерывно прыгал на одном месте, отчего по замку разносился несмолкающий грохот. Изгнать его не удавалось ни с помощью эсператистских молитв, ни с помощью четырех свечей и отгоняющих нечисть заклятий.

В одиннадцатый день Зимних Ветров Айрис Окделл решила покинуть Надор, несмотря на непрекращающуюся метель. Молодую герцогиню одолевали дурные предчувствия, и, как мне теперь кажется, их разделяли граф Ларак и его сын. К несчастью, лошади отказались подчиниться. Около полуночи буря утихла, Невепрь и собаки также смолкли, но Айрис Окделл не покидала тревога, хотя видимых причин для беспокойства не было.

Поздним вечером я ушла к себе, но еще не ложилась. Спустя какое-то время в мою дверь постучали. Это оказался выходец женского пола, назвавшийся капитаном Зоей Гастаки. Она обманом заставила меня тепло одеться, взять ценности и запас еды и последовать за ней. Моя дочь почувствовала ее присутствие – она и раньше чувствовала появление выходцев – и настояла на том, чтобы идти со мной.

Капитан Гастаки привела нас на вершину Надорского утеса к подножию лишенного коры мертвого дерева. Она сказала, что еще нет полуночи, хотя мне казалось, что уже позднее, и заставила нас укрыться в тени дерева. Вскоре мы стали свидетелями того, как гору покидают лежавшие там валуны. Капитан Гастаки назвала их стражей и объяснила, что отныне они свободны и обретают вечный покой. Тогда же она сказала, что замок и его обитатели обречены, потому что чашу разбили и ничего нельзя изменить. Те, кто оставался внизу, должны за что-то заплатить, а мы с дочерью – нет.

Началось землетрясение, и капитан Гастаки, вопреки своим словам, поддавалась на просьбы Селины и попыталась вернуться в замок, чтобы вывести Айрис Окделл и графа Ларака. К несчастью, после ухода стражей это стало невозможным. Так она сказала, и я ей верю, потому что Зоя Гастаки честна, отважна и великодушна, как немногие из известных мне живых людей.

Ночь мы переждали на утесе. Землетрясение его почти разрушило, но мертвое дерево уцелело. Перед рассветом капитан Гастаки вывела нас на мельницу, где когда-то покончил самоубийством сын хозяина. Оттуда мы пешком добрались до знакомой гостиницы у каданского тракта. Хозяин помог нам присоединиться к обозу с шерстью. Под видом

беженцев из Олларики мы доехали до Найтона, где и поселились под чужим именем. Я надеялась дождаться конца войны и возвращения сына, но в ночь с шестого на седьмой день Весенних Ветров меня вновь посетила капитан Гастаки. Она утверждает, что в Олларики происходит что-то необъяснимое и опасное. По ее словам, в столицу стало невозможно пробиться дорогами выходцев, как до этого невозможно было проникнуть в надорский замок. Я не полностью уловила суть угрозы, так как капитан Гастаки изъясняется не всегда понятно, но я не могу ей не верить и не могу оставаться в безопасности и молчать, когда Олларики грозит судьба Надора.

Капитан Гастаки уверена, что живые еще могут что-то предпринять. Она советует убирать паруса и становиться носом к ветру. Мне кажется, что это иносказание, которое способен понять моряк, тем более что капитан сравнила надвигающуюся опасность со шквалом.

Господин Савиньяк, я дважды перечитала свое письмо и полностью осознаю, что у занятого важными делами благоразумного человека оно вызовет лишь недоумение и желание прислать ко мне врача, но все сказанное – истинная правда. Я тревожусь о судьбе тех, кто находится в Олларики, в том числе о герцоге Алва и ее величестве. Я не знаю, что делать. Даже если мы с Селиной выйдем на городскую площадь и начнем кричать об опасности, кто нам поверит? Я не знаю, сколько у нас есть времени и есть ли оно вообще. Все, что я могу, это воззвать к Вам и к Создателю, но Создатель не смог или не счел нужным спасти Надор.

Остаюсь вашей преданной служанкой. Луиза Арамона, известная в Найтоне как госпожа Карреж.

7 день Весенних Ветров».

Госпожа Арамона могла не напоминать, кто она такая. Лионель Савиньяк прекрасно помнил худошавую белокурую даму и ее прелестную дочь, раз за разом ввергавшую Фердинанда в отеческое умиление. О дуэли самого графа с оскорбившим девушку Манриком капитанша деликатно умолчала, что говорило либо о недюжинном уме, либо о еще более недюжинном бескорыстии.

Женщина промолчала, но сам Лионель не забыл превращенную по воле Сильвестра в буффонаду дуэль. Слышал маршал и о сестре бордонского дожа, возмечтавшей о морских победах и сраженной пауками, и о прославленной надорской моли. Своей памяти Савиньяк доверял безоговорочно. Исчезновение Арамоны, новый порученец Рокэ, похождения графа Креденьи, вхожий к Лецке пивовар – все это было правдой. Граф в равной степени запоминал и дурное, и хорошее, и то, что на первый взгляд казалось ерундой. В обычной жизни это мешало, но не на войне и не в столице.

Лионель еще раз пробежал глазами странное письмо. Госпожа Арамона, здоровая ли, больная ли, времени зря не теряла. Вынудить Лецке срочно переслать письмо в Кадану дано не каждому. Теперь Прозэмперадор Надора осведомлен об обуявшей мертвую даму тревоге, только армия движется не к столице, а от нее.

В пятый день Весенних Ветров отдохнувшие войска покинули изонийский лагерь и той же дорогой, по которой пришел Фридрих, двинулись к границе Гаунау. Сломая голову, конечно, не неслись, но и времени не теряли: Фридрих еще не принес Талигу всей пользы, на которую был способен, и Лионель собирался выжать принца досуха. Через полчаса начинался совет. Второй после приснопамятного сражения. На первом генералы не торопились советовать Прозэмперадору, что делать дальше. Надо полагать, вспомнили его мысль – из Каданы удобно перенести боевые действия в Гаунау.

Прозэмперадор ожидания оправдал, объявив, что выступает на запад, но этим и ограничился. Он знал, что прикажет, едва Хеллинген подвел итоги сражения, но объявлять о вторжении в сильную и раздраженную неудачей страну следует должным образом. Так, чтобы соратники поняли, что другого выхода, кроме как победить еще раз, просто нет. Теперь время пришло. Маршал развернул карту и сосредоточенно уставился на нанесенные рукой каллиграфа надписи, отмечая места, где успели побывать люди Реддинга. Завтра

нанесенная на бумагу линия обернется говорливой речонкой, переступив которую ты начнешь большую войну, а уже не нарисованные горы закроют горизонт, отрезая армию и от выжидающей Каданы, и от Надора. Завтра пути назад не будет. Только вперед, через вражеские земли к перевалам и оттуда – в Бергмарк. Савиньяк резко оторвался от карты.

– Сэц-Алан!

– Мой маршал!

– Разыщите полковника Вайспферта.

2

Входя, генералы улыбались и шутили. Они знали, что услышат, и хотели услышать именно это. Отдохнувшая и разжившаяся трофеями армия рвалась дощипать «гусей», и Чарльз Давенпорт отнюдь не являлся исключением. Изонис почти смыла из памяти Надор, да и маршала стало выносить как-то проще. Высокомерие, скрытность и резкость никуда не делись, но за дурным характером Давенпорт теперь не мог не видеть таланта, отваги и удачливости. Требовать от начальства большего – глупо. Лучше побеждать с Савиньяком или Алвой, чем сдаваться с Фердинандом, каким бы добрым и приятным тот ни был. Король шептал, что все пропало и нужно сложить оружие. Его маршалы дрались за Олларов и Талиг вопреки Оллару. Давенпорт мог быть только с ними.

Чарльз невольно улыбнулся вошедшему последним Хейлу и, затворив дверь, застыл у порога, глядя, как костяк армии занимает место вокруг единственного стола. В последний раз скрипнул стул, чихнул так и не выздоровевший до конца Фажетти, сверкнул своими изумрудами обрамленный Фридрих...

– Господа, – черные глаза Проземперадора привычно сощурились, – я намерен ответить на три вопроса, которые вы не задали на прошлом совете, что, поверьте, я оценил в полной мере. Вас волнует, не ударят ли каданцы нам в тыл, не ударят ли они же по Надору и что мы будем делать в Гаунау.

Два первых опасения отменяют сами каданцы. Нас, как вы можете видеть, вторую неделю сопровождают усиленные разъезды, но никаких попыток обменяться письмами или пулями хозяева не предпринимают. Это подтверждает пришедшие еще зимой сведения. Сторонники войны с Талигом в Хёгреде нынче не в фаворе. Его величество Джеймс в должной мере оценил не только наши осенние успехи и недавний разговор с Фридрихом, но и Хексберг. Ему остается одно – ждать.

Если мы увязнем в Гаунау или, паче чаянья, потерпим поражение, Кадану может вновь обуять приступ храбрости. Нет – возобладает осторожность. Что до Надора, то для его защиты хватит гарнизонов и корпуса Кодорни, который я возвращаю в распоряжение Лецке. Соответственно, обязательства Талига перед Бергмарк ложатся непосредственно на нас. Хайнрих уже начал наступление на перевалы, но бергеры продержатся столько, сколько нам нужно. Хеллинген, каковы наши силы?

Начальник штаба развернул бумаги, но смотреть в них не стал.

– После сражения и сбора оставших, – объявил он, – мы располагаем девятнадцатью с половиной тысячами пехоты. Численность конницы: семь тысяч триста. Потери в конском составе удалось полностью возместить за счет трофеев. То же и с артиллерией. С учетом захваченных орудий у нас сто восемь пушек, в том числе две конные батареи. Запасы пороха, пуль, ядер – достаточные для продолжения кампании. С провиантом на ближайшее время трудностей также нет.

– Благодарю. Реддинг, что видели ваши люди?

Командир «фульгатов» был краток.

– Почти ничего, – с легкой досадой объявил он. – На той стороне в непосредственной близости войск нет. Фридрих тоже убрался в глубь страны.

– Тем не менее нашему другу нужно оправдаться перед тестем. – Маршал неожиданно усмехнулся, словно увидев нечто забавное. – Сделать это он может, лишь перехватив нас на

границе, иначе выйдет большой конфуз. Повел войска, проиграл, притащил на хвосте талигойцев и продул еще раз. Хайнрих таким оборотом будет крайне недоволен. В отличие от Бруно.

Я верю в нашего принца. Он просто обязан, не обременяя тестя дурными вестями, подгрести к своему поредевшему воинству все приграничные части и выступить нам навстречу. Больших сил на границе с Каданой гаунау не держат, серьезных подкреплений «Неистовый» быстро не соберет, а посему приказываю: на рассвете двадцать третьего дня Весенних Ветров перейти границу и двинуться по направлению к Альте-Вюнцель. Это крупный город. Угроза его захвата заставит Фридриха поторопиться. Дальнейшее зависит от его высочества и расторопности «фульгатов». На этом все. Господа Айхенвальд и Вайспферт, прошу вас задержаться. Реддинг, с заходом солнца отправляйте людей в глубокую разведку, а сейчас пришлите ко мне Уилера.

– Мой маршал! – вскинулся полковник. – Капитан Уилер выполнил приказ губернатора Лецке... Антал слишком хорош для Надора. Держать его в тылу – излишняя роскошь, да еще когда мы подняли медведя...

– Чем вы хороши и заодно плохи, так это тем, что сами делаете выводы и сами действуете. – Савиньяк чуть улыбнулся, словно ему одному понятной шутке. – Капитан Уилер мне нужен через полчаса. Смайс, что у вас?

И все. Больше ни одного слова, пока за последним из уходящих не закроются двери, а Уилер попался. Проземператору не нравится, когда капитаны ставят генералов в дурацкое положение, а именно это и проделал бравый «фульгат». Разминувшийся со схлопотавшим по осени пулю капитаном Чарльз немало наслушался о его подвигах от Робби Дира, и вот вчера Антал свалился на голову товарищам с двумя бочонками алатской касеры и каким-то письмом.

– Повезло! – громогласно вещал он. – Верите, братцы, шесть раз просился, а Лецке, Леворукий его побери, – ни в какую! Дескать, новобранцы у него не знают, с какой стороны на лошадь садиться! Они не знают, а я им руки тем концом вставляй?! Да из меня нянька, что из шляпы штаны!

Уилер совсем было наладился сбежать, и тут понадобилось догнать выехавшего часом раньше курьера. «Фульгат» предложил свои услуги, ничего не подозревавший губернатор кивнул, и Антал бросился догонять... Догонял он аж до приграничной каданской деревушки, где армия Савиньяка задержалась на дневку.

Воссоединившийся с товарищами капитан рвался протереть глаза заветным бочонкам, но попойку накануне марша не устраивают даже «фульгаты». Уилер подкрутил усы и отправился дразнить маячивших на горизонте каданских вояк. Он рассчитывал на заступничество своего полковника. Увы, Савиньяк слишком походил на Леворукого, чтобы уступать кошкам, даже закатным. Хорошо бы, обошлось головомойкой, но с командующего станется отправить беднягу назад, к Лецке, и как бы не тенъентом.

– Будет исполнено! – Смайс, держа двумя пальцами приказ, скрылся за дверью. Проземператор отодвинул блеснувшего зеленью Фридриха и что-то положил на стол.

– Господа, – сообщил он, – я получил письмо от одной дамы...

3

– Господа, я получил письмо от одной дамы, присутствовавшей при гибели Надора. – Лионель положил письмо на стол, не забыв убрать первый лист. Госпожа Арамона писала не только о Надоре, а маршал не любил раскрывать все карты. – Капитан Давенпорт, вероятно, вспомнит ее и, еще более вероятно, ее дочь. Селина Арамона – девица редкостной красоты. Сейчас мать и дочь находятся в Найтоне. Мать утверждает, что их спас от смерти выходец, что гибель Надора не случайна и что в Олларии, по словам все того же выходца, происходит нечто неприятное.

Я в своей жизни ни с чем потусторонним не сталкивался, если не считать нохского

Валтазара и призраков Лаик. Тем не менее письмо, при всей его необычности, кажется мне достойным доверия. Давенпорт, вы оказались на Надорском плоскогорье сразу же после землетрясения. Вайспферт, вы бывали там раньше. Айхенвальд, вы, насколько мне известно, относитесь к старинным поверьям со всей серьезностью. Вот письмо. Прочитайте и решите – госпожа Арамона сумасшедшая или нет?

Трое склонились над столом, и Савиньяк, не желая мешать, неторопливо отошел к окну. Торопиться было некуда. Хеллинген и Смайс не лягут, пока не убедятся, что армия выступит когда и как положено, а лезть в безупречно идущие часы – глупость, достойная младшего Манрика. Проэмперадор не для того подбирал людей, чтобы ходить за ними докучливой тенью.

Если б не письмо дуэньи, он бы провел вечер за бутылкой вина с Мениго и Фажетти, вспоминая прошлые шалости и прикидывая шансы Бруно и фок Варзов. Самому Лионелю расклад в Придде очень не нравился, потому он и рискнул вцепиться в уши Хайнриху, но это был понятный, шестнадцать раз просчитанный риск. То, о чем сообщала госпожа Арамона, бесило неопределенностью и ею же привлекало. Маршал не взялся бы сказать, что заставило его отнестись к письму серьезно – здравый смысл или алатские суеверия, спавшие в крови Савиньяков со времен красотки Раймонды.

Проэмперадор повел плечами, разминая затекшие от сидения над картами мышцы, и обернулся к подчиненным. Оба бергера смотрели прямо перед собой, серьезные, как перед атакой, а Давенпорт, по всей видимости, созерцал личного выходца. Последнее было странно. Откровений со стороны капитана Лионель не ожидал. Давенпорт с Хейлом доложили о Надоре предельно подробно. Оба были удручены, а Бэзил еще и раздосадован, но и только.

– Итак, господа?

– Госпожа Арамона не более сумасшедшая, чем весь Бергмарк. – В нарушение неписаных правил генерал заговорил раньше капитана и полковника. – Это очень смелая и честная женщина. Ей повезло встретить вернувшегося, который не забывает себя. Я просил бы отнестись к полученным известиям очень серьезно, особенно с учетом того, что земля в Надоре не прекращает трястись.

Вернувшийся явился тринадцать дней назад. Я предполагаю, что он не мешкал с предупреждением и встревожившие его признаки появились не раньше, чем предыдущей ночью. Если ожидаемое несчастье должно произойти на четвертый день, оно уже произошло. Если на шестнадцатый или двадцать четвертый, мы ничего не успеем предпринять, но я думаю, что срок длиннее. Ведь выходец говорил о возможности отвести несчастье.

– Я согласен. – Вайспферт только по недоразумению не был братом Айхенвальда. – Я видел стражей Надора и костяной дуб на утесе. Это место помнило. Его оскорбили, и оно взяло оскорбителей, но я не вижу самого оскорбления.

– Что такое костяной дуб? – уточнил Лионель, чувствуя, что придется стать еще и бергером. – Мертвое дерево?

– Не совсем, – поправил Айхенвальд. – Мы так называем деревья, у которых люди встречаются с теми, кто радуется. Они всегда стоят у источника, но не обязательно на горе. Они не мертвые, но особенные и похожи на почти белую кость. Они такие уже очень давно, но они стоят, пока не случится что-то чрезмерно плохое. В тени костяного дерева можно защищать себя от очень многих бед. Даже уничтожение целого замка не разбило костяной дуб. Правда, те, кто радуется, не враждебны тем, кто ушел и закрыл за собой ворота. Я так думаю.

– Давенпорт, а что думаете вы? – А ведь он видел похожие стволы! В Рафиано была ива, недалеко от Сэ – каштан. Рядом и в самом деле бил родник. – Капитан Давенпорт, очнитесь!

Капитан вздрогнул и вытянулся. Гвардия есть гвардия.

– Я... я тоже могу показаться сумасшедшим, но эта тварь... Невепрь, как она пишет, он на самом деле такой! Черный, с красными копытами. Он пытался спасти Айрис Окделл и

Реджинальда Ларака, но не смог. Они бы уцелели, если б не старая герцогиня. Вдова не отпускала младшую дочь, Айрис хотела ее увести. Потом рухнул потолок... Я это видел... Видел гибель Надора. Во сне, в ту самую ночь, когда все произошло. Я был там и не мог ничего сделать, только смотреть! Утром я думал, что это кошмар, потом... Я убеждал себя, что слишком много думал о Надоре, о его обитателях, а во сне почувствовал, как дрожит земля. Я и раньше... Однажды я понял, что будет оползень у реки, и он действительно случился...

Прошу меня простить, я забылся! Я верю всему, что написала госпожа Арамона. Это не может быть совпадением, и это не безумие, разве только с ума сошли двое.

– Вы не сошли с ума, – веско произнес Айхенвальд, – но вы совершили серьезный проступок, не доложив о вашем сновидении и ваших способностях. Плоды так называемого просвещения мешают нам отражать угрозы более серьезные, чем обычная война.

– Мой маршал! – Уилер, как и положено кошачьему отродью, возник тогда, когда всем стало не до него. – Прибыл по вашему приказанию.

– В данный момент, – сухо уточнил маршал. – Хотелось бы услышать, по чьему приказанию вы прибыли вчера.

– По велению долга! – браво отчеканил «фульгат». – Догнав курьера, я вручил ему письмо, за которое отвечал согласно приказу генерала Лецке. Исполнив, таким образом, возложенную на меня миссию, я...

– Вы ее не исполнили. Вам придется отвечать за доверенное вам письмо и далее. Сдайте тюрегвизе на хранение Смайсу и проверьте коня и амуницию. Вы отправляетесь к регенту. Через Бергмарк. В вашем распоряжении месяц. Когда доставите почту, вернетесь к Реддингу. Разумеется, если регент не найдет вам другого применения.

– Мой маршал, я «фульгат», а не курьер!

– Об этом следовало думать по дороге сюда. Давенпорт, коротко опишите ваше сновидение. Господин Айхенвальд, господин Вайспферт, прошу изложить ваши соображения регенту и маркиграфу. Через два часа жду вас с письмами.

Глава 6

Оллария

Вараста

400 год К.С. 5-й день Весенних Волн

1

Брат Анджело не лгал. Прошел месяц, и боль отступила, напоминая о себе лишь в ненастье и при резких движениях. Ричард уже спокойно ходил по дому, вставал, садился и даже поднимался по лестницам, то и дело забывая о проклятой ключице. Наказание следовало немедленно. Становилось чудовищно больно, а неожиданность не позволяла подавить стон.

Боязнь застонать при Катари удерживала от поездок во дворец сильнее врачебных запретов и пространных рассуждений эра Августа о том, что лучше выждать лишнюю неделю, чем мучиться всю жизнь, как мучился со своей ногой отец. Юноша вытерпел месяц. Терять время и дальше было преступлением. Когда Катарина лишится власти, а в город войдут ноймары, думать и тем более действовать станет поздно. Он и так тянул слишком долго, вернее, не он, а сломанная ключица. Счастье, что у Эпинэ не дошли руки до бумаг сюзерена, но рано или поздно он доберется и найдет...

Надевая черный, с багряной оторочкой камзол, юноша забылся и дернул рукой. Переломанным костям это понравилось ничуть не больше, чем вошедшему вслед за слугой Штанцлеру, но бывший кансильер хотя бы дождался, когда за сделавшим свое дело камердинером закроется дверь.

– Ты – член регентского совета, а я всего лишь отданный тебе на поруки старик. – Эр Август раз за разом пытался скрыть тревогу за шутками; получалось не слишком убедительно. – Не мне тебе указывать, и все же будь осторожен.

– Если кто-то мне и может указывать, так это вы, – ободрил старика Дикон, – но я не могу не ехать.

– Ты можешь пригласить Эпинэ к себе. Нам вовсе не обязательно встречаться, а Робер, как и большинство недалеких вояк, человек добрый. И он не может не понимать, в каком ты состоянии...

– Не в этом дело. – Бывший канцильер слишком эсператист, чтобы говорить с ним о Щите Скал, а право на тайну Эрнани есть только у Катари. – Мне нужно взять из комнат Альдо... одну вещь. Ничего важного, но это... касается только меня и сюзерена.

– Кинжал Алана не может быть не важен! – В голосе Штанцлера зазвучала прежняя сталь. – Ты поступил опрометчиво, выпустив его из рук. Как бы ты ни любил сюзерена, ты не вправе рисковать реликвией. Особенно теперь, когда ты – это Надор, а Надор – это ты.

– Это...

Сказать эру Августу, что все не так, и он продолжит расспросы, а завещанию Эрнани место в огне. После того, как его прочтет Катари.

– Я верую в Создателя и умру в этой вере, но даже для меня клинок Алана – святыня, а ты... – Старик не остановится, пока не выскажет все, что считает своим долгом. Что ж, пусть говорит. – Ты рассуждаешь о древних богах и призрачных реликвиях и выпускаешь из рук то, что принадлежит Скалам. Сперва – кольцо, теперь – кинжал. Иногда я не понимаю тебя, Дикон. Твои предки никогда не забывали, кто они, никогда не поступались Честью и Памятью. Это я могу струсить, отступить, повести себя как дриксенский шляпник, но не потомок Алана и сын Эгмонта! Ты едва не предал отца ради Ворона, и ты предал его ради Альдо Ракана, но Повелитель не может быть тенью сюзерена, даже самого лучшего! Это Раканы – единая тень Скал, Ветров, Молний, Волн, что и нашло отражение в их гербе.

Без поддержки Повелителей, без их единства государи ничто; судьба династии это доказала. Я не верю в еретические гальтарские сказки, но я верю в человеческую память. Забывая, мы убиваем. Не себя – своих потомков. Не Оллары уничтожили Гонтов, а Штанцлеры. Если на то пошло, вам с Эпинэ следовало вернуть собственные имена, а не возвеличивать где надо и не надо имя Ракана...

Нет, я скажу все, даже если ты выставишь меня из дома. Из губящего тебя дома! Здесь ты узнал, что такое роскошь, и здесь же ты начал забывать... Мальчик из Надора не поставил бы на кон родовое кольцо. Оруженосец Алвы сделал это с легкостью.

Любимчик государя принимал из его рук особняки, лошадей, золото, а ведь Окделлы не брали от своих королей ничего, кроме дружбы. И платили за нее жизнью и честью. Как святой Алан...

Знал бы он, что Алан заплатил жизнью, а Рамиро еще и честью не за дружбу Эрнани, а за его предательство и трусость. Ричард медленно повернулся и взял с каминной полки перчатки.

– Мои отношения с сюзереном касаются только меня! – Не нужно оправдываться, нужно действовать. Говорят не слова, а победы. – Я помню, кто я, и я... как вы изволили заметить еще в Багерлее, уже вырос. Разумеется, я никуда вас не отпущу. Вы останетесь в моем доме и под моей защитой, но поучения мне больше не требуются. Простите, мне надо идти.

– Иди. – Эр Август отступил в глубь комнаты, словно освобождая дорогу. – Ты прав, я не имею права тебе указывать. После гибели Эгмонта его никто не имеет, но я могу попросить. Береги себя и не верь тому, что на первый взгляд кажется простым и понятным. Я имею в виду Карваля... теперь уже генерала. У меня есть серьезные основания считать его человеком Дорака, приставленным к Анри-Гийому. С Эпинэ говорить бессмысленно, он опять схватится за пистолет, но тебя предупредить я обязан.

Коротышка – шпион Дорака?! А что, очень похоже... Карваль никогда по-настоящему

не служил делу Раканов, и он с такой готовностью переметнулся к нынешним победителям...

– Эр Август, – решил Ричард, – давайте обсудим это позже. Не волнуйтесь, я никогда не доверял Карвалю, и я не собираюсь о нем говорить с кем бы то ни было.

2

Этого адуана Матильда запомнила еще зимой. Бедняге в рот угодил ком земли, вывернутый бежавшей впереди лошадью. Товарищи пострадавшего ржали, сам он плевался, ругался и вытирался. Принцесса, которой как-то довелось скакать с залепленным грязью глазом, преисполнилась к варастию сочувствием. Второй раз они столкнулись в начале Весенних Ветров. Бездорожье в Варасте оказалось страшней, чем в Черной Алати. Многочисленные ручейки и речки сделали степь почти непроходимой, и Тронко заполнился болтающимися без дела вояками, которых и разглядывала дожидавшаяся ответа от брата Альберта принцесса. Некоторые казались знакомыми, в том числе и «Залепленный». Теперь адуан попался на глаза в третий раз. Матильда с ленивым любопытством следила за всадником на пегой лошади, неспешно проезжавшим тихой улицей, и не услышала, как пришел Торрихо. Адьютант командующего поклонился и сообщил, что ее желают видеть. Матильда кивнула. Торрихо добавил, что рэй очень извиняется, но...

– Знаю, – оборвала кэналлийские излияния принцесса, – и сочувствую.

Дьегаррон был маршалом вежливым. Он не стал бы зазывать даму к себе, если б не старая рана и вчерашняя гроза. Смену погоды командующий переносил с трудом. Как он, такой, собирался воевать, Матильда не представляла, но ответственность творит с мужчинами чудеса. С настоящими мужчинами, а Дьегаррон был именно из таких.

Адьютант озаботился привести уже оседланного коня, и Матильда с готовностью полезла в седло, очередной раз сравнивая варастиюские обычаи с агарисскими – не в пользу последних.

– Вовремя мы чесанули, – пробурчала под нос ее высочество и наткнулась на вежливый вопрошающий взгляд. Пришлось пояснить: – Я про Агарис... Что бы я там при морисках делала? Ни я им такая не нужна, ни они мне...

То, что города, угробившего ее жизнь, больше нет, в голове не укладывалось. Бунт, обычную войну или какую-нибудь чуму Матильда еще могла представить, но вынырнувшие непонятно откуда шады разнесли Святой град чуть ли не по камушку. Это казалось дурной сказкой; тем не менее ее высочество не сомневалась, что Дьегаррон говорит правду. Во-первых, такое не придумать даже с самой больной головой, а во-вторых, братец соизволил наконец ответить, и ответ этот полз до Варасты без малого два месяца. Разумеется, если верить тому, что Альберт взялся за перо в конце месяца Зимних Скал. Матильда не верила.

Альберт приняховался, пока из Агариса не запахло дымом, после чего немедленно принялся писать в Варасту, в Олларию, в Валмон. Дескать, я возлюбил Талиг, отринул Гайифу с Агарией, порицаю внучатого племянника и прошу отдать на поруки сестру не потому, что кардиналов рассовали по мешкам, и не потому, что Гайифу с Агарией теперь сподручней не доить, а стричь, а потому, что верен завету Балинта Мекчеи. Завету летучей мыши он верен! Берут верх птицы – вот вам крылья, звери – вот вам уши и зубы, а во время драки – в пещеру. И висеть, пока кто-нибудь не победит...

– Ваше высочество! – Дьегаррон и раньше был не слишком улыбчив. Больная голова сделала маршала совсем деревянным, но с крыльца к даме он все-таки спустился. Кэналлиец, кошки его раздери...

– Спасибо. – Принцесса удачно спрыгнула на землю. В Тронко ее искусству наездницы отдавали должное, не то что в Агарисе. Жаль, других достоинств немного осталось. – Зря вы вышли.

– Позвольте об этом судить мне, – не согласился Дьегаррон, придерживая двери. Вблизи маршал выглядел еще хуже, чем издали. Лечь бы ему, но такого, пожалуй, уложишь.

Адриан тоже ползал до последнего, да и отец... Это Анэсти умирал от каждого чиха и жил, жил, жил, пока поздно не стало.

– Ваше высочество, прошу вас сесть. Я должен извиниться и объяснить...

– Ничего вы не должны, – хватит с нее экивоков и этикетов, – я здорова, вы – нет. Говорите, что надо, и ложитесь.

– Я здоров, – соврал Дьегаррон. – Просто в Кэналлоа считают, что узнавать дурные новости лучше в чужом доме и от чужих людей.

А ведь верно! Дурные вести в стены въедаются, не отскребешь.

– Что-то с Дугласом?

– Я не имею сведений о капитане Темплтоне, но у Шеманталя все в порядке. Ваше высочество, сегодня утром от него прибыл курьер. Я вынужден сообщить...

Курьер от Шеманталя. С алатской границы... Значит, ее решили выдать Альберту, а тот запрет сестру в Сакаци. Теперь уже навсегда. Что ж, могло быть и хуже.

– Сообщайте, – разрешила Матильда. Детство, юность и рядом старость и конец. На тех же камнях, у той же речки.

– Ваше высочество, мне очень...

– Чего уж там, – посочувствовала талигойскому маршалу принцесса, – вы человек подневольный. Кто решал, тому пусть и будет тошно.

– Так решила судьба. – Голос кэналлийца стал глухим. – Ваше высочество, я... Насколько я помню, вы предпочитаете вино касеру.

– Предпочитаю. Но пакости выслушиваю на трезвую голову. Мне ж еще что-нибудь подписать нужно будет. Давайте, засвидетельствую, что на мою честь вы не покушались.

– Письмо? – Глаза у Дьегаррона были не хуже, чем у Робера. И не меньше. – Зачем письмо?

– Письма всегда нужны, – назидательно сказала ее высочество, уже сожалея, что отказалась от касеры. – С печатями. Особенно если рядом шуршит мой братец. Ночью он вам одно скажет, утром – другое, а к обеду вас не узнает. Да, Бочку я с собой в любом случае заберу.

– Мне не нужна никакая бумага. Квальдэто цера... Бонифаций раньше десятого не объявится... Нашел время.

– А своей головы нет? – Это начинало надоедать. Кэналлийский вояка бекал и мекал, как агарисский придурок.

– Своей головы у меня немного все-таки осталось. – Дьегаррон изобразил улыбку и налил касеры. В два стакана, хотя сам не пил. – Ваше высочество, я не только команду армией, я отвечаю за все происходящее в Варасте. Поэтому я не стал дожидаться его преосвященство. Я... Я должен вам сообщить, что ваш внук пытался объездить принадлежавшего маршалу Алва коня, и конь его убил. Это произошло в шестой день Весенних Ветров. Я получил известие утром. Я могу вам чем-то помочь?

– Мне не надо помогать.

Зачем-то она посмотрела на потолок. Потом – в окно и увидела давешнего адуана, вернее, его лошадь. Растолстевшая за зиму кобыла медленно брела кровавым от маков берегом. Взмахивал, отгоняя мух, белесый хвост, безнадежно ярко светило солнце.

– Отойдите и сядьте. Я не упаду, а вы можете.

Она ничего не чувствовала, ничего! Ела, спала, пила. Беспокоилась о Дугласе, о Робере с гоганской дурочкой, о паре агарисских знакомцев, но не о внуке. Выла от его бредней, злилась, а ведь в глубине души верила, что судьба вытащит дурня из любой ямины. Судьба передумала.

– Что это была за лошадь?

Дикий вопрос и ненужный. Больше ничего не нужно.

– Вороной мориск. – Дьегаррон упрямо торчал рядом. Решил, что она будет рыдать или падать в обморок. Не будет. Не умеет она этого.

– Спасибо.

Хочет помочь, не знает как. Тоже мне враг! Зверь кэналлийский... Глаза б не глядели!
– Ваше высочество, я не могу ни за что ручаться, но если это будет хоть немного зависеть от нас...

– Что может зависеть от вас?

– Похороны. Если вам трудно писать, скажите. Я отправлю срочных курьеров. В Валмон, в Алат, к регенту...

– Не нужно. Хватит таскать покойников. Вообще хватит.

Принцесса посмотрела на свои руки и поняла, что держит стакан с касерой. Она его взяла, потому что Дьегаррон налил. Кэналлиец хочет помочь. В самом деле, почему бы не налить пьющей бабе? Пускай запивает, не впервой. Пускай запивает, плачет, кричит...

Матильда Ракан молча поставила стакан на стол. Вспомнила о фляге, вытащила, положила рядом. Встала. Повернулась. Вышла.

3

Бумаг от Альдо осталось немного, но времени на них все равно не хватало. Марианну за минувший со смерти Альдо месяц Робер видел три раза, Клемента – четыре, но погромов в столице не случилось, голода тоже. Барсинцы и те сидели тихо. Все шло более или менее сносно, а Иноходец с Катариной украдкой считали дни до ответа из Ноймаринен. Ждать оставалось в лучшем случае недели полторы, в худшем – столько, сколько сочтет нужным истинный регент.

Сестра отзывалась о герцоге Рудольфе с теплотой, но она не поднимала мятежа и не вешала родичей губернатора, а договор с Савиньяком после переворота утратил силу. Власть вернулась к Олларам почти без помощи южан и уж точно без участия сидевшего в тюрьме Эпинэ. Робер и не подумал бы возмутиться, верни Ноймаринен мятежного герцога в Багерлее, но Карваль, Пуэн, Сэц-Ариж не должны болтаться в петле, что бы они ни натворили в Старой Эпинэ. А натворили они немало...

Робер прикрыл руками глаза, соображая, что важнее – письмо Гаржиака или жалоба гильдии лекарей, – но пришлось заняться третьим, потому что явился Ричард. Неожиданно и удивительно не к месту, но не выгонять же. Это Карвалю или Мевену можно сказать, что занят и просто устал до потери соображения, а Дикон, чего доброго, надуется и отправится со своей обидой к Катари. Сестра переносила эти визиты со все большим трудом. Она не жаловалась, но спать на ходу не значит ослепнуть.

– Передать корнету Окделлу, что вы заняты? – услужливо подсказал Сэц-Ариж.

– Нет... Пусть войдет, и, во имя Леворукого, не называй его корнетом!

– Простите, монсеньор, это лучшее, что можно о нем сказать.

– Не пытайся переплюнуть Придда, и вообще...

Никакого «вообще» в голову не приходило. В нее ничего не лезло, кроме ромansa, который пел сгинувший Валме. Жеманные строчки напознали друг на друга, забывая все, кроме усталости. «Это было печально, я стоял у окна», – пробормотал сидящий за столом Робер. Жильбера, к счастью, в кабинете уже не было. Робер снова прикрыл глаза. «Это будет печально, – раздалось в голове, – я не вспомню о вас...»

– Мне нужно с тобой поговорить.

– Садись. Как ключица?

– Прошла... Проходит... Робер, мы не можем терять времени. Скоро придут ноймары.

Что для Дика скоро, для них с Катариной и Карвалем – тысяча лет, но дуралей опять наслушался Штанцлера.

– В Олларию, скорее всего, войдут ополченцы из Приморской Эпинэ и кэналлийцы. Ноймаринен воюет, он вряд липустит к нам хотя бы полк.

– Тем лучше. Ты еще не разбирал его бумаги?

– Чьи? – Изнемогавший в борьбе с романсом Иноходец не сразу сообразил, о ком речь. – А... Нет, руки не доходят. Я же говорил на прошлом Совете.

– Тогда это сделаю я. Альдо мне доверял, то есть он доверял нам с тобой, но ты занят... А мне рука не помешает.

– Нет, Ричард, это мое дело. – Будь Альдо жив, правда о нем пошла бы Дику на пользу, но мертвый имеет право на хотя бы одну любовь.

– Понимаешь, – Ричард усиленно разглядывал блестящий вопреки всем переворотам паркет, – там есть одно письмо... Личное. Оно лежит в гайифской шкатулке... Той самой, что взяли в гробнице. Если ты ее увидишь... Клянусь Честью, это касается только меня и Альдо. Я бы не хотел, чтобы это прочел даже ты.

– Хорошо, я верну это письмо тебе. Если найду. От кого оно?

– Оно лежит... лежало в шкатулке. Я не имею права сказать больше.

– Это так для тебя важно?

– Да! Там...

– Ты же не имеешь права говорить. – Наверняка что-то про Катари. Сестра уже не знает, что с этой любовью делать. – Я скажу тебе, когда займусь письмами. Ты узнаешь свое без шкатулки?

– Конечно! – Дикон перевел дух и торопливо выпалил: – Робер, ты думал о том, что мы будем делать дальше? Мы с тобой?

Зубы заговаривает... Дипломат! Точно просил руки Катарини и будет просить снова... А потом женится с горя на какой-нибудь Мирабелле.

– Если разрешат, я отправлюсь на войну. Хоть полковником, хоть капитаном... Буду рад взять тебя с собой. Конечно, когда ты поправишься...

– Я не об этом! Мы должны вернуть свои истинные имена! Катарина... Ее величество подпишет, и...

– Кому это сейчас нужно? – Работать, не спав две ночи, еще можно, но спорить об именах...

– Мы должны помнить, кто мы есть! – Нет, это не дипломатия, вернее, не только дипломатия. – Робер, истинные имена нужны нашим потомкам, нашим предкам... Всей Талигойе, всем Золотым землям.

Золотым землям если что сейчас и нужно, то покой. И предкам тоже. Где положили, пусть там и лежат. Правые, виноватые ли, не нам их судить.

– Наших предков вынудили взять эсператистские клички, но мы можем это исправить. Мы не можем идти вперед, пока не вернемся назад! – Дик явно счел молчание знаком согласия. – Повелители Молний на самом деле Марикьяре, Повелители Скал – Надорэа.

– А Оллария на самом деле Кабитэла. – Гаржиаку он ответит утром. И врачам тоже. – Деревня, в которую Эрнани перетащил столицу. Нынешние Фебиды и те больше... Предлагаешь выгнать три четверти горожан и снести все кварталы за Старыми аббатствами?

– Не говори глупостей, – потребовал Дикон. – Истинное имя даже больше, чем знамя. Ты – Повелитель Молний, я – Повелитель Скал, Алва – Повелитель Ветров, а кто такой Оллар? Бастард какого-то марагонца! Если хочешь знать, то да, мне противно жить в Олларии. Святой Алан, это... унижительно!

– Ты забыл Повелителя Волн. Дикон, мне плевать, кем был Франциск. Мне нужен приличный лес на починку Нижних мостов и моста Святого Луки. Срочно нужен, иначе с берега на берег придется таскаться через предместья. А если мы не заплатим врачам, в больницах останутся только больные...

– С тобой говорить – все равно что с... Налем! Нельзя видеть только кормушку и сбрую! Ты не крестьянин, не купец... ты даже не какой-нибудь дриксенский кесарь. Ты – один из Четверых. Потомок бога. Кэртиана завещана нам и оставлена на нас. Никакого Создателя нет, есть мы! И мы должны помнить свое имя и свое предназначенье.

Один уже вспомнил... Лучше б он этого не делал.

– Дикон, я слушал этот бред дольше тебя. И про избранников Кэртианы, и про меч Раканов, и про великую анаксию... Моро показал, чего все это стоит.

– Дело не в Моро! Альдо ошибся. Он должен был вернуть власть над Талигом, а не над

Силой, ведь Эрнани Колченогий отрекся за всех своих потомков... Альдо об этом не подумал. Он решил, что Левий подменил жезл, потому что Катари узнала корону, а я – меч.

– Жезл Альдо чувствовал. – Леворукий, что за чушь они несут! – По крайней мере, он мне так говорил...

– Правильно, но не мог подчинить без согласия Повелителя... Сила принадлежит не Раканам, а нам! То есть силы, но к ним нужны ключи. Их должно быть четыре и один, замыкающий, который призовет остальных. Это все есть в Слове Повелителей! Скалы – это щит, а Молния, наверное, копье. Их могли спрятать в Гальтаре, но это вряд ли. Если Эрнани вывез меч и жезл, он забрал и остальное. Жезл Раканы отдали Эсператору, потому что Приддам и раньше нельзя было верить, но два оставшихся ключа или в наших владениях, или здесь. Может быть, в Арсенале... Если мы их найдем, то почувствуем. И они нас почувствуют, жаль, ты не видел... Когда Алва взял в руки меч Боррасок, загорелись четыре солнца.

– И что? – Солнца, мечи, щербатые девчонки, сны с огнем, они никого не спасут и ничего не изменят. – В мире много того, что нам не понять. Иногда оно нас задает. Может помочь, может напугать, может даже прикончить... Любая кормилица знает уйму сказок, которые были правдой, только побеждаем мы сами и проигрываем тоже сами, что бы нам ни снилось... Кабитэла стала Олларией не потому, что Франциск нашел гальтарский щит. Мараговец был великим человеком, мы с тобой ему, во всяком случае, не чета.

– Франциск победил из-за эсператизма. – Признавать достоинства мертвого короля Дикон не собирался. – Посмотрел бы я на бастарда, если б его встретили Молнии.

– Закатные твари, выбери что-нибудь одно! – Они с Альдо были не разлей вода шесть лет. Понадобился Дикон, чтоб понять, до какой степени сюзерен потерял разум. – Или решает и избирает Кэртиана, но тогда она выбрала Франциска. Или все решают люди, а не Мечи и Солнца. Вот бастард и решил. И вышло по его. Извини, скоро придет Карваль. Если у тебя еще какое-нибудь дело...

– Мне нужен пропуск в Арсенал, – набычился Ричард, – и мне нужен пропуск к гробу сюзерена.

– Хорошо, я попрошу Левия. Только дай слово не стоять на коленях и не размахивать мечом. Врачи...

– Я знаю. Я проведу там четыре ночи. За себя и... за всех.

Ему тоже бы следовало... Хотя бы ради Матильды.

– На регентский совет можешь не ходить. Ты все равно там спишь.

– Это мой долг. Я приду.

Глава 7 Мариенбург Оллария

400 год К.С. 15-й день Весенних Волн

1

Приказ был предельно ясен. Спешно выдвигаться к Печальному языку, лечь костями, но переправы дриксенского корпуса не допустить. К маршу авангард был готов, что до костей... Четыре тысячи пехоты и шесть конницы при двух десятках орудий и малой толике удачи позволяли не просто отстоять переправу, но и положить на ней изрядное число «гусей».

– Все понял? – устало спросил фок Варзов.

– Все, – ответил Жермон, чувствуя в глотке плохо обструганный кол.

– Иди, – велел маршал, – готовься. Выспаться у тебя не выйдет, уж извини... Авангард – дело такое, бессонное. Если за ночь придет подтверждение, я тоже двинусь; и мне не

нужно, чтобы кто-то хватал меня на марше за ноги.

– К вечеру мы будем готовы, – заверил Ариго и вышел. Карсфорн, Ансел и Придд уже ждали. Утренние известия положили конец гаданиям. Бруно свой ход сделал, и отвечать на него следовало немедленно.

– Выступаем? – для очистки совести спросил Ансел.

– Мы – как соберемся, – уточнил Ариго, – старик – утром. Если придет подтверждение. Два десятка пушек – наши.

– Неплохо, – Карсфорн был почти доволен. Совсем довольным начальник штаба стал бы, прибрав к рукам половину армейских орудий. Хотя тогда он пребывал бы в тревоге из-за неприлично малого артиллерийского парка основной армии.

– Вот приказ, – Жермон без лишних объяснений сунул Карсфорну подписанный фок Варзов лист, – действуй. Мне нужно зайти к бергерам.

– Нам передают один из полков Райнштайнера? – оживился жадный начальник штаба. – В таком случае я предпочел бы...

– Ты предпочел бы весь корпус, – фыркнул Жермон, – и еще ардорцев в придачу.

Карсфорн не обиделся. В глубине души он гордился своей прижимистостью и любил своего генерала, к тому же только что получившего пушки. Рвался в бой и Ансел – ему не терпелось заплатить за Олларию хотя бы дриksam.

Жермон подкрутил усы и вскочил в седло, удачно освободив место у крыльца для подъехавшего Давенпорта. Все верно. Первыми получают приказ те, кому уходить раньше. Или те, кто прикрывает отступление, но до этого не дойдет, не начало Двадцатилетней... Тогда положение Талига было не в пример хуже, да и при Алисе... Дриксен с большой войной опять поторопилась, а придурок в столице погоды не делает. Первая оторопь прошла, а злость Ансела и иже с ним стоит дорого. Дороже «павлиньих» подачек...

– Герман!

– Я тебя как раз ишу... Ты занят?

– Уже не слишком. – Ойген не был бы Ойгеном, если б этим и ограничился. – Я имел непростой разговор с генералом Шарли и убедил его принять мою точку зрения. У тебя ко мне дело?

– Не совсем... Ойген, мне не нравится полученный мной приказ. Он кажется абсолютно верным, я могу его исполнить, и я его исполню, но... Разрубленный Змей, сам не знаю, что на меня нашло, но я не хочу идти к Печальному языку. Не хочу – и все!

– Хорошо, – сразу согласился Райнштайнер, – давай обсудим наше положение. Иногда понимание приходит во время разговора. Если ты меня убедишь, я еду с тобой к маршалу Запада, но сперва – убеди.

– Лучше ты меня успокой.

Странное ощущение. Наверное, так чувствуют себя прозревающие щенки. Исчезает защита, то, что казалось незыблемым и неизменным. Ты уже не уверен, что мать загрызет врага и вытащит за шиворот из любой переделки. Ты уже не уверен, что Рудольф справится с любой напастью, а фок Варзов – не ошибется. Хуже того, они сами не уверены, по крайней мере, регент, вот и выходит, что теперь ты такой же... зрячий.

– Я не стану тебя успокаивать, – счел своим долгом объявить Райнштайнер. – Я буду напоминать тебе, как все шло, а ты будешь меня останавливать там, где тебе видится ошибка. Это наиболее разумно. Бруно вышел к Хербсте раньше, чем мы ожидали, но сразу переправляться не стал, а свой основной лагерь разбил на расстоянии дневного перехода от реки. Тут нужно отдать должное прозорливости нашего командующего, вставшего у Мариенбурга, отсюда наиболее удобно прикрывать все самые опасные направления. Пока ты согласен?

– Да.

– Ты странно краток, – поделился наблюдением барон. – Хорошо, продолжаю. Мы предполагали, что дриksы предпримут демонстрации, дабы сбить нас с толку, – и они их предприняли, у Ойленфурта. Заметь, Герман, маршал оказался прав, отправив туда в

качестве подкреплений две тысячи человек, а ты со своими опасениями, что этого мало, – нет. Потом была их диверсия против Зинкароне, снова вполне ожидаемая. Мы решили, что это предвещает выступление главных сил, и что же? Теперь есть все основания полагать, что так и есть.

– Не знаю. – Ох уж эти «основания полагать», у Кальдмеера они тоже имелись. В избытке. – Разведчики, что были на дороге к Доннервальду, видели не так и уж много. Мы решили, что Бруно пойдет туда самой короткой дорогой. Это в его духе: долго думать и быстро действовать, и что? «Гусь» явился сюда и встал почти напротив нас. Пойми, когда Вольфганг решил готовиться к спешному маршу на восток, я был согласен. И то, что мы стояли и ждали подтверждений, тоже правильно. И подтверждения мы получили, да еще этот их корпус...

– ...который уже двинулся в направлении Печального языка, – напомнил Ойген. – По всем расчетам он будет там завтра, но Рёдер обязан продержаться до подхода помощи. Переправившись, эти пятнадцать тысяч создадут нам серьезную помеху на дороге к Доннервальду, что позволит Бруно не только форсировать Хербсте, но и закрепиться на нашем берегу. Маршал фок Варзов хочет, чтобы ты этому помешал. Еще раз спрошу – что тебе не нравится?

Ойген не забыл ничего. Бруно действительно нужен Доннервальд, и переправляться ему лучше не при талигойцах.

– Когда ты так говоришь...

– Тогда скажи сам.

– Чрезмерная... уверенность. – Вот оно! Чрезмерная уверенность Вольфганга в том, что он понимает противника. Да, Бруно раньше действовал именно так, но кто сказал, что он вообще не умеет рисковать? За последние полгода случилось столько всего, почему бы и Бруно не учудить какое-нибудь замысловатое коварство? – Варзов думает, что разгадал маневр Бруно, а если это не так?

– Ты можешь предложить что-то лучшее?

– Мог бы – предложил!

Райнштайнер торжественно наклонил голову. Это предвещало речь. Серьезную и длинную.

– Герман, – начал бергер, – я очень хорошо понимаю твое беспокойство, а ты – нет. Тебя беспокоит Излом, во время которого все должно идти не так. Ты не понимаешь, что это за «не так», и примеряешь его к Бруно, к тому, что старый гусь станет действовать как молодой Ворон. Поверь мне – не будет, но тревогу твою я разделяю полностью, просто я называю ее тем, что она есть. «На перевале следует держать рот закрытым, а меч во время Излома – убранным в ножны». Так говорят у нас, так раньше говорили даже вариты. К несчастью, от войны могут отказаться либо все, либо никто. Нам придется воевать, Герман, и да помогут нам наши предки и наш разум.

2

Заседания регентского совета становились все никчемней. Вникать в бесчисленные доносы, прошения, жалобы, отчеты и прочую муть было бессмысленно, и Дик просто сидел и смотрел на поникшую в своем кресле королеву. Катари не пропустила ни единого совета, но вряд ли понимала, о чем речь. В конце королева брала перо, не глядя ставила подпись на поданных ликтором бумагах, поднималась и уходила вместе со своими дамами и Пьетро. Дикон дважды пытался раскрыть ей глаза на белобрысого монашка. Бесполезно. Королева верила любой лжи, если она шла от Левия, а никчемность и трусость Пьетро ее не волновали. Еще бы, ведь он сопровождал святого Оноре!

Катари не отвратило даже то, что тогда еще послушник бросил святого и удрал. Слуга Создателя не обязан быть воином? Допустим, но человеком-то он быть обязан! Струсить, предать и солгать под присягой впору какому-нибудь Салигану, но не духовнику ее

величества. Неряху-маркиза, кстати, так и не нашли, хотя искали, и, по словам Карваля, усердно. Салиган, как и положено вору, умудрился исчезнуть из дворца чуть ли не за минуту до того, как Мевен перекрыл входы и выходы. Особняк, в котором Ричард зимой обнаружил краденное, стоял пустым, ничего не знала и Марианна. Оставалось согласиться с тем, что мерзавец покинул Олларию. Ничего, они еще встретятся, и пусть не говорят, что шпага для такой твари слишком хороша!

Есть вещи, которые не перепоручишь судьям и палачу. Именно поэтому Дик не требовал лишить Салигана титула. Они встретятся как дворянин с дворянином. Если маркиз не пожелает драться, он умрет, как Иорам Ариго. Правоту расправившегося с трусом Ворона не оспорил даже эр Август. Бывший канцильер никогда не поступится честью, но он умеет признавать свою неправоту. Насколько стало бы легче, будь таким же и Эпинэ, но он уперся как осел и со Штанцлером, и, что куда печальнее, с долгом Повелителя. Альдо как-то удавалось заставить Иноходца бежать. Оставшись без сюзерена, бедняга совсем скис. Обратная сторона бездумной верности, как говорит Дженнифер Рокслей. Обидно, но иначе не скажешь...

– Ваше величество! Прибыл посланник герцога Ноймаринена. – Прервавший ликторское рокотанье доклад прозвучал тем более неожиданно, что регентский совет разрешалось тревожить лишь в исключительных случаях. – Он просит разрешения войти

Святой Алан, ответил! Как быстро... Рука рванулась к эфесу, и юноша услышал собственный сдавленный вскрик. Он так и не привык беречь плечо. И к тому, что они просят мира у потомков Манлия, тоже не привык.

– Пусть войдет. – Это были первые слова, произнесенные сегодня Катари, не считая положенных по этикету приветствий. – Мы ждем.

Сейчас все решится. Либо Ноймаринен признает регентство Катари и подтвердит ее решения, либо они будут драться за свою королеву и за свою Талигойю. Тяжелый бой, но не безнадежный. Северные армии связаны Гаунау и Дриксен, а с ополченцами Иноходец справится, если не будет измены. Карваль был приставлен к Анри-Гийому и поменял сторону, поменяет еще раз. Хотя, может, он ее и не менял никогда. Как служил Олларам, так и служит... В любом случае, сказать об этом придется. Не Роберу – тот не поверит, и не Катари, а Левию. Пусть защищает свою власть, а вместе с нею и королеву от удара в спину.

– Ваше величество! – Плечистый гвардейский полковник стремительно пересек зал и преклонил колено перед королевским креслом. Катари вздрогнула, зажмурилась и тут же широко распахнула глаза, словно не доверяя им.

– Эрвин... Эрвин, это ты?!

– Ваше величество!

– Эрвин, – тихо повторила Катари. – Как давно... Господа, перед вами Эрвин Ноймаринен, граф Литенкете. Последний раз мы видели его на празднике в честь рождения моей младшей дочери... Создатель, тогда все еще были живы... Все...

«Все были живы?» О ком она вспомнила? Наверное, о братьях, ведь отец был уже четыре года как мертв, но Надор еще стоял. И Дэвид Рокслей не думал, что станет графом, а Альдо лишь готовился к тому, что ему предстояло совершить...

– Ликтор, возьмите у графа письмо, – вмешался Карваль. Коротышка все больше чувствует себя хозяином, а Робер и Мевен не видят. Не желают видеть...

– Да, – торопливо кивнула Катари, – возьмите письмо. Я знаю, в нем хорошие новости. Эрвин... никогда бы не привез дурные!

– И это так, – твердо сказал полковник. Он все еще стоял на одном колене. – Отец склоняется перед волей регента Талига и благодарит за оказанную ему честь.

– Слышите? – Королева поднялась и сделала шаг вперед, поднося руку к белому воротнику. – Теперь все будет хорошо... Со всеми... Теперь я могу...

– Врача!

– Скорее...

– Не нужно. – Катарина уже улыбалась. – Это не болезнь, это память. Господа, я вас все

же покину, но письмо... Оно слишком важно, чтобы откладывать... ответ. Мэтр Инголс...

– Я провожу ее величество. – Иноходец имеет право так говорить, только он и имеет. – Мэтр Инголс, ее величество на вас рассчитывает.

– Приложу все старания, – заверил толстый законник. Аметистовая цепь на толстых плечах заставляла вспомнить о раздувшемся от спеси голубе.

– Благодарю. – Королева покорно оперлась на руку кузена, ей требовалась помощь, что бы она ни говорила. – Мы... возможно, мы еще вернемся.

Робер и Катари прошли совсем близко, но женщина, скрывая текущие по щекам слезы, смотрела вниз. Ричард бросился придержать двери, но резкая боль заставила уступить эту честь гвардейцу.

– Осторожней, Дикон, – бросил на ходу Иноходец, – побереги кости.

Ну зачем лишний раз напоминать?! Не ответив, юноша отвернулся. Чтобы столкнуться взглядом с графом Литенкетте.

3

Он все-таки решил поговорить с фок Варзов. Подготовив все к ночному маршу, разъяснив задачи офицерам, проверив артиллерию и коней. Арьергард мог выступать немедленно, но чем четче действовали подчиненные и чем веселее глядели солдаты, тем неуютней было генералу. Ощущение готовой захлопнуться ловушки становилось все неотвязнее, хотя объяснить свое состояние Жермон не смог ни себе, ни Ойгену. В голове кипело малопривлекательное варево из прохлопанного дриксами Альмейды, столичных сюрпризов и упрямства Вольфганга. Может, Бруно и в самом деле предсказуемый старик, но дриксенский фельдмаршал и фок Варзов почти ровесники. Если первый предсказуем, то что говорят о втором на чужом берегу Хербсте?

У самой щеки, обещая дождь, пронеслась ласточка. Жермон невольно проследил за ней взглядом и обнаружил стену цветущей сирени – весна пришла не только для того, чтобы высушить дороги дриksam. Разучившийся видеть что-нибудь, кроме войны, генерал с удивленной нежностью смотрел в лиловое пламя, но очарование длилось недолго. Заорал на кого-то нерадивого огромный сержант, и все встало на свои места – и весна, и опасения. Рысью проехали два курьера, свернули к воротам. Гостеприимному хозяину после отъезда маршала усадьбу в порядок приводить и приводить, если, конечно, не придется бежать на юг. Проклятье, с таким настроением не авангардом командовать, а лягушек гонять! Ариго еще разок глянул на сирень и быстро поднялся на забитую порученцами террасу.

– Маршал один?

– Да. – Адъютант без лишних слов посторонился, пропуская Жермона. Глаза у бедняги слипались и были красными. Прошлую ночь в ставке мало кто спал, следующей счастливчиков и вовсе не будет.

– Ты становишься ясновидящим. – А вот фок Варзов явно выглядел бодрее, чем несколько часов назад. – Только хотел за тобой посылать. Докладывать явился?

И докладывать, и спорить.

– Могу выступить в течение получаса. Мой маршал, я должен выразить свои сомнения в отношении полученного приказа. Я не уверен, что Бруно не пытается раздробить наши силы.

– А я уверен, – фок Варзов широко улыбнулся, – уже полчаса как уверен. Рано утром армия Бруно в самом деле начала вытягиваться из лагеря, и пошли они не к Хербсте, а прямо на восток, вдоль нее. Значит – к переправе у Доннервальда.

– Это точно? – гавкнула, не желая поджимать хвост, тревога.

– Куртис провожал их несколько хорн. Все точно, Жермон, успокойся, то есть вперед, и побыстрее. Гарнизон долго не выдержит.

– Мы выступаем через полчаса, – повторил Ариго. Сколько можно не верить собственным глазам и равнять Бруно с Вольфгангом и Рудольфом?! Похоже, Ойген прав, и

все дело в Изломе. Разум отказывается верить бергерским маякам, вот и прячется за привычное, а дрикссы... Что ж, они никуда не денутся, авангард их перехватит у Печального языка и будет сдерживать, пока фок Варзов не закроет Доннервальд.

– Признайся, – фок Варзов хрустнул яблоком, – ты боялся, что дрикссы нас надуют, и пришел защищать честь фельдмаршала.

– Да. – Если Ариго и врал, то лишь о том, что собеседника не касалось. – Мы слишком упорно видели в Бруно... старика.

– Хотя я старше, – подхватил маршал. – Откровенность за откровенность, я тоже своим глазам верить боялся. Если я не выстарился, то и с Бруно подковы сдирать рановато, только страхи свои за пазухой таскать приходится. Ты хоть мне сказать можешь, а я – никому.

– Я говорил с Райнштайнером, – признался Ариго, понимая, что глазам Куртиса тоже верит не до конца. – Он очень убедительно объяснил мне, что я ищу волка там, где нет даже лисицы.

– Не очень-то убедительно, если ты примчался спорить. Выпить бы нам на дорогу, да нельзя. Приказ о тебе готов, но довоевать до осени рассчитываю сам. Ты знаешь, что Райнштайнер ищет, кто бы мог тебя рассорить с отцом?

– Знаю, только зачем это сейчас?

– Сейчас и в самом деле незачем, но тебе пора становиться графом Ариго. Только, похоже, тебе им не стать, пока с отцом, пусть и мертвым, не помиришься. Армия тебе верит, Торка – тем более, у столицы память короткая. Тебе своя память спать не дает, а не чужая.

– Раньше не давала. – Признаться, что зацветшая сирень вдруг взяла и оказалась важнее доброго имени, важнее всего, кроме скорого боя? Так ведь не поверит.

Фок Варзов пожевал губами и передвинул одинокий грифель.

– Я, знаешь ли, из-за тебя чуть с Арно покойным не рассорился, – почти пожаловался он. – Только через пару лет понял – подлость не по тебе. Вот братцы твои, с них бы стало...

– Братьев я не помню. Даже лиц, – сказал чистую правду Жермон и добавил, выдавая действительное за желаемое: – Лучше стать торским генералом, чем столичным не поймешь кем, так что мне со всех сторон повезло. Господин маршал, разрешите выступать.

– Сейчас выступишь, – пообещал фок Варзов. – Не вертись. Не будь Куртиса, мы б сейчас ругались, так что время есть. Закатные твари, ну не могу я тебя просто... выгнать к Хербсте. Не могу, и все. Эй там, на террасе, кто-нибудь! Вина принесите.

– Лекарь...

– К кошкам!.. Я должен попросить у тебя прощения. За то, что встретил как мерзавца, и за то, что сейчас с Бруно жилы мотал... Знаю, что дурная примета, но лезть под пули, не поняв друг друга, хуже. Я ведь не только твоего страха боялся, у меня и свой был. Что, если это Доннервальд – обманка, а у Печального языка *вся* армия полезет...

Ответить Жермон не успел – вошел адъютант с запыленными бутылками. Приказания маршала Запада всегда исполнялись немедленно, а советник мариенбургского магистрата держал неплохой погреб.

Часть 6

«Колесо Фортуны»¹²

¹² Высший аркан Таро «Колесо Фортуны» (*La Roue de Fortune*) символизирует перемены к лучшему, мудрость, самосовершенствование, прогресс, начало нового цикла. Это полнота жизни, удача, разрешение проблем, закономерный успех. Возможно, в вашу судьбу вмешается счастливый случай. В более общем смысле «Колесо Фортуны» напоминает, что без падений не бывает взлетов. Чтобы стремительно подняться, порой необходимо спуститься вниз, пойти на определенные жертвы. **ПК** предрекает неблагоприятный поворот судьбы, неожиданный удар, провал, несчастный случай, но может означать и перемены к лучшему, только через очень длительное время. Еще одно из возможных значений – сопротивление переменам.

*Уверенность в себе составляет основу
нашей уверенности в других.*

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1

Савиньяк

400 год К.С. 15-й день Весенних Волн

1

Сиди под столом собака, Марсель ее бы сейчас дразнил или кормил, но собака не сидела, а вникать в умные разговоры было лень. Когда дойдет до дела, оно все равно пойдет не так, зато что-нибудь да придумается. Надо только рассмотреть то, что нужно запрячь, вблизи. И запрячь.

Если ложишься к завтраку, вставать к раннему обеду – издевательство. Наследник Валмонов зевнул и покосился в ближайшее зеркало. Зеркало предъявило приятного кавалера в дорожном платье. Особенности кэналлийского кроя и стянутые на затылке *прямые* волосы Марселю нравились все больше, а мода... Гайифе пора научиться проигрывать не только на войне, а строгость и целесообразность в мужском костюме более чем уместны. Разумеется, если ты не кривоног и не пузат; хотя пузо такого калибра, как у батюшки, не утопить ни в каких пелеринах, следовательно, его надо выставить напоказ. Горделиво. Виконт зевнул еще раз и покаянно глянул на сидевшую возле окна хозяйку – та даже не заметила. Рокэ, с которым Валме после обеда куда-то отправлялся, вперил загадочный взор в зеркальные глубины. Представить, что Ворон созерцает собственный воротник, виконт не мог – не хватало воображения. Видимо, в зеркале сидел кто-то, простым смертным не видимый.

В соседнем зале звенели посудой слуги. На подоконнике тергал воробей. Тикали часы с оленями. Делать было совершенно нечего, и Марсель решил послушать нагрянувшего ночью Рафиано, тем более что экстерриор помянул его самого.

– После появления виконта Валме, – предположил государственный муж, – кардинал мог догадаться, куда вы исчезли и с чьей помощью. Более того, он мог счесть, что вы послали ему своеобразное предупреждение.

– В известной степени так и было, – охотно признался Ворон. – Кардиналы в подавляющем большинстве люди умные, им по силам разгрести очень много куч. Как и нагрести. Я не мог оставить его высокопреосвященство в совершенном неведении относительно выходки моих родичей. Если б ныне покойный молодой человек узнал об этом до того, как упокоился, в городе произошло бы много неприятного.

– Именно поэтому мне нужны четкие указания сейчас, а не в Алате. – Таким сварливым Рафиано виконт еще не видел, хотя он его вообще давно не видел.

– Ну и зачем? – не выдержал виконт и тут же заработал молнию из папенькиного левого глаза. Марсель в силе Молний и прочих Скал разуверился, еще будучи послом Ургота, и не испугался. – За глаза только Манрики женятся. Возьмите Фельп. Господин Первый маршал приехал, посмотрел и всех пристроил к делу – и корабелов, и адмиралов, и киркорелл. Даже дукса ушастого. Но до приезда о киркореллах и ушах он ничего знать не мог, так зачем было заранее думать? Нет, если вам нравится...

– Нравится, – подтвердил Гектор Рафиано. – К тому же то, что на самом деле важно, мы большей частью обсудили, пока вы изволили сперва развлекаться, а потом – отдыхать. В целом же вы правы. Все, что бывает решено, может быть изменено.

– Все, кроме цели, – уточнил папенька. – А что до Фельпа, то без должных полномочий делать там было нечего.

– Да уж, – кивнул Ворон. – Много бы я навоевал с этими дуксами, и, главное, быстро.

Так что, господин экстерриор, прошу вас не стесняться в средствах. Алат должен отдать все, что у него есть. *Все*.

– Панцирные витязи на берегах Хербсте, – батюшка смаковал слова, как лучший сыр, – такого Дриксен еще не видела. Скоро «гусь» поймет, насколько приятней смотреть, как вырывают чужие хвосты.

– Мог бы и раньше понять. – В военном платье и без пуза Марсель ощущал себя капитаном, а не дипломатом. – После Хексберг. Бедным птицам там вечно не везет...

– Сложный вопрос. – Рафиано с явным трудом подавил зевоту: экстерриор хотел спать не меньше Марселя; так разные причины приводят к одинаковым следствиям, но насколько же приятней не высыпаться из-за хорошеньких девиц. – Не исключено, что кесарь начал думать или вот-вот начнет, а думающий кесарь – это для кесарии большое везение.

– Но не для Талига, – тихо произнесла хозяйка, и Марселя внезапно стало ее жаль.

– Сударыня, – Валме вскочил и поклонился, – величайшим везением Талига являетесь вы...

– Не будьте назойливым, виконт, – внезапно потребовал граф-отец.

– Я назойлив? – искренне удивился промолчавший большую часть беседы сын. – Сегодня? С утра?!

– Последним назойливым гостем в этом доме был Колиньяр. – Графиня Савиньяк слегка улыбнулась. Почти как Франческа.

– Если человек, используя в качестве повода копыто чужого коня, начинает говорить о собственной голове, он назойлив, – Гектор Рафиано поцеловал сестре руку, – а Колиньяры поступают именно так. Увы, назойливость обожает наносить визиты и всегда найдет повод для знакомства.

– Что-то и впрямь может стать поводом для знакомства, что-то – для дуэли, но есть и нечто среднее. То, что является поводом для незнакомства. – Пусть она улыбнется еще раз! Нельзя уезжать, оставляя за спиной печальных женщин. – Кроме того, всегда можно завести собаку. Даже левретка заставляет гостей задуматься, нужны ли они здесь, а уж «львиная порода»...

– Главное, чтобы ваши гости не узнали, что в Варасте львиных собак не меньше, чем ызаргов, – довольно-таки ехидно уточнил папенька.

– В Варасте их нет вообще, – почти обиделся Марсель. – Да, львиная собака, будучи неухоженной, приобретает такой вид, что профан может принять ее за варастийского волкодава, но это случается и с другими породами. Зато видели бы вы, как Готти поставил на место обнаглевших философов. Я бы взять подобное в рот не смог даже ради величайшей из целей, а ведь эти матерьялисты едва не покусали бедного Коко. Это было как раз в тот день, когда господин Альдо в последний раз в своей жизни сменил штаны...

– Воистину щит тошнотворности надежней щита невинности. – Алва прикрыл глаза ладонями. Закатные твари, в этом доме сегодня хоть кто-нибудь выпался?! – Но некоторые вещи следует уничтожать, как бы отвратительно они при этом ни хрустели. Графиня, вы опять молчите. Почему? Мы вас утомили?

– Я боюсь смотреть в спины. – Если Франческа станет талигойской графиней и родит троих сыновей, она будет такой, как Арлетта Савиньяк. – Сегодняшний обед – это тоже взгляд в спину. Вы уже все решили и обо всем договорились. Со мной обсуждать вам нечего, но вы слишком вежливы, чтобы это показать, и слишком мне доверяете, чтобы беседовать о цветах и погоде.

– Если б я стал своим отцом или живым старшим братом, я бы... повторил подвиг Алонсо. Постарался бы повторить, даже без надежды на успех. – Алва уже стоял у дверей; как он там оказался, Марсель не заметил. – Вы правы, сударыня. Разговоры на пороге пусты, а пообедать можно в любом трактире – их в здешних краях предостаточно. Виконт, вы все еще со мной?

– О да, – оживился Валме, одергивая камзол. – Тем более что вы отбываете, а граф Валмон остается.

Небольшой отряд затерялся в солнечных рощах. Дюжина кэналлийцев догоняет своих – ничего особенного, хотя девушки смотреть вслед будут. Заслоняясь от солнца рукой и улыбаясь своей весне и чужой дороге...

– О чем ты думаешь?

– Ни о чем.

– Я не для того оставил Бертрама наедине с сырами, чтобы смотреть, как ты почти плачешь. Что ты вообразила?

Арлетта отвернулась к нависшей над балконом старой акации. Дерево помнило Алонсо и Раймонду, но все еще цело. Их с Арно акация тоже помнила.

– Ты – дипломат, о брат мой, так заговаривай, а не растравляй...

– Если б ты была Антониом или Дивинном, о сестра моя, я бы так и поступил. Что с тобой, Леттина?

– Я уже сказала. Наверное, я не добоялась за Арно, а его убили, когда *ничего* не могло случиться, вот и трясусь, когда уходят... Я не пророчица, я даже не суеверна, но не ждать беды не могу, и чем проще война, тем мне страшнее. Если б мальчики сцепились с чем-нибудь по-настоящему опасным, я бы не так боялась, а тут какие-то дожи, Фридрих, освободившаяся сама собой столица... Ничего серьезного, совсем как с Борнами, а кого-то все равно не станет.

– Напиши о лисе, что не боялась собак, а потом подумала и стала бояться мышей, – перебил дурацкие излияния Гектор и правильно сделал.

– Лучше я напишу лисе, то есть Катарине. Напрошусь помогать при родах. Никогда такого не любила...

– Вот и дальше не люби. Хватит смотреть на дорогу, Леттина! Они уже уехали, причем из-за твоих предчувствий – натошак.

– Они уехали, потому что все сказано, а вот с тобой, дражайший братец, я еще поговорю. Ты хорошо знаешь Лансаров?

– Не припоминаю... Кто это?

Все-таки Гектор – отменный дипломат. Не догадайся она проглядеть бумаги...

– Арендаторы. Муж и жена. Он похож на облезлого ангела, она все время в интересном положении. Их привез Арно и поселил поблизости. Я хочу, чтобы ты забрал их в Рафиано.

– Странные у тебя желания.

– Согласно бумагам, госпожа Лансар рождена в восьми хорнах от нашего дома, и я знаю, кто эти бумаги подделал. Гектор, я не алатский герцог и не... девица Карси. Я могу терпеть в Савиньяке внебрачную дочь Арно, но не убийц. Можешь держать их у себя, отдать Валмону, послать регенту, но здесь их не будет.

– Хорошо. – Когда спорить не о чем, Гектор не спорит. – Алва откровенничает с дамами... Похоже, его лихорадка зашла слишком далеко.

Лихорадка? Нет, это не болезнь. Это что-то другое, трудноуловимое и еще более непреклонное, чем раньше.

– Я бы не назвала это откровенностью. Мы заговорили об изумрудах, и я назвала Эмильенну Лансар дочерью Арно.

– Я ошибся, это мозговая горячка. Первый случай в нашем семействе... Прискорбно.

– А что бы ты подумал на моем месте?

– На твоём? – Озадаченный экстерриор... Какое дивное зрелище! – Сестра моя, я не только не добродетельная жена, но даже не гайифец! Как я могу ответить на подобный вопрос?

– Тогда скажи, за какими кошками Рокэ поклялся осыпать Эмильенну изумрудами? Мозговая горячка?

– Именуемая гордостью. Девица была ему безразлична, можешь мне поверить, но

молодой человек боялся, что мы с Арно сочтем иначе, вот и выдумал... изумруды. Получилось довольно-таки страшно, я почти ее пожалел...

– Ее?!

– А ты склонна сочувствовать облезлому ангелу? Девушка была готова за него и убить, и умереть, но потом идеал... разрыдался. При нас троих и при юной супруге. Назидательно, не правда ли?

Трое вельмож и плачущий мозгляк... Гадюка могла стать герцогиней, голубка получила то, что заслужила. Любимого, изгнание и изумруды...

– У меня взрослые сыновья. Я не считаю себя старухой лишь из упрямства, но подобной мерзости я еще не встречала.

– Ты могла ее просто не узнать. – Гектор глубоко вздохнул и потряс головой. – Бертраму хорошо, а мне завтра в Алат, а оттуда – в Агарию. Алва желает видеть витязей в Талиге, а не в Бордоне, Антоний будет вне себя от счастья. Не получить с него за это счастье отступного – неприлично, я перестану себя уважать как экстерриора.

– Рассказать тебе, как крестьяне платили налог на весну, не зная, что лишить ее невозможно?

– Рассказать тебе о собаке, по доброте душевной шепнувшей волку, что хозяин не взял ружья? – парировал братец. – С твоего разрешения пойду прилягу. Обедать все равно не вышло, а завтрак мне молитвами Бертрама достался прямо-таки чудовищный.

Тень акации делала камзол Гектора кружевным. Усталости такая тень не скроет, и не такая тоже, слишком уж хорошо они друг друга знают.

– Ложись. – Арлетта поправила волосы. Тоска об уходящих отступила, наверное, побрела по конским следам. – А что до завтрака, то в этом доме последнее время заправляют посторонние мужчины. Не успеет уехать один, нагрянет другой – и ну распоряжаться...

Сбежать в сад под акации или заняться делами? Пожалуй, все-таки делами, уж больно их много, а Гектора на все не хватит, даже вместе с Валмонами.

– Бертрам, – окликнула женщина, ныряя в прохладу гостиной, – посланник Анри-Гийома... Тот, которого поймал еще Райнштайнер, где он? Все еще в Валмоне?

– Наверное. – Если б граф мог делать большие глаза, он бы их сделал. – Но почему графиня Савиньяк спрашивает про офицера, который даже не успел стать мятежником?

– Потому что он успел стать братом господина Карваля. Потому что господин Карваль, если я правильно поняла вашего сына, значит больше господина Эпинэ. Потому что я отправляюсь в Олларию.

– Что ж, – вздохнул Бертрам, – придется вас проводить. Это прекрасный повод для посещения столицы, не так ли?

Арлетта рассмеялась. Поздняя весна дышала жасмином, как в юности.

3

Очередной «Баран» оказался овцой, причем не красной и не крылатой, а загулявшей. Зеленые зайцы с урготского тракта – и те выглядели пристойней, о чем Валме не преминул сообщить. Алва согласился и недрогнувшей рукой послал коня мимо трактира. Марсель герцога не удерживал, хотя остатки пуза уже несколько хорн молили о снисхождении. Увы, сумки были пусты, а молодыми побегами офицеры для особых поручений не питаются. Виконт проглотил слюну и продолжил светскую беседу:

– Итак, мы возвращаемся в столицу, – задумчиво произнес он, шаря глазами по зеленеющим окрестностям в поисках гостеприимного дымка.

– Вы так думаете? – Серый в яблоках полукровка Алвы до такой степени отличался от Моро, что не вспоминать мориска было невозможно.

– Мы взяли слишком на восток от Придды, – обосновал свои выводы Валме, – слишком на запад от Варасты и слишком на север от всего остального. Остается Оллария. Меня это устраивает.

– У вас там дела?

– У меня там Котик и посольство. После вашего отъезда я собирался вплотную заняться обладателем множества штанов и потому не объявлял о своей отставке.

– В таком случае, сев на Моро, обладатель поступил в высшей степени мудро.

– Вы так думаете? – Марсель с легким сомнением взглянул на маршала. – Конечно, то, что не нравится Валмонам, должно быть убрано, но я пока только виконт.

– Вы себя недооцениваете. Я самого высокого мнения о вашем батюшке, но хватать за шиворот мироздание только потому, что в столице не стало цветочниц, граф Бертрам, в отличие от вас, не стал бы.

– Если их не стало из-за мироздания, к кошкам его! – Ворон в кои-то веки был не прочь поболтать, упускать такой шанс Валме не собирался. – Я тут вспоминал нашу с вами первую прогулку и младшего Манрика... Ведь был секундант как секундант, а потом взял да и взбесился вместе с прочими фламинго. Тоже, скажете, мироздание?

Батюшка бы уточнил, что птицы, в отличие от медведей, беситься не могут, но граф был пристрастен: Манрики пакостили в Надоре, а Колиньяры – под самым носом.

– Манрикам не повезло, хотя они думали наоборот. – Алву образ бешеных фламинго не коробил. – Наш друг Бонифаций наверняка бы назвал это искушением, уж слишком во многих сидит маленький Франциск и толкает строить свои королевства и считать чужие промахи. Дескать, я не хуже, я тоже могу, только дайте!.. Манрикам судьба решила дать. На Леопольда свалилось то, о чем он мечтал, но на что не надеялся. И задавило. Вместе с Талигом.

– Может, Талиг и не земной Рассвет, – заявил Валме и сам себе удивился, – но в нем бывало весело. Я не о цветочницах, хотя и о них тоже. Люди жили, чего-то ждали... Пока я не увидел Ракану, я и подумать не мог, каким славным местечком была Оллария, а уж каким милым теперь кажется Сильвестр... Не умри он, сколько уродов так бы и прожило людьми. Даже кем-то уважаемыми... Вам скучно?

– Скорее смешно.

– Что смешно? – не понял Марсель. Глаза у Алвы все еще были хороши до неприличия, но вот взгляд...

– Смешно, как быстро все рушится. Год назад мы жили в другом мире и занимались милой ерундой. Она даже казалась важной.

Ерунда была действительно милой, особенно угощаемый вином Штанцлер.

– Рокэ, я так и не понял, – поторопился загладить непрошеную сентиментальность Валме, – зачем ызаргам магнусы?

– Ызаргам незачем, – Ворон почти улыбался, – а вот магнусам... В пресловутой Гальтарей считали, что после смерти всем полагается спутник, а вот какой, зависит от заслуг покойного. Мориски пошли дальше и избавили Леворукого от лишней возни. В Багряных землях мерзавцев отправляют в Закат с готовыми спутниками. Раньше ызаргов ловили в степи, потом начали разводить и вывели несколько пород. Кажется, даже есть одна лысая...

– Брр! – скривился Валме. – Я бы предпочел захватить с собой Котика, но по отношению к нему это было бы свинством. А вы возьмете с собой какого-нибудь Килеана?

– Если буду знать заранее. Боюсь, я вряд ли замечу свою кончину, так как очнусь в Закате в вашем милом обществе.

– В таком случае, – воспрял Валме, – нам все-таки стоит выпить брудершафт. Кстати, я вижу впереди подходящее местечко...

Глава 2

Хербсте

Печальный язык

400 год К.С. 18-й день Весенних Волн

Ночью подошли последний батальон и артиллерия. Теперь Жермон чувствовал себя уверенней. Выспаться, разумеется, не удалось, но ожидание схватки бодрило не хуже столь любимого сонями шадди и точно так же горчило, но если что-то налито – пей.

Генерал отпустил брадобрея, в первый раз за день подкрутил усы и бодрым шагом покинул белый домик, уступленный по осени местным священником коменданту форта. Печальный язык и переуступленный приведшему подкрепление генералу. Комендант Рёдер был не просто гостеприимен, но откровенно счастлив. В первую очередь тем, что главный здесь больше не он. Ариго полковника за это никоим образом не осуждал – Рёдер был человеком смелым и толковым. Когда «дриксы» начали переправу, он не растерялся. Оставив один из двух имевшихся в его распоряжении батальонов стеречь форт, полковник повел второй навстречу десанту.

Сбросить «гостей» в реку одним ударом не вышло, дриксы стояли твердо, и их полку все прибывало. Рёдеру пришлось отступить и подумать об обороне – «гуси» обнаглели настолько, что окружили форт и даже попробовали атаковать. Неудачно, но с первого раза только яйца вдрызг... Дриксы притихли, выжидая, пока на северном берегу аккуратно напротив форта не вырастет мощная батарея. Первые залпы прозвучали едва ли не в тот миг, когда Жермон и фок Варзов подняли прощальные бокалы.

Талигойцам отвечать было нечем – пушки форта для стрельбы через Хербсте не годились; другое дело, что и дриксенская игра свеч пока не стоила. Печальный язык строился сразу после Двухдцатилетней, а значит – на совесть, вдобавок Рёдер укрепил старую кладку, подсыпав, где можно, земли. Чтобы разнести форт, «гусям» предстояло сжечь немало пороха, а не овладев Печальным языком, моста в узости не навести – бомбардиры Рёдера пристрелялись как следует. Дриксы попробовали погарцевать на самом мысу и получили по каскам со второго выстрела.

Больше черно-синие кавалеристы на Языке не красуются, и понять их можно, но дальше-то пушки Рёдера неопасны. Странно, что берег в обе стороны пуст – никто не умывается, не набирает воды, не греется на солнышке, наблюдая за фортом. Конечно, в прибрежных кустах кто-то сидит, благо заросли сползают до самой воды. Воды... А вода стоит еще высоко... Парой недель позже будет проще и переплывать, и мост навести, а уж через месяц... Но Бруно ждать не стал. Этого Жермон не понимал, несмотря на объяснения хоть фок Варзов, хоть Ойгена.

Бестолковый генерал снова подкрутил усы и мимоходом потрепал по шее обозную лошадь. Та благодарно вздохнула и прикрыла глаза. Обычное утро в военном лагере, сколько их таких уже было... Жермон шел среди палаток, как ходил по стенам Агмарена, и наслаждался почти тишиной. Дриксы еще не возобновили обстрел форта – противостоящий Ариго генерал, будучи человеком методичным, начинал и заканчивал пальбу в одно и то же время, подтверждая мнение Вольфганга о незыблемости царящих у Бруно порядков. Сперва завтрак, а потом обстрел. Сперва обстрел, а потом ужин и сон. До завтрака и нового обстрела. Все очень солидно, очень продуманно и очень просто.

Жермон еще терзался сомнениями среди мариенбургской сирени, а дриксенская конница выходила к Хербсте. Прямо против форта. К длинному мысу, подарившему рыбацкой деревушке и переправе самое дурацкое из слышанных Ариго названий. Кавалеристы горделиво горячили коней перед носом Рёдера, а «гусиная» пехота скромно переправлялась в полухорне выше по течению. Скромность не помогла – Рёдер разведкой не пренебрегал. О подходе дриков полковник узнал за несколько часов и тут же разослал дозоры, каковые и обнаружили в камышах лишних «птиц»...

Запах приправленной мясом каши намекнул, что пора бы и к столу, но Ариго всегда доводил обход до конца. Взгляд привычно ловил каждую мелочь и так же привычно убеждался – порядок. Солдаты собирались у костров, вытаскивали и протирали ложки, пересмеивались в предвкушении завтрака. Сердобольный кашевар прикармливал местного

лохматого пса, пес смотрел умильными глазами и усердно вертел хвостом. Еще не старый сержант распекал троих мушкетеров, растерявших «в этих проклятуших зарослях» какое-то казенное имущество. Воистину утренняя суeta успокаивает, а вчерашний успех... Вообще-то ему следует радоваться. Именно так Жермон и сказал попавшемуся навстречу Рёдеру. Тот охотно согласился и пошел рядом с начальством.

– Мои люди еще не вернулись, – на всякий случай напомнил Ариго, – я сужу о противнике со слов ваших разведчиков.

– Ничего нового нет. – Рёдер вздохнул и даже развел руками для убедительности. – Могу только повторить, что конницы на марше «гусей» было не менее четырех тысяч. В основном драгуны и еще легкая кавалерия. Пехоты мои ребята толком не разглядели, ну да вы с ней уже встречались. «Крашенные» на наш берег не совались, но батарею ставить помогали, я сам видел. Думаю, пехоты за рекой будет побольше, чем три тысячи.

– Согласен. – Рёдер – служака опытный, вряд ли ошибется в таком деле. – Примем, что наши силы равны во всем, за исключением артиллерии. Если кесарцы приволокли тяжелые пушки, могли привезти и что-нибудь полегче. Теперь подтащат к тихому берегу и в нужный момент прикроют лодки с десантом.

– Бу-бух, – утвердительно ответили с северного берега. Первое за сегодняшний день ядро врезалось в склон холма. Жермон кивнул явно рвущемуся на свои стены полковнику и повернул к приютившему его дому.

– Мой генерал, завтрак!

На крыльце, повторяя события полугодовой давности, стоял капрал с котелком.

– Поставь на стол.

Капрал ушел, генерал снял крышку. В котелке была не курица с чесноком, как в Лауссхен, а приправленная мясом овсянка. Сейчас вверенным генералу Ариго частям надлежало не покидать позицию, а отстаивать оную, но ощущение странной общности событий не оставляло. Может быть, потому, что ждать подмоги снова не приходилось – фок Варзов и так дал авангарду больше, чем надеялся Карсфорн. И больше, чем взял бы сам Жермон. Участок берега, пригодный для переправы сколько-нибудь значительного отряда, не очень велик. Корпус прикроет его полностью, сил хватит, но сперва – успевшие перебраться через Хербсте «гуси».

Грохот пушек не стихал, но смерть от отсутствия аппетита Жермону не грозила и в менее уютных обстоятельствах. Капрал мог принести и больше, командующий бы справился, но не бежать же за добавкой... С минуту Жермон слушал канонаду, потом стряхнул с мундира крошки и отправился воевать.

Карсфорн, Ансел и Лецке уже ждали у коновязи, их утренний доклад вышел коротким и ясным – все части выдвинулись на указанные накануне позиции и готовы к новому бою.

– Что ж, осталось доделать то, что не успели вчера. – Хороший начальник штаба всегда предвосхищает приказ командующего. Карсфорн был хорошим.

– Мы это должны сделать, Гэвин. Просто должны, и все. К роще, господа.

2

Вчера они начали слишком поздно, так как вышли к переправе далеко за полдень. Первую атаку Жермон предпринял сразу же, не дождавшись подхода основных сил. Дриксы удивились, но не сплеховали. Оставив в покое форт, «гуси» в полной готовности и по всем правилам развернулись к новому противнику. Мушкетные залпы и частокол пик выглядели более чем убедительно, и Жермон не упорствовал. Он отвлек внимание на себя, для начала этого хватило.

Спустя час подтянулись два первых полка пехоты, и Жермон вновь повел людей вперед. Дело пошло. Укрепление дриксы соорудить то ли не успели, то ли не озаботились. Противники сошлись, как любят писать стратеги, «в поле», то есть на довольно-таки широком лугу у подножия прибрежного холма. Очень пологий и длинный склон вел к

тыльной части форта, слева проходила ведущая к реке дорога, справа, за небольшой рощей, если верить карте, начинались плавни, в которых особо не порезвишься.

Жермон карте поверил и решил, что при таком раскладе чем проще, тем лучше. Пехоту – оба полка – он двинул в лоб, кавалерию отправил в обход флангов. Своей конницы у «гусей» на этом берегу не имелось, и в этот раз не стал упорствовать уже их командир. Не дожидаясь охвата, дрикс начал отступать к прибрежной роще, где попробовал задержаться. Жермон не позволил – роща заметно уступала торским лесам и вполне подходила для сражения. Собственно, стычка в ней и оказалась самым кровавым событием вчерашнего дня.

Когда все кончилось, под деревьями нашли с полсотни мертвых «гусей», талигойцы потеряли столько же. Вечер грозил вот-вот перейти в ночь, и обе стороны, не сговариваясь, решили, что с них хватит. Чувствовавшие себя победителями талигойцы расположились на отбитом лугу и в брошенных рыбаками домишках. Одному батальону не повезло – не желая сюрпризов, Жермон отправил его на ночевку в рощу и туда же велел подтянуть легкие пушки. Предосторожность оказалась излишней – ночь под сенью деревьев прошла тихо до безобразия.

3

Негромко переговаривались следовавшие за своим командующим штабные. За рекой регулярно и безопасно для всадников гроыхало. Дрикс старались воевать – ядер у них хватало, а дотошностью подданные кесаря отличались всегда, вот и долбили талигойские укрепления от рассвета до заката. Конечно, из-за ширины Хербсте точно обстрел не блистал, а подтянуть орудия по воде не сумел бы сам Вейзель, но ядра нет-нет, да и попадали в цель. Камень упорно спорил с чугуном, но нет стен, которых не долбить, если располагать временем и средствами. У дриксов было и то, и другое.

Ариго узнал облюбованное с вечера место и осадил коня. Утренний взгляд на окружающие красоты подтвердил, что привычного правильного боя, с его ровными линиями и мерной маршировкой, не будет. Самолично излазивший здешние берега Рёдер клялся, что дриксы засядут на полоске более или менее твердой земли вдоль реки, где они первоначально и высаживались. Выше по течению становилось совсем уж топко, со стороны берега шла череда невысоких холмов, ну а за холмами, ниже по течению – та самая роща...

– Это тебе не вчерашний луг, – вынес вердикт оказавшийся рядом Ансел.

Жермон кивнул. Штурмовать основательно заросшие холмы было удовольствием невеликим. Можно напомнить, что в Торке неудобная местность – в порядке вещей, а можно и не напоминать. Главное, кавалерии здесь не развернуться – лощины с крутыми склонами, русла ручьев, заросли овражника почти в человеческий рост – все это не давало возможности конникам показать свои возможности.

– Леще, отдайте Джорджу два эскадрона драгун. Пусть повоюют в пехоте. Как там пушки?

– Выкатывают поближе к холмам. На руках. Только будет ли от этого толк?

– Смотря какой. Свои пушки за спиной придают бодрости.

– Разве что... – Джордж Ансел выразительно пожал плечами. – Что ж, мы на месте. Каков приказ?

– Наступаем поротно, – решил Ариго, – иначе здесь не построиться. Не спешить, не увлекаться, но и под обстрелом топтаться не смей. По кустам, наудачу, огонь не открывать. Стрелять, только увидев противника. Кавалерии придется, вы уж простите, Леще, идти сзади. Вперед вас пускать нельзя, а места на флангах нет как такового. Собьем «гусей» с холмов – дальше будет поровнее.

– Рёдер говорит, – напомнил Ансел, – дальше, на берегу, посвободней. Там можно и батальонными колоннами попробовать

– Это вам придется решить уже в кустиках. Где можно, собираете роты вместе. Главное, не оказаться поодиночке перед сплоченными дриксами.

Радости на офицерских лицах было немного, но, как сказал бы Ойген, которого Жермону на удивление не хватало, война – это необходимость, в нашем случае довольно-таки неприятная.

– Удачи! – подбодрил подчиненных генерал, и неровная, раздробившаяся на отдельные части черно-белая линия поползла в холмы. Огонь дрикссы открыли почти сразу. Над зарослями тут и там всплывали белые дымки, выдавая позиции стрелков. Линии в таком лабиринте не построить, вот и поставили людей где придется. Надо полагать, с приказом – постреляете и ходу, но удирать «гуси» не торопились, напротив. Мушкеты огрызались все чаще. В ответ рявкнули талигойские пушки. Ядра прошивали несчастный кустарник, больше подбадривая наступающих, чем нанося урон противнику. Ансел не останавливался, упорно продвигаясь вперед, несмотря на пакостную местность. Кое-где, чтобы обойти особенно неудобные участки, разбиваться на части пришлось даже ротам. Пули то и дело выталкивали из строя очередную жертву, но мушкетеры упорно сближались с пока еще толком и не видимым врагом.

Это произвело впечатление. Должное. Дриксенский огонь стал реже, а затем прекратился. Сбежали или готовятся к решительной контратаке?

Джордж думал о том же. Движение замедлилось, став еще более осторожным. На левом фланге громыхнул нестройный залп одной из рот – увидели кого-то или просто не выдержали?

Загремело по всей линии наступающих. Значит, все-таки видят!

Талигойцы продолжали стрелять, зато замолчали дрикссы. Никто не выскакивал из зарослей, навязывая рукопашную, мушкеты и те притихли. Чуть помедлив, черно-белые роты вновь двинулись вперед, уже увереннее. Еще немного... Вершина!

Жермон оглядел свою не столь уж и многочисленную свиту. Карсфорн с безмятежным видом озирает окрестности, Лецке играл желваками – хотел в бой, но понимал, что эти холмы не его.

– Наверх, господа! Мы слишком отстали.

Гэвин красноречиво вздохнул. Он не любил, когда *его* генералы «пренебрегают опасностью без должной на то необходимости», но терпел, отыгрываясь при первой же возможности. Свои собственные похождения небрежением полковник, видимо, не считал.

Жермон хмыкнул, предвкушая очередную нотацию, подкрутил усы и полез вслед за своими солдатами. Полез пешим – утруждать коня и рисковать его ногами не хотелось. На холмах вновь началась стрельба. Теперь залпы гремели с обеих сторон.

– Кажется, началось настоящее дело, Гэвин.

– Да, господин генерал, очень на то похоже.

Глава 3

Оллария

Хербсте. Печальный язык

400 год К.С. 19-й день Весенних Волн

1

Свое письмо Дикон так и не отыскал, хотя личных бумаг Альдо оставил немного – тщательно запечатое бюро оказалось полупустым. Послания урготской принцессы, вирши графа Медузы, несколько доносов, в том числе о том, что баронесса Сакаци и Матильда Ракан скрываются в Нохе, – и все. Донос Эпинэ перечитал несколько раз, написано было убедительно. Не знай Робер, что Мэллит в Хексберг, сам бы поверил. Кто-то очень хотел, чтобы Альдо пошел на открытую ссору с Левием, но вмешались судьба и вороной мориск.

Эпинэ сунул ядовитый листок назад в бюро и повернул ключ. Он взял только письма Елены. Альдо вряд ли бы принес ей счастье, но девочка умудрилась влюбиться, ей был

нужен Альдо Ракан, а не трон. Совсем как Мэллит, только гоганни успела освободиться, а маленькая урготка – нет, и Роберу было ее щемяще жаль.

– Надо найти потайной ящик, – вдруг напомнил о себе Дикон. Он сидел в кресле и вертел в руках рогатую безделушку. После смерти сюзерена мальчишка похудел и стал совсем дерганым. Отправить бы его куда-нибудь, так ведь не поедет, да и рановато... Кости срослись, но путешествовать и тем более драться нельзя.

– Лично я за это не возьмусь... Ты уж извини, но Альдо вряд ли стал бы прятать твое письмо и оставлять на виду то... что он оставил. У него была привычка жечь бумаги, так что не беспокойся.

– А шкатулка? – не унимался Ричард, Мы ведь ее не нашли.

– Хранись в шкатулке письма, она была бы здесь. Скорее всего, Альдо вернул в нее браслет Октавии и отправил в сокровищницу или еще куда-нибудь. Можно расспросить слуг.

– Наверное, – протянул Дикон. – Робер, давай я посмотрю еще раз.

– Ты уже смотрел. Хотя, если тебе так хочется...

Пусть ищет, все лучше, чем с больным плечом гроыхать ржавым железом.

– Ты можешь идти, у тебя много дел.

– Ну, спасибо! – Вот ведь паршивец... – Хочешь прочесть вирши Сузы-Музы без свидетелей? Насколько я помню стихосложение, граф перешел с триолетов на рондели.

Но после смерти Альдо не появилось ни единой строчки. Медуза сказал, что хотел, и затих. Или пропал, но не Салиган же это был...

– Робер, – Мевен на титулы не разменивался, за что Эпинэ был ему искренне признателен, – тебя ищет Ноймаринен.

– Он меня уже нашел. Мы все обсудили.

– Он ищет тебя еще раз. Можешь к нему присоединиться после аудиенции, она уже заканчивается.

– Присоединюсь. Дикон, заканчивай, все равно тут ни кошки нет.

– Ты бежишь на свист этого... Литенкете, как собака.

– Заканчивай. – Еще немного, и граф Эрвин вытеснил бы из сердца Дикона самого Придда, но, к счастью, ноймар едет на юг.

– Суконщики передают свои извинения. – Мевен, как не в чем ни бывало, заговорил о другом, не забыв встать над душой у копающегося в бюро ревнивца. – Они рассчитывали на подвоз из Грауфа, а тот опаздывает.

– Не только он, фураж тоже не подвезли. Наверняка опять мародеры... Я скажу Карвалю, пусть проверит Надорский тракт. Дикон, его высокопреосвященство интересуется твоим самочувствием. Он отдал распоряжение пропустить тебя в Ноху еще две недели назад...

– Я здоров и буду у сюзерена этой ночью. – Дикон захлопнул дверцу красного дерева, словно торопясь прищемить чей-то нос. Без сомнения, породистый.

2

День проходил без неожиданностей и связанных с ними волнений. Батарея за рекой монотонно била по форту. Ядро следовало за ядром, и в цель они попадали, надо признать, все чаще. Ничего удивительного – за три дня можно и пристреляться, зато остальная армия скромничала. Пехота вообще не показывалась, а кавалерия заявила о себе только раз: разведчики донесли, что в хорне ниже форта на берегу замечено около эскадрона драгун. Спуститься к самой воде в этом месте можно было без особого риска, зато ширина Хербсте вызывала уважение, а южный берег вниз по течению, к слову сказать, весьма быстрому, для высадки не годился совершенно. «Гуси» посмотрели, пораскинули мозгами и переправляться, если у них и было такое намерение, раздумали, после чего исчезли, предоставив талигойцев артиллеристам.

Дриксы стреляли, дела в форте катились своим чередом. По шестнадцать раз проверять

то, что и так проверено, глупо, и Жермон собрался немного размяться, благо непарный Катершванц остался с корпусом Ойгена. Подходящая площадка сыскалась сразу же, нашелся и Валентин, старательно зарисовывавший дриксенскую батарею, но фехтовальщики даже не успели сбросить мундиры. Помешал «лиловый» гонец.

Граф Гирке доносил, что «гуси» вновь решили попытать счастья. Или не решили, но на берег они вылезли. Видимо, для разнообразия это была пехота, причем выше по течению. Махнуть рукой? Рудольф, тот умел сидеть и ждать, но Жермону перед боем от безделья становилось тошно, особенно если... Что за «если», генерал не понимал, поэтому просто окликнул легкораненого тенъента, угодившего по такому случаю в порученцы.

– Бертольд.

– Да, мой генерал.

– Я отправляюсь к графу Гирке. Лагерь и форт остаются на генерала Ансела и полковника Карсфорна. Валентин, вы со мной?

– Да. Я несу ответственность за полученные сведения наравне с графом Гирке.

Отвечать не пришлось. С поросшего ядовито-зеленой травой пригорка Жермон ясно различал суету на дриксенском берегу. «Гуси», те самые «крашенные», без сомнения, готовились к переправе, хотя Хербсте здесь окружало настоящее болото. Пятачки твердой почвы были наперечет. Расчет на то, что фрошеры оставят этот лягушачий Рассвет без внимания?

– Гирке, у вас под рукой всего полсотни всадников?

– Да, и, к сожалению, не драгуны. В плавнях мои люди совершенно бесполезны, поэтому я счел возможным отправить сообщение одновременно вам и полковнику Лецке.

– Правильно сочли. – Кесарцев в камышах мелькает все больше, сколько же их соберется в гости? – Отправляйте второго гонца. Пусть Ансел гонит сюда еще один батальон, остальным – ждать. Если «крашенные» в самом деле волокут лодки, их для нас многовато.

Гирке вежливо промолчал, как и Валентин. Они были родственниками, но кто кому кем приходится, Жермон не помнил. Граф казался человеком опытным, даже странно, что на службе у супрема он умудрился так заматереть. Еще более странным казалось безоговорочное подчинение Гирке молодому герцогу, если, конечно, полковник не притворяется. Умные служаки, оказавшись в подчинении у титулованных дураков, часто так делают, хотя Валентин на покойного Манрика и иже с ним не похож. Парень вникает во все и не мешает там, где Гирке знает лучше. То ли Рудольф на прощание намекнул, то ли сам додумался, но трясти полком и перевязью перед носом у Арно Придд не стремился, и все-таки хорошо, что он здесь, а Сэ – при Давенпорте.

– Господин генерал, они начали спускать лодки на воду, – без всякого выражения сообщил Валентин. Мыслей командующего он, к счастью, не слышал.

– Вижу. – Не поздновато ли послали за пехотой? Налягут «водоплавающие» на весла, высадутся, и гоняйся за ними по всему болоту! – Кто-нибудь может сказать, насколько их снесет?

Точно никто не знал, а гадать не захотелось.

Ожидание затягивалось. Жермон водил трубой – подсчитывал вытягиваемые на берег лодки и солдат вокруг них. Не меньше трех сотен... Нет, вот еще лезут, и все равно батальона пока хватает. Если он подойдет вовремя, разумеется.

Ариго прислушался. Без толку. Тишину нарушали разве что птицы, вернувшиеся к своим очень важным весенним делам, и все та же канонада. Да еще иногда за спиной фыркали и звенели железом лошади. Странно, что здесь нет комаров. Болото есть, а комаров – нет. Может, травки какие-то... Ариго попробовал припомнить, что растет в болотах, кроме незабудок и осоки, но уроки мэтра Капотты вылетели из головы двадцать лет назад, а в Торке болот не было, как и лодок. И там не приходилось любоваться на приближающегося врага в обществе двух ледяных полковников и полусотни не годных для драки в камышах кавалеристов.

Будь рядом не Гирке, Жермон что-нибудь обязательно бы сказал. Вслух и громко. Но «лиловые» располагали к сдержанности, а дриксы всю спихивали лодки на воду, забирались внутрь, разбирали весла. Самые спорые могли бы уже отплывать, но осторожничают – ждали, пока на воде не окажутся все лодки. Ну ждите, ждите...

Топот копыт. Наконец-то.

– Господин генерал, приказ передан, эскадрон выступил. Скоро будет здесь.

– Здесь ему делать нечего. Дриксы высадутся ниже.

– Простите, господин генерал, ошибся. Полковник Лецке сказал, что свернет с дороги за тысячу бье отсюда.

Тысяча бье? Пожалуй, верно. Наконец-то отплывшие дриксы всю воевали с течением на середине залитой солнцем реки. Их снесло уже довольно прилично, снесет и еще, как раз в объятия драгун. Ариго тронул усы и подошел поближе к берегу, наблюдая за флотилией. Та шла быстро и слаженно, но отнюдь не казалась опасной. Солнечные блики, синее небо, зеленая травка, щебет птичек над головой... Простите, эти птички предпочитают кричать.

– Мой генерал, смотрите!

– Боюсь, «гуси» тоже заметили.

Справа, примерно там, куда нацелились дриксы, из прибрежных зарослей с шумом поднимались утки. Одна за другой. Леворукий, сколько же их тут!.. Серо-бурая тучка с обиженным криканием шарахнулась к реке, увидела лодки, кое-как развернулась и рванула наискось через реку. Все ясно – Лецке «повезло». С разбегу вломившись в заросли, драгуны спугнули всю эту мечту охотника, чем и подали вест о своем прибытии.

Вест оказалась незамедлительно принята, наверное, даже с благодарностью. Дриксы начали дружно поворачивать, по ним ударили разрозненные выстрелы – то ли один из дозоров, то ли не сдержался кто-то из драгун. С лодок ответили столь же редким и недружным огнем. Еще бы, слитный залп и перевернуть может.

– Леворукий... Ударают! – не сдержался Жермон. Придд и Гирке вежливо промолчали. На берег выскочил драгун отчего-то в одном сапоге. Выстрелил. Торопливо, не целясь, но «крашенный» на третьей слева лодке выпустил весло и навалился на товарища. Эта жертва оказалась единственной. Флотилия выскочила на середину реки, и пальба стихла сама собой. Талигойцы, увязая по колено в желтоватой грязи, один за другим выбирались из камышей. Можно было представить, что они сейчас думают о водоплавающих, хоть кричащих, хоть гребущих. Последние из всех сил работали веслами, явно желая произвести высадку слаженно и без потерь. Правда, на собственном берегу.

3

– Наконец-то, – улыбнулась Катари, – наконец-то ты зашел, а то Эрвина я вижу чаще, чем тебя.

– Я исправлюсь, – пообещал Робер, целую горячую щеку. – Придет Дорак и будет обо всем думать, а я стану держать тебя за руку.

– Повитуха это сделает лучше, – засмеялась сестра, – а ты все равно отыщешь себе какое-нибудь дело.

– Пока я нашел дело тебе. Есть девушка... Принцесса Елена, вот ее письма.... Я был вынужден их прочесть, там нет ничего важного, кроме... любви. Наверное, письма надо вернуть, только девушка очень любила Альдо и была... так откровенна. Ее отцу теперь это вряд ли понравится.

– Не думаю, что это ему нравилось и раньше. – Катари задумчиво свела брови. – Фома просто тянул время. Жаль, если девочка влюбилась всерьез. Живого можно забыть, а несбывшееся в юности – это навсегда... Конечно, Робер, я напишу принцессе Елене, но сами письма лучше оставить здесь. Пока не будет надежной оказии.

– Ты – умница! – Эпинэ с нежностью посмотрел на измученную молодую женщину. Если б тогда выжил Мишель, а не он...

– Мне бы тоже не хотелось, чтобы читали мои письма, мои *личные* письма, правда, я ничего не писала. Не из осторожности, просто моих писем никто не ждал... Ты выглядишь усталым. Что ты сегодня делал?

– Проводил Ноймаринена до ворот и немного поболтал с Карвалем. На надорском тракте неблагополучно – дезертиры перехватывают обозы.

– Ты уверен? – Катари слегка подалась вперед. – В том, что это дезертиры?

– Добрая половина мерзавцев Люра разбежалась. На юге этой сволочи делать нечего, в Ноймаринен – тем более, а вот между Надором и Кольцом Эрнани... Многие оттуда родом, куда им еще деваться! Ничего, Карваль порядок наведет. Ты в самом деле решила ехать в Ноймар? А как же Ариго?

– Я хочу увидеть детей, и я должна увидеть Георгию и все ей рассказать, иначе будет не по-людски... Скоро я избавлюсь от регентства, но королевой-матерью я остаюсь. Пусть все видят, что мы вместе – юг и север, вдова Фердинанда и регент. Сейчас это не так важно, но к зиме... Жить станет трудно, труднее, чем раньше, люди устанут, будут недовольны. Нельзя давать им повод усомниться... в оставшихся Олларах.

– Леворукий! – некстати ляпнул Робер, глядя на сестру, то есть на королеву. Катари опять думала о том, о чем следовало подумать ему. – Прости, я совсем одурел, ты ведь ненавидишь политику...

– А тебе нравится быть Первым маршалом и вождем? Но ты справлялся и в Эпинэ, и здесь... И я пытаюсь, как могу... Это хоть немного искупает то, что я натворила по молодости.

– Я натворил больше.

– Не ты. Тебя заставляли. Сначала – дед и отец, потом – мятежники, а я захотела стать королевой, только великих королей не бывает... Женщина становится великой только в любви и служении, я это поняла слишком поздно. Про герцога Алва по-прежнему ничего не известно?

– Я бы тебе сказал...

– Да, конечно. Я написала несколько писем, не очень королевских, но мне кажется, они нужны. Посмотришь?

Она просто хочет любить и быть любимой, а политику ненавидит и боится, но делает, что может. Малышка разбирается в этом болоте всяко лучше, чем угодивший в маршалы даже не полковник. Стыдно.

– Ты все знаешь лучше меня.

– Но ты должен прочитать. Кто-то из регентского совета должен...

– Пусть читает Левий.

– Нет! Только не он... Я ведь пишу про Агарис. Мы должны помочь... Хотя бы тем, кто не хочет оставаться в Агarii, но советоваться о таком с Левием... Это будет выглядеть так, словно он тоже просит. Нас просит, а мы... я ему обязана не только жизнью...

– Ему обязаны все. – Слухи об Агарисе Робера трогали лишь в том смысле, что, будь они правдой, Гайифе точно стало бы не до Талига. Эрвина занимало то же, но в разгром Святого города верилось с трудом, просто от наплевавших на вековые запреты морисков ждали чего-то невероятного. – Ты торопишься, Катари. Еще ничего не известно, а обозник обознику еще и не такое наплетет.

– В Нохе звонит колокол, – сказала сестра и замолчала, словно все стало ясно. Надо послать ей цветов, узнать у Коко, где их берут, и послать, но сперва нужно добраться до Капуль-Гизайлей. Может, послать к Халлорану Сэц-Арижа с извинениями и вырвать этот вечер для себя?

– Тебе нужно отдохнуть, – решила Катарина. – Дай слово, что отложишь все дела и пойдешь спать.

– Я как раз об этом думал. Катари, если тебе скажут, что я люблю куртизанку, то это правда.

– Мне *уже* сказали. – Она улыбнулась, но в обведенных голубоватыми кругами глазах

была грусть. – Я ведь снова живу среди женщин. Дженнифер считает баронессу Капуль-Гизайль отродьем Леворукого, но я принесла больше зла.

– Ты и зло? – Робер мог только расхохотаться. – Катари, я на самом деле люблю Марианну.

– Тогда я хочу ее видеть.

– Где?! – Сестра не переставала потрясать. – Ты же не хочешь сказать...

– Я не в том положении, чтобы выезжать. – Катари или не поняла его вопля, или, вернее, поняла слишком хорошо. – Пусть придет на утренний прием, а своим дамам я объясню, что... дружба с Марселем Валме и другими достойными кавалерами еще не превратила в чудовище ни одну... титулованную особу.

– Ваше величество, к вам герцог Окделл. – Если б в садик вышла Дженнифер Рокслей, Робер не выдержал бы и хихикнул, но это была теща бедняги Лаптона.

– Я устала, Одетта, – лицо Катари стало беспомощным. – Робер, как ты думаешь, это важно?

– Вряд ли, – честно сказал Эпинэ. – Но ведь ты дала аудиенцию графу Литенкетте...

– Эрвин уезжал. – Светлые глаза смотрели в такое же небо. – Я надеялась, что он возвращается в Ноймар, и хотела передать с ним письмо. Странно, я почти не вспоминала о Жермоне, а теперь просто места себе не нахожу. Пишу, пишу, пишу, а письма словно в Закат летят. Неужели он так и не простит?

– Просто граф Ариго занят, – утешил Эпинэ. – Я был такой же свиньей. Жозина ждала писем, а я, видите ли, воевал.

Глава 4

Оллария

Хербсте. Печальный язык

400 год К.С. 19-й день Весенних Волн

1

В форт Жермон возвратился в задумчивости, из которой господина генерала вывел Рёдер. Мундир коменданта был изрядно перемазан известковой пылью – похоже, полковник проводил очередную ревизию пробоин.

– Во время вашего отсутствия, – отрапортовал явно довольный жизнью полковник, – во вверенном мне форте ничего существенного не произошло. Потерь нет. Около часа назад дрикссы прекратили обстрел. Привожу в порядок стены.

– А не торопитесь? – Ариго с сомнением глянул на зависшее над рощей солнце. – «Гуси» как прекратили, так и начнут. Они – народ обязательный.

– Не начнут. У них оружие не выдержало. То ли банили плохо, то ли еще что. От нас не понять, но грохнуло, не приведи Создатель, а уж суеты... Горело что-то, пострадавших таскали, начальство аж с двух сторон прискакало. Эта пушка больше не стреляла, остальные дали по паре выстрелов и заткнулись. Видимо, испугались, чистятся теперь.

– Отлично. Будем слушать птичек. – Дались ему сегодня эти птички! – Как ваши стены?

– Держатся.

– Давайте поглядим.

Со стенами было не так уж и плохо, хотя в паре мест зияли приличные бреши. Солдаты споро закладывали их турами и мешками с землей и песком. Птичек слышно не было, зато лягушки вопили вовсю. Уютно пахло дымком. Не пороховой кислятиной, а мирной домашней горечью, обещавшей отдых и обед, то есть, конечно же, ужин. День почти кончился, солнце уже цеплялось за верхние ветки, и смотреть на него было совсем не больно.

– Будет ветер, – решил генерал, отпуская рвавшегося к своим стенам полковника. Тот издал согласный звук и порыскал к подносчикам.

Посыпались мелкие камешки, в траве кто-то недовольно прошуршал. Еж... Поселился в тихом местечке, возможно, даже женился, и тут приперлись двуногие и все испортили. Ариго усмехнулся и топнул ногой. Еж прекратил движение и умело осуществил предусмотренный на случай внезапного нападения маневр – свернулся в шар. Застигнутой на марше армии так не суметь. Генерал тронул занявшее круговую оборону существо носком сапога и медленно пошел вниз по склону.

Готовность дриков при первых же признаках опасности отказаться от переправы была понятна, но зачем при эдакой осторожности гнать через реку два батальона? И что «гуси» собираются делать завтра? Послезавтра? Жермон пытался разобраться в чужих замыслах и не мог. Дриксенский командующий начинал предсказуемо и грубо, но при малейшем сопротивлении сдавал назад. При этом сил за рекой хватало, чтобы в пару недель разбить форт с его не дающей навести мост артиллерией, отогнать талигойцев от берега и устроить наконец переправу, хотя чем это все закончится – неизвестно. На талигойском берегу шансы будут практически равны, только собираются ли «гости» терять эту пару недель, и нужен ли им Печальный язык вообще?

Если к дрикам в ближайшие дни подойдет солидное подкрепление, то переправа им действительно нужна, и чем скорее, тем лучше. Нет – вопрос так и останется без ответа, а отправленная на тот берег еще при подходе к Печальному разведка, как назло, молчит. Хотелось верить, что капитану Баваару удалось избежать встреч с чужими разъездами, только найдет ли он что-нибудь важное? Жермон отнюдь не был уверен в том, что искомое вообще имеется, и эта неуверенность играла с генералом, как кошка с мышью. Пойми Ариго, что кошмар фок Варзов сбылся и авангарду предстоит сдерживать целую армию, он бы вздохнул с облегчением. В первый момент.

Голод, свежий воздух и входящие в экстаз лягушки просветлению не способствовали. Жермон смотрел на темнеющую на глазах рощу, словно там скрывался ответ. Хотелось сразу и спать, и есть, и стянуть сапоги, требовалось доругаться с Карсфорном на предмет самовольной отлучки к Гирке и написать наконец фок Варзов, а командующий авангардом стоял на пригорке, подставив лицо плохонькому ветерку, и безуспешно пытался думать.

– Господин генерал, я понимаю, что это несколько бестактно, но чем лучше у нас идут дела, тем вы серьезней. Я не могу найти поводов для беспокойства, но у меня нет и вашего опыта.

Молодой Придд. Тоже бродит и мыслит... Надо же, какой чуткий! Возвращаясь в форт, они ехали бок о бок. Позади наперебой обсуждали незадавшуюся переправу, кто-то очень похоже изобразил шум крыльев взлетающей стаи, вызвав общий смех. Офицерам и в голову не приходило беспокоиться...

– Выходит, Валентин, вы поводов для тревоги не видите?

– Господин генерал, по моему мнению, несколько дней у нас точно есть; как дальше – не знаю.

Господин генерал знает еще меньше.

– Тогда оцените наше положение. Представьте себе, что вы... Карсфорн.

– Господин генерал, если вы хотите услышать, что причин для беспокойства нет никаких, то полковник Карсфорн об этом уже неоднократно докладывал.

Именно что неоднократно, а из Придда, того и гляди, получится второй Райнштайнер, только Ойгена вариты не волнуют. Барон озабочен погасшими маяками, а Валентин, похоже, нет.

– Хорошо, вы не Карсфорн, а кто вам угодно, главное – что здесь, по-вашему, происходит? И прекратите напоминать мне, что я – генерал. Без вас знаю.

– Слушаюсь, господин Ариго. По моему мнению, пока форт своими пушками прикрывает устье, противник ничего не сможет сделать. Что будет дальше, не могу сказать, но наших сил должно хватить, чтобы не дать дриксенцам захватить часть этого берега и

удержать его. Разумеется, если к ним не подойдут крупные силы и не случится каких-нибудь неожиданностей.

– А если случится? Кстати, вы ужинали?

– Нет.

– В таком случае составите мне компанию.

2

Через дорогу шмыгнула здоровенная крыса, но поворачивать Ричард не стал, даже вспомнив Лаик и пари с судьбой. Юноша так и не узнал, кто тогда выиграл – он или принявшая облик серой твари подлость. Если судить по случившемуся потом, крыса выжила, но это не повод опустить руки и не исполнить клятв. Дик слегка придержал Сону и окликнул Блора:

– Вы верите в приметы, полковник? Я – нет!

– Не могу сказать, что верю, – северянин говорил удручающе медленно, зато рука у него была очень быстрой, – только ржавую луну за спиной я бы иметь не хотел.

Вспомнил Нокса. Бедняга в свой последний вечер жаловался на то, что месяц стал ржавым, хотя тот был самым обычным. Солдаты верят, что луна впитывает еще не пролитую кровь, но полковника не зарезали, а задушили. Как какого-то... зайца. «Спрут» их всех застал врасплох, с этого и началось; или черная полоса пошла с безумной старухи, бросившейся под копыта Караса в день коронации? Проклятья сумасшедших, если их сразу же не смыть текучей водой, прилипают накрепко, но Повелитель Скал слишком торопился к своему государю, чтобы свернуть к Данару...

– Вы ведь служили с Ноксом еще в Северном Надоре?

– Да, монсеньор, но мы почти не были знакомы. Монсеньор, мне бы не хотелось оставлять вас в Нохе на всю ночь. Поймите меня правильно: дело не в том, что я не доверяю кардиналу, хотя я ему и не доверяю. Чего хорошего можно ждать от эсператиста? Хапуги они все и лицемеры. И всегда такими были. Что ни говори, правильно эту братию из Талига выдворили.

– Разделяю ваше мнение, – усмехнулся Ричард. – Марагонец хотя бы был воином, что, конечно, не делает его законным королем.

– Монсеньор, вы спросили про приметы. – Династические вопросы Блора не занимали. Полковники вправе не задумываться о подобных вещах. – Ноха – дурное место, так все говорят, все, кто нес возле нее караул. Люди Халлорана видели над стенами нехороший свет, как раз напротив главного храма. Похоже на костер в тумане, только зеленый. И лошади беспокоятся, а ночами в Нохе звонит колокол. На самом деле его нет, а он звонит... Клирики, Леворукий с ними, а вам туда ехать не стоит.

– Я не могу не ехать, – просто ответил Дик. – Меня обязывает моя честь. Пусть другие забыли и отреклись, я свой долг сюзерену отдам. Скалы помнят.

– Как будет угодно монсеньору, – больше Блор не настаивал, он и так сказал слишком много. Можно подумать, герцог Окделл не знает, что болтают про Ноху, но в Лаик тоже звонил незримый колокол и бродили призрачные монахи. И Сона туда идти не хотела, ну и что? Призраки еще никого не убили и не предали. Смерть предпочитает сталь, яд, даже конские копыта...

– Я не боюсь того, чего нет, – сказал Ричард скорее себе, чем полковнику. – Я и так слишком задержался.

Задержался, желая прийти к сюзерену со Щитом. Увы, ни в Арсенале, ни в дворцовых хранилищах обнаружить реликвию не удалось. Ричард перерыл горы дряхлого оружия, облазил чуть ли ни сотню подвалов, отыскал в канцелярии супрема вывезенные из Надора книги, самые старые из которых принадлежали кансильеру Джеральду, но ни разу не почувствовал зова. Оставалось предположить, что ключ к силе Скал не в столице.

Мысли юноши все чаще обращались к Юлиане Надорэ. Эта предшественница Айрис

была обручена с анаксом, но сбежала к безродному Манлию. С такой случилось бы прихватить фамильную реликвию, тем более что род Ферра с той поры прямо-таки преследовала удача. Стать полукоролями уже в Золотой Империи, пережить ее паденье и паденье Талигойи, не растеряв при этом ни владений, ни влияния и не потерпев ни единого поражения... Такое удавалось разве что Алва, но их возносил Ветер. Потомки Манлия на первый взгляд были никем, но бывавший в Ноймаре Мевен, которого Дикон осторожно расспросил, вспомнил, что видел в Гербовом зале щит Манлия; и на щите этом был ощерившийся пес. Сюзерен как-то обмолвился, что бога Скал сопровождали собака и вепрь...

Оставалось добраться до Гербового зала, и судьба такую возможность предоставила. Эрвин Ноймаринен передал Катарине приглашение, более похожее на приказ – вдовствующей королеве предлагалось переехать после рождения сына и до окончания войны в Ноймар. Катари рвалась в свою Ариго, но отказать всесильному герцогу не дерзнула. Дикон был этому почти рад.

Айрис последовала за опальной госпожой в Багерлее, откуда всех выпустил Фердинанд. Что ж, Ричард отправится за своей королевой в волчье логово. Там помощи ждать неоткуда. Там можно рассчитывать только на себя и немного на Силу Скал.

Если Щит узнает истинного хозяина, всевластие ноймаров конец, а если реликвия в другом месте... Что ж, хуже, чем сейчас, уже не станет. Сюзерен мертв, древние знания утрачены, олларовское отребье подняло голову... Единственная преграда на пути временщиков – одинокая королева и трое эориев, двое из которых не желают знать, кто они есть. Робер думает только о фураже и займах, его даже не оскорбило высокомерие Эрвина, а Дэвид себя заживо хоронит. Он называет себя и свою семью предателями. Рокслеи и предательство... Святой Алан, это даже не смешно!..

Тихое жалобное ржанье, почти плач. Сона. Не хочет в Ноху, но пойдет, как пошла в Лаик и в Дору. Лошади могут шарахаться от теней – дорогу все равно выбирает всадник.

– Монсеньор, как вы помните, во Внутреннюю Ноху эскорт войти не может. Не скажу, что мне это нравится...

Дику это тоже не нравилось, но не зарежут же клирики члена регентского совета! Пусть Повелитель Скал не любит кардинала и не скрывает этого, танкредианец все же не Сильвестр. Он интригует, а не убивает.

– Стучите.

– Как будет угодно монсеньору.

Калитка открылась тотчас – люди Левия были отменно вышколены. Вышедший навстречу капитан казался знакомым, но имя Дикон, если и слышал, то не вспомнил.

– Я пришел провести ночь у гроба своего государя. – Дик был холоден и спокоен. Блор вряд ли догадается, что его господину хочется сбежать, а монахи тем более.

– Все в порядке, сударь, – вежливо произнес серый капитан, – нас предупредили, но прошу вас спешиться. После известных событий его высокопреосвященство распорядился не допускать во Внутреннюю Ноху чужих лошадей.

3

Они были голодны как волки, вернее, как волк и какой-то другой зверь, очень вежливый и достаточно хищный. Гость уплел никоим образом не меньше хозяина, но надо было видеть, с каким изяществом он это делал. На миг Ариго стало неудобно за собственные манеры, потом генерал об этом забыл, высказывая свои опасения уже четвертому собеседнику. Придд слушал, не забывая двигать челюстями. Если он и полагал свое начальство излишне мнительным, то не подавал вида, зато сам Ариго с каждым словом убеждался в собственном ничем не оправданном упрямстве.

– Вообще-то, – честно заключил Жермон, – никаких оснований для тревоги нет. Даже если на нас навалятся не пятнадцать тысяч, а все двадцать, мы продержимся до прихода подмоги. Конечно, когда фок Варзов станет у Доннервальда, Печальный язык обретет для

дриксов особую прелесть, но до этого еще надо дожить, а время мы уже выиграем.

Будь на месте Придда Вольфганг, Ойген и тем более Карсфорн, в ответ бы раздалась уже хорошо знакомая речь. Отбивший Ворона мальчишка молчал, сосредоточенно глядя поверх блюда с отменно обглоданными костями. Жермон взялся за кувшин:

– Есть очень среднее вино и хорошее – по утверждению Рёдера – пиво. Что будете?

– Я бы предпочел воду, в крайнем случае – среднее вино.

– Считайте случай крайним. О чем вы задумались?

– О Павсании.

Ответ был быстрым и не просто странным, но совершенно непонятным. Парень устал слушать генеральские разглагольствования и вспомнил о своем.

– Прошу меня простить, я имел в виду...

– Павсания, – ухватил за хвост собеседника Ариго. – Понятия не имею, кто это такой, но почему бы о нем и не подумать? Особенно если нельзя встать и уйти, но вежливость доведет вас до несварения. Воспоминания одинокого Катершванца, мои опасения...

– Я довольно много почерпнул из рассказов господина барона. – Если это извинение, то Ойген – южанин. – И я действительно очень неудачно упомянул Павсания. Теперь мне придется объяснить.

– Вам придется выпить. На сон грядущий... Мы с вами засиделись, а это глупо. «Гуси» легли с курами, вероятно, с ними же и встанут.

– *Господин генерал*, – обормот не только поднял стакан, но и пригубил, – я прошу минуту вашего внимания. Я вынужден рассказать одну историю, но мне не хотелось бы, чтобы она достигла ушей моих бывших однокорытников.

Конечно! Что у Арно на языке, у этого на уме. Ходить, задрав подбородок, и молчать – не значит не чувствовать. Будь все вместе, первая же баталия что-нибудь бы да прояснила, но Сэ с Катершванцами у фок Варзов, а Придд здесь. Нюхает порох не хуже других, но этого никто не видит, вернее, видят не те.

– Я не намерен вмешиваться в поедание шляпы, – усмехнулся Ариго, – но когда дойдет до дела, горчицу виконту Сэ пришлю.

Хоть бы улыбнулся, паршивец! Вот ведь гордость, а вино не такое уж и плохое. Терпимое вино. Для севера, конечно...

– Господин генерал, я вспомнил о Павсании из-за Пфейтфайера, – объяснил Придд и поставил недопитый стакан. Видимо, счел питейную повинность выполненной. – Мы полагаем, что дриксы вообще и противостоящий нам генерал в частности руководствуются трудами Пфейтфайера и опытом принца Бруно. Все, что они делают или не делают, мы увязываем с этой посылкой, по крайней мере, пока не доказано обратное.

Это напоминает мне то, что случилось в Оллarii, которую по приказу временно захватившего ее потомка королевы Бланш стали называть Раканой. Упомянутый потомок возводит свой род к гальтарским анаксам и подчеркивает это с помощью гальтарских же ритуалов, о которых имеет удручающе скудное представление. Окружение потомка знает еще меньше, но боится обнаружить свое невежество, замыкая таким образом порочный круг. Я несколько раз воспользовался этим, ссылаясь на труды Павсания по гальтарскому этикету.

– Не слышал, – с удовольствием признался Жермон Ариго, – не читал и не собираюсь.

– Мой генерал, вам бы не удалось прочесть данный труд при всем желании. Ни один из известных мне по древнейшей истории Павсаниев не писал подобной книги, но достаточно было единожды ее упомянуть в присутствии господина анакса, и Павсаний прочно утвердился в его воображении и, следовательно, в воображении его свиты. Все до единого повели себя так, словно Павсаний лежит у их изголовья, чем окончательно убедили друг друга в его существовании. Ссылка на данный фантом оправдывала любые мои действия, кроме последнего.

Господа «гальтарцы» не сомневались, что я обладаю экземпляром столь нужного им руководства и строго следую его предписаниям. Конечно, в нашем случае ситуация иная – труд Пфейтфайера существует на самом деле, и все же... Мой генерал, не получается ли так,

что все уверены: фельдмаршал действует в соответствии с книгой, а он делает то, что нужно ему?

– Пожалуй, – выдавил из себя Жермон, с восторгом разглядывая сидящего перед ним наглеца, – именно Павсания я и боюсь. С самого начала...

4

Сюзерен лежал в «затопленной» часовне. Впервые услышав это название, Дикон едва не задохнулся от ярости, но обижаться было не на что. Затопленными агарисцы называли храмы, бо льшая часть которых располагалась под землей, где чаще всего и помещали закрытые гробы. Иногда такие храмы замуровывали, превращая в склепы, порой в них продолжали служить или хотя бы зажигать свечи и менять цветы.

Там, где лежал Альдо, цветов не было, только теплились, разгоняя мрак, семь лампад. Крутая лестница уводила вниз, в мерцающий желтый свет. На верхней площадке начиналась круговая галерея, куда выходили забранные решетками окна, приходившиеся вровень с землей. Икон и статуй не имелось вовсе – при Олларах часовня служила чуть ли не складом, потом ее очистили от хлама и освятили заново. Сопровождавший Ричарда монах повторил это раз сорок.

Монах был худым, остроносый и равнодушным ко всему, кроме своего Создателя и кардинала. Сам Левий встречаться с герцогом Окделлом не пожелал. Ричард тоже не рвался преклонить колени перед недомерком в сутане, но обидно было. Не за себя – за Альдо, притащившего Левия с его мышатами в Талиг. Если б мориски и в самом деле разорили Агарис, было б только справедливо, но зло уничтожает зло только в сказках. Сюзерен мертв, а обязанный ему всем церковник сунул гроб в облупленный подвал и занялся собственными делишками. Марагонский бастард, выставивший эсператистов вон, – и тот удостоился со стороны кардинала бо льшего внимания.

Окажись в часовне хоть какой-нибудь клирик, Дикон вряд ли бы сдержался, но упрекать было некого, и юноша просто запомнил, как запомнил отступничество послов и наглый взгляд сына Рудольфа.

Гроб стоял внизу, но что-то мешало отойти от двери и поставить ногу даже на первую ступеньку. Ричард замер на галерее, глядя то на уходящую вниз лестницу, то на иссиня-черные окна. Прохладная темнота пахла недавними курениями – монах не лгал, хотя бы одну службу в часовне все-таки отслужили. Отслужили и ушли. Зачем отдавать почести проигравшему или тому, кто кажется таковым? Ричард заставил себя оторваться от решетки и перейти на верхнюю площадку, где ноги снова прилипли к полу.

Матушка часто оставалась в надорском храме на ночь, а перед праздниками и в дни памяти отца брала с собой детей. В старой церкви было сразу холодно и душно, но страха Дикон не испытывал, а сейчас вдруг стало не по себе. Спускаться к гробу хотелось все меньше, и именно поэтому юноша почти сбежал по лестнице, растревожив не до конца зажившее плечо. Как ни странно, занывшие кости успокоили. Стало стыдно за детские страхи – впрочем, назвать Блора и кавалеристов Халлорана малолетками было затруднительно, а они боялись. Как и лошади.

Ричард глубоко вздохнул и вошел в светлый, образованный лампадами круг. Деревянный ящик, лишь изнутри выложенный свинцом, казался обычной мебелью вроде гардероба или комода. Он просто не мог иметь с сюзереном ничего общего. С веселым светловолосым сюзереном герцога Окделла, сперва протянувшим вассалу руку, а затем доверившим ему свои чаянья и тайны. Дикон положил ладонь на простую крышку и не почувствовал ничего, кроме прохлады, но что-то сказать было нужно.

– Здравствуй, Альдо, – поздоровался юноша, – я пришел. Извини, что не сразу.

Слова прозвучали нелепо и фальшиво. Ричард помнил, что говорил Ксаверий у гроба Лиандра, но выдумки не выдерживают столкновения с жизнью, потому-то Ворон и читал Дидериха так, словно смеялся. Теперь Дикон понимал почему. Пустая ненавистная жизнь,

ненужные победы, ненависть, презрение, жалкий король, любовь к королеве, обладание ее телом, но не душой... Насколько это страшней выдуманных страстей, и насколько гибель последнего Ракана чудовищней смерти Лиандра!

Убитому императору явился всего лишь призрак матери, Альдо видел не призраков – старуха, казнь Айнсмеллера, синие глаза Удо, мертвецы Доры... Все они были наяву и предрекали беду. Сюзерен в нее не верил, но его ждали не победы и слава, а смерть и Ноха.

Аббатство стало последней неудачей Альдо – лежать в обители несуществующего бога и ждать, когда Алва и Ноймаринен решат, как быть с телом. Дикон не сомневался, что сюзерен предпочел бы лежать в Гальтаре, а нет, так в вольной варастийской степи или на данарской круче, чтобы в половодье было слышно, как стонет и ревет великая река. Только одинокую могилу могут осквернить хоть кэналлийцы, хоть ноймары, хоть разгулявшаяся чернь, разве что добиться права на охрану...

– Я верну тебя домой, – снова вслух пообещал Дикон. – Новый Круг принадлежит Ветру. Карл Борраска узнает правду и о себе, и о тебе. Он сделает то, чего не сумел ты, и в новой Талигойе, в великой Талигойе, вспомнят добром и тебя.

Пусть сюзерена здесь нет. Пусть его нет нигде, но мы живы, пока живы наши дела и наша память. Золотой Анаксии быть! Неважно, что Робер превращается в какого-то купца, а Придды верны фамильной подлости, это не повод опускать руки. Теперь, когда нет ни Альдо, ни Борнов, с Савиньяками опять можно разговаривать. Арно больше любит Эмиля, пусть узнает, кому по праву принадлежит титул. Нельзя забывать и о брате Катари, что бы тот ни натворил в юности. Похоже, Жермон Ариго – смелый человек, и он еще не стар для женитьбы, а жениться ему придется хотя бы для продолжения рода.

Если наследники Ариго будут расти вместе с коронованным кузеном, они станут истинными зорями дома Молний. Труднее всего с домом Волн. Фок Варзов безнадежно стар, как и эр Август... Остаются братья Придда, но эта семья насквозь ядовита, а Борны никогда не примирятся с Савиньяками, и потом их права слишком неочевидны.

– Дон! – раздалось сверху. – Дон! Донн! Дон-н-н!..

Странный звук. Дальний, холодный и... знакомый! Святой Алан, так бьет колокол Лаик, созывая к ночному бдению монахов, рыцарей, нищих. Дикон провел рукой по лицу, пытаясь понять, спит он или нет. Незримый колокол продолжал звонить. Мерно. Глухо. Тревожно.

В самой часовне стояла тишина, разве что лампы загорелись чуть ярче. Никто не появлялся из ниоткуда, чтобы уйти в никуда, а звон... Блор про него говорил. Скорее всего, в нем нет ничего загадочного. Эсператисты отыскиали замурованный колокол и бьют в него, пугая солдат и горожан. Водись в Нохе призраки, их бы видели и раньше, но про монахов Лаик знают все, а здесь болтался только Валтазар, да и тот исчез.

– Дон!.. Донн!.. Дон-н-н-н...

Звон не отдалялся и не приближался. Он не грозил, не звал, даже не жаловался, он просто был. Словно где-то поблизости редкими толчками билось огромное холодное сердце.

– Дон!.. Донн!.. Дон-н-н-н...

В глаза ударил лунный свет, и Ричард понял, что вышел из часовни и стоит напротив коронационного храма. Темная терраса напоминала о казни Айнсмеллера и тщетных мольбах Катари...

Влажно блеснули мокрые камни, отражая десятки огоньков. Наискосок через площадь, отрезая Ричарда от монахов, солдат, всего мира, тянулась бесконечная процессия. Монахи в эсператистских хламидах чинно шествовали по двое в ряд, сжимая в руках зеленые свечи. Дул сильный порывистый ветер, но призрачные огоньки горели ровно, и бил, бил, бил призрачный колокол.

Глава 5

Хербсте. Печальный язык

400 год К.С. 20-й день Весенних Волн

Сон был какой-то бесконечный: бесконечно длинный, бесконечно глупый и столь же бесконечно печальный. Смысл его ускользал, но Жермон откуда-то знал, что виноват во всем именно он, и чувство вины непонятно за что тоже было бесконечным. Избавление принес дежуривший в эту ночь Бертольд, аккуратно, но решительно растолкавший генерала. Окна только начинали светлеть, птицы и те спали, но лучше вскочить ни свет ни заря, чем барахтаться в малопонятной пакости.

Ариго уселся на сбитой – он с детства устраивал из одеял и простынь беличьи гнезда – постели и беззлобно посмотрел на порученца. Тот глупейшим образом потупился. Генерал поскреб голову, зевнул и осведомился, в чем дело.

Остатки ночной дряни рассеялись при первых же словах – «с того берега» вернулся долгожданный разведчик. О подобном было велено докладывать в любое время дня и ночи. Бертольд и доложил, но гордости за содеянное на веснушчатой физиономии не читалось.

– Хорошо, что разбудил, – успокоил теньента Жермон. – Разведчика ко мне, а сам за Карсфорном и Рёдером. Живо!

Он как раз успел выпить воды и раздвинуть занавески, когда в прихожей затопало. В окошко подглядывал туман, туман был и в голове – не похмельный, вчерашние полстакана были форменной ерундой, а какой-то тревожный. Из такого перед носом корабля вырастают рифы или мели. С чего подобные образы посетили отродясь не бывавшего в море Ариго, было совершенно неясно.

– Капрал Кроунер, – доложили от порога. Сквозняк задул ложные маяки, остался только туман. – От капитана Баваара.

Жермон махнул рукой, избавляясь от столь любезных ревнителям устава дерганий, и потянулся за кошельком. Хороший разведчик не может ходить с пустыми карманами, а Кроунер слыл одним из лучших во всей армии. В авангард он попросился сам, еще осенью. Жермон в глубине души этим гордился.

– Докладывай. Что за Хербсте?

Капрал насупился, освежая в памяти умственные слова, до которых был большой охотник. Все равно ведь собьется на рыбацкий говорок!

– Так что капитан велели доложить... Реку мы переплыли спокойно, прошли, хоронясь, к Печальному языку. Близо не подобраться – рощи, они только вдоль берега... Сунешься в сторону – одни поля с лугами. Ровно, аж противно, а дозоры у «гусей» частые и чтобы зевать – ни-ни... Так что небогато мы разглядели. Капитан говорят, все *при-мер-но* так, как раньше докладывали. «Гусей» тыщ пятнадцать, а то и меньше – *ру-чать-ся* капитан не могут, с берега не больно посчитаешь. Пехоты – половина, частью старые наши знакомцы, с Лейне еще. Зубры, или как их там... «Крашенных» тоже видели, «синие» которые. Два полка – не меньше, из тех, что зимой заявили. Конница... Драгун много, рейтар пару эскадронов разглядели, и то издаля. Еще если и есть, то прячутся. Пушки слышали хорошо, но близко не подойти было. Об этих, что за мысом стоят, все.

– «Об этих» понятно. – Будь это все, Баваар прислал бы кого-нибудь другого, а малыша оставил бы при дриксах. – Что ты еще углядел? Ведь углядел же?

– Было дело. Вчера поутру...

Кроунер перевел дух, прокашлялся и гордо отвернулся от стоявшей на столе кружки. В ней была вода, но этого разведчик знать не мог. Ариго достал флягу и положил на стол. Капрал намек понял и лихо выпятил грудь.

– Кроунер, вперед! – подбодрил разведчика Жермон. – Обстоятельно и с подробностями. Понял?

– Так что мы как лагерь их обнюхали, – на флягу Кроунер больше не смотрел, – капитан остались там приглядывать, а нас погнали дальше от берега. Проверить, значит, *на*

пред-мет не-пред-виден-ных ос-лож-нений. Сперва мы на север сунулись. Там вроде как пусто. Никаких войск к Печальному языку не тащится, мы и повернули. На восток, значит, вдруг кто собрался реку повыше переплыть. День на рысях шли – ничего. Только пару раз разъезды ихние вдалеке показались... Мы уже вертаться наладились, и тут – здрасьте вам – цельная дорога. Так что, господин генерал, след вроде как от обоза, только здорovuщего. Земля перепажана, сразу видать – много их тут было.

Капитан, как мы доклались, карту долго глядели, с сержантом Валле советовались, а тот здесь уже четырнадцатый год. И так они вертели, и эдак, *об-суж-дали воз-мож-ные сик-курсы* и порешили – никак обоз этот к Доннервальду идти не может. Там дальше к востоку, хорнах в четырех, речонка будет, в Хербсте впадает. Штарбах прозывается. Муторная речонка, доложу я вам... Берега даже гаже, чем здесь, одним лягухам в радость.

Если кто на Доннервальд собрался, то свернет к северу, там *фор-си-ро-вать* можно, да только след не туда вел, а на юго-восток. Нет, там тоже переправа есть, только вот какое дело – выше Штарбаха Хербсте петлю к северу дает. Штарбах перейдешь, чихнуть не успеешь, в ее берег и ткнешься. Обратнo на дорогу к Доннервальду выбираться – большой крюк получается, а места неудобные, гадкие места... Так что капитан передать велели, что обоз тот не заблудился, *а осоз-нан-но следует к на-мечен-ной цели.* «Гуси» Гельбе не хуже нас знают, и перли они прямиком к берегу.

– На карте покажешь? Где переправы через Штарбах. Обе. Где вы этот след нашли?

– Так точно, покажу.

– Сам-то что думаешь?

– Меня и господин капитан спрашивали, как я разумею. Я сказал, что *пол-но-стью раз-де-ляю их мне-ние*, вот меня и отправили докладывать. Мы с Валле до берега добрались, там у него старое укpытьишко, еще с осени. Ну, и лодчонка, как же без нее. Я свою Бабочку оставил, а сам и поплыл.

– Бабочка не улетит, – заверил Жермон, берясь за флягу. Могучие стати серой капральской кобылы в сочетании с крохотным росточком хозяина порождали в армии уйму незамысловатых шуток. Кроунер их обожал.

– Куда ей летать, – блаженно подтвердил он, – с ее-то *пре-пор-ци-я-ми*.

2

Дриксенская батарея начала свой обстрел с рассветом. Вчерашняя незадача артиллеристов не так уж и напугала. Или напугала, но начальство велело, а с начальством не поспоришь. Уже привычные гулкие удары принялись навязчиво улаждать слух, и Ариго оторвался от карты, на которой теперь красовался таинственный след. С канонадой, каковая, согласно виршам многочисленных дураков, является лучшей музыкой для военного уха, что-то было не так. Вслушавшись, Жермон понял, что сегодняшнй «концерт» заметно уступает предыдущим. Это следовало проверить, и Ариго отправился на стены. Слух генерала не подвел: обстрел вели всего девять орудий. Помимо того, что пострадало вчера, молчали еще два – второе и пятое, если считать справа. Ну и хорошо.

Как бы Рёдер ни хорохорился, форту изрядно досталось. Заслуженная каменная кладка потихоньку уступала чугуну. В паре мест парапет северной стены был снесен почти полностью. Пока дриксы сидели за рекой, особой беды в этом не было, и все же девять пушек лучше двенадцати. Если это вражеские пушки.

В очередной раз оглядев дриксенский берег и кивнув на прощание артиллеристам Рёдера, Жермон отправился к себе с твердым намерением позавтракать и до конца разобраться со странным обозом. Не получилось ни первого, ни второго. Из-за горы мешков с землей выскочил одинокий наездник, резко осадил коня, привстал в стременах, огляделся и помчался наперерез генералу. В лагере зашлась от тревоги сигнальная труба, и тут же из деревни вылетел десяток драгун во главе с Бертольдoм.

– Мой генерал! – Первый всадник был уже рядом. – От капитана Зантолы. «Гуси»

собираются переправляться. Большими силами... На прежнем месте, за холмами... Очень много лодок. Генерал Ансел считает, в один присест перевезут до двух батальонов. Генерал послал за вами... Сам он поднимает резервы.

Закатные твари, это еще что за самоубийство? Вчерашнего болота хватит для похорон не одной сотни дриков, но им-то эта радость зачем? Первый батальон Ансела стоит в холмах. Через двадцать минут подойдет и второй. Понадобится, и полк Берка там будет, и Гирке, он ближе всех...

– Корнет, раз вы здесь, скажите к Берку. Пусть будет готов к выступлению.

Вестник поспешно развернул гнедого и, огибая растревоженный лагерь, рванул в сторону деревни. Жермон повернулся к Бертольд:

– Карсфорн знает?

– Так точно, он присутствовал при докладе. Меня послали за вами.

– Прихватим еще и Придда.

– Полковник Придд уехал, – объяснил деливший с Валентином лачугу Бертольд. – Еще затемно. Проверить свой полк. Он что-то сказал про «неожиданности», я не понял.

Не ложился, что ли? Кстати, правильно сделал. Лучше не спать, чем смотреть всякую дрянь, а парень, похоже, вчерашний разговор воспринял всерьез. И опять-таки правильно. Дриксы вряд ли задумали великое самопожертвование во имя кесаря и варитского упрямства. У Бруно с глупостью строго – не Фридрих, но пока своими глазами не увидишь...

Маленькая кавалькада почти доскакала до рощи, когда ухо Жермона вновь ощутило какую-то неправильность. Мгновенье спустя генерал сообразил, в чем дело, – выстрелы больших дриксенских пушек раздавались не сбоку, из-за форта, а там, где началась эта странная переправа.

3

Через рощу они пролетели, почти не разбирая дороги. Леворукий помог, обошлось, зато дальше, в холмах, пришлось потруднее. Переть верхом напрямик, навстречу все сильнее разгоравшейся пальбе, не просто не хотелось – было затруднительно.

– Проедем дальше вдоль холмов. Может, найдем место для подъема поудобней.

– Да, мой генерал!

Выбранная по наитию тропинка петляла, пряталась в зарослях, избегала на очередной пестрый от цветов склон. Где-то там, в середине цепочки холмов, окружавших приглянувшийся дриksam кусок болота, готовился к драке капитан Зантола. Не готовился – дрался... Выстрелы трещали уже вовсю. Беспокоились кони, тревожно переглядывались драгуны – опасались, что на ближайшей вершинке вот-вот покажется строй чужих мушкетеров. Буде такое случится, кавалькаду сметет одним залпом, но Жермон в подобный казус не верил. Судя по несмолкающей пальбе, в которую то и дело вплетались пушечные залпы, до вольных прогулок дриksam было далековато.

Тропинка очередной раз вильнула, ехавший первым сержант вскинул было пистолет, но облегченно выдохнул и опустил руку. В двух десятках шагов маячили лиловые всадники во главе с Рэми Варденом. Надо же, догадались!

– Что тут, кошки раздери, творится?

– К сожалению, я находился в расположения полка, – извинился Рэми. – Полк подойдет через пять-десять минут. Граф Гирке предположил, что вы пойдете напрямик, через рощу, и мы отправились вам навстречу. Дальше, на вершине холма, мы видели офицеров Ансела. Они могут знать, что к чему.

– Будем надеяться.

Спешиться все-таки пришлось. Проклятый склон являл собой лабиринт из овражника, твердость веток которого наводила на мысль о железе, промоин, ям и разбросанных в самых неподходящих местах каменных глыб. Лошадиные ноги следовало поберечь, а дурная голова, поберечь их не додумавшаяся, рисковала с маху приложиться как раз об один из этих

камешков.

Жермон продирался сквозь перевитые зацветающим вьюном заросли, безжалостно распугивая многочисленных ящериц и возмущая еще более многочисленных пчел. Сзади навязчиво сопели. Это раздражало, но оборачиваться, рискуя получить в глаз распрямляющейся веткой, Ариго не собирался. Пушки продолжали ухать, мушкеты тоже не молчали – дело становилось все горячее. Ариго ускорил шаг, смял еще пару кустов и угодил в объятия капитану Зантоле. Бедняга рванулся навстречу начальству, словно оно привело целую армию.

– Господин генерал, я должен доложить...

– Подождите. Я осмотрюсь.

За рекой в очередной раз грохнуло. Тяжелое ядро врезалось в склон где-то в сотне бье от стоящих.

4

– Мушкетеры вышли на берег, чтобы встретить дриков огнем, пока они еще на воде, – все-таки доложил Зантола, – и тут ударили пушки. Первый раз взяли слишком высоко, второй – тоже, а вот третий...

Капитан запнулся – похоже, внизу остался кто-то очень свой. Жермон посмотрел на берег. С полдюжины тел в черно-белых мундирах валялось на разноцветных камнях на полпути от воды до холмов. Третий раз «гуси» не промахнулись. Жермон сто раз видел, как это бывает. Ядро по пологой дуге влетает в ряды изготовившихся к стрельбе мушкетеров, ricoшетирует от камней и скачет дальше смертоносным мячом, расшвыривая тех, кто окажется на пути.

– Что ж, – процедил Ариго, – понятно...

Понятно, что талигойцы поспешили убраться с открытого места в холмы, откуда и обстреливали высадившихся. Слаженно обстреливали, ничего не скажешь. Не удержались за гриву – держались за хвост... Очередное ядро. Три! Мелкие камешки разлетаются в стороны не хуже картечин. Дриксенские артиллеристы рискуют – на берегу есть теперь и свои. Рискуют, но бьют. Три дальнобойных орудия! Хитрецы, раздери их кошки. Устроили представление, а мы и обрадовались. Пушка у них не выдержала... Такое у Пфейтфайера не раскопашешь. Перетащить ночью пушки к самому берегу, дожидаться, когда талигойцы выстроятся, как на параде, и ударить. Вроде и просто, но выгорело, а вот и второй сюрприз!

Подзорная труба услужливо приблизила немалую баррикаду, укрывавшую засевших на берегу дриков. Фашины... Пока артиллеристы бодались с фортом, остальные тоже не бездельничали, а крутили эти связки. Защита проще не придумаешь, но сработало. Укрытые от пуль «гости» всюду соревновались в меткости с застигнутыми врасплох талигойцами. И успешно. Да, у них были потери. Десятка три, если не больше, «крашенных» валялось и у самой воды, и на мелководье, но больше четырех сотен закрепились за неожиданной баррикадой, а лодки уже спешили назад. За подкреплением.

– На берег высадился только один батальон, – обрадовал Зантола. – Много места в лодках занимали фашины.

– Скоро их будет два, – утешил Жермон.

Топтаться на прибрежном пятачке дрикусы не станут. Накопят силы, пойдут в атаку на холмы, взберутся и вот там уже укрепятся как следует, после чего в дело с чистой совестью вновь пойдет Пфейтфайер. Перебросят артиллерию и уже всю свою пехоту, а ее у «гусей» побольше раза в два. Есть еще и драгуны, спешивать которых горазды не одни талигойские генералы, тем паче кавалерия в холмах преимуществ не даст. В этом Жермон убедился еще позавчера. Дрикусы, видимо, тоже. Сообразить, почему талигойцы не пустили вперед конницу, мог бы и дурак, а дриксенский генерал был кем угодно, но не дураком.

Баррикада мозолила глаза, и Ариго опустил трубу. Захвати «гуси» холмы, они саданут по форту с тыла. Значит, надо бить на берегу и немедленно, но авангард потеряет больше,

чем может себе позволить.

– Ваше мнение, капитан?

– Господин генерал, когда вернутся лодки, спихнуть дриков в Хербсте станет очень трудно. Пушки нужны. Позавчера мы их сюда не дотащили, а сейчас надо бы. Даже полковые хороши будут.

– Варден?

– Я согласен, господин генерал. Я только боюсь... Прежде чем мы подтянем артиллерию, противник сам перейдет в атаку.

– Вот именно...

Пока силы скорее равны, но талигойцы рассеяны по склонам, а «гуси» засели за своими фашинами. Расстояние до паршивцев невелико, только вот атаковать дружно и в хорошем порядке не получится. И все равно атаковать надо. Прямо сейчас, пока дриков не так уж и много. Плевать на пушки, один раз испугали – и хватит. По ровному берегу пробежать до баррикады недолго, полминуты, ну, три четверти, не смертельно. По крайней мере, смертельно не для всех. Значит, собираем людей, спускаемся, пусть и под огнем, и бегом вперед...

За спиной зашуршало. Отчего-то вспомнился вчерашний еж, но ежи не ворчат. В отличие от некоторых генералов. Жермон повернулся навстречу отдувающемуся Анселу. Шляпу Джорджа украшала особо нахальная плетть вьюнка, на плече одного из свитских офицеров красовалась волосатая гусеница. Любопытно, они с Бертольдом никого на себе не приволокли?

– Джордж, где твой второй батальон? Здесь?

– Сейчас будет, слева подходят. И минут через двадцать подоспеет Берк.

– Столько времени нам «гуси» не дадут, сам видишь.

– Вижу. – Ансел раздраженно уставился на приближающиеся лодки. – Еще одна такая прогулка, и их станет многовато.

– Не позволим. Готовься к атаке. Я сейчас...

– Послушай...

– Распожайся, я сказал. И сними со шляпы цветочки.

Ансел растерялся, Жермон ему подмигнул и принялся спускаться по склону в сторону маленькой лощинки, где укрылось с десятков мушкетеров. Очень хорошей лощинки, просто прелесть какой... Если добраться по ней до самого низа...

Прыжки по камням отвлекали, но Ариго уже знал, какой будет атака, кто ее начнет, кто пойдет первым, кто вторым. Он почти достиг цели и почти составил план, когда неподалеку в здоровенный валун врезалось ядро. Осколки и того, и другого засвистели над головой, Жермон привычно пригнулся, пропуская брызнувшую беду, и тотчас выпрямился, делая последний прыжок.

Удар был внезапным. Генерала развернуло и бросило лицом наземь. Левый бок пронзила боль, вмиг растекаясь огнем внизу живота. Ранен... Вот придунок...

Глава 6

Хербсте. Печальный язык

400 год R.C. 20-й день Весенних Волн

1

Нельзя подавать виду перед солдатами – дурная примета... Когда они пойдут, когда уже пойдут – не раньше... Ноги подгибались, но Ариго стоял. Как дурак, подставляясь под новые пули. Не как дурак – второй раз было бы слишком, и потом он мог только это. Еще мог... Зацепи его в роще, он бы оперся о дерево. Дерево, стена, скала – все что угодно, но их здесь нет. Значит, стоять! Боль как накатила, так и отхлынула. Не до конца, но это ничего...

Какой душный день, а утро было свежим. Странно, что вновь поднялся туман. Словно хочет скрыть реку, чужой берег, чужие лодки, а они приближаются, только очень медленно. И свои мушкетеры приближаются, беззвучно открывая рты. Как рыбы. У рыб рты именно такие – широкие, губастые, молчаливые...

Жермон шагнул навстречу бегущим солдатам, вернее, его повело. Лодки, облака, люди начинали кружиться и качаться, а туман уже добрался до лощины и полз вверх. И по небу он тоже полз, притворялся облаками, но был слишком низким... Ариго посмотрел вниз и увидел траву и цветы. Желтые цветы с маслянистыми лепестками, залитые чем-то алым. Если разбить живое яйцо, так и будет. Кровь и желток.

– Похоже, ты доигрался!

– Атака, Джордж! Тебе сказано: готовиться к атаке...

– Ложись! Ложись, болван! Рэми, помогай!

– Кошки с вами. Лягу... Сейчас...

Голова кругом, сразу душно и холодно. Джордж бесится, а сейчас еще и Карсфорн явится. И будет нудить... Трава под руками мягкая, весенняя – закрыть глаза и лежать, только земля дрожит. Пушки... Бьют по форту. Бьют по берегу. Бьют по голове.

– Твое дело – атака. Ты за нее отвечаешь... Теперь ты!

– Варден, держи его! За плечи... Сильнее!

Дикая боль. Дикая... и сразу что-то с ногой. Отнимается. Кажется, совсем. Паршиво, но это потом, когда Ансел наконец пойдет в атаку.

– Джордж, ты еще здесь?! Марш вперед!

– Что? Что ты говоришь? Хочешь пить?

Закатные твари, навис, как влюбленный над дамой!

– Встряхнитесь, раздери вас кошки! Эти сейчас... подгребут.

– Тебя в ногу, в бедро. – Оглох и к тому же врет, это не бедро, это хуже. – Рана высоко, жгут не наложить... Но кровь остановилась... То есть останавливается. Лежи смирно.

– Кошки с ней, с кровью... Марш на берег!

– Лежи смирно. А то опять пойдет...

Трешат мушкеты. Раз за разом. Звуки выстрелов, солдатская брань, а у щеки трава. Так странно... Ансел не уходит. Расселся рядом и смотрит – куда, лежа не проследить.

– Джордж... Генерал Ансел, я не умираю. – Жермон не шутил, он... Он бы сейчас огрел Ансела чем придется. Если б мог поднять руку, но проклятая слабость... Накатывает и топит, но он не может... Не может сейчас сдохнуть. И сознание потерять не может, пока не начнут...

– Джордж!

А Джорджа уже и нет. Есть Рэми и Бертольд. Пялятся, как голодные собаки. Дурацкие желтки, то есть цветы, качаются, аж тошнит, а нога таки отказала...

– Что на берегу?

Желтые цветы, духота и тут же холод. А стрельба над головой стихла. Должно быть наоборот, а она стихла.

– Докладывайте!

– Мой генерал, вы ранены.

– А я и не заметил!.. Где Ансел?

– Он... Он сейчас вернется. За доктором послано.

Вернется... Кому он здесь нужен?! Он не возвращаться должен, а выбить «гусей» из-за фашин... Шорохи, скрип камешков под сапогами, то ли пыль, то ли дым, а вернее всего, темнеет в глазах.

– Засиделись, твари закатные! – Так могут орать только сержанты... Но орут не здесь, дальше, то есть ниже... – Вперед!

Начали-таки. Только б успели. Разрубленный Змей, только б успели!

Скрежет, топот, хриплые сорванные голоса, а ты видишь только небо. Кому оно сейчас нужно?! Все небо даром – за возможность увидеть берег. Мушкетеры топают вниз по склону.

Пошли, слава Леворукому, но не поздно ли?.. Выстрелы, ржанье. Лошади? Откуда им здесь взяться... Разве что дриксы поволокли через реку еще и конницу. Вот тебе и Пфейтфайер...

– Докладывайте! – прикрикнул Ариго, ненавидя собственную слабость и заслонившее схватку небо. – Варден, что происходит?

– Второй батальон подошел, – послушно откликнулся Рэми, – но лодки уже близко. Генерал Ансел приказал трубить общую атаку, хотя подготовиться как следует не выходило. Но первым пошел вперед Гирке...

– Что?!

– Не знаю, скольких лошадей он покалечил, но «лиловые» выскочили с дальнего конца холмов. Доскакали до баррикады. Ну а потом и пехота... По ним уже не стреляли.

– Сейчас... что?

Варден ответил не сразу – разглядывал драку в оставленную Анселом трубу, а у лица Жермона качались цветы. Качалось и плыло все.

– Мой генерал, похоже, заканчивают. Дерутся уже в воде, баррикада наша. О, догадались! Используют ее сами – лодки обстреливают. «Гуси» поворачивают...

– Их пушки... Сейчас снова начнут. Бертольд – к ним. Пусть сразу же... как утопят «гусей»... разбирают фашины и уходят... Нечего подставляться под ядра.

Как я – под эту дурацкую пулю. Раньше ведь везло...

2

– Разрешите представиться, – хмуро сказал еж. – Аз есмь Павсаний.

На ежиных иголках поблескивали камешки. Обычные, таких в горах множество у любого ручья, только камням не место на иглах. Не место... Один камешек сорвался и упал в серую пыль. Еж фыркнул и потопал к темной реке. К лодкам, в которые грузилась армия. Черно-белые мундиры, знакомые лица... Они торопились. Размахивали руками, отчитывая нерадивых подчиненных, капралы и сержанты, озабоченно переговаривались офицеры, сидел на барабане, уткнувшись в карту, Вольфганг, а вокруг все гуще клубился туман.

Разрывая непроглядное белесое месиво, ярко светила одинокая звезда. Не звезда – костер на башне. Он указывал путь сквозь мглу. Фок Варзов это видел. Он вел свою армию на огонь, на огонь маяка... Костер пылал ярко и светло, вокруг него роились бледные ночные бабочки, а Жермон лежал на чем-то холодном, глядя на приближающийся обоз.

Опытные старые быки неспешно тащили тяжело нагруженные телеги. То один, то другой наклонял рогатую голову и протяжно мычал. Они не свернут, ни по чем не свернут, а ему не встать и не отползти...

Сквозь мычанье и тележный скрип прорезался одинокий голос. Это ехал на своей Бабочке капрал Кроунер и нараспев читал вирши Дидериха о сладчайшей музыке боя и презрении к смерти. Копыта кобылы, огромные, как тарелки, поочередно опускались на серую землю, тревожа что-то странное. Не песок, не снег, не пыль. Пепел...

– Не ожидал от вас! – сказал Кроунер голосом Карсфорна. – Командующий авангардом любителю на ядро у своих ног, а в него стреляют... Надо полагать, дриксенский мушкетер был в восторге. Такая мишень!

– Уймись, Гэвин. – Лучше Карсфорн, чем сон о пепле. – Я на войне с двадцати лет... По-вашему, торский офицер способен... тарашиться на ядро? Ну шмякнулось и шмякнулось... Может, я еще и о смерти размышлял? Я вам не колбасник и не Дидерих. Это – пуля... На прыжке поймал... С каждым может...

Бруно у них один... Худшему, чем он сам, генералу он не доверит – не рискнет... Да, не рискнет и не доверит. Сам поведет войска на наш берег. Сам! А кто-то дисциплинированный и исполнительный потащится с остатками армии предписанным маршрутом. Уводя за собой наших разведчиков.

– И все равно нечего было лезть вперед. Вы не теньент, на вас вся ответственность...

– Именно. Гэвин, раз уж вы тут... займитесь делом. Мне нужны Лецке, Ансел, Гирке и

Берк.

– Вам сейчас никто не нужен, кроме врача. Его сейчас ищут.

– Врач?.. Какой еще, к кошкам, врач?

Боль говорит сама за себя. Боль и пятна крови на рубашке и штанах. Жгут не наложить. Единственное, в чем Ансел не соврал. Что ж, с раной все ясно. Седьмая и последняя, значит, и возиться с ней нечего. Есть дела поважнее.

– Мы не можем перенести вас в форт без врача. И, ради Создателя, помолчите! Сейчас вам лучше всего...

– Я сам знаю, что мне нужно! – Молчать он не может, но говорить придется короче, что ли... – Унести себя я не дам, с врачом ли, без врача. Пока не увижу всех старших офицеров, не дам.

Слишком много надо успеть. Понесут, растрясут рану, он может не выдержать, а времени терять нельзя. Не ему – фок Варзов, хотя ему тоже... Сперва совет, потом – письма. Рудольфу, Ойгену, сестре... Надо хотя бы сейчас... И не забыть про Валентина. Как это трудно – отмыться, если не плачешь и не каешься. Почему визги слышат и слушают, а дел не видят? Даже лучшие не видят, но Рудольф объяснит молодняку, кто есть кто. Не прикажет считать своим – убедит, он умеет...

Проклятье, смыть отцовское клеймо тяжелей, чем собственное. Войны и той мало, тут только время и поможет, но губить из-за этого молодость? Валентин и так не жил после брата. И не живет...

– Мой генерал.

Гирке и Придд. Легко на помине...

– Граф, благодарю вас... за своевременную атаку. Не думал, что вы решитесь калечить лошадей.

– Я всего лишь выполнил приказ.

Приказ? Чей? Ясно, не Карсфорна и не Ансела. Джордж бы просто не успел – «лиловые» ударили с опережением...

Гирке заслонил молодой полковник.

– Мой генерал, я передал ваш приказ на случай неожиданности на переправе, – отчеканил он. На красивой физиономии стыло то же упрямство, что зимой на берегу реки. Да, мальчик, ты умеешь рисковать... Погнал в бой своих и спас все дело. Говорят, сын походит на отца. Вранье. Полковники походят на своих генералов и маршалов. На тех, в кого верят. На тех, кто верит им. Алва поверил Придду. Правильно сделал...

– Выпей. – Это уже Джордж. – Тебе надо.

– Выпью, когда поговорим. Все здесь?

– Да.

3

Берк, Ансел, Лецке, Карсфорн, Гирке, Придд... Останься ты на ногах, ты бы решил так же. Останься ты на ногах, приказ бы не обсуждался, но раненый генерал... не будем врать хотя бы себе – смертельно раненный – в убедительности теряет. И изрядно.

– Господа. – Ну и голосок: не то кошка драная, не то чайка. – Как мы сегодня видели... дриksы тоже умеют удивлять. Достаточно неприятная неожиданность... не правда ли? Чтобы избежать неожиданностей... еще более неприятных... Корпус покинет Печальный язык и отправится быстрым маршем... на соединение с основными силами.

Здесь в помощь Рёдеру остается Берк и три эскадрона... Два драгунских и один легкоконный... Командовать обороной переправы по-прежнему буду я. На время марша, вплоть до соединения с основными силами... корпусом командует генерал Ансел. Начальником штаба остается Карсфорн. Самочинное возвращение в форт исключается... Вам понятен приказ?

Смотрят друг на друга и на пока еще не тело. Растерянно так смотрят. Жаль, не видно

всех лиц, но Гэвин станет спорить. И Джордж станет, а это хуже. Вот тебе и последний бой, господин командующий. Со своими и за своих.

– Господин генерал, разрешите напомнить... – Карсфорн. Если б не пуля, первым бы взвился Ансел, но перечить раненому трудно. Особенно зная рану, а Джордж ее знает. Один из всех.

– Напоминайте, Карсфорн.

– Господин генерал, у нас имеется четкий приказ маршала Запада. Мы не можем оставлять переправу без должной защиты. Особенно сейчас, когда дриксы показали серьезность своих намерений.

– Кто-нибудь еще так считает?

Молчат. Значит, все согласны или, наоборот, не согласны. Вопрос, с какой стороны считать...

– Джордж, давай твое питье. – Горло пересохло, а говорить придется много. Попробуй-ка объясни то, что сам понял не до конца, да и то в полубреду, но они уйдут, раздери их кошки! Если ты годен хоть на что-то, уйдут.

– Спасибо, Джордж. – Вино... Теперь, чего доброго, решат, что он не только ранен, но и пьян. – Господа, сегодня утром вернулся разведчик. Карсфорн и Рёдер при необходимости сообщат подробности... Баваар и его люди обнаружили след от большого... от очень большого обоза в крайне неожиданном для нас месте...

Это имеет смысл, только если обоз идет вслед за армией... Или впереди нее. Значит, дриксы переправляются через Штарбах и упираются в Хербсте... Для чего? Только для того, чтобы ее форсировать. Больше им в тех местах делать нечего... Сюрприз, подготовленный для всей Западной армии, будет... несколько больше доставшихся нам фашинов и пушек... Боюсь, Бруно *уже* на нашем берегу. Причем там, где мы его не ждали и не ждем... Слишком близко к армии фок Варзов... А она сейчас на марше.

– Это... – Джордж мучительно подбирает слова. – Это... Леворукий знает что такое! Нужно срочно послать разведку и убедиться...

– Делать вывод по каким-то следам несерьезно...

– Я знаю эти места. Двойная переправа через Штарбах и Хербсте – это невозможно...

– Тем более для Бруно...

– Я не вижу достаточных оснований для нарушения приказа. Конечно, маршала Запада следует уведомить немедленно...

– Заодно можно выслать разъезды...

Как сговорились, а голова опять кружится. Вино или рана? Проклятье, им не объяснить, а заставить... Получится ли у тебя заставить? И говори четко. Коротко говори, на длинные фразы тебя не хватает.

– Хватит, господа. Обоз прошел несколько дней назад. С проверкой мы опоздали. О том, что берега там неудобные... что никто и никогда там не переправлялся, я наслышан. Ну и что? Вспомните ту же Ренкваху... Или Хайнриха... «Медведь» презрительно удивил Рокслея. Почему бы Бруно не удивить нас? Если фельдмаршал за зиму все рассчитал и подготовил... у него не только фашины найдутся. У него будут и наплавные мосты хоть в две тысячи бье. Все, что дриksam нужно... это дотащить их до воды. И еще чтобы мы поверили в Павсания...

– Павсания? – На лице Ансела сочувствие мешалось с облегчением. – Ты, наверное, хотел сказать...

– Я сказал, что хотел, генерал. Спросите на досуге герцога Придда. Он объяснит. Господа, надеюсь, я рассеял ваши сомнения. Исполняйте.

– Господин генерал... – Карсфорн с опущенными глазами... Странное зрелище и красноречивое. – Господин генерал, я вынужден заметить...

– Господин генерал, вверенный мне полк будет готов к выступлению через три часа.

– Благодарю вас, Гирке! Ансел, Лецке, когда будете готовы *вы* ?

Боль внизу живота, словно бы исчезнувшая нога – не думать! Есть дела поважнее...

Кровь остановилась, значит, не сегодня. Дня три или неделя. Это если очень повезет или, наоборот, не повезет, но ошибся ли он... Ошибся ли хоть кто-нибудь? Он еще успеет узнать.

– Ансел, Лецке, я жду ответа.

– Господин генерал, мы уложимся в то же время, что и полковник Гирке.

Глава 7
Оллария
Хербсте. Печальный язык
Кольцо Эрнани
400 год К.С. 20-й день Весенних Волн

1

Это сделать нужно. Необходимо. Ричард повторял это себе пятый день кряду. Юноша отпирал дверь в домовую церковь, трогал цветы, менял догоревшие свечи, целовал незабудки возле ног своей святой и уходил, даже не тронув лежавшую на старом плаще реликвию. Нет, он понимал, что сделка после гибели сюзерена становится бессмысленной, но Рамиро предложил обмен, и Ричард согласился. Отец бы его понял, но больше никто. Иноходец не верит снам, он отмахнулся даже от нохских призраков, а эр Август не поверит в невинность Предателя. Между Ветром и Скалами лежит ошибка, а не подлость, но это еще предстоит доказать. Правда о находке в гробнице загладит и ложь Альдо о шкатулке. Катари не зря кричала о браслете – он наверняка был на руке мертвой Октавии или в гробнице Франциска, иначе зачем бы Левию понадобились кости обоих?

Королева вправе потребовать браслет назад. Регент и временный глава олларианской церкви, она обязана вернуть реликвию Талигу, даже будучи эсператисткой. Что ж, придется признаться в том, что герцог Окделл не опроверг ложь Альдо Ракана. Завещание исчезло, но Катари хватит слова Скал, только сперва придется восстановить завещание Эрнани по памяти. Если постараться, это можно сделать.

Дикон устался в золотисто-черную стену, заставляя себя во всех подробностях вспомнить не столь уж и давний вечер. Сюзерен не возвращался. Темнело. За окном выплывал мокрый снег, топились камин, отблески пламени падали на шкатулку, воскрешая давно отгоревший закат. Черная башня на лакированной крышке была той же, что юноша видел сперва в Варасте, а потом – во сне, и в этом таился какой-то смысл. Человек, прятанный завещания, вряд ли сунул их куда попало, но что значит его выбор? Мрачная шутка? Намек? Проклятие? Но кому, Эрнани или Франциску, а может, обоим? Если шкатулку выбирал Рамиро Второй, очень может быть...

Получить корону из рук выскочки, укравшего твою честь и твою мать, умершего в собственной постели и швырнувшего тебе то, что мертвецам без надобности. Вместе с заботой о слабоумном единоутробном брате. Святой Алан, от такого взвоешь!

Окажись на месте Рамиро какой-нибудь Придд или Ферра, он бы вцепился в подачку, но Алва не едят дохлятину. Пасынок отомстил Франциску – странным, извращенным способом, но отомстил. Последняя воля узурпатора отправилась в Закат, а Рамиро остался самим собой, как и Ворон. Великий полководец при никчемном короле, ходячая легенда и ходячий ужас. Вешатель. Спустя Круг его странное послание попало в руки потомку Алана; это не могло быть случайностью, как и открывший тайну меча сон.

Дикон не сомневался, что видел настоящего Предателя. С Вешателем было сложнее – и не потому, что тот слишком походил на похудевшего Рокэ. Рамиро Второй не читал Веннена и не знал ни Альдо, ни Эгмонта Окделла. Оставалось признать, что Ричард говорил с собственными сомнениями, что прорастали сквозь любовь к сюзерену. И ничего удивительного, что у этих сомнений были синие глаза, – Ворон на суде и после него сказал слишком много важного.

Верность запрещает думать, но сон отменяет запреты, и человек видит правду, какой бы горькой она ни была. Подобные озарения сродни пророчествам, хотя ничего чудесного в них нет.

– Да, мы враги, – сказал гостю Ричард. Это было так странно – пить вино с Вешателем, ощущать себя слегка пьяным и при этом твердо знать, что твоего собеседника нет на свете уже триста двадцать лет...

– Да, мы враги, но ваш отец не был ни трусом, ни предателем, как Эктор Придд.

– Не стоит называть трусом того, кто не бросал оружие до последнего.

– Вы слишком снисходительны.

– Увольте. Просто мне не нравится, когда не замечают чужих достоинств лишь потому, что речь идет о враге. Желание видеть на одном берегу сплошное зло, а на другом – крошечное добро удручает. Именно поэтому ваше семейство и наводит тоску.

– Да, мы не мешаем зло с добром и... не станем мешать! Окделлы не изменяют ни своему сюзерену, ни своему слову, ни своей любви... Это нас всегда предавали и предают всякие... Хватит! С этой минуты Скалы говорят только с... с тем, кто достоин!

– Хорошая лоза, не правда ли? Впрочем, в полной мере вы ощутите ее достоинства утром, а вот недостойных недооценивать не советую. Можно не замечать короля, особенно если он не видит вас, но попробуйте не заметить клопа в вашей постели. Вы для него есть, и с этим приходится что-то делать. Клопам не место там, где спят люди, в той же степени, что вашему нынешнему кумиру – на троне.

– Эр... Герцог Алва, вы умерли еще... только поэтому... Альдо – избранник судьбы и Кэртианы. Вы и я тоже, но Ракан выше нас, выше всех!

– Вы стали четче изъясняться, постарайтесь на этом не останавливаться. Согласен, ваш приятель – избранник, только не Кэртианы, а страха собственной слабости. Выросший с этим страхом жаждет стать самым большим, самым сильным, самым жестоким или хотя бы самым подлым и хитрым. Чтобы напасть первым и съесть прежде, чем съедят его.

– Мой государь возвращает принадлежащее ему по праву!

– Это оттуда же... Признать то, что не украшает, даже будь оно четырежды правдой, страшно. Проще объявить себя ходячим божеством, а своих подлецов и дураков святыми. Ну а чужим святым так просто пририсовать когти и хвосты...

– Или вы назовете, кто... дорисовывает, или... Пусть это сон... Вы владеете ипагой или только мечом?

– Не только, но кто, по-вашему, свалил Фабианову колонну и развлекается тасканием мертвецов?

– Вам не дают покоя почести, оказываемые Алану Окделлу!

– Ваш Алан был бы мне столь же безразличен, сколь и ваш батюшка, если б с их помощью не совражали младенцев. Да вы пейте, герцог. Пейте и пытайтесь думать. Чем славен Алан? Убийством, довольно-таки нелепым, к слову сказать, и такой же смертью. Ну, небезупречен был рыцарь, сорвался на том, что ему показалось не то предательством, не то пренебрежением. С кем не случается... Но когда срыв и глупость подают как образец доблести, а потом и тысячи дурней лезут в болото, меня тянет убить Алана еще раз. Заблаговременно.

– Алан Окделл был первым из рыцарей Талигойи.

– Алан был добрым малым, хоть и глуповатым. Он не виноват в том, что из него сотворили ваши наставники, хотя это и не предел. Самым мерзким из подсунутых мне идеалов был некий эр, отказавшийся одолжить другу фамильную ипагу, но проигравший деньги, лошадей и заветное кольцо второго друга. Я был искренне рад, когда идеал отправился в Занху. Нет, не за карточные долги, за попытку убийства, ну да кошки с ним...

Благодарю вас за беседу, юноша, но мне пора в мой Закат. Понимаю, что трудно, но попытайтесь уразуметь: просто человек ... любой – вы, я, король – ничто. Талиг – все. Нами можно и нужно жертвовать ради Талига, Талигом ради нас – ни в коем случае.

Жертвуя им, вы жертвуете не одним человеком, хоть бы и коронованным, а будущим многих тысяч, а значит – новым Кругом. Вернее, Кругами...

Ворон мог глумиться над памятью Алана, мог ненавидеть Альдо, но последние слова не произнес бы никогда, а временщик, вешавший восставших на крепостной стене, – тем более. Это мог сказать перед смертью отец, знай он про Эрнани... Что поделать, Окделлы в самом деле похожи. Алан пожертвовал собой во имя своего короля. Ричард сотню раз закрыл бы друга и сюзерена грудью, но Талигойя ждала другого государя. Дикон понял это еще при жизни Альдо, но гнал от себя подозрения, и те обернулись Вешателем. Повелитель Скал гостя выслушал. Гостя... Самого себя!

Ричард любил Альдо, верил ему, шел за ним, он не бросил сюзерена и после смерти, только Талигойя превыше короля настолько же, насколько король превыше зория, хоть бы и Повелителя. Больше юноша не колебался. Он знал, что поступает правильно, что клятва, которую он даст сейчас, нужна и важна, как не было нужно и важно еще ничто.

Камердинер быстро и равнодушно подал парадный мундир. Орденов Ричард не надел, кроме самого первого. Талигойская Роза останется с ним до конца, а в остальном придется начинать заново.

Грядет новый Круг, но хозяин уходящего не вправе устраниваться. Долг Скал – вырвать Ветер из рук временщиков и оставаться рядом, пока это необходимо. Конечно, для непосвященных мальчик какое-то время еще пробудет Олларом, но имя ничего не значит. В глазах Кэртианы Карл – Борраска. Повелитель Ветра. Хозяин Круга. Законный король, который похоронит порожденные Эрнани раздоры. Клинок Алана в обмен на меч Раканов, оказавшийся мечом Ветра, – это для сна, а для яви – прекращение вражды и служение юному королю. И его матери.

Хорошо смазанная дверь открылась, не скрипнув. Свечи, цветы, блеск вечной росы, синева сапфиров, юность, новый Круг – Круг Ветра... Ветер – это вечное утро и вечная весна – юная девушка с голубыми глазами. Святая. Королева. Мать короля. Любимая.

Одним ловким движением Ричард поднял кинжал и поцеловал клейменный вепрем клинок.

– Моя кровь и моя Честь принадлежат Талигойе и моей королеве.

2

—...потерял много крови. Его нельзя тревожить. Отойдемте, я вас выслушаю...

Карсфорн! Все еще тут...

– Господин начальник штаба, вы не имеете права отдавать распоряжения в обход командующего.

– Полковник Придд, вы тем более не имеете права обсуждать приказы вышестоящих.

Пора вмешиваться, иначе Карсфорн начнет распоряжаться... раньше времени.

– Полковник Придд прав. – Жермон произнес это достаточно громко, чтоб его слышали. – Что там у вас?

– Капитан Баваар со срочным докладом. – Гэвин все же образцовый начальник штаба. Не согласен ни с чем с самого утра, но исполняет.

– Я слушаю.

– Мой генерал... – Какие все же жалостливые морды у прожженных вояк. Чего только не навидались, а плевать на чужую смерть так и не выучились. Может, именно потому, что навидались.

– Я все еще командую авангардом, капитан. – И буду командовать и завтра, и послезавтра... До самого конца. – Докладывайте.

– Мой генерал. К находящемуся на переправе дриксенскому корпусу подошло подкрепление. Пехота. Артиллерия. Тяжелая конница. В общей сложности теперь их тысяч двадцать пять. Близко подойти не удалось, но пушки подтягивают к берегу, и пушки большие.

Вот тебе и Бруно... Задал задачку. Попрет здесь или у Штарбах? Или и впрямь нацелился на Доннервальд, а Печальный язык – обманка... Ну а обоз – это для самых недоверчивых... Треть армии здесь, две трети у Штарбах, хвост у Доннервальда. Треть у Штарбах, остальное здесь... Половина здесь, половина у Доннервальда... Все у Доннервальда, остальное – бред. Твой собственный... Ответ знают только Бруно и закатные кошки, но фельдмаршал прыгнул, а не поплелся по наезженной колее.

– Мой генерал, я очень сожалею о поспешно отосланных сведениях.

– Нечего сожалеть! – Лучше лежачий командующий, чем никакого. Отнесут на стены, и будем стоять... Стоять... лежать... Дидерих бы высказался изящней. – Вы куда, Гэвин?

– Отменять марш. – Карсфорн был искренне удивлен. – В связи с вновь открывшимися обстоятельствами.

– В связи с открывшимися обстоятельствами нам... предстоит сдерживать двадцать пять тысяч. Только и всего. Во фланг фок Варзов нацелилось... в два раза больше. А старик сейчас не в форте за рекой, а на марше.

– Жермон, не хотите же вы...

Хочет. Закрыть глаза и забыть обо всем. Утонуть в выходящем из берегов тумане, поверить ложным маякам, послать все к кошкам и заснуть, но нельзя, потому что... *нельзя*.

– Гэвин, я запрещаю вам... превышать свои полномочия. По крайней мере, пока... – Уточнять не будем, придет время, сам поймет. – Ваше дело – привести подкрепление к фок Варзов. Быстро привести. У вас еще есть дела в форте?

– Нет.

– Тогда найдите мне бумагу и перо и отведите Баваара к Берку и Рёдеру. Пусть доложит то, что видел, и давайте сюда вашего врача. Полковник Придд, перед выступлением зайдете ко мне. У меня будет для вас конфиденциальное поручение.

Через двадцать лет парень будет маршалом, но эти двадцать лет ему нужно как-то прожить. Пусть скачет к Рудольфу. Прямо отсюда. С письмами, одно из которых о нем самом и о мертвом брате...

– Валентин, вы что-то хотите сказать?

– Мой генерал, полк готов к выступлению. Граф Гирке и в дальнейшем может исполнять обязанности его командира?

– Разумеется...

– В таком случае прошу оставить меня в вашем распоряжении. Я полагаю, что принесу здесь больше пользы.

Здесь... С умирающим командиром и тремя тысячами против двадцати пяти, если не сорока. Здесь он докажет... Раз и навсегда. Если, конечно, генерал Ариго не ошибается, а если ошибается? Мертвому спишется все, а тому, кто подыграл генеральскому бреду и остался в форте, который по всем раскладам возьмут? Такое может позволить себе Савиньяк, но не Придд.

– Нет, Валентин, я вас здесь не оставляю. Я понимаю, что вы ищете боя, но война только началась... Вы все еще четыреста раз докажете и Арно, и...

– Мой генерал, тенъент Сэ для меня никакого значения не имеет. В отличие от Печального языка и вашего состояния. Я считаю свои долгом проследить за тем, чтобы ваши приказания исполнялись должным образом. Мне кажется, это не будет излишним.

Леворукий его побери! Нашел, чем взять, почти нашел, потому что оставлять Валентина здесь нельзя. Как бы ни хотелось...

– Берк и Рёдер не нуждаются в переводчиках. То, что я намерен вам поручить, гораздо важнее. Кроме того, у меня к вам личная просьба... Я надеюсь, что моя... сестра скоро будет свободна. Я напишу ей, но будет лучше... если она услышит рассказ очевидца.

– Мой генерал, можете считать это дерзостью, но я не считаю себя вправе вас оставить. Я так или иначе повлиял на принятое вами решение. И я за него в ответе.

– Чушь. После известий об обозе... я мог решить только так. Хватит, Валентин... Приказы не обсуждаются, а я как-то привык... отвечать за свои решения без посторонней

помощи.

– Но для успешного выполнения ваших решений здесь и сейчас помощь вам потребуется.

– Леворукий и все кошки его!.. И как только Алве удалось вас... отослать?

– Мой генерал, я пришел к выводу, что Первый маршал Талига сможет без меня обойтись.

3

Закат выдался такой, что Валме позавидовал закатным тварям и едва не надрал собственные уши за отлынивание от уроков живописи. Кэналлийцы Эчеверрии, которых они только что догнали, стали лагерем на пологом склоне, словно созданном для созерцания небесной мистерии, а Леворукий старался вовсю, не хватало только скрипок.

Запад тонул в золотистой дымке, но небо над ней светилось чистой весенней зеленью, в которой парили плоские перистые облака: снизу белые, сверху – дымчато-серые. Выше изумруды сменяла больная бирюза, которая постепенно синела до эмалево-голубого, а в зените лениво выгибались облачные звери – розовые с фиолетовыми спинами. Звери глядели на замерший над холмами ровный золотой круг, им было не больно – туман над тополями стоял такой, что смотреть на солнце могла бы даже сова.

Ветер шевелил расцветающие травы, донося аромат одичавших садов. Дорак уже отцвел, но у Кольца Эрнани еще бушевала бело-розовая вьюга. Чувство прекрасного распирало, и Валме решил разделить его с Вороном, созерцавшим ту же феерию.

– Сегодня я завидую мазилам, – с ходу сообщил Валме, – а вы?

– Нет.

Краткость ответа Марселя не смутила, но стало слегка обидно за мимолетность красоты.

– Неужели вам не хочется это сохранить?

– В юности хотелось, только я не Рихтер, не Веннен и не Гроссфихтенбаум, а зависть слишком обременительна... Проще стать первым или признать чужое первенство. Ты же не обгонишь лошадь и не переживешь черепаху, так зачем им завидовать?

– Черепаху можно съесть.

– Но не прожитые съеденной черепахой годы не присвоить, а другие черепахи все равно будут смущать твой покой при жизни и преспокойно ползать после твоей смерти.

– Вы правы. – Позор, опять он не может на «ты», несмотря на свершившийся брудершафт! – Маэстро Гроссфихтенбаум думал так же. Помнишь, он сказал, что умрет в тот миг, когда на искреннюю похвалу чужой музыке ответит не рапсодией, а бранью? Но закат все равно жаль... Особенно облака.

– Что ж, поговорим о Закате. Боюсь, ты меня неправильно понял. Ты не просто рискуешь оказаться в Закате, как все, кто ввязался в войну и политику, ты в нем окажешься... Тебя ждет то же, что и Моро.

– И что в этом плохого? – Если Марсель и кривил душой, то лишь чуть-чуть. – Лучше быть Моро, чем... святым Аланом. Воду на нем не возили, мерином не сделали, а под конец он убил кого хотел и при этом кого надо. Тот же Килеан кончил плачевней...

– Судьба Килеана Валмону никоим образом не грозит, – утешил маршал. – Но, прыгая в огонь, не обязательно обливаться касерой. Самое нелепое, что ты не уйдешь, даже если будешь знать все...

– Скорее всего, – не стал кривить душой Марсель. – А чего я не знаю? Про присягу и монстров ты говорил. Судя по некоторым намекам, твоя удача дорого обходится другим? Ну и что? Хотя расскажи, конечно, а то опять окажется, что кто-то кого-то недооценил.

– И это только виконт, который вряд ли станет графом... – Маршалский смешок вышел неприятным. – Что ж, да будет тебе известно, что я проклят. Это напоминает Дидериха, но набралось слишком много доказательств. Я начал их искать, встретившись с

Леворуким. Он оказал мне услугу, о которой я не просил, и отправился по своим делам. Не знаю, когда и с чем он вернется, но долгов он не списывает, можешь поверить.

– Верю, – подтвердил Марсель, хотя этого никто не требовал. – А я думал, с тобой что-нибудь гальтарское...

– И это тоже. Проклят не я лично, а все Алва, вернее, Борраска... Варастийская ветвь просто вымерла, мы оказались крепче. Подозреваю, Леворукого привлекла именно эта моя особенность. Прикончи меня кто-нибудь, и проклятью – конец, поэтому мне и везет.

– А это не... как ее там? Не гордыня? То есть мало ли кому везет. Давенпорту там или нам с папенькой.

– У графа пятеро сыновей, а у тебя четверо братьев. Живых! Предстоит драка почти вслепую, а я по милости древнего страдальца, не ведавшего, что он несет, связан по рукам и ногам. Мне нельзя ничего хотеть, ничего решать, никого к себе подпускать, даже лошадей.

– Это может раздражать, – признал Валме, – но я-то делаю что хочу, и мне это нравится. В конце концов, Валмонов в этом мире достаточно и без меня. Ты это сам только что признал, а до нашей поездки в Фельп я выглядел намного хуже, и уж точно, не будь тебя, я не завел бы собаку, так что моя жизнь всяко стала бы беднее...

– Хорошо, – счастья и благодарности в голосе Ворона не слышалось, – будь твою... Поехали.

– Куда? – спросил Марсель, не то чтоб с подозрением, просто почти стемнело и хотелось перекусить. – То есть поехали, но, может быть, после ужина?

Алва не ответил, просто послал серого вперед. Любопытно, появится у жеребца имя или его так и станут звать Лошадью? Будь бедняга женщиной, он бы рыдал ночами и сжигал портреты Моро.

Красота на небе увядала на глазах, придорожные заросли стали темными, а кэналлийские костры позади – рыжими и яркими. В кустах кто-то вздохнул. Если начнет стелать, станет совсем весело.

Алва молча гнал коня через луг к обсаженной тополями дороге. Какой он все-таки сдержанный! Увериться, что угодил сразу под проклятие и под защиту, решить, что вокруг все станут предавать или умирать, и не пристрелить Штанцлера, чтоб хоть немного успокоиться перед войной и Изломом с его золотыми рожами, чтоб их...

– Марсель!

– Да.

– Я сейчас пересеку дорогу и двинусь вперед. Если я упаду, как в Олларии, ничего не делай. Пусть покажется кровь. Когда ее будет много, забереешь меня в развалины. Их отсюда почти видно.

– Вас – в развалины, – послушно повторил Валме, – а куда рэя Эчеверрию?

– У него есть приказ. Если я не приду в себя, утром он его вскрыет.

Виконт кивнул. Серый Алвы перескочил через ручей. Текучая вода... Не Данар, конечно, но... Спихватившись, Валме дал шпоры коню. Он мог бы поехать рядом, но почему-то пристроился сзади, отстав на полтора корпуса. На небе проступила откормленная луна – не зеленая и не кровавая. На гальтарскую рожу она тоже не походила. Рокэ не падал, кони не шарахались и не упрямились. Ветерок доносил дым костров, шелестели ветви, в них сперва молчали, а потом запели. Соловей. Заявляет миру, что это его куст и его соловья, но как же изящно.

Темный всадник впереди остановился и запрокинул голову. Жалко человека. Мало того что уверился в древних пакостях, так еще и коня потерял. Этого бы Леворукого...

Соловей свистел и щелкал, они слушали, пока Алва, подавая жеребца назад, не вернул его на дорогу.

– Ну и что это значит? – вполголоса спросил Марсель. – То, что вы не упали... Все хорошо или опять что-то не так?

– Это никак. Представь себе кокетку, которая не отвечает ни да, ни нет...

– Вам не отвечает? – уточнил Марсель. – Тогда это все равно «да».

– Это все равно «да», – негромко повторил Алва, и Марселью захотелось проглотить свои слова. – Ты думаешь, что едешь в столицу?

– Я думаю, что *мы* едем в столицу, – поправил виконт. Отправляться за Котиком в одиночестве он не собирался. – Если вам... тебе срочно нужно в Закат, я обойдусь без Котика еще какое-то время.

Алва невежливо отмолчался, то есть принялся напевать. Марсель молчал, вслушиваясь в наполовину понятные слова. Песня была все той же, про несбывшееся, которое можно называть как угодно. Рокэ спрашивал моряка о море, Валме с тем же успехом просил бы рассказать о Франческе и еще о человеке на башне, до которой никому не удавалось доскакать...

«Расскажи мне о море, моряк...»

«Расскажи мне о башне, всадник, – Марсель в первый раз в жизни подбирал слова на чужом языке, – скажи, что за птицы кружат над ней. Расскажи мне о башне, всадник, я всего лишь человек, я не знаю...»

– Соберано! – Рэй Эчеверрия проступил из темноты не хуже закатной твари; правда, он не стenal, не кутался в порванный плащ и не просил подвезти до ближайшей деревни.

– Верните приказ. – Море окаменело, то есть обернулось сталью. – Вы останетесь здесь. Кольцо Эрнани – граница, и вы ее защищаете, от Барсины до Ларитана на востоке и до Нерси на западе. Никто, запомните, никто не должен входить туда. Выпускать – пока тоже никого, но об этом мы поговорим утром. Все.

Вейзель бы начал спорить, Эмиль – шутить и выпрашивать, Эчеверрия просто исчез.

– Рокэ, – шепотом осведомился Марсель, – а что бы они делали, если б вы упали?

– Ты же отвозил Левию книгу... Попробуй догадаться.